detective
thriller

Питер
Джеймс

Кровная месть

Две знаменитые в прошлом актрисы, отчаянные соперницы в борьбе за славу, одна за другой покончили с собой. Ничего необычного для богемного круга: крах карьеры спровоцировал психическое расстройство, приведшее к суициду… Во всяком случае, таково мнение лечащего врача, изложенное в коронерском отчете. Но у детектива-констебля Гленна Брэнсона нашлись веские основания не верить данной версии. Случайно ли это совпадение, или кто-то желал их смерти? Какие тайны связывали этих немолодых женщин? Кто умрет следующим? Ответы на эти вопросы предстоит найти Гленну Брэнсону и Аманде Кэпстик, продюсеру документального фильма о психиатрах, которая по воле судьбы оказалась в эпицентре зловещих событий.

Ранее роман издавался под названием «Одержимый».

месть,психологические детективы,психологические триллеры,жестокое убийство,расследование убийств,маньяки
1998

ru
en

Григорий
Александрович
Крылов

cleed

OOoFBTools-2.37 (ExportToFB21), FictionBook Editor Release 2.6.6
14.04.2017
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23721013
indd предоставлен правообладателем
f6be0850-1aaa-11e7-aec0-0cc47a5453d6
1.0

v 1.0 – создание fb2 – cleed

Литагент
Аттикус
b7a005df-f0a9-102b-9810-fbae753fdc93

Питер Джеймс Кровная месть
2017
978-5-389-13071-5

Питер Джеймс
Кровная месть

Peter James
DENIAL

First published in 1998 by Orion, London

Серия «Звезды мирового детектива»

* * *

Человек, не перегоревший в аду собственных страстей, не может их победить.
Карл Юнг

Пролог

В надменном, стоящем особняком доме, который, не желая отставать от своих не менее щеголеватых соседей по Холланд-Парк-авеню, возвышался на четыре этажа и был отделен от прочих гравийной подъездной дорожкой и металлической оградой, Томас Ламарк, как и каждое утро, в точно определенное (до наносекунд) время – ровно в десять часов тридцать минут – принес завтрак своей матери.
Тридцатисемилетний Томас был очень хорош собой: рост шесть футов и шесть дюймов, привлекательная внешность и обаятельная улыбка. Сейчас Томас был облачен в шелковый халат из модного лондонского магазина «Либерти» и кожаные тапочки от «Гуччи»; посверкивая золотым «Ролексом» на запястье, он распространял запах одеколона «Живанши». Томас намеренно надел халат на голое тело: его матери было приятно осознавать, что у него под тонким шелком ничего нет.

На серебряном подносе стоял изящный чайник из тончайшего фарфора с заваренным чаем одного из самых лучших и дорогих сортов, а рядом – чашка и блюдце из того же сервиза. На подносе лежали свежий номер «Таймс» и одна белая, еще влажная от росы роза, которую Томас только что срезал в саду, – мама всегда любила его маленькие сюрпризы, а сегодня утром сын рассчитывал получить вознаграждение. И очень надеялся, что мать не обманет его ожиданий.
Томас остановился перед ее спальней. Все внутренние двери в доме смотрелись величественно: были обшиты деревянными панелями и белым атласом, имели хрустальные ручки. Но эта дверь на втором этаже, находившаяся прямо напротив последнего марша лестницы с резными перилами, выглядела царственнее всех остальных, что подчеркивал также стоявший на лестничной площадке бронзовый бюст его матери. Даже по прошествии стольких лет эта женщина по-прежнему приводила Томаса в священный трепет.
Правда, случались дни, когда ему хотелось швырнуть в нее подносом и закричать: «Отпусти меня!»; но сегодня он пребывал в ином настроении.
Томас посмотрел на часы, дождался, когда секундная стрелка завершит круг, и ровно в десять тридцать вошел в спальню матери.
Томас бодрствовал всю ночь, сидел перед компьютером, путешествуя по мировому киберпространству: отдыхать он отдыхал, но спал редко. По ночам Томас обычно играл в шахматы с человеком по имени Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, что в штате Флорида, или делился своими размышлениями о внеземных цивилизациях с участниками тематического чата в Сан-Франциско, или обсуждал череду загадочных смертей с автором статей из журнала «Фортиан таймс». Он просмотрел письма с нескольких медицинских сайтов, на чьи новости был подписан, обменялся рецептами с женщиной, живущей на берегу Чесапикского залива, изучил изменения на фондовых биржах по всему миру, заглянув на сайты соответствующих компаний, составил диаграмму роста акций в портфеле матери. Каждое утро он подкармливал ее брокера свежей информацией.
Его ай-кью равнялся 178.
Томас неслышно прошел по ковру, не в силах оторвать взгляд от лица матери; сердце его наполнилось восторгом и… еще одним, прямо противоположным чувством, с которым он боролся всю жизнь. Он поставил поднос на столик в изножье большой кровати с балдахином, отодвинул белое кружево и занавес из дамаста, потом закрепил его шнуром с кисточкой на конце. В спальне пахло духами «Шанель» и маминой одеждой. Это были запахи его детства. Запахи его жизни.
Взволнованный, Томас уставился на мать.
Ее светлые волосы, разметавшиеся по подушке, сияли, словно лучи солнца. Сын знал, что она не откроет глаза и не пошевельнется, пока он не поцелует ее, хотя уже наверняка не спит. Такая у них была игра.
И эти драгоценные секунды, когда она лежала по утрам, вся такая умиротворенная, такая милая и красивая, а он стоял и молча восхищался ею, – эти мгновения были жемчужинами его жизни.
Томаса охватил восторг. Мама сохранила красоту и в пятьдесят девять лет… ну просто ангельское видение. Ее бледное лицо – оно всегда было таким по утрам – сегодня казалось особенно бледным и чистым. Она была само совершенство, на такой изящной красоте и зиждется мироздание.
– Доброе утро, мамочка, – сказал Томас и подошел, чтобы поцеловать ее.
Мать никогда не открывала глаза до поцелуя. И сегодня утром ее глаза тоже оставались закрытыми.
Он только теперь заметил пустые блистеры от таблеток, разбросанные по полу у кровати. Пустой стакан на тумбочке.
Томас почувствовал, как внутри у него все вдруг оборвалось. Еще не успев наклониться, он понял: случилась беда. Вчера мама пришла домой расстроенная. У нее болела голова, и она рано легла.
Его губы ощутили холод ее щеки, вялость кожи. Словно податливое тесто, которое прогибается, если на него надавить, и не возвращается к прежней форме.
– Мамочка? – Он услышал собственный голос и не узнал его.
На полу у кровати стоял пустой пузырек без крышки.
– Мамочка?

От паники у него помутилось в глазах, пол вдруг поднялся, комната качнулась, словно на океанской волне. Он обнял маму, попытался пошевелить ее и приподнять, но она окоченела, словно кусок мяса из морозилки.
Томас пронзительно вскрикнул, взял с пола пустую упаковку, попытался прочесть название лекарства, но перед глазами у него все расплывалось. Покрутил в руках пузырек, но и надпись на нем разобрать тоже не смог. Тогда он бросился к телефону, чуть не упал, схватил трубку и набрал 999.
– «Скорая»? – выпалил он, назвал адрес и номер телефона, а потом, перемежая слова отчаянными всхлипами, зачастил: – Пожалуйста, пришлите машину к моей матери! Глория Ламарк, актриса! Глория Ламарк. Глория Ламарк! Пожалуйста, пожалуйста, приезжайте поскорее! Она приняла слишком большую дозу лекарства.
Томас уронил трубку. Она упала на ковер, потом подскочила, повисла на проводе.
Диспетчер спокойно говорила ему:
– «Скорая» уже выехала. Пожалуйста, оставайтесь на линии, сэр. И постарайтесь ответить на мои вопросы. Пульс у нее прощупывается? Дышит она нормально? Вы в курсе, что именно она приняла? Как давно? Она лежит на спине? Если на спине, то, пожалуйста, поверните ее на бок. Вы не знаете, она принимала лекарства вместе с алкоголем? Успокойтесь, сэр: пока я говорю с вами, «скорая» едет. Не могли бы вы собрать таблетки и показать их врачам? Пожалуйста, убедитесь, что ее дыхательные пути свободны.
Томас обнял мать за шею и теперь прижимал к себе, захлебываясь рыданиями, глотая обильные слезы. Пульс у нее не прощупывался, она не дышала – уже несколько часов как не дышала. Он слышал лишь голос диспетчера службы скорой помощи – далекое крохотное эхо. Томас в ярости схватил трубку.
– Я, вообще-то, учился на медицинском факультете, ты, безмозглая сучка!
Он бросил трубку и снова прижал мать к себе.
– Мамочка, не поступай так со мной! Ты же обещала, что никогда меня не оставишь! Вернись, пожалуйста, вернись, ты должна вернуться!
Он прижал губы к ее рту и постарался открыть его, но тот оставался закрытым, наглухо закрытым. Запертым на замок.
А ключи она выбросила.

1

Девушка улыбалась Майклу сквозь широкий прямоугольник звуконепроницаемого стекла, который разделял тесную радиостудию и не менее тесную аппаратную.
Девушку звали Аманда Кэпстик. Она работала продюсером независимой телевизионной компании, которая снимала документальный фильм о психиатрах. Двадцать девять лет, ниспадающие на плечи светлые волосы, хорошенькое личико и лукавая улыбка, которая проникает в самое его сердце.
Аманда стала первой женщиной, на которую Майкл Теннент взглянул дважды после того, как умерла его жена Кейти. А с тех пор прошло уже целых три года.
Он догадывался, почему так произошло: Аманда была немного похожа на Кейти, хотя внешне, казалось бы, являла собой совершенно иной тип. Кейти при росте пять футов девять дюймов отличалась стройностью и классической красотой. Аманда же была на добрых шесть дюймов ниже, а фигурой напоминала девчонку-подростка. И все же, когда она позвонила и попросила уделить ей полчаса, а на следующий день – это было три недели тому назад – пришла к нему в кабинет, искра снова затеплилась в сердце Майкла, хотя он и думал, что она давно уже погасла. Кейти умела его развеселить. И Аманда тоже, по крайней мере один раз она вызвала у него улыбку.
Томас попытался не замечать девушку напротив, решив сосредоточиться на звонивших ему радиослушателях, но вдруг понял, что сегодня делает все ради Аманды Кэпстик, которая сидит за звуконепроницаемым стеклом в джинсовом костюме и белой футболке, со стильными часами на запястье.

Она стала его аудиторией. Стала еще три недели назад, хотя сегодня он и видел ее в первый раз после той коротенькой встречи. И сегодня только ее присутствие, и ничто другое, позволило Майклу забыть, пусть и на короткое время, тот кошмар, который начался со звонка одного из помощников коронера Вестминстера.

Аманда Кэпстик смотрела на сгорбившегося над своим пультом психиатра в огромных наушниках, видела выражение его лица, частично закрытого микрофоном – шаром из серой резины: глубоко сосредоточенное и серьезное, ну сли-и-ишком серье-е-езное. Доктор Теннент был красив: сквозь мужественный зрелый облик временами отчетливо проглядывали мальчишеские черты; пожалуй, к сорока годам он достиг пика привлекательности, сочетающей все преимущества юности и среднего возраста.
И одевается он соответствующим образом: костюм вроде бы непримечательный, но с модным воротником и ярким галстуком. Темно-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад и зафиксированы с помощью геля; небольшие овальные очки в черепаховой оправе некоторые сочли бы претензией на моду, но Теннenту они придавали вид интеллектуала и… некий оттенок авантюризма.
«Ты прекрасно впишешься в мой документальный фильм», – думала Аманда. Ей импонировал этот обязательный, знающий себе цену человек. Но особенно девушке нравилась его открытость, полное отсутствие высокомерия. Столько врачей, а в особенности психиатров, уставали от своей профессии. Они, казалось, теряли интерес к пациентам, достигнув определенного предела, при котором удовлетворялись приобретенными знаниями и не желали двигаться дальше.
Доктор Теннент явно был другим. Как странно он улыбается, словно бы преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, нарушая некий запрет. Аманда изучила его биографию и выяснила, что три года назад он потерял в автокатастрофе жену, – возможно, все еще скорбит по ней. Еще она знала, что помимо этой программы, которая выходила в эфир на «Ток-радио» каждую среду, с семи до восьми часов вечера, доктор Теннент также вел еженедельную колонку по психиатрии в «Дейли мейл». Его особенно интересовали две патологии: обсессивно-компульсивное расстройство и дисморфофобия (научное название того, что журналисты именуют синдромом воображаемого уродства). Теннент регулярно мелькал в прессе и на телевидении: либо просто высказывал свое мнение, либо выступал в качестве эксперта на судебных слушаниях.
Три дня в неделю он принимал частных пациентов в Шин-Парк-Хоспитал близ Патни, а еще два – работал с пациентами, которых исследовали психиатры в Принцесс-Ройял-Хоспитал, больнице при Высшей медицинской школе. В упомянутом учебном заведении Теннент был почетным профессором. Он имел репутацию филантропа: делал пожертвования в пользу общественных организаций, оказывающих помощь людям, которые страдали фобиями и расстройствами. И еще он всегда шел навстречу больным: был готов снизить плату за свои услуги, если пациент не мог получить помощь Национальной службы здравоохранения или оплатить страховку.

Майклу так и не удалось узнать секрет, как устроиться поудобнее в этой студии-живопырке. Тут либо стояла такая жара, что с него пот катил градом, либо от усиленно работающего кондиционера начинали слезиться глаза. Плохо пригнанные наушники постоянно соскальзывали. Кофе с каждым днем, казалось, становился слабее, а одноразовые стаканчики все сильнее воняли пластмассой. Да еще вдобавок у Майкла постоянно возникало искушение щелкнуть одним из выключателей пульта; ему стоило немалого труда не отвлекаться на качающиеся стрелочки – индикаторы громкости, не прикасаться к микрофону или к пульту, где висело написанное от руки предупреждение: «НЕ ВЫКЛЮЧАТЬ!»
Как правило, во время эфира Майкл не нервничал: просто расслаблялся, настраивался на работу и делал все, что в его силах, чтобы помочь людям в стрессовой ситуации, которые не знали, к кому еще обратиться за помощью. Но сегодня вечером его отвлекала Аманда. И еще доктор Теннент никак не мог выкинуть из головы страшную новость: одна из его пациенток, актриса, совершила самоубийство. Стало быть, он недоглядел, что-то упустил – Майкл чувствовал себя виноватым в случившейся трагедии.

Обычно ему казалось, что час передачи пролетал стремительно, но сегодня время ползло как черепаха. Вопросы задавали трудные, а он, пытаясь играть на публику и желая произвести впечатление на Аманду, утратил непосредственность и теплоту, обычно свойственные ему при общении с радиослушателями.
Но время эфира, слава богу, подходило к концу. И вот в последние десять минут ему досталась некая Мардж из Эссекса. Откровенно говоря, Майклу очень хотелось ее придушить. Она разговаривала с ним таким тоном, словно он был не известным врачом, а кассиршей, обсчитавшей ее в супермаркете.
Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Теннент мягко произнес:
– Полагаю, Мардж, вам стоит еще раз перечитать ту книгу, что вы упомянули. Понятие «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг, а вовсе не Зигмунд Фрейд. Неплохо бы освежить свои знания.
– Я так не думаю, доктор Теннент, – раздраженно ответила радиослушательница. – И вы, кстати, так и не объяснили, что означает мой сон. Про выпадающие зубы. Ну, что это значит?
Редактор сказал ему в наушники:
– Закругляйтесь, Майкл, через шестнадцать секунд новости.
Майкл кинул взгляд на часы над головой Аманды Кэпстик – до семи и впрямь оставались считаные секунды.
– Это весьма распространенный сон, Мардж. Я подробно рассказывал о нем две недели назад. В жизни человека есть два периода, когда у него выпадают зубы. Сначала – молочные, что означает появление проблем, связанных со взрослением, в особенности проблемы ответственности. Другой период, – продолжал Майкл со злорадством, какого и сам от себя не ожидал, – тот, который вы, судя по вашему голосу, сейчас переживаете. Ваш сон символизирует страх перед старостью и всеми проблемами, которые она несет с собой: потерей привлекательности, угасания прежних способностей, наступления беспомощности. Иными словам, беззубости.
– Но Фрейд толкует это иначе, – возразила женщина.
В наушниках прозвучал голос редактора:
– Десять секунд.
– Наша передача подошла к концу, – сказал Майкл. – Надеюсь, что хоть немного вам помог.
Он щелкнул выключателем, снял наушники и почувствовал, как струйка пота бежит у него сзади по шее. Аманда Кэпстик снова улыбнулась ему из-за стеклянной перегородки, одобрительно подняв большой палец.
Майкл в ответ поморщился и пожал плечами, потом залпом допил остатки холодного кофе.
Дверь открылась, и, торжественно кивая, вошел редактор Крис Бимиш – среднего роста, бородатый, с птичьими глазами, в которых застыло подозрительное выражение.
– Ну, как вам сегодняшняя передача? – Майкл каждую неделю задавал этот вопрос.
А Бимиш каждую неделю давал ему один и тот же ответ:
– А что, хорошо, я думаю, людям понравилось.
– Боюсь, что-то у меня сегодня не заладилось, – сказал Майкл. – Я был далеко не на уровне.
– Да нет, думаю, людям понравилось, – повторил Бимиш, выступая от имени предполагаемых трехсот восьмидесяти двух тысяч радиослушателей. Он вроде как считал себя их уполномоченным.

– Вы были просто великолепны, – сказала Аманда Майклу несколько минут спустя, когда они прошли мимо охранника в пустой вестибюль. – Вы очень доверительно разговариваете со слушателями.
– Спасибо, – улыбнулся Майкл. – Но сегодня был не мой день.
– Я бы хотела использовать часть вашей передачи в своем фильме. Вы позволите?
– Конечно.
– Мы могли бы попытаться сделать запись в живом эфире, чтобы уловить ваш непосредственный стиль общения. – Она помолчала, потом добавила: – А вы никогда не задумывались о создании собственного телевизионного шоу? Что-нибудь вроде «В кресле психиатра» Энтони Клера?
– Я не уверен, что теле– или радиопсихиатрия приносит людям пользу, – ответил он. – Откровенно говоря, у меня на этот счет сильные сомнения. Десять минут – это ведь очень мало.

Даже получаса и то недостаточно. Иной раз мне начинает казаться, что я приношу таким образом больше вреда, чем пользы. Трудно обсуждать проблему, не видя лица пациента, его мимики и языка тела. Поначалу я думал, что подобная передача заставит людей с большим доверием относиться к психиатрии. А теперь вот боюсь, что ошибался.
Они подошли к двери. Майклу нравился аромат ее духов – изысканный, чуть терпкий. Еще несколько секунд – и Аманда уйдет, а он отправится домой, проведет еще один вечер в одиночестве, сунет в микроволновку какой-нибудь полуфабрикат, пощелкает пультом телевизора, или попытается погрузиться в чтение, или сядет писать очередную статью, или…
…А ведь надо еще составить отчет, который затребовал у него помощник коронера.
Майклу отчаянно хотелось задержать Аманду. Но он уже столько лет не флиртовал с женщинами, что давно растерял даже те скромные навыки, которые у него когда-то имелись. А вдруг она замужем?
Он украдкой кинул взгляд на ее руки, но обручального кольца не увидел. У нее были удивительно маленькие и худые руки, лак на ногтях облупился, словно она была из работяг, которые не слишком заботятся о своем внешнем виде. И это еще больше расположило его к Аманде. Майкл не любил безупречность. Слишком многие из его пациентов были перфекционистами. Он предпочитал людей с простыми человеческими слабостями.
– Может, зайдем куда-нибудь выпить? – предложил он, удивляясь тому, как непринужденно звучит собственный голос. – У вас есть время?
Их взгляды встретились. У нее были красивые глаза, ярко-синего цвета, необыкновенно живые. Аманда улыбнулась, посмотрела на часы, потом отвернулась и уклончиво произнесла:
– Спасибо, но у меня как раз на восемь часов назначена встреча. Извините.
– Нет проблем, – сказал Майкл, скрывая разочарование за веселой улыбкой и спрашивая себя, с каким же это счастливцем у нее свидание.
По пути домой он думал об Аманде, неспешно ведя свой «вольво» на юг, через мост Патни, а потом вверх по крутому склону улицы. Вспоминал ее улыбку за стеклом студии. Вспоминал взгляд, которым она одарила его на прощание. А ведь во взгляде этом определенно присутствовала симпатия.
Да, Аманда отвергла его предложение выпить, однако…
Показалось ему или в самом деле в ее отказе сквозила некоторая досада?
Ничего, будут и другие возможности. Они еще встретятся. Или… Черт побери, он может позвонить ей прямо завтра и попытать счастья. Почему бы и нет?
«А вот интересно, доктор Майкл Теннент, чем ты можешь привлечь эту девушку? Ты на десять лет старше ее. Она молодая, эффектная, успешно делает карьеру – да весь мир у ее ног. А ты для нее всего лишь старпер на „вольво“.
Да и профессионал ты тоже не ахти какой. И доказательство тому – в сегодняшней утренней газете. Тебе остается только надеяться, что эта газета не попадется на глаза Аманде Кэпстик.
И тем не менее я ей понравился. Точно. По-настоящему понравился. Ну да, у нее была назначена на сегодня встреча, так что с того?»
Майкл решил, что позвонит Аманде завтра утром.
Откажет так откажет – ничего страшного.

2

9 июля 1997 года, среда

Никто и нигде не готовит нас к смерти. А между тем это следует включить в школьную программу. Однако учителя учат нас, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Я ношу эту ерунду в голове вот уже двадцать пять лет, но так ни разу и не воспользовался своим знанием. Нас учат, как спросить по-французски дорогу к ратуше. Но за тридцать семь лет, что я живу на свете, мне это ни разу не понадобилось.

Однако самому важному нас не учат: мы понятия не имеем, что будем чувствовать, когда умрет близкий человек. А ведь однажды это непременно произойдет с каждым из нас, как только что случилось со мной. И вот я остался один, и мне самому придется со всем справляться и думать, как жить дальше.

Похоже, существует целая последовательность эмоций, через которые нужно пройти. Потрясение. Отрицание. Гнев. Чувство вины. Подавленность.

Я испытал потрясение, зафиксировал его. Прошел через отказ принять случившееся. Поставил галочку и против этого чувства в списке. Теперь я переживаю гнев.

Я зол на многих людей. Но больше всего я зол на тебя, доктор Майкл Теннент.

Это ты убил мою мать.

3

«9 июля 1997 года, среда

Доктору Гордону Сэмпсону, коронеру Вестминстера, от доктора Майкла Теннента, доктора медицины, члена Научно-исследовательского совета по психиатрии.

ОТЧЕТ

Тема отчета: Глория Дафна Рут Ламарк, ныне покойная.

Глория Ламарк была моей пациенткой с марта 1990 года. До этого она систематически проходила лечение у моего коллеги, доктора Маркуса Ренни из Шин-Парк-Хоспитал, с 1969 года и вплоть до его ухода на пенсию в 1990 году. История болезни Глории Ламарк свидетельствует о том, что она постоянно наблюдалась у психиатров с 1959 года и принимала антидепрессанты (см. прилагаемый перечень).

Моя последняя встреча с пациенткой, состоявшаяся 7 июля, в понедельник, была абсолютно бесплодной. В последние месяцы я чувствовал, что она понемногу продвигается к осознанию своих трудностей и к принятию того факта, что по складу характера не отвечает требованиям, которые налагает на человека актерская профессия. И я пытался пробудить в ней интерес к другим занятиям, в особенности к благотворительности, поскольку в этой сфере миссис Ламарк могла бы быть полезной обществу и, таким образом, вести полноценное существование.

По моему мнению, покойная была женщиной крайне неуравновешенной, страдала от психического расстройства, что мешало ей вести обычную социально активную жизнь и фактически превратило ее в затворницу. Упомянутое психическое расстройство начало развиваться у больной еще в детстве или в юности, а крах ее артистической карьеры в середине 1960-х годов определенно стал своего рода спусковым крючком, спровоцировав дальнейшее ухудшение ее состояния».

Майкл, находившийся в своем домашнем кабинете, перемотал пленку диктофона, прослушал начало отчета, а потом продолжил:

«Глория Ламарк сыграла главные роли (некоторые уже в статусе кинозвезды) в нескольких фильмах в конце 1950-х – начале 1960-х годов, однако перестала быть востребованной

актрисой, когда ей не исполнилось еще и тридцати. Крах своей карьеры она объясняла рядом факторов. Рождением сына Томаса. Распадом брака. Интригами соперниц, в особенности актрисы Коры Берстридж, которая, по навязчивому убеждению пациентки, будучи завистницей и карьеристкой, просто из кожи вон лезла, чтобы погубить ее, и намеренно отбирала у нее лучшие роли в фильмах.
По моему мнению, главной причиной крушения карьеры покойной стало ее психическое расстройство. Она никак не могла принять реалии жизни или признать их существование. Глорию Ламарк отличало гипертрофированное самомнение, которое требовало постоянной подпитки и временами, когда ставились под сомнение ее таланты или способности, проявляло себя приступами насилия и неконтролируемой ярости, вплоть до нанесения физических травм другим людям.
Несколько раз покойная поднимала на приеме тему самоубийства, хотя, согласно моим записям, в последние два года этого не случалось. Имеются сведения, что она дважды предпринимала попытки суицида: в 1967-м и в 1968 году, после провала театральной постановки, с помощью которой она хотела вернуться в профессию. Пациенты, которые ранее уже покушались на собственную жизнь, относятся к зоне риска, и я не забывал об этом, работая с Глорией Ламарк. Однако, ввиду того, что оба раза дозы принятых больной лекарственных препаратов были незначительными, а также учитывая содержание оставленных ею записок и прочие сопутствующие обстоятельства, я пришел к выводу, что эти попытки были скорее криком о помощи, чем серьезным намерением действительно покончить с собой.
Закончив карьеру, Глория Ламарк имела возможность продолжать жить безбедно, поскольку унаследовала значительную часть недвижимости мужа, немецкого промышленника Дитриха Буха, который погиб, катаясь в горах на лыжах, еще до завершения бракоразводного процесса. С середины 1960-х годов смыслом жизни покойной стал ее сын Томас, который вплоть до самой ее смерти проживал вместе с матерью; Глория Ламарк полностью, просто патологически зависела от него – как в эмоциональном, так и в социальном плане».
Майкл перестал наговаривать текст на диктофон. Его показания почти наверняка будут зачитываться в суде. Он должен подумать о чувствах молодого человека. Глория Ламарк редко говорила о своих отношениях с сыном, которого врач ни разу не видел, и эти отношения всегда беспокоили Майкла, но ему так и не удалось выудить из пациентки всю правду.
Насколько доктору Тенненту удалось выяснить, парня по какой-то причине выгнали из школы, и в детстве он долгие годы находился под наблюдением психиатра. Майклу казалось, что пациентка усиленно скрывает какой-то наличествующий у ее сына дефект; однако врач так и не смог понять, делает она это ради любимого мальчика или же с целью защиты собственной репутации.
В пятьдесят девять лет Глория Ламарк все еще была красивой женщиной. После того как муж бросил ее, у нее было несколько романов, но все они продолжались недолго, а когда сыну исполнилось лет тринадцать или четырнадцать, она и вовсе прекратила встречаться с мужчинами.
Теннент знал, что в детстве Томас Ламарк в основном учился на дому. Глория сообщила Майклу, что ее сын хотел стать врачом и поступил на медицинский факультет, однако вскоре (ему так и не удалось узнать, по какой именно причине это произошло) молодой человек бросил учебу и вернулся домой. Друзей у него вроде бы не было.
Майкл не сомневался: это следствие того, что Томас так и остался несамостоятельным – его поступками руководила мать. Неразумное собственническое чувство, подавляющее личность ребенка, не редкость для матерей, однако Теннент подозревал, что в данном случае дело зашло слишком далеко.
Глория всегда говорила ему, что Томас во всех отношениях идеален. Вполне характерное для нее представление: она могла произвести на свет лишь сплошное совершенство. У психиатра сложилось впечатление о ее сыне как о человеке безропотном, слабом, затюканном и неадекватном.
«Вот бедняга, каково-то ему теперь?» – спрашивал себя Майкл.

Ох уж это место. Лестница. Многоэтажная парковка. Серый железобетон. Использованные шприцы и разорванные упаковки от бургеров. Запах мочи. Лампы в потолке сквозь фильтр дохлых мух и пыли выдавливают из себя слабые лучи света.
Это место не вызывало у Тины Маккей особой неприязни по утрам, когда вокруг непременно были люди, а естественного света хватало, чтобы разглядеть граффити. Другое дело по вечерам, в сумерках или темноте: декорации парковки распаляли воображение, вызывая самые разные мысли, которые ей хотелось прогнать прочь.
У Тины за спиной хлопнула дверь, заглушив рычание машин на улице Хай-Холборн своим пустым, раскатистым грохотом, и девушке показалось, будто она стоит внутри барабана.
Потом, шарахаясь от каждой тени и невольно вспоминая газетные репортажи о расчлененных трупах, она стала подниматься по лестнице – надо было преодолеть пять пролетов. Именно этот отрезок дороги домой она ненавидела всей душой. Но сегодня Тине было о чем подумать, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.
Сегодня она идет на свидание!
Тина прикидывала, что наденет, стоит ли помыть голову, и пришла к заключению, что времени на это уже нет.
Она продолжала перебирать в уме: сумочка, помада, духи. Туфли?
«Черт! Я забыла взять из ремонта черные замшевые туфли! Они бы идеально подошли к сегодняшнему наряду, а теперь придется срочно что-то придумывать.
Черт возьми, ну надо же было так лохануться!»
Кто-то выдернул из-под нее день, словно громадный ковер. Такое случалось нередко, время просто заканчивалось, груды рукописей копились, листы становились длиннее, и она не успевала отвечать на неуклонно растущее число звонков. Но сегодня Тина решила забыть обо всем этом. Сегодня она почти не боялась эха собственных шагов, обычно так пугавшего ее на пустой лестнице. Сегодня она думала о Тони (достопочтенном Энтони!) Реннисоне. О таком правильном, серьезном, интеллигентном мужчине, застенчивом и забавном.
Она явно ему нравилась.
И он ей тоже нравился. Обалдеть!
И внезапно Тина Маккей, которая всегда вела себя так, будто она старше, чем на самом деле, снова превратилась в девчонку. Две недели назад, еще до их знакомства с Тони, прежде чем он в первый раз пригласил ее на свидание, она была тридцатидвухлетней женщиной, которая держалась так, будто ей все сорок два. Или, может, даже пятьдесят два.
У Тины, невысокой, коротко стриженной шатенки, было приятное лицо: простое, но не лишенное привлекательности. Благодаря манере одеваться и держать себя она производила на окружающих впечатление очень надежного человека. Люди инстинктивно доверяли Тине: в школе она неизменно была старостой, а теперь стала шеф-редактором «Пелхам-Хауса», одного из крупнейших лондонских издательств. Она основательно перешерстила отдел беллетристики и обновила перечень выпускаемых там книг, а теперь вплотную занялась переживавшими кризис научно-популярной и документальной литературой.
Но сегодня Тина чувствовала себя школьницей, и бабочки в ее душе все сильнее махали крылышками с каждым шагом, приближавшим ее к машине, к дому.
К свиданию.
Принадлежавший Тине «гольф» со сломанным глушителем стоял на своем месте в дальнем углу, его багажник торчал под гигантской трубой отопления, которая в сумерках походила на какое-то притаившееся в засаде хищное животное. Автомобиль приветствовал появление хозяйки резким гудком и подмигиванием фар. Тина немного удивилась, когда, открыв дверь машины, увидела, что лампа в салоне не загорелась.
Она села, пристегнулась ремнем безопасности. Но когда вставила ключ в замок зажигания, внезапно открылась задняя дверь, и какая-то высокая фигура уселась на пассажирское место.
Мужской голос, отрывистый и уверенный, где-то совсем рядом, в считаных дюймах от ее лица, произнес:
– Помните меня?
Она замерла.
– Я Томас Ламарк. – Мужчина говорил так, будто у него во рту перекатывался ледяной кубик. – Ну что, вспомнили?

«Господи боже! – подумала Тина, пытаясь сообразить, что происходит. В машине сильно пахло одеколоном „Живанши“. Тем же одеколоном пользовался и тот, кто пригласил ее на свидание. – Неужели это Тони придумал какой-то розыгрыш? Нет, голос другой». Низкий голос звучал спокойно и уверенно. В нем слышалась холодная красота. Леденящая, почти поэтическая. Пальцы девушки нащупали дверную ручку.
– Нет, – ответила она. – Извините, но не припоминаю.
– Вы должны помнить мое имя. Томас Ламарк. Вы отвергли мою книгу.
Никого поблизости не было. Охранник сидел в будке пятью этажами ниже.
– Вашу книгу?
Лица собеседника Тина не видела: говорила с силуэтом – высоким, стройным силуэтом.
– Да, вы ее отвергли.
– Извините, – сказала она. – Я… ваше имя ничего мне не говорит. Томас Ламарк?
– Вы еще написали мне письмо. Оно у меня с собой.
Тина услышала шуршание бумаги, потом его голос:
– «Уважаемый мистер Ламарк! Спасибо, что прислали нам рукопись своей книги „Авторизованная биография Глории Ламарк“. После внимательного прочтения мы вынуждены с сожалением сообщить Вам, что не сможем ее опубликовать. Надеемся, что в других издательствах Вас ждет успех. Искренне Ваша, Тина Маккей, шеф-редактор».
Наступило молчание. Тина прикидывала, есть ли у нее шансы открыть дверь и броситься наутек.
– Это ваше сожаление, Тина, оно искреннее? Вы и вправду сожалеете? – спросил он и добавил: – Мне нужно знать. Для меня это очень важно.
Тут стояли и другие машины.
«Через минуту-другую может кто-нибудь появиться, – подумала она с надеждой. – Постарайся выиграть время. Он псих, и этим все объясняется. Просто псих».
– Вы хотите, чтобы я перечитала рукопись еще раз? – Голос ее звучал тоненько, испуганно.
– Да вроде как перечитывать уже поздновато, не правда ли, Тина?
– Видите ли, мы используем сторонних рецензентов. Я… наше издательство получает очень много рукописей, иной раз до двух сотен в неделю, так что все я просто физически не могу прочесть.
– И моя рукопись показалась вам недостаточно важной, так?
– Нет, я не это имела в виду.
– А я думаю, именно это, Тина. Я вложил в книгу немало труда, но вы решили, что ее вполне можно не читать. Это биография моей матери, Глории Ламарк.
– Глории Ламарк? – повторила девушка, и горло ее перехватило от страха.
– Вы никогда о ней не слышали?
Вопрос прозвучал презрительно и агрессивно одновременно.
– Я… послушайте, мистер Ламарк… А давайте вы оставите мне рукопись, и я внимательно прочту ее, обещаю.
Тут его тон неожиданно потеплел, и на мгновение надежда вернулась к ней.
– Знаете что, Тина? Я бы очень хотел это сделать. Правда. Вы должны мне верить, я говорю искренне.
Она увидела, как сверкнул в полумраке металл. Услышала щелчок и хлопок. Потом наступила тишина.
– Что это было? – спросила она.
– Я подбросил монету. О, это особенная монета. Она принадлежала моему покойному отцу. Золотая монета достоинством в двадцать марок, отчеканенная в ландграфстве Гессен-Дармштадт в тысяча восемьсот девяносто втором году, в последний год правления Людвига Четвертого. Я просто подбросил монету. Орел или решка. Единица или ноль. Двоичный код. К нему можно свести все в этой жизни. Кстати, по такому принципу работают компьютеры. Вы знали об этом, Тина? Да или нет. На этой планете все либо черное, либо белое, как в двоичной системе. В простоте есть великая красота. Если бы вы прочли мою книгу, то знали бы это.
– Я… я обязательно ее прочту.
– Нет, момент уже упущен. Все надо делать вовремя. Вы никогда об этом не задумывались?
– Никогда и ни для чего не бывает слишком поздно.

– Нет, Тина, вы ошибаетесь. И вести разговоры уже слишком поздно. – Он снова подбросил монету и констатировал: – Орел. Вы знаете, что означает орел?
– Нет.
– А если бы прочли мою книгу, то знали бы.

5

«И что только, черт побери, я в тебе нашла?»
В былые времена Аманда умерла бы ради этого мужчины, но сегодня ей казалось, что она сидит в ресторане за столиком с каким-то совершенно незнакомым типом.
Звали его Брайан Трасслер. Сорок шесть лет, худое, суровое лицо основательно потрепанного жизнью человека. Он коротко стриг свои редкие светлые волосы, за исключением нескольких длинных прядей, которыми прикрывал лысину. Под видавшим виды серым пиджаком от «Армани» черная рубашка с ярким галстуком. У Брайана имелись жена по имени Линда и два маленьких сына – Эдам и Оливер, а также три модные машины и мотоцикл «харлей-дэвидсон». Хотя по общепринятым меркам Брайан и не был красив, Аманда всегда с ревностью отмечала его способность привлекать женщин. Когда они познакомились семь лет назад, Брайан излучал удивительную энергию, Аманда прежде ни разу не встречала ничего подобного. Глядя на него, можно было подумать, что он, если захочет, запросто горы может свернуть. Именно эта его энергия вкупе с благоговейным трепетом, который Брайан Трасслер невольно вызывал, будучи знаменитостью, мгновенно привлекла к нему девушку.
Их роман начался на первом же свидании, в номере отеля «Хальсион», после ланча в ресторане «Каприз». А закончила его Аманда семь лет спустя, тоже в «Капризе». Это было два месяца назад. Почти день в день.
Брайан, казалось, постарел за то время, что они не виделись. Волосы потеряли прежний блеск, лицо побагровело, покрылось сеточкой лопнувших капилляров – годы пьянства сделали свое дело. Глядя на него, можно было подумать, что он вот-вот рассыплется на части.
Аманда отдавала себе отчет в том, что если бы она все еще любила этого человека, то, вероятно, ничего не заметила бы. Прежде она любила каждый волосок на теле Брайана и не могла представить себе жизни без него. И вполне возможно, что так продолжалось бы и по сей день, если бы он не предал ее.
Если бы Брайан был честен с ней… если бы он держал свое слово…
Думаете, миллион «если»? Нет, всего лишь несколько, но таких, которые действительно имеют значение.
Аманду удивило, что сейчас она вообще ничего не испытывает по отношению к этому человеку. Она боялась этой встречи и сама толком не понимала, почему согласилась прийти. Может быть, пожалела Брайана – он пребывал в расстроенных чувствах, постоянно ей названивал, бомбардировал письмами по электронной почте и факсами, присылал цветы, умолял… А может быть, ей просто нужно было увидеть его еще раз, чтобы убедиться в правильности принятого решения.

> И теперь именно это с ней и произошло. Аманда испытала огромное облегчение. Наконец-то, по прошествии семи лет, она освободилась от чувства, которое буквально поработило ее. Теперь она могла пройти мимо «Каприза», не испытывая внезапной боли в сердце. Она могла слушать «Lady in Red»
> [1]
> и не тосковать о Брайане всем своим существом. Могла проснуться утром, не страдая оттого, что сегодня суббота и она не увидит его до вечера понедельника. И если прежде его звонки были маяками в ее жизни, то теперь они стали помехой.

И спустя семь лет та простая мысль, которую близкие все это время пытались вдолбить Аманде в голову, наконец-то дошла до нее: «Брайан Трасслер, ты полное дерьмо, черт бы тебя побрал».
Он вытащил пачку сигарет, закурил.

– Аманда, не поступай так со мной, – взмолился он. – Я очень тебя люблю. Я тебя просто обожаю.
– Знаю, – безучастно сказала она.
Брайан уставился на нее, барабаня свободной рукой по столешнице, покрытой скатертью. Смотрел воспаленными глазами, и Аманда подумала, что выглядит он так неважно оттого, что не спит. Он ей говорил, что не может уснуть, поскольку все время думает о ней, и ей от этого было не по себе. Она не желала ему зла.
Брайан тяжело дышал.
– Я готов уйти от Линды.
Линда была хорошенькой женщиной с коротко стриженными темными волосами и неизменно печальным выражением лица; она словно бы знала, что с ее браком что-то не так. Аманда никогда не питала к сопернице ненависти, только зависть, а временами ее одолевало чувство вины перед Линдой.
Она отрицательно покачала головой:
– Нет, Брайан, ты не готов от нее уйти. Я слышала от тебя эти слова бессчетное число раз.
– Теперь все изменилось.
«Уж не утратил ли Брайан способность отличать правду от лжи, в сети которой существовал?» – спрашивала себя Аманда. Она познакомилась с ним, будучи двадцатидвухлетней девушкой, выпускницей киношколы. Аманда тогда отправила свое резюме, узнав о вакансии ассистента в его продюсерской компании. На собеседовании Аманда впала в панику, потому что разговаривал с ней сам Брайан Трасслер – она видела это имя в титрах. Иногда он выступал в качестве режиссера, иногда – продюсера во множестве успешных телевизионных сериалов: «Билль», «Лондон в огне», «Шутиха», «Мороз», «Несчастный случай».
Потом Аманда узнала, что Брайан был мошенником и беззастенчиво грабил собственную компанию. Если руководство Би-би-си выдавало ему на съемки очередной серии двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, то он обходился меньшей суммой, а разницу использовал творчески. Он давал взятки и брал их сам.
Меньше всего Брайан Трасслер стремился создать продукцию высокого качества или получить награду, его не волновал престиж, его интересовало лишь одно: выдоить из системы кинопроизводства как можно больше денег. Он имел репутацию успешного производителя стандартных, надежных сериалов о буднях полицейских или врачей. Его ничуть не беспокоило, что в художественном плане американские «Скорая помощь» и «Полиция Нью-Йорка» были несоизмеримо выше его творений.
И в самом начале их бурного романа Аманду это тоже не беспокоило. Она, двадцатидвухлетняя девушка, которая была без ума влюблена в одного из богов телевидения, получила возможность постоянно встречаться со звездами и участвовать в создании рейтинговых, предназначенных для показа в прайм-тайм сериалов, – о таком старте карьеры можно было только мечтать! Брайан сказал ей, что его брак якобы уже несколько лет существует только на бумаге, он, дескать, собирается расстаться с женой и – знал, чем можно ее завлечь, – вдобавок намерен дать Аманде возможность поставить свой собственный сериал.
Четыре года спустя он по-прежнему оставался женатым человеком, а до собственного сериала дело так и не дошло, поэтому Аманда уволилась из его компании и заняла более перспективную должность в «20–20 Вижн». Но порвать с Брайаном она так и не смогла. Предприняв однажды отчаянную попытку расстаться, Аманда, чувствуя себя глубоко несчастной, провела без него целых три месяца, но после очередного ланча со спиртным они снова оказались в одной постели.
И вот теперь она смотрела, как он жадно и нервно курил сигарету.
– Ты забрал семь лучших лет моей жизни, Брайан. Мне уже двадцать девять, ты понимаешь? Мои биологические часы тикают, и ты должен быть справедлив по отношению ко мне. Я хочу иметь мужа и детей. Хочу проводить выходные с мужчиной, которого люблю.
– Ну так давай прямо сегодня начнем жить вместе, – предложил он.
Официант принес им кофе. Брайан заказал бренди. Аманда дождалась, когда официант отойдет от их столика, и укоризненно произнесла:
– Это ты здорово придумал. Твоя жена на восьмом месяце, а ты хочешь, чтобы и твоя любовница тоже забеременела. Ты на какой планете живешь, Брайан?

Он смерил ее недобрым взглядом:
– Ты с кем-то встречаешься?
– Нет.
Он вздохнул с облегчением:
– Значит… у меня еще есть шанс, да?
– Ничего подобного, – ответила она. – Мне очень жаль, Брайан, но никаких шансов у тебя нет.

6

10 июля 1997 года, четверг. 03:12

От: tlamark@easynet.co.uk

Кому: подписчикам новостных групп Usenet; фан-клубам и всем поклонникам Глории Ламарк

С глубоким прискорбием сообщаю о смерти моей матери Глории Ламарк, последовавшей во вторник, 8 июля, в ее доме в Лондоне.

Похороны состоятся на кладбище Милл-Хилл в следующую среду, 16 июля, в 12:00. После похорон в доме номер 47 по Холланд-Парк-авеню, Лондон W14, состоится поминальный обед.

Приглашаются все друзья и поклонники усопшей.

Рекомендуется приходить заранее, поскольку ожидается большой наплыв посетителей.

Подробности заупокойной службы, для тех, кто не сумеет попасть в церковь, будут объявлены позднее.

Не забудьте зарегистрироваться на веб-сайте Глории Ламарк!

http://www.gloria_lamark.com

7

– У меня есть тайна, – сказал старик и погрузился в молчание.

Доктор Теннент привык к тому, что этот пациент вообще частенько делал в разговоре долгие паузы. Майкл сидел на своем удобном стуле, раскрыв историю болезни и чуть выпрямив спину. Кейти постоянно говорила мужу, что осанка у него паршивая.

Кейти.

Ее фотография до сих пор стояла на его письменном столе, и она по-прежнему занимала его мысли, частичка ее присутствовала во всем, что занимало его. Майкл хотел освободиться от нее и в то же время парадоксальным образом желал, чтобы она осталась. На самом же деле он мечтал освободиться от боли, обрести способность двигаться дальше. Но чувство вины неизменно препятствовало этому.

Кабинет доктора Теннента, длинный и узкий, размещался под самой крышей элегантного особняка. Прежде особняк этот был лондонской резиденцией одного чайного магната, а теперь являлся частью Шин-Парк-Хоспитал. Здесь находились кабинеты шести психиатров и четырех психотерапевтов, а также тридцать отдельных палат для стационарных пациентов. К дому вела дорожка, обсаженная рододендронами; она петляла на протяжении четверти мили по ухоженному парку, тянувшемуся до самой Темзы. Ничего этого ни Майкл, ни его пациенты не видели: в его кабинете имелось лишь одно маленькое круглое окно, похожее на корабельный иллюминатор, и находилось оно значительно выше человеческого роста, под самой крышей.

Кабинет у доктора Теннента был крохотный. Письменный стол, два обычных стола и ряд шкафов вдоль стен, почти каждый дюйм поверхности занят папками, письмами, медицинскими журналами или книгами, ждущими его рецензии. Даже на компьютере лежала какая-то пачка бумаг, она лежала там так давно, что Майкл перестал ее замечать.

Он знал, что и ему самому требуется психотерапевт, – вот ведь ирония судьбы. Он должен найти в себе силы справиться с собственным горем и жить дальше. Но это было выше его, перевернуть страницу никак не получалось, и фотография Кейти по-прежнему оставалась у него на столе. И, глядя на нее, Майкл вновь и вновь прокручивал в памяти события того страшного дня. Вот только что они ехали по дороге, Кейти плакала, у него самого настроение было дерьмовое, а в следующее мгновение…

Провал в памяти.

Амнезия. Тот самый защитный механизм, который помогает не сойти с ума некоторым убийцам. Можно сегодня совершить самое страшное преступление, а на следующее утро проснуться и абсолютно ничего не помнить.

Буквы на карточке пациента стали расплываться. Майкл чуть опустил голову, поправил очки с мультифокальными линзами, и слова вновь обрели резкость.

На первой странице было напечатано: «Дортмунд, Герман Барух. Род. 07.02.1907». Дортмунд умирал: у него была последняя стадия онкологии. Началось с рака прямой кишки, но теперь метастазы распространились по всему организму. Он еще каким-то невероятным образом держался: в его исхудавшем теле оставалась внутренняя сила, витали призраки демонов, которые некогда владели им и которых теперь он пытался изгнать. Дортмунд мучительно проживал день за днем, сохраняя хрупкое здравомыслие. Надеяться на большее он не мог. Откровенно говоря, Майкл в глубине души считал, что даже и этого его пациент не заслужил. Но доктор Теннент был слишком профессионален, чтобы позволить прошлому Дортмунда влиять на его суждения или медицинские предписания. Этого человека в свое время судили в Нюрнберге, но он избежал виселицы. И с того времени, мучимый посттравматическим психозом и чувством вины, Дортмунд на протяжении вот уже пятидесяти четырех лет каждую ночь отправлялся в ад, а потом возвращался оттуда.

Иногда Майкла охватывала дрожь при одном только виде бывшего нациста. Он представлял себе, каково бы это было, оказаться в 1943 году в концлагере Берген-Бельзене вместе с Кейти, отделенными друг от друга проволочной стеной высотой в двадцать футов: с одной стороны женщины и дети, с другой – мужчины; в воздухе – запах смерти и разложения, а из труб поднимается дым.

Майкл напоминал себе, что подобные мысли не профессиональны, но как выкинуть такое из головы? Он снова посмотрел на Дортмунда и буквально содрогнулся от отвращения. Но при всем при том какая-то его часть сочувствовала немцу. Случались даже минуты, когда пациент нравился Майклу: присутствие бывшего нациста напоминало ему, что все мы способны творить зло, а иногда, порицая поведение того или иного человека, мы все же можем принимать его как личность. А данная конкретная личность интересовала Майкла.

Дортмунду перевалило за девяносто. Его лицо пестрело старческими пигментными пятнами, уголки губ отвисли. Сверкающая лысина возвышалась над несколькими жидкими прядями волос, напоминая фарфоровую чашу, положенную в солому. Он никогда не улыбался.
– Мне нужно спросить у вас… – сказал Дортмунд.
– Да, – мягко ответил Майкл, ободряя его.
– Вы умеете хранить тайны?
– Разумеется.
– Конфиденциальность сведений о пациенте? Клятва Гиппократа и все такое, да?
Майкл задумался. Сегодня не все врачи приносят клятву Гиппократа, но он слишком устал и не хотел вдаваться в детали. Дортмунд был ранней пташкой. Он любил приходить в семь тридцать утра, словно для того, чтобы потом удалиться в свою берлогу, не соприкасаясь с остальным миром, прежде чем тот проснется и займется делами. Майкл не возражал: он вполне мог раз в две недели приезжать рано. Это позволяло ему после ухода Дортмунда уделить час бумажной работе.
– Верно, – ответил он.
Дортмунд разглядывал врача так, словно пытался понять, уж не насмехается ли тот над ним. Даже проведя столько лет в Великобритании, немец так и не смог освоить тонкости английского языка. Майкл не раз убеждался, что шутить с Дортмундом опасно, ибо языковые нюансы ускользали от него.
– Хорошо. – Немец кивнул. – Знаете, я храню эту тайну уже много лет, с самого детства. Мне тогда было лет семь или восемь. – Он встал с дивана, прошелся по кабинету, остановился перед окном-иллюминатором. В свете утреннего солнца старик казался высохшей мумией. – Я знаю, что должно случиться, доктор Теннент. У меня иногда бывают видения. Но я всегда вижу только плохое.
Майкл некоторое время смотрел на него в ожидании продолжения, а потом поинтересовался нейтральным тоном:
– Стало быть, вы ясновидящий? Вы это хотите сказать? В этом и заключается ваша тайна?
Дортмунд подошел поближе, остановился, положил костлявые пальцы на полированную рукоятку своей трости из красного дерева и уставился на врача слезящимися глазами.
– Мне в жизни особо нечем гордиться, – сказал он. – И этим я тоже не горжусь.
– Расскажите мне, что же вы видите.
– Я знаю, когда с тем или иным человеком случится трагедия. Я принял решение пройти у вас курс лечения, потому что хотел перед смертью искупить свою вину. Но я не нахожу искупления, во всяком случае пока, однако я многое вижу, и, возможно, именно поэтому я и говорю с вами. Может быть, я послан судьбой, чтобы предупредить вас.
– О чем предупредить?
– Вы потеряете женщину, которую любите.
Майкл чуть было не сказал: «Вы опоздали на три года», но сдержался. Он отвернулся, чувствуя себя неловко под взглядом старика. Когда он снова взглянул на Дортмунда, тот по-прежнему смотрел на него со странной безысходностью. Майкл решил не усугублять ситуацию. Он не хотел поощрять фантазии старика, задавая ему вопросы. Надо все взвесить и хорошенько подумать, прежде чем дать пациенту ответ. Какие у него еще есть любимые женщины? Только мама, а ей уже семьдесят девять, да и здоровьем она не может похвастаться. Если мама вскоре умрет, то он не хочет об этом знать… а уж тем более от такого человека, как Дортмунд.
Майкл посмотрел на часы и, к своему облегчению, увидел, что пятьдесят минут истекли.
– Пожалуй, на сегодня достаточно, – сказал он.
После ухода Дортмунда Майкл добавил в его историю болезни еще одну запись: «Склонен к суициду».
Поскольку следующий пациент опаздывал, у него появилось несколько свободных минут. И Теннент, преодолевая себя, позвонил матери. Голос ее звучал бодро. Она сообщила, что отец отправился в Лимингтонскую гавань, возится там со своей лодкой. А они с подругой собираются посетить выставку цветов.
Разговор с матерью приободрил Теннента. В отличие от его пациентов, да и от него самого тоже, родители Майкла обрели в этой жизни удовлетворение и душевный покой.

8

Мокрая от пота, не в силах пошевелиться, Тина Маккей лежала на жесткой металлической поверхности – руки и ноги связаны, а голова зажата в тисках. Она смутно осознавала, что в мочеиспускательный канал ей вставили катетер. Бедняжка понятия не имела, который теперь час и где она находится.
– Хочешь знать кое-что?
Она испуганно уставилась на своего мучителя, пытаясь думать, несмотря на страшную боль во рту.
Томас Ламарк, держа в облаченной в резиновую перчатку руке щипцы, какими стоматологи вырывают зубы, стоял над ней и смотрел сверху вниз своими ласковыми серыми глазами.
– Успокойся, Тина, не всякое знание приносит боль. Для тебя то, что я скажу, может оказаться полезным. Моя мать всегда твердила мне о пользе хороших манер, ты меня понимаешь? Жизнь – это длительное обучение. Непрерывно узнавая что-то новое, человек становится лучше. Разве ты не хочешь стать лучше, Тина?
Его низкий голос звучал до нелепого сочувственно.
Тина ничего не ответила. Она еще несколько часов назад поняла, что здесь, в этом помещении с голыми бетонными стенами, можно сколько угодно кричать, но ее все равно никто не услышит. Какие у нее еще оставались варианты спасения?
Ей нужно каким-то образом вразумить этого Томаса Ламарка, и она чувствовала, что где-то глубоко в нем скрываются человеческие чувства, до которых она может достучаться, если только найдет с ним контакт.
– Хорошие манеры предполагают, что человек должен извиниться, когда он не прав. Для того чтобы признать свою ошибку, требуется мужество – достаточно ли его у тебя, Тина? Я имею в виду по-настоящему извиниться за то, что ты отвергла мою книгу.
Ей было трудно говорить, но она снова попыталась умолить его разбитым ртом, голос ее звучал прерывистым кровавым шамканьем:
– Да, пшнешите вашу книгу. Вмеште. Мы мошем пшошаботать над ней вмеште.
Томас отрицательно покачал головой:
– Мне очень жаль, Тина, но ты своими глазами видела, что случилось, когда я подбросил монету. Я вынужден делать то, что велит мне эта монета. Человек должен сам создавать правила, по которым живет, и строго держаться их. Мы не контролируем свою жизнь, верно?
Она согласилась движением век.
– Но ты могла предотвратить это, Тина. В отличие от меня. И в этом разница между нами. Я родился таким, какой я есть. Я никогда не просил, чтобы меня сделали таким. Всю мою жизнь люди твердили, якобы у меня что-то не в порядке с головой. Я должен согласиться с этим. Мне не нравится, что я такой, но я ничего не могу с этим поделать. Я вынужден признать, что веду себя не так, как другие.
Он отошел на два шага, улыбнулся, снял свой хирургический халат и поднял мощные руки.
– Тебе нравится то, что я ношу?
Судя по ее виду, девушка не поняла вопроса, и он повторил:
– Моя одежда. Тебе нравится моя одежда?
Тина посмотрела на него сквозь пелену слез на лице. На его фигуру. Он был удивительно высок – не меньше шести футов шести дюймов. Боже, да кто он такой, этот человек? Он был очень хорош собой – и это странным образом настораживало, – его красота казалась почти невероятной: темные, зачесанные назад волосы, белая рубашка с открытым воротом, зауженные брюки, черные замшевые туфли. Элегантно, но как-то старомодно: он напоминал злодея из пьесы Ноэла Коуарда.
– Вешма мило, – одобрительно прошамкала она. – Э-кхх-лелегантно.
– Это ведь не просто слова, правда, Тина?
– Нет, ш-што вы.
Он улыбнулся ей такой теплой улыбкой, что на минуту девушка даже поверила: все закончится хорошо.

– Рубашка от «Салки», – пояснил Томас. – Они производят прекрасную одежду из льняной ткани, в ней по-настоящему удобно. Моя мать всегда выбирает мне одежду. Она хочет, чтобы я элегантно выглядел. А мои туфли тебе нравятся?
Она согласно промычала.
– Обувь от «Гуччи». Такие туфли трудно достать, на них огромный спрос. Эти модели приходится заказывать заранее, поскольку их моментально разбирают.
Он развернулся и исчез из виду. Тина слышала лишь его голос:
– Ну хорошо. Теперь давай послушаем музыку. Готова?
В комнате зазвучали грегорианские песнопения, и Тине показалось, что звук прорвался снизу, через пол, сверху, через потолок, через все четыре стены одновременно. Томас Ламарк вернулся, снова облаченный в голубой хирургический халат. Он улыбнулся, мечтательно закатив глаза. Эти строгие аккорды, нежные и чистые высокие звуки унесли его куда-то далеко. Он танцевал, подчиняясь какому-то своему собственному ритму, раскачивая и размахивая в воздухе щипцами, словно дирижерской палочкой. Потом он наклонился над охваченной ужасом жертвой, крепко ухватил щипцами ее передний зуб и резко повернул рукоятку вверх.
Послышался треск – зуб резко обломился вместе с частью корня.
Музыка заглушила крик несчастной редакторши, словно подушка.

9

10 июля 1997 года, четверг

Что меня всегда беспокоило, так это вопрос о друзьях. У людей есть друзья – иметь их считается вполне нормальным.

Что бы я ни смотрел по телевизору – сериалы, комедии, драмы, – у всех людей непременно есть друзья; им можно позвонить, с ними можно поболтать, к ним можно сходить в гости.

Вот как, интересно, появляются друзья?

Судя по моему опыту, если ты начнешь искать друзей в Сети, то найдешь только предложения секса. Я захожу в паб, начинаю с кем-нибудь говорить, и люди сразу думают, что у меня сексуальные намерения.

Я знаю, во мне есть нечто, делающее меня не похожим на остальных. Я не знаю точно, что именно отличает меня от прочих: возможно, мое нетерпение, неуравновешенность.

Мама всегда уверяла, что мне не нужны никакие друзья, кроме нее. Я этому никогда не верил, но теперь, когда ее не стало, когда после ее смерти прошло всего сорок восемь часов, я начинаю понимать: она была права.

Я вижу мир глазами своей матери. Она говорила, что мир вокруг только и ищет возможности побольнее тебя унизить. И ты должен быть готов дать ему отпор.

Не сумеешь – он возьмет верх.

Если сомневаешься, подбрось монету. Монета подчиняется Высшей власти. Если ты сомневаешься, Он примет решение за тебя.

Человек может брать на себя ответственность только в определенных пределах.

10

Дом номер сорок семь по Холланд-Парк-авеню привлекал Глорию Ламарк своим величием и театральностью. Этот прямоугольной формы особняк, выстроенный несколько на отшибе, был выдержан в классических пропорциях, однако размеры имел немалые и прекрасно смотрелся бы где-нибудь на просторе, посреди сельской местности. Но здесь, в Лондоне, это был всего лишь один из великого множества домов, чем-то схожих, хотя и разных внешне: у одних фасады были выполнены в георгианском стиле, у других – в стиле Регентства, у третьих, как и у дома сорок семь, – в неоготическом. Перила в виде бойниц, узкие окна, аркообразные двери – все это придавало ему таинственный и даже немного сюрреалистический вид.
Особняк, расположившийся на тихой улице, всего в нескольких сотнях футов от сутолоки Кенсингтон-Хай-стрит, был отделен от проезжей части полукруглой подъездной дорожкой и спрятан от любопытных глаз высокой стеной с чугунными воротами, которые были оборудованы электроприводом, а также буйно разросшимися деревьями, высокими кустарниками и густо обвивавшим стены плющом.
Глория Ламарк переехала сюда в 1955 году, рассчитывая стать хозяйкой модного салона: ее карьера тогда совершила стремительный взлет.
Внутри дома царила атмосфера сцены, пол в громадном коридоре и на лестницах был покрыт плиткой, все убранство было выполнено исключительно в черных, серых и белых тонах. Стены были почти полностью увешаны фотографиями актрисы – по большей части черно-белыми и в рамочках.
Глория Ламарк хотела быть единственным ярким пятном в доме и требовала, чтобы ничто с ней не конкурировало. За последующие сорок два года она ни разу не позволила внести в дом или посадить в саду, где росли в основном вечнозеленые растения, какой-нибудь иной цветок, кроме белого. Хотя в пруд, обрамленный классическими колоннами и арками, словно миниатюрная итальянская лагуна, регулярно выпускали декоративных карпов; рыбы не мешали хозяйке своей окраской, поскольку постоянно находились под водой. А вот гости, которые затмевали Глорию, становились персонами нон грата и впредь уже никогда не приглашались.
В первые десять лет регулярно устраивались пышные приемы, но затем о Глории Ламарк позабыли, и праздники остались в прошлом. Правда, впоследствии хозяйка особняка дала еще несколько обедов, нелепо официальных и отупляюще скучных для всех, кроме Томаса. Ему нравилось видеть мать во главе стола, разодетой; мальчик с упоением слушал, как она развлекает собравшихся историями, которые сам он слышал тысячу раз, но которые никогда ему не надоедали.
Теперь он вспоминал один из тех званых обедов, сидя перед компьютером в своем кабинете на первом этаже, расположенном точно под спальней матери: отсюда сыну обычно был слышен ее голос, если она его звала. Тяжелые, угольного цвета шторы – такие использовались для затемнения во время Второй мировой – не пропускали внутрь света, кроме нескольких серебряных лучиков утреннего солнца. Шторы на окнах Томас задернул во всем доме.
В этот миг он бы с радостью изгнал солнце с небес, чтобы мир погрузился в темноту. Ведь свет предназначен для жизни, а смерти более подобает темнота. Этот дом стал теперь домом смерти.

Было утро вторника, часы показывали тридцать пять минут одиннадцатого, и Томас, как обычно, не спал всю ночь. Впрочем, прошедшая ночь не походила на остальные, потому что его матери не стало, и теперь уже все ночи будут другими. Изменилось абсолютно все. Прошлое принадлежало другой стране, где они вели себя иначе. Но чтобы попасть в новую страну, недостаточно было просто перейти границу. Между прочим, у него оставались незаконченные дела. Все путешественники перед отъездом упаковывают вещи в чемоданы. Завершение незаконченных дел походило на упаковку вещей.

Он поразмыслил над возникшей в его голове метафорой – она ему понравилась. Можно воспользоваться чемоданом, а можно…

Томас отодрал с запястья лейкопластырь, посмотрел на ряд ранок – эта сучка-редакторша укусила его вчера вечером в многоэтажной парковке. Человеческие укусы опасны, они хуже собачьих, хуже ржавого гвоздя. Неплохо бы сделать противостолбнячную прививку, но он слишком занят. Столько всего еще необходимо сделать. Как ему одному с этим управиться?

Томас оторвал опухшие глаза от своего дневника (он делал записи на экране монитора) и перевел взгляд на постер с изображением матери, висевший на стене у него над столом. В этой комнате, куда ни кинь взгляд, он повсюду видел ее – фотографии в рамочках, постеры, афиши, посвященные ей стихи. Его любимый постер висел над столом. Прелестное личико Глории Ламарк недовольно выглядывает из каскада волнистых светлых волос, губки надуты – она презрительно смотрит на что-то за камерой. Одна нога в черном кружевном чулке высовывается из открытой двери спортивного автомобиля («Ягуар ХК 120»), юбка задралась вызывающе высоко, обнажая – или почти обнажая (Томас так и не пришел к окончательному мнению на сей счет) – один дюйм белого бедра.

Надпись под фотографией гласила: «ЛОУРЕНС ХАРВИ И ГЛОРИЯ ЛАМАРК В ФИЛЬМЕ „ДЬЯВОЛЬСКАЯ ГОНКА“!»

Она играла там главную роль. Ее имя было написано заглавными буквами! Она составила звездный дуэт с одним из самых знаменитых актеров двадцатого века. Его мама, несравненная Глория Ламарк!

А теперь она умерла. Ее карьеру погубили завистники и злоумышленники, ее величие испоганили низкопробные ничтожества вроде этой тупоголовой сучки Тины Маккей, а в конце концов ее злодейски убил – да, убил! – доктор Майкл Теннент.

Его мать лежала в холодильнике в морге. А перед этим ее вскрывали в прозекторской. Томас знал, как происходит эта процедура, унижающая человеческое достоинство. Он с содроганием представлял себе, как эта ослепительно красивая, невероятно обаятельная женщина теперь лежит там, абсолютно голая, а какой-то патологоанатом извлек ее мозг из черепной коробки и, вволю поковырявшись в нем, уложил в белый пластиковый пакет вместе с остальными внутренними органами, после чего затолкал все обратно, словно куриные потроха в супермаркете.

У него просто сердце кровью обливалось, когда он думал об этом. Достоинство всегда имело для матери огромное значение, а теперь патологоанатом распилил ее, вскрыл ножом и скальпелем на холодном металлическом столе.

Томас посмотрел на свой стол. На зубы Тины Маккей. Он смыл с них кровь и аккуратно разложил по порядку, дабы быть уверенным, что ни одного не пропустил. Все здесь, полный набор. И в довольно хорошем состоянии, – видимо, редакторша хорошо за ними ухаживала.

Тут Томас почувствовал неожиданный укол вины за ту боль, что причинил девушке. Он еще раз приподнял лейкопластырь, осмотрел ряд ранок на запястье. Потом перевел взгляд на экран, на те слова, которые только что набрал на клавиатуре.

«Ты должен наносить ответный удар любым доступным тебе способом. Должен!»

Прочел – и ему стало лучше. Причина и следствие. Может быть, на этом и зиждется мироздание. Тина Маккей укусила его, теперь она больше не сможет кусаться.

Нет нужды чувствовать себя виноватым.

И вообще, редакторша оказалась здесь лишь потому, что отвергла рукопись. В этом никто не виноват, кроме нее самой.

«Жажда жизни – странная вещь, – подумал он. – Чтобы выжить, люди будут делать что угодно и говорить что угодно. Даже если – как в случае с Тиной Маккей – они остаются в живых только для того, чтобы выносить новую боль и молиться о смерти».

Почувствовав, что теперь его совесть чиста, он потянулся к музыкальному центру и нажал на клавишу воспроизведения. И комнату тут же заполнил голос психиатра. Томас уже наизусть знал все, что тот сказал.
Он перемотал пленку, откинулся на стуле и прослушал еще раз – в сотый или в тысячный, а может быть, и в миллионный раз звучал взволнованный голос Майкла Теннента: «Добрый вечер, это доктор Теннент. Глория, перезвоните мне, пожалуйста, сразу же, как только получите это сообщение. Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

11

После разговора с Германом Дортмундом Майкл Теннент пребывал в еще более растревоженном состоянии, чем до начала приема. Он никак не мог сосредоточиться на следующей пациентке – сорокадвухлетней женщине, страдающей дисморфофобией: за последние пять лет она сделала себе двенадцать пластических операций как на лице, так и на теле. Трагедия состояла в том, что прежде она была весьма привлекательной женщиной, только не могла в это поверить. В отличие от Глории Ламарк, которая гордилась своей прекрасной внешностью и не могла поверить, что когда-нибудь потеряет красоту.
У Майкла адски болела голова. Хотя он был в легком льняном костюме бежевого цвета, но весь покрылся по́том. Хорошо бы съездить домой, принять две таблетки парацетамола, посидеть в темной комнате. Но сегодняшний день у него был расписан до минуты, нельзя же бросать пациентов. Некролог в газете красноречиво подтверждал это.
Передозировка лекарственных препаратов…
Он точно знал, почему Глория Ламарк так поступила, и это было хуже всего. Она сделала это, потому что…
Зазвонил телефон. Его секретарша Тельма сообщила о приходе пациента, записанного на одиннадцать часов.
– Попроси его подождать несколько минут.
– Хорошо, доктор Теннент, – сказала Тельма, а потом нервно добавила: – Я слушала вашу вчерашнюю передачу. Если позволите мне высказать свое мнение: вы держались гораздо увереннее, чем обычно.
Тельма досталась Майклу в наследство вместе с кабинетом от его предшественника. Он знал, что ее муж – настоящий тиран, и подозревал, что и отец ее почти наверняка был таким же. Невысокая, аккуратная седоволосая женщина, нервная, услужливая, вечно стремящаяся угодить, Тельма казалась старше своих лет. Теннент предположил, что она, вероятно, научилась жить, избегая любой конфронтации. Бедняжка нашла безопасное русло среди камней и теперь ни на дюйм не отклонялась в сторону. Нет взлетов, нет и падений. Не полноценная жизнь, а убогое существование. Хотя у многих людей нет даже этого.
Тельма редко выражала свое мнение, и тем сильнее сейчас ее замечание удивило Майкла.
– Правда? – запустил он пробный шар. – А по-моему, так я вчера был далеко не в лучшей форме.
После некоторой паузы секретарша ответила:
– Мне показалось, что вы в большей степени, чем обычно, говорили от сердца, очень убежденно… Нет, я вовсе не имею в виду, что обычно вы неубедительны, но в этот раз вы определенно говорили иначе.
«Неужели из-за Аманды?» – подумал Майкл. А вслух сказал:
– Спасибо, Тельма. Но, признаться, я не уверен, что буду продолжать вести эту передачу и дальше. Возможно, я откажусь.
– Ни в коем случае не делайте этого, доктор Теннент, – категорически заявила она. – Я думаю, вы очень помогаете людям.
– Сомневаюсь. – Он помолчал. – Ладно, дайте мне пару минут – мне нужно позвонить.
Он положил трубку, уставился на портрет Кейти в рамочке. Их последний совместный отпуск. Они тогда на теплоходе спускались по Нилу; она стояла на палубе, прислонившись к перилам, улыбалась, смотрела на него своими доверчивыми голубыми глазами. Ветер трепал ее длинные светлые волосы, они обвивались вокруг шеи, некоторые пряди лежали на розовом кашемировом

джемпере. У Кейти был здоровый загар, и три цвета – коричневая загорелая кожа, пшеничные волосы и розовый джемпер – являли на фоне ясного голубого неба над Нилом просто идеальное сочетание. Весьма изысканное сочетание.
Так зачем же он сделал то, что сделал?
Зачем?
Кейти была красива. Английская роза. Принцесса. В его мозгу калейдоскопом мелькали воспоминания. Она могла есть что угодно, но никогда не полнела. Его жена любила покушать. Приготовленные на гриле морские языки в ярд длиной. Бифштексы с кровью и тушеный лук на гарнир. Огромные пончики с начинкой из заварного крема. Майкл помнил, как во время медового месяца Кейти засунула ему в рот большую пышку, а потом, смеясь и шутливо ворча, слизала с его губ сахарную пудру. Как заразительно она тогда смеялась.
А теперь Кейти мертва.
Вот она лежит рядом с ним в капкане разбитой машины, вся переломанная, истекающая кровью, неживая. Тут же спущенная подушка безопасности, словно нелепая пародия на использованный презерватив. Окровавленное лицо мертвого мужчины в фургоне, в который они врезались, с упреком смотрело на него сквозь разбитое лобовое стекло; спасатели тем временем пилили металл, а вокруг стояли и глазели на происшествие зеваки.
«Это ты во всем виноват… ты… ты… ты виноват…»
Майкл ненавидел эти воспоминания, но он должен был заново все пережить, чтобы оставить трагедию в прошлом.
Каждый день, каждую ночь его память возвращалась к той страшной аварии. Словно бы дверь некоего сейфа захлопнулась в его мозгу. Внутри осталось несколько секунд его жизни – двадцать, может быть, тридцать, – но за это время изменилось все его существование. Он не мог до них добраться, не мог найти ключ или подобрать нужную комбинацию цифр, чтобы отпереть проклятую дверь.
Когда-то, когда жизнь еще была прекрасна, между ними происходили задушевные разговоры, какие случаются у любовников за бутылкой вина или когда они, обнявшись, лежат в кровати. Кейти частенько говорила: ей грустно думать, что если она умрет первой, то Майкл, возможно, никогда уже не будет счастлив. И она заставила мужа пообещать, что, если вдруг однажды так случится, он не поставит на себе крест, но обязательно найдет хорошую женщину и начнет новую жизнь.
И теперь от этого душевного благородства у Майкла буквально разрывалось сердце. Он смотрел на визитку Аманды Кэпстик, лежащую у него на столе: «"20–20 Вижн продакшн лимитед". Аманда Кэпстик. Продюсер".
Потом он в очередной раз вернулся к некрологу в «Таймс». Глория Ламарк.
Передозировка лекарственных препаратов…
Он почти выучил все наизусть.
«Девятого июля в Лондоне, на пятьдесят девятом году жизни, скончалась от передозировки лекарственных препаратов известная киноактриса Глория Ламарк.
Она родилась в Ноттингеме 8 августа 1938 года.
Звезда пятидесятых годов, которую критики называли английской Брижит Бардо, Глория Ламарк во многих отношениях превосходила знаменитую французскую актрису. Она сыграла множество ролей, в том числе в таких фильмах, как „Досье Арбутнота“ (режиссер Орсон Уэллс), „Дьявольская гонка“ (режиссер Бэзил Реардон), „Штормовое предупреждение“ (режиссер Кэрол Рид) и, наконец, в „Крыльях джунглей“ – картине, которая принесла ей особенный успех (там ее партнером был сам Бен Газзара).
Глория Ламарк впервые появилась на сцене в возрасте трех лет, в Ноттингемском театре, в спектакле „Сказки Матушки-Гусыни“. Ее муж, немецкий промышленник Дитер Бух, трагически погиб в 1967 году. Она нашла в себе силы жить благодаря своему сыну Томасу».
Майкл поспешно сунул газету в ящик стола: можно подумать, что если убрать ее с глаз долой, то чувство вины станет меньше его донимать. Поведение врача категорически противоречило тем советам, которые он давал пациентам: «Не прячьтесь от своих проблем, от своих комплексов, страхов, демонов, монстров. Не засовывайте их в ящик стола».
Передозировка лекарственных препаратов…
Такое случается порой со всеми психиатрами – впрочем, ему от этого не легче. Кстати, Глория Ламарк никогда не вызывала у Майкла симпатии. Но это ничуть не уменьшало его

переживаний. Его работа состояла в том, чтобы помогать людям, а не осуждать их. И он потерпел неудачу.
Хуже всего было то, что он точно знал, почему это произошло. Он ввязался в азартную игру, в которую никогда и ни при каких обстоятельствах не должен был ввязываться. Глория Ламарк оказалась к ней не готова.
Майкл снял очки, уронил голову на руки.
«Боже мой, ну как, черт побери, я мог совершить такую глупость?»
Вновь заверещал телефон. Он взял трубку, услышал голос Тельмы:
– Уже можно впустить к вам миссис Казан?
– Еще две минуты, – попросил он.
Он опять посмотрел на визитку Аманды Кэпстик, вспомнил, как она улыбалась ему через стекло в студии. Вновь ощутил тепло, которое она изучала.
И быстро, не глядя на фотографию Кейти, набрал номер. Телефонистка перевела звонок в режим ожидания, наконец трубку взяла сама Аманда. Она, казалось, была рада слышать его.
– Вы были просто великолепны, – сказала она. – Я говорю о вчерашней передаче. На меня вы произвели сильное впечатление!
– Гм… что ж… спасибо! Полагаю, вы преувеличиваете…
– Ничего я не преувеличиваю! Обязательно вставим фрагмент записи в наш фильм.
– Очень рад, – сказал Майкл. – Послушайте… гм… тут такое дело… я… – Ему вдруг стало жарко. – Одним словом, у меня есть два билета в театр «Глобус». На следующий четверг. Спектакль называется «Мера за меру». Я… я подумал, вы там бывали? Возможно, вам будет интересно?
Аманда ответила, что она в этом театре никогда не бывала. Она видела только телевизионную версию «Меры за меру», и ей, безусловно, будет очень интересно посмотреть спектакль вживую. Судя по ее голосу, искреннему и довольному, приглашение пришлось девушке по вкусу.
Майкл, ликуя, повесил трубку. Он сделал это. Они договорились о встрече!
До четверга еще семь дней, но это не имеет значения. В первый раз за три года ему есть чего с нетерпением ждать.
Внутренний телефон вновь заверещал: похоже, Тельма в приемной уже потеряла терпение.
Но теперь для Майкла уже ничто не имело значения.

12

– Тина, смотри-ка, что я тебе покажу! Про тебя написали в «Ивнинг стандард»!
Томас Ламарк склонился над операционным столом и подержал газету перед закрытыми глазами Тины Маккей.
Ее лицо было очень бледным. Под глазами синяки. Изо рта капала кровь. Выглядела она плохо.
Правда, она не стала сенсацией первой полосы – там главенствовал Ольстер, однако единственной фотографией, помещенной на этой странице, был портрет Тины Маккей.
«ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РЕДАКТОРА: ПОЛИЦИЯ СКЛОНЯЕТСЯ К ВЕРСИИ ПОХИЩЕНИЯ».
– Кроме меня, никто в целом мире не знает, где ты, Тина. Что ты об этом думаешь?
Ответа не последовало.
Томас проверил ее кровяное давление: очень низкое. А вот пульс сумасшедший – сто двадцать ударов в минуту. В пакете, соединенном с катетером, мочи было всего ничего. Он ни разу не давал ей ни воды, ни еды.
«Как же я мог забыть?»
Это обеспокоило Томаса. У него постоянно случались провалы в памяти, но теперь состояние усугублялось. Он с сожалением посмотрел на девушку, пытаясь вспомнить, сколько времени она уже здесь находится. Почти неделю.
– Ах ты, бедняжка. Наверное, проголодалась и хочешь пить? У меня вовсе не было намерений превращать твою жизнь в ад. Да, я хотел сделать тебе больно. Наказать. Я хотел, чтобы ты поняла, что такое боль, Тина, потому что ты причинила немалую боль моей матери. Я

собирался проучить тебя, но не планировал такой жестокости – лишать тебя еды и воды. Ты меня понимаешь?

Томас вглядывался в ее лицо, надеясь увидеть хоть какую-то реакцию, но не увидел ничего. Он заговорил громче:

– Я приношу свои извинения, Тина. Я виноват. Я искренне прошу у тебя прощения. Ты сможешь меня простить?

Никакой реакции.

Он положил «Ивнинг стандард» на металлический стол, где держал свои инструменты, а потом открыл «Дейли мейл» и поднес газету к ее лицу.

– В «Мейл» тоже есть про тебя. На пятой странице. Довольно много. И с фотографией. – Он посмотрел на снимок. Прическа та же, что и теперь: коротко подстриженные каштановые волосы; аккуратная одежда, приятная улыбка – внешность ответственного, располагающего к себе человека. Однако до его красавицы-матери Тине было очень далеко, и потому Томас почувствовал к ней жалость.

Пытаясь приободрить девушку, он сказал:

– Тут о тебе написано много хорошего, Тина. Оказывается, ты из секретаря издательства доросла до шеф-редактора, а теперь возглавляешь отдел документальной литературы.

Он отложил «Мейл», открыл «Миррор» и поднес к ее лицу.

– Тина, ты только посмотри. Здесь фотография твоего бойфренда. Он говорит, что не представляет, что с тобой случилось, и с ума сходит от беспокойства.

Томас внимательно рассмотрел лицо на фотографии, потом перевел взгляд на Тину. «Вот эти двое встречаются. Как они познакомились? Как стали парой?»

– Скажи мне, Тина, почему этот парень тебе нравится? Он, вообще-то, не очень красив, да и вид у него глуповатый. Почему кто-то захотел завести роман с ним, а не со мной?

По-прежнему никакого ответа.

Томас отвернулся и положил газету.

«Что я сделал с этой женщиной? – Слеза скатилась по его щеке. – Что я натворил? Нужно как-то из этого выпутываться».

– Тина, вот ты все время твердишь, что раскаиваешься в том, что отказалась издавать книгу моей матери. Пойми, я ведь тоже чувствую свою вину. Я виноват в том, что моя мать сошла в могилу, так и не увидев свою биографию напечатанной.

Томас отвернулся и принялся выхаживать взад-вперед по бетонной камере, снова и снова обдумывая один и тот же вопрос: оставить пленницу здесь или отпустить?

Наконец он вытащил из кармана монету, подбросил ее, поймал.

Решка.

– Тина, я тебя отпускаю.

13

15 июля 1997 года, вторник. 4:00

Надо все закончить сегодня. Завтра похороны и поминки, и мне потребуется ясная голова. Есть много всего, о чем следует поразмыслить.

Я отправился посмотреть на Тину, но она уже ушла. Пульса нет. Я дал ей совсем маленькую дозу кураре, который парализовал ее легкие. Умерла она, наверное, быстро. Очень уж ослаблен был организм.

В целом, я думаю, пребывание здесь пошло Тине на пользу. Она оказалась значительно более способной ученицей, чем я предполагал. Я процитировал ей Сократа: «Самая сильная боль – та, которую человек причиняет себе сам». И Тине хватило ума понять это. Я рад за нее.

Я чувствую, что, обретя здесь важные знания, она в следующий раз не повторит своей ошибки. Но решать это будут уже там, наверху.

У Господа наверняка есть своя собственная монета.

14

На похороны никто не пришел.

Томас сидел на заднем сиденье черного «даймлера», пытаясь сообразить, в чем дело. За окном, искаженный миллионом призм, мелькал Лондон; этой части города он не знал. То ли шел дождь, то ли он плакал, а может, и то и другое – какая теперь разница?

Томас с размаху ударил ногой прямо по сиденью перед собой – тому, что было рядом со стеклянной перегородкой, разделяющей его и водителя. Увидел, что шофер чуть повернул голову и посмотрел на него в зеркало заднего вида. Ну и пусть!

Его мать умерла, и больше ничто уже не имело значения.

Кроме этого.

Никто не пришел! Только сотрудники похоронной компании – водители, люди, которые должны нести гроб, да еще некий мистер Смайт, щегольски одетый человек, выполнявший на похоронах роль распорядителя. Местный священник проигнорировал восемьдесят процентов той информации о матери, которой снабдил его Томас. И еще явился какой-то идиот-репортер с дешевой камерой – этому хватило наглости спросить у него, кто такая Глория Ламарк.

Господи милостивый!

Может быть, люди просто неправильно поняли его указания и теперь ждут в доме на Холланд-Парк-авеню? В «Таймс» опубликовали некролог, который он сам написал (у них, видите ли, не имелось информации), но про похороны там ничего не говорилось. Он сделал рассылки членам фан-клуба. Поместил объявление на сайте матери. Томас упорно отказывался признавать тот факт, что никто никогда не отвечал на его рассылки и не заходил на сайт Глории Ламарк.

Водитель, невысокий мужчина в форменной фуражке, с вожделением поглядывал на проходивших мимо женщин. Томас видел, как он постоянно крутит головой туда-сюда, рассматривая очередную красотку.

Томас просто глазам своим не верил. Они возвращаются с похорон его матери, а паршивец из похоронной конторы, чья голова должна быть занята скорбными мыслями, вместо этого идет на поводу у своего похотливого пениса.

Томас подался вперед и постучал по стеклянной перегородке:

– А ну немедленно прекратите!

Водитель, испуганный и смущенный, повернул голову:

– Сэр?

Но Томас уже откинулся на спинку сиденья. Он погрозил шоферу пальцем. Тот, испытывая еще большее недоумение, полностью сосредоточился на дороге.

Возле дома тоже никого не оказалось. Томас принялся выхаживать по палатке, где планировался поминальный обед; его начищенные черные туфли от «Лобб» утопали в ковровом покрытии, которым застелили лужайку. Томас облачился сегодня в черный костюм от «Хьюго Босса», этакий летний вариант: смесь мохера и шелка, ткань слегка блестит. Под пиджаком у

него была белая рубашка из «Фаворбрук»: воротник-мандарин, на шее вместо пуговицы – одна-единственная черная запонка с бриллиантом.
Томас купил эту одежду специально для похорон. Ему необходимо было показать матери, что с ним все в порядке, жизнь продолжается. Сама она вряд ли выбрала бы для сына такой наряд, ее вкусы были несколько старомодными, но именно в таком виде он хотел предстать перед прессой: показать, что Глория Ламарк была женщиной современной во всех отношениях, что они оба шагали в ногу со временем – дети девяностых, люди третьего тысячелетия.
В палатке было душновато, но Томас не чувствовал никаких неудобств. Жара для него не проблема.
Он сильный.
Томас чувствовал, как сила разливается по его телу, по рукам и ногам. Он с важным видом расхаживал туда-сюда из одного конца палатки в другой.
За роскошной стойкой бара стояли навытяжку шестеро барменов. Пятнадцать официанток выстроились за столами, заставленными снедью. Омары. Креветки из Дублинского залива. Клешни каменных крабов. Самые лучшие устрицы. Блюда с зажаренными целиком бекасами. Кускус. Манго, гуава, маракуйя, личи. Любимая еда его матери. Сын не поскупился, приготовив угощение на три сотни человек. Тут же стояли мостки с микрофоном, откуда Томас собирался произнести речь, поблагодарить всех за то, что пришли.
Он даже пригласил церемониймейстера в ливрее, чтоб ему пусто было, уроду.
Потолок палатки был отделан рюшами, за это пришлось заплатить дополнительные деньги. Стены в зеленую полоску. Дождь молотил по крыше, выстукивая свой собственный ритм, а в дальнем углу вода просочилась в дырочку и капала внутрь.
«Проклятье! Хотя все равно никого нет, пусть себе течет».
Томас снова принялся ходить туда-сюда. Только он, шестеро барменов, пятнадцать официанток и церемониймейстер.
Репортер из местной газетенки, который присутствовал на похоронах, просто бесил Томаса. Тупая скотина в белых носках и дешевом костюме; волосы как ершик для унитаза. Да еще вдобавок напялил галстук в розово-желто-белую полоску с оранжевыми крапинками и в таком виде приперся на похороны его матери!
«Извините, меня прислал наш редактор. К сожалению, до сегодняшнего дня я не слышал о Глории Ламарк».
Это каким же идиотом нужно быть, чтобы явиться на похороны человека, о котором ты даже не слышал? Зачем? Чтобы просто стоять и ухмыляться, потому что никто больше не дал себе труда прийти? А ему самому даже не хватило такта надеть черный галстук.
В кармане у Томаса лежала визитная карточка этого сопляка: «Джастин Ф. Флауаринг». Мальчишка даже нацарапал на обратной стороне номер своего телефона. На поминки журналюга не пошел, небось совесть заела.
«Не нравишься ты мне, Джастин Ф. Флауаринг. Даже имя твое мне не нравится. Боюсь, мы с тобой станем врагами».
Официантки смотрели на Томаса. И бармены тоже. Они еще не знали, что на похороны Глории Ламарк никто не пришел.
Даже никто из ее преданных старых слуг не явился. Ни один. Наверное, обиделись, что их всех разогнали. В последние несколько лет его мать вела себя довольно странно. Она одного за другим уволила всех слуг, даже тех, которые работали у нее тридцать лет. Самой последней она выгнала уборщицу. Теперь не осталось совсем никого. Глория сказала Томасу, что хочет, чтобы они остались в доме вдвоем, без посторонних, чтобы никто не мешал их счастью.
И все же он думал, что кто-нибудь из них сегодня придет. Из элементарного приличия. Неужели они не смогли простить свою бывшую хозяйку? Хотя бы Ирма Валуцци, камеристка? Или Энида Детердинг, секретарша матери? Но они не пришли. Единственным, кто отсутствовал по уважительной причине, был Джоэл Харриман, пресс-секретарь Глории Дамарк, который недавно перенес операцию на сердце. И все равно мог бы прислать кого-нибудь из своего офиса. Разве нет? Но он вместо этого отделался долбаной телеграммой.
А что доктор Майкл Теннент? Ну, этот бы ни за что не появился. Не хватило бы смелости показать свою физиономию.

Томас прошел в кабинет матери и плотно прикрыл за собой дверь. Здесь, как и в спальне, стоял ее запах. «Шанель № 5». Запах впитался в обои и занавески, в подушки на диване и листы бумаги, на которых она каждый день писала ему записки.
На каждом листе свой заголовок. Ежедневные списки покупок: «Косметика», «Витамины», «Гомеопатические средства», «Китайские травы», «Другие лекарства», «Продукты», «Разное». Глория Ламарк ежедневно составляла для сына перечень телефонных звонков, которые следовало сделать, и писем, которые он должен был написать. Тут же лежала целая пачка счетов и всевозможных квитанций. На самом верху – счет от пресс-службы «Дюррантс».
Томас сел в массивное резное кресло возле письменного стола и внезапно, глядя на тоненькую пачку писем с соболезнованиями, почувствовал невыносимую усталость. Он избегал глаз матери. Они были здесь повсюду, смотрели на него со всех фотографий. Обвиняли.
«Ты меня подвел, идиот. Ты и меня выставил полной идиоткой».
А ведь мама права. Томас знал это. Через десять минут бармены в палатке начнут ухмыляться, сообразив, что случилось. А за ними и официантки станут хихикать. Лучше ему теперь оставаться в этой комнате, пусть распорядитель похорон сам выходит из положения. Он внес свою лепту, показал, на что способен. А теперь они все могут катиться к черту.
Томас посмотрел на единственную сохранившуюся фотографию отца. Отца он почти не знал – тот ушел из семьи, когда Томасу было всего три года. Дитрих Бух в длинном плаще стоял возле пропеллера самолета (своего собственного самолета, как сказала ему когда-то мать). Высокий мужчина, красивый, настоящий тевтонец. Жесткие волосы и суровое, неулыбчивое лицо. Томасу нравилась эта фотография. В отце чувствовались спокойствие и уверенность в себе – уж этот человек ни в какой ситуации не позволит выставить себя идиотом.
Ну что же, Томас был сыном своего отца.
Он снял трубку. Телефон у них был старомодный, с дисковым, а не кнопочным набором. Мать предпочитала такие аппараты: считала, что изящнее крутить диск, чем нажимать кнопки. Он набрал домашний номер Джоэла Харримана.
И услышал мгновенно узнаваемый голос пресс-секретаря – скрипучий, противный голос школьного клоуна, который привык развлекать одноклассников:
– Томас! Привет, старина. Как дела?
Томас считал, что Джоэл Харриман потерял связь с реальностью еще два десятка лет назад. Толку от такого пресс-секретаря не было, но мать упорно отказывалась его увольнять, и Томас знал почему: этот урод был завзятым льстецом. Харриман аккуратно зачесывал на плешь волосы, носил дизайнерские костюмы в спортивном стиле и кроссовки, посещал солярий. Он регулярно рассылал в газеты и на телевидение абсолютно бездарные, плохо напечатанные и плохо отксеренные пресс-релизы.
Однако нужно отдать должное Джоэлу Харриману – информация о дне рождения Глории Ламарк все-таки появлялась в СМИ, а изредка, когда по телевидению вновь показывали какой-нибудь старый фильм с ее участием, этому типу даже удавалось организовать интервью на местном радио.
– Вы кому-нибудь сообщили о смерти моей матери? Вы вообще хоть что-нибудь сделали? – спросил Томас, с трудом подавляя гнев.
Тон Джоэла изменился:
– Эй, приятель, что случилось?
– Скажите мне, черт побери, что вы сделали?
– Мы разослали пресс-релиз с тем текстом, который ты нам дал.
– Кому вы его разослали?
– Всем! И еще мы обзвонили тех, кому следовало сообщить об этом лично. Так, сейчас скажу: Майкл Грэйд, Дикки Аттенборо, Кристофер Ли, Лесли Филипс, Найджел Давенпорт, Далей Грей, Майкл Деннисон, Джон Гилгуд, Майкл Уиннер, Барри Норман, Рэй Куни, Майкл Гордон, Тони Хопкинс, Шон Коннери. Томас, по-твоему, этого недостаточно? Но не следует забывать, что многие из друзей твоей матери уже либо умерли, либо стали слишком немощными, чтобы прийти на похороны.
– Я видел только один некролог. В «Таймс». Тот, который написал я сам, – заявил Томас.
– Гм… Тогда загляни в «Скрин интернешнл». Еще один появится на следующей неделе в «Вэрайети». А теперь скажи мне, старина, как там у вас дела?
– Хорошо, – тихо ответил Томас.

– Много народу на похороны пришло?
– Толпы.
– Здорово, просто здорово. Твоя мама была выдающейся женщиной. Если хочешь знать мое мнение, так ни одна из нынешних актрис Глории Ламарк и в подметки не годится.
– Мне пора идти к гостям, – сказал Томас. – Я и так с трудом урвал минутку, чтобы позвонить.
– Извини, что не могу быть сейчас с тобой. Я рад, что пришло много людей. Вот что, Томас, не вешай нос. Ты был замечательным сыном. Глории с тобой повезло. Нам всем будет ее не хватать.
Томас повесил трубку. В душе у него бушевал просто неистовый гнев.
Он окинул взглядом фотографии на стенах. Его мать тоже, бывало, просто бесилась от злости. Вот в чем беда нынешнего мира: всегда найдется что-нибудь такое, что выведет тебя из терпения. Не успеешь справиться с одним стрессом, как тут же возникает новый.

«Ты должен взять себя в руки. Иначе… Как там сказал Поуп: „О, Хаос! Царство страха твое родилось вновь!“
[2]

Хаос.
Эффект бабочки погубит тебя. Один взмах ее прозрачных крылышек где-то далеко-далеко… Твой долг не допустить этого, ты должен поймать бабочку и оторвать ей крылышки».
Томас вытащил из бумажника визитную карточку этого желторотого репортера, Джастина Ф. Флауаринга, и уронил ее на стол. Визитка упала лицевой стороной вверх, он счел это хорошим знаком.
Достал из кармана монету, подбросил ее.
«Орел. Отлично. Предчувствие не обмануло меня: мы и впрямь станем с тобой врагами, парень».

Он набрал 141
[3]
, потом номер на карточке.

Джастин Ф. Флауаринг снял трубку: он уже вернулся на свое рабочее место.
Томас изменил голос, чтобы репортер не узнал его:
– Мне сообщили, что вы сегодня присутствовали на похоронах Глории Ламарк. Вы пишете заметку об этом?
– Да. Хотя писать там по большому счету не о чем. На похороны вообще никто не пришел.
– И когда ожидается публикация?
– В завтрашнем выпуске.
– Хотите, подкину вам сенсацию? Надо же как-то оживить статью!
– А что у вас есть?
– Давайте встретимся. Это не телефонный разговор.
– Кто вы?
– Пока не стану называть вам свое имя. Приезжайте, куда я скажу. Сегодня в шесть вечера. А потом можете вернуться и дописать свою заметку. Вам это понравится, Джастин. Обещаю, вам понравится то, о чем я расскажу. Вы здорово повысите свой образовательный уровень.

15

– Я теперь мыслю более ясно, – сказала Аманда. – Ощущаю себя увереннее. Я и вправду чувствую, что моя жизнь налаживается.
– Смотреть реальности в лицо всегда нелегко. Гораздо проще проигнорировать ее или подкорректировать, дабы увидеть все в желаемом свете.
Аманда кивнула. Она и сама сталкивалась с такой проблемой. Ей потребовалось три года посещать психотерапевта (а один сеанс стоит, между прочим, шестьдесят пять фунтов), чтобы

понять реальность, в которой она существовала последние семь лет. И она наконец-то сумела посмотреть ей в лицо.
И вот теперь Аманда Кэпстик сидела в большой комнате с бирюзовыми стенами и плетеной мебелью и рассказывала все это своему психотерапевту. На паркетном полу здесь и там лежали небольшие афганские ковры, а на каминной полке стояла статуя Будды.
Ее психотерапевта звали Максина Бентам, и она являлась дальним потомком знаменитого философа Иеремии Бентама. Иеремия Бентам был страстным защитником человеческого права на счастье и верил, что люди должны быть свободны, а не ограничены всевозможными запретами, в том числе на законодательном уровне. Разделявшая убеждения предка Максина утверждала, что слишком многие наши современники существуют под гнетом вины, которая способна задушить их. Людей следует освободить от нежелательного багажа, который обременяет нашу жизнь, считала она.
Максина была крепко сбитой женщиной, не толстой, не грузной, а этакой умиротворенной пышечкой с добродушным лицом и светлыми, коротко подстриженными волосами и проницательными глазами. Сегодня она была одета как обычно, в сшитое на заказ черное мешковатое платье, доходившее ей до щиколоток. На ее коротких толстых пальцах красовались массивные перстни, а на шее висел здоровенный, размером с небольшую планету, кристалл кварца.
Аманда сидела в плетеном кресле, прихлебывала мятный, уже остывший чай. Приходя сюда, она всегда чувствовала прилив энергии. Психотерапевты обычно не высказывают свое мнение, если их об этом не просят, но Аманда сразу предупредила Максину, что хочет услышать ее суждение. Максина походила на мудрую тетушку, и Аманда в ее присутствии чувствовала себя в безопасности и очень комфортно. Хотела бы она и со своей матерью говорить так же, как с Максиной. Аманда всегда завидовала своей лучшей подруге Рокси, у которой установились с матерью такие доверительные отношения, словно они были ровесницами. Сама Аманда неплохо ладила с матерью, но они никогда не вели задушевные беседы, и теперь это уже вряд ли изменится.
Ее мать относилась к поколению шестидесятых – хиппи, «дети цветов», – она так и осталась в том времени, не научившись жить по-взрослому. Аманде была гораздо ближе ее сестра Лара, хотя, признаться, она и считала жутким занудой ее мужа, банкира-трудоголика. А троих их детей, племянника и двух племянниц, Аманда просто обожала.
Максина удобно уселась на полу, прислонившись спиной к дивану, и спокойно смотрела на пациентку: ждала продолжения.
– Брайан! – сказала Аманда. – Представляете, мне даже имя его теперь не нравится! Поверить не могу, что столько лет была любовницей человека, которого звали Брайан!
Максина улыбнулась:
– Очень интересно, Аманда. Вы не помните, давно ли вам разонравилось это имя?
– Да мне вообще все в нем не нравится!
– Ну, это вряд ли. Я все еще не уверена, что вы готовы с ним расстаться. Я думаю, вы добрались до вершины одного холма, и это здорово. Но теперь вам предстоит взять другую вершину, еще более высокую.
– Я уже там! – решительно сказала Аманда. – Это точно.
– Почему вы так думаете?
Аманда смотрела на тоненькие полоски серого дневного света, пробивающиеся сквозь жалюзи. Всего в нескольких кварталах отсюда была Портобелло-роуд, и какой-то водитель на улице – то ли легковушки, то ли грузового фургона – жал на кнопку гудка: звук получался уродливый, дребезжащий.
– Потому что… – сказала Аманда. В ожидании, когда он уже перестанет наконец гудеть, она съежилась на своем стуле, закинула ногу на ногу, потом опять села, как прежде. День стоял серый, душный. Даже в футболке и легких джинсах ей было слишком жарко в этой достаточно просторной комнате. Гудок смолк было, но тут же взревел снова. Аманда поняла, что это сигнализация. Потом, к счастью, звук прекратился. – Потому что я иду на свидание!
Пот струился с нее градом.
«Господи боже, надеюсь, я не заболела! А если вдруг заболела, то, пожалуйста, пусть я поправлюсь к завтрашнему дню».
Максина посмотрела на пациентку не то чтобы с восторгом, но с удовлетворением.

– Правда?
– Я не принимала приглашений на свидания с…
Максина не торопила ее.
Наконец Аманда улыбнулась:
– Пожалуй, лет семь уже.
– С того дня, как вы впервые легли в постель с Брайаном?
– Да.
Аманда покраснела и улыбнулась смущенно, словно школьница. Она всегда чувствовала себя здесь школьницей.
– Ну что ж, Аманда, все это замечательно. Плохо только то, как вы теперь обращаетесь с Брайаном. Я бы хотела увидеть у вас неприятие. А на самом деле вижу отрицание. Вы не отвечали на его звонки и электронные послания, вы отрицали его существование. Верно? Вот вы недавно с ним обедали, но сказали ли вы ему всю правду?
– Да.
– Вы должны были сказать: «Слушай, Брайан, ты меня обманул. Когда наши отношения еще только начинались, ты уверял меня, что твой брак себя изжил. А через месяц после того, как мы стали близки, ты вдруг огорошил меня: оказывается, твоя жена беременна вторым ребенком. Да, Линда была уже на пятом месяце и долго скрывала от тебя беременность, потому что у нее часто случались выкидыши и она боялась сглазить, но для меня это было словно гром среди ясного неба!» Вы сказали ему это? – Максина посмотрела Аманде в глаза. – Конечно, после такого известия вы не могли настаивать, и развод пришлось отложить. Брайан не мог уйти от беременной жены, да и бросить ее с грудным младенцем тоже не мог. – Максина пожала плечами. – А потом у его супруги приключилась послеродовая депрессия, и он опять должен был ее поддержать. На протяжении семи лет он постоянно придумывал всевозможные причины. Он все время собирался развестись, однако так этого и не сделал. И вот, два месяца назад, после того как Брайан уверял вас, что не занимался с женой любовью в течение последних шести лет, она вдруг опять оказывается беременной. Это становится последней каплей, вы словно бы просыпаетесь и понимаете… э-э… где находились все эти семь лет. Аманда, признайтесь: вам ведь только показалось, что во время обеда вы и в самом деле все высказали Брайану? Так?
– Нет, не так! Я действительно все ему высказала. – Она задумалась на секунду. – Правда.
– А вы при этом злились на него или были спокойны?
– Абсолютно спокойна. Я пыталась дать ему понять, что чувствую.
– Потому что все еще любите его? – предположила Максина.
– Ничего подобного! – горячо заверила ее Аманда. – Нет, я больше не люблю Брайана. Я сидела напротив него и… вообще ничего не чувствовала.
– Но так не бывает, Аманда. Что-то вы все же чувствовали. Скажите мне, что именно.
Аманда помолчала, потом ответила:
– Я подумала, как он постарел. Я его жалела. Сочувствовала ему. А когда вспомнила, что делила с этим человеком постель, мне вдруг стало противно!
Психотерапевт смотрела на нее с непроницаемым выражением лица.
– А тот, с кем вы идете на свидание, – этот человек другой?
– Абсолютно.
– Он женат?
– Нет, вдовец.
– Вы с нетерпением ждете встречи с ним? Или же для вас это свидание своего рода проверка – как вы будете себя чувствовать с другим мужчиной? Постарайтесь честно ответить на этот вопрос, Аманда.
– Ну, пожалуй, отчасти проверка. Он пригласил меня завтра в театр «Глобус», а я там еще никогда не была. И я хочу увидеть эту постановку.
– На свидания люди ходят, чтобы увидеть друг друга, Аманда. То, о чем вы говорите, похоже не на свидание, а скорее на возможность скоротать вечер вне дома. Вы ни слова не сказали мне о том человеке, который вас пригласил. Вам это не кажется странным?
– Ну… он очень интересный мужчина.
– Он вас возбуждает? Вы хотите лечь с ним в постель? Хотите иметь от него детей?
Аманда ухмыльнулась и снова покраснела:

– Эй, не гоните лошадей! Я еще…
– Что вы?
– Я еще не думала об этом.
– С Брайаном все было иначе. Вы сказали, что легли с ним в постель на самом первом свидании.
– Да, я не могла упустить такую возможность. Я, как только увидела Брайана, сразу захотела его до смерти.
– В отличие от вашего нынешнего кавалера, да?
– Ну, он мне просто нравится. Я его едва знаю. В любом случае у меня в отношении его имеются определенные планы. Я хочу использовать его в своем следующем фильме. Так что это не любовное приключение.
– Как вы сказали, его зовут? Майкл? Значит, бедняге Майклу отводится в вашем эксперименте роль подопытного кролика, верно? Вы хотите проверить, каково вам будет с другим мужчиной?
– Нет! Все не так просто!
– Объясните, что вы имеете в виду.
– А как далеко, по-вашему, все это может завести, Максина?
– А сами-то вы как думаете?
– Не знаю. Понятия не имею. Вполне возможно, что одним свиданием дело и закончится, никакого продолжения не будет.
– Вы уверены, что вас не влечет к этому мужчине?
– Да вы, похоже, на меня давите!
– Угу! – Максина кивнула. Решительно и добродушно. – Аманда, я хочу услышать ваш ответ. Вы уверены, что вас не влечет к этому мужчине?
– Я вам отвечу на следующей неделе.

16

Без четверти шесть Джастин Флауаринг оставил свое рабочее место в редакции «Милл-Хилл мессенджер», ничего не сказав редактору в надежде к ночи удивить его скандальной историей об актрисе Глории Ламарк.
Он засунул в рот жевательную резинку и направился туда, куда ему велел по телефону незнакомец. Его маршрут лежал через промышленную зону, бóльшую часть которой занимали ремонтные мастерские лондонского таксопарка, за ними начинался расположенный под железнодорожным мостом туннель.
Дойдя до середины туннеля, Джастин остановился, как ему и было сказано, прислонился спиной к стене и, жуя резинку, задумался о своей карьере. Ему было девятнадцать, и он уже целый год подрабатывал в газете. Он мечтал стать спортивным журналистом и, может быть, даже известным комментатором, как его кумир Дес Линам. Джастин был юноша высокий, мускулистый, спортивный. Он надеялся, что после встречи с таинственным незнакомцем успеет вернуться в редакцию, закончить статью и захватить последние полчаса тренировки – он играл в футбол.
Джастин увидел приближающуюся машину, а за ней – фургон. Посмотрел на фургон, но тот, сверкнув красным кузовом, проехал мимо. Машины двигались плотным потоком, но белого фургона среди них не было.
Он снова подумал о странном, очень высоком человеке – сыне Глории Ламарк, который так разозлился на него сегодня на похоронах; как этот тип раскричался, когда Джастин попытался задать ему несколько вопросов о матери, можно подумать, репортер должен был вызубрить всю ее биографию.
Может, и надо было выучить. Хотя, вообще-то, он попытался узнать что-нибудь об актрисе, перед тем как ехать на похороны, даже на ее сайт зашел.
Юноша увидел еще один фургон. На сей раз белый. Напрягся, подошел к краю тротуара. Водитель мигнул поворотником и притормозил. На нем были бейсболка и темные очки. В темноте салона разглядеть его лицо не представлялось возможным.
Джастин сел и захлопнул дверь. Водитель протянул руку.

– Привет! – Голос его показался репортеру знакомым.
Когда их руки соединились, Джастин почувствовал легкий укол в ладонь, словно комар укусил. Водитель твердо сжал его руку, не желая отпускать. Джастин попытался было вырваться, но тут лицо водителя расплылось у него перед глазами.

Лицо водителя по-прежнему оставалось мутным, но теперь Джастин видел его через запотевшее стекло. Вокруг пахло сосной, он находился в сауне, и с него градом струился пот. Джастин полулежал-полусидел, привалившись к стене. Его руки были растянуты веревками, а ноги связаны и прикручены к противоположной стене. Костюм с него почему-то не сняли. Жара стояла невыносимая, и юноша отчаянно хотел пить.
Водитель смотрел на него через стеклянное окошко в двери, сквозь облако обжигающего пара, и теперь Джастин узнал его лицо: да это же Томас, сын Глории Ламарк.
Этот человек решил сыграть с ним какую-то нелепую, злую шутку – он поместил его в сауну, на стул перед ним поставил телевизор и видеомагнитофон (завернув и то и другое в полиэтилен, чтобы защитить от пара) и включил один из старых фильмов с участием своей матери. На экране за штурвалом биплана сидела женщина, а мужчина – этого актера Джастин не знал – отчаянно цеплялся за крыло.
Джастин был зол на Томаса, но в то же время побаивался его. Странный какой-то тип, абсолютно непредсказуемый, такой убьет и глазом не моргнет. Юноша решил вести себя осмотрительно. Тут дверь открылась, и Джастин с благодарностью вдохнул струю прохладного воздуха.
Томас Ламарк вошел и кивнул на телевизор.
– Да будет тебе известно, Джастин Ф. Флауаринг, эта картина называется «Крылья джунглей». Лучший фильм моей матери. Тебе нравится?
Чтобы не злить его, Джастин кивнул.
– Мне очень не по вкусу твой галстук, Джастин Ф. Флауаринг. Тебе никто не говорил, что на похороны нужно приходить в черном галстуке? В простом черном галстуке.
– Нет, никто не говорил.
В глазах этого человека мелькнуло нечто такое, что напугало репортера еще сильнее.
– Кажется, тебе не слишком удобно, Джастин Ф. Флауаринг? Я думал, ты крутой газетчик, которому и жара, и холод нипочем. А теперь назови мне имена актера и актрисы на экране.
– Глория Ламарк, – ответил Джастин.
– Очень хорошо. А теперь мужчины.
Юноша беспомощно смотрел на него.
– Я же тебе говорил, – сказал Томас. – Назвал все ее фильмы, перечислил всех звезд. У тебя небось голова забита всяким артхаусным мусором, да? Тебе нравится Феллини? Жан-Люк Годар? Ален Роб-Грийе?
– Я редко хожу в кино.
– Ты, Джастин Ф. Флауаринг, должен понять, что сюжеты фильмов моей матери были простыми. Нет, ни в коем случае не примитивными, просто их отличала доходчивость. Никакого тебе артхаусного дерьма. Никакой смертельно скучной «новой волны». Но я тебе скажу кое-что, Джастин Ф. Флауаринг: Глория Ламарк была великой актрисой. И поэтому завистники уничтожили ее карьеру. Я хочу, чтобы ты запомнил это для своей статьи, понял?
Джастин кивнул.
– Таких фильмов нынче не снимают. И никогда никому уже больше не создать такого шедевра. Никогда – потому что Глория Ламарк умерла. И они убили ее. Да, убили!
Внезапный приступ ярости охватил Томаса, он сделал шаг вперед и, выплеснув на камни ведро воды, отшатнулся назад, когда над углями поднялся густой пар. Наполнил ведро еще раз и вновь вылил его содержимое на камни.
Жара стала просто невыносимой. Джастин закричал. Томас Ламарк вышел из кабинки и закрыл дверь.
Юноша лежал, мотая головой, пытаясь найти хоть одну струю прохладного воздуха в сплошном горячем пару. Пар этот обжигал его легкие, когда Джастин делал вдох. Обжигал его ноздри и глаза, а волосы уже начали хрустеть. Жара стояла такая, что мозг ненадолго обманул Джастина: ему вдруг стало казаться, будто он погружен в лед. Но это продолжалось недолго, и вскоре он вернулся обратно в раскаленный ад.

Некоторое время спустя дверь открылась. В проеме стоял Томас Ламарк; в одной руке он держал паяльную лампу, а в другой – электрическую дисковую пилу.
– Джастин Ф. Флауаринг, сейчас мы с тобой сыграем в одну игру, чтобы помочь тебе запомнить фильмы моей матери. Я сейчас назову тебе их все снова. А когда закончу, ты повторишь. Одни только названия. Ясно?
– Да. – Голос репортера звучал слабо.
– Хорошо. Это будет забавно, Джастин. Но имей в виду: каждый раз, когда ты ошибешься, я буду отрезать тебе одну конечность. Понял?
Репортер с ужасом уставился на него.
Томас перечислил все двадцать пять фильмов, потом сказал:
– Теперь твоя очередь, Джастин.
– Не могли бы вы повторить?
– Я повторю, после того как ты сделаешь ошибку, только в этом случае, Джастин. А пока начинай.
– «К-крылья джунглей», – произнес Джастин Флауаринг.
Томас одобрительно кивнул.
– «Досье… Досье… Досье Аргосси».
Томас улыбнулся:
– Близко, Джастин, но не совсем так. Фильм называется «Досье Арбутнота»! Но ты попал почти в точку, так что я предоставлю тебе еще один шанс.
И Томас улыбнулся такой теплой улыбкой, что Джастин понял: этот парень пошутил, ничего отпиливать он ему не собирается.
Репортер тоже улыбнулся:
– Спасибо.
– Не за что, – ответил Томас. – А теперь продолжай.
– «Дьявольская гонка».
– Хорошо. Осталось всего двадцать два фильма, Джастин.
– «Штормовое предупреждение».
– Двадцать один!
– Мм… что-то там такое про Монако, да?
– Я не стану тебе подсказывать, Джастин. Ты должен сделать все сам.
Он с ненавистью смотрел на парня, на его светлые волосы, прилипшие ко лбу, на пот, стекавший по его лицу.
Не в силах вспомнить больше ни одного названия, журналист беспомощно взирал на Томаса.
– Двадцать с половиной: неважный результат, Джастин Ф. Флауаринг. Пожалуй, придется подстегнуть твою память.
Томас включил пилу и сделал шаг вперед.
Джастин закричал. Он отчаянно бился в своих путах, но те прочно удерживали его. Он видел, как диск пилы приближается к его запястью – все ниже, все ближе.
Нет, Томас наверняка остановится. Он просто пугает его.
Джастин почувствовал острую боль в запястье. Увидел алую струйку крови. Он услышал скрежет пилы и одновременно – разум юноши отупел от боли, но тело его кричало – ощутил невыносимую боль, словно его руку зажали в тиски. Бедняга закрыл глаза, его крики превратились в невнятное бульканье. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Томас держит его отпиленную кисть.
– Ты глупый мальчишка, Джастин. Это тебе наука: впредь будешь воспринимать мои слова серьезно.
Сознание Джастина было затуманено болью и шоком. Он подумал, что, вероятно, все это ему снится и он вот-вот проснется. Но потом юноша увидел пламя, вырывающееся из паяльной лампы. Услышал рев горелки. Увидел, как Томас взял ее и поднес к его культе.
Джастин закричал так, что легкие в его груди почти разрывались от крика.
Потом боль пронзила все его тело. Несчастному казалось, что мозг уже готов выскочить из черепной коробки.
А потом наступила темнота.

17

16 июля 1997 года, четверг, 3:00

Купите себе белый фургон.

Нет, серьезно, это лучший совет, какой я могу дать. Но только не новый и не слишком яркий, чтобы не привлекать внимания. Простой белый фургон, «форд-транзит» вполне подойдет. Или «хайас». Не имеет значения. Убедитесь, что с ним все в порядке: что электрика не барахлит, что аккумулятор заряжен. И вас не заметят. С белым фургоном вы становитесь невидимкой.

Это абсолютно точно.

А будучи невидимкой, вы сможете творить все, что захотите.

Я пробовал рассказать Джастину Ф. Флауарингу о принципе неопределенности Гейзенберга. Но он совсем не в настроении учиться и уж определенно не в состоянии усвоить зараз больше одного постулата.

Парень никак не мог уразуметь, что, как утверждал Гейзенберг, сам факт наблюдения за научным экспериментом меняет поведение изучаемых объектов. И тогда я попытался объяснить все Джастину Ф. Флауарингу на примере: одно только мое наблюдение за тем, как он в сауне смотрит фильмы с участием моей покойной матери, незаметно влияет на него, столь незаметно, что это даже и измерить невозможно.

Однако репортеришка вообще не понял, о чем я толкую.

Он еще долго пробудет в сауне. Я слежу за временем. Сейчас он смотрит «Дьявольскую гонку». Фильм продолжается девяносто восемь минут. Спущусь к нему через минуту, спрошу, какой следующий фильм он хочет посмотреть. Выбор огромный, после моей матери осталось столько великих картин. Я думаю, если Джастин Ф. Флауаринг просмотрит все по нескольку раз, то это сильно улучшит его память.

Вообще-то, одного только фургона мало. Вам понадобятся белый фургон и кнопка – наподобие канцелярской, но несколько усовершенствованная.

Про кнопку я еще расскажу, чуть позже.

18

Если нужно,
Тьму вечную я встречу, как невесту,

И заключу в объятья!
[4]

Актер уходит со сцены влево. На сцену справа входит другой. Майкл понятия не имел, кто они такие. Его тело находилось в театре «Глобус», в первом ряду бельэтажа, однако мысли витали где-то далеко. Он напряженно размышлял, главным образом об Аманде.

Упоминание о смерти вернуло его к пьесе.

Пригласить девушку в театр была не самая удачная мысль. Лучше бы они сходили куда-нибудь выпить или перекусить, куда-нибудь в такое место, где можно поговорить. А теперь придется сидеть рядом с ней три бесконечных часа, не имея возможности ни побеседовать, ни толком сосредоточиться на пьесе. Да вдобавок еще кресло такое неудобное.

Его мысли перенеслись от Аманды к Глории Ламарк. Майкл чувствовал себя виноватым из-за того, что не был вчера на ее похоронах. Но как он мог пойти? Разве сумел бы он смотреть в глаза ее сыну, ее друзьям, зная, что виноват в смерти бывшей актрисы? Так что он попросту спрятался от проблемы. Опять сделал то, чего категорически не рекомендовал делать своим пациентам.

Майкла нельзя было назвать великим знатоком Шекспира. Правда, он любил некоторые его трагедии, в особенности «Короля Лира», но вот о пьесе «Мера за меру» и понятия не имел. Нужно было прочесть ее накануне, и он собирался это сделать, но так и не нашел времени. А теперь Майкл потерял нить повествования и не мог понять, кто есть кто.

Один из персонажей был герцогом Вены. Другой, по имени Анджело, весь из себя этакий пуританин, приговорил к смерти некоего Клаудио, вроде бы за то, что тот соблазнил его невесту. Но больше всех говорила женщина по имени Изабелла. Сестра Клаудио? Вполне вероятно.

В каждом театре свой запах. Его приносят потоки холодного воздуха откуда-то из глубин за сценой. Это запах кулис, старых костюмов, грима, запах волнения. Майкл знал его с детства, тогда он ходил смотреть пантомимы, которые очень любил. Но сегодня все перебивал аромат духов Аманды. Тот же самый, что и на прошлой неделе, чуть терпкий, невероятно чувственный.

Она смотрела пьесу с восторгом, так дети наблюдают за выступлением фокусника. Спектакль и впрямь увлек ее. Аманда смеялась шуткам, смысл которых ускользал от Майкла, хлопала после монологов, держалась восхитительно раскованно и, похоже, прекрасно знала пьесу. Он чувствовал себя рядом с ней необразованным мужланом.

Невежественный, скучный старпер на старой машине, давно разучившийся флиртовать.

Аманда сегодня была особенно красива и вела себя с ним холоднее, чем он рассчитывал. Вечер начался с формального рукопожатия, когда Майкл заехал за ней перед спектаклем. Аманда предложила ему выпить, это прозвучало не менее формально. Времени у них было в обрез, однако Майкл согласился. Частично из вежливости, но в основном из любопытства – хотел увидеть ее жилище.

Квартира удивила его. Он почему-то решил, что Аманда обитает в тесной комнатушке где-нибудь на цокольном этаже или вовсе в подвале, темной, грязной – в таких в молодости жили он сам и большинство его друзей. Но она провела Майкла в большую светлую гостиную, из окна которой открывался великолепный вид на Хэмпстед, Сент-Джонс-Вуд и весь лондонский Уэст-Энд.

Много свободного пространства; паркет из полированного дуба; стены, наполовину обшитые светлыми деревянными панелями; двери, плинтусы и мебель в тон. На стенах несколько превосходных современных картин, остроумные трактовки классических сюжетов. Одна ему

особенно понравилась: пародия на «Рождение Венеры» Боттичелли. Венера появлялась на свет на автомобильной парковке, выходила из разбитого «кадиллака». Кухня Аманды представляла собой стальной полигон в стиле хай-тек, напичканный самой современной бытовой техникой. Хозяйка подала ему чилийский совиньон: охлажденный, в изящном высоком бокале.
Признаться, Майкл не ожидал ничего подобного от облаченной в джинсы девчонки-сорванца, какой Аманда предстала перед ним в его кабинете и в студии. А сегодня она выглядела под стать своей квартире: изысканная, необыкновенно женственная, убийственно, просто ослепительно красивая.
Вообще-то, Майкл был готов к любым неожиданностям, однако ничего подобного он даже и предположить не мог. Да, нередко при второй встрече люди представляются нам иными, а многие выглядят по-разному в зависимости от ситуации, но таких разительных изменений, как в случае с Амандой, Майкл еще ни разу в жизни не наблюдал.
Перед ним была не только красивая, но еще и очень умная, уверенная в себе молодая женщина. И Майкл сильно смущался рядом с таким совершенством. Похоже, сегодня его уверенность в себе взяла выходной, и еще он боялся (чувство, в общем-то, совершенно ему не свойственное), что его отвергнут.
В последние три года все друзья и коллеги Майкла усиленно пытались свести его с подходящими, по их мнению, женщинами, хотя сам он отнюдь не горел желанием с кем-то знакомиться. После нескольких неудачных свиданий с дамочками, которых ему буквально навязали («Майк, ты будешь от нее в восторге, из вас получится прекрасная пара!»), он наотрез отказался участвовать в подобных экспериментах. Казалось, что весь мир полон закомплексованных разведенок, которые, словно сговорившись, выдавали ему в кафе за столом стандартные шутки: «Кто знает вас, психиатров, а вдруг вы в этот самый момент анализируете меня?»
Кейти была особенной. Красивой, добросердечной, заботливой, уравновешенной, замечательной собеседницей, великолепной хозяйкой и необыкновенно талантливым дизайнером. Она превратила их маленький дом в Патни в уютное гнездышко, а в саду создала самую настоящую сказку. Майкл с Кейти были больше чем просто любовниками и друзьями – они были половинками единого целого.
Так какого черта он сам все это разрушил?
Аманда казалась единственной женщиной, которая могла сравниться с Кейти. Но Майкл был не на уровне: бормотал что-то про погоду, пробки на дорогах и о том, как трудно в Лондоне припарковаться. Если на прошлой неделе у нее, возможно, возникали подозрения, что он старпер на потрепанном «вольво», то за те десять минут, что Майкл провел в ее квартире, Аманда наверняка утвердилась в этом мнении.
Он пожалел, что не приехал на мотоцикле. Но красный «дукати» вот уже три года пылился в гараже. У Майкла ни разу не возникало желания прокатиться на нем.
По пути в театр они говорили о том, как меняется архитектура Лондона. Выяснилось, что тут их вкусы совпадают: обоим нравилось здание Ллойда и обоих раздражала башня в Канари-Уорф. Ну, слава богу, это уже кое-что, дело помаленьку сдвинулось с мертвой точки.
У Аманды были потрясающие ноги, но его смущала слишком короткая юбка: интересно, это теперь так носят или она намеренно его соблазняет? Майкл безнадежно отстал от моды.
Он чувствовал себя не в своей тарелке.
Актер на сцене произносил монолог:

– Но умереть… уйти – куда, не знаешь…
Лежать и гнить в недвижности холодной…
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли…
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вкруг

Земного шара и страдала…
[5]

Возможность реабилитироваться представилась ему в первом антракте. Они протолкались сквозь толпу в бар и взяли спиртное, которое Майкл предусмотрительно заказал заранее. Они чокнулись, он заглянул в сияющие глаза Аманды.
– Ну, как у тебя сегодня прошел день? – бодро спросила она. – Чем занимался?
Он опять едва все не испортил, выпалив правду:
– Я собирал в парке собачьи экскременты.
И тут же пожалел о своих словах: это звучало не слишком гламурно и романтично.
– У меня тоже была собака, – сказала она со страстной горячностью. – И я всегда пользовалась специальным совком.
– Я не совсем это имел в виду, – пробормотал Майкл, чувствуя себя хуже некуда. – Я собирал их для одной своей пациентки.
Аманда посмотрела на него подозрительно серьезно.
– Она страдает ОКР, – поспешил пояснить Майкл.
– Чем-чем она страдает?
Тут кто-то толкнул его, пиво выплеснулось из стакана и попало на манжету рубашки. Майкл сделал вид, что ничего не заметил.
– Обсессивно-компульсивным расстройством. Она впадает в панику при виде грязи… более того, даже сама мысль о грязи наводит на нее ужас. Я собирал собачьи экскременты в баночку, чтобы принести ей, – это часть терапии.
Аманда с облегчением вздохнула. И поинтересовалась:
– А можно включить это в фильм?
– Нужно спросить пациентку, не уверен, что она согласится.
– Ничего, пригласим актрису.
Он кивнул.
– И что ты потом заставляешь ее делать с собачьими фекалиями?
– Ничего, просто смотреть на них. Это обычный способ лечения – столкнуть человека с тем, что вызывает у него страх. Пациентка боится дотронуться до дверной ручки или снять трубку телефона-автомата, и еще она одержима мытьем рук: в неделю изводит несколько кусков мыла. Одна из ее проблем в том, что она не может пройти по улице мимо собачьих экскрементов. Едва завидев их, сразу поворачивает назад. И вот мы начинаем с малого – я пытаюсь уговорить больную дотронуться до дверной ручки. Мне нужно попытаться убедить ее в том, что опасность заражения ничтожна, проблема гнездится в мозгу.
Аманда ухмыльнулась и отпила из бокала пива.
– Меня вдохновляют твои методы лечения.
Майклу нравилось, как она пила пиво, прихлебывая его и явно получая от этого удовольствие. Полное отсутствие жеманства делало ее еще более привлекательной. Кейти ненавидела пиво.
«А ведь я их сравниваю».
Непосредственность – вот что ему по-настоящему нравилось в Аманде. Она была элегантна, красива, но в то же время чувствовалась в ней какая-то сумасшедшинка, и уже не в первый раз за этот вечер Майкл ловил себя на мысли: а какова, интересно, она в постели?
У него возникла эрекция. Майклу хотелось набраться смелости и обнять девушку, но он боялся, как бы она не решила, что это чересчур, а потому каждый раз, когда их тела соприкасались, отстранялся от нее.
А как было бы хорошо прикоснуться к ее руке или откинуть прядь светлых волос, упавшую Аманде на лоб. Ее кожу покрывал нежный загар. Он увидел у нее на руках несколько веснушек в золотистом пушке волос, и это показалось ему очень сексуальным.
«Ты великолепна, ты невероятно, просто потрясающе красива. Мне нравится, как ты выглядишь, мне нравится, как ты обустроила свою квартиру. Я хочу узнать тебя поближе. Я очарован, по-настоящему очарован!» – думал Майкл.
Но вслух он сказал:

– Если тебе интересно, я могу начертить кривую привыкания.
– А что это?
– Такой график. Он строится в координатах «страх» и «время». В первый раз, когда я показываю пациентке банку, кривая резко уходит вверх. Во второй раз она будет уже пониже, и так далее.
«Боже, Майкл, ты безнадежен. Ну просто великий соблазнитель. Пригласил девушку на свидание и развлекаешь ее рассказами о собачьих какашках».
Позднее, когда спектакль закончился и они вышли из театра, Майкл сообщил Аманде, что у него заказан столик в ресторане «Плющ», в Ковент-Гардене.
– Ну и ну! – воскликнула она. – Это же один из моих любимых ресторанов! Как ты узнал? Ты телепат?
Аманда подумала, что это весьма любопытное совпадение: «Плющ» был дочерним рестораном «Каприза», куда ее водил Брайан, но только более скромным, без лишней показухи. И сам Майкл тоже гораздо скромнее Брайана, который весь на понтах.
– Я психотерапевт, – серьезно ответил он. – Я знаю все.
Аманда улыбнулась, заглянула ему в глаза и ничего не сказала. Майкл на мгновение отвлекся, засмотревшись на «феррари» с откидным верхом – красивая машина громко ревела, пытаясь пробиться сквозь образовавшийся затор.
И никто из них не заметил белый фургон, припаркованный на другой стороне улицы, как раз напротив входа в ресторан.

19

Элегантно одетая пожилая дама тоже не заметила белый фургон.
Такси остановилось у ее красивого белого многоэтажного дома в стиле Регентства, выходящего фасадом на набережную. Водитель припарковался почти прямо перед белым фургоном. Было четыре часа дня.
Рукой, облаченной в белую перчатку, дама протянула таксисту купюру в пять фунтов и любезно улыбнулась, хотя и не без труда, потому что ее кожа после подтяжки (уже пятой по счету) была натянута, словно на барабане.
– Сдачи не надо.
– Десять пенсов? Спасибо, дорогая! Вот так щедрость!
С той же любезной улыбкой на лице, держа в руке фирменный пакет универмага «Ханнингтон», она направилась к подъезду. Пожилая дама двигалась медленно, но с достоинством, и осанка у нее была отличная: спина прямая, голова поднята высоко. Ветер трепал шелковый шарф под широкополой шляпкой.
Послышался звон – десятицентовая монета упала на асфальт у ее ног.
– Оставь сдачу себе, старая перечница! Тебе десять пенсов явно нужнее, чем мне!
Дама повернулась и показала водителю палец. И еще для верности, чтобы у него не осталось сомнений, покачала рукой вверх-вниз.
Ужасный, невежественный человек. Неужели этот таксист не знает, кто она? И откуда он только такой взялся! Неужели не смотрел вчера телевизор? Не читал сегодняшних газет? Не в курсе, что она получила премию Британской академии кино и телевидения?
Да, ей вручили награду «За выдающийся вклад в искусство кинематографии»! Вчера вечером. А этот кретин-извозчик даже не узнал ее. И еще ждал чаевых! Мало того что во всех газетных киосках сидят невежественные иностранцы, так теперь еще приходится мириться с тем, что ее не узнают водители такси. Нет, ну какой невоспитанный тип, не предложил даме донести сумку с покупками хотя бы до входной двери!
Пожилая леди вошла в здание, мучительно долго, поскольку у нее болели ноги, поднималась на третий этаж, прошла по коридору до своей квартиры, вставила ключ в замочную скважину и слегка удивилась, когда дверь сразу открылась: обычно она всегда запирала ее на два оборота. Дама вздохнула: видимо, сегодня забыла, в последнее время память все чаще ей изменяла.
На полу лежало несколько поздравительных открыток. Хозяйку квартиры встретил запах свежих цветов, ей все утро приносили букеты.

– Кора Берстридж!
Радость оттого, что она услышала собственное имя, да еще вдобавок произнесенное таким приятным голосом, была несколько омрачена тем, что оно прозвучало откуда-то из глубины квартиры, причем несколько секунд спустя после того, как она заперла дверь изнутри и навесила цепочку.
Дама повернулась и увидела высокого и красивого молодого человека, который протягивал ей руку для приветствия. Выглядел он так дружелюбно и презентабельно, что Кора Берстридж, моментально позабыв про все свои опасения, протянула незнакомцу руку для пожатия.
И тут же сквозь перчатку почувствовала слабый укол в ладонь.
Мужчина, не переставая улыбаться, держал ее за руку. У нее вдруг начала кружиться голова. Она услышала его голос:
– Меня зовут Томас Ламарк. Я хотел поговорить с вами о роли, которую вы украли у моей матери.
Он не выпустил ее руку и когда она медленно осела на пол.
Томас немного подождал, а потом извлек из кармана маленькую жестяную коробочку, которую час назад купил на набережной, в магазине «Все для рыбалки». Он открыл жестянку, заглянул внутрь и поморщился при виде извивающихся внутри маленьких белых личинок. В нос ударил мерзкий запах.
Он послал личинкам воздушный поцелуй, после чего снова закрыл крышку.

20

– Ну?
– Что «ну»?
– Да брось прикидываться! Как все прошло?
– Ты про что?
– Как прошло твое свидание? Второе свидание!
Похоже, опять проблемы с мобильной связью. Сотовый издал два резких гудка и замолчал. Аманда, одетая сегодня в шелковый пиджак леопардовой расцветки и черную футболку, покрутила в руке телефон, а затем нажала кнопку вызова. Лулу, ее ассистентка, ответила почти мгновенно.
Поток машин чуть продвинулся вперед, но потом снова замер. Проскочить перекресток на следующий зеленый сигнал ей не удастся. Рядом с Амандой остановился грузовик, грохот его мотора заглушал голос Лулу. Дизельный выхлоп бил прямо в лицо. Она заговорила громче:
– Я буду через десять минут, Лулу. Кто-нибудь уже пришел?
– Нет.
«Слава богу!»
– Извинись за меня, когда они появятся.
– Если хочешь, я им объясню, что у тебя было бурное свидание с любовником и поэтому ты…
– Не было у меня никакого свидания с любовником, ясно?
– Ясно-ясно! Успокойся! Расслабься! Это не лучший способ начать день, Аманда. Никогда не стоит начинать со стресса. Стресс сам тебя найдет, его не нужно искать.
– Господи Исусе, Лулу, где это ты вычитала?
– У Джорджа Джина Натана. Он написал: «Ни один человек не может мыслить трезво, если у него сжаты кулаки». У тебя кулаки сжаты, Аманда?
– Еще минута – и сожмутся, – сказала она.
И снова связь прервалась. Аманда была на грани срыва. Ее ассистентка Лулу, маленькая, с глазами навыкате, была девушкой доброй. Но порой и она могла довести до белого каления.
Дальше Аманда ехала молча. Двадцать пять минут десятого – в Лондоне это не самое удачное время, если ты куда-то спешишь. Пробки просто дикие. А ведь она хотела приехать сегодня пораньше: нужно было подготовиться к совещанию с двумя сценаристами из «Англия телевижн», обсудить понравившуюся ей идею нового фильма. А она вместо этого опаздывает, что совершенно некстати.
Это все Майкл Теннент виноват.

Пятнадцать минут спустя, запыхавшаяся и раскрасневшаяся после того, как пробежала полмили с Поланд-стрит, где она на многоэтажной парковке оставила машину, Аманда Кэпстик открыла дверь здания, в котором находился их офис (он располагался на Мэдокс-стрит, всего в нескольких ярдах от Нью-Бонд-стрит), и вошла в узкий коридор. На первом этаже табличка «20–20 Вижн продакшн» (черные буквы, тисненные по новой технологии на органическом стекле) красовалась в ряду других, которые выглядели гораздо скромнее. В этом здании также размещались рекрутинговое агентство, компания по импорту итальянской кожгалантереи и еще одна контора (название ее было выполнено арабской вязью), которую возглавлял упитанный выходец с Ближнего Востока, сидевший в крохотном офисе на чердаке.

Дверь захлопнулась, отделив Аманду от автомобильных выхлопов, такси и грузовых фургонов, вереница которых растянулась аж от светофора на Бонд-стрит. Она преодолела два пролета лестницы, более крутой, чем северный склон Эвереста.

«Это ты виноват, что я опоздала, Майкл Теннент!»

Они покинули ресторан «Баклажан» самыми последними. Аманда толком и не помнила, что там ела. Они все говорили, говорили и не могли наговориться.

Она пригласила его к себе на кофе, и они продолжали беседовать, когда за окнами уже стало светать. И тогда Майкл ушел, сначала неловко пожав ей руку, а потом так же неловко поцеловав на прощание. Это было без двадцати пять.

Обычно Аманда заводила будильник на семь. Но после ухода Майкла она решила переставить его на семь тридцать, чтобы поспать лишние полчаса. Это оказалось роковой ошибкой. Поскольку глаза у нее уже закрывались, она что-то напутала со временем. Сегодня утром она проснулась от телефонного звонка и страшно перепугалась, увидев, что уже без четверти девять.

Звонил Брайан. Он надеялся встретиться с ней утром до работы. Говорил, что очень хочет ее увидеть, дескать, без нее его жизнь превратилась в ад.

Аманда поблагодарила Брайана за то, что он ее разбудил. Потом посоветовала ему пристегнуться к ракете «Скад» и улететь куда подальше.

Не успела она войти, как Лулу сунула ей в руку кружку кофе. Аманда с благодарностью взяла напиток, сделала несколько глотков, потом спросила одними губами:

– Они здесь?

– Только что звонили. Застряли на трассе М4. Там грузовик перевернулся, так что они появятся не раньше чем через полчаса. Бог сегодня на твоей стороне.

Лулу носила круглые очки, в которых казалась совсем уж пучеглазой. Она так обильно поливала гелем свои жесткие черные волосы, что слегка смахивала на дикобраза. Роста Аманда была маленького – всего четыре фута девять дюймов. Она носила армейские штаны и черные ботинки на толстой подошве, отчего выглядела мужеподобной. Но не подумайте, что Лулу была лесбиянкой. Напротив, она была помешана на мужчинах и постоянно меняла любовников, так что Аманда уже со счету сбилась.

– Значит, так, – сказала ассистентка, – звонил Крис Пай с Би-би-си. Он появится только во второй половине дня. Арч Дейсон из «Флекстек» просил тебя срочно с ним связаться. И еще только что звонил Брайан.

В «20–20 Вижн» работало десять человек, но сегодня тут стояла тишина. Остальные сотрудники отправились на съемки, и на хозяйстве остались Аманда и Лулу. Лулу вообще все здесь держала под контролем. Официально она числилась ассистенткой Аманды, однако на деле совмещала обязанности секретарши, девочки на побегушках, редактора и рецензента.

Компания «20–20 Вижн» специализировалась на обличительных документальных фильмах, которые рассказывали о коррупции в строительной отрасли, о нарушениях запрета на торговлю оружием, об утаивании правительством хранилищ для ядерных отходов. Они собрали множество всевозможных наград, а три года назад даже номинировались на «Оскар» за короткометражку о продаже русским террористам ядерного оружия.

Аманда утаила от Майкла Теннента всю правду о документальном фильме, над которым они сейчас работали. Сказала, что это будет честный взгляд на методы современной психиатрии и психотерапии. На самом деле у их картины была другая цель: они хотели показать, как психотерапевты могут искалечить жизнь человеку; весь мир нынче буквально подсел на

психотерапию, а так называемые врачи имеют немалую власть над своими пациентами. Да, они обрели власть даже над их жизнью и смертью.

Аманда прошла к себе в кабинет и, встав возле рабочего стола, принялась перебирать стопку конвертов. Вообще-то, на кабинет это помещение походило мало: тесная комнатушка с грязным окном, выходящим прямо на пожарную лестницу. Аманда, однако, оживила интерьер двумя эротическими литографиями Эгона Шиле и рекламными постерами двух предыдущих фильмов компании, в создании которых она участвовала: один рассказывал о нечистоплотных фармацевтах, не пропускавших на рынок новое средство от язвы желудка, а второй – об опасности искусственного интеллекта.

Лулу вошла следом за ней:

– Ну и как оно – второе свидание?

Вопрос повис в воздухе.

Аманда протиснулась к своему стулу и села; стул при этом издал дребезжащий звук – в сиденье перекосилась какая-то пружина.

– Это было не свидание, – пробормотала она наконец, стуча по клавиатуре: надо проверить электронную почту.

Лулу с вызывающим видом стояла перед ее столом, уперев руки в бока.

– Значит, не свидание? А что же тогда?

– Просто рабочая встреча.

– Ну-ну, ты можешь говорить мне что угодно. Однако выражение твоего лица свидетельствует совершенно об ином. И что, в прошлый раз у тебя тоже была просто рабочая встреча?

– Нет, тогда мы ходили в театр. Я согласилась пойти с Майклом только потому, что прежде никогда не была в «Глобусе», – пояснила Аманда.

– А вчера ты пошла в «Баклажан», потому что прежде никогда не была в ресторане?

В папке «Входящие» Аманда увидела письмо от Майкла Теннента. Но не открывать же его при Лулу. Она мысленно приказала ассистентке уйти из кабинета.

Однако та не унималась:

– Между прочим, этот мужчина очень тебе подходит.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь даже ни разу его не видела.

Теперь Лулу по-настоящему ее раздражала. Аманде хотелось как можно скорее прочитать письмо.

– Он старше тебя. А ты лишилась отца, когда была еще совсем малышкой, причем твоя мать так больше и не вышла замуж. Ты подсознательно ищешь мужчину-отца.

– Лулу, отстань от меня, а? Скоро люди приедут, а у меня еще ничего не готово.

– Да, ну и неделька у тебя выдалась, просто жесть! В понедельник – церемония награждения в Британской академии кино и телевидения. Вечером во вторник – любовные похождения с психотерапевтом! Давай я тебе сделаю глазную ванночку. Ты ведь не хочешь, чтобы посетители подумали, будто ты провела бессонную ночь, готовясь к встрече с ними?

С этими словами Лулу вышла из комнаты, улыбаясь во весь рот.

Аманда достала черновой вариант сценария. В фильме предполагалось рассказать о том, что использование фермерами пестицидов может привести к экологической катастрофе. Она прочитала первый абзац.

А потом открыла послание от Майкла Теннента. Он отправил его час назад, и оно было совсем коротенькое: «Я не видел тебя целых четыре часа и очень соскучился».

21

Иногда, сидя поздно ночью у себя в кабинете за монитором компьютера, Томас Ламарк воображал, что на него светят лучи тропического солнца.

Он представлял себе, каково бы это было – отправиться во Флориду, в Клируотер-Спрингс, в гости к своему другу Юргену Юргенсу, которого он никогда не видел, хотя и играл с ним в шахматы по Интернету. Он даже не представлял себе, как этот человек выглядит.

Сегодня он послал ему письмо по электронной почте.

Юрген!

Спасибо Вам за добрые слова о моей матери, они очень меня утешили. Я и не представлял себе, как ужасно мне будет без нее. Я всегда боялся, что если мама умрет, то я буду тосковать по ней, но все оказалось гораздо хуже. Мама словно бы являлась буфером между мною и пропастью забвения: пока она была жива, между мною и небытием стояло целое поколение, а теперь там ничего нет.

Меня постоянно терзает чувство вины – был ли я хорошим сыном? В глубине души я знаю, что не был. Я мог бы делать гораздо больше для того, чтобы мама была счастлива. Теперь мне остается только попытаться искупить свою вину всеми доступными способами.

Боюсь, маме уже все равно, но, по крайней мере, это поможет мне смириться со своей утратой.

Честно говоря, я нынче очень зол. А все из-за того, что могила моей матери пребывает в ужасном состоянии. Сегодня вечером я ездил на кладбище, хотел сообщить ей кое-какие хорошие новости, и вид ее могилы меня просто потряс. Нельзя так относиться к человеку только потому, что он мертв.

К сожалению, пока там нет памятника (мне объяснили, что сразу ставить нельзя, так как земля должна осесть). Но неужели могила сама по себе должна иметь такой жуткий вид? Я увидел большой уродливый холмик. Он вовсе не похож на могилу, скорее на перекопанный земельный участок. Я собираюсь серьезно поговорить с работниками кладбища.

Я не допущу, чтобы моя мамочка лежала в грязи, словно какая-нибудь картофелина.

Я встретил на кладбище какого-то бородатого придурка (Вы понимаете, о ком я говорю, – этакий невоспитанный тип в теплой куртке и сандалиях на босу ногу), который стал мне объяснять, почему принято рыть такие глубокие могилы: якобы разложение человеческой плоти опасно с точки зрения распространения инфекций. Выделяются всякие там химические вещества, газы и бактерии. В некоторых почвах должно пройти больше сотни лет, прежде чем труп перестанет быть угрозой для здоровья окружающих.

Меня это его заявление покоробило. Она – моя мать. Я хочу думать о ней как об уважаемом человеческом существе, а не о разлагающемся трупе и угрозе для здоровья, черт побери.

Вероятно, теперь быть мертвым некорректно с политической точки зрения. Если ты мертв, то непременно оскорбляешь этим какое-нибудь очередное меньшинство.

Мы живем в странном мире.

Ваш друг Томас

22

23 июля 1997 года, среда

Единственный настоящий друг, который был у меня, теперь мертв. В этом доме словно бы погас свет.

Джастин Флауаринг в сауне все еще жив. По крайней мере, он подает признаки жизни, если только это можно назвать жизнью. Прежде он хныкал, но теперь молчит. Я не чувствую к нему той жалости, которую испытывал к Тине Маккей. Возможно, я становлюсь черствым.

В этой комнате холодно. Но в холоде есть своя красота. Равно как и в том предмете, что стоит сейчас передо мной на столе. Да, красота. И сила. И еще знание и мудрость. Эта машина необычайно умна. Компьютеры непременно нужно уважать. Вот я, например, уважаю свой компьютер, и он чувствует это. Он платит мне благодарностью. Дает мне все, что нужно. И сегодня он даст мне врача, имеющего практику в Челтнеме, и одного из его пациентов.

Первого зовут Шайам Сундаралингам, а второго – доктор Теренс Гоуэл. Знаете, почему у врача такая странная фамилия – Сундаралингам? Да потому, что он по национальности тамил. В Индии полным-полно тамилов, а вот в Англии они встречаются значительно реже.

Я, кажется, не упоминал прежде, что имею большие способности к подражательству. Бывало, я часами развлекал мамочку, подражая голосам персонажей фильмов и сериалов. Ей это очень нравилось. Стоит мне один раз услышать какой-либо голос – и пожалуйста, я запросто могу его воспроизвести. Наверное, я смог бы сделать карьеру пародиста. Как тот парень на телевидении, никак не могу вспомнить его имя. Но теперь уже поздно.

Вообще-то, у меня бывают проблемы с памятью, причем я не могу объяснить это усталостью. Я забываю все подряд – имена, события, то, что собирался сделать. Иногда создается такое ощущение, будто выпадают целые временны́е отрезки. Однако случаются периоды, когда у меня с памятью полный порядок.

Вот такие пироги.

Электронный мир создает свою собственную реальность – и в этом его особенность. Если в компьютере сказано, что мы существуем, значит так оно и есть! Мы существуем благодаря записям о нашем рождении и выдаче водительских прав, банковским счетам и кредитным историям, штрафам за нарушение правил дорожного движения и налоговым декларациям. Сегодня наши биологические тела – всего лишь телесные «копии» электронных записей о нас. Мы переходим из эпохи человека биологического в эпоху человека цифрового.

И новые технологии очень легко использовать для создания нового человека. Предельно просто. Тут любой начинающий хакер справится. Внесите данные о новом персонаже в электронную базу. Не забудьте придумать ему убедительную кредитную историю, указать, в каких учебных заведениях он получал образование, где лечился. Для пущего правдоподобия добавьте парочку штрафов за превышение скорости – и вот вам пожалуйста: полноправное человеческое существо, которое впредь может по своему усмотрению распоряжаться деньгами на банковском счете, регистрировать автомобиль, заводить кредитки, приобретать телефон.

Да вообще делать все, что угодно.

Например, всего несколько дней назад не существовало никакого доктора Шайама Сундаралингама из Челтнема, равно как и его пациента, доктора Теренса Гоуэла.

А сейчас, в среду, 23 июля, в 3:30 ночи, родился доктор Теренс Гоуэл, гражданин США. Это вполне уважаемая личность, ему тридцать восемь лет, он родственник знаменитого британского астронома сэра Бернарда Лавелла, сотрудник Исследовательского института Скриппса; раньше он преподавал астрономию в Массачусетском технологическом институте и был членом Особого президентского консультативного комитета по поиску внеземного разума, учрежденного Рональдом Рейганом.

В 1993 году журнал «Нэйчер» опубликовал его статью, где убедительно доказывалось существование внеземных цивилизаций.

Последним принадлежавшим ему в США автомобилем был «инфинити» 1994 года выпуска. В январе 1995 года доктор Теренс Гоуэл был оштрафован за нарушение правил парковки, штраф оплатил сразу же. В июне 1995 года он переехал в Великобританию, куда его пригласили на должность консультанта в новой секретной службе – Центре правительственной связи по прослушиванию и мониторингу.

Гоуэл вдовец: в 1993 году его жена Ли погибла в автокатастрофе, за рулем автомобиля в тот день сидел он сам.

В настоящее время доктор Теренс Гоуэл проживает в Челтнеме. Он не чужд благотворительности: в декабре 1995 года подписал с Королевским фондом по исследованию онкологических заболеваний договор, по которому обязуется в течение пяти лет перевести на его счет пожертвования в сумме шести тысяч фунтов.

Теренс Гоуэл вступил в местный шахматный клуб и приобрел шестнадцатиклапанный «форд-мондео». Этот автомобиль классом ниже «инфинити», но зато прекрасно подходит для узких глостерширских дорог.

А еще доктор Гоуэл недавно подал заявление о приеме в Менсу [6], его ай-кью составляет 175 (тут я проявил излишнюю скромность – мой собственный ай-кью выше).

Адрес электронной почты Гоуэла: tgoel@aol.com

У него есть свой собственный веб-сайт в Интернете.

Теренс Гоуэл – один из тех людей, кто мог бы стать моим добрым другом. Уверен, что он сослужит мне хорошую службу. Но сначала я должен окончательно убедиться, что этот человек мне подходит. Я подвергну его самому важному испытанию.

Подброшу монету.

23

Майкл ехал по обсаженной рододендронами подъездной дорожке Шин-Парк-Хоспитал, а радиоприемник в «вольво» играл «Georgia on my Mind» [7].

Время близилось к половине девятого. Песня еще звучала, когда доктор въехал на парковку, а потому он не выключал зажигание, желая дослушать до конца. Однако на всякий случай закрыл окно, чтобы коллеги не спрашивали, почему он не выходит.

Майкл гадал, прочла ли Аманда его письмо. Наверное, глупо было посылать его.

Он сделал это под воздействием момента. Он действительно тогда скучал по ней… да и теперь очень скучает.

И Джорджия тоже была в его мыслях. И не только в мыслях, его сердце билось в ритме песни. Неторопливый хрипловатый голос Рэя Чарльза болью отдавался в груди Майкла.

Утро выдалось отличное. Аманда поставила вчера компакт-диск с записью этой песни, пока они сидели и разговаривали. Майкл не слышал ее уже лет двадцать, наверное, а вот теперь – во второй раз за несколько часов. Может быть, это знамение?

Майкл не то чтобы очень верил в знамения, но и полностью их тоже не отвергал.

Майкл полагал, что если Бог и впрямь существует, то наверняка у Него есть занятия поважнее, чем выстраивать стаи ворон в небе определенным образом, или выпускать черных котов на дорогу, или сажать людям на ладони божьих коровок, чтобы они думали, что выиграют в лотерею. Хотя, возможно, Господь просто развлекается таким образом, от скуки шутит над людьми. А что, если Бог забрал Кейти, а теперь намеревается дать ему взамен Аманду? Все может быть.

«Как мухам дети в шутку, нам боги любят крылья обрывать»

[8]
.

Он вошел в здание и тут же столкнулся с одним из своих коллег, Полом Стрэдли. Полу требовался совет Майкла: один из его пациентов страдал боязнью рвоты.
– У него просто опасения или настоящая фобия? – спросил Майкл, почти не пытаясь скрыть раздражение. Он хотел поскорее добраться до своего кабинета, посмотреть, не ответила ли ему Аманда, и выпить кофе покрепче.
Пол Стрэдли был маленьким нервным человечком с беспокойным лицом и вечно растрепанными волосами. Сегодня он надел коричневый костюм, который был ему явно коротковат, а потому скорее напоминал старомодного кабинетного ученого, чем известного психиатра, имеющего впечатляющий список публикаций.
– Он боится есть: опасается, что еда застрянет у него в пищеводе. Употребляет исключительно жидкую пищу, да и к той относится с подозрением, сто раз все перепроверяет. Больной сильно похудел, и меня очень беспокоит его состояние.
Стрэдли с отчаянием взирал на Теннента. Майкл всегда считал, что у Пола и самого с головой не все в порядке, возможно, даже в большей степени, чем у некоторых его пациентов. Хотя для психиатров это обычное дело.
Он и сам иной раз сомневался в собственной нормальности.
«Да уж, все мы хороши. Эти бедолаги приходят к нам, платят по сто фунтов в час, потому что думают, будто у нас есть ответы на все вопросы. А мы лишь выписываем им таблетки и позволяем говорить, пока они сами не назовут нам причину своих страхов. Или пока им не надоест.
Или, – вдруг подумал он, обуреваемый чувством вины, – пока пациенты не кончают с собой».
Майкл попытался обойти Пола.
– Слушай, давай обсудим это позднее, а?
Стрэдли неловко дернулся, снова становясь на пути коллеги.
– Когда именно?
– Не знаю. У меня сегодня трудный день, и я опаздываю на утренний обход.
– Может, поговорим в столовой за обедом?
Майкл неохотно кивнул: вообще-то, он собирался сегодня просто взять сэндвич и спокойно посидеть на берегу реки.
Стрэдли отошел в сторону, пропуская его. Майкл двинулся по коридору, потом по величественной лестнице с перилами. Огромный холл занимал бóльшую часть первого этажа. В этом помпезном помещении с колоннами и высоким лепным потолком диссонансом смотрелись стойка регистратуры, сделанная из искусственного дерева, и металлические и пластиковые стулья для посетителей.
Майкл быстро обошел стационарных пациентов, изучил их медицинские карты, спросил, как они себя чувствуют, и сделал новые назначения, а потом взял у Тельмы список тех, кто записался к нему сегодня на прием.
Без десяти девять в его кабинет втиснулась разношерстная команда: две медсестры, врач-стажер, психолог и социальный работник; дважды в неделю доктор Теннент устраивал летучки, на которых обсуждалось состояние больных. В начале десятого все разошлись.
Первый пациент, записанный сегодня на прием, еще не появился. Вот и хорошо.
Даже не сняв пиджак, Майкл сел за компьютер и открыл почту. Двадцать восемь новых писем, в основном от коллег – психиатров и психологов. Среди входящих был также запрос о продолжительности доклада, который ему предстояло сделать на сентябрьской конференции в Венеции. Пришло письмо от его брата Боба из Сиэтла: тот, как обычно, рассказывал о жене Лори и детях (Бобби-младшем и Британи) и интересовался, давно ли Майкл навещал родителей.
Письма от Аманды Кэпстик не было.
Но это его не очень обеспокоило – наверное, сильно занята на работе. Пока еще рано волноваться.

Однако в десять часов письма от Аманды по-прежнему не было. И после ланча тоже. И в пять часов вечера.
Глупо, что он написал ей.

Аманда – разумная молодая женщина с сильным характером. Ее сопливыми сантиментами не только не завоюешь, но, наоборот, отвадишь.
Последний пациент сегодня был записан на пять пятнадцать. Майкл мог передохнуть четверть часа. Он сделал несколько записей в предыдущей истории болезни, поставил ее в шкаф.
«Джорджия в моих мыслях» – песня все еще звучала у него в голове. Никак не смолкала.
«Аманда в моих мыслях».
Из открытого окна доносился запах свежескошенной травы. Майкл зевнул, пододвинул стул поближе к столу, потом наклонился вперед, положил голову на руки и закрыл глаза. Позволил памяти унести его в прошедшую ночь.
Выглядела Аманда просто обворожительно. Длинный шелковый пиджак леопардовой расцветки, черная футболка, короткая черная юбка, изящный золотой браслет на запястье. С каждой новой встречей она казалась ему еще красивее, чем прежде. Сейчас Майкл попытался снова представить себе Аманду, но странным образом не мог этого сделать.
Он видел лишь отдельные ее черты. Искорки смеха в глазах. Зубы – белые, ровные, крупные; это придавало Аманде чувственность, и ему хотелось поцеловать ее. Майкл вспоминал гибкие руки, крохотные морщинки-лучики в уголках глаз, когда она улыбалась, движение головы, которым Аманда отбрасывала назад волосы, запах ее духов. «Келвин Кляйн». Он видел флакон у нее в ванной.
Что говорил язык ее тела?
Аманда вовсе не собиралась бросаться в его объятия – тут нет никаких сомнений. Но, с другой стороны, она не сделала и ничего такого, что говорило бы о ее желании дистанцироваться от него. Она вела себя нейтрально, не покидая зону личного пространства. Но в то же время постоянно смотрела на него, и Майкл воспринял это как положительный знак. Она тепло улыбалась ему, смеялась искренне и открыто.
Но он чувствовал, что очень мало узнал про нее, по крайней мере, про ее любовную жизнь, а ведь именно это и вызывало у него любопытство. У Аманды абсолютно точно были какие-то отношения, которые ее тяготили. И когда Майкл попытался поднять эту тему, она, казалось, почувствовала себя неловко.
Загудел интерком. Следующий посетитель ждал в приемной. Новый пациент.
Майкл спешно открыл чистый бланк истории болезни, который приготовил заранее, и посмотрел на направление. Этого пациента прислал к нему некий Шайам Сундаралингам из Челтнема, врач общей практики. Майкл никогда о таком не слышал, но в этом не было ничего удивительного, не мог же он знать всех врачей в Англии.
Доктор Сундаралингам диагностировал у своего пациента клиническую депрессию и хотел, чтобы его проконсультировал именно Майкл Теннент. В этом тоже не было ничего необычного: он приобрел известность благодаря передаче на радио и статьям, а потому многие люди хотели попасть именно к нему. Первый раз Майкл принимал всех сам, а потом, учитывая и без того бешеную нагрузку, оставлял себе только тех пациентов, которые представляли для него интерес, а прочих передавал другим врачам.
Новому пациенту было тридцать восемь лет.
Его звали Теренс Гоуэл.

24

– Ну хорошо, Аманда, я думаю, это будет полезно. Опишите мне Майкла Теннента.
Аманда сидела в оклеенном бирюзовыми обоями кабинете своего психотерапевта, и здесь, в просторном тихом помещении, за жалюзи, защищавшими от лучей предвечернего солнца, она впервые за день почувствовала себя спокойно. Девушка откинулась на спинку удобного плетеного кресла, закрыла глаза, собралась с мыслями.
– Он… я… гм… пожалуй, тут трудно дать однозначное определение. Майкл напоминает мне персонажа какого-то фильма. Интеллектуал, но не кабинетный ученый, а из тех, кто не растеряется в экстремальной ситуации. Ну, этакий Харрисон Форд из «Индианы Джонса». Или, может, Джефф Голдблюм – ему присуща такая же спокойная уверенность, как у Голдблюма. Знаете его?

Максина Бентам, сидевшая на полу возле дивана в своей любимой позе, кивнула.
– Он снимался в «Мухе». И в «Парке юрского периода».
– Да.
– Вот что, Аманда, давайте-ка проанализируем эти роли. В «Мухе» Голдблюм играет сумасшедшего ученого, который превращается в человека-муху. А в «Затерянном мире» – ученого, который борется с монстрами. Вы не видите в этом никакого скрытого смысла?
– Противоречие? Вы хотите, чтобы я об этом порассуждала?
– Я хочу, чтобы вы говорили только о своих чувствах.
Аманда постучала ногтем по зубам. Надо же, она так нервничала, что и сама не заметила, как обгрызла его.
– Вы думаете, я встречаюсь с Майклом отчасти потому, что кого-то боюсь, а отчасти потому, что он может решить мои проблемы? Сумеет убить моего монстра? Излечить меня от Брайана? Или что вы имеете в виду?
– Просто меня заинтриговало сравнение с Джеффом Голдблюмом.
– Я всего лишь пытаюсь описать вам внешний облик Майкла. Он высокий, темноволосый, приятной наружности, но… типичный такой интеллектуал. Возможно, в нем есть примесь еврейской крови, совсем чуть-чуть.
– Вы думаете, он добрый человек?
Аманда энергично закивала.
– Да, в этом я не сомневаюсь. Я… – Она задумалась, подыскивая нужное слово. – Я чувствую себя с ним спокойно, в безопасности. Рядом с ним мне не нужно притворяться. Я с ним такая, как есть. Настоящая. – Она нахмурилась. – Похоже, я несу чушь?
Максина задумчиво улыбнулась:
– Нет, Аманда. Продолжайте. Что еще?
– Ну, не знаю. Может, это оттого, что Майкл психотерапевт, но мне кажется, будто этот человек видит меня насквозь, а поэтому не имеет смысла его обманывать.
– Обманывать в чем?
Аманда почесала затылок. Ей вдруг стало не по себе.
– Майкл прислал мне утром письмо по электронной почте. На мой рабочий адрес. Оно было…
Она замолчала.
Психотерапевт ненавязчиво подтолкнула ее:
– Какое, Аманда?
– Очень милое!
– И что именно Майкл написал?
– Он написал: «Я не видел тебя целых четыре часа и очень соскучился».
– И вы ответили ему?
– Нет.
– А почему?
Аманда снова принялась грызть ноготь.
– Потому что я… – Она пожала плечами. – Я не знаю, что ему ответить.
– Потому что вы не знаете, какой именно Джефф Голдблюм перед вами: то ли человек-муха, то ли победитель монстров. Да?
– Нет, все сложнее.
Максина ждала продолжения, но, когда такового не последовало, сказала:
– В прошлый раз вы мне говорили, что Майкл Теннент вам нравится, но вы не знаете, тянет ли вас к нему. В этом отношении ничего не изменилось?
Аманда неловко дернулась в кресле.
– Видите ли, в чем дело. Я была с Майклом не до конца честной. Я сказала ему, что мы снимаем документальный фильм о психиатрах, но это верно только отчасти. На самом деле мы готовим довольно жесткий, разоблачительный фильм о засилье психотерапии в современном обществе. Это будет серьезный удар по всем психотерапевтам.
Максина Бентам удивленно посмотрела на пациентку:
– Включая и меня?
Аманда отрицательно покачала головой:
– Нет, к вам я отношусь совершенно иначе. – Она закинула ногу на ногу, потом снова села, как прежде, поерзала на сиденье. – Боже, наверное, это звучит ужасно! Это будет фильм о плохих

психотерапевтах, Максина, о тех, кто заказывает через Интернет трехмесячный курс обучения, а потом объявляет себя великим целителем, гипнотерапевтом и бог его знает кем еще. Люди идут к ним, верят этим липовым психотерапевтам и в результате принимают важные решения, кардинальным образом влияющие на их жизнь.

Теперь у Максины Бентам был явно встревоженный вид.

– Но доктор Теннент никак не попадает в такую категорию. Он очень знаменит. И его профессионализм не вызывает сомнения.

– Согласна. Однако лечение у психотерапевта – это ведь долгий процесс, верно? Чтобы помочь пациенту, надо встречаться с ним три-пять раз в неделю в течение нескольких лет. И эта его радиопередача – полнейшая профанация. Нельзя превращать психотерапию в шоу. Вот представьте, у человека возникла проблема. Он думает, что можно снять трубку, позвонить на радио и все будет в порядке. Поговоришь десять минут с доктором Майклом Теннентом, и твоя жизнь моментально наладится. Нельзя опускаться до уровня шарлатанов. Блестящий специалист не должен идти на поводу у широкой публики, которая требует быстрых результатов.

Наступило долгое молчание.

– Аманда, вам придется мне помочь, прояснить ситуацию, а то я что-то совершенно запуталась.

Аманда воздела руки:

– Вы запутались? А что уж тогда говорить обо мне? Я, кажется, влюбляюсь в Майкла Теннента!

25

Опять эти газонокосилки.

Майкл слышал их шум, треск лопастей, вибрацию металла и время от времени удары о камень. Газонокосилки были одним из минусов лета. Этот работающий в парке «поезд», старая самоходная газонокосилка «Атко» с прицепленными к ней ротационными насадками, неизбежно приближался в течение целого дня и теперь, в двадцать пять минут шестого, наконец оказался прямо у него под окном.

У Майкла разыгралась мигрень, которую он объяснял недосыпом, хотя, вероятно, и крепкий кофе, который он пил сегодня без счета, тоже сыграл тут свою роль.

«Ну же, садовник, иди домой. Уже почти половина шестого. Неужели тебе нечем больше заняться, кроме как косить траву в больничном парке? Иди домой. Пожалуйста».

Он попытался сосредоточиться на лежавшей перед ним анкете, которую первичным пациентам предписывалось заполнять в приемной.

«Ученая степень: доктор
Имя: Теренс
Фамилия: Гоуэл
Адрес: Глостершир, Челтнем, Ройал-Корт-Уок, д. 97, кв. 6
Телефон: 01973-358006
Семейное положение: вдовец
Род занятий в настоящее время: специалист по коммуникациям
Довольны ли вы своей работой?
Если нет, то чем именно она вас не устраивает?
Где вы живете (собственный дом, квартира и т. д.)?
Вы являетесь собственником жилья или арендуете его (у муниципалитета, домовладельца и т. д.)?
Кто еще живет с вами? (пожалуйста, перечислите)
В чем состоит ваша нынешняя проблема(ы), которую(ые) вы хотите разрешить?
Почему вы решили обратиться за помощью именно теперь?»

Майкл переворачивал страницы. Почти все графы, за исключением самых первых, оставались незаполненными. В своем сопроводительном письме доктор Шайам Сундаралингам упоминал, что этот Гоуэл – доктор технических наук, а не медицины.

– Мультифокальные линзы.

Майкл, чуть вздрогнув, поднял взгляд на своего нового пациента, предполагая, что ослышался.

– Что, простите?
– У вас очки с мультифокальными линзами, доктор Теннент, да?
– Да, – удивленно кивнул Майкл. И поинтересовался: – А что?
Он внимательно разглядывал своего пациента, искал признаки возбуждения или настороженности, подозрительности или растерянности, но Теренс Гоуэл, казалось, ничего подобного не проявлял.
Ни на секунду не отрывая взгляда от врача, он раскованно сидел, откинувшись на спинку дивана, расставив ноги, твердо поставив ступни на пол. Пожалуй, он слишком спокоен, недоуменно подумал Майкл. Казалось, словно бы пациент, придя в его кабинет, лишь обрел еще бóльшую уверенность в себе. Такое порой случалось; некоторые больные уже при одном только виде врача чувствуют себя лучше.
Майкл рассматривал Гоуэла. Выше среднего роста, великолепно сложенный, очень красивый. С волосами, напомаженными гелем, в рубашке без воротника, классическом черном льняном костюме и черных замшевых туфлях от «Гуччи» он выглядел словно бы какой-нибудь высококлассный компьютерщик, принарядившийся для встречи с журналистами.
На первый взгляд новый пациент казался гораздо более нормальным и уверенным в себе, чем большинство входящих в этот кабинет людей. В его низком голосе отчетливо слышался американский акцент. Бостонский, предположил Майкл, хотя специалистом в этом вопросе его было назвать трудно. Единственным небольшим несоответствием, которое бросилось врачу в глаза, был планшет для записей с прикрепленным к нему блокнотом, который Гоуэл принес с собой и положил рядом на диван. Он не походил на человека, который носит с собой планшет. И на типичного ученого он тоже не походил, хотя в Штатах теперь и появилось целое племя самонадеянных профессоров, тесным образом связанных с производством. Видимо, теперь перед Майклом как раз и сидел один из них.
– Даже не нося очки, доктор Теннент, мы многие вещи видим сквозь призмы. Мы, правда, этого не осознаем, но так оно и есть. Вы когда-нибудь смотрите на звезды?
Майкл не понимал толком, куда клонит посетитель, но разговор поддержал:
– Да, случается.
– А вам известно, почему они мерцают?
– Нет, научного объяснения этого я не знаю. Я думаю, тут все дело в огромном расстоянии до них.
– Расстояние тут совершенно ни при чем. Это объясняется влагой, содержащейся в атмосфере. Мы можем видеть звезды только через влагу. А каждая капля – это миниатюрная призма, которая искажает изображение. Мы смотрим на звезды в ночном небе через мириады и мириады призм.
Пока Теренс Гоуэл объяснял все это, Майкл сделал первое заключение о пациенте. Голос того звучал слишком спокойно, искусственно спокойно, но за этим скрывалось огромное напряжение, словно бы говоривший пытался выдать себя за какого-то другого человека, не за того, кем он являлся на самом деле.
– Спасибо за разъяснение, – сказал Майкл, – я этого не знал. – Потом он доброжелательно добавил: – Сегодня вечером я посмотрю на небо новыми глазами.
– Как часто нам в жизни кажется, будто мы видим вещи ясно, хотя на самом деле это не так, доктор Теннент.
– И вы считаете, что это представляет для вас серьезную проблему?
– Не только для меня, но и для всех.
Майкл заглянул в анкету, потом снова поднял глаза на собеседника: надо было как-то направить разговор в нужное русло.
– Вы оставили большинство вопросов без ответа.
– Значит, вы обратили на это внимание?
В голосе Гоуэла послышалось удивление, но Майкл не знал, подлинное оно или нет.
– Да. Вам было неловко отвечать на вопросы?
– Нет.
Гоуэл улыбнулся ему дружеской, обезоруживающей улыбкой.
Майкл продолжал внимательно смотреть на пациента, однако язык тела в данном случае ничего не прояснил. Майкл решил двигаться дальше.
– Хорошо. Теренс, я бы хотел услышать, зачем вам понадобилось встретиться со мной.

– Это ваш «вольво» там внизу? Серебристо-серый?
Майкл помедлил: ему очень не хотелось понапрасну тратить время на разговоры, не имеющие отношения к делу.
– Да, – снисходительно ответил он. – Мы можем вернуться к тому, что привело вас сюда?
– Хороший автомобиль «вольво», надежный, никакие аварии ему не страшны.
Майкл мельком бросил взгляд на фотографию Кейти.
– Я думаю, лучше вообще не попадать в аварии.
Он встретился глазами с Гоуэлом и вдруг почувствовал, что краснеет.
Неужели Гоуэл знает о его трагедии? Вряд ли, хотя Майкл в первые месяцы после гибели жены написал для нескольких газет цикл статей о чувстве утраты, там было много личного. И к тому же пациенты нередко играли с ним в игры разума, правда не на самой первой консультации.
А доктор Теренс Гоуэл сидел на диване в абсолютно расслабленной позе, зная, что Майкл Теннент фиксирует каждое его движение, пытается заметить какие-то симптомы, так сказать, отыскать тоненькие пунктирные линии (с надписью «открывать здесь»), которые выведут его к причинам болезни.
«Ну-ну, доктор Теннент, мечтать не вредно».
Вслух же посетитель сказал:
– Ненавижу коктейльные вечеринки.
– Почему? – спросил Майкл.
– Что «почему»? – изумленно взглянул на него доктор Гоуэл.
– Почему вы ненавидите коктейльные вечеринки?
– Я? С чего вы взяли, что я ненавижу коктейльные вечеринки? – Казалось, пациент совершенно искренне недоумевал.
– Да вы сами только что это сказали.
Доктор Гоуэл нахмурился:
– Я ничего такого не говорил. Я вообще ничего не говорил.
Майкл сделал ручкой «Паркер» (подарок от Кейти на годовщину свадьбы) первую запись в истории болезни. При некоторых заболеваниях люди могут говорить вслух, даже не отдавая себе в этом отчета.
Томас Ламарк с трудом сдержал улыбку. Все будет гораздо проще, чем он предполагал.
«Может быть, ты и умен, доктор Теннент, но ты даже и не представляешь себе, насколько я умнее».
Тина Маккей пока была единственным его промахом. Ничего страшного, конечно, но вполне можно было обойтись и без этого. Он не удосужился предварительно как следует все выяснить, а оказалось, что ее отец – большая шишка, крупный государственный чиновник. Кто бы мог подумать, что исчезновение редакторши вызовет такой переполох.
Что ни день, черт подери, появляется очередная статья в газете. Что думают ее друзья, что думает ее мать, что считает по этому поводу полиция. С каждым днем всеобщее беспокойство усиливалось.
В списке Томаса было шесть редакторов, отвергнувших книгу. Лично его бы устроил любой. Но монета выбрала Тину Маккей.
Он возложил вину на монету.
Ну и кабинет у психиатра – длинный и узкий, как кишка; просто отвратительно. Разве можно работать в таких условиях? Какие уж тут доверительные беседы! Интересно, как этот мозгоправ находит в этом кавардаке то, что ему нужно? Боже, повсюду кипы бумаг, здесь и там разбросаны дискеты, валяются журналы, папки свалены кое-как. Такое чувство, что хозяин кабинета только-только сюда въехал, хотя на самом деле он сидит здесь уже семь лет.
«Ты гораздо, гораздо хуже свиньи, доктор Теннент, и в один прекрасный день – очень скоро – ты завизжишь гораздо громче свиньи.
И это будет еще до того, как я сделаю тебе по-настоящему больно».
Томас хорошенько изучил здание, прежде чем войти. Он побродил вокруг, проверил все выходы, включая пожарные, потом прошелся внутри со своим блокнотом. Он справедливо полагал, что у человека, который расхаживает туда-сюда с планшетом для записей, никто не спросит, что он здесь делает.
Теперь Томас Ламарк знал все лестницы, все коридоры и все двери.

И еще он выяснил, что сегодня пациентов у Майкла Теннента больше нет. Ему не составит труда похитить врача или убить его после приема. Но это было бы слишком легко. Нет, время пока не пришло. У Томаса есть и другие дела.
– Я бы хотел узнать кое-что о ваших родителях, Теренс. Они еще живы?
Вот на этот вопрос пациент отреагировал немедленно: выражение его лица так изменилось, словно бы Майкл коснулся обнаженного нерва.
Однако Гоуэл ничего не ответил.
Майкл видел, что посетитель с трудом сдерживает себя. Его язык тела изменился: только что он был расслаблен, а теперь напрягся, словно опасался чего-то. Гоуэл подался вперед, сцепив руки на груди, потом откинулся назад.
Майкл дал ему минуты две, но поскольку тот по-прежнему хранил молчание, спросил:
– Вам трудно говорить о ваших родителях?
– Мне ни о чем не трудно говорить, доктор Теннент, – ответил Гоуэл, однако вид у него при этом был затравленный.
Ключ к проблемам пациента явно лежал в его детстве, но сегодня Майкл не смог его найти. Все дальнейшие вопросы о родителях заставляли Гоуэла лишь еще больше замыкаться и молча раскачиваться взад-вперед.
Майкл сменил тему, спросив Гоуэла про его работу.
– К сожалению, это засекреченная информация, – ответил тот.
Врач вновь заглянул в анкету.
– Вы вдовец. Мы можем поговорить о вашей покойной жене?
– Вы задаете слишком много вопросов, доктор Теннент.
– Вы возражаете?
– С какой стати мне возражать?
Майкл опять переменил тему:
– А в какого рода помощи вы нуждаетесь? Какую именно вашу проблему я должен решить?
– И все-таки я прав, – заключил пациент. – Вы задаете слишком много вопросов.

Ровно в шесть Майкл пожал руку Теренсу Гоуэлу, и тот сказал ему, что с нетерпением ждет встречи и придет на следующей неделе в это же время.
Майкл закрыл дверь, сел и просмотрел свои записи. Он чувствовал себя не лучшим образом: этот человек вымотал его и сбил с толку. День сегодня выдался долгий.

> «Что мне делать с тобой, доктор Теренс? Что, черт возьми, происходит у тебя в голове? Если ты ждешь от меня помощи, то должен мне открыться. Что я узнал о тебе сегодня? На все мои вопросы ты отвечал вопросами. У тебя сильнейшее расстройство личности. Ты упрям. У тебя диктаторские замашки. Ты растерян. Ты неадекватен. Ты определенно маньяк контроля
> [9]
> . Твоя ахиллесова пята – твои родители».

Шум газонокосилки снаружи по-прежнему не утихал. Господи Исусе, сколько же там травы наросло?
Майкл вернулся к сопроводительному письму от лечащего врача Гоуэла. «Клиническая депрессия». Да нет, похоже, дело тут совсем не в депрессии.
И Майкл добавил к записям еще одну, свою собственную аббревиатуру: ПЛР (парень с левой резьбой).
Потом он снова повернулся к компьютеру и в очередной раз – уже чуть ли не в сотый за сегодня – проверил почту. Сердце Майкла радостно екнуло, когда он наконец увидел ответ от Аманды Кэпстик. Ее письмо оказалось еще короче, чем его собственное: «И я тоже скучаю».

Детектив-констебль Гленн Брэнсон внимательно рассматривал новехонький спортивный «ягуар» с откидным верхом, который ехал по набережной в противоположном ему направлении – в сторону Брайтона; крыша у машины была сложена, «дворники» скользили по сухому лобовому стеклу, мигала аварийная сигнализация.
Но в первую очередь внимание полицейского привлек водитель: мальчишка-латинос, который бросил на него явно испуганный взгляд. Да, Гленн сегодня был в штатском и ехал на обычном автомобиле, однако если парень был из числа местных уголовников, то наверняка знал характерные приметы его машины: марку, цвет, тип антенны. Гленн отметил, что водитель не пристегнут.
Гленн служил в полиции недавно, но успел завоевать уважение и симпатии коллег; хотя он и был начинающим детективом, однако зеленым юнцом его назвать было никак нельзя – в полицию он поступил довольно поздно, в возрасте двадцати девяти лет. Два года проработал констеблем – сначала в пешем патруле, потом в автомобильном, после чего подал заявление о переводе в уголовный розыск, и его просьбу удовлетворили. Два года новичка, как и полагается, держали на испытательном сроке, по истечении которого Гленн прослужил еще год в качестве временно исполняющего обязанности детектива-констебля, а затем, всего лишь два месяца тому назад, прошел дополнительное обучение и с отличием сдал экзамены на звание детектива-констебля.
В прошлой жизни Гленн десять лет проработал вышибалой в ночном клубе. Он был высокий, плотный, чернокожий, с головой лысой, как метеорит. Даже самые отчаянные посетители не решались с ним спорить, а работа в клубе оплачивалась так хорошо, что он долго не желал ее бросать. Но после рождения сына, малыша Сэмми, Гленн набрался мужества и решился изменить свою жизнь. Он хотел, чтобы сын им гордился. Чтобы мальчику не приходилось говорить людям, что его отец – вышибала.
Обычно Гленн излучал уверенность, однако сейчас сказывалось нервное напряжение последних недель, эти экзамены его порядком вымотали. Ему приходилось запоминать огромные объемы информации, и Гленн боялся оплошать. За время работы в полиции Брэнсону случалось видеть, как незначительная процедурная ошибка может привести к катастрофическим последствиям. В кинофильме «Шторм-10» Кирк Дуглас, цитируя Эйнштейна, говорил: «Дьявол кроется в деталях». И хороший полицейский должен всегда учитывать детали.
Гленн был честолюбив и хотел достигнуть определенных карьерных высот. Он подсчитал, что годам к сорока пяти сможет стать инспектором или даже старшим инспектором. И ему хотелось, чтобы его сын Сэмми мог говорить окружающим: «Мой отец – старший инспектор!»
«И я дослужусь до старшего инспектора, Сэмми, я тебе обещаю».
Вплоть до этой минуты день у Гленна шел хорошо. Шеф похвалил его за одно небольшое расследование. Подозреваемый – вор, специализирующийся на краже ювелирных изделий, – отрицал, что в день ограбления магазина находился в Брайтоне, и предъявил алиби: нашелся свидетель, который под присягой подтвердил, что этот человек весь день провел вместе с ним в Лондоне. Гленн отыскал мобильный телефон подозреваемого, зарегистрированный на подставное лицо. Изучив распечатку, предоставленную полиции мобильным оператором, он установил, что с этого номера до и после ограбления было сделано два звонка из Брайтона.
А если Гленн сейчас задержит угонщика машины, то это станет еще одним дополнительным плюсиком в его послужном списке. Сегодня он собирался опросить хозяев ограбленной ночью квартиры. На это уйдет не больше часа, и Гленн надеялся ровно в четыре закончить свою смену, чтобы успеть в кинотеатр «Герцог Йоркский» на сеанс в шестнадцать сорок пять – там сегодня демонстрировали «В порту», фильм 1950-х годов, который он никогда не видел на большом экране. Интересы Гленна не ограничивались работой и семьей; у него имелось увлечение – он с упоением смотрел старые фильмы.
Он развернулся, нажал на газ, обогнал две машины и поехал следом за «ягуаром». Водитель явно вел машину очень неуверенно. Гленн надавил кнопку радиосигнала на автомобильной рации и сказал:
– Говорит чарли-отель-один-четыре-четыре.
В ответ раздался женский голос – диспетчера с центрального пульта:
– Чарли-отель-один-четыре-четыре, слушаю вас.
Водитель «ягуара» продолжал ехать, не замечая хвоста и явно с трудом справляясь с машиной, «дворники» по-прежнему елозили по стеклу.

– Я преследую спортивный «ягуар», подозреваю, что машина в угоне. Цвет темно-синий, номер ромео-пять-два-один янки-ноябрь-виктор; следует в западном направлении по Хоув-Кингсуэй. Пусть патрульные проверят его.
– Спортивный «ягуар», темно-синий, номер ромео-пять-два-один янки-ноябрь-виктор. Спасибо, чарли-отель-один-четыре-четыре.
Потом он услышал в рации бодрый мужской голос: это дежурный по району Рэй Данкли – Гленн пару раз встречался с ним – давал задание констеблю:
– Чарли-отель-один-шесть-два, тут поступил звонок из жилого комплекса «Полумесяц Аделаиды», от жительницы третьего корпуса. Женщину беспокоит, что ее пожилую соседку не видно вот уже три дня. Соседку зовут Кора Берстридж.
Гленн навострил уши. Он нащупал на поясе свою рацию, отстегнул ее, поднес к губам:
– Извини, что вмешиваюсь, это чарли-отель-один-четыре-четыре. Речь идет об актрисе Коре Берстридж? О той самой Коре Берстридж?
– Думаю, да.
– Я знал, что она живет где-то поблизости! Я сейчас как раз еду в «Полумесяц Аделаиды» для опроса свидетелей, в пятнадцатый корпус, могу заодно и в третий заглянуть.
– Охота тебе заморачиваться? Патрульный констебль зайдет туда сегодня.
– Ничего, мне не трудно!
– Ну, коли так, то спасибо за помощь, чарли-отель-один-четыре-четыре. А то у нас сегодня на одну машину меньше.
Гленн испытал настоящий восторг.
– Сама Кора Берстридж! Черт побери! Она чудо! Ты не видел ее «Реку возможностей» с Робертом Донатом и Кэри Грантом? Фильм пятьдесят второго года?
– Я тогда еще не родился. Я не такой старый, как ты, Гленн.
– Очень смешно.
– Соседка тебе откроет: миссис Уинстон, квартира номер семь.
Не успел Гленн отпустить кнопку рации, как заговорило автомобильное радио – он услышал голос женщины-диспетчера, которая передавала описание «ягуара». Еще через минуту он свернул к «Полумесяцу Аделаиды», а «ягуар» продолжил движение к центру Брайтона. Либо парнишка чист, либо собирается смешаться с толпой, вместо того чтобы пытаться оторваться от полиции.
Гленн припарковал машину почти точно против нужного корпуса. Перед ним был «Полумесяц Аделаиды»: ряд величественных классических зданий в стиле Регентства. Портики с колоннами, высокие окна, белая краска повсюду выцвела и облупилась – следствие безжалостного воздействия морского воздуха. Гленн подумал, что этот выцветший монументальный дом как нельзя лучше подходил звезде былой эпохи вроде Коры Берстридж. Комплекс выглядел по-настоящему стильно.
Гленн ощутил трепет, к которому примешивалось чувство вины. Это не слишком профессионально, он здесь по долгу службы, должен проверить сигнал и, если что-то не так, действовать независимо от личности потерпевшей. Но для него ее личность, конечно, имела значение.
Шутка ли, сама Кора Берстридж!
Он мог без запинки перечислить все сорок семь фильмов с ее участием. «Безопасное прибытие», «Монакский люкс», «Забыть мистера Дидкоута», «Мелодия пустыни». Комедии, мюзиклы, триллеры, мелодрамы. Она была такой талантливой, такой красивой, такой элегантной и остроумной. Гленн совсем недавно видел Кору Берстридж в очередном сериале, и она по-прежнему выглядела великолепно и играла прекрасно. А вечером в понедельник по телевизору показывали, как ей вручали премию Академии кино и телевидения «За выдающийся вклад в искусство кинематографии». Она там еще произнесла речь, несколько разочаровавшую Гленна. Но не стоит судить ее строго: небось бедняжка растрогалась, услышав в свой адрес столько хвалебных слов.
Он прикинул – Коре Берстридж сейчас, вероятно, было лет шестьдесят пять. Удивительно хорошо она сохранилась. Гленн посмотрел на окна здания и почувствовал комок в горле. Он отчаянно надеялся, что с ней не случилось ничего страшного.
Гленн позвонил в квартиру номер семь. Миссис Уинстон встретила его на третьем этаже: приятная женщина лет семидесяти с лишним, с изящно уложенными седыми волосами.

Квартира Коры Берстридж находилась напротив. У стены возле двери стояли два букета. В темном коридоре витали запахи плесени и кошачьей мочи – изнутри дом производил не столь благоприятное впечатление, как снаружи: все здесь потемнело от старости и сильно смахивало на зал ожидания какого-нибудь провинциального железнодорожного вокзала.
– Эти цветы прибыли сегодня, – сообщила миссис Уинстон. – Еще восемь или девять букетов принесли вчера, я их положила к себе в ванну, чтобы не завяли. А вчера и сегодня утром мне пришлось также забрать ее молоко.
– Я полагаю, вы пытались звонить соседке? – спросил полицейский.
– Да. В последний раз совсем недавно. И я не только звонила, но и стучала.
Гленн наклонился и заглянул внутрь, в квартиру Коры Берстридж, через щель почтового ящика. Он увидел на полу множество конвертов. Осторожно, чтобы не пугать миссис Уинстон, он потянул носом воздух. И уловил слабые признаки запаха, который свидетельствовал о непоправимом. Спазм страха сжал желудок: Гленн хорошо знал этот приторный запах протухшей рыбы.
И еще он услышал жужжание мух.
Полицейский встал, вытащил блокнот и задал миссис Уинстон несколько стандартных вопросов. Когда она в последний раз видела Кору Берстридж? Не слышала ли она какого-либо подозрительного шума? Часто ли к актрисе приходили гости? Много ли у нее прислуги? Последний вопрос удивил миссис Уинстон, которая ответила ему, что Кора Берстридж жила весьма небогато. Откуда бы взяться многочисленной прислуге? К ней раз в неделю – по пятницам – приходила убираться женщина. И все.
– Я думал, она очень богата, – сказал Гленн.
– Нет, какое там. В последние десять лет Кора Берстридж почти не снималась. Я думаю, она несколько раз неудачно вложила деньги, да еще вдобавок ее последний муж был игроком.
Гленн спросил, есть ли какой-нибудь другой вход в квартиру, и соседка показала ему пожарную лестницу с противоположной стороны здания. Потом он убедил пожилую даму вернуться к себе: не хотел, чтобы она увидела то, что, как он полагал, обнаружит в квартире.
Он связался с дежурным сержантом патрульного отделения, сообщил факты и получил разрешение взломать дверь. Потом проверил пожарную лестницу – шаткое металлическое сооружение; лестница эта вела к массивной проржавевшей двери, но добраться с нее до какого-либо из окон было невозможно.
Гленн вернулся к входной двери в квартиру, несколько раз нажал на кнопку звонка, постучал, а потом еще для вящей уверенности громко позвал хозяйку через щель почтового ящика.
Увидев, какой современный и надежный у Коры Берстридж замок, Гленн понял, что бессмысленно даже пытаться открыть его отмычкой. Пожалуй, тут придется применить грубую силу. Он попробовал слегка надавить плечом, потом уже со всего размаха ударил правой ногой. Дверь чуть подалась, но замок выдержал. Он подумал, не вызвать ли бригаду со специальным тараном, но побоялся, что в таком случае сам останется не у дел. И поэтому продолжил бить по двери ногой.
Вскоре соседи забеспокоились: стали открываться другие двери, послышались голоса. Какой-то молодой человек в футболке и шортах поднялся на площадку и озадаченно остановился, увидев вспотевшего от напряжения незнакомца в строгом сером костюме.
– Полиция! – сказал Гленн, чтобы успокоить его.
На лице парня отразился ужас, и он бросился вниз. Небось хранит дома наркотики, надо будет потом проверить. Гленн продолжал свои попытки проникнуть в квартиру.
Наконец замок поддался, но дверь открылась всего на несколько дюймов – изнутри была наброшена цепочка. Цепочка оказалась надежной, и Гленну пришлось нанести еще несколько сильных ударов, прежде чем дверь распахнулась. Он вошел внутрь, закрыл как смог за собой дверь, чтобы не заглядывали любопытные, после чего остановился, борясь с приступом тошноты: ну и запах. Потом вытащил из кармана резиновые перчатки.
Гленн стоял в маленьком коридоре. На одной стене висели две симпатичные картины, изображающие парижские улицы, а на противоположной – две театральные афиши в рамочках. На одной были запечатлены Кора Берстридж и Лоуренс Оливье в спектакле «Время и семья Конвей», театр «Феникс» на Чаринг-Кросс-роуд; а на другой – Кора Берстридж, Анна Мэсси и Тревор Ховард в спектакле «Веер леди Уиндермир», театр «Ройал» в Брайтоне.

Несмотря на тревогу, он не мог не ощущать душевного трепета, оказавшись в доме одной из величайших актрис современности. Было тут нечто такое – он и сам не смог бы толком сформулировать, что именно, – вызывавшее у Гленна чувства, неведомые ему прежде. Здесь ощущалась атмосфера волшебства, словно бы ты попал в какой-то иной мир, стал членом закрытого клуба, куда имели доступ только богатые и знаменитые. Гленн думал о том, как расскажет об этом вечером своей жене Ари. Она ни за что не поверит, что он был в квартире самой Коры Берстридж!

Потом тревога вернулась с новой силой. Осторожно переступив через конверты на полу, он вошел в просторную гостиную; шторы на окнах были задернуты не полностью. О стекло бились две жирные мухи. Гостиная была обставлена в стиле ар-деко. Здесь было столько старых театральных и киноафиш, что Гленну показалось, будто бы он перенесся на машине времени в прошлое. На самом видном месте над камином висело забранное в рамочку письмо от принцессы: та благодарила Кору Берстридж за проведение вечера Детского благотворительного фонда.

Не квартира, а настоящий музей, столько здесь всего!

В углу комнаты стоял письменный стол, на котором настойчиво мигал автоответчик. Подойдя к телефону, Гленн увидел записку, придавленную стеклянной статуэткой русалки в стиле ар-деко. Текст был написан трясущейся рукой синими чернилами: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало». Подписи не было.

Гленн несколько раз перечитал записку и вдруг понял, что борется уже не с тошнотой, а со слезами. Треск рации вернул его к реальности.

– Чарли-отель-один-четыре-четыре?

Он нажал кнопку микрофона:

– Чарли-отель-один-четыре-четыре, прием.

Это был сержант из его подразделения.

– Гленн, не мог бы ты осмотреть контейнер, который вскрыли в порту, на причале Олдрингтон?

– Я сейчас в квартире Коры Берстридж. Боюсь, мне придется здесь задержаться.

– Она собирается показывать тебе свои фильмы? – пошутил сержант.

– Не думаю, – мрачно ответил Гленн.

Он вернулся в коридор и пошел по длинному проходу. Смрад становился все сильнее, а жужжание мух – все громче. Запах, казалось, изменял плотность самого воздуха, утяжелял его. «Не дыши – ты дышишь смертью!»

Он замедлил шаг, приближаясь к приоткрытой двери в конце коридора.

Остановился перед ней. В комнате за дверью было темно, но Гленн знал: Кора должна быть там. Просунув руку внутрь, полицейский нащупал выключатель, щелкнул им и толкнул дверь. Комнату наполнил свет большой люстры и бра, выполненных в одном стиле – ар-деко. Тисненые обои. Пушистые тапочки на белом ковре. На большой кровати одинокая фигура, лицом к стене, на волосах что-то блестящее: он сперва подумал, что шапочка для душа. Над головой женщины жужжали мухи, а на шторах их было еще больше. Кора Берстридж лежала, вытянув руки над одеялом, из рукавов ее розового атласного халата торчали пальцы. Даже от двери Гленн видел, какие они синие.

Он вдохнул, несмотря на ужасающий смрад, прошел мимо туалетного столика с зеркалом, по всему периметру которого размещались лампочки, и оказался по другую сторону кровати – он хотел увидеть ее лицо.

И вот тут-то Гленн и потерял самообладание.

На Коре была не шапочка для душа, а фирменный полиэтиленовый пакет из магазина «Уэйтроуз», надетый целиком на голову и плотно обхваченный на шее поясом от халата; пояс был завязан несуразным бантиком.

Рукой в перчатке Гленн развязал узел, чтобы увидеть ее лицо. Целый рой мух взвился в воздух. Он смотрел на нее. Онемевший, ошеломленный, он смотрел на великую Кору Берстридж, на ее открытый, словно в беззвучном крике, рот. Синевато-черное лицо. По тому, что осталось от губ и глаз, ползают личинки.

Глен отвернулся, потрясенный, подавляя рвоту.

«Нет, Кора! Нет-нет-нет! Почему ты это сделала? Господи Исусе, зачем?»

27

Позднее она скажет своей подружке Сэнди, что все это время ошибалась, принимая покупателя, который неизменно подходил к ее кассе и смотрел таким странным взглядом, за другого человека, актера Лайама Нисона. Это был вовсе даже не он!

Но ведь этот мужчина вполне мог оказаться Нисоном. На прошлой неделе она видела здесь Пэтси Кенсит, пару месяцев назад – Лиз Херли, а еще раньше, перед Пасхой (правда, тут стопроцентной уверенности у нее не было), – Билли Конноли. Звезды пачками приходили сюда, в супермаркет «Сэйфуэйз» на Кингс-роуд, но по какой-то причине всегда направлялись к другим кассам.

Но теперь она подняла глаза и снова увидела его. Неужели все-таки Лайам Нисон? Поскольку этот мужчина всегда расплачивался наличными, она не могла прочесть его имя на банковской карте. Он приветливо улыбался девушке. На нем были желтая рубашка поло, застегнутая на все пуговицы, и коричневый пиджак от «Армани».

– Привет, Трейси, – сказал он кассирше, как обычно.

И она, как обычно, покраснела. Покупатели иногда называли ее по имени – его легко можно было прочесть на бейджике, прикрепленном к лацкану ее форменного халата, но голос этого человека звучал как-то особенно, с безукоризненным британским выговором, и ее имя он тоже произносил как-то необычно. И Трейси вдруг забыла: а Лайам Нисон, он кто – англичанин или американец?

– Я собираюсь приготовить крабовый суп по-бразильски, – проговорил он и показал на выложенные в невероятно ровную линию продукты, которые ждали своей очереди по другую сторону таблички с надписью «Следующий покупатель». Такое чувство, что он буквально выверил все с помощью линейки. – Это для моей подружки.

Ему понравилось, как кассирша кивнула ему, признавая, что у него есть подружка, что он не печальный одиночка, пытающийся завязать с ней разговор. И говорить, что у него есть подружка, тоже было приятно. Он вдруг почувствовал себя обычным человеческим существом. И поинтересовался:

– Вы когда-нибудь ели крабовый суп по-бразильски?

Девушка поморщилась, нажала кнопку, и конвейерная лента поехала.

– Я не очень люблю крабов – мне не нравится, как они выглядят.

– Моя мать тоже не любила крабов, – заметил он. – Она их просто ненавидела. Запрещала покупать, даже консервированных.

– Я не возражаю против крабового паштета, – сказала Трейси. – В сэндвичах.

Первой к кассе подъехала бутылка со свежевыжатым апельсиновым соком. Трейси поднесла ее к устройству для считывания штрихкода, потом дала Томасу Ламарку несколько пластиковых пакетов. Затем настала очередь четырех авокадо и упаковки местных помидоров.

– Английские помидоры самые лучшие, – заявил покупатель. – Некоторые импортные помидоры облучают, чтобы убить бактерии. Вы это знали?

Девушка отрицательно покачала головой.

– С радиацией шутки плохи, Трейси. Это может привести к генным мутациям. Вы боитесь радиации?

Она настороженно посмотрела вверх, словно проверяя, не облучает ли ее какой-нибудь невидимый прибор. И сказала:

– Я тоже люблю английские помидоры.

Так, а теперь крабы. Они были в белом пластиковом пакете, и Трейси не видела этих мерзких существ, но девушку все равно пробрала дрожь, когда она подносила влажную этикетку со штрихкодом к сканеру.

Томас сочувственно смотрел на кассиршу. И внешне, и манерой говорить она напоминала ему Лиз, девушку, с которой он недолго встречался, когда учился на медицинском факультете. Он вспомнил, как однажды привел Лиз домой и познакомил с матерью, а мать дала ему понять, что эта девица ему не пара.

У бедняжки Лиз и впрямь было множество недостатков. Излишне худенькая малышка с пушистыми светлыми волосами и хорошеньким, но пустым личиком; да и зубы у нее были так

себе – кривоватые и неухоженные. За неделю до того, как они расстались, он увидел, что у нее на колготках спустилась петля. А еще раньше заметил, что воротничок ее блузки истрепался.
– Вы читали, что Кора Берстридж умерла? – спросил Томас.
– А кто это?
– Актриса. Кора Берстридж. Во всех утренних газетах написано.
Трейси отрицательно покачала головой – нет, не читала – и поднесла к сканеру упаковку куриных яиц. А потом вдруг встрепенулась:
– Это та, которая в понедельник получила награду?
– Да, «За выдающийся вклад в кинематограф».
– А, ну тогда знаю. Умерла, стало быть? Бедняжка. – Кассирша издала нервный смешок. – Несправедливо как-то – получить премию и умереть, правда?
До конца конвейера добрались четыре плода манго.
– А вам нравятся фильмы с участием Глории Ламарк?
– Кого?
– Глории Ламарк, – тихо повторил он.
– Никогда про такую не слышала.
Трейси молча продолжила пробивать товары, а потом помогла ему уложить все покупки в пакеты. И тут, к удивлению кассирши, он протянул ей банковскую карту. Она прочла имя: Теренс Гоуэл.
Пока кассовый аппарат печатал чек, Томас вытащил из кармана монету, подбросил ее, накрыл ладонью и поинтересовался:
– Орел или решка?
Девушка недоумевающе взглянула на него, пожала плечами и ответила:
– Решка.
Он посмотрел – решка. Вернул монету в карман.
– А вы везучая, Трейси. Сегодня ваш день.
Томас вытащил из кармана тоненький белый конверт и протянул его кассирше:
– Возьмите и уберите – откроете позднее.
Удивленная и смущенная, она неловко взяла конверт и положила его на полочку под кассовым аппаратом.
– А что это?
– Потом посмотрите.
Он подписал чек, погрузил покупки в тележку и покатил ее к выходу.
Трейси проводила его взглядом. Других покупателей у ее кассы не было, поэтому она спокойно могла смотреть ему вслед. Значит, Теренс Гоуэл. А вовсе никакой не Лайам Нисон. Интересно, что в конверте? Странный покупатель встал на тротуаре со своими пакетами, остановил такси. «У Лайама Нисона, – подумала она, – наверняка есть личный шофер».
Девушка огляделась по сторонам. Покупателей к ней по-прежнему не было, никто на нее не смотрел. Такси отъехало, и теперь можно взять конверт. На нем было написано ее имя – Трейси. Она открыла конверт. И – ничего себе! – обнаружила внутри четыре банкноты по пятьдесят фунтов и записку: «Спасибо, что всегда приветливо улыбались мне, – с Вашей стороны это очень добрый поступок. Купите себе что-нибудь в подарок. В нашем мире так мало доброты».

28

Снаружи дом номер четырнадцать по Провост-авеню не представлял собой ничего особенного – скромный, стоящий особняком дом 1930-х годов с провинциальным фасадом в стиле тюдоровского Возрождения, похожий на своих соседей в этом тихом пригородном болоте Барнса, что в юго-западном Лондоне, всего в нескольких сотнях ярдов от Темзы и в двух-трех милях от Шин-Парк-Хоспитал, где находился кабинет Майкла. Однако внутри все полностью перестроили, разделив жилое пространство, располагавшееся на нескольких уровнях, на три помещения. В первом были расставлены кресла, в одном из которых теперь и сидела Аманда, пока Майкл кашеварил на кухне. В другом стоял перед телевизором удобный полукруглый диван. А в третьем размещалась столовая, оборудованная в стиле хай-тек.

Из кухни исходил умопомрачительный запах.
На полках стояло множество трехмерных пазлов-головоломок. Стены, белые, словно в больнице, были увешены современной живописью – картинами небольшого размера. Здесь были и замысловатые абстрактные полотна, некоторые с какой-то дьявольской аурой, и другие, повеселее, выполненные в ярко-синих тонах, – точь-в-точь такого же цвета был кафель в бассейне в Хокни.
«Интересно, – спрашивала себя Аманда, какие предметы обстановки отражают вкус Майкла, а какие – его покойной жены?»
Он сказал ей, что все пазлы собрал сам. А вот кто приобрел картины? Отчасти они ей даже нравились, поскольку интриговали, являя собой смесь контрастов, как и сам хозяин квартиры. Аманде отчаянно хотелось узнать о Кейти побольше, но она интуитивно чувствовала, что лучше эту тему не поднимать. Во время их предыдущих встреч Майкл демонстрировал явное нежелание говорить о покойной жене. Наверное, до сих пор не мог примириться со своей потерей или чувствовал себя виноватым. Самое заметное место в комнате занимала фотография Кейти, стоявшая на полке симпатичного современного камина.
Аманда встала и с бокалом вина в руке подошла поближе. Внимательно вгляделась – цветной снимок в серебряной рамке. На Аманду с фотографии смотрела привлекательная блондинка с волосами до плеч; она сидела на красном мотоцикле, сдвинув на лоб солнцезащитные очки. Аманда всмотрелась в ее лицо. Красивая женщина, но было в ней что-то такое… холодность, самомнение… чуть ли не жесткость.
Она вдруг призадумалась: «Интересно, чувствовали ли люди, которым суждено было умереть молодыми, что они обречены?»

Майкл только час назад принял душ, но весь уже раскраснелся, покрылся потом. В кухне, которая утром выглядела безупречно, теперь царил хаос.
«БОЖЕСТВЕННЫЙ ВКУС, ПРОСТО РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ!» – так и кричал заголовок кулинарной странички. Ниже было напечатано: «МОРСКИЕ ГРЕБЕШКИ НА ШАМПУРАХ ПОД ИЗЫСКАННЫМ БАЗИЛИКОВЫМ СОУСОМ».
Фотография готового блюда была заляпана бальзамическим уксусом, который Майкл случайно разлил. Несколько недель назад он выдрал из «Таймс» кулинарную страничку, и теперь она лежала перед ним на кухонном столе. Так, вроде все ингредиенты есть. Он снова перечитал рецепт.
И ощутил легкую панику.
Четыре больших свежих морских гребешка. Оливковое масло. Листья базилика. Четыре ломтика ветчины прошутто. Один зубчик чеснока. Один небольшой помидор. Бальзамический уксус. Смесь зелени и свежих трав. Белые и розовые лепестки роз. Два деревянных шампура.
На фотографии все смотрелось очень соблазнительно, однако воссоздать такую красоту невозможно. Ну просто не еда, а цветочная выставка в Челси. Даже его деревянные шампуры выглядели хуже, чем на снимке.
И как всегда, самое главное в рецепте не указали. Нужно запекать морские гребешки, уже завернув их в прошутто, или же ветчину следует добавить потом?
Он быстренько позвонил матери, которая была прекрасной кулинаркой, и тихим голосом, чтобы не услышала Аманда, спросил у нее совета. Мама ничего не знала про этот рецепт, но предположила, что нужно запечь гребешки отдельно, однако тут же передумала, а потом снова стала склоняться к первому варианту. Майкл пожалел, что вообще связался с гребешками. Надо было выбрать какое-нибудь проверенное блюдо – перцы с анчоусами или гаспачо с креветками.
Еще со студенческих времен Майкл вырезал из газет и журналов рецепты, покупал все необходимые ингредиенты и увлеченно экспериментировал. Однако в последние три года его энтузиазм пропал – готовить для себя одного было неинтересно. Пока была жива Кейти, вечером в субботу, если только они никуда не ходили, Майкл обычно готовил ужин сам. Они оба любили вкусно поесть.
После смерти жены Майкл по большей части перебивался на работе столовскими обедами, а дома разогревал в микроволновке полуфабрикаты из супермаркета.
Но теперь ему снова было для кого готовить, и он еще в среду начал обдумывать сегодняшнее меню. Было бы гораздо проще пригласить Аманду в ресторан, но он хотел показать ей себя с этой стороны – гордился своим кулинарным искусством.

Кто бы мог подумать, что у него вдруг сдадут нервы.
Он недавно прочел любопытную статью в «Вестнике психологии». Женщины значительно выше ценят мужчин, умеющих готовить, и считают их более сексуальными. Отголоски древних представлений, когда мужчина был добытчиком. Сквозь куцую камуфляжную сетку цивилизации проступают наши первобытные корни.
Майкл усмехнулся, представив, как бы отреагировала Аманда, если бы он встретил ее у дверей в набедренной повязке, размахивая деревянной дубинкой. Он натянул специальные матерчатые варежки и проверил ягнятину с розмарином под красносмородиновым соусом. Оладьи из картофеля с пастернаком, свежий горошек и сдобренное специями морковное пюре уже были готовы и стояли в подогревочном отсеке духовки.
Майкл на минутку заглянул в гостиную, посмотреть, как там его гостья.
Аманда стояла у камина, она все еще держала в руке фотографию Кейти и не слышала, как вошел Майкл. И вдруг почувствовала, что ее руку словно ухватили железными клещами, а фотографию резко вырвали.
– Не трогай ее вещи! – Тон Майкла был просто ледяным.
Аманда испуганно обернулась. И на какое-то мгновение испытала настоящий ужас, увидев его перекошенное от гнева лицо. Он продолжал больно сжимать ее руку.
Потом отпустил и аккуратно вернул фотографию на место.
Аманда с тревогой смотрела на него. А Майкл встал к ней лицом, словно защищая фотографию от посягательств гостьи, и улыбнулся ей вымученной улыбкой, его гнев прошел так же быстро, как и вспыхнул.
– Извини, – смущаясь, сказал он. – Я…
– Ничего. – Она проглотила комок в горле, неуверенно глядя на него. Но теперь он был спокоен, вернулся в нормальное состояние.
Майкл опустил голову.
– Прости меня, я виноват, просто у меня на этой почве бзик…
– Да ничего страшного, я не сержусь, – ответила она.
Майкл беспомощно посмотрел на Аманду, и она вдруг прониклась к нему сочувствием. Он казался совсем иным в непривычной домашней одежде: стоял перед ней в белом виниловом переднике с нарисованными на нем музыкальными нотами, в красной рубашке с открытым воротом и синих слаксах. Так он нравился ей больше – казался трогательно-беззащитным.
– Мне пора расстаться с прошлым, – пояснил Майкл. – Но это дьявольски трудно. – Он оглядел стены. – Иногда мне кажется, что я, черт побери, живу в каком-то мавзолее.
Заметив, что он переводит глаза с одной картины на другую, Аманда сказала:
– Симпатичные у тебя тут картины, мне нравятся.
– Их написала Кейти.
– Все?
– Те, что в этой комнате, – все. Она называла их «Коллекция настроений мозга». Может быть, так она воспринимала меня.
– Твоя жена была очень талантлива, – сказала Аманда, чувствуя, что ей очень далеко до покойной Кейти.
– Да, – кивнул он. – Но сама она так не считала. Говорила, что это всего лишь хобби.
Майкл все еще пребывал в смущении после своей внезапной вспышки, и Аманда решила переменить тему:
– Может, все-таки помочь тебе на кухне?
– Нет, не стоит. Все уже готово, я присоединюсь к тебе через минуту.
Он подошел к открытой балконной двери, озабоченно выглянул наружу:
– Уверена, что нам стоит ужинать на открытом воздухе? Не замерзнешь?
– Нет, я люблю есть на воздухе.
– А как тебе вино?
Аманда подняла наполовину пустой бокал:
– Спасибо. Прекрасное вино.
– Знаешь, в чем заключается разница между оптимистом и пессимистом? – спросил Майкл.
– Нет. А в чем?
– Оптимист говорит, что его бокал наполовину полон. А пессимист – что наполовину пуст.
– Мой бокал полон до краев, – уверенно заявила она.

Из динамиков доносилась увертюра к «Фигаро». Майкл прислушался, и эмоции переполнили его. Ну почему, черт побери, он не позволил Аманде посмотреть эту треклятую фотографию? Не дай бог, гостья обиделась. Ему нужно было уехать отсюда, вот в чем все дело. И пригласить Аманду в ресторан. А здесь повсюду было слишком много Кейти.
Но он не хотел продавать дом. Это означало бы полностью порвать все связи с Кейти, а Майкл пока еще не был готов к этому. До сегодняшнего вечера. Вплоть до того момента, когда Аманда села на диван и музыка Моцарта заполнила всю гостиную. И его сердце тоже.
Наверное, Аманда перед свиданием вымыла голову: прежде он не замечал, какие красивые у нее волосы – шелковистые, блестящие. И лицо ее сегодня тоже казалось красивее, чем обычно, и еще ему нравилось, как она оделась: белый атласный жакет, черный топ на бретельках, блестящие черные брюки и туфли на высоких каблуках; все это на любой другой женщине, менее привлекательной, показалось бы вульгарным, но на Аманде выглядело необычайно сексуально.
Ему нравился ее запах.
Майкл залюбовался Амандой, которая сидела, откинувшись на спинку массивного синего дивана. В воздухе разлито благоухание летнего вечера, звучит его любимая классическая музыка. Ну до чего же хорошо! Он поднял руки, прикрыл на секунду глаза и принялся неторопливо водить руками, словно дирижируя оркестром.
Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что гостья смотрит прямо на него.
– Я бы хотел умереть под звуки музыки Моцарта, – сказал Майкл.
Аманда тщательно обдумала это его заявление. И поинтересовалась:
– Ты часто думаешь о смерти?
– Постоянно. И ты тоже.
– Я?
– Все думают о смерти. Хотя и неосознанно. Это фундаментальная часть человеческой психики. Даг Хаммаршёльд, бывший Генеральный секретарь ООН, сказал: «Нет ни одной нашей мысли, ни одного поступка, на которые не влияло бы то, как наш разум видит свою судьбу, а наше тело – свою смерть. В конечном счете наши мысли о смерти формируют ответы на все вопросы, которые ставит перед нами жизнь».
– И ты с ним согласен?
– На сто процентов. Мы во всем подчиняемся инстинкту самосохранения. Только представь, сколько решений тебе приходится принимать каждую минуту: например, когда ты сидишь за рулем или переходишь дорогу. Просматривая меню в ресторане, ты выбираешь не просто ту еду, которая тебе больше нравится. На твой выбор влияют самые разные соображения: о диете, о содержании витаминов… о том, что полезно для организма. Ты думаешь, какая еда продлит тебе жизнь. Так?
Он бросил на нее вопрошающий взгляд. Аманда пожала плечами:
– Я редко этим заморачиваюсь.
– В этом нет необходимости. Большую часть времени за нас это делает мозг. – Он постучал себя по виску. – Наш маленький серый друг. – Он помолчал, потом добавил: – Извини, что разозлился. Я не хотел тебя обидеть.
Она улыбнулась ему:
– Я вела себя глупо.
– Нет, ты проявила любопытство и имела на это полное право.
Майкл вернулся на кухню.
«Сначала запеку гребешки, – решил он, – а потом заверну их в ветчину. Риск – благородное дело!»
Аманда сидела на диване. Рука у нее побаливала после железной хватки Майкла, наверняка будет синяк. Еще прежде, чем приступить к съемкам фильма, она слышала, что многие психиатры со странностями. Некоторые из тех, кого Аманда интервьюировала, казалось, сами нуждались в психиатрической помощи.
Была ли у Майкла темная сторона? Или это просто смерть любимой женщины так влияет на человека?

Томас Ламарк тоже думал о смерти. До этого он размышлял о белых фургонах, а теперь – о смерти доктора Майкла Теннента.

Он пришел к выводу, что белые фургоны хороши днем, потому что незаметны. Ты можешь выдать себя за водопроводчика, или мясника, или курьера из типографии – да кого угодно, – можешь написать на кузове все, что хочешь: на человека в служебном фургоне никто не обращает внимания. Люди не имеют привычки вглядываться в лица водителей автобусов, дорожных рабочих или уборщиков у входа в метро.
Однако ночью все обстоит иначе. После наступления темноты на фургонах разъезжают преступники. Попробуй приехать в спальный район в десять вечера, и какой-нибудь бдительный жилец непременно позвонит в полицию.
Именно поэтому Томас сегодня одолжил у доктора Гоуэла темно-синий «форд». Автомобиль стоял сейчас на Провост-авеню, и из него было прекрасно видно дом доктора Майкла Теннента. И «альфа-ромео» Аманды Кэпстик. Она не стала поднимать крышу. Похоже, она не собирается оставаться здесь на ночь.

29

Перед лицом Гленна Брэнсона щелкнули пальцами, но он ничего не видел.
– Эй, есть кто-нибудь дома?
Но и голоса Гленн тоже не слышал.
Его глаза смотрели на Кору Берстридж на экране телевизора. Но мысли его витали далеко. Темная комната. Пластиковый мешок из универсама. Записка: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».
Эти слова буквально впечатались Гленну в память. Они снились ему прошлой ночью. И позапрошлой тоже. Он видел полуразложившееся лицо Коры Берстридж. Он никогда не забудет этой фразы. Никогда.
– Твой чай на столе. Пей, а то остынет.
Гленн посмотрел на Ари, послал ей воздушный поцелуй; он любил жену всем сердцем, терпением его супруга превосходила десяток святых.
– Еще две минуты, ангелочек.
Сэмми, который сидел на полу и с сосредоточенностью кардиохирурга сооружал из конструктора «Плеймобил» здание цирка, заинтересованно посмотрел на отца:
– А мама и вправду ангелочек?
– Для меня – да.
Гленна поразила оперативность, с которой на телевидении отреагировали на смерть Коры Берстридж. Он смотрел сейчас одну из посвященных актрисе программ – нарезку из ее фильмов. Только что выступал Дирк Богард, говорил, что она была настоящей звездой. И теперь показывали отрывок из их совместной картины: Богард в роли начинающего врача в больнице и молодая Кора Берстридж с лицом, покрытым шрамами.
«Не падай духом, девочка, через несколько дней будешь как новенькая», – беспечно сказал Дирк Богард.
Кора Берстридж взглянула на него.
«Я больше не могу смотреть на себя в зеркало», – ответила она.
Ари встала перед телевизором, загородив мужу экран.
– Может, поставить ужин обратно в духовку? Кажется, я начинаю ревновать тебя к твоей новой подружке.
Однако Гленн не слышал жену. Он сидел как зачарованный.
– Папа, если мамочка ангел, значит Христос ее любит?
Но он и сына не слышал. Он слышал только слова Коры Берстридж, произнесенные с экрана. Это была картина 1966 года, «Зеркало на стене». Фильм рассказывал о модели, попавшей в автокатастрофу. Изуродованная девушка решает покончить с собой, но ее спасает психиатр, который возвращает пациентке самообладание и душевное равновесие, а в финале женится на ней.
«Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».
Просто поразительное совпадение.

Гленн с самого начала стал записывать передачу на видеомагнитофон и теперь остановил запись, перемотал пленку.
– Я приготовила тебе бифштекс, милый! Он остынет.
– Иду.
Гленн нашел нужный фрагмент и просмотрел его снова. Слушая диалог на экране, он закрыл глаза и, вернувшись на два дня назад, в квартиру Коры Берстридж, вновь увидел ее комнату, обставленную мебелью в стиле ар-деко, и записку на туалетном столике: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».
Гленн сосредоточился, напряг свое серое вещество, попытался представить себе спальню Коры Берстридж на третьем этаже «Полумесяца Аделаиды» на набережной Хоува, совсем недалеко от Ла-Манша.
Режим замедленного времени.
Именно так детективы изучают место преступления. Они словно бы переводят все – дом, номер отеля, квартиру, полянку в лесу, участок тротуара, площадь вокруг машины – в режим замедленного времени. Тщательно рассматривают один стоп-кадр за другим. Сюда попадают всякие мелочи: волосяные фолликулы, чешуйки кожи, волокна одежды.
В данном случае он имел дело с самоубийством. Места преступления как такового не было. Женщина изнутри закрыла дверь на цепочку, написала записку, приняла таблетки, а затем…
При мысли о том, что сделала Кора Берстридж затем, он вспомнил про мели.
Прежде чем отойти от дел и переехать жить к родителям Гленна в Англию, его дед служил первым помощником капитана на грузовом судне, которое курсировало вдоль Наветренных островов: на один остров они доставляли запчасти для двигателей, с другого забирали урожай сахарной свеклы, на третьем выгружали гробы. Гленн любил слушать рассказы о приключениях деда, но в особенности его интересовали мели.
«Корабли почти никогда не тонут там, где глубоко, – говорил дедушка мальчику. – Для них гораздо опаснее мелководье. Самые высокие волны бывают на небольших глубинах, самые опасные скалы не те, которые ты видишь, а те, что спрятаны под водой. Ох уж это мелководье!»
Коварное мелководье пугало Гленна, но он каждый раз просил деда рассказать о мелях. Они стали его фобией, его личными демонами, с которыми он боролся, но которых так до конца и не победил.
Темная, бушующая стихия. Буруны, пена, острые как бритва кораллы, которые могут вскрыть днище суда, словно нож консервную банку. Мелководье внедрило в душу Гленна такой страх, что в детстве его мучили ночные кошмары: он иногда просыпался, продолжая биться в кровати, выкрикивать предупреждения шкиперу. Когда ужас немного отступал, мальчик словно бы оказывался выброшенным на мель – попадал из объятий сна в темную, нечеткую лужу страха.
Самоубийство. Это слово бурлило в его голове, как пенистый темный водоворот.
Самоубийство.
Гленн попытался представить себе последние минуты жизни Коры Берстридж. Вот она пишет записку. Потом снимает тапочки. Ложится в кровать. Натягивает пакет себе на голову, завязывает бантиком пояс от халата. Жуткая влага пакета перед глазами.
Какие мысли посетили Кору Берстридж в последние мгновения ее жизни? Что заставило бедняжку сделать это?
Он разговаривал с ее дочерью, которая живет в Лос-Анджелесе; кроме того, несколько друзей актрисы согласились пообщаться с прессой. Они сообщили следующее. После недавней подтяжки Кора Берстридж пребывала в депрессии. Ей трудно было принять то, что она стареет, и награда Британской академии только усугубила ее ощущение одиночества.
Ее не возвели в дамы, не удостоили какой-либо другой почетной правительственной награды, потому что, как признавалась сама актриса, Букингемскому дворцу были не по душе ее романы с известными политиками, а еще больше – ее антимонархические взгляды.
«Решили бросить старой собаке кость, лишь бы только она не тявкала» – так написала Кора Берстридж одному из своих друзей после получения премии.
Денег мало; красота осталась в прошлом; одинокая (третий, и последний, муж бросил ее десять лет назад) пожилая дама, страдающая от депрессии, – классическая потенциальная самоубийца.
«Так почему же, – спрашивал себя Гленн Брэнсон, поднимаясь с кресла, чтобы отправиться на кухню, где его ожидали остывший бифштекс и жена, чей взгляд теперь уже стал ледяным, – почему же я не верю, что Кора Берстридж покончила с собой?»

30

«Добрый вечер, это доктор Теннент. Глория, перезвоните мне, пожалуйста, сразу же, как только получите это сообщение. Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Щелчок.

Томас нажал кнопку обратной перемотки на автомобильной магнитоле, а потом надавил клавишу воспроизведения и еще раз прослушал запись голоса доктора Майкла Теннента: он переписал его сообщение с автоответчика на кассету.

Щелчок.

Томас сглотнул и ухватился обеими руками за руль. Так и хотелось вырвать его из крепления и забить им до смерти доктора Майкла Теннента.

Ламарк снова проиграл запись.

Субботний вечер. Десять часов. Почти полная луна. Звезды мерцают, сегодня много влаги. Он сидел в темно-синем «форде-мондео» доктора Гоуэла: тот охотно одолжил ему свой автомобиль. Салон сверкал безукоризненной чистотой, и, когда Томас отправился сюда, снаружи на краске тоже не было ни пятнышка. В машине имелись кожаные бежевые сиденья, а также магнитола «Филипс», проигрыватель компакт-дисков, электрические стеклоподъемники и множество всяких других устройств. Повсюду торчали кнопки и выключатели. Какие-то неразборчивые крохотные буковки: для карликов с лупами их, что ли, делали? И что они означают – сам черт не разберет.

Единственная понятная надпись на английском языке находилась на сигнальной кнопке рулевого колеса перед ним: «Воздушная подушка».

Различать кучу собачьего дерьма на тротуаре в тени между кругами света от уличных фонарей становилось все труднее. Томас разглядывал ее в течение часа. Муха ползла по лобовому стеклу внутри. Мухи жрут собачье дерьмо. Мухи жрут дохлых птиц. Если бы не мухи, повсюду валялись бы дохлые птицы. Томас не возражал против мух, они его вполне устраивали, у него имелись все основания быть благодарным им. А вот дохлых птиц он ненавидел. Дохлые птицы – предвестник несчастья.

В день смерти матери он видел дохлую птицу в саду. Когда умер Версаче, рядом с ним тоже нашли дохлую птицу. Возможно, это было послание от высших сил? Трудно сказать наверняка.

Теперь стояла такая темнота, что разглядеть его лицо в машине не представлялось возможным. На всякий случай Томас купил «Таймс», чтобы закрыться, если вдруг кто пойдет мимо. Хотя вряд ли жителей этого района заинтересует человек, читающий газету в респектабельной машине. До этого момента никто мимо него так и не прошел, если не считать старика с лабрадором, который нагадил на асфальт.

В «Таймс» опять писали о пропавшем редакторе, Тине Маккей: просьбы о помощи родителей и полиции, еще одно высказывание ее безутешного бойфренда. Никаких зацепок, никаких улик, никто не видел ее «фольксваген-гольф» с вмятиной на заднем бампере. Что и неудивительно: машину Томас разобрал у себя дома в гараже и сдал детали на различные автомобильные свалки. Он даже заработал на этом почти двести фунтов, а деньги потратил на цветы, которые отнес на могилу матери.

Значительно более пространная статья была посвящена Коре Берстридж. Надгробное слово из 2324 слов. Его написал Перегрин Вернон, бывший кинокритик, ставший впоследствии театральным критиком.

Этот самый Перегрин Вернон как-то раз безжалостно раскритиковал игру его матери в одной из театральных постановок. Это случилось в 1986 году, когда она предприняла попытку вернуться в профессию, сыграв роль властной состоятельной аристократки в пьесе Сомерсета Моэма. Перегрин Вернон написал тогда, что уж лучше было пригласить на эту роль вместо Глории Ламарк дикую свинью: «Свинья и то выглядела бы привлекательнее и не перевирала бы так текст».

Статья была снабжена фотографией автора, и Томас отчетливо помнил, как выглядел критик: галстук-бабочка, седые волосы, опухшее, в прожилках лицо человека, который привык

перекусывать на ходу чем попало. И еще он помнил, как плакала мама, когда прочитала рецензию.
На премьере пьесы его мать была так прекрасна, Томас так ею гордился, ее игра стала сенсацией… А банкет после спектакля: знаменитая актриса вернулась на сцену, и все этому страшно рады! Триумф! Там были все. Ллойд Уэбберс. Гарольд Пинтер. Пол Скофилд. Питер Холл. Камерон Макинтош. Эдди Кулукундис и Сюзан Хэмпшир. Роберт Фокс. Ванесса Редгрейв. Мэгги Смит. Джоан Плоурайт. Сэр Майкл Хорден. Альберт Финли. Джуди Денч. Билл Кенрайт. Все!
Тем вечером он видел в глазах матери слезы счастья. А утром, когда принесли «Мейл» с этой убийственной рецензией, она сломалась.
Джек Тинкер, штатный критик «Мейл», уехал в отпуск, и его место временно занял Перегрин Вернон. Утешая плачущую мать, Томас снова и снова повторял, что Джеку Тинкеру наверняка понравилась бы ее игра, Джек Тинкер никогда бы не написал таких ужасных слов.
А теперь Перегрин Вернон состряпал статью в 2324 слова о Коре Берстридж. «Ах, какая страшная несправедливость, что правительство так ни разу и не удостоило Кору Берстридж официальной награды. Она прошла большой путь: простая девушка сумела стать настоящей звездой… Мы потеряли одну из величайших актрис, которые когда-либо появлялись в нашей стране и которую никто не сможет заменить…»
Томас злился все сильнее. Перегрин Вернон ошибался. Страшная несправедливость действительно имела место, но совсем не та, о которой он писал. Придется лично сказать ему об этом. Правда должна восторжествовать.
«Болван, ну зачем ты написал эту статью? А ведь я совсем уже было забыл о тебе. Правда забыл!»
Автомобиль Аманды Кэпстик по-прежнему стоял возле дома доктора Майкла Теннента. Крыша его оставалась опущенной. Два часа назад по телевидению транслировали розыгрыш национальной лотереи. Его мать презирала лотереи, смеялась над людьми, которые покупали билеты.
«Интересно, – подумал Томас, – приобретает ли доктор Майкл Теннент лотерейные билеты?»
Он снова прослушал запись с автоответчика.
«…Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».
Щелчок.
Перемотка.
Щелчок.
Томас прокрутил запись еще раз.
Он ненавидел лотерею. Ненавидел маленькие цветные шарики, перекатывавшиеся в большом прозрачном шаре. Лотерея давала людям надежду, тогда как на самом деле никакой надежды не было. Если проиграешь, будешь чувствовать себя несчастным. Если выиграешь, твоя жизнь превратится в ад. Заколдованный круг несчастья, из которого нет выхода. Это напоминало ему голос доктора Теннента на автоответчике. Этот тип обещал то, что так никогда и не смог дать.
На пассажирском сиденье рядом с Томасом лежала еще одна кассета. Скоро придет и ее очередь.
Мухи заснули до утра. Даже та, что ползала по лобовому стеклу, казалось, оставила на время все попытки выбраться на волю. Томас вытащил из кармана монету, подбросил ее и поймал, но смотреть пока не стал.
«Доктор Майкл Теннент, будешь ли ты еще здесь утром?»

31

В этот безветренный вечер на балконе с чугунными перилами, под шатром листьев виноградной лозы, на деревянном столе горели две свечи. Аманда положила в рот последний кусок ягнятины. Снаружи прожаренный, в середине розовый, соблазнительно сладковатый от красносмородинового соуса. Майкл остался доволен результатом.
– Ты изумительный повар, – сказала она, чтобы увидеть его улыбку.

Майкл становился совсем иным человеком, когда улыбался: из серьезного, холодного, погруженного в собственные мысли превращался в живого и общительного.
Аманде было хорошо рядом с ним. Досадное происшествие если и не забылось, то отодвинулось в сторону, и она наслаждалась тем, что ее посвящают в тайны профессии: Майкл рассказывал гостье некоторые наиболее интересные случаи из своей практики. К тому же сегодня вечером он казался поразительно красивым: волевое худое лицо; темные волосы; очки в черепаховой оправе; под красной рубашкой отчетливо виден мощный торс. Ей нравились и запах его одеколона, и его манера говорить.
Аманда смотрела, как Майкл отрезает на своей тарелке кусочек ягнятины. Рукава рубашки он закатал до локтей, обнажив волосатые руки. Сильные мужские руки с длинными пальцами – «руки хирурга», как сказала бы ее мать.
Пожалуй, она не отказалась бы иметь такого отца. Максина Бентам твердила Аманде, что ее влечение к Брайану объясняется подсознательной потребностью иметь отца. Может, так оно и есть, может быть, именно поэтому она и сидит сейчас с Майклом Теннентом, взволнованная ничуть не меньше, чем в семнадцать лет, на самом первом своем свидании.
Майкл смущенно отвел взгляд: он всегда стеснялся комплиментов. Потом внимательно посмотрел на Аманду и поднял бокал с красным вином.
– Какая же ты красивая, – тихо сказал он.
Та тревога, что он чувствовал, принимая в доме Кейти другую женщину, теперь забылась: может быть, этому поспособствовало вино, а может, время. Однако в первую очередь дело было в самой Аманде. Между ними происходило нечто волшебное. Нечто настолько прекрасное, что это его пугало: подобное не может продолжаться долго. Все слишком хорошо, чтобы это длилось.
Песня, которая не давала ему покоя в последние несколько дней, снова вернулась: «Джорджия в моих мыслях».
Их глаза встретились. В круге свете появилась мошка, потом исчезла в ночи. Глаза Аманды притягивали его: в них сверкала жизнь; всполохи света, словно светлячки, горели в темноте ее зрачков. Они продолжали смотреть друг на друга, и это волшебное мгновение все длилось и длилось вопреки всем законам природы.
Затем выражение лица Аманды изменилось: на нем появилось подобие улыбки, дружеской, не насмешливой. Какие невероятные глаза. Майкл умирал от желания взять Аманду за руку. Ему хотелось прикоснуться к ней, но нужный миг еще не настал.
Ночь заливала ее лицо теплым светом. Несла к нему запах ее духов. Здесь, в его саду, в окружении экзотических растений, они оставались одни в темноте своего тайного мирка, и Майкл чувствовал, как в нем растет желание, жажда приключения. Казалось, он был в самом начале какого-то необычного, волшебного путешествия.
Аманда моргнула, но не перестала смотреть на него. Чуть нахмурилась, словно увидев что-то недоступное Майклу, потом взяла свой бокал.
Однако не подняла его, чтобы чокнуться, нет, а приложила к груди, обхватив обеими руками. Волосы дугой обрамляли ее лоб. Тоненькая золотая цепочка посверкивала, отражая пламя свечей. Аманда неловко улыбнулась Майклу, нервным движением подняла руку, убрала с лица несколько выбившихся прядей.
Потом обхватила пальцами бокал, и он увидел обгрызенные ногти.
«Аманда, что тебя беспокоит? Скажи мне, красавица!»
Аманда была рада, что в темноте не виден румянец на ее щеках, подогретый чувством вины, которое давно терзало ее и от которого она намеревалась сейчас освободиться. Девушка знала: подходящий момент все равно никогда не настанет, и потому хотела покончить с этим как можно скорее.
– Послушай, – начала она. – Тут вот какое дело…
Раздался рев низко летящего самолета, направляющегося на посадку в Хитроу. Она дождалась, когда звук стихнет.
Услышав, как изменился тембр ее голоса, Майкл испугался. Неужели Аманда собралась сообщить ему, что влюблена в другого? Или сказать, что внезапная вспышка ярости в самом начале вечера оттолкнула ее? Неужели все закончится катастрофой?
– Я хочу быть честной с тобой, Майкл. – Она продолжала прижимать бокал к груди, слово ребенок игрушку.

Ему не понравилось, как она сказала «Майкл».
– Я… – Аманда смущенно улыбнулась, отодвинула бокал от себя на несколько дюймов, по-прежнему держа его обеими руками. – Я должна тебе признаться в том, что… – Она задумалась, а потом решительно произнесла: – В общем, я познакомилась с тобой для того, чтобы потом полностью разгромить тебя в своем фильме.
На лице Майкла появилось удивленное выражение.
– Можешь теперь выставить меня за дверь, если хочешь, – сказала она.
Он смотрел на нее одновременно обиженно и озадаченно.
– Но зачем тебе понадобилось меня разгромить?
– Потому что именно такова концепция нашего фильма. Мы хотим нанести удар по всему институту психотерапии в нашем обществе. Я не сказала тебе при знакомстве всю правду.
Избегая его взгляда, она уставилась в стол.
– Почему?
Аманда виновато глянула на Майкла из-под растрепавшихся волос, поставила локоть на стол, уперлась подбородком в ладонь.
– Потому что ты не согласился бы участвовать в таком фильме. Я собиралась развенчать твое радиошоу – показать, сколь абсурдна десятиминутная психотерапия по телефону. – Глядя на него умоляющим взглядом, она попросила: – Пожалуйста, не сердись. – И вытащила сумочку из-под стула. – Не возражаешь, если я закурю?
– Я и не знал, что ты куришь.
– Вообще-то, я бросила полгода назад. – Аманда дрожащими руками открыла сумочку и вытащила пачку «Силк Кат». – Ношу их на всякий пожарный случай. А сейчас как раз такой случай и настал. – Она щелкнула изящной золотой зажигалкой.
Когда дым окутал его лицо, Майкл глубоко вдохнул. Сам он бросил курить пять лет назад и даже после смерти Кейт сумел удержаться, но запах табака ему по-прежнему нравился.
– Вместо пепельницы можешь использовать кусты, – сказал он.
– Спасибо. – Она нервно затянулась, потом выдохнула и продолжила: – Я говорю тебе это, потому что за то короткое время, которое мы провели вместе – в театре, потом за обедом во вторник и еще сегодня, – я поняла, что ошибалась, думая о тебе плохо. Ты искренне переживаешь за своих пациентов. – Она внимательно смотрела на Майкла. – Ты по-настоящему хороший человек. Если хочешь меня прогнать – только скажи, и я уйду.
– А сама-то ты хочешь уйти?
– Нет.
Наступила долгая пауза. Аманда снова затянулась, потом запрокинула голову и выпустила дым в небо.
– У меня есть только одно оправдание: если бы я намеренно не завязала с тобой знакомство с целью разгромить тебя, то мы бы никогда не встретились, а это стало бы большим упущением. Майкл, я думаю, что ты совершенно особенный, просто потрясающий человек, – заключила она. – Это не пустые слова. Я и правда так думаю.
Их глаза встретились, но через секунду Майкл отвел взгляд, смущенный глубиной чувства, прозвучавшего в ее словах.
– Никакой я не особенный, – возразил он. – Просто я считаю, что все мы – все человеческие существа, которым повезло родиться здоровыми и разумными, – должны с пользой прожить свою жизнь. Мы должны попробовать изменить мир, сделать его чуть лучше, чем прежде. Только это я и пытаюсь делать. У меня нет времени, – добавил он, – чтобы принять всех больных, и поэтому я стараюсь, насколько это в моих силах, помочь пациентам, которые звонят на радио. Я думаю, ты ошибаешься: моя передача приносит пользу, пусть и не всем.
Аманда затянулась еще раз.
– Да, я уверена, так оно и есть. – Она погасила сигарету. Снова наступила пауза, потом девушка сказала: – Тебя в нашем фильме не будет. Я обещаю.
Майкл задумчиво улыбнулся. Она была так красива – ну разве можно на нее сердиться?
– Ты простишь меня за обман, Майкл?
Вместо ответа он взял ее руки в свои. Их пальцы переплелись. Он предполагал, что кожа Аманды будет мягкой, однако ощутил жесткость ее ладоней, словно бы она много работала руками. И почувствовал прилив возбуждения: сколько еще всего ему предстоит в ней открыть.

Через секунду оба встали. Руки Майкла скользнули под ее жакет, остановились на талии, а Аманда положила руки ему на плечи.

Ее духи, запах ее волос, другие ароматы ее тела опьяняли его. Он сжал Аманду чуть сильнее, лаская ее кожу сквозь мягкие складки топа. Их губы едва соприкоснулись в мимолетной ласке, похожей на касание шелка, который колышется от ветерка.

Потом был второй поцелуй, тоже мимолетный. Руки Майкла скользнули от ее талии к лицу. Ему казалось, что он держит в чаше своих ладоней самую драгоценную вещь на свете. Она смотрела ему в глаза, и он читал в них полное доверие. Аманда улыбнулась и погладила его по волосам.

Потом запрокинула голову, и Майкл провел языком по ее подбородку, по шее, чувствуя, как она расстегивает его рубашку.

Все его тело сотрясалось от наслаждения. Их губы сомкнулись. Он почувствовал ее язык у себя во рту, а его пальцы нащупали ее соски и принялись ласкать их, щекотать с такой нежной чувственностью, что это казалось просто невыносимым.

Майкл запустил руки под топ и впервые прикоснулся к ее коже. Аманда со вздохом прижалась к нему. Он нащупал застежку ее бюстгальтера, расстегнул и теперь держал в руках ее груди – прохладные, большие, тяжелые.

Она ласкала его соски, и он сходил с ума от желания. Нагнулся и ухватил губами ее правый сосок.

Потом Аманда совершенно неожиданно отстранилась от него, сделала шаг назад и посмотрела на небо.

– Мне нужно сделать кое-что, – сказала она. – Это займет всего две минуты. – И поспешила в дом.

Майкл в недоумении последовал за ней, но, прежде чем успел задать вопрос, она уже скрылась за дверью.

Ноэл Кауард! Вот как звали этого чертова драматурга! Томас Ламарк целый час ломал голову и теперь наконец-то сумел вспомнить его имя. Один из персонажей Ноэла Кауарда разглагольствовал о «могуществе дешевой музыки».

Глория Ламарк любила оперу. Большую оперу. Томас понимал могущество великой музыки, опер, хоралов, церковных песнопений. Он считал, что Вагнер сильнее Рэя Чарльза. Равно как и Берлиоз, Верди, Перголези, Штраус, Гуно, Малер, Чайковский.

Запись песни «Джорджия в моих мыслях» все еще звучала из магнитолы доктора Гоуэла. Он вытащил кассету, положил ее на пассажирское сиденье и вставил другую, с записью голоса доктора Теннента на автоответчике его матери.

«Ты любишь дешевую музыку, доктор Майкл Теннент? Она возбуждает тебя? Ты ловишь от нее кайф? Я поставлю тебе ее, доктор Теннент, обещаю. Ты будешь слушать всю дешевую музыку, какая только есть в мире. Но в твоих мыслях будет вовсе не Джорджия. Ты будешь думать обо мне».

Входная дверь дома, за которым наблюдал Ламарк, открылась. Томас замер словно изваяние. Появилась женщина – телка доктора Теннента, – вид у нее был слегка растрепанный, она спешила. Томас не мог понять, что происходит. Она подошла к машине, отключила сигнализацию, села. Дверь закрывать не стала, и он отчетливо видел ее лицо в свете лампы, загоревшейся в салоне. Женщина вставила ключ в замок зажигания и теперь потянулась к другой кнопке. Крыша стала подниматься. Даже сквозь закрытые окна «форда» он слышал, как работает мотор. Потом раздался хлопок. Томас увидел, как она подняла руку и защелкнула ручной замок, фиксирующий крышу. Потом, к его удивлению, она вышла и заперла машину.

В дверях появился доктор Теннент, рубашка выбилась из брюк, большинство пуговиц на ней расстегнуто. Женщина пошла к врачу, он обнял ее, и они поцеловались прямо на пороге дома.

Томас почувствовал, как что-то внутри у него словно бы завязалось узлом. Комок застрял в горле. Он проглотил его и закрыл глаза, прогоняя слезы.

«Ну почему ты делаешь это у меня на виду, доктор Майкл Теннент? Почему ты так мучаешь меня? Ты хоть представляешь себе, что я при этом чувствую? Вряд ли, где уж тебе!»

Аманда неожиданно отстранилась, прошептала Майклу на ухо:
– Кто-то смотрит на нас через дорогу.
Майкл оглядел соседние дома: в некоторых из них горел свет, но ни одного лица в окне он не увидел. Он почти не знал своих соседей, и его не волновало, кто там смотрит на них. Если бы в этот момент над ними зависла в небе целая флотилия инопланетян, вооруженных биноклями, он бы, наверное, даже и не заметил. Майкл не видел сейчас ничего, кроме прекрасной молодой женщины, которую отчаянно хотел, буквально сгорал от желания. И ничего больше во всей вселенной не имело значения.
Майкл повел Аманду внутрь (им каким-то образом удалось подняться на ступеньки крыльца, не расцепляя объятий) и захлопнул дверь ногой.
– Теперь нас может увидеть только человек с рентгеновским зрением, – сказал он.
Аманда расстегнула две последние пуговицы на рубашке Майкла, удивляясь, какая же волосатая у него грудь. Тело Брайана было таким гладким, и в прошлом волосатые мужчины всегда отталкивали ее, но теперь ее мнение изменилось. Аманда притянула Майкла к себе и исступленно, страстно поцеловала. В ее чреве полыхало пламя. Губы у него были мягкие, но он целовал ее с неожиданно грубой, какой-то дикой силой.
Аманда почувствовала, что теряет голову. От него словно бы исходили мощные электрические разряды.
– Люби меня, Майкл, – прошептала она.
Ураган мыслей бушевал в голове Майкла. Он так давно не занимался любовью. Он отчаянно желал Аманду, но боялся, что окажется не на высоте и все испортит. Он заглянул в ее глаза: она смотрела на него так доверчиво.
Дрожащими пальцами Майкл искал застежку на ее бюстгальтере, забыв, что уже расстегнул его; бюстгальтер зацепился за его пальцы, потом упал. Он взял ее груди в чаши ладоней, и она издала тихий стон. Он хотел сорвать с Аманды одежду, почувствовать под руками ее обнаженное тело, желание переполняло его. Она прижималась к Майклу, готовая принять его в себя, и он мог взять ее прямо здесь, где они стояли, но сдерживал себя. Он хотел заниматься любовью с этой женщиной по-настоящему. Он хотел, чтобы этот первый раз стал пиком чувственности, он хотел проснуться в постели, держа ее в своих объятиях.
Они смотрели друг на друга. Время как будто остановилось. Глаза Аманды горели неприкрытым, буйным желанием.
Майкла теперь волновало одно: сколько он сможет продержаться.
«Успокойся. Не спеши».
Наступила невероятная тишина, словно они вдвоем оказались в вакууме, в каком-то ином мире, где нет ничего, кроме них, только они и волшебство чувств, которые захлестнули их. Мягкость ее губ, тепло ее плоти, запах ее мыла, духов, шампуня, кожи, звук ее дыхания, сверкающие синие глаза, путаница светлых волос. Майкл поцеловал Аманду еще раз, чувствуя комок в горле. Ничто в мире не сравнится с этой красотой, этим идеалом, этой естественностью.
Майкл провел руками по телу Аманды, и пальцы его оказались у нее в трусиках. Встав на колени, он начал медленно снимать их: сначала стянул с ягодиц, потом опустил ниже колен – уронил на щиколотки.
Светлый пушок волос у нее на лобке был прямо перед ним. Майкл прижался к волосам лицом – сначала легонько, потом сильнее, они ласково покалывали его кожу. Он погрузил лицо еще глубже, пьянея от грубого, терпкого запаха; его язык нащупал мягкую ложбинку ее промежности. Нашел влажные складки входа и медленно, мягко прошелся по ним языком. Аманда, охнув, запрокинула голову.
Майкл погружался все глубже, наслаждаясь изысканным вкусом и запахом, – эти ощущения лежали за пределами вселенной, они приходили из какого-то иного мира, другой галактики, расположенной в другом мироздании, в другом измерении; никогда еще на земле не было такого совершенства. Он дрожал от предвкушения. Вкушал ее, как гурман, и молился, чтобы время остановилось, замерло и чтобы это мгновение никогда, никогда не кончилось.
Аманда нежными руками подняла его, поцеловала в губы, пробуя на вкус. Затем расстегнула его ремень, завела руки в трусы, почувствовала завитки его лобковых волос. Ей нравилось, как он дышит, когда она ласкает языком его сосок.

И тут она нащупала твердый камень.
Аманда вздрогнула от испуга, отдернула руку, словно ее ударило током, потом снова вернулась, не в силах поверить, что он может быть таким большим и твердым, словно скала. Это было устрашающе, немыслимо, но в то же время так замечательно. Это был Майкл. Держа в руках его, Аманда также держала и Майкла. Она отчаянно хотела его, но в то же время она… была не состоянии физически вместить это.
Желание жгло ее, как огонь.
Не выпуская его из рук, она опустилась на колени. Поцеловала пупок, ощупала языком контуры живота Майкла, а он тем временем медленными и плавными движениями гладил ее волосы. Она опускалась все ниже, вдыхала невероятный запах: теплого, животного пота, горячей кожи. Аманда стянула с него белые трусы-боксеры, потом медленно, бережно, с наслаждением поднесла эту громадную, невероятную скалу к губам. Облизнула влажную головку члена, потом еще раз, забираясь языком внутрь. Жидкость была сладковатой, с привкусом соли; она водила языком туда-сюда и по звукам, которые вырывались изо рта Майкла, по тому, как его пальцы впивались в ее плечи, по участившемуся дыханию понимала, что заводит его, и это ощущение пьянило ее. Он был весь в ее власти, полностью ей подчинен, и она услаждала и мучила Майкла, восторгаясь каждой секундой обладания им.
Она взяла его член в рот так глубоко, как только смогла.
«Бог мой, Майкл, как же ты громаден».
Она чуть сдавила ладонями его яички, почувствовав, как он откликнулся всем своим существом. До чего же прекрасное чувство – холодная, чувственная кожа, мягкие волоски; Аманда словно бы входила в новое пространство, плыла по неведомому каналу, путешествуя к какой-то далекой точке, которая была центром вселенной, центром всего времени, всего бытия. Потом она поплыла по воздуху. Ее несли, укачивали руки Майкла, и вот она уже лежала на кровати, громадной кровати, чувствуя, как его руки снимают с нее туфли, а потом в ее чреве произошел еще один невероятный взрыв.
Аманда открыла глаза. Майкл лежал на кровати, обнаженный и такой волосатый, держал во рту пальцы ее ноги, мягко посасывал их губами, отчего по ее телу разливалось наслаждение, словно его касались складками шелка.
Потом его язык прошелся по ее голени. Попробовал на вкус кожу под коленкой, основание бедра и так двигался все выше, пока глубоко не вошел в нее.
Она сжала руками его голову, услышав какой-то далекий стон. А может быть, этот стон вырывался у нее самой, Аманда не знала, ей было все равно. Все бытие сосредоточилось в этом мгновении, за его пределами не существовало ничего – ни прошлого, ни будущего; ничто другое не имело значения – ни теперь, ни прежде, ни потом. Она находилась в полной власти дикого, первобытного существа, которое полностью обладало ею. Открыла на мгновение глаза и, словно в свете полыхнувшей молнии, увидела натюрморт с яблоками на стене, туалетный столик, еще одну картину (обнаженные мужчина и женщина прикасаются друг к другу), увидела задернутую штору, включенное бра над кроватью, а потом лицо Майкла внизу, у своего лобка.
Затем ее глаза вновь захлопнулись, волна наслаждения поднималась внутри, рвалась наружу, росла, набухала в ней, разрывала ее кожу, тело, мозг…
Теперь его лицо было над ней, а наслаждение стало еще сильнее, хотя и казалось, что это невозможно.
Он входил в нее. Она вбирала его в себя, вцепившись ногтями в его спину.
Майкл отчаянно пытался держаться, он пробовал сосредоточиться, вспомнить все, что знал на этот счет (не слишком многое, ибо он сроду не был особо выдающимся или таким уж опытным любовником), например: перенести тяжесть собственного тела на локти, входить медленно, постараться отвлечься, подумать о чем-нибудь скучном или страшном – о чем угодно, лишь бы продержаться, не обмякнуть еще несколько минут, чтобы доставить удовольствие Аманде. Ему отчаянно хотелось угодить ей, о себе Майкл не думал, во всяком случае в этот момент, он просто хотел сделать этот вечер особенным для нее.
«Я даже не вспомнил о презервативе.
И она ничего не сказала».

Их глаза встретились. Он вошел в нее еще глубже. Аманда улыбалась своей доверчивой улыбкой, и ее доверие придало Майклу силы, ничего подобного в его жизни еще не случалось: он мог сдержать себя, да, в самом деле мог!
Она принимала его в себя. Его скалу. Этого огромного, невероятного змея-зверя, который двигался в ней, распространяя вокруг себя огромные волны наслаждения, уходившие далеко за пределы ее физического тела и глубоко проникавшие в ее душу. Это волшебный сон, ничто не может приносить такое наслаждение, она наверняка спит, это было…
«О-Майкл-о-Майкл-обожаемый-Майкл!»
Он входил в нее все глубже. Эта его штука, та, которую она не могла… не могла принять в себя еще глубже… она стала теперь ядром ее тела, вокруг которого существовало все остальное.
И теперь она и этот человек-зверь, Майкл, сплелись воедино, они вместе летели куда-то далеко, оторвавшись от поверхности Земли, и сила притяжения больше на них не действовала, они неслись сквозь темноту и звезды, и в них обоих горел костер, полыхал все ярче и сильнее. Все новые и новые волны наслаждения захлестывали ее существо, и казалось, что это будет длиться вечно.
А потом бомба взорвалась внутри Аманды, а несколько секунд спустя – и внутри Майкла. Ее, кричащую от наслаждения, повлекло в какую-то темную, черную дыру, в невероятный, бесконечный водоворот.
Аманда лежала, потрясенная. Не могла поверить, что ей было так хорошо, а он все еще оставался на ней и в ней, по-прежнему твердый, как скала. Прошла минута, может быть, две, прежде чем дар речи вернулся к ним обоим.

33

«Восточный массаж – спросить Вики!»
«Желаете, чтобы вас наказали? Спросить мисс Хлыст!»
«Если вам нужен по-настоящему чувственный массаж, звоните Карле!»
«Женщина мечты! Позвольте очаровательной Дивайне удовлетворить все ваши прихоти!»
Томас Ламарк набрал указанный на визитке номер через двадцать минут после того, как покинул свой наблюдательный пост у дома Майкла Теннента. Он сомневался, поскольку никогда прежде этого не делал. Ответила женщина. Говорила она бесстрастным голосом, но Томас надеялся, что сумеет заставить ее изменить тон.
– Дивайна? Я по объявлению.
– Где вы взяли мой телефон? – настороженно спросила она.
– В телефонной будке. В начале Эрлз-Корт-роуд.
– Хотите договориться о встрече?
– Вы сейчас свободны?
– У меня есть час, если вы приедете немедленно.
– Какого цвета у вас волосы?
– Рыжие.
– А у вас… у вас есть парик со светлыми волосами? Длинными и волнистыми?
– Хотите, чтобы я для вас надела такой парик?
– Да.
Через десять минут Томас нажимал кнопку домофона на узкой двери, втиснутой между букмекерской конторой и кафе. Он назвался, вошел и поднялся по узкой, тускло освещенной лестнице.
Когда он дошел до верхней площадки, дверь открылась. Томас увидел женщину, гораздо более молодую, чем можно было предположить по голосу, – лет двадцать пять, не больше – и более пухлую, чем он представлял. Дружелюбное лицо, мягкие черты которого не показались ему ни уродливыми, ни привлекательными; длинные платиново-светлые волосы; кремового цвета атласный халат едва затянут пояском.
– Томас?
Он уставился на ложбинку между ее грудей.
– Да.

Она внимательно оглядела посетителя, потом знаком велела заходить и закрыла за ним дверь. Он оказался в маленькой комнате, освещенной красной лампой под круглым абажуром. На стене и потолке большие зеркала. На узкой двуспальной кровати махровое покрывало, а на полу – грязный красный ковер. Распахнутое настежь окно прикрывают жалюзи, на туалетном столике жужжит вентилятор.
– Хочешь выпить, Томас?
– Нет, спасибо.
– Может, колу или что-нибудь такое?
– Ничего не надо. – Он чувствовал себя неловко. В комнате стоял тошнотворно-сладкий запах духов – ему это не понравилось. Он представлял себе все совсем иначе.
– Давай сначала обговорим финансовую сторону, Томас. Один час стоит сто фунтов, если только тебе не захочется чего-нибудь необычного. Это оплачивается дополнительно.
Подобная откровенность шокировала его, он вынул из кармана две пятидесятифунтовые банкноты и протянул Дивайне. Она взамен вручила ему презерватив в упаковке из фольги, потом развязала пояс халата, распахнула полы и соблазнительно откинулась назад.
– Ну, Томас, что ты хочешь? Может, сначала небольшой массаж?
Ее груди ничуть не походили на груди его матери. Они были большие, круглые, не обвисали и вообще показались ему какими-то нереальными. Соски были отвратительные – крохотные темные кружочки, похожие на шляпки гвоздей.
И вдобавок еще куст густых черных волос на лобке.
Он поднял глаза на ее парик, потом вновь опустил на лобок. Его мать была блондинкой. Черные волосы вызывали у него ужас.
– Что-то не так, Томас?
– У тебя черные волосы на лобке.
Дивайна усмехнулась:
– К сожалению, милый, парика для них у меня нет.
Томасу не понравилось, как она высмеяла его. Он понял, что совершил ошибку, придя сюда. Он представлял себе все иначе, он хотел не этого. Насмотревшись фильмов, он воображал, что окажется в какой-нибудь шикарной комнате с хрустальной люстрой, что ему подадут шампанское в ведерке со льдом.
И главное, что женщина будет похожа на его мать.
А эта Дивайна в дешевом парике была лишь жалкой пародией.
– Ты можешь говорить по-другому? – спросил он.
– Это как?
– Знаешь актрису Глорию Ламарк?
Дивайна отрицательно покачала головой.
Гнев закипал в нем.
– Она говорит в нос, да, Томас? Ты хочешь, чтобы я говорила вот так? – Она изобразила аристократическое произношение.
– Скажи мне, что хочешь потрогать мой чу-чу, – раздраженно произнес он.
– Потрогать что? – Она вновь заговорила своим обычным голосом.
Томас вспыхнул.
– Мой чу-чу. – Он показал на ширинку. – Мой член. Пенис.
– Ты называешь его чу-чу? – Дивайна удивленно посмотрела на него, потом разразилась смехом. – Чу-чу!
Томас в ярости уставился на это отвратительное существо, издающее тошнотворно-сладкий запах, на эти ее шляпки от гвоздей вместо сосков, на жирную плоть и омерзительный парик, а потом сунул руку в карман и вытащил монету.
Подбросил, поймал.
Она увидела сверкание золота и заинтересовалась:
– Что это у тебя?
– Решка, – объявил Томас. – Решка, Дивайна. Тебе очень повезло. – Он развернулся и вышел из комнаты, бегом спустился по лестнице, выскочил на улицу и поспешил за угол, где оставил «форд-мондео» доктора Гоуэла.

34

«Что со мной не так?»
Георгианские песнопения заполняли салон машины: полный диапазон звуков, от высоких до низких. Хоралы доносились из динамиков, и ему казалось, что это пели мертвецы. Неземные голоса завывали в ушах Томаса, бились в его сердце.
Он вел машину, окутанный туманом ярости, и в душе его бушевали демоны. Он хотел убить сегодня кого-нибудь, все равно кого: парня, девушку, наркомана, алкаша – это не имело значения.
А виноват во всем доктор Майкл Теннент.
«Кровь будет на твоих руках, доктор Теннент».
Все еще ощущая приторный запах дешевых духов проститутки, Томас направился в Уэст-Энд. Его снедала тревога: что, если психиатр разглядел его лицо? Что, если эта сучка записала номер его машины?
Нет, они просто скользнули по нему взглядом, не более того. Не видели его лицо, не записали номер машины. Он им до лампочки. Они интересовались только друг другом. И все же Томас проявил неосторожность. Повел себя глупо.
Почему он и Дивайна не могли заинтересоваться друг другом?
«Почему ты смеялась надо мной, Дивайна?
Что со мной не так, черт побери?»
На Кингс-роуд Томас попал в пробку, и ему пришлось сбросить скорость, ползти вместе со всеми, стать частью длинного затора – как в цепочке машинок в парке аттракционов.
Его трасса называлась «Виртуальный Лондон».
Одни чудики перестраивались из ряда в ряд, другие толклись на месте, словно захваченные водоворотом, некоторые скапливались у входов в клубы, как грязь, прибившаяся к берегу реки. Куда бы он ни посмотрел, улица была полна плавучих чудиков.
«Ну-ка, сойдите с тротуара, встаньте передо мной – доставьте удовольствие».
Он проехал по Слоун-сквер, пересек Белгравию по направлению к Гайд-Парк-корнер, а потом поехал по Пикадилли. Теперь Ламарк ехал быстро, вот только когда приблизился к статуе Эроса, движение на дороге стало замедляться. Он приспособился, нашел ритм, нашел способ обгонять более медленные машины. Делалось это просто, требовалось только хладнокровие! Смело вклинивайся, если увидишь хоть небольшой зазор. И не обращай внимания на недовольное мигание фарами сзади!
Он пересек перекресток на сомнительный желтый, потом резко прибавил скорость на Шафтсбери-авеню, тротуары здесь были заполнены детишками и уродами, которые так и лезли под колеса. Томас хотел почувствовать удар тела о бампер, хотел увидеть, как какой-нибудь придурок перелетит через капот и разобьет лобовое стекло. Он специально держался поближе к тротуару, но ничего такого не происходило. Он ехал прямо сквозь людей, словно их там и не было.
Томас подумал, уж не обманывает ли его мозг, как это иногда случалось. Может быть, он сейчас вовсе не мчится по городу в синем «форде-мондео» Теренса Гоуэла, а сидит дома за компьютером, едет по виртуальному Лондону.
«Это же только игра!
Я непобедим!»
Он обогнал притормозившее такси, почти на красный проскочил очередной перекресток, свернул налево, на Тоттенхам-Корт-роуд. Потом из зеркала заднего вида в глаза ему ударил яркий свет. Какой-то идиот сзади ехал с дальним светом. Он услышал сирену, фары мигнули снова – дальний свет, потом опять ближний, и когда снова включился ближний свет, в его зеркале заплясали вспышки синего.
Томас обозлился на себя, включил поворотник и прижался к тротуару. Фары приблизились.
«Сосредоточься!»
Неужели он ошибся и доктор Теннент или его девица видели больше, чем он думал? Или кто-то из соседей сообщил номер его машины в полицию?
Томас опустил окно и в зеркало увидел, как полицейский вышел из автомобиля, надел фуражку и направился к нему с фонарем в руке.

Луч на мгновение ударил Томасу в лицо, ослепил его, потом полицейский выключил фонарь. Он раздраженно моргнул, но сохранил спокойствие. Полицейскому было лет двадцать пять, но выглядел он еще моложе. Дорожный патруль. Офицер наклонился чуть ли не вплотную к Томасу – вероятно, пытался унюхать запах алкоголя.
– У вас дома пожар, сэр?
Томас тупо посмотрел на полицейского. Вопрос настолько удивил его, что он чуть не забыл изобразить бостонский акцент своего друга доктора Гоуэла, в чьей машине ехал.
– Какой пожар?
Патрульный заметил его акцент и немного смягчился.
– Куда вы так спешите, сэр?
Томас включил обаяние на полную катушку:
– Прошу прощения, я, кажется, заблудился в Лондоне. Пытаюсь найти дорогу домой, в Челтнем, а езжу кругами. – Он сопроводил свое объяснение приличествующей случаю чарующей улыбкой.
– Боюсь, вы попадете в больницу, если будете так вести себя на дороге. Сами попадете в аварию или кого-нибудь собьете. Вы пили сегодня вечером?
Все так же очаровательно улыбаясь, он ответил:
– Нет, офицер, я никогда не пью за рулем.
– А автомобиль ведете, не в обиду вам будет сказано, хуже пьяного. Это ваша машина, сэр?
– Да.
– А кто ее владелец?
– Я.
– И вас зовут?
– Гоуэл. Доктор Теренс Гоуэл.
– Вот что, доктор Гоуэл, ваша манера езды наводит меня на мысль, что вы, вероятно, все-таки находитесь под воздействием алкоголя, а потому я должен вас проверить. Выйдите, пожалуйста, из машины, сэр.
Патрульный провел Томаса на тротуар. Он увидел женщину-полицейского в машине, припаркованной за его «фордом». Она разговаривала по рации. Вероятно, проверяла, на кого зарегистрирован автомобиль. Это не вызывало у Томаса ни малейшего беспокойства.
– Вы гражданин США, доктор Гоуэл?
– Да.
– А сейчас живете в Великобритании?
– Да.
Люди смотрели на него, и ему это не нравилось.
– У вас есть английские водительские права?
– Есть.
Вокруг собралась уже целая толпа зевак. Они раздражали Томаса. И вонючий загазованный воздух раздражал его. И этот полицейский тоже. У него было широкое костлявое лицо боксера легкого веса.
Теперь полицейский посветил фонариком сквозь пассажирское окно «форда-мондео».
– Откуда вы едете, доктор Гоуэл?
Томас решил, что лучше держаться поближе к правде:
– Из Барнса, провел там вечер у друзей.
– А направляетесь вы, как я понимаю, в Челтнем. Ничего себе крюк!
Томас про себя чертыхнулся.
– Видите ли, какое дело… я в Лондоне плохо ориентируюсь.
Полицейский открыл пассажирскую дверь и взял с сиденья две кассеты. Поднес первую к лампочке в салоне, прочел название и поинтересовался:
– Любите Рэя Чарльза?
– Да.
– «Georgia on my Mind» – замечательная песня. – На лице полицейского мелькнула мимолетная улыбка.
Томас не был уверен, что она означает. Может, кто-то сообщил о том, что он включал эту песню возле дома доктора Теннента?
– А что на другой кассете?

– Рабочие материалы.
– Чем вы занимаетесь?
– Я ученый – работаю на ваше правительство. Информация на кассете засекречена. Извините, офицер, но я вынужден потребовать, чтобы вы немедленно положили ее на место.
Явно смущенный, патрульный вернул кассету на сиденье. Томас наслаждался этим мгновением.
Он сунул руку в карман, нащупал монету. Пока полицейский доставал свой прибор, чтобы сделать тест на наличие алкоголя, он потихоньку подбросил монету.
Решка.
– У вас сегодня удачный вечер, – сказал он полицейскому.
Тест не выявил алкоголя. Полицейский попросил Томаса дыхнуть в трубочку еще раз – и опять ничего. Он прочел ему короткую лекцию о безопасности на дороге, потом отпустил, призвав к осторожности и снабдив подробной инструкцией, как добраться до трассы M4.

Чтобы попасть на кладбище, нужно было лишь чуть-чуть отклониться от маршрута.
Было начало первого ночи. Томас позаимствовал у доктора Гоуэла фонарик, который тот держал в бардачке. Ворота оказались заперты, и ему пришлось перелезть через них и спрыгнуть на дорожку. Здесь было светло от уличных фонарей, но центральная часть кладбища впереди была погружена в темноту и напоминала черное озеро под звездами.
Томас включил фонарик, быстро пересек автомобильную парковку, прошел мимо часовни и дальше – по аккуратным дорожкам.
А вот и свежие могилы. Ему не требовалось смотреть на даты на надгробиях: сверкание целлофана на еще не увядших букетах и недавно вскопанная земля говорили сами за себя.
У Томаса ушло целых пять минут быстрой ходьбы на то, чтобы добраться до перекопанной полоски земли, где лежала его мать. Здесь он остановился, прочесывая траву лучом фонарика.
Ярость закипала в нем.
«Сука».
Она лежала здесь, под землей, окоченевшая и безмолвная – такая, какой была, когда он в последний раз держал ее в руках. Умерла. Ушла. Перестала быть человеком, превратившись в хладный труп.
Он уставился на землю и вдруг закричал:
– Ты, глупая сука, зачем тебе понадобилось умирать? Зачем? – Его голос перешел в визг. – Зачем? Зачем? Зачем?
Томас упал на колени. Луна стояла высоко в небе, почти полная, отсутствовала лишь малая часть диска, отчего она напоминала погнутую монету.
Томас прижался лицом к траве, глубоко вдохнул, пытаясь уловить хоть самый слабый аромат «Шанели № 5». Но ощутил только запах земли и травы. Потом поднялся на ноги и пнул траву, кусок дерна улетел в тень.
«Вот и лежи здесь, сука, а мне плевать!»
Он произнес вслух:
– Лежи здесь всю долбаную ночь!

35

Страх барабанным боем ворвался в его сон.
Темнота была громкая, оглушающая, она давила на него. И сознание Майкла вырвалось из нее, моментально вернувшись от глубокого сна к реальности.
Кто-то шел по его спальне. Темная фигура появилась у окна.
«О господи».
В смятении он вспомнил про машину. Рядом с домом стояла какая-то машина, и это испугало Аманду…
Аманда?
Все быстро становилось на свои места.
Аманда была здесь, они занимались любовью, потом заснули…
Где она? Майкл вытянул руку – нащупал пустоту. Страх охватил его.

«Позвони в полицию. Найди оружие».
Что это за звяканье? Медные зажимы штор шелестят по карнизу. В комнату ворвался уличный свет, и фигура засветилась, как призрак.
Это была обнаженная женщина, которая смотрела в окно. Аманда.
Он испытал такое облегчение, что, казалось, во всей комнате стало светлее.
Майкл, задерживая дыхание, глядел в тишине спальни на Аманду, купался в ее терпких запахах, в запахе собственного пота.
Шторы снова с шуршанием сошлись, но не так плотно, как прежде, осталась оранжевая щель.
– Никого нет, – сказала Аманда, повернувшись к Майклу, словно зная, что он не спит.
Она скользнула обратно в кровать, в его объятия. Они поцеловались, прижались друг к другу, легли лицом к лицу на одной подушке, и он ощутил на ее коже твердые пупырышки – замерзла, стоя у окна. Почувствовал ее мятное дыхание, – вероятно, Аманда только что почистила зубы. Майкл надеялся, что у него изо рта не слишком воняет. Он наслаждался ощущением прижатого к нему обнаженного тела.
– Ты все еще беспокоишься из-за той машины? – спросил Майкл.
– Все в порядке. Я… просто хотела убедиться, что это…
– Не твой бывший?
– Я как следует не рассмотрела, но на Брайана этот человек вроде бы не похож. Хотя я бы не удивилась, если бы он принялся выслеживать меня.
– У меня есть бинокль. Если та машина появится снова, мы можем им воспользоваться.
Аманда насмешливо подняла брови.
– Так ты шпионишь за соседями? Для этого обзавелся биноклем?
– Вообще-то, я купил его для ипподрома.
– Ты любишь скачки? С препятствиями или без?
– С препятствиями. Кейти любила… – Майкл резко замолчал, не желая углубляться в тему, и тут же пожалел, что упомянул имя покойной жены.
Наступило короткое неловкое молчание, и Аманда, почувствовав напряжение, легонько убрала с его лба пряди волос и сменила тему:
– Расскажи мне о себе. У тебя есть братья или сестры?
– Брат, на три года старше меня.
– И чем он занимается?
– Он металлург. Работает на «Боинге» в Сиэтле.
– У вас близкие отношения?
– Не очень. Мы нормально ладим, когда встречаемся, но не слишком хорошо знаем друг друга: в детстве три года – это большая разница.
Аманда нежно поцеловала его в один глаз, в другой. Майкл еще крепче прижал ее к себе, и она провела рукой по его животу, скользнула пальцами по паху, а потом стала гладить его с немыслимой нежностью.
– А твои родители живы?
– Да, – резко выдохнул он. «Какое блаженство!»
– И чем они занимаются?
«Просто потрясающая женщина», – подумал Майкл. Он никогда ни с кем не испытывал такого наслаждения, которое пережил сегодня с Амандой, а теперь чувствовал себя рядом с ней необыкновенно легко и спокойно. Удивительное сочетание сексуального возбуждения и душевного умиротворения.
«Кажется, я влюбляюсь в тебя, Аманда Кэпстик. Серьезно, окончательно и бесповоротно влюбляюсь в тебя».
– Отец на пенсии – он был врачом общей практики в Лимингтоне, на границе с Нью-Форестом. А мать служила у него секретарем.
Аманда все продолжала его ласкать.
– Там очень красиво. Ты там вырос?
– Да, – сквозь сжатые зубы проговорил Майкл.
– Значит, твой отец больше не практикует?
Еще более резкий вдох. «Ты меня с ума сводишь!»
– Нет, ему уже восемьдесят четыре. Он довольно поздно женился. Возится теперь со своей лодкой. А мама занимается садом, играет в бридж и волнуется обо мне.

– Моя мать тоже обо мне волнуется, – сказала Аманда. – Мы для родителей всегда остаемся детьми.
– Да. Все меняется только в самом конце, когда они сами становятся беспомощными детьми. – Он погладил ее по волосам. – А теперь расскажи мне о своих родителях.
– Мой отец был художником. Он бросил маму, когда мне исполнилось семь, и уехал в Индию, искать там на какой-то горе просветления. Однако попал в аварию на мотоцикле и умер от заражения крови в больнице в Дели.
– Мне жаль.
– Я его почти не помню, он редко появлялся дома. А моя мать… она чокнутая. – Аманда улыбнулась. – В хорошем смысле, просто она очень эксцентричная. Мама живет в Брайтоне, ей пятьдесят четыре года, а она до сих пор не знает, чем хочет заниматься в жизни.
– Она вышла замуж во второй раз?
– Нет, у нее было несколько любовников, в основном неудачливые художники, актеры или писатели. Она – художник-график, но всегда занималась чем-то другим. Сейчас она заинтересовалась фэншуй. Крупные компании платят ей громадные деньги за то, чтобы она правильно расставила мебель в их офисах.
– А здесь все в порядке с точки зрения фэншуй?
– Я думаю, она бы одобрила твое жилое пространство.
– Меня это утешает.
– Мама тебе понравится. Она всем нравится. – Аманда помолчала, потом добавила: – Я думаю, ты ей тоже очень понравишься.
Снова наступило молчание, но теперь не тягостное, а наоборот. Майкл лежал неподвижно, почти не веря, что это все происходит наяву, что рядом с ним Аманда Кэпстик, лежит обнаженная в его объятиях, прижимаясь к его затвердевшей плоти, а он ощущает у себя на лице ее теплое мятное дыхание.
– Ты беспокоишься из-за Брайана? – спросил он. – Он психованный? – Майкл спрашивал, прижав ладонь к ее животу, потом принялся гладить лобок.
– У него гнусный характер. Но я не думаю, что он способен появиться здесь в три часа ночи с киркой – это не его стиль.
– Кирка ерунда, – небрежно сказал Майкл. – На меня как-то раз одна пациентка набросилась с топором.
– Почему? Что случилось?
Он снова хотел ее.
– Давай потом.
– Нет, расскажи сейчас!
Аманда с силой стиснула его, и Майкл охнул, рассмеялся, поцеловал ее в лоб.
– Ладно, слушай. Я давал показания в суде как эксперт, там рассматривали дело об опеке над детьми. Я заявил, что мать не способна заботиться о своих детях. А год спустя она подстерегла меня на больничной автомобильной парковке и набросилась с топором.
– Она тебя ранила?
– Пыталась отрубить мне ногу, но, к счастью, попала в дипломат. А потом мне удалось ее обезоружить.
– Я и не знала, что психиатрия – контактный вид спорта, – сказала она.
Майкл ухмыльнулся:
– Я тоже не подозревал, когда только начинал этим заниматься.
Она помолчала немного, потом спросила:
– Почему ты стал психиатром? Тебе всегда этого хотелось?
Ему часто задавали такой вопрос.
– В школе я очень любил биологию… вероятно, сказались гены: отец был врачом. Я сперва получил степень по психологии, но потом понял, что психиатрия гораздо ближе к биологии. Психиатрия – естественная комбинация науки о теле и науки о разуме. Жаль, что простые люди не слишком жалуют психиатров.
Он иронически посмотрел на нее.
– Лично я ничего против психиатров не имею, – кокетливо произнесла Аманда. – Более того, с каждой минутой они нравятся мне все сильнее.

– Вообще-то, мы находимся где-то в самом низу медицинской цепочки. Мы – последнее прибежище для пациентов, когда уже ничто другое не помогает. Мы лишь на одну ступеньку выше торговцев всякими чудодейственными эликсирами.
– Ты не сердишься на меня за мой фильм?
Майкл улыбнулся:
– Скажи, а известен ли тебе такой удивительный факт: если ты держишь какого-то мужчину за яйца, то автоматически получаешь власть над его сердцем и мыслями?
Их глаза встретились, а потом Аманда вместо ответа скользнула под простыню и прильнула губами к его причинному месту.

36

– Ну же, открой свой подарок!
Мама и сама не могла сидеть спокойно. Лучики апрельского солнца метались, словно рыбки, в глубине ее изумрудных глаз.
– Ну-ка, открой его, Том-Том, открой прямо сейчас! С днем рождения!
Мама переживала даже сильнее его!
Складки ее шелкового халата зашуршали, когда она села; в пепельнице дымилась сигарета, ее светлые локоны подрагивали. Она потянулась к сыну через стол.
Подарок предназначался Томасу, но он знал, насколько для мамы важно, чтобы ему понравилось. И он знал, как она рассердится, если вдруг увидит разочарование на его лице.
Томас на день рождения всегда надевал свой лучший костюм – с галстуком, однотонной рубашкой и черными туфлями. И теперь он сидел, одетый таким образом, за большим столом в столовой, которая выходила окнами в сад, отгороженный от соседей высокими деревьями и плотным, совершенно непроницаемым кустарником.
Мальчику нравилось гулять в саду, но мать очень редко разрешала ему это. Она много раз объясняла, какие его там подстерегают опасности. В кустах могут прятаться плохие люди, которые только и ждут, как бы схватить и похитить Томаса, навсегда увезти его из дома. Там водятся насекомые, которые кусаются или жалят, а от какашек животных можно ослепнуть. С самолетов на землю падает всякая дрянь, когда пассажиры спускают воду в туалете, экскременты в воздухе превращаются в пыль, которая потом медленно оседает на людей.
Внизу, в подвале, находились спортивный зал и сауна, и они вдвоем посещали их каждый день. Покидать дом было незачем, разве что в особых случаях: вот, например, сегодня они собрались в Музей науки. Из дома без нужды выходят лишь нищие и те, кто собирается сделать что-нибудь дурное. А в школу посылают только тех детей, которые плохо себя ведут или кого папа с мамой не любят, и там им приходится учиться в тесных классах вместе со множеством других ребятишек. А к хорошим детям учителя сами каждый день приходят на дом, вот как мистер Гудвин к Томасу.
Под приглядом матери Томас каждый день молился Богу, благодарил Его за то, что Тот создал его хорошим мальчиком и дал ему любящую мать. И просил, чтобы Господь помогал ему каждый день находить в матери новые черты, за которые он мог бы полюбить ее еще сильнее.
На столе лежали три открытки. Одна от бабушки Ламарк со слоном, который держал в хоботе воздушный шарик; в письмо была вложена десятифунтовая банкнота. Вторая – от тети Стеллы, та прислала пятифунтовый купон на книги. На лицевой стороне этой открытки стояла цифра «6», а чуть ниже крупными буквами было написано: «СЕГОДНЯ!»
Томас не знал, что другие дети на день рождения получают в подарок игрушки. Никто не сказал ему об этом, а узнать самому ему было неоткуда; в тех книгах, к которым мальчик имел доступ, ничего не говорилось ни об игрушках, ни о днях рождения.
Не знал он и что и всему домашнему персоналу: поварихе (миссис Джаннер), горничной (Эльвире), камеристке (Ирме), дворецкому (Даннингу), секретарю (Эниде Детердинг), шоферу (Ленни), садовнику (Ламбурну) и учителю (мистеру Гудвину) – строго-настрого запрещалось дарить ему на день рождения открытки или игрушки. Это же правило действовало и на Рождество.

Томас повернулся, услышав стук двери. Даннинг, учтивый пожилой человек во фраке, с прилизанными волосами, стоял вытянувшись, словно солдат на плацу. По знаку матери он обратился к мальчику:
– Доброе утро, господин Томас. С днем рождения вас.
– Спасибо, Даннинг, – ответил он.
После чего дворецкий повернулся к хозяйке:
– Когда вы будете готовы, мадам?
– Сегодня у тебя будет особый завтрак, в честь дня рождения, Том-Том. Ты рад? – спросила у него мать.
Он кивнул. Как же не радоваться?! Овсянка, бекон, яйцо, помидор, колбаса, печеные бобы, тосты, конфитюр. Завтрак-поощрение, он получал такой, когда вел себя особенно хорошо. Мальчику порядком надоели ежедневные швейцарские мюсли, там еще на коробке был изображен старик в очках.
– А чему ты больше рад – завтраку или подарку?
Томас задумался. Если он даст неправильный ответ, то рискует потерять и то и другое.
– Подарку. – В голосе мальчика прозвучала надежда.
На лице матери отразилось такое счастье, что он просиял. Сегодня у него будет замечательный день!
– А ну-ка угадай, что внутри! Том-Том, попробуй догадаться, что за подарок тебя ждет!
Какая-то квадратная коробка два на два фута, чуть больше двух дюймов в толщину, завернутая в бумагу кремового цвета и перевязанная голубой ленточкой. Тяжелая. Он покрутил ее в руках. Твердая и тяжелая.
Нет, ему не догадаться. Ни за что не догадаться!
Его мозг пытался найти варианты. Что могло находиться в плоской коробке? На Рождество мама подарила ему конструктор «Меккано», он был в плоской коробке и тяжелый. В прилагавшейся инструкции объяснялось, как собрать разводной мост. Но Томас собрал не мост, а клетку. Наловил пауков и посадил туда – хотел узнать, сколько они проживут без еды и воды. Некоторые прожили долго.
Может быть, это новый конструктор?
Загоревшись надеждой, мальчик развязал ленточку, уронил ее на пол.
– Не рви бумагу, Том-Том, она нам пригодится.
– Хорошо, мамочка.
Он развернул коробку, стараясь не помять бумагу, и наконец-то снял крышку, чтобы увидеть подарок.
Там лежала фотография в серебряной рамке. Его мать в длинном платье и черных перчатках беседовала с другой женщиной, тоже в длинном платье и перчатках.

> – Это принцесса Маргарет!
> [10]
> Правда замечательный подарок, Том-Том?

Он ничего не ответил.
– Я думала повесить эту фотографию у тебя над кроватью, чтобы ты, проснувшись утром, первым делом видел меня. Тебе ведь этого хочется, да?
Томас смотрел на стол, пытаясь скрыть разочарование.

> – Это на премьере фильма, о котором я тебе рассказывала. Еще до твоего рождения, мы тогда сняли фильм, чтобы собрать деньги для Оксфама
> [11]
> и помочь детям, которым повезло меньше, чем тебе. Принцесса Маргарет сказала мне в тот день, что она в восторге от моих фильмов! Ты бы хотел познакомиться с принцессой?

Томас не знал толком, кто такая принцесса.
– Да.

– Тогда ты должен всегда быть хорошим мальчиком. Принцессы не приходят к тем, кто ведет себя плохо. Почему ты не смотришь на свой подарок? Ты уверен, что фотография тебе нравится?
Томас посмотрел на фотографию и кивнул.
– Принцесса очень расстроилась, когда узнала, что я оставила карьеру, чтобы родить тебя, Том-Том, ведь это означало, что теперь она больше не сможет видеть мои фильмы. Она спросила меня, оценил ли ты жертву, которую я принесла ради тебя, и я ответила, что ты замечательный сын и все оценил. Я ведь ей правильно сказала, да, Том-Том?
Он кивнул.
– Ты оценил то, что я сделала ради тебя, правда, Том-Том?
Почти неслышным шепотом:
– Да.
Мама взяла фотографию, перевернула, вгляделась.
– Это было семь лет назад. Я все еще так же красива? – спросила она безнадежно грустным голосом.
Вид расстроенной матери заставил мальчика забыть о собственных разочарованиях. Он не выносил, когда мама огорчалась.
– Ты теперь стала еще красивее, – горячо заверил он ее.
Она протянула руку, пахнущую хвойным мылом. Он взял ее в свои крошечные ладошки и поцеловал.
– Я рада, что тебе понравился подарок, – сказала мать и улыбнулась.
Томас улыбнулся ей в ответ, сжал ее руку. Он был счастлив.

37

Теперь он чувствовал себя гораздо спокойнее. Фотография покрылась пылью. Томас протер ее, потом отступил. Мама разговаривает с принцессой Маргарет. Старый снимок. Одна из множества фотографий матери у него в кабинете. Он давно не смотрел на нее.
Как давно?
Где ее сняли? По какому случаю?
Память опять подводила Томаса, словно кто-то наугад вырывал из нее страницы. Бесполезный мусор оставался на месте: он с фотографической четкостью помнил монтажные схемы всех принадлежавших ему компьютеров, все чипы, выключатели, проводки, гайки, винты и прочее. Ну и на кой ему это нужно? А вот то, что было и впрямь необходимо, пропадало. Взять хоть этого репортера, Джастина Флауаринга, который был его гостем, которому требовались его забота и внимание. Томас совершенно забыл о нем вчера, не давал парню ни воды, ни еды.
Одна стена кабинета от пола до потолка была уставлена книжными шкафами с изданиями по медицине и технике, а на остальных висели фотографии его матери.
На столе у Томаса стоял мощный микроскоп, там же находилась стопка предметных стекол с образцами клеток животных и людей. Он любил изучать многообразие жизни; в один прекрасный день он, возможно, проведет собственное биологическое исследование. Дарвину Томас не симпатизировал, предпочитая ему своего однофамильца – Карла Ламарка. Да, как-нибудь потом он непременно и сам займется исследованиями. Ему нравился научный подход: часы, дни, месяцы, годы наблюдений, экспериментов, для которых необходимо терпение.
Во всем должен быть порядок.
Снизу с кухни донесся сигнал микроволновки.
Томас подошел к окну – высокий и гордый, теперь настоящий хозяин дома, – выглянул, отодвинув штору, которая всегда оставалась закрытой, чтобы не допустить внутрь молекулы дерьма и мочи, падающих с самолетов. Рассвет разгонял тьму. Он услышал звук проехавшего мимо такси, увидел сквозь решетку забора задние габаритные огни.
Воскресенье.
«Ты сегодня отдыхаешь, доктор Теннент? Расслабляешься? Получаешь удовольствие, трахая свою телку?»

Томасу на глаза попалась другая фотография матери, одна из самых его любимых. Мать лежала на диване в пеньюаре, сквозь который была видна ее грудь. Она пила из бокала шампанское, курила сигарету в длинном мундштуке и смеялась.

Томас попытался вспомнить, когда они вместе смеялись в последний раз, но эта страница оказалась вырванной.

Во рту пересохло. Нужно выпить воды или еще чего-нибудь.

«Интересно, сухо ли у мамы в могиле?» – подумал он.

Томас спустился в кухню, вытащил из микроволновки пиццу «Сан-Марко» с копченой ветчиной и грибами. Подозрительно посмотрел на какие-то сморщенные красные ошметки посреди расплавленной сырной поверхности. Они походили на засохшие шкурки помидоров в блевотине.

Он поднес пиццу к носу, пахло хорошо. Томас давно уже ничего не ел и не пил. Перестал есть за двенадцать часов до начала наблюдения за доктором Майклом Теннентом – не хотел, чтобы его отрывала от дела необходимость отправлять физиологические потребности.

«Пероральный прием пищи запрещен». Такие таблички он видел иногда на кроватях пациентов в больницах, когда изучал медицину. Как-то раз ему удалось на пять дней прикрепить такую табличку к кровати одного ворчливого больного, и никто даже не возразил.

На стене в кухне висели электрические часы, тихонько тикавшие через каждую секунду. Гудели морозилка и холодильник. От этих назойливых звуков казалось, что в голове у него осиное гнездо. Одна из неоновых колб в лампе дневного света перегорела, и ее требовалось заменить. Нужно было разгрузить посудомоечную машину – Томас не помнил, когда запустил ее, но на пульте горел огонек, свидетельствующий об окончании цикла. В раковине и в сушилке лежали грязные тарелки. Он не помнил, откуда они взялись, – еще одна вырванная страница.

Томас разрезал пиццу на четыре части, положил их на пластиковый поднос, поставил туда же кружку с водой и спустился в подвал. Включил свет и прошел в сауну.

Когда он открыл дверь, на него хлынула волна горячего воздуха, пропитанного вонью экскрементов. Джастин Флауаринг (все в том же костюме и отвратительном галстуке, что и в день похорон Глории Ламарк, только теперь одежда была покрыта пятнами засохшей крови) оставался все в той же позе – привязанный за руки и за ноги.

Глаза закрыты, лицо изможденное, кожа бледная, волосы спутаны; он сильно похудел.

– Джастин, я принес тебе пиццу с копченой ветчиной и воду.

Ответа Томас не услышал.

Он опустил поднос, бегло осмотрел культю правой руки репортера, сравнил ее с левой. Обе заживали нормально, и его это порадовало. Никаких признаков гангрены.

– Ты на пути к исцелению, Джастин! – сказал Ламарк.

Потом проверил пульс парня. Слабый. Кожа липкая. Томас отошел, размышляя, не поставить ли молодому человеку капельницу с физиологическим раствором, чтобы вернуть ему силы. Возможно, получив урок, он станет неплохим профессионалом.

Но репортер отвлекал его от других дел. Томасу пришлось напомнить себе об этом. Джастин Флауаринг отвлекает его от важных дел. Он не может допустить, чтобы чувства влияли на его действия.

«Я бы искренне хотел помочь тебе, Джастин, но не могу, тут возникает слишком много осложнений. Придется мне тебя отпустить. Извини».

Он поднялся в свой кабинет, вытащил из ящика шприц, потом вернулся в кухню и достал из холодильника пузырек с кураре. Томас мог без труда раздобыть любое лекарство. Он распечатывал фальшивые бланки рецептов, скопированные с бланков своего лечащего врача, а потом заполнял их от руки. Никаких проблем.

Спустившись в подвал, он ввел дозу кураре в вену репортеру, а потом сел рядом с ним на дощатую скамейку и стал ждать.

Несколько секунд спустя глаза Джастина в ужасе распахнулись. Его трясло. Бедняга задыхался. Его губы, потрескавшиеся и воспаленные, чуть приоткрылись, все еще соединенные тоненькой ниточкой слюны.

Томас посмотрел парню в глаза, его одолевали противоречивые эмоции.

– Ну вот ты и снова с нами, Джастин, – сказал он, пытаясь говорить доброжелательно: это существо заслужило перед смертью хоть немного доброты.

Репортер издал хрип. Его лицо начало синеть. Все тело несчастного сотрясалось.

– Я здесь ради тебя, Джастин. – Томас осторожно прикоснулся к пленнику. – Ради тебя.
Джастина Флауаринга трясло целых две минуты; бедняга выпучил глаза и издавал какие-то невразумительные, едва слышные звуки. Потом все прекратилось. Томас продолжал держать парня за запястье еще шестьдесят секунд, пока пульс не перестал прощупываться.
Теперь следовало доставить репортера к месту его последнего упокоения, рядом с Тиной Маккей. Занятие не из приятных, но Томас знал: нужно это сделать прямо сейчас, пока он не забыл, прежде чем от Джастина пойдет плохой дух.
Но сначала он отнес поднос с пиццей в кухню. Зачем понапрасну переводить добро. Мать приучила его никогда не выбрасывать еду.

Три часа спустя, уставший, но воодушевленный, ибо все наконец-то было закончено, Томас, прихватив поднос с нарезанной пиццей, вошел в спальню матери («Теперь больше не нужно стучать!» – радостно подумал он), сел на ее кровать, потом прилег, намеренно не снимая обувь, поставил поднос себе на колени.
Он посмотрел на свое отражение в зеркале, встроенном в балдахин. Потом – в зеркале напротив, на одной стене, на другой. От подушек поднимался запах его матери, смешивался с запахом пиццы. Он взял один кусочек пиццы, и расплавленный сыр стек с нее, как поток лавы с вулкана. На простыню сыпались крошки. Томас вызывающе улыбнулся своему отражению.
Потом закрыл глаза и попытался представить лицо матери. Но вместо нее увидел дешевый парик Дивайны и черный кустик волос у нее на лобке.
«Надеюсь, ты наблюдаешь сейчас за мной, мамочка!
Надеюсь, ты видишь, как я лежу в ботинках на твоей кровати, уплетаю пиццу и думаю о других женщинах!
Надеюсь, ты злишься как черт!»
Его руки провоняли резиной, а на одежде и волосах остался неприятный запах дезинфекции. Он надел защитный костюм, но вонь просочилась и сквозь него. И еще этот запах бальзамирующего состава. Все приходится делать самому. А как же иначе, когда у тебя в доме гости.
«Нужна новая лампа на кухню».
Мама каждую неделю диктовала ему список покупок. Раньше этим занимались Даннинг или еще кто-нибудь из прислуги. Но в последние несколько лет, когда они остались вдвоем, Томас все покупал сам.
Ему нравилось ходить по магазинам. Он получал удовольствие, видя, что те вещи, которые рекламируют по телевизору, и на самом деле существуют. И ты можешь их купить! Он ощущал странное чувство вины, снимая с полки в супермаркете товар, который всего несколько часов назад видел на экране.
Томас попытался вспомнить список своих еженедельных обязанностей. Эта страничка все еще оставалась в его голове, но проступала не так четко, как монтажные схемы компьютеров.
Скосить траву.
Пропылесосить ковры.
Вымыть посуду.
Выстирать белье.
Покормить рыбок.
Он помнил, что должен покормить рыбок, но у него закончился корм. Томас никогда не понимал, зачем им нужны карпы в пруду. Его мать никогда туда не ходила, а потому никогда их не видела. Зачем они ей понадобились?
Нужно купить еду для рыбок.
«Здесь произойдет много перемен, как только… – Мысли его застопорились, словно автомобили перед светофором. Он дождался, когда красный свет сменится на зеленый, а потом продолжил: – Как только…» И снова остановился. Потерял нить. Томас попытался вспомнить мощность неоновой лампы, которую нужно купить для кухни.
Попытался сосредоточиться на списке дел. Это очень важно. Он должен содержать дом в чистоте, порядке, полной готовности. Скоро здесь появится новый гость.
Только монета точно знала, когда это случится.
Но у Томаса возникло предчувствие, что это произойдет уже сегодня вечером.

– Сорок пять, – сказала Аманда.
Ответ Майкла утонул в грохоте громкоговорителей.
– Я тебя не слышу! – прокричала она.
Солнце пекло нещадно. Над ними висел пыльный туман, от которого жгло в глазах. Потом выхлоп пятнадцати больших побитых седанов с мощными двигателями сотряс их барабанные перепонки, словно при землетрясении. Толпа, которая перед этим раздалась, как трясина, снова стиснула их со всех сторон. Майкл выгибал шею, но видел только пустую трассу. Над стадионом стоял запах отработанного топлива и жареного лука.
– Значит, Брайан на шестнадцать лет старше тебя, – сказал он.
Она сложила руки рупором у его уха:
– Всегда была без ума от немолодых мужчин!
Майкл посмотрел на нее и улыбнулся. В каждой шутке есть доля правды. После того как отец Аманды ушел из семьи, у ее матери была череда любовников – все неудачливые художники или представители других творческих профессий. Братьев у Аманды не имелось, только сестра, – стало быть, на протяжении всего детства рядом с ней не было ни одного сильного мужчины, которого она могла бы уважать. В своем бывшем любовнике Брайане она явно подсознательно видела отца. Кстати, вполне вероятно, что теперь это относится и к самому Майклу тоже.
В громкоговорителях загремел голос комментатора:
– Ждем машину под номером двенадцать. – Потом, уже менее официальным тоном: – Мы рады приветствовать в числе участников Дейва Сполла, который вновь принимает участие в гонках после пятилетнего перерыва. Итак, машина номер двенадцать готова. Автомобиль сопровождения на трассе. Состязания на Кубок памяти Лена Уордла стартовали!
Майкл увидел сверкание металла. Ярко-красный седан пролетел мимо, а за ним плотным, но беспорядочным скоплением, похожим на косяк рыб, неслись пятнадцать гоночных машин.
Лицо Аманды горело от возбуждения.
– Давай, Дейв Сполл! – прокричала она. – Давай, номер четыре-три-два!
Майкл, уже волнуясь, выгибал шею, смотрел сквозь сетчатое ограждение, пытаясь увидеть желтую «тойоту» Дейва Сполла. В гонке участвовали четыре желтые машины, и разглядеть автомобиль его пациента было затруднительно.
Он четыре года консультировал Дейва. Бывший чемпион Великобритании, работавший в области станкостроения, страдал от жестокой депрессии после нелепой случайности: пять лет назад во время гонок на выживание у другого участника оборвалось крепление ремня безопасности и его выкинуло через водительское окно на трассу, прямо под колеса машины Сполла. Получается, что тот невольно убил семнадцатилетнего парнишку, который впервые участвовал в состязаниях.
Когда Сполл пришел на прием, он не мог ездить даже в обычном автомобиле. Майкл постепенно вернул его в нормальное состояние, и вот сегодня Дейв снова на гоночной трассе. Он попросил врача, если у того будет возможность, прийти на гонки, объяснив, что в этом случае будет чувствовать себя увереннее.
Майкл симпатизировал Дейву, а просьба гонщика тронула его. Аманда с удовольствием присоединилась к нему, тем более что стадион в Истбурне находился всего в получасе езды от дома ее сестры: вечером она собиралась на день рождения к племяннице Леоноре, которой исполнялось четыре года.

Пейс-кар
[12]
подъехал к стартовой линии и съехал с трассы, после чего на трассе начался ад. Две машины столкнулись на первом повороте, причем одна из них перевернулась, а третья врезалась ей в бок и получила удар сзади от четвертой. Дейв Сполл благополучно миновал это месиво и в конце первого круга шел пятым.

Аманда возбужденно стиснула руку Майкла, он ответил пожатием, испытав непередаваемое чувство единения с ней среди всеобщего рева и криков, под жарким солнцем. Она была прекрасна в своих простых джинсах и белой футболке, и он испытывал гордость, замечая, какие восхищенные взгляды бросали на его спутницу другие мужчины.
Дейв Сполл уверенно держался на пятом месте весь второй и третий круг. Молодец парень. Майкл видел, как Дейв крутит головой: неужели пытается разглядеть его среди зрителей? «Сосредоточься, Дейв, сегодня побеждать вовсе не обязательно, главное – доехать до финиша».
На четвертом круге какая-то машина попыталась обойти Сполла на вираже, юзом пошла на него, стукнула по его автомобилю боком и оттолкнула к барьеру. Майкл почувствовал, как пальцы Аманды вцепились в его руку; она вместе с ним перед началом состязаний ходила в боксы: познакомилась с Дейвом, а потом задала ему несколько чисто технических вопросов, чем несказанно удивила Майкла, который почувствовал себя по сравнению с ней полным профаном. Две машины так и шли дальше по трассе, соприкасаясь бортами, но затем Сполл притормозил, и другая машина вырвалась вперед. Аманда облегченно вздохнула и отпустила руку Майкла – до этого ее ногти впивались ему в ладонь.
Майкл посмотрел на нее, и она улыбнулась в ответ, словно бы говоря: «Успокойся, все будет в порядке!»
Так оно и случилось. Дейв благополучно финишировал шестым. Они поспешили сквозь толпу к боксам, где Сполл назвал Майкла здоровенным волосатым четырехглазым сукиным сыном, обнял врача и расцеловал его в обе щеки. Потом поцеловал Аманду, посетовав, что психотерапевтам всегда достаются лучшие девушки, и в шутку пригласил ее пойти к нему работать механиком. Следующие десять минут эти двое увлеченно беседовали о преимуществах суперкомпрессоров перед турбокомпрессорами.
Они ушли перед началом последнего заезда. Аманда хотела уехать пораньше, дабы избежать толкучки, – она уже и без того опаздывала на день рождения. Они под руку шли на парковку, и Майкл сказал:
– Я просто потрясен. Откуда такие познания в механике?
Аманда забавно пожала плечами – Майкл находил этот жест очаровательным. Он заметил, что она всегда слегка пожимала плечами, когда он говорил ей комплименты, словно не привыкла выслушивать их.
– Брайан был просто помешан на машинах. Я всегда ходила с ним на гонки, а на ужинах вечно оказывалась среди мужчин, которые игнорировали меня, потому что не желали говорить ни о чем другом, кроме как об автомобилях. Мне хотелось быть с ними на равных, вот я и изучила этот предмет.
Майкл покачал головой, улыбнулся:
– Ты потрясающая! Нет, правда!
Аманда снова пожала плечами.
– И представь себе, выяснилось, что двигатели – это весьма увлекательная тема для беседы!
Аманда не переставала его удивлять. Он, казалось, каждые несколько минут узнавал про нее что-то новое. Они остановились и обнялись. Небо отражалось в ее глазах. У Майкла сжалось сердце: он сейчас был так счастлив, что и вообразить нельзя.
Он хотел немедленно сказать ей: «Аманда Кэпстик, я тебя люблю».
И с трудом сдержался – время для этих слов еще не пришло. Слишком рано, даже после безумной ночи любви – целых четыре раза! Он не хотел спугнуть ее.
Он боялся собственного счастья.
Майкл проводил взглядом Аманду, уехавшую на своем маленьком красном «альфа-ромео», из-под колес которого вырывались облака пыли. Она помахала ему рукой – такая жизнерадостная и такая хрупкая, что он испугался, как бы с ней не произошло чего-нибудь плохого, как это случилось с Кейти.
И словно в ответ на его мрачные мысли, облако, будто куском брезента, тут же закрыло солнце.

27 июля 1997 года, воскресенье

У Аманды Кэпстик была собака по кличке Олли.

Как мило.

На ее сайте есть цветная фотография Олли. Коричневый кокер-спаниель, высунув язык, сидит на галечном берегу.

Наверное, собака там нагадила, и какой-нибудь восьмилетний ребенок сунул в дерьмо пальцы, а потом потер глаза и заразился: есть такие паразиты, которые поражают сетчатку, вызывают ее воспаление, отслоение, слепоту.

Но Аманду Кэпстик это не волнует. Вряд ли женщина, которая ложится под доктора Майкла Теннента, станет беспокоиться о том, что слепнут дети.

Несколько слов мудрости для тебя, доктор Теннент. От поэта, который принципиально не использовал заглавные буквы [13]:

> береги любовь чуть больше,
>
> чем все прочее на свете.

Я полагаю, ты недоумеваешь: почему я беспокоюсь о твоем благополучии, доктор Теннент? С какой стати я озабочен твоими отношениями с женщиной, которая вывешивает в Интернете фотографии своей мертвой собаки?

Si vis pacem, para bellum. Хочешь мира – готовься к войне.

Будучи врачом, ты должен знать латынь. Это слова Юлия Цезаря. Ты готов к войне, доктор Майкл Теннент?

Юлий Цезарь во время завоевания Франции убил два миллиона галлов. Сегодня он почитается как великий правитель. Тебе это что-нибудь говорит о человечестве, доктор Теннент? Это помогает тебе понять состояние человеческого разума? Черпаешь ли ты из резервуара такого знания, когда общаешься со своими пациентами? А как насчет

моей матери? Помнишь, как ты потом позвонил ей и наговорил сообщение на автоответчик?

«Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Боюсь, что я тоже расстрою тебя, доктор Майкл Теннент. И поможет мне в этом кнопка – такая, наподобие обычной канцелярской, но несколько усовершенствованная.

Несколько дней назад я пообещал рассказать о кнопке. На самом деле все очень просто. Разумеется, любой врач слышал про кураре. Гвианский яд, кураре, содержит алкалоид курарин. Южноамериканские индейцы получают его из коры дерева, которое растет в дождевых лесах; они втирают его в наконечники стрел, и яд этот мгновенно парализует жертву. Когда дыхательные мышцы слабеют, мы видим первые признаки синюшности – результат кислородного голодания. Несчастный может выдохнуть, но не способен вдохнуть. А затем наступает полная асфиксия.

Я узнал, что в мире природы есть свое изящество. Математические уравнения, естественный баланс. В особенности изящны теорема Гёделя и теорема Пифагора. Каждая наука осуществляет изящные эксперименты, находит изящные решения. Я изготовил специальную кнопку: срезал иголку обычного шприца на четверть дюйма от кончика и приделал к ней крохотную резиновую грушу.

Ну а теперь остается только прикрепить кнопку к ладони слабым клеем и заполнить грушу кураре.

Что может быть более естественным, чем обменяться с жертвой рукопожатием?

Если дозу тщательно выверить и ввести яд подкожно, то дыхательные мышцы будут поражены в незначительной мере. Но на всякий случай, как я уже делал это прежде, я возьму с собой в белый фургон портативный сердечно-легочный реаниматор. Вовсе ни к чему понапрасну тратить ценное время на ручную кардиопульмональную поддержку жизненных функций.

Я должен быть настороже. В конечном счете речь ведь идет о человеческой жизни.

Если смерть наступит слишком быстро, это станет большой трагедией.

40

Длинное одноэтажное здание, отделанное серой декоративной штукатуркой; крытая автостоянка и подъездная дорожка, достаточно широкая, чтобы по ней проехали карета «скорой помощи» или небольшой грузовик. Открытые чугунные ворота меж двух столбов и асфальтированная парковка отделяют это здание от дорожной развязки, бесконечный поток

машин движется мимо мрачного викторианского виадука и супермаркета «Сейнсбери». Возле одного из кирпичных столбов выцветшая табличка с безрадостной надписью: «Морг Брайтона и Хоува».
Дождь добавляет картине мрачных красок, но даже в самый солнечный день это место выглядит жутко.
Гленн Брэнсон никогда не боялся призраков, он считал, что бояться надо не мертвых, а живых. Обычно детектив-констебль вполне нормально реагировал на трупы, но сегодня на стальном столе в свете четырех мощных ламп дневного света лежал не обычный труп.
Возможно, при жизни Кора Берстридж и тосковала по ослепительному свету прожекторов, но эти яркие лампы, свисающие с высокого потолка на массивных цепях, оказывали ей плохую услугу. Пребывание в этом холодном помещении с его дренажными стоками и облицованными серой плиткой стенами, с ярко-красными крышками на розетках и раковинами из нержавеющей стали, со вспомогательными столами, на которых лежали различные хирургические инструменты и электрическая циркульная пила, само по себе было для нее слишком сильным унижением.
На другом вспомогательном столе были разложены документы, несколько бланков, включая и стандартную форму, которую Гленн заполнил в квартире Коры Берстридж.
Гленн чувствовал себя паршиво. Сглатывая комок в горле, он отчаянно пытался совладать с запахом, который был хуже вони из канализационного стока; желудок вел себя так, будто в нем взбалтывали цемент. Гленн старался смотреть куда угодно, только не на труп. Гример из похоронной конторы, веселая полная женщина лет сорока пяти, только что закончила набивать черепную коробку Коры Берстридж нарезанной бумагой, а теперь прилаживала на место срезанный затылок.
Он поморщился и посмотрел на помощника коронера Элеонору Уиллоу, приятную женщину лет тридцати пяти. Аккуратные черные волосы, элегантный серый костюм и жемчужные сережки. Она чуть заметно улыбнулась Гленну. Он посмотрел на два других – пустых – стола из нержавеющей стали.
На дальней стене висела доска наподобие школьной, разграфленная на колонки: «мозг», «легкие», «сердце», «печень», «почки», «селезенка». Перед доской располагалось несколько электронных весов. Патологоанатом Найджел Черч стоял, повернувшись к ним спиной, и озвучивал результаты вскрытия в диктофон, который держал облаченной в резиновую перчатку рукой.
– Петехиальное кровоизлияние в белки глаз, – говорил он. – Вполне характерное явление, сопровождающее удушье.
Гленн всегда считал, что Черч слишком красив для такой мрачной профессии. Сегодня патологоанатом походил на актера, исполняющего роль: моложавое лицо, рыжеватые кудрявые волосы, голубой хирургический костюм, из-под которого видны щеголеватые ботинки. При других обстоятельствах он мог бы стать прекрасным партнером для Коры Берстридж.
«Вот только, – мрачно подумал Гленн, – здесь не театр и не съемочная площадка». Он уважал доктора Черча, однако был разочарован тем, что помощница коронера не сочла необходимым вызвать специалиста из Министерства внутренних дел для проведения более детального вскрытия.
На улице шел дождь, и Гленн успел промокнуть, пока бежал из машины до здания морга. И вот теперь замерз в мокрой одежде, его била дрожь. Он пытался взбодриться, перебирая в уме фильмы Коры Берстридж. Вспоминал, как Кора швырнула пепельницей в неверного возлюбленного (его играл Стенли Бейкер) в картине «Она всегда носила алое». Видел ее за рулем «мерседеса» на скоростной трассе в Лос-Анджелесе: вот она перестраивается из ряда в ряд, смеется и страстно целует Питера Селлерса (фильм «Калифорнийская красавица»).
А теперь Кора Берстридж лежит в морге, на полированном стальном столе. Ей сделали разрез от шеи до паха, зафиксировали края раны, и ее желтые внутренности выпирали из брюшины. Большим треугольником, прежде закрывавшим ее грудину и передние ребра, прикрыли лобок – акт мрачной благопристойности. Ее груди, когда-то так соблазнительно выставленные напоказ в «Храме наслаждения», сейчас косо свисали по обе стороны стола, а кремового цвета комок, который недавно был ее мозгом, покоился на грудине.

Ее легендарные некогда ноги, теперь все в прожилках вен, вытянулись на столе. С большого пальца правой ноги свешивалась коричневая бирка, какие прикрепляют в моргах. Ее предплечья казались трогательно костлявыми, а плечи в складках, наоборот, мясистыми.
Гленн не мог заставить себя посмотреть на ее лицо. Страшно почерневшая и разложившаяся плоть в обрамлении прекрасных платиновых волос – этот контраст выглядел издевательством. Он возблагодарил судьбу за то, что самую, пожалуй, тяжелую часть процедуры – отпиливание затылочной части черепа и извлечение мозга – успели сделать до его прихода.
Наконец Гленн приказал себе собраться и внимательно осмотреть Кору Берстридж. Он чувствовал, что в некотором роде в долгу перед этой женщиной. Ее фильмы доставили ему столько радости, и теперь он хотел по мере сил отблагодарить ее.
Весь предыдущий день и бóльшую часть ночи детектив-констебль провел в размышлениях, пытаясь понять, что не так в смерти великой актрисы, почему он не может принять версию самоубийства.
Ну не верил Гленн в это – и точка. Может быть, его суждения не отличались объективностью, поскольку Кора Берстридж была его кумиром? Может быть, он был слишком наивным, поскольку лишь недавно работал в уголовной полиции? Вот станет более опытным и привыкнет к подобным случаям, поймет, что люди иногда добровольно принимают ужасные решения.
«Я здесь ради тебя, Кора. Я твердо намерен выяснить правду о твоей смерти. И я не уйду, пока не докопаюсь до истины. Я это тебе обещаю».
Гленн покорно наблюдал, как патологоанатом нашинковал мозг его любимой актрисы тонкими ломтиками, внимательно исследовал каждый, положил на весы.
Он проглотил горечь, заставляя себя смотреть, как Найджел Черч запустил по локоть руку в грудную полость и извлек легкие. Когда он положил их на вспомогательный стол, из них потекла кровь цвета машинного масла.
Патологоанатом взвесил по отдельности каждое легкое, сообщил результаты в диктофон, а потом убрал легкие вместе с нарезанным мозгом в пластиковый пакет. Затем удалил мочевой пузырь, поднял его, словно желая продемонстрировать Гленну, и сказал:
– В мочевом пузыре умеренное количество мочи. Мы возьмем немного для анализа.
После этого он разрезал пузырь и вылил часть мочи в стеклянную трубочку.
Гленн много раз присутствовал на вскрытиях и знал процедуру чуть ли не назубок. Когда доктор Черч закончит потрошить Кору, все внутренние органы окажутся в этом пластиковом пакете. Мешок перевяжут и запихнут в грудную клетку, которую потом кое-как зашьют.
Но он больше не мог терпеть. Вышел из помещения, с трудом сдерживая слезы.
В крошечной комнате отдыха, стены которой были выкрашены в розовый цвет, полицейский приготовил себе сладкий чай, потом позвонил на службу, узнать, нет ли для него сообщений. Ничего важного – пока понедельник проходил спокойно.
Он допил чай и вернулся обратно в прозекторскую. Теперь доктор Черч работал с кишечником, брал образцы жидкостей для анализа. Гленн присутствовал до конца, но не высказывал своих соображений вслух. На данном этапе досужие домыслы ни к чему, это непрофессионально.
Сотрудница похоронного бюро вышла, чтобы сделать телефонный звонок. Пока патологоанатом и помощник коронера обговаривали рабочие формальности, Гленн подошел к Коре Берстридж и молча уставился на нее. Он сомневался, что может увидеть нечто такое, чего не заметил доктор Черч. Глаза покойницы были закрыты.
– Есть одна небольшая странность, – произнес патологоанатом, подойдя к Гленну. – Трупные мухи. В отчете отмечено, что, когда вы ее обнаружили, пластиковый мешок был плотно завязан на шее. Но как в таком случае туда могли попасть трупные мухи?
Гленн удивленно посмотрел на Черча: хороший вопрос, странно, что он и сам до этого не додумался.
Он снова взглянул на мертвую актрису. Вернулся мысленно к тому моменту, когда нашел ее. Насколько плотно пояс от халата был завязан на шее? Не было ли там зазоров?
– Мне это как-то в голову не пришло, – ответил Гленн.
– Трупные мухи чуют запах мертвеца за две мили, – с апломбом заявил другой патологоанатом, щеголеватый молодой человек с диккенсовскими бакенбардами, который только что вошел в прозекторскую.
– Но как они попали в пакет? – недоумевал доктор Черч.
На миг в Гленне вспыхнула надежда, но этот тип тут же ее погасил:

– Уж поверьте, они найдут способ. Кожа после смерти сморщилась, возможно, образовались зазоры.
– Но окна были закрыты, – возразил Гленн. – Как мухи вообще могли влететь в комнату?
Собеседник посмотрел на него снисходительно.
– Насекомым, в отличие от нас с вами, вполне достаточно крохотной щелочки. Им нет нужды открывать входную дверь.
– Спасибо, – сказал Гленн. – Картина мне ясна.
Он попросил прислать ему копию заключения патологоанатома и вышел на улицу. Оказаться под летним ливнем после морга было настоящим облегчением. Сейчас он сядет в машину и отправится на работу, вернется к бесконечным телефонным звонкам, стуку компьютерной клавиатуры, запаху дешевого кофе и грубоватым шуткам своих коллег.
К нормальным живым людям.

41

По понедельникам Майкл принимал стационарных пациентов в Принцесс-Ройял-Хоспитал, больнице при Высшей медицинской школе. Еще будучи студентом, он решил держаться подальше от Харли-стрит
[14]
, потому что не хотел превращаться в самодовольного врача, практикующего в этом элитном районе, – Майкл презрительно именовал таких докторов жирными котами. Он всегда хотел быть психиатром для народа, а не только для богачей и получил в Принцесс-Ройял-Хоспитал такую возможность.

Здесь он работал с пациентами, которых направляла к нему Национальная служба здравоохранения, нередко это были люди очень бедные, а такие, как известно, более склонны к депрессии, чем представители зажиточного класса. Платили здесь скромно, но не все же деньги зарабатывать. Служба в Шин-Парк-Хоспитал, передача на радио и статьи для «Дейли мейл» позволяли ему жить безбедно. Майкл не стремился стать богачом, но ему нравилось, что можно особо не беспокоиться о деньгах.
Этим утром его заботило нечто иное.
Вой сирены промчавшейся мимо машины «скорой помощи» донесся к нему на второй этаж. Дождь стучал по подоконнику. Здесь кабинет был больше, чем Майклу того хотелось бы: он предпочитал тесное пространство своего кабинета в Шин-Парк-Хоспитал, создававшее более приватную атмосферу. Когда-то тут располагалась гостиная шикарного особняка: высокие потолки с лепными карнизами, громадный камин с неправдоподобно маленькой газовой горелкой (сейчас выключенной), антикварная мебель, величественный шезлонг и два викторианских – скорее элегантных, чем удобных, – кресла, развернутых лицом к письменному столу.
Перед ним сидела Лусинда Райан, бывшая топ-модель, которая теперь была крайне озабочена своей фигурой и цветом кожи. Эта женщина постоянно делала себе кровопускания, чтобы избавиться от «лишней» крови.
Майклу она нравилась, но сегодня сеанс шел через пень-колоду. Он украдкой посмотрел на крохотные серебряные часы у себя на столе. Подарок Кейти на Рождество… или ко дню рождения, он сейчас уже толком и не помнил. Подробности их совместной жизни словно бы медленно скрывались под водой. Субботняя ночь стала явным знаком того, что он начинает расставаться с прошлым.
Сегодня утром Майклу было трудно сосредоточиться. Пока Лусинда разглядывала свое лицо в крохотном зеркальце, он, как влюбленный школьник, поднес пальцы к носу и незаметно понюхал их. Он вымыл руки утром лишь для видимости, и на них еще оставался запах Аманды.
– Я снова сделала это, – сказала Лусинда. – Но ведь оно того стоит, разве нет? Мое лицо стало не такое красное. У меня теперь две донорские карточки. – Она гордо улыбнулась. – Мне

удалось получить вторую, поскольку в первой неправильно указали адрес. Поэтому, если я буду ходить в разные клиники, никто ничего не узнает.
Майкл сделал запись в истории болезни. Его беспокоил вид пациентки.
– Что ж, на этом нам сегодня придется закончить. Пожалуйста, обратитесь к моему секретарю, когда будете уходить. Я хочу, чтобы вы сдали несколько анализов. – Он увидел тревогу на ее лице. – Мне кажется, что вы слишком бледная. Я хочу убедиться, что вы не навредили своему организму.
– У меня возьмут кровь на анализ?
– Да.
Лусинда повеселела.
Как только она покинула кабинет, Майкл повернулся к компьютеру и вышел в Интернет. Последний раз он проверял почту два часа назад, около девяти, и с тех пор ему пришло около дюжины новых писем. Однако, к его разочарованию, от Аманды ничего не было.
Майкл тосковал по ней. Хотел увидеть ее имя на экране, прочитать веселое послание от нее, услышать ее голос.
Аманда обещала позвонить ему, когда вернется домой от сестры, просто чтобы сообщить, что все в порядке. Но не позвонила. Майкл разволновался: уж не попала ли она в аварию? Да нет, скорее, просто припозднилась – везде ведь такие пробки.
Правда, она могла бы позвонить ему с мобильного.
Майкл лежал в кровати, полной ее запахов, и не мог уснуть чуть ли не до половины второго, все думал о ней, анализировал в мельчайших подробностях их отношения, то, что было в воскресенье. Неужели Аманда решила бросить его?
Может быть, она ему солгала – поехала вовсе не к сестре, а к Брайану?
Нет. Все, что Аманда говорила о Брайане, она говорила искренне. И хотя Майкл понимал, что, несмотря на весь свой профессиональный опыт, не слишком хорошо разбирается в женщинах, он никак не мог поверить, что после той невероятной ночи любви Аманда могла лечь в постель со своим бывшим.
Если только ее не сломило чувство вины. Но это вряд ли.
У него возникло искушение позвонить Аманде в половине второго ночи под тем предлогом, что он хочет убедиться, все ли с ней в порядке, но Майкл преодолел его – не стоит навязываться. Вместо этого он послал ей письмо по электронной почте. Всего несколько слов. «Привет. Надеюсь, ты вернулась в целости и сохранности. Скучаю».
Он надеялся, что утром обнаружит ответ. Он проверял почту несколько раз: перед отъездом на работу и уже в больнице.
Майкл чувствовал, как в нем нарастает тревога: огромная, темная. Сколько еще он будет откладывать звонок Аманде? Он не хотел показывать ей свое волнение. И в игры играть тоже не желал. Существовали различные сложные ритуалы, сопровождавшие любовные игры. Но он не собирался в них участвовать. Он просто хотел снова услышать ее голос.
Майкл снял трубку и набрал рабочий номер Аманды.
Звонкий женский голос ответил ему, что Аманда сейчас на деловой встрече и в офисе появится не раньше полудня. Он заколебался, когда девушка спросила, не надо ли что-нибудь передать, но потом поблагодарил, сказав, что перезвонит позже.
Майкл чуть-чуть успокоился. Деловая встреча? Что ж, это все объясняет. Вероятно, она вернулась слишком поздно, решила ему не звонить, а сегодня утром так спешила, что не проверила почту.
Надо было продолжать прием. Майкл предупредил секретаршу, чтобы немедленно соединила, если будет звонить Аманда Кэпстик, а потом пошел к двери – встречать следующего пациента. Ничего страшного, придется подождать до ланча. К тому времени Аманда наверняка позвонит. Однако она так и не позвонила.

42

«Даже если тебе завяжут глаза, ты все равно поймешь, что находишься в отделении полиции», – думал Гленн Брэнсон. Покрытые линолеумом полы, длинные обшарпанные коридоры,

стандартные информационные стенды – все это вполне можно увидеть в любой больнице, школе или другом общественном здании с большим числом посетителей. Но здесь не было ни больничного запаха, ни гомона детских голосов. В полицейском участке существовала своя собственная энергетика. Постоянно звонящие телефоны, дружеские насмешки, кладбищенский юмор, неизменная сосредоточенность, ощущение того, что ты причастен к общему делу. Гленну это нравилось.

Понедельник – футбольный день. Все говорили только о матчах, которые смотрели в выходные. Гэри Ричардсон, сидевший за столом позади Гленна, прежде был профессиональным голкипером в клубе, но после травмы колена оставил спорт, поступил в полицию и теперь, как и Гленн, служил детективом-констеблем. Высокий пижон с волосами, густо напомаженными гелем. Гленн слышал его голос:

– Ёлки, да что же такое случилось в субботу с нападающим? Разве можно быть таким мазилой? Это настоящая катастрофа, к чертям собачьим! Они сегодня – худшая команда в лиге!

Нетронутый сэндвич с беконом лежал на столе Гленна. Салфетка, в которую он был завернут, пропиталась жиром. Была середина рабочего дня. Он уже провел на месте около часа, расслабился в тепле, слушая разговоры коллег, находясь среди живых. Гленн любил футбол, но сейчас его мысли были заняты совсем другим.

Он еще не отошел после вскрытия Коры Берстридж. Надо бы перекусить, подзарядиться энергией, он находился в морге с половины девятого утра и не завтракал, однако кусок не лез полицейскому в горло. Он мог лишь неторопливо прихлебывать из кружки приторно-сладкий чай.

Детективы-констебли разместились на первом этаже отделения полиции Хоува, в узкой комнате, в которую затиснули дюжину столов: по шесть с каждой стороны, развернув их так, чтобы сотрудники сидели лицом друг к другу. В дальнем конце помещения, за шкафами с папками, стоял большой овальный стол, предназначенный для проведения совещаний по профилактике преступности.

У входа располагалась рабочая зона с единственным компьютером, древней электрической печатной машинкой и телевизором. Посреди кабинета находился закрепленный на потолке телевизионный экран, где бегущей строкой непрерывно транслировалась периодически обновляемая информация: описания разыскиваемых преступников (с пометками вроде «вооружен» или «особо опасен»), номера машин, которые следует задержать, и всякое другое, что необходимо знать полиции Суссекса, включая статистику раскрываемости преступлений.

В настоящий момент на экране светились яркие буквы, сообщавшие: «СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ РАСКРЫВАЕМОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗА ИЮНЬ 1997 ГОДА – 26,2 %».

– Ну и вот, значит, звонят мне в воскресенье в половине четвертого утра, – услышал Гленн возбужденный голос еще одного своего коллеги. – Два гомика вечером в субботу зажгли свечи, чтобы «создать надлежащую атмосферу». И благополучно уснули, после того как надлежащая атмосфера сделала свое дело. В результате спалили не только свою квартиру, но и еще три соседние. Однако жертва только одна, и знаете кто? Кот. Парень из шестой квартиры выбросил его из окна, и тот разбился.

У Гленна промокли ноги – он угодил в глубокую лужу, костюм на нем был влажный от дождя. На него дул холодный воздух из кондиционера, да еще вдобавок от окон сквозило.

Он выглянул в окно. Зрелище не ахти какое: асфальтовая крыша нижнего этажа, парковка, несколько гаражей, ветки деревьев, раскачиваемые ветром. С парковки выезжала патрульная машина, «дворники» на лобовом стекле боролись с дождем, а неподалеку какой-то бедолага крутил педали велосипеда, пластиковый плащ развевался у него за спиной.

«Петехиальное кровоизлияние в белки глаз. Вполне характерное явление, сопровождающее удушье».

Все, что обнаружил патологоанатом в ходе вскрытия Коры Берстридж, было естественным для удушья. Никаких синяков на теле. Лечащий врач актрисы сообщил коронеру, что его пациентка на протяжении пяти лет принимала антидепрессанты. Гленн заранее знал, что скажет их молодой, подающий надежды коронер Вероника Гамильтон-Дили, подводя итоги дознания: «Кора Берстридж пребывала в депрессии, она была пожилой одинокой женщиной, актрисой, которая не могла примириться с потерей красоты, уменьшением доходов, отсутствием дальнейшей перспективы. Самоубийство в момент сильного душевного расстройства».

Гленн отхлебнул чай, посмотрел на стопку документов и бланков на столе. Бумажная работа – вот единственное, что ему не нравилось в полиции. «Перечень пунктов, обязательных при заполнении протокола». «Описание обвиняемого». «Информационный бланк решения по делу». «Список свидетелей». «Перечень улик». «Предостережения». Бесконечные бланки. Долгие часы писанины, вечная спешка. Все здесь постоянно перегружены работой. Это и плохо и хорошо.
Все сотрудники были разделены на три группы, в каждой по четыре детектива: трое мужчин и одна женщина. Возглавляющий группу детектив-сержант сидел в отдельном кабинете. Женщину из группы Гленна звали Сандра Денхам, и она, готовясь к судебным слушаниям, уехала брать показания у жертвы изнасилования. Еще один его коллега, Майк Харрис, сидел напротив, а Уилл Гуппи, их штатный клоун, – по другую сторону узкого прохода.
Гуппи, высокий как каланча, стриженный под ежик блондин, с трагической маской на лице, за которой скрывалось чувство юмора еще более карикатурное, чем галстуки, которые он носил, сидел без пиджака, сгорбившись над столом. Ему нравилось считать себя культурным человеком. На стене Гуппи прикрепил картину: два больших квадрата, под которыми печатными буквами было написано: «ЯИЧКИ ПИКАССО».
Половина рабочих столов пока пустовала. Народ соберется к двум часам, на еженедельную летучку, посвященную результатам работы за предыдущую неделю. Приятно, когда есть о чем доложить, а у Брэнсона имелось целых два достижения: мелкий грабитель, которого поймал Гленн, в пятницу был осужден на два года; кроме того, он сумел арестовать крупного вора, специализирующегося на краже старинных ювелирных изделий.
Его мысли вновь вернулись в квартиру Коры Берстридж. Трупные мухи. Посиневшее лицо в пластиковом пакете. Какой страшный конец. Быть любимицей всего мира, а умереть в одиночестве и стать пищей для мух.
Его пробрала дрожь.
Потом Гленн снова вспомнил вопрос патологоанатома: каким образом мухи попали в пакет?
За последние три недели две актрисы приблизительно одного возраста покончили с собой. Он случайно увидел сообщение о смерти Глории Ламарк, некролог поместили только в «Таймс». Бедная Глория Ламарк. Что с ней случилось? Она снялась в нескольких фильмах, среди них были и весьма неплохие, но потом, в середине шестидесятых, карьера Глории Ламарк оборвалась, а ее место заняла Кора Берстридж. Некоторое время две звезды открыто соперничали, он вспомнил, что об этом рассказывалось в какой-то из книг, посвященной кинематографу того времени.
Глория Ламарк была очень красива. Ее называли английской Мэрилин Монро; и в самом деле, сходство имелось. То же сочетание невинности и обаяния. Гленн вспомнил ее улыбку в фильме «Двойной нуль» с Майклом Редгрейвом и Гербертом Ломом – все так же невинно улыбаясь, она вытащила из кармана Майкла Редгрейва кошелек, обнимаясь с ним на танцевальной площадке, и…
– Гленн, это ты на прошлой неделе обратил внимание на подозрительный «ягуар» на набережной? – спросил Уилл Гуппи, не поворачивая головы.
– На прошлой неделе? – Он задумался.
– Хорош придуриваться! Я был в тот день с патрулем, и мы еще по твоей наводке тормознули эту машину.
Гленн вспомнил. «Ягуар», который он увидел по пути в квартиру Коры Берстридж.
– Ну да, было дело. А что?
– Чудило ты долбаное. Ты хоть знаешь, кто сидел за рулем?
– Кто?
– Всего лишь Глен Друри. Прикинь, сам Глен Друри, который только что подписал контракт на семь миллионов долларов с «Ньюкасл юнайтед» и, возможно, станет лучшим нападающим Англии, а ты сообщаешь, будто он угнал собственную машину, новенькую с иголочки. Молодец!
– Надеюсь, этот парень играет в футбол лучше, чем водит автомобиль, – невозмутимо ответил Брэнсон. И собрался отхлебнуть еще чая, но тут на столе у него зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал голос дежурного:
– Гленн, у меня на проводе детектив-констебль Роубак из Большого Лондона. Говорит, что ему нужна помощь кого-нибудь из Хоува. Можно соединить с тобой?
– Конечно.

Полицейские из Большого Лондона считали себя элитой и, общаясь с провинциалами, частенько проявляли высокомерие. Но сегодня был не тот случай. Гленн услышал вежливый, доброжелательный голос:
– Привет. Не мог бы ты мне помочь? Мы тут разыскиваем пропавшую женщину. Ее зовут Тина Маккей. Тридцать три года, шеф-редактор в одном из лондонских издательств. Ее не видели с вечера среды, девятого июля; у нее было назначено свидание, на которое она не пришла.
Гленн записывал информацию в блокнот.
– Мне это имя знакомо. Нам присылали ее фотографии. И в газетах про эту Тину Маккей много писали, верно?
– Да. Она в издательском мире человек известный. В последний раз ее видела коллега незадолго до семи часов – Тина Маккей выходила из издательства. Забрала автомобиль из многоэтажного паркинга поблизости – у нее с ними долгосрочный договор. Охранник отвлекся: на двух машинах одновременно сработала сигнализация. Он видел, как выезжал ее автомобиль, но с такого расстояния не разглядел, кто сидит за рулем. С тех пор о Тине Маккей ничего не известно.
– Вы ведете расследование по категории «убийство»?
После короткой паузы:
– Вообще-то, у нас нет трупа, но похоже, что это именно тот случай.
– Чем я могу быть полезен?
– Я просматривал расходы Тины Маккей. Она подала стандартное требование в бухгалтерию о возмещении расходов за неделю, заканчивающуюся четвертого июля. Приложила квитанцию за бензин с автозаправки на Олд-Шорэм-роуд в Хоуве, датированную двадцать девятым июня.
Гленн посмотрел на календарь:
– Это было воскресенье?
– Да. В требовании она написала только: «Ланч, Роберт Мейсон». Ни ее родным, ни коллегам это имя не известно. Похоже, она никому про этого человека не говорила.
– Но если она вписала его имя в требование, значит это как-то связано с работой, – сказал Гленн.
Его собеседник иронически хмыкнул:
– При условии, что Тина Маккей не мухлевала с отчетами. Ты ведь знаешь, как это делается!
– Я? – делано возмутился Гленн. – Понятия не имею. Я человек порядочный.
Констебль Роубак рассмеялся:
– Ну конечно, я тоже. Мне бы и в голову не пришло попытаться провести денек на побережье за казенный счет.
– Ну, у меня-то в этом нужды нет, – заявил Гленн. – Здесь у нас вся жизнь – один сплошной пляж.
– Ты счастливчик. Если вдруг понадобится помощь с девицами, загорающими топлес, дай мне знать – я мигом примчусь.
– Уже завязал узелок на память. Но учти, приятель, ты пока самый последний в очереди.
– И на том спасибо. Ладно, давай о деле. Не мог бы ты проверить этого Роберта Мейсона, чтобы мы его с чистой совестью вычеркнули из списка подозреваемых.
– Есть о нем еще какие-нибудь сведения?
– К сожалению, только имя.
– Ладно. Тебя как зовут?
– Саймон. Саймон Роубак. А тебя?
– Гленн Брэнсон.

– Не родственник Ричарду? [15]

– К сожалению, нет!
Роубак пообещал переслать по факсу подробности о ходе расследования, продиктовал свой рабочий и мобильный телефоны, поблагодарил Гленна и повесил трубку.
Гленн ввел имя Роберта Мейсона в компьютерную базу полиции Суссекса, но ничего не обнаружил. Тогда он открыл телефонный справочник и, к собственному ужасу, увидел там сотни полторы Мейсонов, никак не меньше.

«Вот сукин сын этот Роубак, – подумал он, – спихнул на меня свою работу!»
Гленн провел пальцем по фамилиям. Инициал «Р» имели пятнадцать Мейсонов. Ну что же, уже проще.
Пока он ждал факса от Роубака, мысли его снова вернулись к Коре Берстридж.
На лабораторные анализы крови и других жидкостей уйдет дня два. Значит, отчет патологоанатома от коронера он получит в начале следующей недели. Если доктор Черч не обнаружит ничего подозрительного, тело выдадут родственникам для похорон.
У него есть неделя, чтобы убедиться, что Кора Берстридж и в самом деле совершила самоубийство, либо доказать обратное.
А он пока даже не знал, с чего начать.

43

На звонок ответила та же самая женщина.
– Добрый день, – сказал Майкл. – Могу я поговорить с Амандой Кэпстик?
В ее голосе чувствовалось раздражение:
– Аманда еще не появилась. Что ей передать?
– Я перезвоню позже, спасибо.
Он повесил трубку.
Час дня. Следующий пациент записан на два пятнадцать. Майклу после бессонной ночи было не по себе. Аманда обязательно позвонит, ну конечно, она позвонит. Просто она очень занята, у нее сумасшедшая работа, она сама говорила ему об этом. Утренняя деловая встреча затянулась дольше, чем она ожидала, только и всего.
Майкл посмотрел в окно, дождь по-прежнему лил как из ведра. Но он все равно решил перебороть себя и выйти подышать свежим воздухом. Погуляет полчасика, а по возвращении его будет ждать письмо от Аманды.
Он снова проверил почту. Новая дюжина писем, но он даже не стал вникать, от кого они, искал только одно имя, которого там, увы, не было.
Майкл взял «Таймс», прихватил сине-желтый зонт-трость, оставленный кем-то в приемной год назад и до сих пор так и не востребованный, сунул в карман плаща мобильник, предупредил своего секретаря Анджелу Уитли, что ненадолго выйдет, и попросил передать Аманде Кэпстик, если та захочет с ним связаться, чтобы она позвонила ему на мобильный.
Он пошел на Тоттенхам-Корт-роуд, пересек улицу, потом добрался до Кливленд-стрит и встал в короткую очередь к прилавку своего любимого сэндвич-бара. Есть Майклу не хотелось, но ему требовались силы. Тост и тарелка овсянки, которые он заставил себя съесть за завтраком, уже утряслись, и он понимал, что его мрачное настроение усугубляется низким содержанием сахара в крови.
– Не огорчайтесь, мистер, все будет хорошо!
Майкл вздрогнул от неожиданности и обнаружил, что подошла его очередь. Неправдоподобно жизнерадостный грек, владелец бара, смотрел на него так радостно, будто только что выиграл в лотерею. Майкл сдержанно улыбнулся в ответ.

– Хорошо вам, грекам, говорить. Ваши проблемы решал лорд Байрон [16].

Продолжая триумфально улыбаться, грек сказал:
– Зато у вас есть мистер Блэр. – Он произнес эту фамилию с таким благоговением, будто речь шла о божестве.
– Блэр не поэт.
– Но он хороший премьер-министр, да?
– У него нет особых проблем, – ответил Майкл.
Он заказал сэндвич с тунцом и салатом на ароматном хлебце, банан и банку колы, которую обычно пил только в качестве лекарства при похмелье. Дождь стих, и Майкл, положив еду в

симпатичный бумажный пакет, направился в Риджентс-парк, а оказавшись там, энергично зашагал к озеру.
Стоило ему увидеть вдали какую-нибудь блондинку, как он моментально проникался надеждой и пристально вглядывался: не Аманда ли это? «Такие совпадения иногда случаются», – убеждал он себя вопреки здравому смыслу.
Ближе к воде под защитой массивной кроны каштана стояла скамья. Майкл снял плащ, сложил и сел на него, невольно вспомнив тот день, когда Кейти во время ланча буквально силком затащила его в универмаг и они купили этот плащ, потому что жена уже не могла смотреть на затрепанный макинтош, который Майкл носил много лет подряд. «Грязный стариковский дождевик!» – так она его называла.
Майкл проверил, включен ли его мобильник и есть ли сигнал. Все пять черточек были на месте. Связь лучше некуда. Если кто-нибудь наберет его номер, слышно будет просто прекрасно.
Он развернул пакет с сэндвичем, откусил, принялся медленно жевать, одновременно просматривая газету. Его внимание привлек заголовок:
«БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ: НЕЗРИМАЯ ТРАГЕДИЯ
Судя по цифрам, опубликованным сотрудниками горячей линии при Национальной службе по поиску пропавших людей, в прошлом году в Великобритании бесследно исчезли 249 762 человека. В это трудно поверить, однако статистические данные, накопленные за последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что 34 % пропавших, к сожалению, так никогда и не найдут.
Мы встретились с одой из родительниц, недавно переживших кошмар исчезновения ребенка. Это прикованная к инвалидному креслу Полетт Флауаринг, мать троих детей.
Ее сын, девятнадцатилетний журналист-стажер Джастин Флауаринг, исчез двенадцать дней назад: он вышел из редакции газеты „Милл-Хилл мессенджер“, в которой проработал шесть месяцев, и больше его никто не видел.
„Джастин говорил, что служить в газете очень трудно, – сказала нам миссис Флауаринг. – И еще его огорчало, что некоторые сотрудники плохо к нему относятся. Будучи школьником, мой сын дважды убегал из дома, но в обоих случаях звонил мне через пару дней, сообщал, что с ним все в порядке. Сейчас я очень за него волнуюсь“».
Майкл откусил очередной кусок сэндвича и продолжил чтение. В статье говорилось, что львиную долю пропавших без вести составляли подростки, но было среди них немало и взрослых, причем представителей самых разных социальных слоев. Так, например, вот уже три недели числилась без вести пропавшей шеф-редактор одного из лондонских издательств. Майкл вспомнил: об этом случае было много разговоров, а фотографии привлекательной темноволосой женщины несколько раз показывали в новостях.
Каждый год исчезало довольно много успешных квалифицированных специалистов: за последние двенадцать месяцев пропали несколько финансистов, юристов, агентов по продаже недвижимости, один летчик и… один психиатр.
«Можно предположить, что некоторые их этих людей преднамеренно инсценировали собственное исчезновение, и причины здесь могут быть самые разные, – считает Дик Джарвис, бывший старший суперинтендент Национальной службы по поиску пропавших людей. – Однако наиболее часто встречаются два варианта: махинации со страховками и многоженство. Вы, наверное, помните наделавшую много шума историю бывшего министра связи Джона Стоунхауса, который оставил всю свою одежду на пляже в Майами в 1974 году, инсценировав таким образом собственную смерть. На самом же деле он вовсе не утонул и через некоторое время обнаружился в Австралии, где, живой и здоровый, жил под другой фамилией».
Майкл доел сэндвич. Проверил мобильник. Все пять черточек оставались на месте, самонадеянно заверяя его, что связь в этом районе просто идеальная.
«Наверное, Аманда осталась на ланч с человеком, с которым у нее назначена встреча. До двух часов она вряд ли даст о себе знать, так что прекрати волноваться».
Легко сказать.
Майкл вернулся в свой кабинет ровно в два. В четверть третьего от Аманды по-прежнему не было никаких известий. В приемной ждал следующий посетитель, двадцативосьмилетний брокер. Энергичный и трудолюбивый, он работал по восемнадцать часов в сутки, зашибал полтора миллиона в год и никак не мог понять, почему у него временами случаются приступы паники.

Майкл позвонил секретарю и попросил пригласить пациента. По крайней мере, в течение следующих сорока пяти минут его мозг будет занят. А когда прием закончится, будет уже ровно три.
К тому времени Аманда наверняка вернется в свой офис.
Ой ли?

44

Пациент, которому было назначено на половину пятого, задерживался. Майклу оставалось принять еще двух человек, провести короткое совещание, а потом ненадолго заглянуть в стационар. На этом работа заканчивалась. Вернее, заканчивалась работа в больнице. Вечером дома он должен был написать еженедельную колонку для «Дейли мейл» (она появлялась в газете каждый четверг), а утром отправить текст в редакцию. Десять утра во вторник – крайний срок сдачи материала. Если опоздаешь, редактор начнет дергаться. Майкл вообще не любил опаздывать, считал это крайне непрофессиональным.
Он и представить не мог, что Аманда может вести себя непрофессионально. Вот почему информация, которую Майкл только что получил от неприветливой женщины на другом конце провода, так встревожила его.
– Извините, – сказала она. – Аманда так еще и не появлялась. Вы ведь звонили раньше? Я узнала ваш голос.
– Да, меня зовут доктор Теннент. Аманда привлекла меня к работе в вашем документальном фильме о психотерапии.
Голос собеседницы сразу же потеплел.
– Доктор Теннент? Да, конечно. Меня зовут Лулу, я ее ассистентка.
– Понятно. Извините, Лулу, а у вас есть ее мобильный? Может быть, мне удастся до нее дозвониться.
– Да, я вам дам ее номер, но, похоже, мобильник выключен. Я все время попадаю на автоответчик.
Хотя они и спали в одной постели, Аманда все еще оставалась для него незнакомкой, и ее приватный мир – дом и работа – был для него неисследованной территорией. Майкл чувствовал, что не имеет права вторгаться в ее личную жизнь, но не мог поверить, что Аманда преднамеренно не звонит ему.
– Как вы думаете, Лулу, с ней все в порядке? – спросил он.
Она помолчала, потом ответила:
– Вообще-то, мы и сами уже начинаем волноваться.
Эти слова насквозь пронзили его страхом.
– У Аманды была назначена важная встреча на Би-би-си сегодня утром, – продолжала Лулу, – но, как я только что узнала, она там так и не появилась. И не позвонила. Мало того, мы ждали ее на другую встречу, у нас в офисе, к двенадцати часам, но Аманда и ее пропустила. Она обычно предупреждает, если у нее что-то не складывается. Надеюсь, с ней ничего не случилось в выходные.
Впадать в панику было еще рано, но Майкл не мог избавиться от ощущения, что с Амандой и впрямь что-то произошло. Он понятия не имел, какие отношения были между Амандой и Лулу – дружеские или наоборот, – но понимал, что не имеет права сообщать подробности частной жизни Аманды кому-то из персонала фирмы, а потому продолжил деловым тоном:
– Видите ли, Лулу, Аманда и я… мы… – Он задумался. – Мы встречались днем в воскресенье. Мой пациент участвовал в автомобильных гонках. И Аманда решила, что такой эпизод может пригодиться для фильма…
Лулу избавила его от необходимости продолжать:
– Да, она мне говорила, что встречается с вами. Ждала этого с нетерпением.
Майкл мог поклясться, что в голосе собеседницы прозвучала скрытая насмешка, словно Аманда рассказывала Лулу гораздо больше, чем та теперь говорила Майклу.
– Она уехала с гонок около половины четвертого – отправилась к сестре, та живет где-то близ Хитфилда.

– В Чиддингли, – уточнила Лулу. – Если Аманда не появится к концу рабочего дня, я поеду к ней домой убедиться, что она не лежит без сознания или что-нибудь в этом роде. – После небольшой паузы она не слишком убедительно добавила: – Наверняка все выяснится. Она могла по ошибке назначить две встречи на одно время и совсем забыть про Би-би-си. И еще Аманда недавно сменила мобильник – жаловалась на плохой прием. Я уверена, что все разрешится благополучно. – Однако голос ее свидетельствовал об обратном.
Майкл чувствовал мучительную беспомощность. Он не знал, что тут еще можно сказать или сделать. И ухватился за последнюю соломинку.
– Вот еще что я хотел спросить у вас, Лулу. – Майкл был рад, что запомнил имя женщины, таким образом он словно бы становился ближе к Аманде. – А похоже это на нее – забыть о назначенной встрече?
– Нет, – ответила Лулу. – Не похоже. Совсем даже не похоже.

45

Трубку сняла женщина. Голос вежливый:
– Да, слушаю вас.
От него требовалось проявить тактичность. Не исключено, что у Тины Маккей был тайный роман с кем-то из обитателей этой квартиры.
– Вас беспокоит детектив-констебль Брэнсон из полиции Хоува. Мне нужно по службе задать вам пару вопросов. Скажите, мистер Роберт Мейсон проживает по этому адресу?
– Роберт Мейсон? Нет, никакого Роберта Мейсона здесь нет. Может, вы имеете в виду Дейва Мейсона?
– Нет, нам нужен Роберт Мейсон.
– Видимо, вы что-то перепутали. Моего мужа зовут Дейв.
– А вы, случайно, не знаете никого по имени Роберт Мейсон?
Женщина немного подумала, а потом ответила:
– Нет, к сожалению, не знаю.
Похоже, она говорила правду.
Гленн поблагодарил ее, повесил трубку и вычеркнул номер из списка. Осталось проверить еще девять. Пока шесть отрицательных результатов. Один номер не отвечает, в двух местах включились автоответчики, но имя хозяина в записи не прозвучало. Гленн в очередной раз помянул недобрым словом Саймона Роубака из Большого Лондона, втравившего его в эти поиски.
Было без четверти пять, и он только что вернулся в отделение: вместе с коллегами выезжал на задержание экс-чемпиона по кикбоксингу, которого подозревали в наркодилерстве. Они отправились к нему большой командой, опасаясь, что подозреваемый будет сопротивляться. Но тот оказался жалкой развалиной, этаким стариком, пребывавшим в наркотическом ступоре, и никаких проблем у них не возникло.
Гленн позвонил по десятому номеру в списке. Вычеркнул и его. Оставалось еще пять. В десять минут шестого он набрал номер, по которому не сумел дозвониться ранее. На сей раз вместо автоответчика раздался беззаботный мужской голос с американским среднеатлантическим выговором:
– Роберт Мейсон слушает.
Гленн представился, потом спросил, говорит ли что-нибудь его собеседнику имя Тина Маккей.
– Тина? – Мейсон разом утратил всю свою жизнерадостность. – Конечно. Да мы же вместе с ней завтракали совсем недавно. А потом она бесследно исчезла – вот ужас-то, я читал в газете. Вы ее нашли?
– К сожалению, пока нет. Вам не составит труда ответить на несколько вопросов? Я бы подъехал к вам.
– Конечно. Можете приехать прямо сейчас? А то мне в семь нужно уходить.
Гленн должен был вернуться домой в шесть тридцать: сегодня была его очередь сидеть с Сэмми, по понедельникам Ари ходила на вечерние лекции по английской литературе. Но не объяснять же это Роберту Мейсону! И Гленн сказал ему:

– Отлично, сейчас буду.
Интуиция подсказывала ему, что Роберт Мейсон не причастен к исчезновению Тины Маккей, а увидев этого человека двадцать минут спустя, Гленн утвердился в своем убеждении. Мейсону было слегка за тридцать; он работал музыкальным продюсером и жил в роскошной, претенциозно отделанной квартире с видом на море, кстати, совсем рядом с Корой Берстридж. Мейсон познакомился с Тиной на презентации одной книги и пригласил ее на свой традиционный воскресный ланч, на котором, как он сам выразился, «сводил друг с другом людей искусства». Все очень просто. Можно сказать Роубаку, что Роберт Мейсон тут ни при чем.
Эта версия завела в тупик.
На обратном пути Гленн медленно проехал мимо «Полумесяца Аделаиды», где прежде жила Кора Берстридж. Дождь прекратился, и вечернее солнце пробивалось сквозь тучи над Ла-Маншем. Начался отлив. На волноломе, опутанном водорослями, сидели чайки. Какой-то старик ходил туда-сюда с металлоискателем по мокрому песку за кромкой галечного пляжа. Именно этот вид и открывался из окна Коры Берстридж.
Гленн посмотрел на эркерное окно в квартире актрисы на третьем этаже и подумал, нет ли там сейчас кого-нибудь. А кто там мог быть? Ее дочь Эллен? Он звонил ей в Лос-Анджелес, сообщил о смерти матери. Судя по голосу, женщина очень расстроилась, и к ее скорби примешивалось чувство вины: родственники самоубийц часто корят себя. Вот только было ли самоубийство?
«Я все еще здесь, Кора. Я ни за что не отступлюсь. Сижу сейчас в машине рядом с твоим домом. Я думаю о тебе денно и нощно. Я любил тебя не только за красоту, но и за талант. Ты столько дала мне, так обогатила мою жизнь, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть тебе долг. Клянусь».
Он вместе с Сэмми построил башню из конструктора «Лего», потом уложил сына в постель и прочитал ему рассказ Роальда Даля. Сэмми любил засыпать, посмеявшись над какой-нибудь историей, и Гленну нравилось смотреть, как закрываются глазки на его улыбающемся личике.
Ари оставила ужин в микроволновке, нужно было только разогреть. Но когда в половине одиннадцатого жена вернулась домой с лекции, размышляя о творчестве Грэма Грина и о странных персонажах его романа «Брайтонский леденец», то обнаружила на полу свалку кубиков «Лего», на диване – Гленна, с головой погрузившегося в труд профессора Найджела Киркхама «Патологоанатомическое исследование», а в микроволновке – нетронутую куриную запеканку с грибами, помидорами, фасолью и картошкой, остывшую, словно труп в морге.
Стараясь держать себя в руках, Ари слабо улыбнулась мужу, присела рядом с ним, уткнулась носом в его щеку.
– Интересная книга?
Вместо ответа он повернул голову и посмотрел на нее большими круглыми глазами, мутными от усталости.

46

Майкл сидел дома перед ноутбуком, делал наброски статьи для «Дейли мейл».
«Симптомы психиатрического заболевания включают:
а) искаженное мировосприятие, часто визуальное и вкусовое. Например, цветы могут приобретать запах горящей плоти, а сладкая еда – горьковатый привкус;
б) иллюзии и галлюцинации. Простые: звуки ударов, свист. Сложные: больной слышит голоса, видит лица, целые сцены. (Доработать!);
в) расстройства мышления: мании, навязчивые идеи, непоследовательность мышления, нарушение причинно-следственной связи, аномальные убеждения. А также тематическую паралогию – не имеющие отношения к делу, бессмысленные ответы на задаваемые простые вопросы при полном их понимании. Существует даже специальный немецкий термин „Vorbeireden“, что можно перевести как „ходить вокруг да около“».
Майкл сложил руки на груди. Никакого вдохновения – ну и халтуру он сегодня гонит. Он уже давно налил себе пива, но так и не пригубил его. Посмотрел на часы на мониторе. Половина

восьмого. Ассистентка Аманды Лулу так ему и не позвонила. А ведь обещала связаться с ним, после того как съездит на квартиру к Аманде. Почему же она не звонит?
Он еще раз набрал домашний номер Аманды. Голос на автоответчике болью отозвался в его сердце: «Привет, к сожалению, сейчас я не могу вам ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение, я вам перезвоню».
Он попытался дозвониться на мобильник. Но и там та же картина: «Вы позвонили Аманде Кэпстик. Пожалуйста, оставьте сообщение, я с вами обязательно свяжусь».
Он отключился.
«Почему ты не позвонила мне, Лулу?»
Майкл перечитал текст, который набрал на экране. Ну и бред! Ни складу ни ладу. Обычно, когда он садился писать, случалось чудо – к нему приходила муза, слова лились словно бы сами собой.
«Может быть, поехать на квартиру Аманды?
Но Лулу уже отправилась туда».
Он снял трубку, набрал номер справочной и спросил телефон полиции Суссекса.
Ему ответил диспетчер, Майкл поинтересовался, у кого можно получить информацию о ДТП. Его соединили с отделом по управлению уличным движением. Раздался дружелюбный мужской голос:
– Аманда Кэпстик? Одну минуту, сэр. – Последовала пауза, потом голос сообщил: – Нет, сэр, за последние двое суток никто с этим именем в сводках о дорожных происшествиях в Суссексе не упоминается.
– Спасибо. А у вас, случайно, нет списка местных больниц, где имеются отделения скорой помощи? Может быть, ей просто стало плохо.
Ему назвали несколько больниц. Майкл позвонил в две первые и уже собирался набрать номер третьей, когда наконец-то объявилась Лулу. В трубке ревела музыка, он едва слышал собеседницу, хотя она и кричала.
– Майкл Теннент? Привет. Извините за шум. Я в пабе – нигде больше не смогла найти телефон. А в мобильнике сел аккумулятор. Значит, так: я была у Аманды. На звонок в дверь никто не ответил. У одной из соседок есть ключ, и мы вошли внутрь. В квартире все в порядке. Машины ее нигде поблизости нет – я осмотрела всю округу, так что абсолютно уверена: домой Аманда не возвращалась. – После короткой паузы: – Да, кстати, перед отъездом я позвонила ее сестре. Аманда вчера уехала от нее в девять, собиралась в Лондон. Сестра говорит, Аманда выглядела очень счастливой.
Слышать это было для Майкла настоящей мукой. «Очень счастливой». Он вспомнил, как она уезжала со стадиона, как махала ему, такая веселая, такая хрупкая.
«Очень счастливой».
Он вспомнил фильм, который видел некоторое время назад, – «Исчезновение»; там подружка главного героя – или его жена? – пропала со станции техобслуживания автомобилей, и больше ее никто не видел.
Такие вещи случаются.
«Но только не с Амандой, нет, пожалуйста, только не с ней! Ничего плохого с ней произойти не могло, наверняка есть какое-то другое объяснение, простое и логичное, мы с Лулу проглядели его.
Интересно какое?»
– Я звонил в полицию Суссекса, – сказал Майкл. – Начал обзванивать больницы. Я хочу проверить все больницы и полицейские участки вдоль маршрута, по которому Аманда могла возвращаться в Лондон от сестры. И вот еще что. – Он помолчал. – Может, тут замешан тот мужчина, с которым она раньше встречалась?
– Брайан?
– Да.
– Я уже звонила Брайану сегодня. Он заявил, что ничего о ней не знает.
– Аманда удивила меня, сказав, что побаивается его. Когда она была у меня в гостях, возле моего дома какое-то время стояла незнакомая машина, и она нервничала.
– Вряд ли Аманда сейчас с Брайаном.
– Вы так думаете? – Майкл смутился. – Ну ладно.

– Я еду домой, – сказала Лулу. – У меня есть телефоны некоторых ее друзей – обзвоню всех. Вы мне сообщите, если у вас будут новости? У вас есть мой домашний номер?
– Да, вы мне его дали. И вы, пожалуйста, тоже мне позвоните, если вдруг что-нибудь узнаете, хорошо?
– Договорились.

Два часа спустя Майкл связался с Лулу. Предпринятое им планомерное прочесывание полицейских участков и больниц ничего не дало. Не было результатов и у Лулу: та позвонила друзьям Аманды и ее матери, а потом еще раз сестре и снова Брайану.
Майкл вышел на свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. А вернувшись, не обнаружил в почте ни одного нового письма.
Он поставил в микроволновку лазанью с морепродуктами, без аппетита съел ее, вполглаза смотря десятичасовой выпуск «Новостей». Потом вернулся к компьютеру и домучил-таки статью. Она все равно осталась какой-то скучной и бессвязной, но он решил, что сойдет и так. В начале первого он отправил статью редактору в «Дейли мейл».
Снова набрал оба номера Аманды: мобильный и домашний. На всякий случай позвонил в офис, услышал на автоответчике голос Лулу.
Приняв две таблетки парацетамола, Майкл лег в кровать.
В три часа он сунул под язык таблетку мелатонина.
Но уснуть ему все равно не удалось.

47

Томас Ламарк посмотрел на приборы на щитке темно-синего «форда-мондео», принадлежавшего доктору Гоуэлу. Он проверял их все один за другим – это вошло у него в привычку.
Счетчик пробега показывал, что он, покинув Холланд-Парк-авеню в семь часов утра, проехал сто девять миль. Горючего осталось ровно полбака. Давление масла было в норме. Температура тоже. Скорость равнялась нулю. Обороты двигателя приближались к отметке пятьсот.
Никаких красных огоньков на щитке не горело.
Вот и хорошо.
На сиденье рядом с ним лежала перегоревшая лампа с кухни. Кассета с записью голоса доктора Майкла Теннента была вставлена в магнитолу. Вскоре он включит ее снова. Одного раза в полчаса вполне хватает.
Чтобы не забывать.
Томас снова проверил приборы на щитке. Все в порядке. Посмотрел в зеркала заднего вида – сзади тоже нормально. Он еще раз прокрутил все в голове, не забыл ли чего-нибудь сделать, выходя из дома. Запоры на окнах проверил. На дверях тоже. Сигнализацию включил. Молоко в дом внес. Входную дверь запер. Так можно было бороться с провалами в памяти. Пошаговыми проверками.
Попозже он найдет магазин, в котором продаются лампы дневного света. Но он вовсе не по этой причине сидел во вторник, в половине девятого утра, в машине доктора Гоуэла на окраине симпатичного курортного городка Челтнема, ожидая, когда красный свет на светофоре сменится зеленым. Он проехал сто девять миль не для того, чтобы купить лампу.
Зажегся зеленый. Он на всякий случай еще раз посмотрел на светофор. Стоявшая сзади машина загудела. Томас бросил взгляд в зеркало заднего вида, и ему не понравилось лицо человека за рулем. Он посмотрел на светофор в третий раз. Определенно зеленый. Удостоверившись в этом, он поехал дальше.
Сегодня он стал жителем пригорода, едущим на работу. Обычным человеком в обычном автомобиле. Томас остановился перед следующим светофором, посмотрел через окно на машину справа. Еще один обычный человек в костюме, рыжеватые волосы и печальное лицо. Томас взирал на него с завистью. Обычный человек, который едет на работу. Этот человек живет нормальной жизнью. У него наверняка есть друзья и, возможно, жена и дети. Томас кивнул ему. «Я такой же, как ты, – хотел сказать он. – Обычный человек, который спешит на

службу. Я нормальный, с головой у меня все в порядке. Мы с тобой одинаковые. Я тоже нормальный».
Однако водитель машины справа не кивнул ему в ответ. Загорелся зеленый, и он уехал из жизни Томаса. Тот вновь проверил приборную панель, а потом тоже тронулся с места. В Челтнеме он до этого был только один раз, но карта района запечатлелась в его голове, и он точно знал маршрут.
Близ величественного, но слегка обветшавшего комплекса георгианских зданий, построенных в форме полумесяца, парковочных мест имелось в достатке. Томас увидел фасады домов, отделанные серым камнем и отливающие золотом в лучах утреннего солнца, тротуар в кружевной тени листьев. Почувствовал спиной тепло солнца. День обещал быть прекрасным.
Его часы показывали 8:40, а часы в машине – 8:42. Он вспомнил афоризм: «Только тот человек, у которого лишь одни часы, всегда знает точное время».
Томас нажал кнопку воспроизведения на магнитоле и внимательно прослушал голос Майкла Теннента. Когда запись закончилась, он проговорил:
– А сколько пар часов у тебя, доктор Майкл Теннент?
В девять Томас вышел из машины и прошел небольшое расстояние до корпуса номер двадцать. Ступеньки, ведущие к входной двери, были загажены птичьим пометом. Зеленая краска на двери облупилась. Он увидел панель переговорного устройства: та пребывала в состоянии гораздо более сносном, чем само здание. Против кнопок были указаны названия различных организаций. Ага, вот оно – «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций».
Четкий мужской голос бодро прокаркал:
– Слушаю.
Теренс Гоуэл назвал себя.
Послышалось резкое жужжание. Он толкнул дверь и вошел в большой вестибюль с облупившимися кремовыми стенами и обшарпанным красным ковром. Вестибюль был плохо освещен, и в нем стоял запах поражения.
Томас увидел впереди лестницу, а справа – не внушающий доверия лифт. На деревянной настенной панели были перечислены все компании, находящиеся в этом здании. Челтнемский центр бизнес-коммуникаций располагался на втором этаже. Под панелью имелась полочка, на которой лежала разнообразная корреспонденция – в основном рекламные листовки, адресованные фирмам с иностранными названиями.
Где-то в офисе наверху надрывался телефон.
Томас решил подняться по лестнице.
«Почему, интересно, никто не отвечает на звонок?»
Внизу у подножия лестницы к стене было прикручено зеркало, отличное зеркало в позолоченной раме, вот только его давно не протирали. Томас посмотрел на свое отражение, пригладил волосы. Сегодня на нем была одежда Теренса Гоуэла, американца, работающего в Англии. Различия между американцем, работающим в Англии, и англичанином, работающим в Англии, едва ли существовали. Разве что небольшие нюансы. Изучая жителей США по телевизору, Томас обратил внимание, что они чаще британцев носят обручальные кольца. Доктор Гоуэл носил обручальное кольцо из чистого золота.
Он облачился сегодня в надлежащим образом помятый кремовый костюм из льна, темно-синюю рубашку, желтый галстук и матовые кожаные туфли на толстой каучуковой подошве. Томас заметил, что американцы предпочитают носить обувь не столько модную, сколько удобную.
Он решил, что выглядит убедительно. Отлично выглядит – вылитый Теренс Гоуэл.
Но тут Томас подался чуть ближе к зеркалу. Пригляделся повнимательнее. И испытал настоящее потрясение. Как же это он прежде не заметил?
Томас снял пиджак, изучил левое плечо. На нем отсутствовала крохотная полоска ткани, шириной всего в несколько нитей и длиной менее полудюйма. Видимо, он за что-то зацепился. Когда интересно? Может, выходя из машины?
К счастью, дефект едва ли был заметен: подкладка имела цвет материи, и, чтобы увидеть отсутствие столь крошечного фрагмента, нужно было уж очень внимательно приглядываться. И вообще, доктор Гоуэл – ученый, исследователь. Представители научного сообщества во всем мире не отличаются аккуратностью. Так что это все ерунда.
Он кивнул, и его отражение подтвердило: «Ну разумеется, ерунда».

Вторая дверь направо по коридору. Небольшая медная табличка с названием фирмы на двери выглядела стильно и элегантно. Однако больше ничего стильного и элегантного в офисе не было.
За дверью находилась небольшая комната с телефонным коммутатором, обшарпанным компьютером и приблизительно двадцатью автоответчиками. Одну из стен от пола до потолка занимал деревянный стеллаж со множеством ячеек наподобие тех, что видишь в отеле за спиной у портье. В стеклянном кофейнике, окруженном замызганными кружками, кипел кофе. Голубые облачка сигарного дыма висели под потолком, медленно уходили наружу сквозь щели в жалюзи, защищавшие комнату от солнца.
У стены стояла одинокая клюшка для гольфа. Рядом с ней лежал доверху заполненный бумагами дешевый дипломат с откинутой крышкой. На стене висело несколько покрытых пылью сертификатов, один из которых гласил, что хозяин конторы является членом Челтнемской коммерческой палаты.
Создавалось впечатление, что сперва грузного владельца Челтнемского центра бизнес-коммуникаций усадили на стул за смехотворно маленьким и беспорядочно загроможденным столом, а потом уже расставили вокруг него всю остальную мебель. Среди этого беспорядка Томас разглядел билет национальной лотереи с двумя цифрами, обведенными кружочками. Полный титул хозяина, судя по деревянной табличке на столе, звучал следующим образом: «Николас Р. Лаббингс, бакалавр искусств в области коммерции, магистр бизнес-администрирования». Рядом с табличкой в круглой металлической пепельнице с надписью «Мартини» дымила обслюнявленная сигара. Лаббингс со своего места мог одновременно управлять коммутатором, компьютером и, не сходя со стула, дотягиваться до шкафа с папками. Томас подумал, что этому весьма грузному человеку лет сорока пяти не помешало бы принять ванну и погулять на свежем воздухе. У мистера Лаббингса была большая квадратная голова с отвисшей челюстью и набриолиненными черными волосами, коротко, аккуратно подстриженными на старомодный манер. Его пивной живот торчал из-под синего блейзера, распирая рубашку.
Лаббингс настороженно осмотрел посетителя, но вскоре глаза засветились узнаванием. Томас как-то видел по телевизору документальный фильм про то, как из корабельного трюма при помощи подъемного крана доставали слона. То, как Лаббингс поднялся со стула, напомнило Томасу кадры из фильма.
– Здравствуйте, доктор Гоуэл! Рад вас видеть!
Он сжал руку Томаса так, будто нашел давно потерянного дядюшку-миллионера, энергично потряс ее, свирепо улыбаясь и, несмотря на ранний час, выдыхая пары бренди.
– Доброе утро, мистер Лаббингс, – сухо ответил Томас.
– Утро и впрямь чудесное! Надеюсь, у вас все в порядке?
Еще один выхлоп бренди. Лаббингс отпустил его руку, выплыл из-за своего стола и подкатил Томасу обшарпанное кожаное кресло.
Томас вместо ответа сказал:
– У вас есть для меня посылка.
Зазвонил телефон. Лаббингс поспешил к столу, нажал две клавиши. Мгновенно на экране компьютера высветилась надпись. Лаббингс прочел ее, поднял трубку и сказал:
– «Юго-западная импортно-экспортная компания», слушаю вас.
Томас наблюдал за ним.
– Нет, к сожалению, его сейчас нет на месте. Что ему передать?
Прижав плечом трубку к уху, Лаббингс набрал текст на компьютере, его пальцы бегали по клавиатуре с резвостью, удивившей Томаса.
Не успел толстяк повесить трубку, как телефон зазвонил снова. Лаббингс в извинительном жесте поднял палец, снова стукнул по двум клавишам, прочел на экране название и ответил:
– «Спортивные автомобили Челтнема», слушаю вас.
Томас перевел взгляд на громадный стеллаж с ячейками. Во многих лежали письма и пакеты разного размера. Только теперь он заметил фирменный серый мешок Королевский почты, наполненный письмами, часть которых просыпалась на ковер. Рядом лежало несколько небольших аккуратных стопок. Видимо, Лаббингс сортировал корреспонденцию для различных компаний, которым предоставлял почтовый адрес и прочие подобные услуги.

– «Форд-гранада-скорпио» с пробегом не более пятидесяти тысяч миль? – переспросил Лаббингс. – К сожалению, никого из торговых агентов сейчас нет на месте. Если вы сообщите мне свой телефон, вам перезвонят через несколько минут. – Он опять энергично застучал по клавиатуре, елейно поблагодарил за звонок, а потом обратился к Томасу: – Извините, обычно по утрам активность не такая высокая! Так, теперь ваша посылка… да, конечно. Она пришла вчера. Вы ведь звонили мне, доктор Гоуэл, да? Хотите чая? Кофе?
– Только посылку.
– У меня тут есть новый проспект. Может быть, вас заинтересуют дополнительные услуги? Посмотрите, у вас это займет буквально пару минут.
Он сунул Томасу какую-то замызганную брошюру, потом повернулся к ячейкам и тупо уставился на них.
– Ах да!
Толстяк нырнул под стол и вытащил оттуда большую квадратную коробку с надписью: «Осторожно, хрупкое!» Адресована посылка была доктору Теренсу Гоуэлу, почтовый ящик номер 2876, Челтнем, Глостершир, GL78 RS.
– У нас теперь появилась возможность обрабатывать вашу электронную корреспонденцию. А также голосовую почту. Мы ведь прежде не предлагали вам эти услуги?
– Нет, кажется, не предлагали, – сказал Томас. – Но мне пора. Меня ждут.
– Конечно! Всегда рад вас видеть, доктор Гоуэл. Если вам вдруг понадобятся услуги по организации конференций, мы будем рады помочь. Я могу показать вам наш конференц-зал, если хотите.
– В другой раз. Я спешу.
– Конечно. Не смею задерживать. Заходите в любое время, не стесняйтесь. Ведь это вроде как ваш офис! – И толстяк издал глуповатый смешок.
Томас вернулся к машине. Коробка оказалась тяжелее, чем он предполагал. Ему не терпелось открыть посылку. Но не здесь же.
Он поставил коробку в багажник, убедился, что плотно закрыл его, потом сел в автомобиль, снова вышел, еще раз проверил крышку.
Перед тем как тронуться, он проверил крышку в третий раз.

48

– У вас сегодня встревоженный вид, доктор Теннент, – сказал старик. – Вам трудно сосредоточиться.
Майкл сидел в удобном кресле в своем кабинете в Шин-Парк-Хоспитал и смотрел на бывшего эсэсовца, который устроился на диване, прямой как жердь. Сегодня старик выглядел еще хуже, чем неделю назад.
Черт бы побрал этого Германа Дортмунда. Майкл был сейчас в таком состоянии, что не желал никого видеть. И уж меньше всего эту омерзительную личность.
Он хотел, чтобы прием поскорей закончился и Дортмунд ушел. Майкл посмотрел на часы. Девять тридцать. Через пятнадцать минут у него будет передышка. Он позвонит на работу Аманде, узнать, нет ли каких новостей. Если все по-прежнему, то он уже принял решение, что ему делать дальше. Глаза у него щипало от усталости, но приток адреналина придавал ему энергии.
– Давайте лучше поговорим о вас, – сказал Майкл, стараясь не дать отвлечь себя.

Дортмунд пришел в своей обычной одежде английского джентльмена, этакого сельского жителя: твидовый костюм, слишком теплый для такого прекрасного летнего утра, клетчатая рубашка, перехваченный скромной золотой булавкой галстук, свидетельствующий о членстве в Национальном тресте
[17]
, коричневые замшевые туфли.

Дортмунд сидел, сложив ладони домиком, и смотрел на Майкла своими маленькими холодными глазками. Высокомерным гортанным голосом он произнес:
– Когда я был здесь в прошлый раз, то упомянул о своей способности предвидеть несчастья. Я вам предсказал тогда, что вы потеряете любимую женщину. – В уголках его змеиных губ виднелись капельки слюны. А в голосе слышалось самодовольство. Даже удовлетворение. – Именно ее судьба вас сейчас и беспокоит, доктор Теннент.
Майкл внимательно смотрел на пациента. Как и прежде, он не хотел поощрять извращенные фантазии старика, расспрашивая его о подробностях, однако и проигнорировать то, что сейчас услышал, он тоже не мог.
– Хорошо, – сказал он. – Вы можете что-нибудь к этому добавить?
Не шелохнувшись и не отводя взгляда, Дортмунд ответил:
– Нет.
У Майкла возникло впечатление, что пациент играет с ним.
– Скажите, а почему вы решили, будто я о ком-то волнуюсь?
– Насколько я понимаю, я плачу вам за то, чтобы вы помогали мне, доктор Теннент. А не наоборот.
– Я вам и помогаю, но вы еще на самом первом приеме сказали мне, что пришли в поисках искупления за то, что натворили в Берген-Бельзене. Это ведь ваши слова, разве нет?
– Для меня то, что происходит с вами, не имеет значения. Я просто сделал наблюдение, только и всего.
Майкл оторвал взгляд от старика и погрузился в его историю болезни: он давал Дортмунду время сказать еще что-нибудь.
Но тот упорно молчал. Майкл посмотрел на часы. Осталось десять минут.
– Я прочел в «Таймс» о смерти Глории Ламарк, – произнес наконец Дортмунд. – Актрисы. Она была вашей пациенткой – мне как-то раз довелось сидеть вместе с ней в приемной. Я помню ее по фильму «Двойной нуль» с Майклом Редгрейвом.
Майкл поднял на него пронзительный взгляд. Глаза старика смотрели с упреком… или это ему только казалось? Ну уж нет, он не даст втянуть себя в разговор о Глории Ламарк.
– Я сказал, что мне понравилось, как она играла в этом фильме, – продолжал Дортмунд. – Глория Ламарк обрадовалась. Актрисам легко польстить. Они очень тщеславны. Уверен, вы знаете это не хуже меня, доктор Теннент.
– Вы видели «Список Шиндлера»? – спросил Майкл.
Дортмунд отвернулся. Майкл понимал, что нанес пациенту удар ниже пояса. Нельзя так вести себя с человеком, пребывающим на грани душевного расстройства: он и так весь истерзан чувством вины за те жестокости, которые творил во время войны. Но Майклу было все равно. Если этот престарелый негодяй собирается морочить ему голову, то получит в ответ по полной программе.
Дортмунд до конца приема не сказал больше ни слова. Он взял свою трость с ручкой из красного дерева, поднялся с дивана, нарочито вежливо пожелал Майклу всего доброго и вышел, словно перешагнул через собственную тень.
Майкл сердито захлопнул его историю болезни и вернул папку в шкаф. Он решил отказаться от Дортмунда. Он взялся за этого пациента только потому, что тот заинтересовал его: врач пытался понять, что происходило в голове Дортмунда в годы Второй мировой.
«Откуда берутся преступники? Некоторые люди изначально запрограммированы на то, чтобы творить зло? Или в человеке просто имеется некая предрасположенность к злу, а потом с ним что-то случается? Когда? В детстве? Или когда он взрослеет?
И что такое зло? Почему участники Крестовых походов считали нормальным убивать мусульман, однако убийство нацистами евреев, цыган и инвалидов вызывает всеобщее осуждение?
Можно ли считать нормальным человека, который творит зло? Каким он должен быть: слабым или сильным?»
Майкл набрал рабочий номер Аманды. Ответила Лулу. Она только что безуспешно пыталась дозвониться Аманде домой и на мобильный, еще раз позвонила ее сестре, матери и Брайану. Никаких новостей.
Сердце Майкла буквально разрывалось на части, но голос его оставался спокойным.
– Лулу, – сказал он, – я звоню в полицию.

49

Здание полиции Брайтона видно издалека: оно находится на вершине крутого холма. Никаких архитектурных изысков, построено по типовому проекту – такое встретишь в любом современном городе. Бетон и стекло, запятнанные городской грязью и изъеденные солью, которую ветер приносит с Ла-Манша. Не то чтобы это строение служило украшением города, но и бельмом на глазу его тоже назвать нельзя. Оно отличается своими размерами: это второе по величине здание полиции в Англии.
Герб над входом придает ему официально-начальственный вид. В этой части города живут самые разные люди. Некоторые из них чувствуют дискомфорт, проходя по улице мимо длинной стены из стекла, сквозь которое невозможно заглянуть внутрь. Многие вообще предпочитают не ходить по этой улице.
Офис коронера Брайтона и Хоува расположен на первом этаже и выходит окнами на парковку для полицейских машин и спортивный зал.
Гленн Брэнсон стоял в просторной комнате перед столом Элеоноры Уиллоу, которая присутствовала на вскрытии Коры Берстридж.
– Зачем именно вам нужен ключ? – спросила она.
– Из Лос-Анджелеса прилетает дочь покойной. Я подумал, что квартиру нужно привести в порядок, чтобы дочь не увидела ничего такого, что могло бы ее расстроить, – солгал он.
Элеонора Уиллоу нахмурилась:
– Ну хорошо, если вы считаете это необходимым.
– Вы же не собираетесь приглашать туда криминалистов?
– Нет, – ответила она. – Что касается отпечатков пальцев, то можете не беспокоиться.
Патологоанатом ничего подозрительного не обнаружил. Мы ждем результатов анализа желудочного сока, крови и мочи.
Элеонора Уиллоу встала, открыла ящик шкафа, порылась там и вытащила конверт, на котором от руки было написано: «Кора Берстридж, Хоув, „Полумесяц Аделаиды“, дом 93, квартира 7».
– Только вы уж, пожалуйста, верните мне потом ключи.
– Не беспокойтесь.

Дверь, которую Гленн выломал в четверг, уже вернули на место, и следов его взлома почти не осталось. Без труда справившись с замком, он вошел внутрь и закрыл за собой дверь, довольный тем, что его никто не видел.
Гленн хотел, чтобы ему не мешали, чтобы он мог поразмыслить, чтобы у него было время спокойно все обдумать.
Он уже, насколько то было в его силах, выяснил, как прошел последний день Коры, – расспросил ее соседку, миссис Уинстон, которая, похоже, не спускала с актрисы глаз. Утром Кора дала интервью местной газете «Ивнинг Аргус». Приходил репортер, а потом фотограф. Затем Кора отправилась в магазин: сказала миссис Уинстон, что хочет купить подарок для своей новорожденной внучки (дочь актрисы жила в Америке), что-нибудь небольшое, чтобы можно было отправить по почте. Миссис Уинстон посоветовала ей приобрести какую-нибудь одежду. Кора собиралась навестить дочку на Рождество, она еще не видела внучку и с нетерпением ждала встречи. Она только о внучке в последнее время и говорила, о трехмесячной малышке по имени Британи.
Кора Берстридж ушла из квартиры в начале второго, а миссис Уинстон отправилась навестить свою собственную дочь – больше Кору она не видела.
Гленн стоял неподвижно. Неприятный запах почти выветрился – из квартиры, но не из его головы.
Он постарался представить себя на месте Коры Берстридж. У психологов есть такой прием – влезть в шкуру другого человека, чтобы лучше его понять. Он закрыл дверь на цепочку, которую тоже вернули на место. Потом, вообразив себя Корой, медленно прошелся по коридору. Что он чувствовал?

Он был рад, что получил награду, но одновременно ощущал и усталость – от долгой поездки в город и от жизни вообще.
Он ненавидел старость и безденежье, страдал от одиночества, а будущее представлялось ему ржавыми железнодорожными рельсами, уходящими в туннель.
Гораздо более молодая его версия смотрела на него с афиши спектакля «Время и семья Конвей», где он был запечатлен рядом с молодым Лоуренсом Оливье.
Все в прошлом. Те золотые деньки прошли и уже никогда не вернутся. Ты получил награду за заслуги, произнес речь, после чего должен уехать домой, убраться с глаз долой, умереть в тишине и забвении. Если повезет и умрешь раньше, чем все о тебе забудут, то ты, возможно, удостоишься поминальной службы в какой-нибудь известной лондонской церкви.
Итак, какие у него перспективы? Деньги на исходе, не хватит даже на приличный дом престарелых. Можно, конечно, уехать в Калифорнию, жить вместе с дочерью, стать немощным в городе, где тебя, вероятно, когда-то любили, а теперь ты всего лишь один из бывших. Друзей почти не осталось.
Единственная радость в жизни – внучка Британи, которую ты еще не видел, она живет за семь тысяч миль отсюда. Лучший способ отпраздновать награду – купить подарок Британи.
Хорошо, и где же этот подарок?
Гленн прошел в гостиную. Комнату заливали лучи яркого солнца. На стене плясали солнечные зайчики. Серебряный портсигар на кофейном столике ослепительно сиял. А в углу мигал какой-то красный огонек. Да это же автоответчик, на столике в нише близ окна. Гленн подошел к нему. Одиннадцать сообщений. Он нажал клавишу «прослушать».
Тут были не только новые записи, но также и те, которые он прослушал в четверг, но не стал стирать. Просьбы об интервью, поздравления от друзей – все это вечером в четверг, пока не опубликовали известие о смерти Коры Берстридж. Одно сообщение оставил некий Брайан Уиллоуби, представитель фирмы по установке стеклопакетов: он проинформировал ее о летних скидках.
В квартире было очень душно. Стеклопакеты у Коры Берстридж уже имелись. По набережной пронесся грузовик, однако шума его почти не было слышно. Стеклопакеты не выпускали мух наружу. Одна из них билась о стекло. Еще две, дохлые, лежали на подоконнике. Как хорошо, что Гленн сегодня пришел: по крайней мере, избавит дочь Коры от этого зрелища.
Откуда же все-таки взялись в квартире трупные мухи?
Гленн посмотрел в окно: дорога с интенсивным движением, променад, галечный пляж, мокрый песок. Волны, бьющиеся о волнолом. Низкий прилив. Мелководье. Он вспомнил деда. Мели. «Самые опасные места для кораблей – мели. Самые опасные скалы не те, которые ты видишь, а те, что скрываются под поверхностью воды».
Чего он не видит?
Гленн снова вернулся в шкуру Коры Берстридж.

> Стояла ли здесь такая же жара в прошлый вторник? Распахнул бы я окно?
> Он попытался, но окно оказалось закрыто на замок.
> Где я держу ключ?

> Кора была помешана на безопасности. Да к тому же многие пожилые люди боятся сквозняков и не возражают против жары. Ладно, он еще проверит окна, но сначала:
> Я купил подарок внучке? Куда я его положил? Или я отослал его, перед тем как покончить с собой?

И тут он увидел пакет. Большой стильный темно-синий пластиковый пакет, крепко завязанный, с надписью «Ханнингтонс».
Гленн открыл пакет. Внутри увидел розовый детский комбинезончик. Вытащил его, развернул. Крохотные рукава, крохотные брючки. На груди большими буквами написано: «ЧЕМПИОН».
Он положил подарок обратно в фирменный пакет. «Ханнингтонс» был лучшим универмагом в Брайтоне. Конечно, у Британи должно быть все только самое лучшее. Бабушке дозволено баловать ребенка! У Гленна в этом отношении имелся богатый опыт. Мать Ари была без ума от Сэмми.

> Он подошел к окну, его мозг начал лихорадочно работать.
> Я – Кора Берстридж, я пребываю в депрессии и собираюсь покончить с собой. Накануне я получила премию Британской киноакадемии, на эту премию я покупаю детский комбинезончик и собираюсь отправить его своей крошечной внучке Британи, которая вместе с родителями живет в красивом доме в Палмсе, к северу от Уилшира, на Беверли-Хиллс. Я воображаю себе, как Британи будет выглядеть в обновке.
>
> Я прихожу домой и… Почему я кончаю с собой, даже не отправив подарок?

Это было лишено смысла.
Гленн оглянулся, осмотрел темный коридор, ведущий в спальню Коры Берстридж, и содрогнулся, вспомнив, какую картину застал здесь в прошлый четверг.
Он почувствовал, что вся атмосфера квартиры давит на него. Могильная тишина. Такое ощущение, что Кора Берстридж до сих пор так и не покинула это место. Видно, недаром говорят, что духи умерших бродят среди нас до самых похорон. И только потом уже переселяются в мир иной.
Тени повсюду. Может быть, одна из них – тень Коры?
Может быть, она недовольна его приходом?
«Думаешь, я вмешиваюсь в чужую жизнь и в чужую смерть только из любопытства, воспользовавшись случаем побывать в квартире великой актрисы? Нет, Кора, это неправда. Я делаю это, чтобы помочь тебе».
Гленн снова заглянул в пакет из «Ханнингтонса» и обнаружил там чек. Подарок для малышки Британи стоил пятьдесят семь фунтов.
Сумасшедшая сумма!

> Я потратил пятьдесят семь фунтов – огромные для меня деньги – на подарок внучке. Я хотел увидеть, как она ползает в этом комбинезончике, радостно гукая. Я собирался отправить подарок по почте, а несколько недель спустя получить в ответ целую пачку фотографий Британи в обновке. Я бы поставил их на каминной полке и в кухне, а парочку носил бы с собой в сумочке.

Гленн положил чек назад в пакет. Потом вытащил из кармана резиновые перчатки, надел их.
Нет, Кора Берстридж не покончила с собой.
Теперь он был уверен в этом на сто процентов.

50

Провал в памяти. Темнота в голове. Темнота снаружи.
Темнота в ушах, в глазах, во рту, в легких. Аманда набрала темноту в легкие, выдохнула. Втянула носом ее запах.
Она вращала глазами туда-сюда, однако нигде не видела совсем ничего – ни внизу, ни наверху, ни справа, ни слева.
Аманда лежала на спине – это она понимала. Больше ничего.
Усталость. Ее кости словно налились свинцом. Она слишком устала и не могла противиться силе тяжести, а потому лежала неподвижно, словно выброшенная на берег сознания отступившим отливом сна.
Дыхание.
Она пребывала в некоем состоянии пробуждения. Гипнагогическом, дремотном. Мысли Аманды лихорадочно метались. Вроде бы гипнагогическими называют ненормальные состояния при засыпании или во время сна, а гипнопомпическими – при пробуждении. Или наоборот?

Она пыталась вспомнить, где находится. Интересно, что это за место, где стоит такая кромешная тьма?
Аманде было холодно, но при этом она потела. Ее кожа испаряла влагу, которая проникала сквозь одежду, сквозь волосы. Ее трясло. Жарко, холодно, жарко, холодно.
Лихорадка.
Темнота пахла цементом и чем-то еще, похожим на антисептик, хотя…
«Может быть, я умерла?
Спокойно, попытайся разобраться во всем по порядку».
Аманда закрыла глаза, потом снова открыла. Ничего не изменилось. Вокруг была темнота. В горле у нее горело. Темнота. Она моргнула. Темнота.
Слишком жарко.
«Я знаю этот запах».
Аманда подумала, стараясь сдержать нараставшую в ней панику, уж не ослепла ли она во сне. Такие случаи известны. Люди ложились спать зрячими, а просыпались слепыми. Инсульт. Отслоившаяся сетчатка. Паника все сильнее охватывала ее, она попыталась нащупать рукой выключатель. Прикроватный столик находился справа. На нем стояли стакан с водой, радиоприемник с таймером и лампа, а также лежали платок и часы.
Ничего. Ее рука нащупала что-то холодное, неровное, жесткое… Да что же это такое? Камень? Бетон?
Аманда моргнула еще раз, сжала веки и в полной тишине прислушалась к биению собственного сердца. Она чувствовала, как сердечный ритм то ускоряется, то замедляется. Кровь шумела у нее в ушах, словно она прижимала к ним морские раковины.
«Добрый Боженька, прошу Тебя, пожалуйста, не дай мне ослепнуть».
Аманда попыталась сосредоточиться и что-нибудь услышать. Рядом с ней должен спать человек. Кто? Майкл? Брайан? Она пошарила рукой в темноте, но ее пальцы находили только холодную шершавую поверхность.
«Кто-нибудь, скажите мне, где я? Что со мной случилось? Что это за запах, похожий на больничный, но не больничный?
Я в больнице?
Пожалуйста, скажите мне, что я не ослепла!»
Ее тело сообщило ей, что она лежит на матрасе. Ее рука сказала, что под матрасом каменный пол. Разгадка крылась в запахе. Аманда цеплялась за него – этот приторный, терпкий запах, который обжигал глаза и горло.
Где-то должен быть выключатель. Или звонок. В больницах всегда есть звонки. Над кроватью. Она подняла руку, но ничего не нашла – ни стены, ни выключателя, ни звонка. Только пустота и темнота.
Уши у нее болели, трещали, паника давила на них, она словно бы находилась в набирающем высоту самолете или погружалась глубоко под воду. Аманда нащупала нос, зажала ноздри, выдохнула. Уши вроде как прочистились, но паника уже вызвала цепную реакцию. Она отчаянно хватала ртом воздух, ноги свело судорогой. Она начинала сходить с ума.
«Успокойся. Постарайся рассуждать логически. Прислушайся».
Тишина вокруг стояла, как в гробнице.
«Попытайся вспомнить, – сказала она себе. – Отмотай пленку назад».
Но с какого момента назад? Итак… Она лежала в постели с Майклом, они занимались любовью, и…
Возле дома стояла машина. Человек в машине следил за ними.
Брайан?
Аманду пробрала дрожь. Она нащупала пальцами рот. Пососала кончик пальца, кожа была теплой. Ощутить прикосновение кожи было приятно: такое облегчение почувствовать в этой темноте что-то живое, пусть даже всего лишь и часть себя самой.
«Мне надо пописать.
Я не знаю, где тут туалет.
Господи Исусе, я не могла ослепнуть».
Аманда отложила мысль о посещении туалета на потом.
«Нужно сперва сообразить, что происходит, понять, где я. Тогда я вспомню, где выключатель, и смогу найти туалет. Нет, я не ослепла, просто здесь очень темно, только и всего.

НЕ ОСЛЕПЛА.
Где я? Можно сообразить это по одежде, которая на мне».
Аманда прикоснулась к левому запястью – «Ролекс», подаренный ей Брайаном много лет назад, был на месте. Эх, жаль, что у этих часов не светящийся циферблат! Аманда принялась ощупывать себя. На ней была футболка. Джинсы от «Версаче» – она нащупала фирменную металлическую шишечку. Ее любимый пояс – она купила его в магазине на Менорке два года назад. Колготок нет. Черные туфли без каблуков.
Когда она все это надела – вчера? Она отправилась вместе с Майклом на гонки. Память постепенно возвращалась. Потом она поехала к Ларе. Ее маленькой племяннице исполнилось четыре года. Фокусник вытащил белого кролика из стеклянной банки.
А потом?
Потом она поехала назад в Лондон, и…
Пустота.
Ее рука нащупала камень и пустое пространство. Потребность помочиться становилась все настоятельнее.
«Нужно подняться, сориентироваться, найти туалет. Где я? В конце концов, это смешно. Может быть, я сплю?
Да. Сплю. Хорошо. Это просто сон, похожий на правду. Через минуту я проснусь».
Аманда повернулась на бок, скатилась с матраса, уперлась коленями в каменный пол, потом поднялась. В темноте она не могла сориентироваться, и ее покачивало. Она споткнулась, упала, сильно ударилась и вскрикнула: руку обожгло болью.
«Господи Исусе!»
Голова у Аманды кружилась. Она снова встала на колени. Поднялась, на этот раз медленнее. Выпрямилась.
«Так, не качаться. Стой спокойно, оставайся на месте. Вот так, умница.
Горло жжет. Я была на дне рождения племянницы, а потом поехала обратно в Лондон. Добралась до дома, припарковалась, взяла сумочку, заперла машину, открыла входную дверь, вошла в холл, проверила почту, несмотря на воскресенье.
А потом?»
Опять провал.
Непроявленная фотография.
Темная густая жидкость плескалась в ее черепной коробке. Лист фотобумаги плавал в ванночке, и на нем медленно проявлялось изображение. Изображение человека, который спускался по лестнице, ведущей в ее квартиру: высокий, красивый, он приветственно протягивал ей руку. Мужчина широко улыбался Аманде, как старый приятель, хотя она не могла его вспомнить и даже не была уверена, что они виделись прежде.
– Аманда! Рад тебя видеть! Вот так сюрприз! А что ты тут делаешь?
Он пожал ей руку. Она почувствовала слабый укол в ладонь, словно кольцо на его пальце впилось ей в кожу. Да кто же это такой, черт возьми?
– Я здесь живу! – Она помнила, как сказала эти слова.
А потом – пустота.

51

Северный Лондон. Улицы переполнены народом – время ланча; неожиданная перемена погоды застигла людей врасплох: пиджаки у прохожих сняты, галстуки ослаблены, под мышками влажно от пота. Все как и у него самого. От вчерашнего дождя не осталось и следа, и широкая улица с грязноватыми викторианскими домами выглядела сейчас безводной пустыней. Листья на деревьях, казалось, уже успели запылиться.
Рубашка Майкла прилипла к груди, и лишь на пояснице скопилась лужица пота. Его автомобиль медленно полз по Росслин-Хилл за дымящим грузовиком, открытый атлас лондонских улиц покоился у него на коленях. Майкл клял себя за то, что пожалел денег на кондиционер. Окна в машине были опущены, вентилятор со всей силой дул ему в лицо. Страницы атласа трепыхались на ветерке, и каждые несколько секунд брошюра, лежавшая

рядом с его мобильником на пассажирском сиденье, то раскрывалась, то вновь захлопывалась. Эту брошюру дала ему Лулу: рекламный проспект компании «20–20 Вижн», в котором имелись две фотографии Аманды. Под одной из них, высотой в два дюйма, было напечатано ее краткое резюме, а на другой Аманду запечатлели издалека, в движении, так что лицо едва ли можно было рассмотреть.

«Аманда, где ты, черт побери? Что с тобой случилось?»

Может быть, она лежит в кювете в перевернутой машине? Или Брайан похитил ее и убил в приступе ярости? Ревность – страшная штука. Она могла утонуть или потерять память. Люди иной раз теряют связь с реальным миром.

Или…

Майкл выкинул из головы мысль о том, что Аманда могла стать жертвой какого-нибудь маньяка. Правда, серийных убийц Фреда и Розмари Уэст поймали, но по улицам Лондона вполне могли гулять и другие монстры, ничуть не лучше.

«Господи, пожалуйста, пусть окажется, что Аманда жива и здорова».

Без десяти минут час. Тельма, его секретарь в Шин-Парк-Хоспитал, поработала на славу: ей удалось перенести на другое время прием трех его пациентов (одного утреннего и двух дневных), так что в результате у Майкла образовалось окно в три с половиной часа. На пятнадцать сорок пять был записан Теренс Гоуэл, до которого Тельма дозвониться не смогла. По расчетам Майкла, он к этому времени уже должен был вернуться. Непременно надо успеть. Он никогда не подводит пациентов.

Двигаясь вверх по склону холма, он прямо впереди перед собой увидел здание полиции – довольно величественное сооружение красного кирпича с массивным флагштоком без флага. Хэмпстедское отделение находилось ближе всего к дому Аманды, и детектив, с которым он говорил, попросил его приехать и написать заявление. По телефону такие вещи не делались.

Майкл припарковался на боковой улочке, сунул в карман мобильник, отчаянно надеясь, что тот вскоре зазвонит и он услышит голос Лулу, которая скажет ему: «Аманда вернулась, все в порядке!»

Майкл застегнул верхнюю пуговицу рубашки, подтянул галстук, вышел из машины, надел легкий темно-синий пиджак, а потом взял брошюру. Он вошел в отделение и направился к той части стойки, где была надпись: «Подача заявлений». Увидел кнопку с надписью: «Нажмите для вызова сотрудника». На стене висел плакат, предупреждавший: «ВОРОВСТВО ВСЕГДА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТЮРЬМОЙ». Правильно, надо заниматься профилактикой преступности. Рядом Майкл увидел еще один плакат – фотография маленького мальчика и подпись: «ПРОПАЛ РЕБЕНОК – ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЕГО?»

По другую сторону стойки находилось несколько столов, однако сотрудников за ними не наблюдалось. Единственной живой душой здесь была неопрятная девица лет девятнадцати-двадцати; она молча ждала на стуле, а рядом с ней сидела такая же замызганная собака на коротком поводке. «Помесь колли с боксером», – предположил Майкл.

Он нажал кнопку, которая сильно завибрировала; раздался резкий звонок. Несколько секунд спустя дверь открылась, и к стойке подошла женщина-полицейский.

– Вы по какому вопросу?

– Я договорился о встрече с детективом-констеблем Джилпином.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Доктор Теннент.

– Спасибо. Сейчас уточню, на месте ли Джилпин. Кажется, он куда-то ушел. – Она посмотрела на список номеров, сняла трубку: – Привет, это Сью из приемной. Роджер здесь? Нет? Я так и думала. Пришел доктор Теннент, Роджер должен был его принять. – Она кивнула, потом обратилась к Майклу: – К сожалению, его срочно вызвали. Вам именно Джилпин нужен или кто-нибудь другой может решить ваш вопрос?

– Я хочу заявить об исчезновении человека, – сказал Майкл, подавляя в себе вспышку гнева. У него срочное дело! А вдруг Аманде грозит опасность? За время работы психиатром у Майкла было несколько пациентов, у которых пропали дети, и он прекрасно знал, что полиция не спешит начинать поиски, если нет явных свидетельств преступления.

Минуты две спустя дверь снова открылась, и появился человек лет тридцати, облаченный в желтую рубашку с открытым воротом. Мужчина обладал мощным сложением игрока в регби; избыточный вес явно доставлял ему неудобство в такую жару, о чем свидетельствовали

капельки пота на щеках и влажные пятна на рубашке. Коротко подстриженные волосы; на широком лице приветливое, немного детское выражение.
Он вопросительно посмотрел на Майкла:
– Доктор Теннент?
– Да.
– Извините, детективу-констеблю Джилпину пришлось срочно уехать. Могу я вам помочь?
Он смотрел на него добрыми глазами и говорил тихим голосом, но при этом имел вид человека, который вполне может за себя постоять.
– Да. Я хочу заявить об исчезновении женщины. Уверен, с ней определенно что-то случилось.
Полицейский нахмурился:
– Доктор Теннент? А вы, случайно, не тот доктор Теннент, который ведет программу на радио?
– Он самый.
Майкл обрадовался, что его узнали: может быть, теперь к его заявлению отнесутся более серьезно.
Его собеседник улыбнулся:
– Моя невеста – большая поклонница вашей передачи. Никогда ее не пропускает.
– Спасибо, – сказал Майкл.
– Не за что, она о вас и правда очень высокого мнения. Вот обрадуется, когда узнает, что я лично с вами познакомился! Давайте пройдем в кабинет. Не хотите чая или кофе?
– Кофе, если можно, – ответил Майкл. А потом (хотя он всегда пил черный кофе) добавил: – С молоком и сахаром.
Они вошли в крохотную комнатку, настоящую душегубку, с единственным окном из матового стекла, не открывающимся и расположенным очень высоко. Помещение насквозь пропахло табаком. Здесь был вентилятор, и полицейский включил его, а потом сел напротив Майкла за поцарапанный металлический стол, открыл блокнот и вытащил шариковую ручку. Эта комната напомнила Майклу радиостудию, даже стены здесь были такого же коричневого цвета. Вентилятор без толку гонял по кругу горячий воздух.
Записав основные сведения об Аманде, полицейский спросил:
– А мисс Кэпстик не страдала от депрессии? Или от каких-нибудь душевных болезней?
– Уверен, что нет.
Внимательно глядя в лицо Майкла, детектив задал следующий вопрос:
– Между вами не было никаких ссор?
– Абсолютно никаких. Мы… – Майкл оборвал себя, потом решил, что лучше сообщить всю правду: – Напротив, во время последней нашей встречи мы с ней оба были необычайно счастливы.
– Хорошо. Расскажите, что случилось в тот день, когда вы видели мисс Кэпстик в последний раз.
Майкл сообщил ему все, что знал, – занятие оказалось трудоемким, он говорил, потом замолкал, ждал, когда полицейский запишет его слова. Закончив рассказ, Майкл вручил собеседнику проспект с фотографиями Аманды.
Тот рассмотрел их.
– Очень привлекательная молодая женщина, – сказал он, возвращая брошюру.
– Вы не оставите это у себя? – удивленно спросил Майкл.
– Не на данном этапе, сэр.
Майкл сердито посмотрел на него:
– Как прикажете вас понимать?
– Сэр, при всем моем уважении – пока еще прошло всего сорок восемь часов. Мы, конечно, хотим оказать вам всю возможную помощь, но… Мисс Кэпстик совершеннолетняя, она нормальная женщина, не страдает душевными заболеваниями. Не исключено, что ей просто захотелось побыть некоторое время в одиночестве.
– Сорок восемь часов – срок вполне достаточный для того, чтобы умереть от потери крови, если она попала в автокатастрофу. Или чтобы быть убитой, если ее похитили.
Полицейский положил ручку и подался вперед, внимательно глядя Майклу в глаза:
– Что, по вашему мнению, с ней могло случиться, сэр?
Под его пронзительным взглядом Тенненту стало не по себе. Он знал, что у полиции неминуемо возникнут подозрения на его счет – он последний видел пропавшую женщину.

Майкл рассказал об отношениях Аманды с Брайаном, о том, как она испугалась неизвестного автомобиля, стоявшего возле его дома, и полицейский все это записал.
– Вы не знаете, сэр, у мисс Кэпстик были враги?
– Мне она ничего такого не говорила.
– А она появлялась в каких-нибудь своих фильмах в кадре? В качестве интервьюера или рассказчика?
– Понятия не имею. А что?
Полицейский пожал плечами:
– Знаменитости нередко становятся жертвами неадекватных личностей. На данном этапе это всего лишь соображение. Я бы на вашем месте особо не беспокоился.
– Мне очень трудно не беспокоиться. Аманда – женщина весьма разумная, деловая и ответственная. Даже если допустить, что она по каким-то причинам решила никогда больше не встречаться со мной, она бы ни за что не пропустила деловую встречу и обязательно поставила бы в известность сослуживцев.
– К сожалению, такое бывает чаще, чем вы думаете, сэр. Люди исчезают, а потом спустя несколько дней появляются со вполне приемлемыми объяснениями. Вы, как психиатр, наверняка сталкивались с такими прецедентами.
Майклу и в самом деле были известны подобные случаи, однако он промолчал, не желая это признавать. Врач в упор смотрел на собеседника, не собираясь отступаться. Он хотел, чтобы полиция занялась поисками Аманды. Немедленно.
– И что вы намерены делать? И намерены ли вообще? – раздраженно поинтересовался он.
– На данном этапе, сэр, мы разошлем ориентировки по всем отделениям полиции Суссекса и Лондона. – Детектив улыбнулся, пытаясь приободрить Майкла. – Доктор Теннент, из уважения к вам я лично займусь этим и оповещу всех, но на данном этапе мы больше ничего сделать не сможем.
– А когда сможете? – спросил Майкл; злость его становилась все сильнее. – Когда найдете труп?
Полицейскому хватило совести слегка покраснеть.
– Сэр, мы ежегодно получаем заявления о пропаже двухсот пятидесяти тысяч людей. Большинство из них находится. Я уверен, что и с вашей знакомой тоже все будет в порядке. – Он залез в карман рубашки, вытащил визитку. – Сэр, если вам понадобится связаться со мной – вдруг появятся какие-нибудь новости, или же вы захотите сообщить дополнительную информацию, – пожалуйста, звоните в любое время дня и ночи. Здесь номера моих телефонов – прямого служебного и мобильного. Всего вам доброго!
Майкл посмотрел на визитную карточку. Там было напечатано: «Саймон Роубак, детектив-констебль».

52

Платья. Туфли. Коробки со шляпками. Парики. Шелковые шарфики. Шкатулки с ювелирными изделиями. Две комнаты квартиры Коры Берстридж оказались забиты исключительно этим добром. Гленн не мог поверить, что у звезды было столько одежды.
В одной из шкатулок, стоявших на комоде, он нашел усыпанные бриллиантами старинные часы «Картье»; были в шкафах и ящиках и другие великолепные ювелирные изделия.
Повсюду царил порядок, если только вообще можно навести порядок, когда хранишь дома такую уйму всякой всячины. Никаких признаков того, что тут побывал незваный гость. Однако картина изменилась, едва только Гленн открыл дверь в чулан при кухне.
Там он увидел хаос. Таз и ведро были перевернуты, щетка для чистки ковра небрежно брошена на ящик из-под шерри, несколько предметов одежды сорвались с крючков и упали вниз, тряпка и щетка лежали рядом с жестянкой чистящего средства, содержимое которого просочилось на пол.
Над его головой сверкнул свет. Он проникал через слегка сдвинутую крышку люка, ведущего на чердак.
Неужели наверху кто-то есть?

Гленн замер. Крышка люка была всего в футе от его головы, он мог легко дотянуться до нее рукой в перчатке. Гленн прислушался, замер, затаил дыхание. Тут захрипела его рация, и он выключил ее, чтобы не пропустить ни одного звука. Ничего. Где-то внизу тихонько играла музыка: вероятно, в квартире этажом ниже кто-то бренчал на пианино.

Гленн поднял руки, уперся ладонями в крышку. В нем было больше шести футов роста, а вот Коре наверняка требовалась стремянка. И где же она? «Когда ты в последний раз поднималась туда, Кора?»

Он сдвинул крышку еще чуть-чуть. В резком свете виднелись балки. Их состояние показалось Гленну вполне удовлетворительным. Нижняя обшивка кровли в нескольких местах обвисла, но и только. Осторожно отодвинув крышку в сторону, Гленн ухватился за края люка и подтянулся. Просунув голову на чердак, он увидел возвышавшуюся над ним фигуру, вперившую в полицейского холодный взгляд.

Мурашки побежали у него по коже. Руки невольно разжались, и Гленн рухнул вниз.

«О господи!»

Гленн пятился из чулана, сердце бешено колотилось в груди. Он видел перед собой только эту фигуру: холодная улыбка, лоснящиеся губы, длинные светлые волосы, шелковый халат до пола.

«Возьми себя в руки, старик!

Это всего лишь долбаный манекен, идиот!»

Он вспомнил. Ну конечно же. «Госпожи нет дома». Один из лучших фильмов Коры Берстридж, ужастик что надо, она играла в нем обезумевшую от страха жертву маньяка, роль которого исполнял Энтони Перкинс, звезда триллера «Психо». В кульминационной сцене Кора устроила для него ловушку, одев этот манекен в свою одежду и поставив в комнате за полупрозрачным занавесом. Сама же она спряталась за дверью с топором и, когда злодей вошел, зарубила его.

Гленн вернулся в чулан, правда шел он медленно, снова подтянулся и посмотрел наверх. Вид манекена и во второй раз напугал его не меньше прежнего. Гленн внимательно вгляделся, он не спешил, хотел быть уверенным в том, что тот не движется, что перед ним не призрак.

Манекен был сделан необычайно искусно, он казался чудовищно, просто ужасающе реальным.

«А ловко ты меня разыграла, Кора. Жаль только, что мы не можем вместе посмеяться над этой шуткой».

Гленн подтянулся и влез на чердак, для надежности упираясь ногами в стены. Вот почему одежда оказалась на полу, понял он. А вместе с одеждой тряпка, щетка и жестянка с чистящим средством.

Он встал на колени, оглянулся. Перед ним с потолка свешивалась единственная лампочка. Большая цистерна для воды. Чемоданы и сундуки вокруг. Стопки фотографий или картин в оберточной бумаге, обвязанные бечевкой и покрытые многолетней пылью. На манекене тоже был слой пыли, а с парика свисала паутина.

Он попал в сокровищницу, где Кора Берстридж хранила свои реликвии, и Гленн пожалел, что у него нет времени хорошенько рассмотреть их. Он поднялся и сосредоточился: у него сейчас совершенно иная задача.

Может быть, Кора поднималась сюда и забыла выключить свет?

> Хорошо, я – Кора, что я здесь ищу? Я вернулась домой, купив подарок для внучки Британи. Люди присылают мне цветы, поздравляют по телефону с наградой, я приношу стремянку, поднимаюсь на чердак. Что я здесь ищу?

> Что-то для Британи? Или, может быть, нечто такое, о чем напомнила мне вчерашняя награда?

Гленн вытащил маленький фонарик, включил его, провел лучом по сундукам, чемоданам, коробкам. Пыль, паутина, мышиный помет. Все эти чемоданы и сундуки не открывали уже многие месяцы… а может быть, и годы.

Ступая только на балки и пригибаясь, чтобы не стукнуться головой, он пошел по чердаку в темноту, туда, куда не доставал свет лампочки. Потом повернулся и посмотрел на манекен. Ну и жуть! Заглядевшись, Гленн угодил своей лысой головой в паутину, которую сплел большой

паук. Полицейский отпрыгнул в сторону, с отвращением стряхнул ее. И тут же почувствовал, как лапки убегающего паука щекочут его шею. Он, вздрогнув, ударил по шее ладонью:

– Тьфу, пакость! А ну брысь!

Гленн повел плечами, встряхнулся. И в этот момент луч фонарика выхватил из темноты нечто такое, что он поначалу принял за мотылька, уснувшего на подпирающем крышу деревянном столбе.

Освободившись от паука, он подошел поближе и присмотрелся. С гвоздя свисал крохотный лоскуток одежды. Где-то на высоте его плеча.

Он присмотрелся внимательнее. Нити кремового цвета. Неужели Кора зацепилась здесь за гвоздь? Но в Коре было всего пять футов четыре дюйма. А тот, кому принадлежал лоскуток материи, был на голову выше актрисы.

Гленн не стал трогать клочок, даже не прикоснулся к нему, а двинулся дальше, к прямоугольнику света, видневшемуся в дальнем конце чердака. Подошел поближе, направил в ту сторону луч фонарика и увидел старинную проржавевшую перегородку, за которой начиналась пожарная лестница. Видимо, долгие годы здесь никто не бывал.

Выход на лестницу перекрывался дверью с навесным замком. Вот только дверь эта была сорвана с перегородки и висела перекошенная; в ней торчали четыре ржавых шурупа, а в перегородке зияли четыре отверстия.

Кто-то вышиб эту дверь. Причем совсем недавно.

53

В 1966 году Би-би-си запретил показ документального фильма, снятого для них режиссером Питером Уоткинсом и рассказывающего о вымышленной ядерной атаке на Великобританию. Назывался он «Игра в войну». В него входили кадры теней на стенах Хиросимы – сгоревшие останки десятков тысяч людей, застигнутых атомным взрывом. Там были кадры и с другими людьми, которым повезло еще меньше – с них целиком сходила кожа, они слепли, умирали в муках.

Огласка, сопутствовавшая запрету, привела к тому, что фильм «Игра в войну» стал хитом в артхаусных кинотеатрах на закрытых просмотрах. Глория Ламарк тоже попала в число избранных. Впоследствии, как и многие другие, кого испугало увиденное, она решила оборудовать под домом противорадиационное убежище на случай ядерной атаки. Оно должно было находиться под нынешним подвалом дома и иметь бетонные стены толщиной в три ярда. Как и остальные люди, построившие себе убежища, Глория Ламарк держала это в тайне. В случае ядерной атаки любой, кто знает о твоем убежище, убьет тебя, лишь бы попасть туда первым. Она ловко замаскировала его. Если спуститься по лестнице в конце коридора, то попадешь в небольшой спортивный зал, где есть велотренажер, гири, гребной тренажер и беговая дорожка. За деревянной дверью – маленькая сауна. Вход в убежище находился под сауной: толстая железная дверь наподобие той, какими оборудованы банковские хранилища. За дверью был тамбур, оснащенный камерой слежения. Вторая дверь, не уступавшая первой, выходила на винтовую лестницу, ведущую в само убежище, перед которым имелась еще и третья дверь.

Убежище состояло из нескольких помещений, каждое герметично закрывалось стальными дверями, похожими на водонепроницаемые переборки на корабле. Если в один из отсеков проникнет радиация, остальные не пострадают. В убежище имелись вентиляция, устройство для очистки воздуха, генератор и водоочистная система. Глория Ламарк сделала все, чтобы в случае необходимости они с Том-Томом могли оставаться здесь несколько месяцев, питаясь консервами и утоляя жажду заблаговременно заготовленными запасами воды.

Однако стоимость противорадиационного убежища оказалась астрономической. Ко времени окончания строительства страхи экстравагантной дамочки значительно уменьшились. Глория так и не провела сюда водопровод, не поставила очиститель воздуха, не заполнила кладовую продуктами. Вместо этого она повесила замок на входную дверь и иногда запирала там маленького Томаса, если он плохо себя вел. Когда сын стал подростком, она перестала

наказывать его таким образом, а после 1975 года и вовсе ни разу не спускалась в убежище. По правде говоря, Глория просто забыла о его существовании.
Но Томас не забыл.
И теперь в закупоренной камере противорадиационного убежища, в тридцати футах ниже поверхности земли, лежала в кромешной темноте Аманда Кэпстик, оглушенная стуком собственного сердца.
Она только что упала еще раз. Зацепилась за матрас. И сейчас лежала неподвижно, прижавшись ухом к холодному полу, прислушивалась. Но темнота была слишком громкой. Она засасывала каждый хрип ее дыхания, а потом возвращала его, звук усиливался до оглушающего. Ее уши пульсировали страхом. Она представляла собой одну сплошную массу пульсирующей плоти. Пульсации, мысли, боль – вот что отделяло ее от окружающей пустоты. А также потребность помочиться.
Аманда снова поднялась на ноги, с каждым мгновением чувствуя все большую тревогу, отчаянно пытаясь сообразить, где же она находится.
«Не спеши».
Надо обследовать эту головокружительную темноту, обнюхать ее, попытаться понять, что это за едкий запах. Ей было трудно держаться прямо. Каждые несколько секунд Аманда теряла ориентацию, ударялась о стену или спотыкалась о матрас и снова падала.
Но как бы здесь ни было темно, наверняка она найдет место, где есть хоть немного света, проникающего из-под двери, из окна, через трещину в потолке. Однако ничего такого она не видела. Нигде не находила облегчения от невыносимого мрака этой пустоты.
Аманда потрогала собственное тело, проверила его, убедилась, что она все еще жива и состоит из плоти. Провела пальцами по волосам. Нет, она не умерла. Определенно не умерла.
Один раз она проводила съемку в палате, где лежали люди, перенесшие инсульт. Некоторые из них оказались заключенными в тюрьме собственного тела: глухие, немые и слепые, но при этом полностью осознававшие действительность.
«Неужели и со мной произошло то же самое?
Если бы мне только удалось найти сумочку. Там есть зажигалка».
Потребность помочиться стала такой настоятельной, что заглушила все прочие мысли. Аманда пыталась отвлечься, но уже через минуту желание усилилось стократ. Очередной приступ вызвал у нее такую боль, что по щеке скатилась слеза. Она встала, прислонилась спиной к стене и скрестила ноги; ее трясло, она потела, внутренности у нее закручивались, словно кто-то завязывал их жгутом.
Наконец позыв прошел. Можно передохнуть несколько минут.
«Если бы я лежала в больнице, парализованная, слепая, то мне бы поставили катетер».
Она снова позвала на помощь. Но тут мочевой пузырь вновь напомнил о себе, разом заставив девушку забыть обо всем.
«Туалет. Господи. Здесь должен быть туалет.
Найди туалет, а потом уже сможешь мыслить яснее».
Левая рука у нее дьявольски болела после падения. Правой она начала ощупывать стену.
«Методично. Ты должна действовать методично».
Дюйм за дюймом, снизу доверху. Она начала от пола, а потом поднималась вверх – сколько хватало роста. Холодный, ровный камень.
«Но ведь как-то же я попала сюда? Значит, тут должен быть выход».
Безумные мысли мелькали в ее голове. Не имеет ли к этому отношения Майкл Теннент? Или Брайан? Что за человек подошел к ней на лестнице и пожал руку?
Аманда споткнулась, потеряла стену, попыталась вновь ее найти. Взмахнула руками, в очередной раз упала, испуганно вскрикнула, сильно ударившись о каменный пол. Ее лицо ощутило матрас, влажный, заплесневелый, пахнущий временем. Она принялась ощупывать пол дюйм за дюймом в поисках сумочки. Не нашла.
«Господи, кто-нибудь, помогите мне!»
Снова поднялась на колени. Выпрямилась. Успокоилась. Глубоко вздохнула. Встала ровно, стараясь не пошатываться, мелкими шажками подошла к стене.
Ее руки продолжили ощупывать ровную поверхность. Аманда пыталась убедить себя, что видит один из по-настоящему страшных снов, когда ты оказываешься заживо замурованным в склепе или хочешь убежать от убийцы, а ноги тебя не слушаются.

Но боль в мочевом пузыре ясно говорила ей: нет, это не сон. Она не спала.
Аманда снова прижалась спиной к стене и скрестила ноги, яростно ругаясь сквозь сжатые зубы.
«Я не описаюсь. Я не стану мочиться на пол.
Нет, ни за что не стану».

54

– Вы знаете про птиц-шалашников, доктор Теннент? Вас интересует орнитология?
Под окном опять стрекотала газонокосилка. Всю обратную дорогу из Хэмпстеда Майклу пришлось продираться через пробки, что никак не способствовало успокоению нервов. А теперь еще этот доктор Теренс Гоуэл: ишь, развалился на диване в своем кремовом льняном костюме и туфлях на плоской подошве.
Ну и пациент попался. Каждый раз, когда Майкл задавал Гоуэлу вопрос, тот отвечал ему вопросом. Майкл снял пиджак, но пот все равно тек с него ручьем. В кабинете стояла гнетущая жара, которую слегка смягчал запах скошенной травы, однако теперь его перебивал терпкий аромат одеколона посетителя.
– Про птиц-шалашников? Нет, впервые слышу. А что, орнитология входит в круг ваших интересов?
Треск газонокосилки становился все громче. Майкл отхлебнул немного воды, заглянул в историю болезни американца. Тот задал очередной вопрос:
– А как вы определяете интересы, доктор Теннент? В какой момент знание превращается в интерес?
– И в какой же, по вашему мнению?
Гоуэл положил руки на подушки по обе стороны от себя, откинулся на спинку и настороженно уставился в потолок.

–

Ptilonorhynchus violaceus.

 – Он посмотрел на Майкла и, видя недоумение врача, добавил: – Атласный шалашник. Вы слышали про такую птицу?

– К сожалению, нет.
– Шалашник смешивает пигменты ягод и древесного угля. Строит шалаш, словно дом, крытый соломой, – высотой в девять футов, с несколькими комнатами. Он каждый день чистит лужайку вокруг и украшает свое жилище мертвыми насекомыми и свежими цветами. Потом он сооружает дорожку из палочек, ведущую к его дому, делает кисточку из волокон растений и раскрашивает дорожку краской собственного изготовления. Это единственное живое существо в мире, кроме человека, которое пользуется орудиями труда и украшает свой дом. Этим невозможно не восхищаться, правда, доктор Теннент?
– Да, – сдержанно сказал Майкл, все еще не понимая, к чему клонит пациент. Он ждал продолжения.
Доктор Гоуэл снова уставился в потолок. Майкл посмотрел в свои записи. В прошлый раз Гоуэл говорил с ним про призмы, объяснял, почему мерцают звезды. Похоже, ему нравилось беседовать на отвлеченные темы. Майклу приходилось прикладывать серьезные усилия, чтобы сосредоточиться. «Аманда, – думал он. – Аманда, где ты, любовь моя? Где ты?»
– Вы осведомлены в орнитологии, доктор Теннент?
– Вы только что уже спрашивали меня об этом. Нет, к сожалению, я не разбираюсь в орнитологии.
– Не думаю, что я вас уже спрашивал, – возразил пациент.
Майкл сделал запись в истории болезни. У Теренса Гоуэла, видимо, случаются провалы в памяти. Срабатывает защитный механизм.
Томас Ламарк смотрел на врача.
«У тебя сегодня не самый лучший день, доктор Майкл Теннент, верно? Ты небось думаешь, что перед тобой психопат с вывихнутыми мозгами, который забывает, что говорил минуту назад.

Ты ждешь не дождешься окончания приема. Тебе не дают покоя мысли об этой твоей телке, Аманде Кэпстик. И у тебя есть все основания беспокоиться за нее. Очень сильно беспокоиться, просто сходить с ума.
Погоди, это пока цветочки. То ли еще будет».
– Вы знали, что многие виды птиц находят себе пару на всю жизнь? – спросил доктор Гоуэл.
Майкл ответил не сразу, надеясь, что пациент продолжит свою мысль. Но тот молчал.
– Нет, не знал.
– Если они теряют пару, то начинают чахнуть и вскоре умирают.
Теперь он не сводил с собеседника глаз.
Майкл вспомнил, что во время прошлого разговора Гоуэл поднял тему автокатастроф. Он еще подумал тогда: уж не известно ли этому типу про Кейти? Теперь Майкл снова призадумался. Нет, решил он, вряд ли доктор Гоуэл в курсе его жизни.
А тот задал следующий вопрос:
– Как вы считаете, доктор Теннент, степень скорби шалашника-самца будет зависеть от того, как именно умерла его самка?
Вспомнив ахиллесову пяту Гоуэла – его родителей, – Майкл ответил:
– Боюсь, я не обладаю достаточными познаниями в этой области, чтобы делать какие-либо заключения. Давайте лучше поговорим о вас. Вы пришли ко мне, потому что страдаете от депрессии. В прошлый раз мы не очень продвинулись. Я бы хотел побольше узнать о вас. Пожалуйста, расскажите мне вкратце историю своей жизни.
– Сначала я бы хотел спросить вас кое о чем, доктор Теннент. О том, что беспокоит меня.
– Я вас слушаю.
– Я читал статью, в которой говорилось, что слишком многие люди поколения, выросшего на видеоиграх, убеждены, что способны на хладнокровное убийство. Я и сам принадлежу к поколению видео, и мне представляется, что цивилизация – лишь тонкая внешняя оболочка вокруг звериной природы человека, а природа эта не имеет абсолютно никаких ограничений в том, что касается убийства. Вы с этим согласны?
Майкл был полон решимости разговорить пациента:
– А вы?
Гоуэл закрыл глаза.
– Так вот, возвращаясь к шалашникам. Пернатым грозит множество опасностей. Представьте себе птицу в свободном полете: не заметив высоковольтных проводов на своем пути, она влетает в эти провода и погибает от удара током. Падает на землю. – Он открыл глаза, уставился на психиатра, продолжил: – Или, к примеру, шалашник может угодить в силки, расставленные птицеловом, который продает птиц в зоопарк. Допустим, он получил заказ на шалашника и поймал самку. Так вот. Что, по вашему мнению, доктор Теннент, будет для самца мучительнее: увидеть труп своей подруги или до конца дней тщетно ждать ее возвращения?
Майкл заерзал на стуле. Пациент не сводил с него глаз. Господи, если бы только этот человек знал, насколько близко он подошел к истине. Этот вопрос был словно гром среди ясного неба. Майкл был не в состоянии ответить на него.
«Аманда. Аманда, милая. Пожалуйста, позвони! Позвони мне, скажи, что ты жива и здорова. Боже мой, Аманда, позвони мне».
Сделав вид, что изучает историю болезни, Майкл украдкой бросил взгляд на часы. До конца приема оставалось еще двадцать минут. Он хотел связаться с Лулу, просто чтобы услышать ее голос, почувствовать что-то вроде близости к Аманде.
А Томас Ламарк с трудом сохранял непроницаемое выражение лица. Он наслаждался моментом. Мальчишкой он любил ловить насекомых – особенно мух, крупных, лучше всего навозных, – а потом прокалывать им одно крыло, вонзать булавку в столешницу и смотреть, как муха пробует вырваться, ощущать смятение насекомого, которое тщетно стремится взлететь.
– Давайте… – начал было Майкл, но тут же понял, что потерял нить. Он попытался взять себя в руки. – Так что, по вашему мнению, будет мучительнее?
Теренс Гоуэл сунул руку в карман пиджака, вытащил монету, подбросил, потом поймал ее на одну ладонь и прихлопнул другой рукой.
– Орел или решка? – спросил он.
Майкл изумленно смотрел на пациента, не уверенный, что стоит ему подыгрывать. Но любопытство взяло верх.

– Ну хорошо, – сказал он. – Пусть будет орел.
Теренс Гоуэл открыл монету:
– Угадали. Вам повезло.
– А если бы выпала решка?
Гоуэл улыбнулся:
– Тогда бы повезло мне.
– Это золотая монета? – заинтересовался Майкл.
– Фамильная реликвия.
Гоуэл сунул монету обратно в карман.
– Вы пользуетесь ею для принятия решений?
– А как вы принимаете решения, доктор Теннент?
Беседа с пациентом явно выходила из-под контроля. Перед началом приема Майкл тщательно изучил предыдущие записи. В тот раз Гоуэл выдавал бесконечную цепочку несуразиц, и они так ни к чему и не пришли. То же самое он делал и теперь. Уходил от главного. Возводил защитную стену. Говорил о чем угодно, только не о том, что требовалось.
Может быть, в этом и состоит его проблема? Гоуэл явно был одержим навязчивыми идеями о смерти. И определенно утратил связь с реальностью. В чем коренились его проблемы? Может быть, он потерял близкого человека?
Почти наверняка так оно и есть.
– Я хотел бы узнать кое-что о вашем детстве, Теренс, – сказал Майкл, намеренно называя собеседника по имени. – Давайте поговорим о ваших родителях.
Он словно бы выключил рубильник. Гоуэл, казалось, полностью ушел в себя. Он неподвижно сидел на диване, словно экспонат музея восковых фигур, не хватало только таблички «Человек на диване».
Никакие усилия Майкла не смогли вывести Гоуэла из этого состояния, достучаться до пациента не представлялось возможным. Наконец врач сказал:
– Наше время истекло.
Тогда Гоуэл поднялся и, не говоря ни слова и даже не посмотрев на него, направился к двери.
– Если вы подойдете к моему секретарю, она запишет вас на следующий прием, – сказал Майкл, втайне надеясь, что доктор Гоуэл проигнорирует это его предложение.

Томас Ламарк записал дату и время следующего приема в свой черный кожаный ежедневник. Он был доволен – консультация прошла хорошо.
Просто идеально.
На обратном пути, ведя синий «форд-мондео» доктора Гоуэла назад на Холланд-Парк-авеню, он снова и снова возвращался к разговору с Теннентом, одновременно с нетерпением ожидая возвращения в свой шалаш. Томас ехал осторожно, чтобы не повредить коробку, которую забрал в Челтнеме, – она все еще стояла у него в багажнике.
Ему не терпелось открыть ее.

Майкл продолжал думать о докторе Гоуэле весь остаток дня. Что-то тут не сходилось. В направлении от его лечащего врача значился диагноз «клиническая депрессия». Но Гоуэл вовсе не вел себя как человек, страдающий от этого недуга.
При депрессии самооценка человека падает. Он не обращает внимания на свою внешность. Утрачивает навыки общения с другими людьми.
У доктора Гоуэла, похоже, напротив, самооценка была достаточно высокая. Язык тела свидетельствовал об уверенности в себе. Он тщательно заботился о своем внешнем виде. Какая уж тут депрессия!
Майкл не сомневался: с этим человеком явно что-то не так. От него словно бы исходила темнота. Возможно, он страдает каким-то психическим заболеванием. Социопатией? Вполне вероятно.
Но только не депрессией.

Потребность помочиться достигла критического уровня. Аманда понимала, что долго не продержится.
И тут ее рука нащупала отверстие в стене. Дверь!
«Как, черт возьми, я не заметила ее раньше?»
Нет, она просто не могла ее не заметить – Аманда была в этом уверена, поскольку много раз обошла все помещение.
«Кто открыл дверь?
Господи, неужели здесь есть кто-то еще?»
Колени сведены изо всей силы, бедра сжаты, боль отдается в почках, от нее колет в груди. Аманда вошла в дверной проем и двигалась вперед маленькими шажками, доставлявшими ей мучительную боль.
В этой новой зоне темноты запах был еще отвратительнее. Он жег ей глаза, драл горло. И она чувствовала здесь еще кое-что.
Человеческое присутствие.
– Эй! – крикнула Аманда и не узнала собственного голоса.
Гулкая черная тишина была ей ответом.
Она продолжала двигаться вперед вдоль другой гладкой стены, нащупывая путь в темноте. И вдруг, несмотря на короткие осторожные шаги, ее ноги наткнулись на что-то твердое, выбившее из-под них почву, а ладони потеряли контакт со стеной. Девушка споткнулась, взмахнула руками и упала лицом вперед на что-то твердое, неровное.
– Извините, – сказала Аманда. – Извините, я…
Но неровная неподатливая масса под ней осталась неподвижной. Ее рука прикоснулась к чему-то мягкому. Мягкому и в то же время огрубевшему.
Вонь химического вещества стала невыносимой.
Шерсть! Ее пробрала дрожь. Она упала на мертвое животное. Аманда убрала руку, но наткнулась на что-то холодное, на ощупь напоминающее резину. Теперь сомнений не оставалось.
Это было человеческое лицо.
Она взвизгнула, отдернула руку, отпрянула, отчаянно бросилась на поиски прохода, чтобы вернуться обратно; теперь она поняла, что это был за запах. Ей вспомнились школьные уроки биологии. Так вонял состав, в котором хранили мертвых лягушек и других животных. Формалин.
И тут она упала на второе тело.
Темнота огласилась отчаянным криком девушки.
Но в ответ Аманда по-прежнему не услышала ничего.
Охваченная неизъяснимым ужасом, она почувствовала теплую струйку между ног. Но теперь это ее уже не волновало.

56

Непосредственный начальник Гленна Брэнсона, детектив-сержант Билл Дигби, занимал маленький кабинет напротив комнаты констеблей в полицейском отделении Хоува.
Во вторник в середине дня он пребывал в паршивом настроении.
Дигби был человеком спокойным и серьезным. Дородный, с узкими, на военный манер, усами и вьющимися черными волосами, он казался старомодным по сравнению с некоторыми молодыми полицейскими, энергичными и активными. И вел себя Билл Дигби тоже на старомодный манер: демонстрировал уравновешенность, редко паниковал, почти никогда не спешил, за исключением разве тех случаев – их было около десятка в год, – когда его вызывали на место убийства. Вот тогда он начинал действовать совсем с другой скоростью. Дигби, подобно большинству полицейских, проявлял к убийствам не меньший интерес, чем и простые граждане, обыватели. Да, он со временем заматерел, но равнодушным при этом не стал.
Из-за медлительности некоторые считали Билла Дигби не слишком далеким, но так думали только те, кто плохо его знал. Он увлекался игрой в скребл и не раз побеждал на региональных

соревнованиях. В работе Дигби был так же кропотлив и методичен, как и в игре. Прежде чем сделать очередной ход, он тщательно все обдумывал и анализировал возможные последствия. Детектив-сержант оттрубил в полиции двадцать пять лет. В него стреляли, на него бросались с ножом, он получал взбучки от начальства за нарушение процессуальных норм при задержании грабителя. А как-то раз родственники одного бандита, которого Дигби засадил на двенадцать лет за вооруженный грабеж, забросили ему в окно гостиной кирпич с привязанной к нему дохлой кошкой.

Но Дигби стойко все выносил. Полицейским неизбежно приходится принимать решения жесткие и подчас несправедливые. Информация обо всех происшествиях в графстве, требующих вмешательства полиции, появлялась на экране его компьютера; в обычный день новые уведомления поступали каждые шестьдесят секунд. За прошлый год таких сообщений было почти пятьсот тысяч.

В основном речь шла о незначительных нарушениях. И поскольку ресурсы полиции были ограниченны, начальству приходилось постоянно решать, чем именно заняться, а что оставить без внимания. О работе полиции судят по результатам. По статистике. Сколько преступников отдано под суд. Сколько вынесено обвинительных приговоров. Насколько улучшилось качество жизни общества. Сколько побед одержано в войне с преступностью. А уж какие именно дела расследовать – это вы, ребята, выбирайте сами. «Очень мило, – думал иногда Дигби, пребывая в раздражении. – А если выбрать невозможно? Это все равно как если бы тебе предложили на выбор: остановить айсберг или научиться ходить по воде».

В основном приходилось заниматься всякой ерундой: кражи, драки, мошенничество. Но иногда попадалось и что-нибудь стоящее. И если тебе удавалось распутать серьезное дело, можно было рассчитывать на повышение по службе. Не говоря уже о том, что ты приносил значительную пользу обществу.

И операция «Скит» была в этом отношении весьма перспективной. Старший инспектор Гейлор, непосредственный начальник Дигби, предоставил ему полную свободу действий. Босс так доверял своему подчиненному, что даже не назначил ему куратора.

Используя информаторов, связь с которыми обеспечивал Майк Харрис, сослуживец Гленна, Билл Дигби три года собирал материалы на сеть наркоторговцев, ввозивших кокаин через местный коммерческий порт Шорхэм. По вечерам наркотики в водонепроницаемой упаковке, снабженные грузилом и низкочастотными маячками (такие прикрепляют к мячам для гольфа на случай их потери), сбрасывали за борт, а потом ныряльщики так же в темноте отыскивали их. Эту схему разработал валлиец Там Хайуэлл, известный в округе педофил, редкая скотина. Дигби отдавал должное его уму, однако ставил Тама в самый низ социально-пищевой цепочки, куда-то между солитером и слизевиком. Только Хайуэлл был еще более противным.

Четыре недели назад в рамках операции «Скит» была четко, как по нотам, проведена утренняя облава, в ходе которой удалось накрыть всю сеть. У Дигби имелось достаточно материалов на Тама Хайуэлла, чтобы заставить того расколоться. Выбор у парня был невелик: либо он выложит все начистоту насчет махинаций с наркотиками, либо его будут судить за растление малолетних. А всем известно, как уголовники в тюрьмах относятся к педофилам.

Однако, несмотря на все просьбы Дигби, хитрожопый адвокат убедил мягкотелого судью отпустить его подзащитного под залог. И вот вам результат: в прошлое воскресенье, утром, один из соседей сообщил о невыносимом запахе, исходившем из дома, где в одиночестве проживал Хайуэлл. Полицейские обнаружили окровавленный труп педофила. Его зарубили мачете, изо рта вырезали язык, а вместо него засунули туда гениталии.

И сейчас детектив-сержант разглядывал фотографии с места преступления и размышлял, насколько труднее теперь будет засадить в тюрьму остальных наркоторговцев.

Дигби поднял голову, услышав стук в дверь. Прежде чем он успел ответить, дверь открылась, и в его кабинет заглянул констебль Гленн Брэнсон.

– Есть минутка, сержант?

Дигби жестом пригласил его войти, и Гленн уселся на стул в тесном кабинете перед скромным столом начальника, потом подался вперед и с любопытством посмотрел на фотографии.

– Никак Тамми Хайуэлл?

– Он самый. – Дигби иронически хмыкнул, потому что, несмотря на рвущийся наружу гнев, не смог удержаться от шуточки: – Я всегда говорил, что у этого парня хер вместо головы.

Гленн подавил в себе желание ответить остротой того же пошиба. Он откинулся на стуле и спросил:
– Кора Берстридж, ее нашли мертвой на прошлой неделе – помните?
Сержант кивнул.
– У меня возникли сомнения в том, что это было самоубийство. Я тут провел небольшое расследование…
– Кто разрешил? – перебил его Дигби.
– Я делал это в свободное время, сержант, – у меня сегодня выходной. Я утром был в квартире Коры Берстридж.
Брови Дигби взметнулись. Гленн нравился ему: хороший парень, честолюбивый. Но иногда новички слишком уж резво берутся за дело.
– Ладно, излагай.
Гленн поделился с начальником своими соображениями: рассказал о подарке, купленном Корой для внучки, о пожарной лестнице на чердаке и о выбитой там двери, о недоумении патологоанатома касательно трупных мух. А потом добавил:
– Я прошелся по квартирам соседнего корпуса, окна которого выходят на пожарную лестницу. Одна дама сказала, что видела человека с планшетом для записей – он спускался по пожарной лестнице. Это, по ее словам, было на прошлой неделе, во вторник или в среду, где-то после полудня.
– Когда умерла Кора Берстридж?
– Патологоанатом не может точно определить. Но он считает, что она пролежала в квартире двое суток, а стало быть, умерла во вторник. В последний раз ее видели утром во вторник, когда она отправлялась в магазин.
– Я бы не слишком полагался на показания этой твоей свидетельницы из соседнего корпуса, – сказал Дигби. – Мало ли кого она могла видеть.
– Да, сержант, но я поговорил с управляющим здания, где жила Кора Берстридж: он категорически утверждает, что не посылал туда на прошлой неделе рабочих, да и никаких инспекторов там тоже не было.
– У здания есть действующий пожарный сертификат?
– Да. Выдан девятнадцатого ноября прошлого года.
– Тогда почему на двери висел замок?
– Этот выход в настоящее время уже не используется. Там есть новый, значительно более удобный.
Дигби скривился и прощупал щеку языком изнутри.
– Дверь квартиры была закрыта на цепочку, да?
– Вот об этом я и толкую! – сказал Гленн. – Дверь закрыта изнутри на цепочку. Окна заперты. Если там побывал незваный гость, который и убил хозяйку, то он должен был потом забраться на чердак и уйти этим путем. Преступник спешил, а потому толком не закрыл лаз, оставил на чердаке свет, и ему пришлось выломать дверь.
Дигби собрал фотографии Тама Хайуэлла, постучал торцом стопки о столешницу, чтобы выровнять, потом сунул снимки в конверт.
– Мы обследовали квартиру в прошлый вторник. Почему никто не заметил, что лаз на чердак приоткрыт?
Гленн пожал плечами:
– Я и сам удивляюсь. Могу только предположить, что недосмотрели.
– Кора Берстридж была большой знаменитостью, Гленн. О ее смерти написали все газеты. Ты не думаешь, что какой-нибудь негодяй мог воспользоваться возможностью и вломиться в ее квартиру, полагая, что там никого нет?
– Но из квартиры ничего не пропало, сержант. Там полно антиквариата, дорогие часы, ювелирные украшения повсюду. Нет, ограбления точно не было. Там все на месте.
– Если только ты не спугнул вора, когда сломал дверь.
– Да, это не исключено.
– Значит, ты предполагаешь, что убийца вошел в парадную дверь, а покинул квартиру через чердак и пожарную лестницу. Ты уверен, что он не пришел тем же путем, Гленн?
– Снаружи на двери никаких следов взлома, но, разумеется, нужно, чтобы ее осмотрели криминалисты. Я бы хотел, чтобы они обследовали всю квартиру и чердак, сержант. На чердаке

я нашел волокна материи на гвозде, а это опять же указывает на чей-то поспешный уход. Эксперты могут еще что-нибудь обнаружить.
Билл Дигби помолчал, обдумывая просьбу Гленна.
– А ты знаешь, Гленн, сколько стоит криминалистическая экспертиза?
Гленн был в курсе. Проверка одного предмета одежды или волокон материи – двести фунтов. Исследование отпечатков пальцев – полторы тысячи фунтов. Если провести криминалистическое обследование всей квартиры Коры Берстридж, это обойдется как минимум тысяч в десять.
– Так точно, знаю, – ответил он. – Но я думаю, что для этого есть основания.
– Ты присутствовал на вскрытии. Патологоанатом обнаружил какие-нибудь подозрительные следы на теле?
– Не обнаружил.
– Результаты анализов готовы?
– Пока нет.
Дигби отрицательно покачал головой:
– У нас теперь, после убийства Хайуэлла, работы невпроворот. Я не могу дать тебе добро, Гленн. В деле имеется заключение лечащего врача о том, что покойная страдала депрессией, а также ее предсмертная записка. Дверь заперта изнутри, из квартиры ничего не пропало. Я внимательно выслушал все твои доводы, Гленн, но этого мало, чтобы меня убедить. Кора Берстридж не была беспомощным инвалидом – если бы кто-то попытался ее убить, она бы сопротивлялась. На теле остались бы следы борьбы.
– Она была пожилой женщиной, – возразил Гленн.
– Но сама ходила по магазинам. Если хочешь, можешь задать свои вопросы на дознании, но пока у тебя мало материала, чтобы убедить меня в том, что имела место насильственная смерть. Тебе все ясно?
Гленн разочарованно пожал плечами, он понимал, что спорить сейчас бесполезно. Однако сдаваться вовсе не собирался.
– На завтра у тебя есть какое-то задание?
– Нет, сержант.
– Хорошо. Подключайся к операции «Скит». С утра поедете с Майком Харрисом в Лутон, привезете информатора по делу Хайуэлла – он отбывает срок в тамошней тюрьме, мы одолжим его на денек для беседы. Заберете этого типа в девять, а к одиннадцати чтобы были здесь.
Гленн с симпатией относился к Майку Харрису и не прочь был провести время в обществе более опытного коллеги. А заодно по дороге можно хорошенько все обдумать. Дочь Коры Берстридж прилетает в четверг на опознание тела. Она собирается остановиться в квартире матери.
Если у криминалистов и есть шанс найти что-нибудь, то только завтра – потом такой возможности уже не представится.

57

– Ты помыл свой чу-чу?
Том-Том сидел в овальной розовой ванне, только голова торчала над пеной. До чего же он любил, когда мама добавляла в воду пену с пузырьками: она была похожа на снег, только гораздо мягче и совсем легкая. Он мог набирать ее целыми пригоршнями.
– Да, мамочка.
Она стояла над ним, ее белый атласный халат был распахнут спереди. Он видел ее груди с большими красными сосками. Видел шрам на животе: это ее разрезали, чтобы он родился. Видел густой кустик волос чуть ниже.
– Дай-ка я посмотрю, Том-Том, дорогой. Я должна убедиться, что ты его хорошо помыл.
Томас занервничал. Что он получит сегодня – нахлобучку или вознаграждение?
Мама склонилась над ним. Одна ее грудь коснулась его щеки – какая прохладная – и осталась на ней. Ее руки нырнули под пену, ухватили брусок мыла. Почувствовав, как жесткое мыло скользит между ног, он ощутил странное возбуждение.

58

– Ты ужасно выглядишь, Майк.
– Я в порядке.
– Что-то непохоже. Ты, часом, не заболел?
«Да, мне плохо, а тут еще ты приперся! Долго ты еще собираешься здесь торчать? Пожалуйста, оставь меня одного, уйди, очень тебя прошу! Сгинь, исчезни, улетучься!»
Такие мысли нахлынули на Майкла, когда в кабинет зашел его коллега Пол Стрэдли, но он, разумеется, не произнес вслух ничего подобного. Майкл положил трубку – он в этот момент набирал телефон Лулу – и сказал:
– Я здоров, просто устал.
Коллега внимательно вгляделся в него:
– Ты уверен?
– Я же врач, черт подери! – отрезал Майкл.
Эта внезапная вспышка обескуражила коротышку Стрэдли, который был сегодня в еще более несуразном, чем обычно, костюме, однако он не отступил.
– Я тоже врач, Майкл. – Голос тщедушного психиатра звучал солидно.
Атмосфера в кабинете накалилась, но это продолжалось недолго. Пол укоризненно посмотрел на коллегу, потом сказал:

– Майкл, в четверг ты обещал уделить мне время. Я должен поговорить с тобой об одном пациенте, у которого боязнь рвоты. – Заметив на лице собеседника недоумение, он напомнил: – Я тебе о нем говорил – бедняга может есть только жидкое, боится, что комки застрянут у него в пищеводе. Это же по твоей части.
– Верно, – сказал Майкл, вспоминая тот разговор.
– Мы можем завтра вместе пообедать?
– Одну минуту.
Майкл сел за компьютер и открыл ежедневник. Он несколько дней туда не заглядывал. Завтра вечером у него программа на радио… господи боже, он совсем не в подходящем состоянии для эфира; впрочем, можно попросить руководство радиостанции объявить об исчезновении Аманды. А в пятницу, ошарашенно прочел Майкл в ежедневнике, он принимает участие в благотворительном турнире по гольфу в пользу душевнобольных.
Несколько месяцев назад Майкла уговорил поучаствовать в этом мероприятии его лучший друг Ник Стэнфорд, с которым он четыре года прожил в одной комнате, когда учился в Кингс-колледже. Они были знакомы очень давно, еще в конце шестидесятых ходили в одну начальную школу. Однако тогда они друг друга ненавидели, а когда им было по двенадцать, Майкл в финале соревнований по боксу, к ужасу учителей и родителей, нокаутировал Ника.
Но когда они случайно встретились на первом курсе в Кингс-колледже, между ними тут же возникло взаимное притяжение. За эти годы оба повзрослели и изменились. Они и сами удивлялись, почему прежде ненавидели друг друга. Вроде как Майкл раньше считал Ника задирой, а Нику не по душе было, что Майкла признавали лучшим спортсменом в школе. Так или иначе, из подернутого дымкой тумана прошлого родилась необыкновенно прочная мужская дружба.

> Получив диплом, Ник некоторое время проработал в фармацевтическом гиганте «Бендикс Шер», после чего основал собственную фармацевтическую компанию, которая производила дженерики
> [18]
> . Он стал мультимиллионером. Оба очень любили гонять на мотоциклах… Впрочем, после смерти Кейти Майкл потерял интерес к этому виду спорта. Но они по-прежнему вместе играли в гольф.

Ник и его жена Сара, к которой Майкл относился с большой симпатией, всячески поддерживали его все три года после смерти Кейти.
Майклу очень не хотелось сейчас брать на себя какие-либо обязательства – он вообще собирался отменить все завтрашние консультации и вплотную заняться поисками Аманды.
Стрэдли смотрел на него с тревогой:
– Что случилось, Майкл?
– Ладно, давай завтра вместе пообедаем. В час. Встретимся внизу в ресторане, тебя это устраивает? – жизнерадостно сказал Майкл.
– Отлично.
Это был единственный способ побыстрее избавиться от Стрэдли. В конце концов, завтра утром можно все отменить. Ему отчаянно нужно было поговорить с Лулу, прежде чем в четыре пятнадцать придет очередной пациент.
Как только Стрэдли закрыл дверь, Майкл снова снял трубку и набрал номер Лулу. Голос ее звучал устало и нервно – прежней уверенности современной деловой женщины как не бывало. Майкл еще час назад по пути из Хэмпстеда рассказал ей по мобильному о своей бесполезной встрече с констеблем Роубаком.
– У меня ничего нового, а у вас? – спросила Лулу. Она теперь всегда начинала разговор с ним с этих слов.
Они ни разу не видели друг друга, но в голове у Майкла уже сложился образ ассистентки Аманды. Она представлялась ему женщиной опрятной, высокой, неуклюжей и довольно консервативной: бархатная повязка на голове, костюм-двойка темно-синего цвета.
– И у меня ничего. Послушайте, Лулу, не могли бы вы переслать мне по факсу или по электронной почте список ближайших родственников Аманды, а также ее друзей, включая Брайана Трасслера? Указать их имена, адреса, телефоны?

Лулу ответила, что прямо сейчас этим и займется.
Майкл допускал, что здесь может быть замешан Брайан Трасслер. Он не мог забыть, как вдруг испугалась Аманда, когда в сумерках увидела ту машину на противоположной стороне улицы.
«Брайан Трасслер.
Она сейчас с тобой, Брайан Трасслер? Если ты причинил Аманде какой-то вред, то клянусь: я оторву тебе голову!»
Повесив трубку, Майкл задумчиво уставился на экран компьютера. Тельма пока не известила его о приходе следующего пациента. Он зашел в Интернет и загуглил: «пропавшие люди». Надежды было мало, но он решил, что следует использовать абсолютно все возможности.
Спустя несколько секунд Майкл получил ответ на свой запрос: «Найдено 257 891 соответствие». На первых десяти сайтах речь шла о людях, пропавших в Америке.
Он сузил область поисков, добавив на этот раз слово «Великобритания».
Дверь снова открылась, и в его кабинете опять появился Пол Стрэдли.
– Майкл, у тебя какие-то неприятности – я же вижу. Сомневаюсь, что ты в таком состоянии сможешь надлежащим образом сосредоточиться на работе. Не хочешь поговорить об этом? Что случилось? Расскажи, я же твой коллега, вдруг чем помогу.
Майкл вздохнул. А почему бы и правда не рассказать ему?
– Пропала одна моя знакомая… подруга. Я беспокоюсь о ней, вот почему я такой подавленный. Все дело в этом.
Пол кивнул и слегка успокоился.
– Знаешь, куда тебе надо обратиться? На горячую линию Национальной службы по поиску пропавших людей. Ты с ними еще не связывался?
– Я о них никогда даже не слышал. Думаешь, помогут?
– Стоит попробовать.
Стрэдли снова вышел, а Тельма сообщила Майклу о приходе пациента.
Он попросил ее отменить все завтрашние консультации.

59

Аманда, дрожа всем телом и свернувшись в клубочек, лежала на матрасе, который оттащила как можно дальше в темноту от…
«От неизвестных предметов.
Да, от предметов. Не от мертвых людей, тел или трупов – нет, пожалуйста, нет.
Кто они?»
Аманда не молилась со второго класса. Как она могла верить в Бога, который не отозвался на ее молитвы? Это случилось во вторник, 24 ноября 1979 года, когда она получила неуд за контрольную по математике.
Контрольная была не особо важная – Бог легко мог подарить ей хорошую оценку. Но Он проигнорировал ее молитву, хотя Аманда и начала просить Его за неделю до контрольной. И с тех пор она перестала молиться. И не молилась вплоть до сегодняшнего дня.
А теперь она соединила руки, зарылась лицом в ладони, закрыла глаза, хотя вокруг и без того была тьма кромешная, и прошептала:
– Пожалуйста, Господи, пусть это окажется всего лишь дурным сном. Господи, помоги мне, прошу Тебя.
В горле пересохло, сердце кололо, но больше всего Аманда страдала от неизвестности: бедняжка и понятия не имела, где она и почему здесь оказалась.
Теперь к тошнотворному запаху формалина примешивался запах ее мочи. Аманду мучила нестерпимая жажда.
«А ведь люди пьют собственную мочу. Несколько дней можно протянуть на моче. Глупо, что я так распорядилась своей».
Она подумала о Майкле: у него такие сильные руки, он такой умный и надежный, рядом с ним она чувствовала себя в безопасности.
«Только не говори мне, Майкл, что я, не успев тебя найти, уже потеряла, что я умру здесь и больше не увижу тебя. Нет, я так не согласна».

Компания Брайана Трасслера как-то снимала документальный фильм о выживших в различных катастрофах. Они брали интервью у людей, переживших крушение парома близ Зебрюгге, у двух девушек, которые спаслись после падения самолета в Индийский океан, и у некоторых других. Рецепт везде был одинаков: психологическая устойчивость. Решимость. Воля к жизни. Способность сохранять спокойствие и думать.

«Где бы я ни находилась, как бы я здесь ни оказалась, но если в это помещение есть вход, то отсюда должен быть и выход».

Может, она попала в автокатастрофу, ее приняли за мертвую и заперли в каком-то хранилище в морге? Но матрас на полу противоречил этой гипотезе.

Аманда перебрала все вероятные возможности и теперь искала новые, пытаясь не потерять связь с реальностью, сосредоточиться, составить список, запомнить его. И стараясь не обращать внимания на шорох, который услышала несколько минут назад: это могла быть мышь. Или того хуже – крыса.

В поисках выхода девушка обследовала стены в обоих помещениях. Нащупала неровности в стене в комнате с трупами, это вроде бы указывало на наличие двери, но открыть ее она не смогла.

Она поняла, что здесь должна быть вентиляция: иначе как сюда поступал воздух.

«Ну и где может быть эта вентиляция?»

Аманда встала, сложила матрас пополам – левое запястье адски болело после падения, – приложила к стене («А я уже неплохо ориентируюсь в темноте») и забралась на него. Это добавило фута два к ее росту. С трудом удерживая равновесие, девушка вытянула руки вверх, прощупала каждый дюйм стены, потом спустилась на пол, переместила матрас на расстояние, соответствующее длине двух ее стоп, и повторила прежние действия.

Спустившись на пол в следующий раз, Аманда стащила с себя футболку и бросила ее под ноги – теперь она будет знать, когда сделает полный круг.

Она прошла всю первую стену и повернула, и тут правая рука нащупала что-то совершенно не похожее на бетон стены.

Металлическая решетка.

Затаив дыхание, она прижала ладонь к решетке. Холодный воздух. Вентиляция!

Аманда сжала руку в кулак, а потом, разведя в стороны большой и указательный пальцы (расстояние между ними составляло, по ее прикидкам, около двух дюймов), принялась измерять основание решетки. Двадцать четыре дюйма. По вертикали чуть меньше – около двадцати. Достаточно ли для того, чтобы пролезть?

Как решетка закреплена на стене? Она провела пальцами по кромке. Нащупала бугорок величиной в четверть дюйма, не больше. Шуруп.

Теперь она ощупывала кромку пальцами и считала. Всего десять шурупов.

Матрас внезапно поехал в сторону. Аманда вцепилась ногтями в стену, отчаянно пытаясь найти опору. Потом, вскрикнув, полетела в темноту, вниз, головой вперед на невидимый пол. Ее лоб с глухим стуком врезался в бетон.

60

– К сожалению, я не могу связать вас с господином Трасслером: он сейчас на обсуждении сценария.

– Это очень важно, – взмолился Майкл. – Мне нужно сказать ему всего два слова.

Голос секретаря Брайана звучал резко:

– Вы не объясните мне, по какому вопросу звоните? Может быть, я сумею вам помочь?

«Ну конечно, – горько подумал Майкл. – Надо выяснить, похитил ли твой босс Аманду Кэпстик, только и всего».

– По личному. Убедительно прошу вас сообщить ему, что я на линии. Меня зовут доктор Теннент.

Майкл надеялся, что его имя произведет впечатление на секретаршу, но эта женщина явно не читала «Дейли мейл» и не слушала «Ток-радио».

– Можете оставить свой телефон, чтобы он потом с вами связался, но учтите, что совещание, вероятно, продлится еще часа два.
Майкл посмотрел на часы – пять.
– А никак нельзя передать ему записку?
– К сожалению, это исключено.
«Уж не прикрывает ли она босса?»
– Хорошо, я еще около часа буду на рабочем месте. А потом мне можно позвонить на сотовый. Я оставлю вам три номера: рабочий, мобильный и домашний. – Он придал голосу максимальную убедительность. – Пожалуйста, попросите его обязательно позвонить мне сегодня. Я психиатр, и жизнь человека в опасности. Ваш шеф может владеть жизненно важной информацией.
Чуть-чуть смягчившись, секретарша сказала:
– Хорошо, доктор Теннент, продиктуйте мне ваши телефоны. Я постараюсь вам помочь.
Весь следующий час Майкл разговаривал по телефону с людьми, чьи номера дала ему Лулу: с матерью Аманды, потом с ее сестрой и тремя близкими подружками. Он договорился завтра утром по очереди встретиться с каждой из этих женщин, начиная с матери Аманды в Брайтоне, куда он должен был подъехать к девяти часам. Майкл рассудил, что если вдруг Аманда прячется у кого-нибудь из них, то при личной встрече обмануть его будет значительно сложнее, чем по телефону.
Брайан Трасслер так и не перезвонил ему. Со слов Аманды Майкл уже составил представление об этом типе: похоже, он перезванивает только в том случае, если речь идет о деньгах или сексе.
И он решил сам съездить к Брайану. Прямо сейчас.

Лишь в начале восьмого Майкл продрался через пробки в Ковент-Гардене и нашел там Бедфорд-стрит, где располагалась компания Трасслера – «Мезанин продакшнс». Почти прямо напротив здания, перед книжным магазинчиком, носившим оригинальное название «Преступление в продаже», нашлось место для парковки. Правда, втиснулся он туда с трудом. Майкл резко затормозил, забыв посмотреть в зеркало заднего вида, и мимо с сердитым криком пронесся мотоциклист.
Он припарковался задним ходом и выключил двигатель, но оставил вентилятор и теперь сидел, подставляя лицо под поток воздуха, который, впрочем, был ничуть не прохладнее того, что снаружи.
Сквозь щель между двумя припаркованными машинами Майкл видел вход в «Мезанин продакшнс». Нижний этаж выглядел вполне прилично: матовые стекла в окнах, красивое сочетание дерева и штукатурки. Он набрал номер, заблаговременно добавленный в контакты. После нескольких звонков раздался знакомый голос: мисс Глухая Оборона на проводе.
– Извините, но совещание еще не кончилось. Я передала ему вашу просьбу, – заявила она тоном, который заставил Майкла сильно усомниться в том, что Трасслер ему перезвонит – сегодня или вообще когда-либо.
– Не могли бы вы ему передать, что я уже ушел с работы и теперь буду ждать его звонка на мобильник, номер которого я вам дал. – И добавил: – Я не буду занимать линию. Вы же сказали ему, что вопрос очень важный, да?
– Да, доктор Теннент, сказала. – Теперь она говорила таким тоном, словно хотела побыстрее отделаться от назойливого продавца стеклопакетов.
Майкл отключился. По крайней мере, Брайан Трасслер все еще находился в здании. Он позвонил в офис Аманды, надеясь застать Лулу. К счастью, та оказалась на месте.
– Лулу, вы, случайно, не знаете, на какой машине ездит Брайан Трасслер?
Человек в джинсовом костюме и с наушниками на голове прошел мимо с таким свирепым выражением лица, словно направлялся на битву.
– Значит, так, у него есть «порше», «бентли»… «рейнджровер» и мотоцикл «харлей-дэвидсон». Но Брайан сейчас не ездит – у него пару месяцев назад отобрали права за езду в нетрезвом состоянии, – сказала Лулу. – Во второй раз попался, и его лишили прав на три года, чуть в тюрьму не загремел. – Затем, словно делясь великой тайной, она добавила: – Но думаю, что об этом мало кому известно.
Майкл поблагодарил ее, положил телефон рядом с портфелем на пассажирское сиденье.

Вечер стоял прекрасный, и солнце еще освещало тротуар по другую сторону дороги. В кафе неподалеку все столики на свежем воздухе были заняты. Еще чуть дальше возле паба толпились посетители.
Внезапно увидев за входной дверью в «Мезанин» какое-то движение, Майкл напрягся, пригляделся внимательнее. Вышли двое парней лет двадцати с лишком: один, в футболке и джинсах, нес под мышкой коробку с пленкой; другой, в кричащей рубашке и шортах из синтетической ткани, придержал ему дверь, а потом проверил, закрылась ли она. Парни перекинулись парой слов, после чего разошлись в разные стороны. Тот, что в шортах, пройдя несколько ярдов, остановился у фонаря и сел на припаркованный там велосипед.
Майкл надеялся, что других выходов из офиса нет. Поскольку Трасслера лишили прав, то вряд ли он спрятал машину где-нибудь за зданием.
Глядя на посетителей кафе и бара, Майкл ощутил жажду. Да и перекусить ему бы тоже не помешало. Сегодня на работе он выпил стакан воды и чашку чая, а также съел два песочных печенья, которые Тельма положила для него на блюдечко. Да, еще чашка кофе в полиции Хэмпстеда. Кроме этого, у него во рту с самого утра ничего не было. Однако он решил пока не выходить из машины – боялся пропустить Трасслера.
Одним глазом поглядывая на дверь, Майкл вытащил из портфеля ноутбук, включил его, вышел в Интернет и открыл сайт компании «Мезанин продакшн», который еще раньше добавил в избранное.
Загрузка шла мучительно медленно, Майкл даже подумал, что компьютер завис или здесь нет связи. Ну наконец-то! Он щелкнул по иконке «Сведения о директоре». После еще одной невероятно долгой загрузки появилась цветная фотография Брайана Трасслера, ниже шел длинный список его телевизионных заслуг.
Хотя Майкл уже запомнил физиономию Трасслера, сейчас он вгляделся в нее снова. У Трасслера было выразительное лицо, узнать его будет легко. Коротко подстриженные редеющие волосы, несколько идиотских прядей оставлены длинными, чтобы прикрыть лысую макушку, черная рубашка без воротника застегнута на шее булавкой с драгоценным камнем. Брайан выглядел как вульгарный, самодовольный мафиози средних лет.
«Аманда, и что только ты в нем нашла?»
Разумеется, она никогда не сможет ответить ему на этот вопрос: кто разберет, отчего людей влечет друг к другу. Конечно, можно делать всякие умные предположения – дескать, Аманда подсознательно видела в нем отца, но это будет лишь малюсеньким фрагментом целого.
Дверь открылась. Из нее вышла женщина с каштановыми волосами, уложенными в шикарную, но старомодную прическу. На плечах шелковый шарфик, в целом одета элегантно, однако консервативно. Такая женщина вполне могла организовывать жизнь Брайана Трасслера и втайне сохнуть по нему, она могла умело отбиваться от нежелательных телефонных звонков всяких там назойливых психиатров, но вряд ли была способна завоевать любовь шефа.
Женщина проверила, закрылась ли дверь, потом поправила шарфик, полюбовалась на свое отражение в стекле и пошла прочь быстрыми, энергичными шагами.
Майкл схватил мобильник и снова набрал прямой номер Трасслера. На сей раз обошлось без посредничества секретарши. На шестом звонке ее голосом заговорил автоответчик: «Вы позвонили в офис Брайана Трасслера. Пожалуйста, оставьте после сигнала сообщение, и мы с вами обязательно свяжемся».
Майкл отсоединился. Похоже, он угадал, эта женщина и впрямь была секретарем. Что означал ее уход: совещание наконец завершилось или у нее просто закончился рабочий день?
Он пытался решить, что лучше: хитростью проникнуть внутрь или же ждать снаружи. Но тут дверь открылась: вышли женщина и трое мужчин. У первого на голове конский хвост, второй – наголо бритый, третий – кудрявый брюнет. Женщина, безупречная красавица лет тридцати с небольшим, придержала дверь, и тут появился четвертый мужчина, одетый в костюм кремового цвета. Коротко подстриженные редеющие волосы, несколько прядей прикрывают плешь. Он что-то говорил и при этом жестикулировал. Вид мужчина имел начальственный: сразу чувствовалось, что все остальные – его подчиненные.
Брайан Трасслер собственной персоной.

61

В уединении своего кабинета Томас открыл коробку, доставленную курьерской службой «Ю-пи-эс» доктору Теренсу Гоуэлу в Челтнем. Внутри все было упаковано наилучшим образом, каждая деталь в своем полистероловом отделении. Через нарезанную бумажную набивку на него смотрели две линзы, словно глаза гигантского зловещего жука.
– Прекрасно, – прошептал он.
Томас прикоснулся лицом к набивке. Замечательное ощущение. Словно лег щекой на солому. Томас чувствовал себя сегодня как на Рождество. Красота. Холодные пластиковые ребра линз касались его щек, словно бы целуя.
«Это ради тебя, мамочка, я делаю это ради тебя. Ты счастлива? Я надеюсь».
В конверте также лежал чек, подтверждавший оплату покупки посредством золотой карты «Мастеркард», принадлежавшей Теренсу Гоуэлу.
Томас засунул чек в черный бумажник крокодиловой кожи, на случай, если прибор окажется неисправным и придется отправлять его назад. Потом Томас на решетке камина, которым давно уже не пользовались, сжег содранную с упаковки наклейку с надписью «Доктору Теренсу Гоуэлу». От «форда-мондео», стоявшего в гараже вместе с «альфа-ромео» Аманды Кэпстик, избавиться было труднее, но он старался сделать так, чтобы ничто, кроме машины, не могло хоть каким-то образом свидетельствовать о его связи с доктором Теренсом Гоуэлом из Челтнема. Белый фургон находился на многоэтажной парковке, Гоуэл предусмотрительно заключил с ними долгосрочный договор об аренде.
Томас принес снизу пылесос и собрал пепел с решетки. Камин в комнате должен быть чистым, тут двух мнений не может быть. Чистым, стерильным, как операционная в больнице. Так он хотел. Так ему нравилось. Ковер, стол, компьютер, стул, кресло, книги, фотографии матери. Никаких жуков. Никаких бактерий. Занавески задернуты, на окнах надежные двойные стеклопакеты, чтобы грязный лондонский воздух не проник внутрь. Лучше уж попотеть, чем отравиться. Никакой грязи, это аксиома, только безупречная чистота.
Но теперь в комнате вокруг коробки были разбросаны по полу обрезки бумаги, и это вывело Томаса из себя. Во всем виновата эта сука Аманда Кэпстик. Если бы она не легла под доктора Майкла Теннента, Томасу не пришлось бы заказывать этот прибор, а если бы он его не заказал, то на красивом сером ковре не валялись бы, словно грязная солома, обрезки бумаги.
Ладно, он вычистит все это пылесосом, но чуть позже, сначала нужно закончить с прибором. Где тут у нас инструкция? Он вытащил брошюру из целлофановой упаковки. На обложке было напечатано: «Очки ночного видения AN/PVS. Модель F5001».
Именно эту модель он и заказывал. Хорошо.
Томас внимательно читал, запоминал схемы и рисунки. Потом вытащил очки из коробки, взвесил на ладони. Выглядят красиво, и в руках держать приятно. Он поднес их к глазам, ощутил запах резиновой оправы. А какие удобные, так хорошо сидят. Конечно, сейчас он в них ничего не видел: литиевая батарея еще не установлена.
Он проверил все кнопки. Включатель инфракрасного излучения. Индикатор заряда батареи. Инфракрасная подсветка. Линзы F/1.2. Кнопка моментального включения инфракрасного излучения.
Прекрасно!
Томас с нетерпением ждал момента, когда начнет пользоваться этим замечательным прибором. Вот будет потеха!
Он вытащил крепление – сложное плетение ремешков. Его возбуждение росло. Он соединил крепление с очками, как было на рисунке, надел. Один ремешок обхватывал череп, словно головная повязка, закрепляя очки на лбу. Второй ремешок подвязывался под подбородок, третий – вокруг шеи, а четвертый, чуть впереди ушей, соединял головной ремень с шейным. Замечательно! Томас встал. Правда, пока видеть он ничего не мог, но уже пребывал в восторге. Крепление было превосходным, очень удобным, он может носить эти очки хоть вечно!
«Жаль, что ты сейчас не видишь меня, мамочка!»
Томас поднял руки, чтобы снять очки, и поморщился, почувствовав боль в правой руке. Злость на Аманду снова вспыхнула в нем. «Ты сделала мне больно, сука!»
Она была такая тяжелая! Почему маленький и худенький человек вдруг становится таким дьявольски тяжелым, когда теряет сознание? Нелегко было сначала выволочь ее из парадного,

потом дотащить до «альфа-ромео», делая при этом вид, что они прижавшиеся друг к другу любовники! Он растянул руку, пока запихивал ее в эту чертову машину.
Но предстоящее удовольствие погасило его ярость. О, это будет прекрасно. Томас снял очки, встал на колени на пол, достал из коробки литиевую батарею и зарядное устройство, вставил батарею в основание очков, потом подключил зарядку. Нажал выключатель – загорелся светодиод. Он улыбнулся.
Есть контакт!

Аманда услышала щелчок двери.
Движение.
Кроме нее, в темноте был кто-то еще. Она подавила инстинктивное желание позвать на помощь, затаилась, задержала дыхание.
Если не считать барабанного боя ее собственного сердца, вокруг стояла тишина.
Потом неожиданное движение, словно бы чьи-то шаги. Стук поблизости. Затем отчетливый плеск воды. Скрип резиновой подошвы.

Томас чуть не перевернул ведро. И выругал себя за неловкость.
«Еще немного – и упал бы, черт побери. Проклятье! Ты, глупая сука, ты хоть понимаешь, сколько от тебя мороки?»
Она была совсем близко – протяни руку и дотронешься, но он не хотел этого делать. Не желал прикасаться к тому, с чем совокуплялся доктор Майкл Теннент, по крайней мере пока еще не был готов.
«Как от нее разит потом и мочой, провела здесь всего два дня, а уже превратила помещение в хлев, ее вонь заглушает даже запах формалина. И почему, интересно, эта глупая сука лежит на полу, а не на матрасе?»
Томас знал, что должен был принести ей воду и еду еще вчера. И еще какую-нибудь емкость, куда можно справлять нужду. Но почему-то забыл.
Он смотрел на нее в зеленом свете прибора. Крохотный красный огонек показывал, что у него осталось еще десять минут. Батарею требовалось заряжать ровно сутки, но столько ждать он не мог. Вытерпел лишь четыре часа, но даже такой срок показался ему слишком долгим.
«Ничего, главное, что очки действуют! Изображение достаточно четкое, чтобы увидеть страх на ее лице.
Нет, не на ее лице, – поправил он себя. – На мордочке этого зверька».
Именно такую ошибку он совершил с редактором Тиной Маккей и репортером Джастином Флауарингом. Думал о них как о людях и под конец расстроился из-за того, что сделал с ними.
Перед ним животное. Обычный зверек.
И как любой зверек у себя в норке, этот, услышав подозрительный звук, поднял голову, настороженно оглянулся в темноте – глаза широко раскрыты от ужаса.
Это надо же так запустить себя. На лбу здоровенный синяк. Волосы как воронье гнездо, спутаны, небось давно не знали расчески. У Томаса возникло желание сказать существу, что надо привести себя в приличный вид, однако лучше было наблюдать молча.
Даже футболка надета задом наперед. Никакого сравнения с его аккуратисткой-матерью. Та, бывало, любила сидеть перед зеркалом, пока сын стоял рядом, расчесывал и ласкал ее длинные светлые локоны. Иногда она сидела обнаженной, а он стоял рядом, тоже обнаженный, расчесывал ее волосы, а она потом вознаграждала его, делая что-нибудь приятное с его чу-чу.
Поднимая второе ведро, Томас намеренно провел подошвой по полу. Зверек теперь смотрел прямо на него, и на мгновение Ламарк даже подумал, уж не различает ли существо в темноте его очертания, хотя подобное, конечно же, было невозможно. Эти очки являлись особой разработкой, предназначавшейся для военных. Просто сказочная вещь. Он все видел в темноте, но сам при этом оставался невидимым.
Может быть, зверек слышит его дыхание? Что же его насторожило? Томас, бесшумно ступая в кроссовках «Найк», сделал несколько шагов вправо. Зверек продолжал вглядываться в ту точку, где он находился секунду назад.
Страна слепых…
– Эй! – проговорил зверек. – Эй, кто здесь?
Жалобный, хриплый голосок.

– Кто здесь? Пожалуйста, прошу вас, помогите мне.
Томас бесшумно отступил в темноту, в другое помещение, прошел мимо тел Тины Маккей и репортера Джастина Флауаринга. Потом остановился, оглянулся.
Грязный зверек на полу напрягся, испуганно повернул голову. Потом снова позвал:
– Эй, кто здесь?

Дверь закрылась. Звук эхом пронесся по каменному мешку, и наконец темнота поглотила его.
И вдруг вспышка света больно ударила ее по глазам.
Аманда закрыла их руками, испуганно вскрикнула. Сквозь пальцы пробивался красный свет. Медленно, с опаской отняла она ладони от глаз, моргнула, все еще ошеломленная; от страшной боли в голове ее мысли путались, но она стала понемногу привыкать к свету. Аманда огляделась. Она находилась в квадратном (приблизительно двадцать на двадцать футов и около десяти в высоту) помещении без окон, которое освещали четыре лампы под потолком. И ничего вокруг, кроме бетона, – никакого лаза. Она посмотрела на вентиляционную решетку, расположенную ровно над тем местом, где у стены лежал матрас. Кроме прохода в соседнюю комнату и вентиляции, других путей отсюда не было. Если бы ей только удалось отвинтить шурупы на решетке, в такое отверстие, пожалуй, можно пролезть.
Девушка прижала руки к голове, пытаясь выдавить оттуда боль, но, прикоснувшись ко лбу, чуть не вскрикнула. Справа от нее находился открытый дверной проем в помещение, где она нашла тела, там по-прежнему было темно. Потом Аманда опустила глаза и увидела на полу неподалеку от проема два пластиковых ведра и поднос.
Одно из ведер показалось ей пустым. В другом пенилась какая-то жидкость, а с бортика свешивался кусок фланелевой материи. Рядом лежали аккуратно сложенное бежевое одеяло и нераспечатанный рулон туалетной бумаги. На подносе стояли большой пластиковый кувшин с водой, пластиковый стаканчик, бумажная тарелка с ломтиками сыра и черного хлеба. На подносе Аманда увидела также несколько помидоров черри и яблоко. Жаль, что нет ножа, его можно было бы использовать как отвертку.
Она ухватила обеими руками кувшин с водой и начала жадно, с благодарностью пить. Делала это так быстро, что вода проливалась из ее рта, струилась по подбородку.
Когда Аманда наконец остановилась, кувшин был пуст почти на три четверти. Ей отчаянно хотелось осушить его до дна, хотя этого и то было бы мало. Но она не знала, когда ей принесут еще воды.
«Нужно ограничивать себя, нужно…
Время.
Я же теперь могу посмотреть на часы».
Время и дата.
7:55. Вторник. 28 июля.
Еще один малюсенький глоток. Она задержала воду, прополоскала рот, наслаждаясь – ну до чего же вкусно! – каждой драгоценной каплей.
«Боже милостивый. Два дня. – Паника охватила ее. – Два дня. Два! Сейчас семь пятьдесят пять утра или вечера?
Почему меня никто не ищет? Почему меня никто до сих пор не нашел?»
Она уставилась на еду, ухватила кусок сыра и ломтик хлеба, сунула их в рот, принялась жадно жевать. По ее щекам катились слезы.
«Майкл, ты хоть знаешь, что меня нет ни дома, ни на работе? Лулу, ты не удивляешься моему отсутствию?
Господи, да хоть кто-нибудь вообще думает обо мне?»
Она отпила очередной глоток драгоценной влаги, потом съела еще кусок хлеба с сыром и помидор, зрелый, восхитительный, невероятно сладкий, великолепный помидор. И сразу почувствовала, что сил у нее прибавилось.
«Думай.
Сегодня вторник. Может быть, утро вторника, а может, и вечер, кто его разберет. Прошло двое суток. Сорок восемь часов. Лулу, ты, наверное, теряешься в догадках, куда я могла подеваться? Пытаешься ли ты выяснить, в чем дело? Что ты сказала Майклу? Надеюсь, ты не думаешь, будто я валяюсь дома с какой-нибудь идиотской мигренью?
Что ты предприняла, черт побери?

Делаешь ты вообще хоть что-нибудь? Хоть что-нибудь, черт побери?»
Свет погас.
Несколько мгновений Аманда смотрела в темноту – не столько со страхом, сколько со злостью.

62

Брайан Трасслер, стоя на тротуаре перед дверью «Мезанин продакшнс», пожал руки своим подчиненным. Продюсер был доволен: видно, совещание прошло хорошо.
Мужчина с конским хвостом прижал мобильник к уху и отошел в сторону. Брайан Трасслер тоже вытащил телефон, набрал номер и сделал несколько шагов по тротуару, явно чертовски довольный собой. В этом кремового цвета льняном костюме, пурпурной рубашке без воротника и белых туфлях он выглядел еще более вульгарным, нежели представлял Майкл, и внезапно доктора Теннента переполнила яростная ненависть к этому человеку.
Майкл открыл дверь и стал вылезать из машины, но тут Трасслер вдруг бросился бегом, отчаянно размахивая руками – сигналил такси, которое заметил на перекрестке неподалеку. Майкл хотел было кинуться следом, но потом решил, что разумнее будет выяснить, куда Брайан направляется. Он захлопнул дверь и завел мотор. К своему облегчению, он увидел, что такси темно-зеленого цвета остановилось под светофором на Т-образном перекрестке со Стрэндом. Майкл намеренно подрезал фургон, вынудив его резко остановиться, нажал педаль газа и пристроился в хвосте у такси Трасслера, которое мигало правым поворотником.
Схватив телефон с пассажирского сиденья, Майкл набрал домашний номер Лулу. Но тут на светофоре включился зеленый, и ему пришлось вести машину одной рукой, преследуя такси. После четвертого гудка включился автоответчик. Такси пересекло перекресток на желтый, а Майкл, долей секунды позже, уже на красный. Они остановились у следующего светофора возле вокзала Чаринг-Кросс. Он позвонил Лулу на мобильный. Один гудок, второй, третий, и наконец, к счастью, девушка ответила: ее голос звучал на фоне многоголосого гула, звона приборов или стаканов и оглушительно громкой музыки.
Сигнал на светофоре сменился. Такси въехало на Трафальгарскую площадь, в зазор между Майклом и такси попытался пристроиться «мерседес». Опасно прижимаясь чуть ли не к самому бамперу такси, Майкл оттеснил «мерседес», готовясь сменить направление движения следом за Трасслером.
– Привет, Лулу, это Майкл.
Она его не слышала.
Такси прибавило скорость, и Майкл слегка отстал, чтобы водитель не заметил хвост. Он прокричал в трубку:
– Это Майкл! Мне нужен домашний адрес Трасслера!
– Мм… боже… Значит, так: дом номер четыре по Уэст-кресент! – прокричала она в ответ. – Риджентс-парк! Вы знаете Олбани-стрит?
– Да. Спасибо. Никаких новостей?
– Нет. А у вас?
Лулу сегодня была слишком беззаботна. Никто не имеет права быть счастливым, пока не найдется Аманда, живая и здоровая.
– И у меня ничего.
Они остановились под светофором у дворца Сент-Джеймс. Прямо впереди виднелся Букингемский дворец. Флаг не поднят – значит королевы нет; небось где-нибудь развлекается. Похоже, сегодня все в этом треклятом городе хорошо проводили время.
Справа с ним поравнялся «БМВ» с откидным верхом, за рулем блондинка, волосы развеваются на ветру. Майкла больно кольнуло в сердце – она напомнила ему Аманду. На пассажирском сиденье сидела еще одна привлекательная девушка, и третья – сзади; все они смеялись какой-то шутке, хорошо проводили время. Слева от Майкла появился серый «ягуар», а в нем – парень и девушка, поразительно красивые, словно они сошли с рекламы шоколада. Девушка потерлась носом о щеку парня, поцеловала его. Майклу хотелось накричать на всех этих людей, запретить им наслаждаться жизнью, на время отложить все развлечения, ведь теперь не до этого.
«Пожалуйста, помогите мне найти Аманду!»

Брайан Трасслер ехал не домой.
На вершине Конститьюшн-хилл близ Гайд-Парк-корнер зеленое такси должно было бы свернуть на Парк-лейн, но вместо этого за Лейнсборо оно свернуло на Гросвенор-кресент, в сторону Белгрейв-сквер, и Майкл не успел сориентироваться – выезд ему перекрыл автобус.
– Черт бы тебя подрал, ублюдок, пропусти меня, сукин ты сын! – пробормотал он себе под нос и, даже не глядя и не думая, что там может быть, стал перестраиваться в крайний правый ряд – теперь у него был единственный вариант: развернуться на Гайд-Парк-корнер и… молиться.
Проскочив на красный, Майкл свернул на первом перекрестке, потом перестроился, вклинившись между двумя машинами и вынудив мотоциклиста шарахнуться в сторону, после чего втиснулся в другой просвет, громко сигналя, чтобы отпугнуть черное такси, вознамерившееся было занять его место. В последний момент таксист вынужден был уступить, а Майкл вылетел на полосу, опережая автобус, следующий со стороны Виктории. Он резко затормозил, успев проскочить перед автобусом, и свернул налево.
Теперь он выбрался из зоны напряженного движения и мчался мимо к Белгрейв-сквер, отчаянно выискивая глазами зеленое такси. Наконец оно мелькнуло на дальней стороне перекрестка, но тут же исчезло на Чешам-Плейс, в направлении Слоун-стрит.
Майкл прибавил скорость, сгорая от нетерпения.
«Я не могу ждать! Дорогу мне, ублюдки, пропустите меня!»
Он начал снова вклиниваться между машинами, удостоившись сердитого гудка от какого-то возмущенного водителя.
Майкл утопил педаль газа, с силой крутанул руль и через секунду уже мчался по Чешам-Плейс на запредельной скорости, напряженно вглядываясь в дорогу – не хватало еще сбить какого-нибудь пешехода или велосипедиста. Вновь заметив вдали такси Трасслера, он пересек перекресток и со Слоун-стрит выехал на Понт-стрит.
Здесь движение было не таким плотным, Майклу удалось обогнать несколько машин, и теперь, снова оказавшись за зеленым такси, он резко затормозил, скидывая скорость. Сердце у него колотилось как сумасшедшее. Через заднее окно он видел голову Трасслера: тот оживленно беседовал по телефону.
Такси двигалось по маленьким улочкам Челси в сторону Фулхэма, и теперь преследовать его стало легче. Они выехали на Фулхэм-роуд, пересекли Бофорт-стрит у кинотеатра «Эй-би-си», а потом такси неожиданно затормозило и резко свернуло налево, после чего сделало еще один поворот и оказалось в элитном жилом районе. Майкл слегка отстал, чтобы не привлекать внимания. Наконец машина затормозила перед одним из домов.
Он тоже остановился, пристроившись на достаточном расстоянии за припаркованным «саабом», откуда было хорошо видно изумрудное такси. Трасслер вышел из машины, порылся в кармане. К удивлению Майкла, он вытащил связку ключей, подошел к двери дома и отпер замок.
«Неужели у этого ублюдка тут тайная берлога? Не здесь ли он держит Аманду?»
Внезапно навстречу Брайану выскочила поразительно красивая брюнетка в халате, обхватила его за шею, страстно прижала к себе.
Майкл удивленно смотрел, как Трасслер целует ее – исступленно, с почти звериной страстью: казалось, женщина была готова раздеться прямо здесь, на пороге, даже не заходя внутрь. Еще немного – и их губы разъединились, но они продолжали что-то нежно шептать друг другу. Они оба улыбались и бесстыдно поцеловались еще раз, словно пара подростков, а потом исчезли в доме.
Майкл тупо смотрел перед собой, пытаясь понять, что происходит.
«Брайан обзавелся новой подружкой, после того как Аманда дала ему отставку? Или он морочил голову не только жене, но и Аманде? Раз он сам открыл замок, значит дом принадлежит ему? Или эта женщина дала ему ключ? Если так, то их связь, вероятно, длится уже некоторое время. Сколько?»
В любом случае его версия о том, что Трасслер похитил Аманду из ревности, не подтверждалась. Брайан не принадлежал к тем людям, которые из любви способны на подобное безрассудство.
Майкл дал Трасслеру двадцать минут, рассчитывая захватить его врасплох. Он открыл свой ноутбук и попытался погрузиться в доклад об обсессивно-компульсивном расстройстве, который должен был прочитать на конференции через две недели, но не смог сосредоточиться.

Холеный бирманский кот мельком оглядел незнакомца и вальяжно удалился, приоткрыв клапан внизу гаражной двери. Женщина с прической панка и в дизайнерских джинсах прошла мимо, ведя на поводке целую стаю тявкающих йоркширских терьеров. Неподалеку остановился запыленный «порше», из машины вышел усталый водитель лет тридцати с небольшим, в полосатых брюках и красных подтяжках. Мужчина вновь заглянул в автомобиль, достал оттуда дипломат.

Майкл дождался, когда владелец «порше» скроется в дверях, подошел к дому Трасслера и нажал кнопку звонка.

Ответа не последовало. Он выждал приличествующее время, позвонил во второй раз, потом в третий.

Прошло несколько секунд, и он услышал шаги. Дверь открылась, перед ним, не скрывая недовольства, предстала та самая женщина, которую он видел раньше.

– Ну, кто там такой нетерпеливый?

«Незначительный акцент – скорее всего, итальянский», – подумал Майкл.

Она была красива, хотя и не настолько, как ему показалось издали. Зато женщина так и излучала невероятную сексуальность, которую лишь усиливали ее смазанная косметика, растрепавшиеся волосы и ничем не стесненные груди под махровым халатом, полы которого она придерживала одной рукой.

– Мне нужно поговорить с Брайаном Трасслером, – сказал Майкл и тут же заметил вспышку паники в ее глазах.

Брюнетка плотнее завернулась в халат, скрестила руки на груди и переспросила:

– С кем?

– С Брайаном Трасслером.

Она отрицательно покачала головой:

– Извините, вы ошиблись адресом. – И женщина протянула руку, собираясь закрыть дверь. Говорила она так убедительно, что Майкл на какую-то долю секунды даже допустил, что и впрямь гонялся по городу не за тем человеком. Но чего она в таком случае испугалась?

– Я так не думаю, – твердо сказал Майкл. – Послушайте, дело очень важное. Брайан Трасслер нужен мне всего на две минуты, обещаю, я надолго его не задержу.

– Извините, но вы что-то путаете.

Брюнетка попыталась захлопнуть дверь перед его носом, однако Майкл метнулся вперед и успел вставить ногу между дверью и косяком.

– Убирайтесь! – крикнула она.

Майкл толкнул дверь, та приоткрылась еще на несколько дюймов. Женщина оказалась сильнее, чем можно было подумать, и сопротивлялась изо всех сил. Но он не уступал и понемногу протискивался внутрь.

– Убирайтесь, вам говорят!

Теперь на ее лице появилось выражение откровенного страха. От брюнетки исходил сильный аромат каких-то дорогих, неизвестных Майклу духов. Она свирепо смотрела на него, готовая к сопротивлению, но Теннент видел, что она сильно нервничает. Наконец дамочка сдалась и впустила незваного гостя в дом.

Прямо перед Майклом была лестница, и он стал подниматься, слыша за спиной ее изменившийся голос.

– Брайан! – предупредительно крикнула она. – Брайан!

Майкл поднялся на площадку, распахнул дверь справа, но за ней оказались кухня и столовая – в обоих помещениях было пусто. Дальше по коридору звучала музыка, он узнал голос Лютера Вэндросса. Песня доносилась из открытой двери впереди. Майкл вошел в комнату.

Полумрак. На прикроватном столике горит свеча. Двуспальная кровать с черными атласными простынями, а на ней голый Брайан: прикрывает член руками, словно некую маленькую башенку, только что вылепленную из пластилина.

Когда в комнате появился Майкл, он схватил простыню и укрылся ею до пояса, на лице его мелькнуло выражение удивления и испуга.

– Это кто еще такой?

– Брайан, я… я не смогла его остановить! – раздался сзади голос женщины.

Майкл подошел к кровати.

– Вы упорно игнорировали мои телефонные звонки. – Он кинул взгляд через плечо на брюнетку, потом снова посмотрел на Трасслера. – Я думаю, нам лучше поговорить наедине.
– А ну убирайтесь отсюда, пока я не вызвал полицию, – ответил Трасслер.
– Аманда Кэпстик, – сказал Майкл и сделал паузу, чтобы Брайан сообразил, о чем речь. – Я хочу поговорить о ней. Может, попросите вашу подругу выйти? Нет, мне-то лично все равно, если она услышит нашу беседу.
Глаза Трасслера расширились. Он опасливо посмотрел на Майкла, потом попросил женщину:
– Джина, оставь нас на пять минут, ладно?
Она обожгла Майкла ненавидящим взглядом, сочувственно посмотрела на любовника и вышла.
– Закройте дверь, – велел Трасслер.
Майкл закрыл.
Брайан сел на кровати. На столике рядом с ним стоял полупустой стакан с жидкостью, похожей на виски со льдом, и лежали открытый пакетик с белым порошком и шариковая ручка без стержня.
– Что вам от меня нужно?
Майкл оглядел комнату. Эротические картины, массивное зеркало на стене рядом с кроватью. Может быть, эта Джина проститутка? Нет, вряд ли: проститутки не встречают клиентов так, как она встретила Трасслера. Он снова перевел взгляд на Трасслера и, пристально глядя ему в глаза, сказал:
– Меня зовут Майкл Теннент. Мы с Амандой не так давно начали встречаться. В последний раз я видел ее днем в воскресенье: она поехала в гости к сестре.
– К Ларе? – резко спросил Трасслер.
– Да. Вам известно, что Аманда пропала?
– Известно. Ее секретарша мне сообщила.
– Похоже, вас это не очень волнует. Исчезновение одной из многочисленных любовниц, да?
– У вас есть шестьдесят секунд на то, чтобы покинуть этот дом, мистер Тенби. Вам ясно?
Майкл взял пакет с белым порошком. Трасслер дернулся, попытался выхватить его, но Майкл проворно отскочил в сторону. Он решил не церемониться.
– Я врач, слышишь ты, говнюк? Предпочитаешь, чтобы я спустил это в унитаз или вызвал полицию?
Трасслер скатился с кровати и бросился на него. Майкл отбил его руку – кокаин рассыпался – и с силой ударил Трасслера ногой в пах. Кинопродюсер сложился пополам, издав звук, напоминающий бульканье воды в канализационной трубе. Он зажал руками мошонку, раскачиваясь взад-вперед и постанывая.
Майкл подошел к телефону, снял трубку.
– Вызывай полицию… Или хочешь, я сделаю это сам?
Трасслер сидел на кровати голый, его трясло.
– Что тебе надо? – хрипло спросил он.
– Я хочу знать, где Аманда. – Майкл положил трубку.
Трасслер закатил глаза.
– О господи! – Он снова наклонился вперед. – Понятия не имею: Аманда меня бросила. Я ее не видел… дай бог памяти. Ну, где-то недели две или три.
– И ты не забеспокоился, узнав о ее исчезновении?
– Аманда очень независимая девица. Наверняка ей просто захотелось побыть одной.
– А прежде такое случалось?
– Послушай, Тенби, ты напрасно делаешь из мухи слона. Если ты преследовал Аманду с такой настойчивостью, то неудивительно, что она исчезла. Небось испугалась твоей напористости.
Майкл с ненавистью посмотрел на него:
– Боится она тебя, если уж на то пошло.
Трасслер показал на дверь:
– А ну вали отсюда. Если считаешь, что Аманда пропала, обратись в полицию – пусть они ее ищут. А я тут ни при чем. Какого черта ты врываешься сюда? По какому праву допрашиваешь меня?
Майкл ухватил Трасслера за редкие пряди волос и поднял на ноги, приблизив его лицо вплотную к своему.

– Я люблю Аманду, – сказал он сквозь сжатые зубы. – Это дает мне право врываться куда угодно. Я ни перед чем не остановлюсь, пока ее не найду. И можешь мне поверить: если я узнаю, что ты причинил ей хоть малейший вред – скормлю твои яйца соседскому коту. Ясно?
Майклу пришлось дважды встряхнуть Брайана, прежде чем тот ответил кивком.
– Я ее тоже люблю, – сказал Трасслер.
– Оно и заметно, – парировал Майкл. – Вместо того чтобы перезвонить мне, ты поперся к своей шлюхе. Ну просто неземная любовь! – И с этими словами он развернулся и вышел из комнаты.

63

Автомобиль на ходу разваливался на части. И вонь внутри стояла просто невероятная. Трасса М1 тоже производила ужасающее впечатление: всюду лужи, полно машин, да еще вдобавок ведутся дорожные работы – красно-белые конусы тянулись, казалось, до самого горизонта. Бесконечная вереница грузовиков выбрасывала из-под колес брызги более густые, чем туман. «Дворники» издавали какие-то непонятные звуки. Каждые несколько минут крышка бардачка распахивалась и падала Гленну на колени. Под приборной доской висел клубок проводов, и он, боясь их оборвать, все время следил за своими ногами. В убойном отделе умудрились всего за два года превратить машину в развалюху, и теперь, на третьем году существования, она уже была близка к кончине. Здесь было выкурено два миллиона сигарет. А совсем недавно, возможно прошлым вечером, кого-то рвало на заднем сиденье. И Гленн не знал, какой запах хуже: рвоты или дезинфицирующего средства, которым эту вонь попытались устранить.
За рулем сидел Майк Харрис. Они ехали на север, и через несколько минут должна была показаться автозаправка в Уотфорд-Гэп. Полицейские собирались остановиться там, чтобы позавтракать. Было всего восемь часов утра, но Гленн порядком устал и проголодался. Бóльшую часть ночи он потратил на изучение еще двух книг по патологической анатомии и на размышления. А когда все же уснул, ему приснилась женщина с пластиковым пакетом на голове, умирающая от удушья.
У Майка Харриса было волевое, но доброе лицо. Будучи человеком умным и надежным, он хорошо знал свое дело, понимал людей и давно уже разобрался в том, как устроен этот мир. Он умел справляться с любыми обстоятельствами.

Они сидели друг против друга на неудобных стульях из прессованной древесины за удивительно узким пластмассовым столом. Яичница, бекон, сосиски, бобы, кровяная колбаса, тосты. Оба ели и разговаривали о работе – куда же от нее денешься. Через полчаса они приедут в Лутон и заберут из местной тюрьмы завербованного информатора, который вроде как собирается помочь им в деле о наркоторговле: операция «Скит» продолжается. Но пока Гленн мог с глазу на глаз поговорить с гораздо более опытным сослуживцем, и он не упустил возможности выложить тому все свои сомнения относительно дела Коры Берстридж.
Майк Харрис с набитым ртом поинтересовался:
– А в «Ханнингтонс», где она покупала подарок для внучки, ты не ходил?
– Нет, мне это в голову не пришло, – ответил Гленн.
– Продавщица наверняка запомнила, была она одна или с кем-то.
– Хорошая мысль. Обязательно проверю. – Гленн отпил чай, потом сказал: – Майк, а что бы ты мне посоветовал: может, согласиться с Дигби и бросить дело?
– Нет. Если ты и впрямь уверен, что это не самоубийство, напиши рапорт и отправляйся к начальству.
– К старшему инспектору Гейлору?
– Да, он хороший мужик. Подробно опиши все следственные действия, обоснуй свои подозрения – словом, изложи все, как ты мне рассказывал. Скажи Гейлору, что в крайнем случае согласен заниматься делом Коры Берстридж в выходные, если он даст добро. Он может на это пойти, если только ты не начнешь тратить казенные деньги.
– На криминалистическую экспертизу?
– Именно. – Харрис посмотрел на часы. – Заканчивай есть. Мы опаздываем.
Гленн доедал сосиску.

– Мне без криминалистов труба: надо как минимум проверить отпечатки пальцев и осмотреть взломанный замок, – сказал он упавшим голосом. – Причем нужно, чтобы они сделали это сегодня, – завтра прилетает дочь Коры.
Майк Харрис в ответ промолчал. Но потом, когда они уже закончили завтракать и, возвращаясь в машину, проходили мимо зала игровых автоматов, сказал:
– Слушай, я ведь уже тридцать лет как в полиции, есть у меня кое-какие подвязки. Когда мы вернемся, поговори с Роном Саттоном, он из брайтонских криминалистов. Скажи, мол, это я посоветовал к нему обратиться. И попроси оказать тебе услугу. У него передо мной должок.
Гленн обрадовался:
– Я знаю Рона Саттона. Хороший парень.
Они под дождем добежали через парковку до машины и вскоре уже ехали дальше по скользкой дороге.
– Ты свободен в четверг вечером? – спросил Майк Харрис. – Или у тебя дежурство?
Гленн посмотрел через заднее окно на плотный поток машин.
– Да нет, я вроде как не занят. А что?
Майк нажал на педаль газа, вклинился между двумя машинами.
– В четверг я еду в Лондон на вечеринку. Будем провожать одного парня, с которым я вместе учился еще в семьдесят девятом. Его переводят в разведслужбу. Думаю, классно погуляем: обойдем все злачные лондонские места, а закончим в Сохо, в китайском ресторане. Не хочешь со мной? Обрастешь полезными знакомствами – там будет несколько шишек. Никогда не знаешь, что может пригодиться для карьеры.
– Да я с удовольствием. Спасибо. Спасибо громадное.
– Только отпросись у жены на всю ночь.
– Нет проблем, – ухарски сказал Гленн, хотя на самом деле проблемы были. Ари не то чтобы отличалась особой ревностью, но имела предубеждения против мальчишников.
Майк Харрис, словно прочитав его мысли, посоветовал:
– Скажи, что это по работе.
– Мы никогда не лжем друг другу.
– Тебе и не придется лгать.
– Небось решил, что я подкаблучник? Да ничего подобного!
Харрис ухмыльнулся и промолчал.
Но Гленн никак не мог успокоиться.
– Честное слово! – воскликнул он. – Я ни капельки не боюсь жену!
– С вокзала Хоува в пять двадцать отправляется поезд. На нем мы и поедем. Ясно?
– Ага. А что лучше надеть?
– Что-нибудь такое, чтобы не было заметно пятен от пива. И от губной помады.

64

Среда, 30 июля 1997 года, 08:35

Славянская защита, вариант Ботвинника! Это невероятно старый ход! Шахматный суперкомпьютер «Дип Блю» применил вариант этого дебюта в третьей партии против Каспарова. И вот теперь мой друг Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, штат Флорида, использовал тот же самый ход.

Очень важно продолжать играть в шахматы по Интернету. Шахматы тренируют мозг, а меня беспокоят провалы в памяти, которые, кажется, случаются все чаще. Меня пугает, что отдельные промежутки времени словно бы исчезают бесследно. Я вот, например,

не помню, что делал бóльшую часть понедельника. Я совершенно забыл про женщину, то есть про зверька. Не принес ей ни воды, ни еды – ничего.

Не то чтобы меня это беспокоило. Сука, которая ложится под доктора Майкла Теннента, не заслуживает сострадания.

Так что вполне возможно, что в данном случае просто-напросто сработало мое подсознание, вот я и забыл про зверька, желая наказать его. Мы все должны время от времени позволять своему внутреннему голосу высказываться. Мы иногда выпускаем свое подсознание во время езды по шоссе, и получается неплохо. Может быть, всем нам следует чуточку больше верить в себя.

Теренс Гоуэл в следующий раз обязательно должен спросить у психиатра об этих провалах в памяти.

Погода нынче утром плохая. Сильный дождь. Зверек даже не понимает, как ему повезло – сидит себе в теплом, сухом месте.

Надо будет сегодня позвонить биржевому брокеру, что-то давно я с ним не говорил. На рынке сейчас вроде как царит стабильность. И мне нужно купить кое-какие продукты. И еще растворитель для удаления с рук машинного масла. Разбирать автомобиль этой суки – нелегкая работенка.

Пока зверек вел себя хорошо. И я, в свою очередь, тоже не давал ему повода для тревоги. У него есть матрас, еда, питье, мыло, полотенце, хорошая туалетная бумага, а ведь все могло сложиться гораздо хуже.

Интересно, как отреагирует сегодня вечером доктор Теннент, услышав, что зверек кричит?

65

Толстяк рассказывал анекдот. Он любил травить несмешные анекдоты в то время, когда весь класс был уже в сборе, а учитель еще не пришел. Его звали Мартин Уэббер. Рыжеволосый, веснушчатый, с маленьким крысиным ртом и щеками как у хомяка. Голос громкий, но при этом писклявый.

Сегодняшнюю свою шутку он рассказывал не в первый раз. Томас Ламарк помнил это, а вот его дебилы-одноклассники, похоже, забыли.

– Жил-был один ирландец по имени Пэдди, он решил покончить жизнь самоубийством и выпрыгнул из подвала!

Томас смотрел, как весь класс держится от смеха за животики. И по-прежнему не понимал, что тут смешного. Некто хотел покончить с собой. Так это же настоящая трагедия. Человеку просто не хватило ума, чтобы понять: если ты хочешь убить себя, то нужно прыгнуть с большой высоты. Похоже, пикантности прибавляло то обстоятельство, что этот Пэдди был ирландец. Почему ирландцев традиционно считали недоумками? Этого Томас не знал.

– Томас не врубается! – сказал мальчишка, которого звали Джастин Уоттс-Уэстон.
– Господи, Томас, ну до чего же ты тупой! – заявил Тони Дикинсон, нависнув над партой Томаса так, что чуть не касался его лицом. – Тупица! Тупарь! Тупарик! Балда! Балда-а-а! Балда-а-а-а!
Дикинсон был далеко не красавец: похожие на солому волосы; на курносой физиономии отвратительные, по-лягушачьи выпученные глаза. Томас вот уже несколько недель думал, что случится, если он полоснет по одному из этих глаз бритвой. Та лежала у него в парте – не совсем бритва, а такой канцелярский нож, которым он пользовался при лепке. Это не составит труда…
– Эй, мамочкин сыночек, если твоя мама такая знаменитая актриса, то почему же она за целый год не снялась ни в одном фильме? – продолжал дразнить его Дикинсон. – Мой отец говорит, что она свое уже отыграла.
Томас как раз собирался броситься на Дикинсона, но тот проворно юркнул за свою парту, и в классе наступила тишина. Вошел мистер Лэндимор, учитель истории.
У Томаса внутри все кипело, он зло поглядывал на Дикинсона. Мистер Лэндимор начал что-то писать на доске, но Ламарку нечего было почерпнуть у этого невежи: он и так уже знал историю лучше учителя.
Мальчик поднял крышку парты и посмотрел на муху – она все еще была жива, потихоньку трепыхалась. Неожиданно она закружилась на месте. Бесшумно, поскольку у нее не было крыльев.
Чуть раньше Томас под лупой с помощью пинцета и канцелярского ножа оборвал ей крылья и лапы. Томас опустил крышку и записал у себя в блокноте: «Пауки плетут из паутины кружева, а мухи просто кружатся». Вот это настоящая шутка!
Потом он закрыл блокнот, чтобы никто не прочел.
Наверняка Мартин Уэббер, любитель рассказывать несмешные анекдоты, ничего не знал о квантовой теории Макса Планка. Его одноклассник понятия не имел о квантовой механике и вряд ли читал «Анатомию» Грея. Томас откопал эту книгу в Кенсингтонской библиотеке и изучил вдоль и поперек, даже все рисунки запомнил. Томасу не составило бы труда вырезать у Уэббера одну почку. А что, здорово было бы поймать Мартина, дать ему наркоз, вырезать у него почку, после чего зашить: пусть себе идет домой. А потом он мог бы отправить родителям Уэббера его почку по почте. Томас продумал все до мельчайших подробностей, и ему эта мысль очень нравилась.
Не меньше привлекала его и перспектива полоснуть острым ножом по лягушачьему глазу Тони Дикинсона.
«Интересно, – подумал он, – если отрезать Мартину Уэбберу руки и ноги, тот будет кружиться на месте?»

– Мяч, подай мяч, идиот! Мяч! Ну же, кретин!
Опять этот Дикинсон. Теперь он мучил Томаса на спортивной площадке, куда все ученики выходили во время перемены.
Мать Томаса недавно сказала ему: «Ты ведь понимаешь, Том-Том? Понимаешь, что такое, когда с головой не в порядке? Ты же это понимаешь, да?»
Да, Томас понимал. Что-то у него в мозгу было не так, какая-то схема смонтирована с ошибкой, но, кроме его матери и его самого, об этом не знал никто, а они хранили все в тайне. И поделились ею только с доктором Брокманом с Харли-стрит, а тот прописал Томасу лекарства и время от времени осматривал его – теперь реже, чем прежде. Они знали, что доктор Брокман никому об этом не скажет.
Мамочка отправила Томаса в школу в наказание за то, что он ее мало любил. Она запретила ему раскрывать их тайну другим мальчикам, потому что тогда его увезут в больницу и запрут там и он больше никогда в жизни не увидит свою мамочку.
И вот теперь на спортивной площадке на него показывали пальцем. Он что-то сделал не так, вот только не мог понять, что именно. Одноклассникам Томас не нравился, они не хотели, чтобы он был рядом с ними. Мальчишки в школе постоянно твердили, что он больной на голову, и Томас иногда в ужасе думал: а вдруг это мамочка специально им все рассказала, чтобы наказать сына за плохое поведение?

Мяч летел прямо к Томасу, но тот не обращал на него ни малейшего внимания. Неужели ребята поэтому так орали на него? Из-за какого-то дурацкого мяча?
Кто-то крикнул:
– Эй, Томас, кинь уже мяч, придурок!
Подбежал, тяжело дыша, Ричард Грантам, два раза обошел вокруг Томаса, пиная мячик ногами.
– Эй, Томас, да ты реально чокнутый! Ты хоть это понимаешь?
Сегодня мальчишки доставали его, потому что он не смеялся над тем, что казалось им смешным. А вчера, наоборот, потому что он смеялся не над тем, над чем, по их мнению, следовало. Томас и его одноклассники словно бы существовали в разных парадигмах. Ну скажите, с какой стати ему пинать мяч? Однако здесь считалось: если ты не хочешь колотить ногами по мячу, то, значит, ты чокнутый.
Быстрые шаги у него за спиной. Томас даже повернуться не успел, как его изо всех сил пнули ногой. Он отлетел вперед, ударился о металлическую сетку, огораживающую спортивную площадку.
Томас перевел дыхание, чувствуя, как горит у него лицо, повернулся и увидел Тони Дикинсона – тот стоял, сложив руки, и ухмылялся. Рядом застыли еще несколько мальчишек. Он отвернулся и пошел прочь, отчаянно пытаясь скрыть от них, что прихрамывает от боли. Вошел в класс, откинул крышку парты, вытащил свой канцелярский нож.
Проверил лезвие, убедился, что оно очень острое, сделав крохотный надрез на своем пальце. Увидел, как появилась тоненька ниточка крови.
Отлично!
Пряча нож в руке, Томас сел за парту Тони Дикинсона и в ожидании, когда же закончится перемена, уставился на настенные часы. Он прислушивался к крикам снаружи. Через некоторое время раздался звук приближающихся шагов, послышались голоса, заскрипели по полу ножки отодвигаемых стульев – одноклассники возвращались с перемены. И наконец, голос Дикинсона:
– Слышь, ты, урод, ты зачем сел на мое место?
Томас не шелохнулся, он смотрел на доску, на которой мистер Лэндимор написал большими четкими буквами: «ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ 1215 ГОДА». Он слушал шаги, приближающиеся к нему со спины.
Потом его голову дернули назад за волосы, и теперь он смотрел прямо в выпученные глаза Тони Дикинсона.
– Пошел вон с моего стула, кретин!
Томас не шелохнулся.
– Я сказал, пошел вон! – повторил Дикинсон, приблизив к нему лицо.
И в этот момент Томас поднял правую руку и одним быстрым, твердым горизонтальным движением полоснул обидчика по глазу – по белку, зеленовато-серой радужке и черному зрачку. Словно бы виноградину рассек. Он увидел, как стали разделяться ткани, а потом в то короткое (восхитительное!) мгновение, когда Дикинсон еще не понял, что произошло, из глаза потекла прозрачная жидкость.
Очень похожая на виноградный сок.

66

Запах ударил в нос Гленну Брэнсону, когда он, уставший после утренней поездки в Лутон, шел, засунув руки в карманы дождевика, по коридору второго этажа брайтонского отделения полиции. Было всего только начало второго, а он уже так устал, будто отработал всю смену. А теперь еще и этот запах.
Знакомая женщина-констебль (сотрудница отдела по защите детей, который находился по соседству) прошла мимо, сморщив нос.
– Труп! – пояснила она.
Гленн кивнул. Смерть. Второй раз за неделю. Этот гнилостный, едкий запах, усиливавшийся по мере того, как Гленн шел все дальше по коридору; почти такой же стоял в квартире Коры Берстридж в прошлый четверг, только этот – если подобное возможно – был еще сильнее.

Вонь стала совсем уж невообразимой, когда Гленн подошел к открытой двери фотостудии. Внутри горел яркий свет. На листе белой фоновой бумаги перед установленной на треноге фотокамерой лежал пропитанный кровью пиджак из хлопчатобумажной ткани. Рядом в белом защитном костюме, резиновых сапогах и резиновых перчатках стоял Рон Саттон, криминалист, с которым Гленн подружился за два года патрульной службы в отделении. Рон, как и Гленн, любил старые фильмы.
Саттон, высокий, светловолосый и бородатый, был человеком спокойным и методичным; ничто, казалось, не способно было лишить его душевного равновесия. В данный момент он вытаскивал из черного пластикового пакета окровавленный бежевый носок.
Гленн сунул голову в дверь, почувствовал жар светильников.
– Господи боже, ну и дух!
– Одежда Тамми Хайуэлла. – Рон повернулся к нему, выразительно подняв брови.
Гленн кивнул. Там Хайуэлл, ключевой свидетель обвинения в операции «Скит», был зарублен мачете у себя дома.
– Тебе чего?
– Я подумал, вдруг ты сейчас свободен, – сказал Гленн. – Глупо, конечно.
Рон, стоя за камерой, сделал несколько фотографий пиджака под разными углами. Гленн молча застыл, не желая мешать эксперту работать. Рон поднял пиджак, сунул его в другой пакет и положил на бумагу носок. После чего спросил:
– Ну, как у тебя дела в Хоуве?
– По-всякому. Я хотел попросить тебя об услуге. – Гленн помедлил, потом ухмыльнулся и с надеждой добавил: – Майк Харрис сказал, что ты поможешь человеку, которого он прислал.
Рон подвинул треногу вперед, отрегулировал наклон камеры, посмотрел в видоискатель.
– О какой услуге речь?
– Ты не мог бы прихватить свою аппаратуру и осмотреть одну квартиру, включая чердак, поискать там отпечатки пальцев и все такое?
Рон сделал несколько снимков, убрал носок, порылся в пакете, вытащил второй. Положил его на бумагу.
– Без санкции?
– Видишь ли, считается, что это самоубийство, но у меня большие сомнения… Я тебе объясню почему.
– А ты не можешь уговорить своего детектива-сержанта, чтобы он выдал санкцию?
– Я говорил с Биллом Дигби, однако тот убежден, что это самоубийство. Майк посоветовал мне изложить все соображения письменно и подать рапорт начальству.
– Но я не смогу обработать отпечатки пальцев без санкции.
– И не надо. Я бы хотел, чтобы они просто полежали у тебя на тот случай, если будем раскручивать дело дальше.
Рон недоуменно посмотрел на Гленна.
– Охота тебе нарываться на неприятности!
– Я тебе скажу, о ком речь, Рон. О Коре Берстридж!
Выражение лица Саттона чуть изменилось.
– Это уже интересно. Я должен был догадаться: ты найдешь предлог, чтобы заполучить это дело.
– Не совсем так. Получилось, что именно я обнаружил тело, и я чувствую: тут что-то не то. Завтра прилетает ее дочь с семьей, и тогда уже прощайте, отпечатки. Кстати, у тебя не только перед Майком должок, но и передо мной тоже.
– Да ну?
– Помнишь ту кассету, что я тебе достал, – «Заводной апельсин»? Стэнли Кубрик настоял на том, чтобы этот фильм больше нигде не показывали. Я изъял эту кассету во время рейда в прошлом году, и ты сказал, что готов полжизни отдать, лишь бы посмотреть «Заводной апельсин». Я, между прочим, рисковал карьерой, когда давал тебе кассету. – Гленн встал перед объективом камеры. – Долг платежом красен, Рон. – Потом он помахал в камеру: – Привет, мамочка!
– Ты настоящая заноза в заднице, Гленн. Большой такой, плешивый геморрой.
– А еще я черный.
– И это тоже.

Она была красива, но смотреть на нее Майклу было трудно. Очень уж эта женщина напоминала ему Аманду – и чертами лица, и интонациями, и мимикой. Она, вероятно, была выше дочери, но всего лишь на пару дюймов. Волосы у Терезы Кэпстик были каштановые, прямые и длинные. В своей черной обтягивающей футболке и таких же джинсах она больше походила на девочку-подростка, чем на женщину пятидесяти с лишним лет.
Майкл задумчиво улыбнулся, оглядывая гостиную: надо же, как точно Аманда описала свою мать и ее жилище. Настоящая богема, застрявшая в конце шестидесятых годов. Ацтекские коврики, кресла-мешки, абажуры из бумаги, подставки для ароматических палочек, стеклянная пирамида, на полочке кристаллы горного хрусталя. Повсюду книги по эзотерике и мистике, а на стене в рамочке цитата из книги «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».
Однако хозяйка этого красивого дома в стиле Регентства была не чужда и современного искусства: несколько занятных абстрактных картин на стенах, парочка не менее интересных скульптур. Повсюду полно комнатных растений, на окнах потрясающие занавески – кремовые в черную полоску. Через застекленные двери, выходившие в симпатичный, хорошо ухоженный сад, Майкл увидел, что дождь прекратился, но, судя по цвету неба, мог снова начаться в любую минуту.
Он пригубил черный кофе с цикорием, потом наклонился над столом и взял с тарелки сэндвич с копченым лососем. Аппетит у него так и не появился, но время приближалось к двум, а он вот уже вторые сутки толком ничего не ел, так, перекусил утром на скорую руку.
В комнате висело несколько фотографий Аманды – она была запечатлена на них одна или с сестрой Ларой, у которой он уже побывал сегодня утром.
Лара не была похожа на Аманду: темные волосы и довольно плотная фигура. Да и держалась она менее уверенно, а лицо ее побледнело и осунулось: еще бы, бедняжка сидела дома с тремя простудившимися маленькими детьми, да еще вдобавок переживала за пропавшую сестру.
От Лары Майкл не узнал ничего нового. Аманда приехала на день рождения к племяннице, сказала родным, что в ее жизни появился новый мужчина – понятно кто – и что на работе у нее все замечательно. Она уехала в Лондон воскресным вечером в таком приподнятом настроении, в каком Лара ее прежде никогда не видела.
А теперь ее мать, которая тоже была на дне рождения внучки, утверждала то же самое. Аманду в тот день абсолютно ничего не беспокоило.
Тереза вручила гостю очередной альбом с фотографиями.
– Здесь Аманда еще школьница.
Майкл провел пальцами по тяжелой кожаной обложке, открыл альбом. Аманда, скинувшая лет пятнадцать, улыбалась ему с гондолы в Венеции. На другом снимке – здесь узнать ее было труднее – Аманда выглядела пьяной и пела, сидя в какой-то компании за столом (очень похоже на гостиницу при горнолыжном курорте), в пальцах она держала сигарету. Еще одна фотография: Аманда на лыжах стоит на фоне горы, приняв нелепо вызывающую позу – только посмотрите, какая я.
Майкл чувствовал боль, разглядывая эти фотографии, но продолжал листать страницы альбома.
– Вы сегодня утром снова говорили с полицией? – спросила Тереза.
– Да, с детективом-констеблем Роубаком. У него никаких новостей.
– А что Лулу, ассистентка Аманды? Очень энергичная девушка.
– Мы с ней созваниваемся каждые несколько часов. Пока ничего. Вы хорошо знали Брайана Трасслера? – спросил он.
– За семь лет я видела его только один раз: Аманда пригласила меня к себе на чай, чтобы нас познакомить. Он вел себя очень мило, однако я в той ситуации чувствовала себя неловко. Сами понимаете, мать всегда желает дочери лучшего. Я была против романа с женатым мужчиной. А вы его знаете?
– Познакомился вчера вечером. Я хотел выяснить, не сделал ли Брайан что-нибудь Аманде в отместку за то, что она его бросила.
– И что вы думаете?

Майкл хотел ответить, что считает Брайана Трасслера полным ничтожеством, но не стал. Вместо этого он сказал:
– Сомневаюсь, что этот человек был настолько привязан к Аманде, чтобы у него возникло желание отомстить ей. Но полной уверенности у меня нет. Я сообщил насчет Брайана в полицию – пусть там с ним поговорят.
– Но если Брайан Трасслер ни при чем, то что же тогда, по вашему мнению, случилось с Амандой?
Тереза испытующе смотрела на него. Эта женщина была умна, изучала психологию, понимала язык тела и теперь следила за ним.
«Она меня проверяет. Подозревает меня, – сообразил Майкл. – Впрочем, это неудивительно. Если бы у меня пропала дочь, я бы тоже подозревал всех и каждого».
– Я думаю, Аманда достаточно благоразумна, она не бросила бы все из-за неприятностей на работе… или… – Он замолчал.
Тереза закончила за него:
– Из-за проблем в личной жизни?
– Да. Аманда не пропустила бы важные деловые встречи. Или позвонила бы, чтобы их отменить. И уж точно связалась бы с Лулу. – Он отвел глаза и вновь принялся рассматривать альбом. – Я думаю, в лучшем случае произошло нечто, вызвавшее у нее амнезию, – травма, удар по голове, что-нибудь в этом роде. Может быть, она бродит где-то по городу.
Губы матери сжались.
– А в худшем?
Майкл пристально посмотрел на собеседницу.
– Она могла попасть в аварию, и ее до сих пор не обнаружили.
Они оба понимали, что это еще не самое худшее. Тереза задумчиво кивнула, встала, подошла к окну. Потом с трудом заговорила:
– Аманда в детстве любила играть в саду. Там у нас была песочница – она вечно строила из песка декорации, в которые помещала своих кукол и машинки. Разыгрывала целые истории. Теперь я разбила на этом месте огород: мята, тимьян, лук, розмарин, щавель, укроп. Вы любите укроп, доктор Теннент?
– Пожалуйста, называйте меня Майкл.
– Аманда научила меня готовить рыбу с укропом. Ее интересует все на свете. Она всех своих знакомых обязательно учит чему-нибудь новому. Скажите, вот вас она чему-нибудь научила?
Последовала долгая пауза, во время которой Майкл тоже пытался обуздать свои чувства. Наконец он ответил:
– Да.
Тереза повернулась и в ожидании продолжения уставилась на него красными глазами.
– Аманда научила меня снова жить.

68

Томас лежал голый в спальне матери, на дорогих белых простынях с кружевной каймой. Он купался в аромате ее любимых духов «Шанель», в запахе ее косметики, ее волос и кожи.
Он видел, как мама двигается на экране перед ним. Вот она, шикарно одетая, садится на пассажирское сиденье «феррари» перед казино в Монте-Карло, а Рок Хадсон придерживает для нее дверь.
– Ты такая красивая, мамочка, – прошептал в восхищении Томас.
Слезы струились по его щекам.
Три недели и два дня. В гробу, холодная, брошенная всеми, под землей, в темноте.
Он протянул руку к пульту и нажал «стоп». Лицо матери крупным планом застыло. Томас взял с прикроватного столика портативный магнитофон «Сони» и нажал клавишу воспроизведения.
Майкл Теннент произнес: «Про птиц-шалашников? Нет, впервые слышу. А что, орнитология входит в круг ваших интересов?»
Он остановил пленку, прокрутил назад, прослушал еще раз голос психиатра: «Про птиц-шалашников? Нет, впервые слышу. А что, орнитология входит в круг ваших интересов?»

Томас остановил пленку, взял второй магнитофон, сказал:
– Привет, Аманда. Как дела?
«Не очень похоже».
Помолчал, потом произнес эти слова еще раз.
«Вроде как получше».
Он снова прослушал голос психиатра. Потом запись своего голоса. Сравнил.
«Нет, все еще плоховато».
Лицо матери по-прежнему смотрело на него с экрана. Томас стер запись своего голоса и предпринял очередную попытку:
– Привет, Аманда. Как дела?
«Лучше! Да, теперь гораздо лучше!»
Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, достал из него кремового цвета вибратор, которым пользовалась мать, и поднес его гладкую, закругленную поверхность к ноздрям. Ее запах до сих пор еще не выветрился. Он сделал глубокий вдох, глядя на лицо молодой Глории Ламарк. И опять повторил:
– Привет. Привет, Аманда. Как дела?
Мать одобрительно улыбалась ему с экрана.

69

– Фильм «Безопасное прибытие» – ты его видел? – спросил Рон Саттон, разглядывая фотографию, которая висела на стене в коридоре, ведущем в спальню Коры Берстридж.
– С Эрнестом Боргнайном и Уолтером Пиджоном, – сказал Гленн. – Да, видел.
– Хороший фильм. Мне понравился.
– Вот только конец подкачал.
– Ты прав: конец дерьмовый.
Саттон держал в руках большую черную сумку и был облачен в белый защитный комбинезон и резиновые перчатки, отчего Гленн в своем коричневом костюме чувствовал себя рядом с ним полуголым.
– Вот здесь я ее и нашел.
Саттон уставился на кровать.
– А где лежала записка? – спросил он.
– В гостиной.
Они прошли в гостиную, и Гленн показал Рону письменный стол, где, придавленная стеклянной статуэткой русалки, лежала записка. Сейчас она находилась у коронера.
– И что там было написано?
– «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».
Саттон нахмурился.
– Это цитата из ее фильма «Зеркало на стене». С Джеймсом Мейсоном и Лоренсом Харви, шестьдесят шестой год, – уточнил Гленн.
– Я его не видел.
– Серьезно?
– Нет, когда этот фильм показывают по телевизору, я вечно бываю занят.
– Его демонстрировали по каналу Би-би-си в прошлом месяце.
– Знаю. Я записал на кассету, но вышел облом: мой сын записал что-то сверху.
– Думаю, это лучший фильм Коры Берстридж. Даже поверить не могу, что ты его не смотрел, – с упреком произнес Гленн.
Но Саттон почти не слушал его. Он задумчиво оглядывал комнату. А потом заметил:
– Довольно странно цитировать в предсмертной записке реплику из своего фильма.
– И мне тоже так показалось.
– Вчера вечером Барри Норман рассказывал по телевизору про «Зеркало в стене» – я включил на середине. Дань уважения Коре.
– Я записал эту передачу, но посмотреть еще не успел. Рано лег спать.
– Норман говорил, что эта картина началась со скандала.

– А в чем дело?
– Изначально планировалось, что главную роль будет играть Глория Ламарк. Но потом что-то случилось, и режиссер предпочел другую актрису.
Гленн кивнул:
– Верно. В одной из биографических книг про Кору Берстридж об этом тоже говорится. Они публично поливали друг друга грязью, а однажды Глория Ламарк даже швырнула в Кору бокал с вином. Вроде как это было в присутствии королевской семьи, на премьере какого-то фильма. – Он покачал головой. – Как же ты не видел «Зеркало на стене»? Ведь с этого фильма началась карьеры Коры Берстридж. Ее за ту роль номинировали на «Оскар».
Саттон прошел по коридору к входной двери. Открыл ее, осмотрел, закрыл, потом снова открыл.
– Насколько я понимаю, дверь починили, после того как ты ее сломал?
– Ага.
– Значит, если злоумышленник входил через нее, ты уничтожил все улики.
С притворным раскаянием Гленн сказал:
– Прошу прощения.
Саттон оживился, увидев разгром в чулане при кухне. Он вытащил из сумки кисточку, жестянку с порошком, принялся наносить кисточкой порошок на стену под лазом. Потом достал ультрафиолетовую лампу, включил ее, осмотрел обработанную поверхность. И объявил:
– Отпечаток подошвы.
Гленн и сам видел – очень четкий отпечаток.
Саттон сфотографировал его.
– Тринадцатый размер обуви. У тебя какой?
– Одиннадцатый.
– Кто-нибудь еще из полиции сюда поднимался?
– Нет.
– Здоровый мужик, – заметил Саттон. – Высоченный.
– Откуда ты знаешь, что мужик?
Рон снисходительно посмотрел на него:
– Ты хоть раз встречал женщину, у которой нога тринадцатого размера?
– Нет. Но все когда-нибудь случается впервые.
– Что касается меня, то я предпочитаю женщин помельче. – Саттон осмотрел потолок вокруг лаза. – Тут все чисто. Ну-ка помоги мне туда залезть.
Гленн сцепил пальцы рук и подсадил Рона. Потом залез на чердак сам, включил свет и довольно ухмыльнулся, заметив испуг на лице коллеги, увидевшего манекен.
– «Госпожи нет дома», – сказал Гленн.
– Какой госпожи? Той, у которой нога тринадцатого размера?
– Темнота! Так называется фильм, в котором Кора Берстридж играла вместе с Энтони Перкинсом.
– А, помню. Хороший фильм. Страшный. – Саттон осмотрел манекен с той же настороженностью, что и сам Гленн в прошлый раз. – Ну и где тут пожарный выход?
Гленн показал.
– Где-то поблизости я видел подозрительный клочок ткани…
Но криминалист уже и сам заметил кремовые нити на гвозде.
Саттон посветил фонариком и вынес вердикт:
– Это здесь недавно. На материи нет пыли.
Настроение Гленна улучшилось. Он не хотел, чтобы Саттон жалел о бездарно потраченном времени. А так все складывалось неплохо: сперва отпечаток ноги в чулане, а теперь свежая материя.
– Ты можешь сказать, откуда это?
– Только после анализа. Похоже на лен. Может, от пиджака, брюк, рубашки – да мало ли от какой одежды.
– Гвоздь находится на высоте пяти с половиной футов от пола, Рон. Вряд ли это брюки или рубашка.

– Не иначе тут побывала эта твоя тетка с тринадцатым размером обуви, – иронически ответил Рон, осторожно снимая волокна и опуская их в пластиковый пакетик. Он вручил его Гленну. – Возьми. Храни как зеницу ока.
Они медленно шли дальше по чердаку, осматривая по очереди все стропила и промежутки между балками. Наконец добрались до двери. Саттон проверил ее на наличие отпечатков, но ничего не нашел. Потом он открыл дверь и моргнул: яркий солнечный свет ворвался на чердак. Вечер обещал быть хорошим.
Они подошли к пожарной лестнице. Гленн критически осмотрел соседние здания. Надо же, у этих старых домов такие красивые фасады, но с другой стороны, изуродованные пожарными лестницами, вроде той, на которой они сейчас находились, строения смотрятся довольно уныло.
– Лето в разгаре, – сказал Рон Саттон. – Однако некто поднялся на чердак, а потом вышел из этой двери и не оставил никаких следов. Немногие люди носят летом перчатки, разве что они боятся оставить отпечатки пальцев.
– Или испачкать руки, – добавил Гленн.
Саттон разглядывал перегородку вокруг выбитой двери.
– Ее взломали изнутри – точно так же, как ты попал в квартиру, – хорошим ударом ноги.
– Ты уверен? – немного разочарованно спросил Гленн. Его бы больше устроило, если бы Рон сказал, что дверь взломали снаружи.
– Снаружи никаких отметин. При взломе неизбежно пришлось бы использовать какой-нибудь рычаг. А любой рычаг оставил бы след на косяке или на самой двери.
Гленн кивнул: с этим не поспоришь.
– Значит, у нас есть отпечаток подошвы и лоскуток материи. И только. Надеюсь, ты не сердишься на меня, Рон? Не считаешь, что пришлось впустую потратить драгоценное время? Улик-то набралось негусто.
– Людей отправляли на виселицу и при меньших уликах, Гленн.
– Я не думаю, что этого достаточно, чтобы убедить Дигби. Отпечаток подошвы тринадцатого размера и лоскуток ткани – то ли с пиджака, то ли с рубашки. Прямо скажем, маловато.
– У тебя теперь есть зацепка, Гленн. Ищи женщину с ногой тринадцатого размера, которая разгуливала по чердаку на руках.
Гленн укоризненно посмотрел на него.
– Извини, – сказал Рон Саттон. – Просто день выдался долгий.

70

Офис Национальной службы по поиску пропавших людей размещался на двух этажах безликого приземистого здания за супермаркетом «Уэйтроуз», на оживленной улице в Мортлейке, в нескольких милях западнее, если следовать вдоль русла Темзы, Шин-Парк-Хоспитал.
Посетители здесь не приветствовались, все переговоры следовало вести по телефону. Майкл понял это, стоя перед входом на жарком полуденном солнце; над влажным тротуаром поднимался парок, а Майкл слушал голос женщины в домофоне. Она говорила вежливо, но твердо:
– Если вы хотите сообщить о пропавшем человеке, то мы бы предпочли выслушать вас по телефону. Мы не имеем возможности принимать посетителей.
Майкл устал и был на взводе после перепалки по телефону с детективом-констеблем Роубаком из полиции Хэмпстеда. Тот заявил ему, что пока еще ничего не предпринимал, и попросил Майкла перезвонить ему на неделе.
Четыре часа дня, среда. Аманда отсутствовала уже двое с половиной суток. Через три часа доктора Теннента ждали на радио, и – хотя Майкл и не предупредил об этом редактора заранее – он намеревался во время сегодняшней передачи дать в эфир описание Аманды. А почему бы и нет? Что ему терять?
На пути из Суссекса Майкл проехал вдоль всего маршрута, по какому, если верить Ларе, Аманда должна была возвращаться в город воскресным вечером. Несколько раз он

останавливался на поворотах сельских дорог, где среди густых кустов или в подлеске могла оставаться незамеченной попавшая в аварию машина, и тщательно все осматривал.
Его туфли были заляпаны грязью, руки и лицо исцарапаны ветками, и Майкл порадовался, что суровая собеседница не видит сейчас его. Он в отчаянии уставился на металлическую решетку и разыграл свой последний козырь, надеясь, что это поможет ему достучаться до сердца неприступной сотрудницы.
– Мне очень надо с кем-нибудь поговорить. Меня зовут Майкл Теннент. Я доктор медицины, психиатр, и вечером по средам веду на радио передачу. Я мог бы упомянуть в сегодняшнем эфире и вашу организацию.
Женщина помолчала, а потом неохотно произнесла:
– Ну хорошо, поднимайтесь на второй этаж.
Майкл понял, что она имела в виду, говоря, что у них нет условий для приема посетителей, когда поднялся наверх и оказался в огромном, не разделенном перегородками помещении. Здесь было не меньше сорока столов, выстроившихся вдоль стен по обе стороны узкого прохода. Слева окна, выходившие на оживленную улицу, а справа – стена, от пола до потолка увешенная плакатами с фотографиями пропавших людей и надписями, напечатанными жирными красными, синими и черными буквами.
Почти за всеми столами сидели люди. Они разговаривали по телефону или работали на компьютерах. Спокойная деловая атмосфера, хотя и слегка пронизанная ощущением напряженности. Среди сотрудников были как мужчины, так и женщины, в основном среднего возраста.
К Майклу подошла строгая светловолосая дамочка лет сорока, облаченная в серый костюм. Она с сомнением оглядела его запачканную одежду и поцарапанное лицо.
– Доктор Теннент?
– Да. Простите, что вторгаюсь к вам.
– Меня зовут Кэролайн Нельсон, – холодно сказала женщина. – Я координатор проекта. Я слушала вашу передачу.
По выражению лица Кэролайн Нельсон Майкл не мог понять, понравилась ей передача или нет. Но хорошо уже то, что эта дама знает, кто он такой. Он улыбнулся:
– Продюсеры постоянно преувеличивают, говоря о рейтинге передачи. Приятно увидеть хотя бы одного реального слушателя!
– К сожалению, я слушаю вашу программу нерегулярно, – осадила она его. – Так, от случая к случаю. – Кэролайн Нельсон посмотрела на его туфли, потом перевела взгляд на лицо. – С вами все в порядке? Ничего не случилось?
– Со мной ничего. Вы уж извините, что я в таком виде. Просто искал пропавшего человека – и свалился в канаву. – Объяснение явно не удовлетворило ее, и Майкл поспешил добавить: – Послушайте, вас наверняка постоянно осаждают разные психи, но я не из их числа, честное слово. Пропала одна моя хорошая знакомая, но мне почему-то никак не удается убедить полицию заняться ее поисками. У меня через три часа передача на радио, и я хотел обратиться к слушателям с просьбой о помощи. Пожалуйста, подскажите мне, что лучше сказать. А я в благодарность упомяну о вашей организации. Уверен, что реклама вам не помешает.
– Может быть, выпьете чая? Кофе? Сока?
– Чая. Спасибо.
Кэролайн Нельсон провела его в маленькую комнату отдыха для персонала, принесла чай в пластиковом стакане и села напротив. Она оставалась все такой же холодной и настороженной.
– Доктор Теннент, мы ежегодно получаем двести пятьдесят тысяч сообщений о пропавших людях. Если мы станем принимать каждого, кто хочет сделать заявление лично, у нас выстроится очередь, длиной в десять раз превышающая расстояние отсюда до центра Лондона и обратно.
– Я все понимаю.
– Я сделала для вас исключение. Но вы должны пообещать, что не назовете по радио наш адрес, только номер телефона горячей линии.
Майкл улыбнулся:
– Обещаю.
– Хорошо. – Она слегка смягчилась. – А теперь расскажите, что у вас случилось.

Майкл поведал ей всю историю. А когда закончил, то увидел, что Кэролайн Нельсон смотрит на него не сочувственно, а с подозрением.
– Вы с ней поссорились, доктор Теннент? У вас был конфликт?
– Нет! Ничего похожего!
– Вы уверены?
– Конечно. Нам… нам с ней…
– Может, вы ей угрожали? Били ее?
– Нет, что вы. Я очень люблю Аманду. Нам было так хорошо вместе.
– Не хочу вас обидеть, доктор Теннент, но так говорят почти все мужчины.
– Я не из тех, кто способен ударить женщину. Я вообще очень мирный человек.
– Однако вид у вас такой, будто вы только что участвовали в драке.
Кэролайн Нельсон начала раздражать Майкла, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить хладнокровие.
– Я же вам объяснил: я пытался отыскать следы Аманды и свалился в канаву.
Женщина в ответ окинула его взглядом и ничего не сказала.
Чувствуя себя неловко, он посмотрел в окно. На телевизионной антенне сидели два скворца. Где-то там, за окном, была Аманда. Где? «Где ты, моя дорогая?»
– Вы должны понять, что нам очень часто звонят мужчины, говорят, что у них пропала жена или подруга, но потом обычно выясняется, что они били бедняжку, угрожали ей и та в ужасе сбежала. В гостиницу или к друзьям.
– В данном случае ничего подобного и близко не было. Мы прекрасно провели время и расстались очень тепло. Аманда поехала на день рождения к племяннице и обещала позвонить мне, когда вернется. Ладно, допустим, она по каким-то причинам сбежала от меня. Но она не появилась в офисе, пропустила важные деловые встречи. Это абсолютно на нее не похоже. На работе все очень обеспокоены.
– Вы утверждаете, что любите эту женщину. Но вы уверены, что она действительно отвечает вам взаимностью?
– Если Аманда притворялась, то она великая актриса.
– Вы знаете ее совсем недавно. Возможно, у нее есть тайная жизнь, которую она от вас скрывает.
Майкл поставил стакан с чаем на стол и встал, в ярости и разочаровании сжимая кулаки.
– Господи боже! Опять двадцать пять! Я ведь уже объяснил вам: даже если у Аманды и впрямь есть тайная жизнь, которую она скрывает от меня, она не стала бы прятаться от своей ассистентки. Тем более что Лулу ее близкая подруга. Аманда попала в беду, в какую-то ужасную беду… Не дай бог, конечно, но, может быть, она уже мертва. Неужели я единственный человек в этой чертовой стране, кого волнует ее судьба, кто пытается ей помочь?
Кэролайн Нельсон подняла руки:
– Ну хорошо, успокойтесь, пожалуйста. Мы вам поможем.
Майкл отвернулся и снова посмотрел на скворцов.
– Спасибо.
– У вас есть ее фотография?
– Даже несколько.
– Мы изготовим плакат и разошлем его повсюду, постараемся дать объявление о розыске на нескольких телеканалах. Вас это устраивает?
– Пожалуйста, сделайте все, что только возможно! – взмолился Майкл. – Извините за вторжение. И спасибо вам огромное.
– Если вас это утешит, то могу сообщить, что около семидесяти пяти процентов пропавших возвращаются домой в течение тридцати двух дней.
– А остальные двадцать пять процентов? Что с ними?
Кэролайн Нельсон посмотрела ему в глаза и ничего не ответила.

Оливер, муж Лары, в переднике с изображением Гомера Симпсона, пробовал вилкой колбаски на барбекю. Остальные сидели за деревянным столом в тени гигантской ивы: двухлетняя Элис, четырехлетняя Леонора и шестилетний Джейк. Все они смеялись какой-то шутке. Лара тоже смеялась.
Все счастливы. Безоблачное небо, ни ветерка. Вдали за живой изгородью целое море зреющей пшеницы. Крошка Элис все еще давилась смехом, хотя остальные уже отсмеялись.
– Я влюбилась, – сообщила Аманда.
Все повернулись к ней – на лицах теплые улыбки: давай же, рассказывай дальше.
– Безумно влюбилась. Я никогда прежде такого не чувствовала. Я встретила мужчину, который…
Голос ее звучал как-то до странности отчужденно, она словно бы подслушивала себя со стороны. Но потом вдруг резко сбился фокус, что-то изменилось. Солнечный свет стал меркнуть, его сменяла темнота.
Аманда почувствовала под собой жесткий, комковатый матрас, и страх вернулся, когда она открыла глаза в бескрайней темноте, которая теперь стала ее миром.
Она лежала без движения, прикидывая, сколько может быть времени. Ночь? День? Утро? Вечер? Она подумала, что, наверное, существует какой-то способ высчитывать время в темноте. Вот только какой?
Ей очень хотелось помочиться.
Проснувшись в прошлый раз, она развернула матрас в направлении ведра-параши и теперь медленно поползла в ту сторону, конечности затекли от долгого сна. Внезапно Аманда резко остановилась, услышав слабый скребущий звук.
Господи, неужели крыса?
Что-то коснулось ее щеки – комар или мошка, какое-то насекомое. Она с силой шлепнула себя по лицу, услышала, как звук шлепка эхом разнесся по ее узилищу.
Аманда добралась до ведра, из которого немилосердно воняло. Облегчившись, она протерла лицо и руки мыльной водой из ведерка для умывания. Затем встала, чтобы размять ноги, и почувствовала, что в голове у нее прояснилось.
Она остро ощущала безмолвное присутствие двух тел в соседнем помещении. Один труп был женским, а проверить второй у нее не хватило мужества. Несколько недель назад пропала женщина-редактор, о ней говорили по телевидению, писали в газетах – красивая, лет тридцати, с короткими каштановыми волосами. Может, это она?
Может быть, их всех похитил какой-нибудь монстр вроде Фреда Уэста или того типа, который сдирал кожу со своих жертв в «Молчании ягнят»?
Аманда напряглась, – похоже, кто-то сюда идет.
Мысли отчаянно метались. Она еще раньше придумала план: встать возле двери и, когда ее мучитель появится, под покровом темноты выскользнуть из этого каменного мешка у него за спиной.
Можно, конечно, ударить его, когда он войдет. Вот только чем? Здесь ничего подходящего не было. Матрас, пластиковые ведра, бумажные тарелки, пластиковый поднос, пластиковая кружка. Ничего достаточно тяжелого, чтобы сбить человека с ног. И вдруг из темноты послышался голос Майкла:
– Привет, Аманда. Как дела?
Она повернулась, потрясенная.
– Майкл?
Молчание.
– Майкл? – снова повторила она, решив, что у нее начались слуховые галлюцинации.
– Привет, Аманда. Как дела?
Это и впрямь был голос Майкла. Но только холодный, чужой, словно бы им говорил какой-то другой человек.

«Тут все провоняло мочой. Просто отвратительно. Это грязное существо следует наказать – надо же было довести помещение до такого состояния».
Томас взмахнул электрическим стрекалом для скота, глядя на зверька через очки ночного видения. Какое четкое изображение. В зеленом свете он видел каждое ее движение. Она стояла

спиной к стене и смотрела не туда, где сейчас был Томас, а туда, где он находился несколько мгновений назад.
– Разденься, Аманда, – сказал он, продолжая подражать голосу доктора Майкла Теннента.
– Не подходи ко мне.
– Хочешь почувствовать внутри себя мой чу-чу?
– Не подходи ко мне, – произнесла она еще более нервным голосом и перешла на крик: – Майкл, не подходи ко мне!
Он бесшумно сделал шаг к ней, потом еще один.
– Ну, Аманда, сейчас я сделаю тебе больно.
– Я думала, ты любишь меня, Майкл, – произнесла она сдавленным голосом и отступила от стены, считая, что отдаляется от него.
Но Томас в своих кроссовках бесшумно шагнул в сторону и снова оказался перед ней. Она этого не знала, но смотрела прямо в его глаза.
С огромным удовольствием он изо всей силы ткнул стрекалом ей в живот и нажал на кнопку.

От неожиданного удара у Аманды перехватило дыхание, и тут же электрический разряд пронзил все тело, отшвырнув девушку назад к стене. Она отчаянно закричала.
Последовал еще один удар – теперь в грудь. Все ее внутренности сжались, потом расслабились, затем снова сжались, опять расслабились: ее словно бы то подключали к электрической розетке, то вновь отключали. Боль переместилась на бедра, на лицо – мучительные судороги повторялись раз за разом. Аманда снова вскрикнула, закрыла руками голову, покатилась по полу в надежде спрятаться, но ударилась о стену, откатилась назад, благополучно не задев ведро, умоляя своего мучителя прекратить:
– Пожалуйста. Пожа-а-а-а-а-а-алуйста-а-а-а-а. Я сделаю что угодно. Скажи мне, что ты хочешь. А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а.
И тишина.
Тишина, которая длилась, казалось, целую вечность. Бедняжка лежала неподвижно в ожидании следующего удара. Но его не последовало.
Жуткая тошнота подступила к горлу Аманды. Ее вырвало.

72

На линии была Мардж. Эта дамочка неизменно дозванивалась на радио каждую неделю в надежде вновь проверить на прочность доктора Теннента, продемонстрировав ему очередную крупицу знаний, которую она выудила из трудов Юнга или Фрейда.
Маленькая студия сегодня казалась еще более тесной, чем обычно. Майкл никак не мог отодвинуться подальше от микрофона, проклятая резиновая луковица агрессивно лезла ему прямо в лицо, словно стервятник, собирающийся выклевать жертве глаза.
Редактор Крис Бимиш сидел в аппаратной по другую сторону перегородки из звуконепроницаемого стекла, внимательно глядя на ведущего. Почему? Редактор прежде никогда так не смотрел на него, просто отбирал звонки и переводил их на Майкла.
За спиной у Бимиша суетился техник, тоже бородатый, он собирал полку из каких-то металлических конструкций, чем отвлекал и раздражал Майкла. Ведущий предыдущей передачи прилепил к пульту с десяток желтых стикеров с надписями, и они тоже ему мешали. Майкл старался не смотреть на них, но его глаза словно магнитом притягивало к этим бумажкам, потому что иначе ему пришлось бы встретиться взглядом с Бимишем. На одной из них было написано: «Виртуальная реальность? Искусственная жизнь? Если нечто похоже на утку, ходит, как утка, плавает, как утка, то, вероятно, это и есть утка».
Майкл нажал кнопку микрофона и, стараясь скрыть усталость в голосе, сказал:
– Добрый вечер, Мардж из Эссекса.
– Добрый вечер, доктор Теннент. Извините, не могли бы вы прояснить мне акаузальный связующий принцип Юнга?
– Конечно, Мардж. Что именно вас в нем беспокоит? – чуть шутливо спросил Майкл, но эта женщина не понимала шуток.

– Видите ли, я не уверена, что вполне его понимаю, – ответила Мардж своим бесстрастным голосом. – Меня беспокоит, что события в моей жизни могут происходить по причинам, которых я не понимаю.
Майкл посмотрел на настенные часы. Десять минут восьмого. До рекламы восемнадцать минут. Времени хватит для Мардж и еще для одного звонка. После этого он сделает свое объявление. Мардж подбросила ему серьезную тему, и он прикидывал, как бы объяснить это коротко и доступно.
– В вашей жизни когда-нибудь случались совпадения, Мардж?
– Постоянно.
– Юнг верил в значимые совпадения. Я вот вспомнил: где-то он писал, что совпадения – это визитные карточки Бога.
– Мне это нравится! – сказала она.
– Вам, Мардж, знакома теория коллективного бессознательного Юнга?
– Не могу сказать, что все в ней понимаю, но да, я знаю о существовании такой теории.
– В жизни Юнга случилось несколько сверхъестественных событий, которые невозможно было объяснить в общепринятых терминах физики или психологии. Поэтому он пришел к выводу, что для объяснения этих событий недостаточно обычной, каузальной, причинно-следственной связи, и стал называть их акаузальными. Это вам ясно?
– Мм… не очень. Разве Юнг не расходился с Фрейдом в понимании природы совпадений?
Майкл попытался перевести разговор на личные проблемы Мардж, но она все оставшееся время упорно старалась выведать у доктора Теннента, какие позиции занимали Фрейд и Юнг.
– Надеюсь, я помог вам, Мардж, – произнес он наконец, с облегчением сбросив звонок.
Майкл порадовался, что продрался сквозь дебри, хотя по озабоченному виду редактора понял, что сделал это не самым блестящим образом.
Майкл посмотрел на маленький экран компьютера сбоку от пульта: своей очереди ожидали еще шестеро желающих с ним побеседовать. Они представлялись по имени и району проживания. Если кто-либо из этих людей уже звонил раньше, то рядом в скобочках стояла особая пометка: Майкл должен был тепло поприветствовать постоянных слушателей.
Сегодняшний список возглавляло необычное имя – Надама из Северного Лондона. Ниже – Радж из Илинга. Потом шли Ингрид из Ноттинг-Хилл-Гейта и Гарет из Икенхама.
Майкл нажал кнопку и сказал:
– Здравствуйте, Надама, из Северного Лондона!
И услышал в наушниках дрожащий, испуганный голос Аманды:
– Майкл?
Он от радости почти закричал:
– Аманда? Где ты? С тобой все в порядке?
– Майкл, – ответила она, – мне страшно. Мне не нравятся эти игры. Пожалуйста, прекрати.
Он увидел странное выражение на лице Бимиша, но ему было все равно. Он разговаривал с Амандой. Он отчаянно замахал редактору, чтобы тот вывел его из эфира, поставил рекламу, музыку, все, что угодно.
– Игры? Какие игры? О чем ты говоришь, Аманда? Господи, с тобой все в порядке? Слава богу, что ты позвонила, а то я просто с ума схожу от беспокойства. Где ты?
– Не подходи ко мне.
Огонек прямого эфира продолжал гореть. Майкл снова жестом попросил Бимиша отключить его. Редактор чуть заметно кивнул, и свет погас.
Голос Аманды звучал ужасно: нервно и как-то неестественно.
Он как можно мягче произнес:
– Аманда, я не понимаю. Прошу тебя, объясни, что случилось! Я чем-то тебя обидел?
– Не подходи ко мне. – Она повысила голос. – Не подходи!
Ему стало жутко.
– Я думала, ты любишь меня, Майкл. Я думала, ты любишь меня, – сказала она.
Безумные мысли приходили ему в голову. Может быть, она встретилась с Брайаном и тот наговорил ей про соперника каких-нибудь гадостей?
– Аманда, да объясни ты толком, что случилось! Что я такого сделал? Может, кто-то тебе сказал…
Но она уже повесила трубку. Имя Надама исчезло с экрана.

Надама. Господи. Примитивная анаграмма. Майкл поднял взгляд – Бимиш отчаянно махал ему. Потом по интеркому прозвучал его голос:
– Майк, бога ради, что вообще происходит?
Майкл тупо посмотрел на него.
– Ровно минута до окончания новостей, и вы возвращаетесь в эфир.
– Вы можете отследить звонок? – спросил Майкл.
– Сорок секунд.
– Пожалуйста, узнайте, откуда звонили! – закричал он.
– Сделаю, что смогу. Двадцать секунд.
Майкл нажал кнопку:
– Здравствуйте, Радж из Илинга.

73

Майкл.
Лежа в кромешной тишине, пропитанной запахом собственной рвоты, Аманда пыталась осмыслить случившееся, но у нее ничего не получалось. Сильная боль мешала ей мыслить ясно.
«Как человек, который выглядел таким милым и приятным, оказался способен на подобное? Майкл умен. Может, он и псих, но в уме ему не откажешь. Теперь он меня отсюда ни за что не выпустит».
Аманда припомнила ночь, которую они провели вместе, – это было словно бы в какой-то другой вселенной, в ином измерении. Ей было так хорошо и спокойно в его объятиях, и она не хотела ничего другого – только лежать там и вечно заниматься с ним любовью. И еще Аманда вспомнила теперь, как перекосилось его лицо, когда она взяла с камина фотографию Кейти. Вспомнила стальную хватку его пальцев на своем локте.
«Боже мой, какая же я была дура, что тогда не обратила на это внимания».
Надо было сразу же уйти. В те несколько мгновений отчетливо проявилась его темная сторона. Но она предпочла проигнорировать это, обмануть себя: дескать, то было всего лишь проявление скорби, ничего больше.
Ее затопил ледяной ужас. Неужели ее не найдут? А как, интересно, ее смогут найти? Она представила себе, как Лулу и Майкл разговаривают по телефону. Майкл изображает озабоченность, дает собеседнице всякие советы, рассказывает о том, как они с Амандой были счастливы вместе, напускает на себя расстроенный вид.
И ведь все ему поверят. Никому и в голову не придет заподозрить Майкла. Так что на помощь рассчитывать нечего. Единственная возможность спастись – выбраться отсюда самой.
«Где я?»
Аманда стала вспоминать те драгоценные мгновения, когда в помещении горел свет. Это явно не пещера, а нечто созданное человеком. Неприступная современная камера. Судя по полному отсутствию света и абсолютной тишине, она, вероятно, находится под землей.
В банковском хранилище? Не исключено. Или в каком-то заброшенном бункере, построенном во времена холодной войны? Тогда по всей стране возводили противорадиационные убежища. Для человека вроде Майкла Теннента не составило бы труда разузнать о местонахождении такого укрытия и даже получить в него доступ.
«Я могу находиться абсолютно в любой точке Великобритании. Как давно он ушел? Час назад? Два? Нужно найти способ отсчитывать время в темноте».
Шурупы на вентиляционной решетке имели диаметр приблизительно с ноготь ее мизинца. Аманде требовалась отвертка.
Преодолевая боль, девушка поднялась, нащупала стену и вдоль нее прошла в соседнее помещение. Она смотрела перед собой, и вдруг на нее из темноты посыпались крохотные искорки света. Начали двигаться какие-то силуэты, плясать темные фигуры.
Она испуганно отступила назад, кожа ее покрылась пупырышками.
«Это просто игра воображения. Померещилось от ужаса. Они мертвы, а трупы не могут встать и ходить. Они мертвы, Аманда.
Мертвы.

И ты тоже станешь трупом, если не предпримешь что-нибудь. Вспомни о тех, кто сумел спастись в экстремальных обстоятельствах. Эти люди сохраняли спокойствие, не давали воли страху, они мыслили логически, были исполнены решимости жить».
Держась за стену, Аманда вошла в смежное помещение и продвигалась вперед, пока ее нога не наткнулась на что-то. И хотя она намеренно искала трупы, однако, прикоснувшись к одному из тел, замерла. Прошло некоторое время, прежде чем Аманда набралась мужества и опустилась на колени. Вонь формалина была просто невыносимой. Она вытянула руки, нащупала щиколотку, облаченную в нейлоновый чулок. Нога была твердой, словно древесина, не похожей на человеческую плоть. Тонкий ремешок. Женская туфелька на небольшом каблуке. Каблук довольно прочный, он может ей пригодиться. Аманда провела руками вверх по ноге. Нащупала юбку. Смесь хлопка и вискозы. Так, еще выше блузка. Хлопок. Ремня нет. До чего же страшно чувствовать под пальцами мертвую плоть. А вот и руки незнакомки, обнаженная кожа на ощупь, как холодная твердая резина. На левом запястье часы – маленькие металлические часики на кожаном ремешке. Но ей от них никакой пользы – циферблат не светящийся.
Теперь самое страшное. Лицо. Аманда осторожно прикоснулась к нему кончиками пальцев, а потом, набравшись мужества, попыталась тщательно исследовать лицо женщины, чтобы получить представление о ее возрасте и внешности. Она нащупала волосы: короткая стрижка. Как у пропавшей редакторши. Как ее звали? Тина Маккей! Она вспомнила имя, которое в последние две недели было на слуху у всей Англии.
«Тина Маккей, неужели я тебя нашла?»
Аманда отпрянула, ее трясло, глаза слезились от формалина, горло сжималось от страха.
Не вставая с колен, она потянулась ко второму телу, а когда нащупала его – ткань и жесткую, неподвижную плоть под ней, – вновь испытала ужас. Аманде пришлось приложить немалые усилия, чтобы взять себя в руки.
Пиджак. Рубашка. Галстук.
Она отпрянула, помедлила, потом снова коснулась трупа. Потрогала галстук. Синтетика. Так, теперь рубашка. Тоже синтетика. Пояс. Брюки. Широкий жесткий ремень с металлической пряжкой.
«Хорошо. Вот это хорошо».
Ее руки двигались вверх. Шея, потом лицо, мягкая щетина на подбородке. Определенно мужчина, причем на лице ни морщинки. Наверное, совсем молодой – лет двадцати?
Не было ли в газетах сообщений об исчезновении молодого мужчины? Аманда не помнила.
Она залезла в карманы пиджака – не найдется ли там чего-нибудь полезного, но не нашла совсем ничего. Затем стала ощупывать правую руку в поисках часов, взмолившись: «Господи, пусть я найду часы с подсветкой!»
И, потрясенная, отпустила руку покойника: кисти у него не было, только обрубок.
Потом нагнулась над телом, взяла его за другую руку, тщательно ощупала ее: и там тоже культя.
«Что ты сделал с этим мужчиной, Майкл? Что ты сделал с женщиной? Что собираешься сотворить со мной?»
Глотая слезы, Аманда сняла с мертвеца ремень и туфли, а потом поспешила к себе.
Встав на колени в углу, она ощупала пальцами ремень и пряжку, запах кожи напомнил ей мир живых: магазины, салон автомобиля, одежду, отдел сумочек в «Харви Николс». Она поднесла ремень к носу, с наслаждением вдохнула запах.
«Я выберусь отсюда. Любой ценой. Я буду покупать сумочки в „Харви Николс“ и гулять возле прудов на Хэмпстед-Хит. Я буду жарким солнечным днем ездить в автомобиле с откидным верхом. Обнимать племянников. Пить холодное вино и курить сигареты».
Ах, как ей хотелось сейчас закурить!
Аманда снова сосредоточилась, крепко сжала ремень в правой руке, отвела назад пряжку, откинула язычок, крепко прижала пряжку к ремню, держа язычок между пальцами. Потом повертела рукой с пряжкой вправо-влево. Удобно. Плотная, хорошая хватка.
Теперь она левой рукой плотно прижала пряжку к полу, так чтобы язычок лежал горизонтально, а правой ухватила носок туфли, снятой с мертвеца, и сильно, словно молотком, ударила по язычку каблуком.
Мимо. Во второй раз Аманда угодила себе по пальцам и с приглушенным криком бросила туфлю и пояс. Потом она намотала ремень на пальцы, чтобы защитить их, и попробовала снова.

Металлический звук свидетельствовал о том, что она попала в нужное место. Аманда ударила каблуком еще раз. Глухой звук – мимо. Новая попытка. Дзинь – попала. И еще раз. И еще. После нескольких успешных ударов Аманда потрогала язычок. Он был теплый. Хорошо. Из того, что она читала про двигатели, ей было известно: чем теплее металл, тем он податливее.

Томас притаился в нескольких футах, наблюдал за ней через очки.
«Что, черт побери, этот зверек делает? Стоит на коленях и колотит каблуком туфли по пряжке пояса. Зачем?»
Но что бы там ни происходило в курином мозгу существа, его это не волновало. Пусть зверек творит, что хочет.
Томас ушел так же беззвучно, как и вошел.

Вспыхнул свет, и страх бомбой взорвался внутри Аманды.
Испуганно повернувшись, она крепко зажмурилась, уронила туфлю, освободила пальцы от пояса и прижала ладони к глазам.
Тишина.
Аманда с опаской отняла руки от лица и медленно разлепила веки, чтобы зрачки привыкли к яркому свету.
Теперь глаза девушки открылись полностью и напряженно обшаривали помещение. Аманда готовилась отразить нападение этого ублюдка всем, что только имелось в ее распоряжении. Но ее ожидал сюрприз.
На полу в четырех футах позади нее стояли поднос с едой и кувшин со свежей водой. На подносе – яблоко и пицца. Вместо ее красного ведра-параши появилось желтое, а вместо оранжевого для мытья – зеленое. И еще тут было чистое полотенце. Старый поднос исчез.
Свет снова погас.

74

«Майкл, мне страшно. Мне не нравятся эти игры. Пожалуйста, прекрати».

Майкл сидел за столом в своем домашнем кабинете, уставившись на квадратные черные колонки, расположенные по обе стороны его стереосистемы.

«Не подходи ко мне».

Был вечер. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Он уже полтора часа как был дома, сидел в своем кабинете, пил кофе, снова и снова прослушивал запись, пытаясь осмыслить произошедшее, хоть как-то объяснить то, что слышал.
Бимиш сказал ему, что отследить звонок невозможно. Это был всего лишь один из сотен звонков, поступивших на коммутатор в тот вечер. Системы контроля на радио не было. Редактор не преминул напомнить Майклу, что гарантия полной анонимности немало способствовала успеху передачи. Позвонить мог любой – никто никого не отслеживал.
Бимиш сердился на Майкла. Это было заметно по его лицу. И Майкл не мог его за это упрекнуть. Семейным разборкам не место в прямом эфире. После передачи Бимиш поинтересовался, понимает ли доктор Теннент, какой это удар по его профессиональной репутации.
Но Майклу было плевать и на репутацию, и на передачу.

«Я думала, ты любишь меня, Майкл. Я думала, ты любишь меня».

«Да что же такое случилось, Аманда?»
Он перемотал пленку. Принялся ходить по кабинету. Сел на краешек мягкого кресла, отхлебнул остывший кофе.

«Я думала, ты любишь меня, Майкл. Я думала, ты любишь меня».

«Я тебя люблю, Аманда. Боже мой, я очень люблю тебя, больше всего на свете. Я люблю тебя даже больше, чем…» Он виновато посмотрел на фотографию Кейти в рамочке на столе. Снимок был сделан во время пикника. Жена лежала на расстеленном на траве покрывале и улыбалась ему во весь рот.

Лулу Майкл пока не звонил. Что он мог ей сказать? Что Аманда объявилась, но, судя по всему, боится его и поэтому исчезла?

К тому же, если Аманда позвонила ему, то, вероятно, она связалась и с Лулу тоже. Может быть, она все время держала подругу в курсе? А та специально делала вид, будто не знает, где Аманда, чтобы он ее не нашел.

Неужели Лулу лгала ему?

Это казалось абсолютно невероятным. И все же…

Аманда позвонила ему на радио. В прямой эфир.

Зачем?

Майкл вернулся мыслями в тот субботний вечер, который они провели у него дома. Вспомнил, как они ужинали. Как испугалась Аманда, увидев машину на противоположной стороне улицы. Как они занимались любовью. Он вспомнил, как Аманда потом беспокойно выглядывала в окно. В его памяти ожило воскресное утро: ах, какое это было замечательное, невероятно счастливое утро. И как им было хорошо вместе на гонках, спокойно и радостно.

Почему же она вдруг так резко изменила свое отношение к нему?

Он вроде бы не сказал и не сделал ничего такого, что дало бы Аманде основание вести себя подобным образом.

Может, у нее что-то с головой? Майкл призадумался. Ее манеру говорить по телефону отличали явные признаки паранойи. Может быть, Аманда страдала параноидальным психозом, а стресс, вызванный новыми отношениями, спровоцировал у нее приступ? Или она сидела на наркотиках? Конопля, крэк, экстази, амфетамины – все это вполне могло вызвать психоз такого рода.

Для параноиков характерно выискивать скрытый смысл в самых невинных замечаниях, неправильно интерпретировать события. Они склонны принимать комплименты за завуалированную критику. Если сказать страдающей паранойей женщине, что она сегодня хорошо выглядит, та может решить, будто собеседник имел в виду, что раньше она выглядела плохо. А признание в любви она может воспринять как попытку в корыстных целях втереться к ней в доверие.

Параноикам присущи резкая смена настроений, упрямство, язвительность и открытая враждебность. Но он не слышал злости в голосе Аманды.

Скорее, в нем сквозил страх.

Майкл перебирал в уме симптомы различных психических заболеваний, которые могли вызвать внезапное изменение личности. Может, у Аманды эпилепсия? Или опухоль мозга?

Он набрал домашний номер Лулу. Она ответила почти немедленно, хотя и сонным голосом. Майкл не стал спрашивать, говорила ли она с Амандой, а вместо этого сказал:

– Лулу, извините за поздний звонок.

– Ничего страшного. Есть новости?

– Хочу задать вам один вопрос: Аманда не страдала эпилепсией?

– Боже, нет. Мне, по крайней мере, ничего такого не известно.

– Думаете, она сказала бы вам?

– Да. Во всяком случае, Аманда недавно проходила тщательное медицинское обследование для получения полиса – мы все регулярно это делаем. Я вместе с ней заполняла бланк. И увидела бы, если бы она написала что-то в таком роде. А что?

– Аманда позвонила мне сегодня в эфир на радио. Мне показалось, что она не в себе.

– Аманда вам звонила? – Удивление в голосе Лулу было искренним.

– Да.

– Слава богу! Я с ума сходила от беспокойства. Она в порядке? Здорова?

– Э-э… не уверен.

– И где же она?

– Этого она не сказала.
– А что она сказала?
– У меня все записано на пленке.
– Но с ней все благополучно?
Майкл ответил не сразу:
– Сомневаюсь.
– Что вы имеете в виду?
– Лулу, вы знаете Аманду гораздо лучше меня, я хочу, чтобы вы послушали запись. Я…
– Можете проиграть мне запись по телефону? Или нет, лучше встретимся. Майкл, вы сейчас где? Я могу взять такси и приехать.
– Я сам к вам подъеду. Где вы живете?
– В Клэпхэм-Коммон.
– Диктуйте адрес. Я буду через двадцать минут.
– Сварить вам кофе?
– Было бы неплохо.

75

Траву на газоне пора было скосить. Он теперь вспомнил: летом траву надо косить раз в неделю. Раньше приходил человек с машинкой и делал это. Тот же самый работник, который занимался клумбами и чинил в доме все, что ломалось, и повсюду возил их с матерью на «бентли», который стоял сейчас, как и белый фургон, на многоэтажной платной парковке. В гараже при доме теперь стало тесно: там находились «форд-мондео» Теренса Гоуэла (хорошо, что он приобрел не слишком большой автомобиль) и остатки «альфа-ромео» Аманды Кэпстик (хорошо, что у нее машина оказалась не очень большая).
Томас собирался освободить место для серого «вольво» доктора Майкла Теннента: нельзя же держать его на улице, могут возникнуть проблемы. А ему проблемы совсем ни к чему.
«Да пошли вы все куда подальше, что я вам – сторож на парковке?»
Кто-то набросал фольги в пруд с карпами. Лагуна – так называла этот пруд его мать. Вероятно, в саду побывали вандалы. Это вывело Томаса из себя. Он посветил фонариком в воду: фольга засверкала. А выше виднелся силуэт крохотной беседки в стиле барокко – островок в середине пруда.
Уже темно. Одиннадцать вечера. По другую сторону стены, огораживающей сад, раздается женский смех. Высокая трава вся в росе, хотя дождя давно не было. Звезды наверху мерцают сквозь призмы. Кто-то готовит барбекю. Томас чувствовал запах шипящего оливкового масла и жареного мяса. В соседнем доме в окнах второго этажа горит свет. Женский смех в тишине вечера становится все тише. Вообще-то, поздновато для ужина.
Соседним домом владели швейцарцы. Они в основном жили в Коннектикуте, а здесь проводили лишь несколько недель в году. За домом присматривала горничная-филиппинка. Слева жил бывший брокер, он теперь вышел на пенсию и тоже много путешествовал.
Фольга в пруду оказалась вовсе даже и не фольгой.
Томас вспомнил, что его мать уволила человека, который косил траву, как раз перед тем как…
Какое ужасное слово – «умерла». Лучше не произносить его, даже мысленно, про себя. Оно придавало случившемуся определенность и завершенность, и это Томасу не нравилось. А так можно думать, что мама просто ненадолго ушла и скоро вернется. Иногда, бродя по дому или прогуливаясь по саду, Томас чувствовал, что она где-то рядом. Нет, не ее призрак, но она сама. В любой момент мама может окликнуть его.
Что, интересно, зверек делал с туфлей и пряжкой от ремня? Нужно будет это выяснить. Томас сделал зарубку в памяти. Но потом, не сейчас. Сейчас его занимала фольга на поверхности лагуны, которая оказалась вовсе даже и не фольгой.
Так вот, Томас вспомнил, что уволенный матерью работник, который приходил косить траву и чинить вещи в доме, еще также и кормил карпов. А теперь это должен был делать сам Томас, но корм недавно кончился, а купить новый он забыл.
И вот карпы передохли и плавали на поверхности.

Он стоял у самой кромки воды, направляя на них луч света. Они смотрели на него мертвыми глазами. Запах гниющей рыбы висел в воздухе – он явственно ощущал его здесь, вдали от ароматов барбекю.
«Как же я забыл вас покормить?»
Это все доктор Майкл Теннент виноват. Теннент его отвлек.
«Ты убил мою мать, доктор Майкл Теннент, а потом убил ее рыбок. Теперь хочешь для ровного счета убить и меня? Как говорится, Бог любит троицу, да?»
Томас вернулся в дом, закрыл боковую дверь из кухни, запер ее на замок и щеколду. Потом замер, прислушиваясь – не донесется ли каких звуков от зверька из убежища?
Разумеется, он ничего не услышал. Шутка ли – тридцать футов под землей, бетонные стены! Зверек может хоть всю ночь молотить туфлей по пряжке. Да что там, он может даже взорвать маленькую атомную бомбу, и все равно никто ничего не услышит.
А сам Томас волен делать со зверьком все, что ему заблагорассудится. Богатый выбор. Он подумал, каково будет попробовать на зверьке свой чу-чу. И покраснел. Словно бы мать стояла рядом с ним, выговаривала ему, напоминала: «Ты ведь понимаешь, Том-Том, что у тебя с головой не все в порядке? Ты ведь понимаешь это, да?»
Забывать легко. Важно не осложнять себе жизнь. Не спешить. Он забыл про рыбок, а теперь вот чуть-чуть не забыл, зачем привез сюда телку доктора Майкла Теннента.
Он привез эту шлюху не ради того, чтобы с ней развлекаться, нет, он должен наказать Майкла Теннента. Пробовать на зверьке свой чу-чу имеет смысл только в том случае, если это произойдет на глазах у доктора Теннента.
«Твой отец бросил нас, когда узнал, что у тебя с головой не все в порядке. Он стыдился тебя, Том-Том. Я ради тебя пожертвовала своей карьерой. Помни об этом, дорогой, никогда не забывай».
Томас сел в гостиной на диван и принялся разглядывать фотографии на стенах. И напомнил себе, в каком он долгу перед матерью, так что просто недопустимо по легкомыслию упустить шанс воздать ей должное.
Он стал думать о том, как бы они провели сегодняшний вечер, будь мама жива. Они бы поужинали вместе, потом посмотрели бы видео, и, может быть, если бы мама была в хорошем настроении, она бы позволила ему посмотреть одну из своих старых кинолент. Им было бы так хорошо сегодня, если бы не доктор Майкл Теннент.
Томас включил телевизор и в злобном изумлении увидел, что там идет фильм с участием Коры Берстридж – а ведь его не показывали бы, если бы он ее не убил. И в новостях о Тине Маккей тоже говорили только потому, что он забрал ее жизнь. Томас вдруг почувствовал себя ньюсмейкером. Это из-за него телевизионщики перекраивают программы, чтобы включить в них ретроспективный показ фильмов Коры Берстридж. Его переполняло могущество. Никто не пришел на похороны Глории Ламарк? Ничего, уж он постарается, чтобы ее смерть еще долго влияла на жизнь страны.
«Я оказываю влияние на этот мир».
Он забрал жизнь Тины Маккей три недели назад. Они могут сколько угодно расширять поиски и просить о помощи хоть всю планету. Его это не волнует. А ведь ничего подобного сейчас не происходило бы, если бы он отпустил Тину. Томас неожиданно успокоился.
Теперь у него оставалась лишь одна проблема – Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, штат Флорида. Соперник применил против Ламарка пешечную атаку Карпова, а он не смог вовремя ее распознать. А ведь все было так очевидно. В результате Томасу пришлось пожертвовать слоном, а это немалая цена.
Он спустился в свой кабинет, чтобы разобраться с Юргеном Юргенсом. Но стоило только Томасу сесть за компьютер, как он вспомнил о написанной им биографии матери. Теперь, после смерти Глории Ламарк, интерес к ней будет огромным. Нужно будет послать рукопись в какое-нибудь издательство. Может быть, даже сразу в несколько, поднять шумиху, устроить аукцион. Пусть издатели дерутся за авторские права!
Про Аманду Кэпстик в новостях пока что ничего не было.
«Что для тебя будет больнее, доктор Теннент: думать, что она тебя разлюбила, или получить по почте какую-нибудь часть ее тела?»

Майкл представлял себе Лулу высокой, строго одетой деловой женщиной, типичной лондонской яппи.
Существо, свернувшееся сейчас на полу перед аудиоколонкой и державшее в руке кружку кофе размером с ночной горшок, облаченное в лосины и мешковатую футболку, больше смахивало на небольшой забавный шарик: проказливая мордочка, огромные очки-блюдечки и короткие черные, словно проволочные, волосы.
Лулу обитала в уютной тесной квартирке, стены которой были увешены афишами малоизвестных пьес и стихотворными цитатами; на полу возвышались стопки видеокассет, компакт-дисков и книг; тут и там валялись подушки. У Майкла возникло ощущение, будто он оказался в гнезде.
Он сидел в кривобоком кресле с торчащими пружинами. Большое окно по случаю теплого, даже душного вечера распахнули настежь. Оттуда доносился шум машин: движение на Клэпхэм-Коммон-Уэст было оживленным.
Они внимательно слушали запись. Майкл наблюдал за выражением лица Лулу. Ему было не по себе: так странно слышать со стороны свой собственный голос.

«– Аманда? Где ты? С тобой все в порядке?

– Майкл, мне страшно. Мне не нравятся эти игры. Пожалуйста, прекрати.

– Игры? Какие игры? О чем ты говоришь, Аманда? Господи, с тобой все в порядке? Слава богу, что ты позвонила, а то я просто с ума схожу от беспокойства. Где ты?

– Не подходи ко мне.

– Аманда, я не понимаю. Прошу тебя, объясни, что случилось! Я чем-то тебя обидел?

– Не подходи ко мне. Не подходи! Я думала, ты любишь меня, Майкл. Я думала, ты любишь меня».

Майкл подал Лулу знак, и она нажала клавишу «стоп», после чего устремила на него свои глаза-блюдца. Большие и печальные. Несколько секунд она молчала, потом предложила:
– Может, прослушаем это еще раз?
Он взял свою громадную кружку, отхлебнул горячий сладкий кофе и кивнул. Прямо перед ним на стене висел плакат, на котором были только слова, явно цитата откуда-то. Нежно-зеленые буквы на темно-зеленом фоне: «Думаешь, ты слишком мал, чтобы что-то изменить? А теперь представь, каково комару».
Майкл посмотрел на Лулу. При других обстоятельствах он бы улыбнулся.
Они прослушали пленку еще два раза, после чего Лулу встала и принялась ходить по крохотной комнатке, заламывая руки.
– Уж больно голос странный, – сказала она.
– Вы так думаете? Может, это вовсе и не Аманда говорит?
– Да нет, Аманда… просто… что-то с ней не так.
– В каком смысле?
– Она сильно испугана, Майкл.
– Мне тоже так показалось.
– Стопудово, она чего-то боится. И голос у нее звучит как-то неестественно. Вы меня понимаете?

– Понимаю.
– Можем мы прослушать это еще раз?
Они прослушали запись снова.
– То, как она отвечает… словно… словно у нее крыша поехала. Будто она обкурилась или чего-нибудь нанюхалась. Но к наркотикам она наверняка не прикасалась.
– Почему вы так в этом уверены?
– Потому что один раз Аманда попробовала ЛСД – лет десять назад, еще студенткой, и тогда буквально слетела с катушек. Ох, как ее колбасило! Даже пришлось обратиться к врачу.
– Я не знал.
Лулу оживилась:
– Да! Аманда мне много раз говорила, что после того случая даже не прикоснется к наркотикам. Брайан употреблял кокаин и другую дрянь, и она мне рассказывала, что он и ей предлагал поторчать за компанию, но она всегда решительно отказывалась. Она очень сильная и волевая девушка.
– Хорошо, – сказал Майкл. – Значит, наркотики мы исключаем.
– А как насчет Брайана? – спросила Лулу.
Майкл рассказал ей о своем вчерашнем визите к Трасслеру, и Лулу, казалось, ничуть не удивилась, услышав о том, что у него есть другая женщина.
– Дерьмовый мужик. Я никогда не говорила Аманде, что о нем думаю. Но у него репутация бабника, это всем известно. Ни одной юбки не пропустит. – При этих словах Лулу томно вздохнула, словно бы сожалея, что Трасслер не приударил и за ней тоже.
– Значит, Брайана Трасслера можно исключить?
– Похоже на то, – кивнула она. – Майкл, вот вы психиатр. Скажите мне, чем еще, кроме наркотиков, можно объяснить такое странное поведение?
– Ну, резкое изменение личности может возникнуть вследствие эпилепсии, опухоли мозга или инсульта.
Лулу с ужасом посмотрела на него.
– Все эти состояния способны вызвать паранойю, которая по большей части сопровождается агрессией.
– Но не страхом?
– Возможна мания преследования, – может быть, Аманда считает, что я хочу каким-либо образом навредить ей.
– А какова, по-вашему, наиболее вероятная причина в данном случае?
– Причина паранойи?
– Да. – Лулу села на пол и взяла кружку.
– Биохимические изменения в мозгу вызывают изменения личности. То, что мы обычно подавляем в себе, выходит наружу. В особенности часто это наблюдается у людей с сильно заниженной самооценкой, склонных к депрессии.
– Это ничуть не похоже на ту Аманду, которую я знаю.
– Верно. Но вдруг она демонстрирует резкое изменение поведения вследствие нервного расстройства? Один из классических симптомов – интерпретация дружеских действий окружающих как враждебных. Возможно, именно с этим мы сейчас и столкнулись.
– Вы и правда думаете, что у Аманды внезапно развилась эпилепсия, опухоль мозга или случился инсульт?
– А вы уверены, что она прежде не страдала эпилепсией?
– Абсолютно. Нужно быть полной идиоткой, чтобы писать неправду в бланке медицинской страховки, верно?
– Да, ведь в этом случае полис будет автоматически признан недействительным. – Майкл отхлебнул кофе. Он был голоден, но не хотел тратить время на еду. Речь шла о жизни и смерти. Для него сейчас имела значение только Аманда, и его тревога возрастала с каждой секундой. До чего же странно чувствовал себя Майкл, находясь здесь с Лулу. Как если бы где-то рядом присутствовала Аманда.
– Я не убежден на сто процентов, что у нее какие-то неврологические нарушения. Из каждого правила есть исключения, но обычно человек, который страдает каким-нибудь из упомянутых заболеваний, внезапно становится агрессивным. Если бы у Аманды случались депрессии, то реакция была бы иной, но вы уверяете, что ничего подобного и в помине не было. Так?

Она кивнула.
– Непонятно, почему голос у нее звучит испуганно.
Майкл перемотал пленку, вытащил кассету из магнитофона.
Лулу протянула руку:
– Можно посмотреть?
– Пожалуйста.
– Это записали сегодня в студии?
– Да.
– А что, если сделать экспертизу голоса?
Майкл подавил зевок – усталость, несмотря на адреналин, давала о себе знать. Воздух в комнате казался тяжелым и густым.
– Я знаю, кто это может сделать.
Он вытащил мобильник и набрал домашний номер редактора передачи.
В трубке раздался сонный голос. Когда Крис Бимиш понял, кто его беспокоит, в тоне его послышалась враждебность.
– Господи боже, время без десяти двенадцать. Я хотел хоть сегодня выспаться. Послушайте, Майкл, у меня из-за вас уже были сегодня неприятности. Позвоните утром.
Доктор Теннент взмолился:
– Только не вешайте трубку! – Крис остался на линии. – Послушайте, – сказал Майкл, – дело крайне срочное. Мне нужна ваша помощь.
Он ждал ответа, но собеседник молчал.
– Крис, вы же работали на полицию в качестве эксперта по анализу магнитных лент, верно?
– Да. И до сих пор этим занимаюсь, – кисло подтвердил тот. – И для страховых компаний произвожу экспертизу, и для детективных агентств. А в чем дело?
– Крис, вы наверняка любите жену и детей. У вас ведь их трое, если не ошибаюсь?
– Какого черта, Майкл? Вы звоните мне посреди ночи, чтобы провести социологический опрос? Я думаю, вам после сегодняшней передачи стоит самому обратиться к психиатру. К сожалению, я никого не могу вам порекомендовать – прежде знал одного очень хорошего специалиста, вплоть до сегодняшнего дня, но, увы… – И редактор повесил трубку.
Майкл потерянно уставился на экран мобильника, еще раз набрал номер. На втором гудке Бимиш снял трубку. Он слегка успокоился, и теперь его голос звучал уже не столь враждебно.
– Ну что там у вас такое стряслось, Майкл? – спросил он.
– Социологический опрос тут ни при чем. Крис! Та женщина, что сегодня звонила на передачу, я вам говорил: она пропала. Я думаю, ей грозит страшная опасность. Мне срочно нужна ваша помощь. Эта женщина значит для меня ничуть не меньше, чем для вас – жена и дети. Не подумайте, что я спятил, я ни за что бы не стал звонить вам в такое время, но, поверьте, у нас каждая минута на счету. Помогите мне, Крис! Я прежде ни разу не просил у вас помощи и никогда больше не попрошу! Но, бога ради, помогите мне прямо сейчас!
Недолгая пауза. А потом:
– Вы хотите привезти пленку прямо сейчас?
– А можно? – с облегчением спросил Майкл.
– Чего уж там. Я все равно проснулся. И Сью тоже проснулась. И дети. И собака. Волнистый попугайчик, черт бы его подрал, тоже проснулся. А вместе с ним золотая рыбка и хомяк. Так что приезжайте.
– Мне очень жаль, что я потревожил вас в такой час.
– Хватит уже китайских церемоний, Майкл. Везите пленку.

77

Должно получиться. Аманда понятия не имела, сколько времени у нее в запасе. Возможно, у Майкла есть очки ночного видения. Не исключено, что он видел, как она колотила по пряжке, когда принес поднос. Но почему же он тогда не остановил ее?
Оставив эти вопросы на потом, Аманда сосредоточилась на своем занятии. Сложила матрас пополам, придвинув его к стене в том месте, которое пометила второй туфлей мертвеца. Держа

ремень с расплющенным язычком – импровизированную отвертку, она осторожно, чтобы не потерять равновесие, забралась на матрас. Подняла руки, нащупала вентиляционную решетку. К ее облегчению, язычок просто идеально вошел в шлиц шурупа. Крепко сжимая пряжку в руке, она начала поворачивать ее. Безрезультатно. Она нажала посильнее. По-прежнему ничего. Еще сильнее. Кончик язычка оставался в шлице.

Громкий щелчок, и резкая боль в правой ладони – что-то укололо ее, сорвало кожу. Пряжка сломалась, не выдержав нагрузки.

Подавляя слезы разочарования, Аманда сползла на пол, расправила матрас и оттащила его от стены, чтобы у Майкла, если тот вернется, не возникло никаких подозрений.

Девушка присела на корточки и тщательно исследовала пряжку. Одна из поперечин треснула. И две заклепки, которыми пряжка крепилась к коже, выскочили. Однако язычок был в порядке. Нужно было только укрепить конструкцию. Но чем?

Что-то мешало ей в матрасе – какой-то ком. Она ощупала его, надавила на ком, пытаясь понять, что это. Потом отпустила, и матрас принял прежнюю форму.

«Ясно!»

Настроение у Аманды поднялось.

И тут она услышала звук, словно совсем рядом скрипнула резиновая подошва. Во рту у нее пересохло. Он вернулся.

– Майкл? – спросила она дрожащим голосом, который сама едва узнавала. Ее трясло от страха. – Майкл, это ты?

Она ощущала его присутствие.

– Майкл?

Молчание.

– Майкл, пожалуйста, давай поговорим и все обсудим.

Неожиданная вспышка света в темноте обожгла ей глаза, словно кислотой. Аманда закрыла их руками, но вокруг уже снова стояла темнота. В этот мимолетный миг она услышала знакомый звук. Щелчок и короткое жужжание.

Он сфотографировал ее.

78

Майкл вел машину по хорошо освещенной улице пригородного Лондона, застроенной современными домами-коробками, маленькими и бесцветными. Лулу свернулась калачиком на пассажирском сиденье, держа на коленях кассету, словно бесценную фарфоровую статуэтку, и поминутно сверялась с атласом дорог.

– Майкл, – сказала вдруг она, – вы спрашивали, не случались ли у Аманды приступы депрессии.

– Да.

– Не знаю, почему мне это раньше не пришло в голову. Она ведь раз в неделю посещает психотерапевта.

Майкл притормозил, посмотрел на нее.

– Психотерапевта? Какого рода психотерапевта?

– Что-то вроде специалиста по личным отношениям. Это женщина. Она помогала Аманде пережить кризис, когда та решила расстаться с Брайаном Трасслером.

– Как ее зовут?

– Максина Бентам.

– Первый раз слышу такую фамилию, но это ничего не значит. Почему вы мне раньше не сказали, черт побери?

– Не знаю… забыла. – Лулу смутилась. – Я просто все думала о том, что вы рассказывали про депрессию. Аманда не склонна к депрессии.

– Ну, положим, люди, которые чувствуют себя счастливыми, к психотерапевту не пойдут.

– Да. Но с Амандой все иначе. Она какое-то время ходила к Максине Бентам и была очень довольна.

– У вас есть ее телефон?

– Надо посмотреть в офисе, в компьютере у Аманды. Так, первый поворот мы проехали, нам нужен второй… сейчас направо.
Майкл свернул направо.
– Я ей позвоню утром.
Теперь они ехали по другой улице, застроенной такими же однотипными домами-коробками.
– Номер тридцать семь, – сказала Лулу. – Вот он.
В саду перед домом на камне посреди круглого декоративного пруда, подсвеченного зелеными прожекторами, сидел гном в колпаке и с удочкой.
«Может быть, это такой прикол, а может, гном действительно нравился Крису, – подумал Майкл. – Кто его разберет, этого невозмутимого бородача».
Редактор в фирменном свитере с логотипом «Ток-радио» и в штанах от спортивного костюма открыл гостям дверь и пригласил их в дом. Через внутреннюю дверь он провел их в помещение, которое, как предположил Майкл, прежде было гаражом, а теперь стало студией, буквально нафаршированной всевозможной электроникой. Стены были обиты звуконепроницаемыми панелями.
Майкл познакомил Лулу с Бимишем. Тот взял кассету, вставил ее в расположенный под монитором кассетоприемник и отправился за кофе. В комнате был только один стул, возле компьютера. Майкл и Лулу стояли, устало прислонившись к стене, и рассматривали навороченную аппаратуру: панели с тумблерами, циферблаты, стробоскопы, мониторы, пульты.
– НАСА отдыхает, – восхитилась Лулу.
Майкл натянуто улыбнулся.
Бимиш вернулся с подносом, поставил его на пульт между двумя магнитофонными катушками.
– Впечатляет, – сказал Майкл.
Бимиш коротко кивнул, потом нажал несколько кнопок. Магнитофон заработал, по монитору запрыгали остроконечные пики. Бимиш сел на стул и поинтересовался:
– Ну, что именно вы ищете?
– Владелицу голоса, – ответил Майкл.
– Нам кажется, что голос какой-то неестественный, – добавила Лулу.
Редактор поднял брови:
– В смысле?
Майкл объяснил, что Лулу давно работает с Амандой и знает ее, как никто другой.
– Прекрасно, но все же я толком не понимаю, чего вы от меня хотите.
– Может, это звучит глупо, Крис, – произнесла Лулу, – но мы этого тоже толком не понимаем. Скажите, а… есть ли какой-нибудь способ проанализировать голос и установить, все ли в порядке?
– С женщиной или с пленкой?
– С обеими.
Крис серьезно ответил:
– Возможно, я смогу вам сказать, что не так с пленкой. А вот в порядке ли женщина – это уже вопрос компетенции Майкла. – Он моргнул, тяжелые веки дважды опустились и поднялись. – А какой у нее обычно голос? У вас есть запись ее голоса для сравнения?
Майкл и Лулу переглянулись.
– Можно порыться в офисе, – нерешительно сказала Лулу. – Вдруг что-нибудь найдется.
Крис снова повернулся к клавиатуре и набрал команду.
– Ладно, будем работать с тем, что есть.
На мониторе появился зеленый трехмерный график. Бимиш включил запись, и они молча следили, как скачут ломаные линии.
Когда запись кончилась, Бимиш перемотал пленку и снова включил ее, набрав новую команду. Теперь форма кривых изменилась: сначала она усложнилась, а затем преобразовалась в какую-то геометрическую структуру, которая ничего не говорила Майклу.
– Значит, так, – сообщил Бимиш, – голос на всем протяжении записи однородный. График показывает, что говорил один и тот же человек. – Он посмотрел на Майкла и Лулу – поняли ли они? – А теперь исследуем паузы.
Он снова нажал на клавишу воспроизведения, набрал на клавиатуре очередную команду. Появились новые ломаные линии. На сей раз из них выстроилась еще более сложная фигура. Бимиш показал на экран, пояснив:

– Это спектральный анализ. Он позволяет анализировать частоту с высоким разрешением, словно снимает отпечатки пальцев. Я не нашел ничего необычного в ее голосе, но вот в паузах обнаруживается кое-что интересное.
Он повернулся к Майклу и Лулу:
– Вы знаете, что такое фоновый шум?
Майкл отрицательно покачал головой.
– Нет, – ответила Лулу.
– Значит, так. – Редактор оживился. – Сейчас приведу вам пример. Если в безветренный день в течение нескольких минут смотреть на небольшой участок поверхности океана, то вроде бы не заметишь в нем никаких изменений. Верно?
Майкл кивнул. А Бимиш сказал:
– Однако это лишь иллюзия. Не бывает двух похожих волн. Существуют различные потоки, в воде все время происходят очень сложные процессы. Невооруженным глазом этого не увидеть. Но представьте, что вы заморозили кусочек этого океана и извлекли его. Рисунки на гранях кубика не будут совпадать в точности. Если вы присмотритесь, то увидите различия. Так?
– Так, – подтвердил Майкл, не понимая, к чему клонит Крис. Но когда Бимиш продолжил, все начало становиться на свои места.
– То же самое спектральный анализ делает с тишиной. Мы берем кусочек тишины (не имеет значения, какой именно тишины, – любой) и видим, что две грани кубика не совпадают. Как в данном конкретном случае.
– И что из этого следует? – спросила Лулу.
Но Майкл уже сообразил:
– Из этого следует, что реплики Аманды смонтированы, верно?
– Ну вот, теперь мы достигли полного взаимопонимания, – победоносно улыбнулся Бимиш.
Лулу побледнела:
– О господи! Так, значит, вы не беседовали с Амандой в прямом эфире, а слышали запись ее голоса?
– Да, – тихо сказал Майкл, вглядываясь в лицо Бимиша в ожидании подтверждения. – Мы слышали смонтированные фрагменты ее реплик. Верно, Крис?
– В самую точку.
– Но зачем, зачем ей понадобилось это делать? – недоумевала Лулу.
– Я думаю, – тихо ответил Майкл, – что, скорее всего, это сделала не сама Аманда.

79

Проспав всего четыре часа, Майкл поднялся в начале седьмого. Его мозг работал на полную катушку, а желудок скручивало от голода.
Он принял душ, побрился, опрыскал себя одеколоном «Босс» (Кейти всегда покупала ему этот одеколон), надеясь, что это поможет ему оставаться свежим в течение всего дня, который обещал быть долгим и трудным.
Он приготовил себе на завтрак овсянку и яичницу, поел, потом облачился в свободную хлопчатобумажную рубашку и бежевый льняной костюм от Джаспера Конрана – самый легкий костюм из всех, какие у него были; надел мягкие коричневые туфли. Для солидности, хотя и неохотно, добавил галстук со строгим геометрическим рисунком.
Ровно в семь Майкл набрал номер телефона детектива-констебля Саймона Роубака, который тот записал для него на обороте своей визитки.
И вот теперь – еще и часа не прошло – Майкл уже был в отделении полиции Хэмпстеда: понуро сидел на жестком пластиковом стуле в маленьком помещении, насквозь пропахшем сигаретным дымом. На поцарапанном пластмассовом столе перед ним лежали кассета, коричневый конверт с распечаткой тестов, проведенных Бимишем, и желтая папка детектива-констебля Роубака, который ушел за кофе.
Первые капельки пота уже появились на лбу полицейского, когда он вернулся обратно с двумя пластиковыми стаканчиками. Он поставил их на стол, выложил рядом пластиковые ложки,

пакетики с сахаром и сливками. После чего закрыл дверь и опустил свое грузное тело на стул напротив Майкла.
– Денек будет жаркий, – сказал Роубак, снова вставая, чтобы включить вентилятор. Он достал носовой платок, отер лоб, пригладил огромной ладонью светлые, коротко стриженные волосы.
Майкл настороженно поглядывал на него, помня разговор на повышенных тонах, состоявшийся между ними вчера днем, когда детектив-констебль сказал ему, что они пока не предпринимали никаких действий относительно Аманды. Сегодня полицейский встретил его неожиданно тепло.
– Я слышал, у вас вчера во время радиопередачи случился небольшой инцидент?
– Да.
Роубак добавил сливки в стакан с кофе. Потом надорвал пакетик с сахаром и высыпал его содержимое туда же. При этом он не сводил глаз с лежавших на столе кассеты и конверта.
– Моя невеста слушала вчера передачу, доктор Теннент. Она слышала ту часть разговора, которая попала в эфир.
– И что, интересно, она подумала?
– Она работает в полиции. В отделе семейных проблем, – добавил Роубак, заметив настороженный взгляд Майкла. – Ей часто звонят люди, пребывающие в состоянии стресса. И моя невеста считает, что эта молодая дама, мисс Кэпстик, судя по всему, была чем-то сильно напугана. Вы согласны с этим, сэр?
Умные глаза детектива совершенно не гармонировали с его довольно неуклюжей медвежьей фигурой, они смотрели жестко и проницательно. Майкл не сомневался, что этот человек сможет моментально преобразиться, если того потребуют обстоятельства. Он ощущал на себе внимательный взгляд детектива-констебля.
Майкл вытащил из конверта распечатку результатов спектрального анализа и объяснил все полицейскому.
Роубак открыл свою папку, что-то записал в блокнот. Потом посмотрел на Майкла:
– Вы можете вспомнить, где находились днем и вечером в воскресенье, сэр?
Майкл уставился на него. Вопрос вполне уместный, полицейский по долгу службы обязан был его задать. Однако терпение Майкла было уже на исходе, и он запальчиво, с раздражением ответил:
– Боюсь, что не могу.
Наступила долгая пауза, слышно было только, как жужжит вентилятор и шелестят страницы блокнота.
Он посмотрел в глаза Роубаку:
– Хотите арестовать меня как подозреваемого?
Тот в ответ примирительно улыбнулся:
– Нет, что вы.
– Но эта мысль приходила вам в голову? – уточнил Майкл.
Помедлив несколько секунд, детектив сказал:
– Я бы не соответствовал своей должности, если бы не рассматривал абсолютно все возможности.
– Значит, теперь вы наконец-то рассмотрели возможность того, что Аманде Кэпстик действительно может грозить опасность? Ну наконец-то! На это у вас ушло всего четыре дня.
Роубак снова улыбнулся собеседнику, словно признавая его правоту. И сказал:
– Я бы хотел прослушать запись.
Майкл извлек кассету из футляра. Детектив-констебль вставил ее в магнитофон и нажал клавишу воспроизведения.
Прослушав все до конца, Роубак кивнул и погрузился в задумчивое молчание, а потом спросил:
– Значит, говорите, спектральный анализ выявил, что запись была смонтирована?
– Да.
– Мистер Бимиш не раз сотрудничал с нами. Он свое дело знает. – Роубак помешал кофе, отпил. – Вы принесли фотографию мисс Кэпстик?
– Да. – Сегодняшний утренний разговор с Роубаком вдохновлял Майкла. Из того же конверта, где лежали данные спектрального анализа, он достал несколько снимков Аманды, полученных от ее матери.
Роубак просмотрел фото:
– Очень привлекательная молодая дама.

– Да.
– Если мы развесим плакаты с фотографией мисс Кэпстик в тех местах, где ее видели в последний раз, ее родные не будут возражать?
– Не будут.
– Еще мы покажем ее фото по местным телеканалам.
– Но если Аманду похитили, то ее могли увезти далеко отсюда.
– Мы постараемся охватить как можно большую территорию. Да, и еще нам понадобятся фамилии, адреса и телефоны всех членов ее семьи, друзей и знакомых.
Майкл достал из конверта распечатку, подготовленную Лулу, и передал полицейскому.
– Что еще вы собираетесь сделать?
– Я собираюсь поднять все материалы по пропавшим без вести и проанализировать их, – возможно, обнаружится что-то общее.
– Думаете, тут орудует серийный убийца?
Снова наступила тишина, нарушаемая только гулом вентилятора и шуршанием бумаги.
– Только не надо пудрить мне мозги, констебль Роубак. Не надо говорить, что делать выводы пока еще слишком рано.
Полицейский извлек кассету из магнитофона, положил ее в футляр.
– У вас есть копия этой записи?
– Да.
– Мы сделаем еще одну. – Он постучал пальцем по кромке стаканчика. – Хотите, чтобы я был с вами откровенным, доктор Теннент? Ладно, давайте говорить начистоту. Эта пленка все меняет, вы согласны?
Майкл мрачно кивнул.
– И есть кое-что еще, о чем я бы попросил вас пока никому не говорить. Я не сообщаю об этом прессе, потому что в настоящий момент это не в наших интересах. Не хочу вас пугать, вы и без того сильно расстроены, но если уж у нас пошел такой разговор… – Роубак взял пластиковую ложку и тут же положил ее обратно. – По-моему, в этом деле прослеживаются параллели с исчезновением другого человека. Молодая женщина, редактор издательства, пропала три недели назад.
– Тина Маккей? Та, о которой говорили в новостях?
– Да. Она одного возраста с мисс Кэпстик. Тоже добилась немалых успехов на службе, весьма привлекательная женщина, похожего телосложения. До сих пор полиции не удалось обнаружить никаких следов – ни самой Тины Маккей, ни ее машины.
– А что, все эти многочисленные объявления в прессе вам не помогли?
– Увы…
– А у вас это дело проходит как убийство?
– Ну, тела у нас нет, однако мы создали оперативный штаб, как полагается при расследовании убийства.
– А вы собираетесь создать штаб для расследования дела об исчезновении Аманды Кэпстик?
Их взгляды встретились. Роубак мрачно произнес:
– Я сегодня утром покажу эту пленку шефу. Сделаю все, что смогу.
– Вы будете держать меня в курсе?
– Непременно.
Они встали, Роубак проводил посетителя к выходу. Потом твердо пожал Майклу руку, еще раз заглянул ему в глаза – теперь с озабоченностью.
– Звоните мне в любое время дня и ночи, доктор Теннент. Договорились?
Майкл поблагодарил его и вышел.

80

Под безжалостными лучами утреннего солнца спокойная морская вода в гавани приобрела цвет консервированного горошка.

Гленн Брэнсон смотрел на нескончаемый поток пузырьков в сотне ярдов от волнолома, на котором стоял. Он вдыхал запах моря, густо приправленный запахами гниющих водорослей, ржавеющих канистр из-под масла и свежеспиленного дерева, и думал о Коре Берстридж. Уровень прилива на дальней стенке достиг нижней отметки. Чайка спикировала к воде и сразу же взмыла вверх, еще несколько птиц покачивались на волнах – недостатка в корме тут не было. Портовый кран поднял контейнер из трюма погруженного в воду по самую ватерлинию сухогруза под норвежским флагом. Мимо протарахтел патрульный катер, который рядом с сухогрузом казался совсем крошечным. Поднятая им волна всколыхнула красные буйки, отмечавшие то место, где спустились под воду два полицейских аквалангиста.

На берегу у склада пиломатериалов, за зелеными ограждениями, установленными час тому назад, были втиснуты два полицейских автомобиля, белый фургон криминалистов, серый фургон аквалангистов и темно-синий фургон, принадлежащий местной похоронной конторе.

Дэнни Леон, информатор, которого Гленн и Майк Харрис привезли из Лутона, сообщил им неприятную новость: они не могут найти Джейсона Хьюлетта, второго ключевого свидетеля в операции «Скит», потому что тот давно уже отдыхает без акваланга на дне морском, здесь в порту. Он нарисовал схему и показал точное место. И вскоре им предстояло узнать, правду ли сказал информатор.

Вместе с Гленном ждали, болтаясь пока без дела, полицейский фотограф, два криминалиста, два сотрудника похоронной конторы (которые казались здесь совершенно неуместными) и непосредственный начальник Гленна, детектив-сержант Билл Дигби.

Дигби, в коричневом костюме и галстуке своего гольф-клуба, стоял, расставив ноги и сцепив руки за спиной, как солдат по команде вольно; его вьющиеся черные волосы сверкали в лучах солнца. Билл пожал плечами и сказал:

– Пока, Гленн, ты смог предъявить мне только клочок материи с чердака и не слишком надежную пожилую свидетельницу, которая вроде бы видела на пожарной лестнице какого-то человека – то ли в этот день, то ли в другой.

– Но ведь есть еще и подарок – комбинезон, который Кора Берстридж купила в тот день для своей внучки, но так и не отправила. Я думаю, это очень важно.

– Вскрытие ничего не показало?

– Никак нет.

Дигби вытащил сигарету из пачки, закурил.

– Гленн, послушайся доброго совета: не заморачивайся понапрасну, забудь ты про Кору Берстридж.

– Завтра похороны, и я…

Детектив-сержант вопросительно посмотрел на него.

Гленн помедлил, потом закончил:

– Не хотелось бы создавать родным дополнительные проблемы, но я считаю, что похороны надо отложить.

– Чего ради?

– Это избавило бы нас от кучи проблем, если…

Он собирался сказать: «Если откроются новые обстоятельства», но прикусил язык. Дигби и без того пребывал не в лучшем настроении, которое могло еще ухудшиться в случае, если информатор не соврал насчет Джейсона Хьюлетта.

«И к тому же, – удрученно подумал Гленн, – вполне вероятно, что сержант прав». Он уставился на пузыри, спрашивая себя: может, причина в том, что речь идет о Коре Берстридж? Вдруг он просто-напросто не желает смириться с тем, что великая актриса ушла из жизни по собственной воле?

Ведь не только Дигби, но и шеф тоже не проявил никакого энтузиазма, ознакомившись с составленным по всей форме рапортом, который Гленн положил ему на стол.

«Кора, тебя завтра кремируют, а я так ничего толком и не выяснил. Похоже, я исчерпал все возможности и не представляю, что тут еще можно сделать».

Неожиданный взрыв пузырей. Поверхность воды между буйков превратилась в кипящую молочную пену. Появилась голова одного аквалангиста, потом второго. Первый поднял руку с выставленным большим пальцем, подавая знак на берег.

Потом между аквалангистами всплыла еще чья-то голова: ни маски, ни кожи, ни волос – один только голый белый череп.

Гленн подошел поближе к краю и посмотрел вниз со смесью ужаса и изумления. Череп все еще странным образом держался на теле, облаченном в одежду.
Вокруг них началось движение – сотрудники похоронной конторы натянули на себя белые защитные костюмы, то же самое сделали и оба криминалиста. Все четверо бегом спустились по лестнице к краю причала, чтобы помочь аквалангистам вытащить тело на берег.
Вонь ударила всем в нос одновременно. Гленн отвернулся, сдерживая позыв рвоты.
– Твою мать! – выругался Дигби, зажимая нос пальцами.
Гленн тоже зажал нос. Снова этот запах тухлой рыбы, только теперь очень сильный, почти невыносимый. Приглядевшись, он понял, в чем тут дело.
Тело утопленника было облачено в кожаный мотоциклетный костюм, раздавшийся под напором распухшей плоти. На руках кожаные перчатки, на ногах – ботинки. Труп был несколько раз обмотан фиксировавшей локти и лодыжки якорной цепью, другой конец которой прикрепили к небольшому шлакобетонному блоку.
Абсолютно голый череп, выступавший из воротника, казался смехотворно маленьким в сравнении с телом, его словно бы прикрепили сюда шутки ради – этакий мрачный прикол.
– Пролежал там три недели, – мрачно констатировал Дигби. – Крабы начисто объели ему голову.
– Вы считаете, что это Джейсон Хьюлетт? – спросил Гленн.
– Хочешь поискать у него удостоверение личности?
Гленн проглотил комок в горле:
– Только сперва нужно надеть защитный костюм и перчатки.
– Хорошенько посмотри на него, парень, – тихо сказал Дигби. – И вспомни его, когда в следующий раз жизнь преподнесет тебе какой-нибудь неприятный сюрприз.
Брэнсон недоуменно уставился на сержанта:
– Вспомнить его, сэр?
Дигби кивнул:
– Да. Вот ты сейчас расстроен из-за Коры Берстридж, думаешь, что я несправедливо с тобой обошелся. В следующий раз, когда тебе покажется, что жизнь просто дрянь, вспомни про этого парня с обглоданной башкой и поймешь, как тебе повезло.
Гленн хотел было сказать в ответ, что Коре Берстридж тоже не повезло, но промолчал.
Вместо этого он пошел к фургону криминалистов: они припасли для него защитный комбинезон и маску.

81

После обхода Майкл принялся просматривать список тех, кто записался сегодня к нему на прием. Он нахмурился, взглянул на секретаршу, которая стучала по клавиатуре компьютера, и спросил:
– Снова Теренс Гоуэл? Сегодня четверг, а он был у меня во вторник. С какой стати он приходит по два раза в неделю?
Тельма ответила несколько нервно, словно бы защищаясь:
– Но ведь у вас есть несколько пациентов, которых вы принимаете дважды в неделю. – Секретарша посмотрела на него со спокойным сочувствием. – Я уверена, вы ему необходимы, доктор Теннент. Все ваши пациенты очень в вас нуждаются.
Майкл так вымотался, что готов был расплакаться, и теперь отвернулся, чтобы Тельма не видела его лица.
– Минут десять назад вам звонила миссис Тереза Кэпстик – мать мисс Кэпстик. Спрашивала, есть ли какие-нибудь новости.
Сморгнув слезу, он сказал, направляясь из приемной в коридор:
– Я ей перезвоню.
– Доктор Теннент? – окликнула его секретарша.
Он остановился.
– Да?

– Я уверена, – мягко произнесла Тельма, – что все будет хорошо: мисс Кэпстик найдется, живая и здоровая.
– Надеюсь.
– Можно впустить к вам миссис Гордон?
Анна Гордон, его первая сегодняшняя пациентка, страдала чрезвычайно низкой самооценкой. Была половина десятого, и Майкл уже на пятнадцать минут опаздывал к началу приема: с утра ездил в полицию к Роубаку, а потом возникли проблемы с одним из стационарных пациентов. Ну вот, теперь Анна Гордон решит, что врач презирает ее и потому заставляет ждать.
– Извинитесь перед ней и попросите подождать пару минут. Мне нужно позвонить матери Аманды. И еще свяжитесь, пожалуйста, с Лулу, я сам уже не успеваю. Пусть она найдет телефон Максины Бентам. Хорошо?
– Максины Бентам. Хорошо, доктор Теннент.
Взмокшая от пота рубашка прилипала к спине. В уединении своего кабинета он закрыл дверь, снял пиджак, потом распахнул окно, впуская слабый ветерок и непреходящий запах скошенной травы. Проверил почту, снял было трубку, чтобы позвонить Терезе Кэпстик, но тут же положил обратно – что сказать матери Аманды? Может быть, ей уже известно о звонке Аманды на радио? Нельзя скрывать от этой женщины правду.
Вот только правда выглядела сейчас очень уж неутешительно.
Майкл решил пойти на компромисс: позвонил Терезе и отделался полуправдой. Сказал, что Аманда звонила ему, что сейчас пленку анализируют эксперты, есть некоторые указания на то, что ее голос был записан, а не звучал вживую. Он пообещал Терезе держать ее в курсе, а потом нажал кнопку интеркома и попросил Тельму пригласить миссис Гордон.
Несколько первых минут приема принесли облегчение: как хорошо вновь вернуться к рутинной работе. Он слушал бесконечные причитания Анны Гордон, перечислявшей события своей печальной жизни за прошлую неделю. По мнению пациентки, ее унизили: кассирша в супермаркете, несколько операторов телефонной службы, водитель такси, соседка и даже сборщик пожертвований из благотворительной организации, который явно счел ее взнос (пять фунтов) недостаточным.
Но мысли Майкла все время возвращались к Аманде, и он стал украдкой поглядывать на часы, мечтая поскорее закончить прием и узнать у Тельмы, не было ли звонков.
Анна Гордон заметила его нетерпение.
– Вот и вас я тоже совершенно не интересую, не правда ли, доктор Теннент?
Оставшиеся десять минут он отбивался от этого обвинения.

– Вы знакомы с трудами Махатмы Ганди, доктор Теннент?
Если Майкл потел и чувствовал себя разбитым, то доктор Гоуэл сидел, вальяжно откинувшись на спинку дивана, и излучал спокойствие и самоуверенность. Облаченный в легкий черный костюм, белую рубашку без воротника, черные кожаные туфли и безукоризненно подстриженный, он словно бы сошел с рекламного плаката модного магазина.
– Насколько я понимаю, вы знакомы с его работами, – ответил Майкл, исполненный решимости не позволять пациенту постоянно задавать ему вопросы. – Ну и о чем же там говорится?
– Вообще-то, я предпочитаю сочинения его внука Аруна. Махатма перечислил семь главных ошибок этого мира: богатство без труда, удовольствие без совести, знание без характера, коммерция без морали, наука без нравственности, поклонение без жертвенности, политика без принципов. Но Арун добавил восьмую ошибку, самую главную: права без ответственности. Как, по вашему мнению, это применимо к психиатрам, доктор Теннент? Вы же забрали огромную власть над людьми, но не принимаете на себя никакой ответственности, да?
– Скажите мне, почему вам так кажется. – Майкл внимательно смотрел на него. В душе Гоуэла, казалось, бушевала ярость, хотя ответил он размеренным, спокойным голосом:
– Почему мне так кажется? Мне не просто кажется, доктор Теннент. Я знаю, о чем говорю.
– Было бы очень интересно услышать ваши соображения по этому поводу.
– Да бросьте, доктор Теннент, а то вы без меня не знаете. Вот вы сидите с самоуверенным видом у себя в кабинете, объясняете людям, что не так в их мировосприятии и в их образе жизни, но при этом вас совершенно не волнует, что пациенты сделают, после того как уйдут отсюда. Верно? Как только они переступят порог вашего кабинета, вы не несете никакой ответственности за их действия. Ни малейшей. Вы можете говорить все, что вам взбредет в

голову, не опасаясь, что это потом вам аукнется. Я думаю, это и есть права без ответственности. Вам так не кажется?
Майкл тщательно обдумал ответ.
– Психиатры – врачи, и мы делаем для пациентов все, что в наших силах. Полагаю, что все мы очень серьезно относимся к своей работе и осознаем, как наши слова влияют на пациентов. Не могу с вами согласиться, но давайте продолжим дискуссию. Какую ответственность, по вашему мнению, должны нести психиатры?
Томас Ламарк с удовлетворением наблюдал, как этот жалкий мозгоправ неловко ерзает на своем стуле, весь насквозь потный, уставший.
– Вам случалось когда-нибудь потерять любимого человека, доктор Теннент?
Майкл подался вперед, впился взглядом в пациента.
– Судя по всему, сами вы пережили такой опыт. При каких обстоятельствах это случилось?
– На загородном шоссе. Я ехал вместе с женой, и мы столкнулись с грузовиком. Она погибла.
И неожиданно Майкл с поразительной четкостью вновь увидел те давние события. Воскресное февральское утро. Идет дождь. Их красный «БМВ» на запредельной скорости мчится по загородному шоссе: они опаздывают на крестины. Он сидит за рулем, а рядом плачущая Кейти. Накануне вечером он признался жене, что больше ее не любит, что у него вот уже три года роман с другой женщиной, медсестрой по имени Никола Ройс. Ему очень жаль, но их брак исчерпал себя, им придется расстаться.
Кейти ни в чем не была виновата, она не сделала ничего плохого. Просто она была такая, какая есть, – хорошая, но холодная, помешанная на своей работе. Между ними возникло отчуждение. Майкл женился на ней, потому что влюбился в ее красоту и талант. Из них получилась великолепная пара: талантливая художница и преуспевающий психиатр. Но они не стали любящими супругами, никогда не были по-настоящему счастливы, ну разве что в самые первые дни. У них не нашлось почти ничего общего. Кейти не получала удовольствия от секса, всегда относилась к жизни чертовски серьезно, была одержима своим внешним видом, здоровьем, карьерой.
Никола, медсестра, с которой Майкл познакомился на вечеринке, принесла в его жизнь тепло. Они вовсю развлекались, наслаждались сексом, порой вместе напивались, рядом с ней Майкл чувствовал себя молодым – он даже мотоцикл купил, потому что Никола любила мотоциклы. Жизнь с Николой была сплошным праздником. Он обожал ее. Они планировали пожениться.
В то воскресное утро его мысли были не о дороге. Он пытался объяснить все Кейти. Она просила мужа сбросить скорость. Да, Майкл ехал слишком быстро: опаздывали они по его вине – должны были выехать раньше, и теперь он пытался за сорок минут преодолеть расстояние, которое обычно покрывал за час.
Они стали обгонять грузовик, Кейти сквозь слезы кричала ему, чтобы он ехал медленнее. Дорога впереди была пуста. Майкл обогнал грузовик. Он поднимался по склону холма, дорога поворачивала вправо. Что-то мчалось им навстречу, он заметил желтое пятно; фургон, потерявший управление, вылетел на повороте на встречную полосу. Они столкнулись лоб в лоб.
Теперь Майкл видел это все словно бы в замедленном кино. Он повернул руль вправо, пытаясь уйти от прямого столкновения, и удар фургона пришелся как раз в то место, где сидела Кейти. Взорвались подушки безопасности, человека на пассажирском сиденье фургона выбросило через лобовое стекло, обломки стекла разлетелись, словно перья из разодранной подушки. Фургон отбросило назад, крышу его перекорежило, без лобового стекла водитель был хорошо виден: он все еще сидел за рулем, но часть его черепа снесло.
Майкл посмотрел на Кейти. Ни единой царапинки, вот только все тело изогнуто под каким-то немыслимым углом, а голова безжизненно повисла.
– Я до сих пор не могу вспомнить, как все случилось, – сказал Теренс Гоуэл.
Майкл смотрел на пациента, но словно бы не воспринимал его, вновь проигрывая в голове страшную сцену.
Эти мучительные воспоминания. Чувство вины.
Никола приехала к нему в больницу. Он объявил, что прекращает с ней всякие отношения, прямо там, еще находясь на больничной койке.
Тогда Майклу казалось, что его жизнь кончена.
Десять месяцев спустя он узнал, что Никола вышла замуж за хирурга-офтальмолога и уехала в Сидней.

Он посмотрел на фотографию Кейти на своем столе, потом на доктора Гоуэла, понимая, что тот ждет его ответа.
– Вы вините себя в случившемся? – спросил он.
– Мне упорно твердят, что это произошло не по моей вине. – Томас сел на диван еще глубже.
Он видел, что удар попал в цель. У доктора Теннента был расстроенный вид. Их взгляды снова встретились, и Томас опустил глаза, опасаясь переусердствовать и все испортить.
Майкл изо всех сил пытался держать себя в руках, выкинуть ту катастрофу из головы. И все же… на прошлой неделе Гоуэл тоже говорил об автокатастрофе. Потом, во вторник, он завел речь о птицах-шалашниках и о том, как жить, если потерял любимого. Это было необъяснимо. Совершенно необъяснимо.
Казалось, этот человек знаком с его биографией.
– Расскажите мне более подробно о вашей жене, – попросил Майкл.
Лучи утреннего солнца проникали теперь внутрь через окно. Левая сторона его пациента оставалась в тени, а правая, наоборот, была ярко освещена. От этого Теренс Гоуэл казался каким-то сюрреалистическим персонажем. Он с почти гипнотическим спокойствием проговорил:
– После смерти жены я купил двух белых птиц, голубя и голубку. Они очень любили друг друга. Я, бывало, сидел, наблюдал за птицами и страшно им завидовал. Голубки все время целовались и так трогательно ворковали. – Он помолчал, потом продолжил: – Вы когда-нибудь завидовали чужому счастью с такой силой, что у вас возникало желание его разрушить, доктор Теннент?
– Вам хотелось уничтожить этих голубей?
– Я вытащил одну птицу из клетки и поместил ее в темный подвал. А потом долгие дни сидел и смотрел, как вторая чахнет в одиночестве. Голубь перестал есть, прошло какое-то время – и он уже не звал свою пару. Его перья посерели, стали грязными. Он совсем зачах.
«Ну прямо как я. Я тоже чахну без Аманды», – подумал Майкл. А вслух спросил:
– А второй голубь в подвале?
– Я так там его и оставил.
– Умирать?
– Представьте, каким-то непостижимым образом птица продолжала жить. В конце концов мне пришлось ее убить.
Его лицо выглядело совершенно бесстрастным. У Майкла сложилось впечатление, что его пациент получает от рассказа удовольствие. Это заинтересовало психиатра, ему захотелось копнуть поглубже.
– Расскажите мне, что вы ощущали, глядя на голубя в клетке. Вы чувствовали себя сильным?
– Я всегда чувствую себя сильным, доктор Теннент.
– Вы уверены, что всегда? А может, вы просто ощущаете себя сильным в данный момент, когда вспоминаете об этом?
В первый раз Майкл отметил изменения в языке тела Гоуэла: он устремил взгляд в пол, напрягся, стараясь взять себя в руки. Защитная реакция.
– Прошлое… оно… – Гоуэл замолчал.
– Что прошлое? – спросил Майкл.
– Вы знаете собственное прошлое, доктор Теннент? Вообще хоть кому-нибудь известно его собственное прошлое?
«Оригинальный вопрос».
– Так скажите мне, – гнул врач свое, – что еще вы чувствовали, глядя на голубя в клетке?
– Я его презирал.
– Почему?
– За его слабость, глупость, беспомощность. За то, что он позволил себе опуститься, перестал есть. Он не проявил ни малейшей силы характера, доктор Теннент.
– А кого вы заперли в подвале – самца или самку?
– Самку.
«Уж не запер ли этот человек в подвале Аманду?»
Мысль эта была абсурдна, однако Гоуэл смотрел на него триумфально, как победитель. Вот только что за победу он одержал?

Майкл, исполненный решимости не упускать инициативу в разговоре, воспользовался единственным оружием, какое было в его распоряжении.
Мягким голосом он произнес:
– Я бы хотел узнать кое-что из вашего прошлого, Теренс. Расскажите мне о своих родителях.
Его тактика моментально возымела действие. Гоуэл стал похож на испуганного ребенка.
– Не уверен, что мне хочется о них говорить.
– Ваша мать жива?
Гоуэла трясло. Глаза у него закрылись. Несколько раз он открывал рот, чтобы заговорить, но не произносил ни звука.
– Знаете… – пробормотал он наконец и замолчал.
– Что? – подбодрил его Майкл.
Гоуэл нервно провел руками по волосам.
– Я… я не думаю… – Он снова замолчал.
Майкл позволил молчанию затянуться на какое-то время, а потом сказал:
– Вы говорите, что презирали ту птицу. Вам не кажется, что, возможно, вы при этом презирали и какую-то часть самого себя? Вы не испытывали ощущения, что оказались в ловушке?
– Вы не улавливаете… – Пациент резко замолчал, сжав кулаки.
– Сути? – продолжил Майкл.
Гоуэл сердито покачал головой:
– Вы не могли бы немного помолчать, а то я совсем запутался! Вы мне только мешаете, вместо того чтобы помогать, ясно?
Майкл подумал, что Гоуэл пребывает в гораздо худшем душевном состоянии, чем он подозревал. Этот человек на грани нервного срыва. Да что же такое случилось с его родителями, если он даже говорить об этом не может?
Он дал пациенту время взять себя в руки. И тот через некоторое время продолжил:
– Давайте вернемся к голубю в клетке. Вы можете себе представить, что чувствует человек, который любил, а потом потерял любимого, доктор Теннент?
– Вам казалось, что, мучая голубей, вы каким-то образом компенсируете потерю жены? Что после ее смерти никто уже не имеет права быть счастливым? Мне интересно, как вы увязываете это с тезисом Аруна Ганди о правах без ответственности? – Майкл вскинул брови, глядя на Гоуэла. – Вы сильнее птицы, вы можете творить с ней что угодно, но вот как насчет чувств голубя, запертого в подвале?
– В противорадиационном убежище, – поправил его Гоуэл.
Майкл подался вперед:
– В противорадиационном убежище?
Томас почувствовал, что покраснел. Он не собирался этого говорить – как-то само вырвалось. «Осторожно. Осторожно. Идиот, идиот, идиот».
Майкл смотрел на Гоуэла. Тот так трясся, что у него бились друг о дружку колени. Похоже, у него в любую секунду мог начаться припадок. Майкл понимал: причина в том, что его пациент страшно рассердился на себя. Но вот за что?
– Я… она… оно… – Томас замахал руками. «Осторожно. Осторожно». Его лицо горело, а голос срывался. «Осторожно!» – Это такая шутка… она… повторяла, что это сильно смахивает на бомбоубежище. – Он эмоционально развел руками. – Бывают ведь такие подвалы, верно?
– Кто – она?
Гоуэл несколько мгновений раскачивался назад-вперед.
– Все это совершенно не важно. Давайте лучше вернемся к голубю в подвале, доктор Теннент.
Майкл решил воспользоваться моментом и нанести еще один удар в больное место.
– Расскажите мне о вашем детстве. Я бы хотел узнать о ваших родителях. Давайте поговорим о вашей матери.
«Осторожно! – Томас закрыл глаза, снова сжал кулаки. – Осторожно. Осторожно. С какой стати ты вдруг спрашиваешь о моей матери? Пытаешься меня провести?»
А вслух он сказал:
– Вы проигнорировали мой вопрос о голубе, доктор Теннент. Ответьте же мне наконец.
«И снова вспышка злости. Злости на кого? Неужели родители так ему насолили?»
– Откровенно говоря, я считаю, что нам было бы полезно поговорить о ваших родителях. Расскажите мне об отце… или о матери, если хотите, – спокойно попросил Майкл.

Томас поднялся и принялся выхаживать по кабинету, пытаясь собраться с мыслями, чтобы нанести психиатру ответный удар. Ярость бушевала в нем.
«Ах ты, ублюдок, сперва убил мою мать, а теперь хочешь о ней поговорить? Хочешь сидеть в своем паршивом кабинете и получать извращенное, садистское удовольствие, слушая о том, как я ее любил? Ну уж нет, доктор Майкл Теннент, этого ты от меня не дождешься».
Он подошел к окну, посмотрел на безоблачное небо.
– Мы обязательно побеседуем о моих родителях, но в другой раз, ладно?
– Я бы хотел знать, почему вам трудно о них говорить, – услышал он голос психиатра.
Томас зашагал к двери. Остановился, повернулся к Майклу и сказал:
– Мы поговорим об этом, я вам обещаю. Но в другое время. Непременно все обсудим. Я полагаю, сегодня мое время уже истекло?
Майкл посмотрел на часы:
– У нас еще десять минут.
Томас кивнул. Ему хотелось поскорее уйти отсюда, он боялся, что и без того уже наговорил слишком много. С этим докторишкой надо держать ухо востро. Ни в коем случае нельзя выдать себя раньше времени.
– Я дарю вам эти десять минут, доктор Теннент. – Томас улыбнулся, чувствуя, как уверенность возвращается к нему. – Проведите это время с пользой.
Он открыл дверь и исчез.
Майкл повернулся к компьютеру, вышел в Интернет и ввел поисковый запрос: «доктор Теренс Гоуэл».
Компьютер сразу выдал ссылку на веб-сайт пациента. Сайт был сделан хорошо, со вкусом. Майкл увидел цветную фотографию, внимательно прочитал биографию. Доктор Теренс Гоуэл приходился родственником знаменитому британскому астроному сэру Бернарду Лавеллу и являлся сотрудником Исследовательского института Скриппса, а до этого преподавал астрономию в Массачусетском технологическом институте. Он был членом Особого президентского консультативного комитета по поиску внеземного разума, учрежденного Рональдом Рейганом.

Майкл решил на следующем приеме спросить Гоуэла о работе в этом совете: его самого интересовали НЛО.
На сайте имелась также информация о хобби его владельца: кулинария, шахматы. Кроме того, этот человек являлся членом Менсы.
Сведения о профессиональной квалификации доктора Теренса Гоуэла производили весьма сильное впечатление.
«Гораздо более сильное, – подумал Майкл, – чем сам Гоуэл».

82

Распахнувшийся халат не скрывал груди Настасьи Кински, оседлавшей своего чернокожего любовника Уэсли Снайпса. Они оба тяжело дышали, стонали, любовник сжимал ее груди; они оба должны были вот-вот кончить, они оба…
Экран телевизора погас.
– Зачем ты смотришь это, Том-Том?
Мать стояла рядом и держала в руке пульт дистанционного управления. Томас покраснел – ответа у него не было.
– Она такая худая, Том-Том. Красивая вешалка, не более того. Вылитый скелет. Она напоминает мне узницу концентрационного лагеря. А тебе нет?
Перед его мысленным взором возникли костлявые фигуры из Освенцима. Они заслонили Настасью Кински. Томаса аж передернуло от отвращения.
– Я… я… – пробормотал он. – Просто это уже шло, телевизор был включен.
– Мои фильмы были чистыми и нравственными. Да, мы кокетничали и раздавали авансы, но никогда ничего не показывали. Я бы до такой пошлости сроду не опустилась. Ты понимаешь, как низко пали современные актрисы, да?

– Да, – тихо сказал он, злясь из-за того, что мать права, из-за того, что она не дала ему посмотреть на Настасью Кински, и из-за того, что она поселила в его мозгу жуткие образы.
– Ты можешь представить себе, что бы ты почувствовал, если бы увидел меня на экране в таком виде, дорогой?
Томас посмотрел на мать, мысли его путались, метались. Как бы, интересно, это получилось у него с Шэрон Стоун? Или с Ким Бейсингер? С Сигурни Уивер? Они бы тоже казались ему костлявыми, как узницы концлагеря? Смеялись бы они над ним так же, как та медсестра в медицинской школе?
Потом Томаса, словно темная тень, накрыло чувство вины. Его мать была такой красивой, гораздо привлекательнее любой из современных знаменитых актрис. Почему ему приходят в голову такие мысли?
Она бросит его, если узнает, что у него в голове.
– Я тебя люблю, мамочка, – сказал он.
Строго:
– Ты уверен?
– Да.
Глория Ламарк развязала кушак халата. Томас увидел ее груди – они были не такие упругие, как у Настасьи Кински, но зато гораздо больше, белее и мягче.
– Покажи мне, как сильно твой чу-чу любит мамочку.
Томас расстегнул брюки, приподнялся в кресле, спустил их, а потом спустил и трусы.
Мать стояла, оценивая его эрекцию.
– Доктор Ренни говорит мне, что я слишком много времени провожу дома. Ты хочешь, чтобы я последовала его совету, Том-Том? Ты хочешь, чтобы я занялась благотворительностью? Чтобы бросила тебя, как когда-то твой отец?
– Нет, пожалуйста, не надо, я этого не хочу, – пробормотал он.
– Твой чу-чу сейчас для меня, Том-Том? Или для Настасьи Кински?
Он медлил с ответом, пребывая в растерянных чувствах. Он хотел бы заниматься любовью с Настасьей Кински, но не хотел, чтобы мамочка бросила его, и… и…
Перед мысленным взором Томаса брели живые скелеты.
Его чу-чу стал еще тверже.
Живые скелеты.
– Если ты хочешь заниматься любовью с Настасьей Кински, то ты больше не сможешь оставаться моим маленьким мальчиком. Я откажусь от тебя. Больше не будет никаких подарков, Том-Том. А другие люди станут смеяться над тобой, Том-Том. Ты помнишь, как смеялась над тобой та девица из медицинской школы?
Люси, с которой он познакомился на втором курсе. Вообще-то, она хорошо к нему относилась. Они несколько раз вместе ходили в бар. Томас привел ее домой познакомить с матерью, но та сказала, что Люси недостаточно хороша для него. В тот вечер он отвез Люси домой и спросил, не хочет ли она поиграть с его чу-чу. Томас до сих пор помнил ее презрительный смех. Смех этот и сейчас эхом отдавался в голове Ламарка, когда он, выйдя из кабинета доктора Майкла Теннента, сидел в «форде-мондео» на парковке для пациентов Шин-Парк-Хоспитал.
А как над ним смеялась эта проститутка, Дивайна!
«Что со мной не так?»
Он нажал педаль газа, злясь на себя. А еще больше – на психиатра.
«Небось думаешь, что ты очень умный, доктор Майкл Теннент?
Посмотрим, как ты запоешь, когда получишь посылку с замороженными грудями Аманды Кэпстик!»

83

Суточные ритмы человека не совпадают с теми, которые установила природа. Мы живем циклами по двадцать пять с половиной часов. Ученые проводили эксперименты: людей на несколько месяцев помещали в шахты, в полную темноту. И потом им всем почему-то казалось, будто бы они провели в шахте меньше времени, чем на самом деле.

Аманда читала об этом еще давно, а теперь вот вспомнила, занимаясь в темноте монотонной работой: она медленно накручивала извлеченную из матраса пружину на ременную пряжку и заплетала, пыталась сделать из нее надежную рукоятку, придавая каждой доли дюйма нужную форму с помощью каблука туфли. Ну вот, готово, можно испытать свой инструмент.
– Аманда, детка, иди сюда!
Голос матери. Девушка резко повернулась. Ничего. Игра воображения.
В очередной раз сложив матрас, она прислонила его к стене, забралась наверх, подняла руки, нащупала решетку, потом ее край, первый шуруп. И тут отвертка выпала у нее из рук и стукнулась о пол где-то внизу.
– Черт!
Аманда опустилась на колени, поползла вперед, шаря перед собой руками. Наткнулась на ведро-парашу.
Слезы отчаяния побежали по ее щекам.
«Чтоб тебе пусто было, мерзкая железка, куда ты подевалась?
Возьми себя в руки, Аманда Кэпстик. Выживают лишь те, кто не теряет присутствия духа. Твоя отвертка где-то здесь. Пошарь по полу – и найдешь».
И через пару минут она действительно нашла ее.
Вернулась на матрас, не спеша сунула жало отвертки в шлиц, нажала. Ничего. Осторожно надавила посильнее. По-прежнему ничего. Аманда покачивалась на матрасе – сохранять равновесие в таком положении было нелегко. Еще сильнее.
Шуруп подался.
Аманде показалось, будто у нее открылось второе дыхание.

А тем временем Томас Ламарк сидел наверху в своем кабинете и изучал в Интернете фотографии, сделанные во время операций мастэктомии в больнице Иоанна Крестителя, что в Санта-Монике. Фотографии были четкие, но ему требовалось больше ясности.
Очень кстати операцию мастэктомии проводили на следующий день в Лондоне, в учебном анатомическом театре Кингс-колледжа. Он увидел объявление, когда заходил туда утром, чтобы взять кое-что со склада, от которого у него все еще хранился ключ.
Будет очень полезно посмотреть, потому что он, вообще-то, совершенно не знаком с этой операцией. А Томас хотел сделать все правильно.

84

Майкл закрыл веб-сайт доктора Гоуэла. До прихода следующего пациента еще оставалось достаточно времени, чтобы позвонить Максине Бентам.
Но психотерапевт Аманды не смогла пролить свет на ее исчезновение. Она сказала, что не считает Аманду склонной к депрессиям, и, по ее мнению, та не могла вот так вдруг исчезнуть по собственной воле. Максину Бентам не удивило, что у Брайана Трасслера появилась новая пассия. Она не знала этого человека лично, но составила о нем представление по рассказам Аманды. Вряд ли Брайан был способен похитить бывшую любовницу или причинить ей физический вред.
Психотерапевт попросила Майкла держать ее в курсе, и он пообещал.
Майкл с трудом мог сосредоточиться, принимая двух следующих пациентов. Теренс Гоуэл не давал ему покоя. Какие странные параллели. Гибель жены в автокатастрофе. Голубь, разлученный со своей парой.
Во время разговора с доктором Гоуэлом он отмахивался от подобных мыслей, считал, что эти связи существуют только в его мозгу, но теперь, когда Гоуэл ушел и у Майкла было время поразмыслить, невероятные совпадения не давали врачу покоя.
Ну, положим, об аварии и о гибели Кейти Гоуэл мог узнать без труда – в свое время это попало в газеты. Но вот откуда ему известно об исчезновении Аманды?
Майкл обдумывал подробности утренней беседы. Голубок, чахнущий от тоски по голубке. И опять спрашивал себя: «Не вижу ли я то, чего на самом деле нет?»

Чахнущий голубок – эту аналогию можно было в равной мере применить и к его тревоге из-за Аманды, и к его скорби по Кейти. Именно так Майкл чувствовал себя после катастрофы. Временами он отказывался признать, что жена и в самом деле мертва, верил, что она каким-то чудесным образом к нему вернется.
Его пациент Гай Розерам, тридцатипятилетний упаковочный магнат, страдал приступами паники. Он сидел сейчас на краю дивана и описывал постоянно возникающее у него ощущение, будто он находится вне своего тела. Розерам работал по шестнадцать часов в сутки семь дней в неделю, но упорно отказывался верить, что в этом и состояла основная причина его недуга.
– Вы меня слушаете, доктор Теннент? – спросил он вдруг.
Майкл и сам понимал, что не уделяет пациенту должного внимания. Но Гай Розерам вечером вернется в свой дом в Челси, к красавице-жене и любимым детям. Да, приступы паники вносят дискомфорт в жизнь Гая Розерама, но они со временем прекратятся. Заботы самого Майкла были сейчас куда как серьезнее. Нет, сегодня ему явно было не до чужих проблем.
«Кто вы, доктор Теренс Гоуэл?
В чем заключается ваша настоящая проблема?
Что вам известно обо мне?»

Как только Гай Розерам ушел, Майкл достал историю болезни Теренса Гоуэла, извлек оттуда письмо-направление от его лечащего врача, доктора Шайама Сундаралингама, и прочел адрес: Челтнем, Уэст-Гарден-кресент, 20.
Набрал номер телефона. После третьего гудка трубку сняли, он услышал по-военному четкий голос мужчины средних лет:
– Приемная доктора Сундаралингама, слушаю вас.
Майкл удивился, что трубку снял мужчина. Хотя сейчас в медицинских учреждениях можно встретить менеджеров обоего пола.
– Моя фамилия Теннент. Я доктор медицины, психиатр. Доктор Сундаралингам недавно направил ко мне пациента, и я бы хотел поговорить с ним об этом больном.
– К сожалению, доктора Сундаралингама сейчас нет на месте. Давайте я запишу ваш телефон – он вам перезвонит.
Майкл продиктовал номер и повесил трубку. Солнце больше не светило в окно, и он открыл жалюзи, чтобы впустить в душный кабинет хоть немного воздуха. Зазвонил телефон. Это была Лулу.
Он разговаривал с ней и одновременно проверял на компьютере почту. Новостей у Лулу не было, но ее порадовало, что Роубак серьезно отнесся в пленке с записью звонка на радио.
– Уже четыре дня прошло, – сказала она.
В ее голосе слышалась обреченность. «В самом числе „четыре“ уже присутствует какая-то безнадежность, – подумал он. – Словно бы исчезнуть на один, два или даже на три дня – это обычное дело. Но вот на четыре…»
Каждый год пропадают двести пятьдесят тысяч человек. Роубак намекнул на возможную связь между исчезновением Аманды и Тины Маккей. Редактор отсутствовала уже три недели, и, насколько понял Майкл, у полиции до сих пор не было никаких зацепок.
Теперь, после звонка на радио, у них появилась хоть какая-то ниточка, причем высока вероятность того, что вчера вечером Аманда еще была жива. Возвращаясь домой от Бимиша, они с Лулу обсуждали, кто и зачем мог смонтировать запись. Лулу не сомневалась: Аманда не имеет к этому никакого отношения. Она утверждала, что если бы Аманда вдруг захотела учинить скандал в прямом эфире и поставить Майкла в неловкое положение, то у нее хватило бы духу сделать это лично, не прибегая ни к каким ухищрениям.
Майкл согласился с Лулу. Но если звонила не сама Аманда, а кто-то другой от ее имени, то для этого наверняка имелись веские основания. Похищение? Выкуп? Она наверняка жива.
– И что теперь? – спросила Лулу. – Будем сидеть и ждать, что предпримет полиция?
«Ждать три недели, как в случае с Тиной Маккей? А потом узнать, что воз и ныне там?» – подумал Майкл, но вслух сказал:
– Нет, Лулу. Только на полицию полагаться не стоит. Мы станем и сами продолжать поиски, будем делать все, что в наших силах.
– А что еще мы можем сделать?

– Пока не знаю. Но я абсолютно точно не буду сидеть сложа руки. Я чувствую, что просто обязан продолжить поиски.
– Я тоже.
– Вот и прекрасно, давайте созвонимся вечером, а то я ведь вчера устроил себе на работе выходной, и теперь у меня куча дел.
Майкл повесил трубку и продолжил изучение электронной почты.
Одно письмо пришло с незнакомого ему адреса, к нему была прикреплена фотография. Файл назывался «Последний снимок АК». Текст послания оказался лаконичным: «Жаль, что тебя здесь нет».
От нервного напряжения Майкл никак не мог навести курсор на приложение, но наконец справился с мышкой.
Приложение открывалось мучительно долго. Потом он увидел фотографию. Темный фон, какие-то зеленоватые тона. В центре снимка съежившаяся Аманда, в грязной белой футболке и джинсах; с неприкрытым ужасом, широко раскрыв глаза, она смотрит в объектив.

Томас Ламарк занимался в гараже разборкой автомобиля Аманды Кэпстик, когда зазвонил мобильник Теренса Гоуэла. Несколько секунд спустя он услышал пиканье – сигнал о получении голосового сообщения.
Сняв замасленные хирургические перчатки, Томас набрал ПИН-код Теренса Гоуэла и прослушал сообщение.
Он сразу же узнал по-военному четкий голос Николаса Лаббингса, единоличного владельца Челтнемского центра бизнес-коммуникаций:
«Добрый день! Доктору Сундаралингаму только что звонил некий доктор Майкл Теннент. Он просил перезвонить ему по поводу пациента, которого доктор Сундаралингам к нему направил».
Лаббингс сообщил все это ровным и бесстрастным тоном, если его и интересовали дела клиентов, то он тщательно скрывал это.
Томас выругался. Сегодня на приеме у психиатра он совершил несколько ошибок. Необходимо извлечь из этого урок. Правда, он не сказал Тенненту ничего такого, что дало бы тому основания для подозрений, но следующую консультацию нужно будет спланировать более тщательно.
Томас отправился в дом, чтобы выпить воды, на ходу прикидывая, должен ли доктор Сундаралингам перезвонить Майклу Тенненту. Лучше не торопиться, а то вдруг психиатр заставит его совершить еще какую-нибудь ошибку. Он решил подумать над этим.
На кухонном столе лежала «Таймс», открытая на странице с объявлением:
«Панихида по Коре Эдвине Берстридж, горячо любимой дочерью Эллен и внучкой Британи, пройдет в пятницу, 1 августа, в 10:30 утра, в церкви Всех Святых в Пэтчеме, Восточный Суссекс. Затем состоится кремация, на которой будут присутствовать только члены семьи покойной. Просьба цветов не присылать. Пожертвования можно переводить в Актерский благотворительный фонд и Королевский театральный клуб».
В половине одиннадцатого утра? Прекрасно. Томас хотел пойти – его мать была бы рада узнать, что он видел, как Кору Берстридж засовывают в печь. После этого у него будет достаточно времени, чтобы успеть на операцию мастэктомии в Кингс-колледже.
Все складывалось лучше некуда.
«На следующей консультации, доктор Майкл Теннент, ты уже не будешь таким самоуверенным».

85

– Аманда в той же одежде, что была на ней в воскресенье, – сказал Майкл, показывая на экран своего ноутбука. – Белая футболка, джинсы.
Они сидели в маленьком, но безукоризненно аккуратном кабинете двух старших офицеров, сослуживцев Роубака – сержанта и инспектора. Роубак представил их, но Майкл не запомнил

имен. Подошло время ланча, и он во второй уже раз за сегодня приехал в отделение полиции Хэмпстеда.
Детектив-констебль Роубак с помощью коллеги выяснил, что письмо с фотографией Аманды отправили из интернет-кафе близ лондонской Тоттенхам-Корт-роуд. Сотни людей пользовались там компьютерами и расплачивались за это наличными, а потому шансы получить описание человека, который послал Майклу письмо, были чрезвычайно малы. Однако Роубак решил ничем не пренебрегать.
Детектив-инспектор, безукоризненно вежливая высокая женщина лет сорока с аккуратно уложенными светлыми волосами, прищурилась, глядя на экран.
– Можно сделать чуть поярче?
Майкл увеличил яркость. Изображение было зернистое, словно бы снимали через сетку, а красные глаза Аманды придавали фотографии нечто демоническое. Господи боже, до чего же она испугана. Майкл с трудом заставлял себя смотреть на снимок, его мысли безумно метались. Он вспоминал фильмы ужасов вроде «Молчания ягнят» и «Коллекционера». Он думал о десятках красивых женских лиц, невинно смотревших с газетных страниц или телевизионных экранов. Жестокие заголовки, которые в прошлом казались ему такими абстрактными, теперь обрели жуткую реальность. «Найдена расчлененной…»; «Искалеченный труп в лесу…»; «Жертва сексуального насилия…»; «Обнаружены следы спермы…»
Позади Аманды была видна стена, слева еще одна. На полу вроде бы можно различить край матраса.
– Контрастные тени, – заметил детектив-сержант, крепкий флегматичный мужчина.
– Возможно, снимок делался в темноте, – предположила женщина-инспектор.
– В темноте? – резко переспросил Майкл.
Инспектор прикоснулась к экрану наманикюренным пальцем и пояснила:
– У нее глаза красные от вспышки, и сверху фигура ярко освещена, но книзу яркость резко уменьшается, туфли почти не видны – это означает, что вспышка была нацелена на верхнюю часть тела. И мы почти ничего не видим в комнате, кроме мисс Кэпстик. Если бы там горел свет, то мы увидели бы его источник.
Майкл мрачно кивнул.
«Одна, в темноте. Господи, бедная моя девочка».
– Нам нужна копия снимка: мы увеличим изображение, посмотрим, не проявится ли что-нибудь еще, – добавила женщина. – Сейчас есть очень мощная цифровая техника. Выжмем из фотографии все, что только можно.
Сержант показал на экран:
– Голый пол, жесткая бетонная поверхность. Похоже, подвал или гараж.
– И сколько у вас уйдет на это времени? – спросил Майкл.
– Нужно будет отвезти фотографию в Бирмингем – завтра будет готово.
– Завтра? – взорвался Майкл. – Господи! Потерять еще целые сутки – а мы ведь даже не знаем, есть ли у нас эти сутки в запасе. Дайте мне адрес, я отвезу сам, я…
– Можно послать фотографию по электронной почте, – предложил Роубак. – Она будет у них через минуту.
Сержант посмотрел на Роубака недоуменным взглядом: этот человек явно не слишком-то разбирался в новейших технологиях.
– Хорошая идея. А качество при этом не пострадает? – спросила инспектор, одобрительно взглянув на Роубака.
– Ничуть, – заверил тот.
Старшие офицеры вручили Майклу визитки с номерами своих прямых телефонов. Инспектор сказала, что они напечатают плакаты и повесят их на заправках и в других точках вдоль всего маршрута, по которому Аманда предположительно возвращалась в Лондон воскресным вечером. Кроме того, дадут информацию на телевидение и опросят всех соседей мисс Кэпстик, включая жителей близлежащих домов.
Майкл поехал назад в больницу. Он и так уже отменил прием двух пациентов, но должен был успеть к приходу третьего.
Ее держат в темноте.
Аманду, его милую, прекрасную, потрясающую девочку захватил какой-то монстр.

Майкл припарковался у тротуара, поставил машину на ручной тормоз и закрыл глаза. «Аманда, дорогая, мы так мало были вместе. Пожалуйста, выживи. Будь сильной. Я ищу тебя. Я тебя обязательно найду. Все будет хорошо. Обещаю».

В десять минут шестого, когда Майкл уже собирался принять последнего пациента, Тельма сказала ему, что звонит констебль Роубак.
Оказалось, пришел ответ экспертов из Бирмингема.
– Доктор Теннент, вот что нам удалось установить. Судя по отсутствию естественного света, мисс Кэпстик, похоже, держат в каком-то помещении под землей или в склепе. На фотографии видны матрас и фрагмент оранжевого ведра. Пол и стены, видимо, бетонные. Эксперт утверждает, что футболка на мисс Кэпстик грязная, а волосы у нее спутаны.
Констебль не стал говорить, что на футболке видны пятна крови, а джинсы порваны.
– Что-нибудь еще? – спросил Майкл.
– Нет, но эксперт хотел бы поговорить с вами. Я покажу вам распечатку, вдруг вы заметите что-нибудь. Давайте встретимся завтра в девять утра. Вам удобно? Если что, я могу сам к вам подъехать.
– Я приеду в отделение. – Майкл понимал, что он все еще в списке подозреваемых. Надо будет разубедить в этом Роубака, чтобы полиция понапрасну не тратила на него драгоценное время. Где он был в воскресенье вечером, после гонок? Поехал домой, листал газеты, работал над лекцией, которую собирался читать через две недели, а потом лег спать. Никакого алиби. Да еще этот странный звонок Аманды на радио.
Майкл отчаянно устал и никак не мог собраться с мыслями.
«Забудь об этом. Никто тебя не подозревает. Сосредоточься!
Сосредоточься на Аманде».
Повесив трубку, он сидел, напряженно размышляя. Итак, судя по всему, Аманда находится в какой-то подземной камере или склепе.
Его мысли вернулись к разговору с доктором Теренсом Гоуэлом.

> «– Вы сильнее птицы, вы можете творить с ней что угодно, но вот как насчет чувств голубя, запертого в подвале?
>
> – В противорадиационном убежище».

Сказав это, Гоуэл явно смутился, словно бы ненароком проговорился.
Противорадиационные убежища строят из цемента. Освинцованного цемента. Под землей.
В обычной ситуации Майкл сто раз подумал бы, прежде чем нарушать врачебную тайну, но теперь ему было все равно. Он хотел использовать все возможности, и плевать на последствия.
Он перезвонил Роубаку.
– У меня есть один пациент, чье поведение кажется мне весьма подозрительным. Может быть, за этим ничего не стоит, но он сегодня во время приема говорил мне вещи, которые странным образом перекликаются с тем, что сказали вы, описывая фотографию.
– Можно поподробнее, сэр?
– Вопрос очень деликатный. Мой пациент известный ученый, и все, что он мне говорил, строго конфиденциально, но мне кажется, что вы должны это знать. Я буду благодарен, если вы проявите тактичность, но, полагаю, его следует проверить. Я пытаюсь связаться с врачом общей практики, который направил этого человека ко мне, может быть, удастся получить какие-нибудь сведения у него.
– Назовите имя и адрес пациента. Вы знаете, где он работает?
– Доктор Теренс Гоуэл. – Майкл продиктовал по буквам. – Он работает в ЦПС.
– В Центре правительственной связи?
– Да.
– Серьезная контора. Прежде чем принять туда человека, его наверняка проверяют вдоль и поперек.
– Я знаю. Но он кажется мне подозрительным. Хотя, может быть, я просто, как утопающий, хватаюсь за соломинку.

Майкл подробно рассказал, что именно вызывает у него озабоченность. Роубак, выслушав его, сказал:
– Вы правильно сделали, что ввели нас в курс дела. Возможно, это и впрямь простое совпадение, но не помешает повнимательнее присмотреться к этому человеку. Я сам поговорю с ним.
– Только так, чтобы он ничего не заподозрил.
– Не волнуйтесь, сэр. Я найду какой-нибудь предлог. Скажу, что мы ищем свидетелей аварии, а его машина якобы в это время была замечена поблизости от места происшествия.
Майкл продиктовал ему адрес доктора Гоуэла и номер его мобильного телефона, после чего поблагодарил полицейского и повесил трубку.
Доктор Сундаралингам так ему и не перезвонил. Майкл набрал его номер еще раз, ответил тот же мужчина, что и прежде.
– Я передал доктору Сундаралингаму вашу просьбу, – заверил он. – Разговаривал с ним совсем недавно, но сейчас доктор очень занят. Он спросил, можно ли вам позвонить вечером – домой или на мобильный.
Майкл продиктовал секретарю оба номера, подчеркнув, что ему крайне важно поговорить с доктором Сундаралингамом. Собеседник пообещал, что все непременно передаст.
Тельма по интеркому напомнила Майклу, что пациент ждет в приемной уже пятнадцать минут.
И тут Майкла осенило. А ведь есть человек, который может ему помочь! Старик-немец, намекавший на свои сверхспособности. Шансов на успех мало, но попробовать стоит. Он спешно вытащил из шкафа ящик, где лежали истории болезни пациентов, чьи фамилии начинались на букву «Д».
Нашел нужную папку, открыл ее на первой странице и переписал адрес. Встреча с глазу на глаз позволит ему увидеть реакцию, которую не заметишь по телефону. Он поедет туда сразу же по окончании приема.

86

Десятый шуруп чуть не выскользнул из пальцев. Но Аманде удалось ухватить его обломками ногтей. Вспышка света перед глазами ослепила ее. Прожектор локомотива, выезжающего из туннеля. Где-то в окружающей ее темноте она услышала голос матери. Потом громкий смех, словно она проходила мимо заполненного людьми паба.
Аманда повернула голову, вгляделась: искорка, похожая на светлячка, вспыхнула в темноте и пропала. Появилась и исчезла Лулу – словно призрак, сошедший с фантомного поезда. Волна тревоги нахлынула на Аманду, затем спала. Снова раздались голоса: матери, Лары.
«Тише, пожалуйста, оставьте меня в покое, не мешайте мне сейчас».
Темнота ударила ее, потащила прочь от стены, словно течение во время отлива. Аманда противилась потоку, матрас покачивался под ногами, но она делала все, чтобы сохранить равновесие.
Положила шуруп в карман, дотянулась обеими руками до края решетки, подсунула жало отвертки под металлическую кромку и оторвала ее нижнюю часть от стены.
Решетка оказалась гораздо тяжелее, чем думала Аманда, и она не успела ничего предпринять – потеряла равновесие и упала под весом металла.
Девушка вскрикнула, стукнувшись о ведро, решетка свалилась на пол рядом с нею, произведя сильный грохот, будто обрушились строительные леса. Аманда медленно повернулась на бок: холодная, пенистая вода. Она с облегчением поняла, что перевернула не ведро-парашу.
Она встала на колени, потом поднялась на ноги. Нащупала матрас, придвинула к стене, забралась на него, вытянула руки, нащупала кромку лаза. Как можно дальше засунула руки внутрь. Никакого сопротивления она не почувствовала, только мягкий пух пыли и что-то твердое – вероятно, крысиный или мышиный помет. Лаз, похоже, располагался горизонтально. Хорошо. Легче будет туда втиснуться.
Упершись изо всех сил руками в стенки лаза, Аманда отчаянно замолотила ногами в воздухе в поисках опоры. Но когда попыталась просунуть голову туда, где, по ее представлениям, должно было находиться окно, то больно ударилась о кромку.

«Идиотка. Овца тупая. Ну как можно быть такой дурой».
Сосредоточившись на том, чтобы поскорее снять решетку, она даже не подумала, каким образом без достаточной опоры для ног влезть в расположенное высоко отверстие шириной всего два фута.
«Черт побери, тут нужна стремянка!»
Аманда поднялась, но ее тут же качнуло, к горлу подступила тошнота – следствие удара головой.
«Может, позвонить в бюро обслуживания этой гостиницы, попросить, чтобы принесли парацетамол?
И заодно стаканчик „Кровавой Мэри“.
И стремянку».
Она чувствовала себя так, будто получила удар топором по лбу.
«К черту Майкла Теннента.
И бюро обслуживания туда же. К черту, к черту, к черту.
Заберите меня отсюда!
Успокойся.
Думай.
Импровизируй».
Был один вариант, но Аманде не хотелось обдумывать его слишком долго – на размышления не хватало ни времени, ни мужества. Она встала, осторожно прошла в соседнее помещение, нащупала трупы, присела, крепко ухватила женщину за щиколотки и, напрягаясь изо всех сил, потащила тело к лазу, уложила под ним.
Потом то же самое проделала с трупом мужчины, вот только положила его сверху тела женщины – так, чтобы его ноги фиксировали ее голову, а руки были переплетены с ее ногами.
На грани изнеможения Аманда подтащила матрас к трупу мужчины, уперла его в спину покойника, надежно приткнула к стене, соорудив что-то вроде моста. Потом она осторожно залезла на матрас, шаря по стене руками. Получилось! Теперь ее лицо находилось как раз на уровне лаза.
Он сунула руки внутрь. И опять не встретила сопротивления. Только все та же пыль и мышиные экскременты. Ее колени больно ударились о кромку, плечи терлись о стены, но она наконец оказалась внутри лаза.
Аманду трясло. Сердце колотилось так, что чуть ли не пробивало грудную клетку. Она была стиснута с обеих сторон, голова задевала потолок, плечи едва проходили в тесное пространство лаза. Она дышала часто, прерывисто, хрипло; легкие забило пылью, а в носу стоял кисловатый тошнотворный запах; она ощупывала руками путь перед собой.
Она продвигалась вперед дюйм за дюймом – сначала одно колено, потом другое. Надежда поминутно сменялась ужасом: а вдруг сейчас появится луч фонарика, раздастся голос и сильные руки потащат ее за ноги назад. Правое колено вперед. Теперь левое. Руки нащупали что-то металлическое, наподобие железного стержня в бетонной конструкции. Аманда остановилась. Похоже, впереди было что-то вроде иллюминатора, на несколько дюймов уже лаза.
Она просунула руку – с другой стороны лаз резко уходил вверх. Вертикально!
Голова туда не проходила. Тогда Аманда просунула вперед сначала правую руку, потом голову. В спину врезался металл, сдирая с нее футболку. Она застряла – ни туда и ни сюда.
Пот тек по ее лицу и телу. Она извивалась во все стороны, но, увы, тщетно.
Аманда понятия не имела, как скоро вернется Майкл и увидит на полу вентиляционную решетку. Знала лишь одно: она должна продолжать двигаться.
Ну же, ну! И вдруг она почувствовала, что сжимавшее ее кольцо осталось позади. Так, отлично, теперь в окошко протиснулись ее бедра, колени. Далее лаз становился вертикальным, и Аманда начала подниматься на ноги. Повела плечами – по-прежнему очень тесно. Теперь ей предстоял вертикальный подъем. Она распрямила ноги. Ей удалось нащупать какую-то опору в неровной поверхности бетона.
Очень осторожно, чтобы не соскользнуть вниз, собрав все оставшиеся силы, девушка поднялась по лазу на несколько футов. Ее пальцы вновь наткнулись на что-то металлическое.
Отчаянным усилием она поставила ноги чуть выше, приподняла тело. Теперь можно было как следует ощупать металл, понять, что это такое.

Это оказалась одна из лопастей вентилятора. Часть вентиляционной системы. Металл был массивный, тяжелый, как винт самолета, – все, конец, дальше пути нет.
Аманда заплакала от досады и стала опускаться, пока ее ноги не коснулись горизонтальной поверхности. Замерла в темноте, дрожа от ужаса. Казалось, все тайные страхи, которые на протяжении целой жизни накапливались в каком-то дальнем закоулке ее сознания, вдруг вырвались наружу, чтобы целиком поглотить ее.
Аманда больше не сомневалась: ее ждет смерть.

87

Мрачная высотка в Южном Лондоне, стены нижних этажей изрисованы граффити. Прежде здесь, вероятно, была входная дверь, но теперь она отсутствовала.
Майкл остановился в холле, от голых стен эхом отражались звуки рэпа. Посмотрев на «вольво», припаркованный на улице, Майкл с ужасом подумал, что к тому времени, как он выйдет отсюда, от его машины останутся рожки да ножки.
Он сел в просторную кабину лифта, доехал до восьмого этажа и вышел в узкий темный коридор. Ковра на полу не было, в коридоре пахло вареной картошкой. Из-за стены доносился детский плач, и Майкл слышал, как женщина в ответ остервенело кричит на ребенка.
У квартиры номер восемьдесят девять была синяя дверь с окошком из матового стекла, как и у соседей, а сбоку маленький звонок без таблички. Внутри играла музыка. Майкл нажал на кнопку, услышал где-то в глубине слабое верещание. Постучал костяшками пальцев по стеклу. Ответа не последовало.
Он постучал громче, потом еще громче, и вдруг его кулак каким-то образом выбил стекло.
Он был так потрясен, что несколько мгновений стоял не двигаясь. И лишь потом почувствовал боль, увидел кровь на запястье. Майкл осторожно вытащил руку, извлек из нее осколок, пососал ранку. Музыка зазвучала громче. Женский голос; мелодия была ему знакома, а слова повторялись – постоянно звучала одна и та же фраза. Женщина пела по-английски, но с немецким акцентом. Похоже на Марлен Дитрих.
У соседей все было по-прежнему. Мать и ребенок продолжали свой бесконечный концерт на два голоса.
«Черт, как это вышло?»
Со стороны пожарной лестницы в конце коридора появились два подростка, посмотрели на Майкла, остановились как ни в чем не бывало перед одной из дверей, постучали. Майкл не сводил с них глаз. Дверь открылась, они сказали что-то обитателю квартиры, и она тут же снова захлопнулась. Подростки перешли к следующей двери, снова посмотрели на Майкла, постучали. На ногах у обоих были кроссовки, один парнишка одет в спортивный костюм, другой в джинсы и кожаную куртку, в руках большая спортивная сумка.
Нетрудно догадаться, чем занимается эта парочка и что произойдет, когда они дойдут до этой двери с разбитым стеклом и обнаружат, что хозяин отсутствует.
«Влюбиться… влюбиться… влюбиться».
Звук становился все более хриплым – пластинку явно заело. Майкл наклонил голову к образовавшемуся проему и позвал – сначала тихо, потом громче:
– Мистер Дортмунд. Герр Дортмунд!
Ответа не последовало.
Чтобы не пораниться, он вытащил оставшиеся осколки, засунул внутрь руку, попытался нащупать защелку. Нашел ее через несколько секунд, нажал.
Дверь открылась.
Он вошел, вновь громко позвал:
– Мистер Дортмунд! Герр Дортмунд, вы здесь?
А песня все продолжала звучать.
Майкл, испытывая неловкость, закрыл за собой дверь. Он оказался в крохотной прихожей, размером с больничный бокс, большую часть которой занимала громоздкая викторианская вешалка. На ней висели вещи престарелого нациста: пальто из твида в «елочку», макинтош и коричневая шляпа. Пальто из добротной материи выглядело здесь слишком элегантным, оно не

вписывалось в эту убогую прихожую и резко контрастировало с беспробудным уродством здания.
Майкл прошел несколько футов по коридору, пол которого устилала потрепанная ковровая дорожка, мимо двух картин в рамах (виды Баварии), вошел в гостиную.
И остановился как вкопанный.
Он оказался в жалкой тесной комнатушке, на окнах висели тюлевые шторы, частично закрывавшие точно такое же соседнее здание, находившееся всего в нескольких ярдах. Ну и нищета. Два потрепанных кресла, облезлый ковер, старый радиоприемник и совсем уж древний проигрыватель, на пластинке подрагивала застрявшая в дорожке игла; у стены стоял обогреватель.
Но внимание Майкла приковало другое: на стене, на самом видном месте, красовалась написанная маслом картина. Портрет Адольфа Гитлера в форме: фюрер стоял на фоне огромной свастики, подняв руку в нацистском приветствии.
Майкл отвернулся, преисполнившись отвращения к своему пациенту: ну и ну, оказывается, человек, который приходил к нему в поисках искупления, до сих пор все еще продолжал находиться под обаянием своего идола.
Майкл вернулся в коридор и снова позвал:
– Мистер Дортмунд? Где вы? Герр Дортмунд?
В коридоре имелись еще три двери. Он открыл первую и попал в спальню. Полупустая безликая комната с единственной, аккуратно застеленной односпальной кроватью, от которой, как и от всего остального в квартире, несло духом старости. На одном из стульев Майкл увидел аккуратно сложенное нижнее белье, на полу – теплые тапочки.
Он распахнул следующую дверь и обнаружил за ней крохотную старомодную кухню с засаленной газовой плитой и маленьким столом с пластмассовой столешницей, на которой лежала немецкая газета.
В начале коридора он заметил старый, потрепанный провод: вилка торчала в розетке, а сам провод тянулся в последнее помещение. С недобрым предчувствием Майкл снова окликнул хозяина квартиры:
– Мистер Дортмунд?
Подождал. Постучал в дверь, распахнул ее.
Он предполагал что-то в таком роде, но все же увиденное потрясло его.
Невероятно исхудавшее обнаженное тело Германа Дортмунда, частично погруженное в воду, лежало неподвижно в узкой зеленой ванне.
На лице старика застыло удивленное выражение, он смотрел перед собой широко распахнутыми немигающими глазами. Рот широко раскрыт, челюсть выставлена вперед, губы мучительно сложены в почти идеальный круг. Майкл заметил, что брови у Дортмунда были опалены. И еще он увидел зажатый в костлявых руках немца и опущенный в воду между раздвинутыми ногами старинный электрический обогреватель с подсоединенным к нему проводом.
Он вышел из ванной, выдернул шнур из розетки. Потом вернулся и потрогал лицо Дортмунда. Плоть была холодной – он умер уже некоторое время назад. Тем не менее Майкл проверил его пульс – пустая формальность. Доктор Теннент понимал, что уже ничем не может помочь своему пациенту.
Оставив покойника в ванной, Майкл вернулся в гостиную в поисках телефона. Марлен Дитрих продолжала петь, упорно повторяя одни и те же слова. Он хотел было выключить проигрыватель, но потом решил, что лучше ничего не трогать, оставить все как есть.
Затем его взгляд упал на самый привлекательный предмет в комнате – письменный стол со сдвижной крышкой, на котором рядом с телефоном аккуратно, словно бы с целью привлечь внимание, были разложены в ряд четыре подписанных конверта.
Майкл подошел и из любопытства прочитал надписи на них, сделанные нетвердым старческим почерком. Первое письмо было адресовано адвокатской фирме в Кройдоне. Второе – женщине, живущей в Бонне. Третье – мужчине из Штутгарта. А четвертое… ему самому.
Майкл решил, что там гонорар за консультации, но все-таки взял конверт, открыл его и обнаружил внутри послание, написанное тем же нетвердым почерком.

Уважаемый доктор Теннент!

Настало время прекратить мои и физические и душевные мучения. Для Вас же пытка, называемая жизнью, пока что продолжается.

Если помните, во время наших последних встреч я упоминал о своих паранормальных способностях. Так вот, недавно мне было сообщено имя, которое каким-то образом связано с Вами: доктор Гоуэл.

Гоуэл – еврейское имя. Это слово имеет особое значение. Как-нибудь на досуге ознакомьтесь с еврейской культурой. Почитайте Книгу Иисуса Навина. У древних евреев гоуэлом называли ближайшего родственника того человека, которому было причинено зло. Его долг состоял в том, чтобы отомстить.

Гоуэл, согласно еврейской мифологии, был мстителем крови.

88

Гленн Брэнсон чувствовал, что вот-вот расплавится от жары. Он стоял на ковре, липком от пролитого пива, в зале на втором этаже какого-то паба в Северном Лондоне (он даже толком не знал, где находится). Помещение было битком набито приблизительно сотней шумных полицейских, громко чествовавших детектива-инспектора Дика Бардолфа, ради которого и затеяли это мероприятие.
Сам виновник торжества в настоящий момент, сняв галстук и расстегнув пуговицы на рубашке, зарылся лицом в обнаженные груди светловолосой стриптизерши, чьи чаевые за этот вечер превысили всякие рамки приличия.
Гленн опирался на стойку бара, пытаясь поймать взгляд единственного обслуживавшего банкет бармена: бедняга совсем выбился из сил, ему приходилось держать в голове список из восьми заказов. Гленн за время работы вышибалой в ночном клубе повидал немало. Он не любил стриптизерш. Не любил шумные сборища пьяных мужчин. И к тому же сегодня вечером настроение у него было совершенно неподходящее для гулянки. За годы службы в полиции Гленн насмотрелся на мертвецов, но ни один из них не произвел на него такого впечатления, как Кора Берстридж на прошлой неделе и тот тип, которого выудили накануне из воды в порту. Его до сих пор преследовала эта картина – голый череп, торчащий из кожаной куртки, распухшее тело и этот жуткий запах. Три пинты светлого пива не помогли ему расслабиться. И еще у Гленна никак не шло из головы дело Коры Берстридж.
На завтра были назначены ее похороны. Они словно бы подводили итог всему. Конечно, еще предстоит дознание, но если после кремации тела и появятся какие-то улики, то доискаться до истинных причин смерти будет значительно труднее.
На мгновение Гленн поймал взгляд бармена, но тот сразу отвернулся и принялся обслуживать кого-то другого. Сколько еще будет продолжаться это веселье? Говорили, что потом все пойдут в китайский ресторан, но Гленн слишком вымотался за последние дни. Он предпочел бы поехать домой, а не торчать здесь допоздна.
Майк Харрис, который и пригласил его сюда, сдержал свое слово: представил кое-кому из полиции Большого Лондона. Но тут было так шумно, что толком и не поговоришь: приходилось постоянно кричать. Тем не менее Гленн получил несколько визиток важных персон: заместителя начальника полиции, старшего суперинтендента, двух старших детективов-

инспекторов – неплохие трофеи. Как и в любой другой организации, в полиции карьера не в последнюю очередь зависит от того, есть ли у тебя нужные знакомства.
Кто-то оттеснял Гленна, пытаясь пробраться к стойке рядом с ним. Гленн чуть подвинулся, освобождая место, повернул голову. Рядом с ним оказался здоровенный мужик с бычьей шеей, торчавшей из рубашки с открытым воротом. Мощная фигура игрока в регби, коротко подстриженные светлые волосы и открытое, немного детское лицо. Утирая со лба обильный пот, он крикнул:
– Эй, бармен! – А затем дружески кивнул Гленну и пояснил: – Я тут маленько припозднился! Теперь нужно догонять!
Голос показался Гленну смутно знакомым, однако он не мог вспомнить, где раньше его слышал.
– Прикинь, у них тут всего один бармен, хотя здесь и троим не управиться, – заметил Брэнсон.
У них за спиной раздался рев:
– Выкиньте их!
Оба повернули голову, но ничего не увидели.
– Ты откуда? – прокричал мужчина с бычьей шеей.
– Суссекс.
– А точнее?
– Хоув.
Его сосед по стойке задумчиво кивнул, потом поинтересовался:
– А ты, часом, не знаешь детектива-констебля Брэнсона?
Теперь Гленн сообразил, где слышал голос этого человека.
– Это я.
– Ты Гленн Брэнсон?
– Ну да!
Его собеседник расплылся в улыбке, протянул руку:
– Вот так встреча. А я Саймон Роубак из Хэмпстеда – мы говорили в понедельник по телефону.
Гленн пожал руку.
– Про Тину Маккей.
– Именно!
– Скинул на меня свою черную работенку – найди ему Роберта Мейсона.
Роубак улыбнулся:
– Готов в любое время отдать долг, только свистни… – Он поднял массивные руки. – Ты что пьешь?
– Нет, сейчас моя очередь – я угощаю.
– Спасибо. Мне пинту горького.
Гленн еще раз безуспешно помахал бармену, потом повернулся к Роубаку.
– Удалось что-нибудь выяснить по Тине Маккей?
– Недавно пропала еще одна женщина. Такого же возраста, сложения. И тоже сделавшая неплохую карьеру. Уехала в воскресенье вечером от сестры из Суссекса, но до Лондона так и не добралась. Я как раз собирался тебе позвонить – попросить проверить пару человек в Брайтоне.
– Нет проблем.
Бармен наконец принял у Брэнсона заказ. Роубак помог Гленну пронести стаканы сквозь толпу, и они вернулись к стойке бара. Часть пива расплескалась.
– Пойду подышу свежим воздухом, – раздраженно сказал Гленн.
– Я с тобой.
Они вышли на улицу. Вечер стоял жаркий, темнеть начало недавно, хотя шел уже десятый час. Мимо проехал автобус.
– Думаешь, между двумя этими пропавшими женщинами есть связь?
– Интуиция подсказывает, что есть. Много сходных моментов.
Гленн отхлебнул пива. Ему было легко с этим лондонским полицейским: хотя они общались всего лишь однажды, да и то по телефону, казалось, будто они давние друзья. Оба проводили взглядом двух девиц – те прошли мимо них в мини-юбках, грозивших нарушить общественный порядок.
– Когда я перестану интересоваться такими вещами, можно будет меня хоронить, – сказал Роубак.

Гленн ухмыльнулся:
– Ты давно в полиции?
– Тринадцать лет. В уголовной – девять. А ты?
– Четыре года. В уголовке – два. Можно сказать, новенький. – Он улыбнулся. – Вот я хочу спросить насчет интуиции… Мне кажется, что в нашей работе многое от нее зависит. Ты согласен?
– Ну, как тебе сказать… – Роубак сделал большой глоток, отер рот тыльной стороной ладони. Мимо один за другим проехали три парня на мопедах. Гленн и Саймон посмотрели им вслед, переглянулись. Роубак продолжил: – Да, я думаю, что интуиция… то есть догадка, основанная на знании… – Он поскреб затылок. – Если хочешь знать мое мнение, то настоящему детективу без нее никак нельзя.
Он вытащил из кармана пачку сигарет, предложил Гленну.
– Спасибо, не курю – бросил.
Роубак закурил. Запах был приятный, гораздо лучше, чем табачный туман внутри паба.
– А у тебя никогда не случалось, что интуиция подсказывает: дело нечисто, но доказать ты ничего не можешь? Понимаешь, что надо бы копнуть поглубже, но вот начальство в этом никак не убедить? – поинтересовался Гленн.
Саймон глубоко затянулся и кивнул:
– Было несколько раз.
– И что ты в таких случаях делал?
Роубак пожал плечами:
– Отступался.
– А если дело такое, что отступиться никак нельзя?
– В полиции так не бывает. Если начнешь расследовать все подозрительные случаи, так всей жизни не хватит.
– У меня есть одно дело – никак не могу его бросить, – сказал Гленн.
Роубак посмотрел на него странным взглядом – отчасти настороженным, отчасти любопытствующим.
– И что это за дело?
– Внезапная смерть, которой я занимался на прошлой неделе. Все считают, что это самоубийство, а я не согласен.
– Почему?
Гленн отхлебнул еще пива.
– Ты знаешь Кору Берстридж, кинозвезду?
– Великая актриса, умерла на прошлой неделе.
– Я нашел ее мертвой в собственной квартире с пластиковым мешком на голове.
Роубак поморщился:
– Не лучший способ уйти из жизни. У меня были такие самоубийства. И долго она пролежала мертвой?
– Дня два.
– Подожди – еще познакомишься с кем-нибудь, кто пролежал пару недель.
Гленн вспомнил сегодняшний труп в порту и почувствовал тошноту.
– Спасибо на добром слове.
– Не за что. Ну и почему ты не веришь в самоубийство?
– Я ни в чем не могу убедить своего сержанта, но есть несколько моментов, которые меня смущают. Почему в день смерти Кора Берстридж пошла в магазин и купила дорогой подарок для внучки, которая живет в Штатах, но так его и не отправила? С какой целью в ее квартире находился посторонний человек? Кстати, соседка видела какого-то подозрительного мужчину. Это точно не был грабитель, поскольку он ничего не взял. Почему Кора Берстридж покончила с собой менее чем через сорок восемь часов после получения престижнейшей премии?
Роубак задумчиво посмотрел на собеседника:
– Возможно, всему этому имеются убедительные объяснения. У тебя больше ничего нет?
– Вот скажи мне, Саймон, как бы ты сам поступил на моем месте?
– Ну, я бы дождался результатов вскрытия, поискал бы отпечатки пальцев в квартире – обязательно пригласил бы криминалистов. Думаю, я сделал бы все, чтобы убедиться, что это самоубийство.

– Я тебе не сказал главного. Много лет назад у Коры была соперница, актриса по имени Глория Ламарк. Если ты не фанат кино, то вряд ли про нее слышал.
Роубак насторожился. Где-то он совсем недавно встречал эту фамилию, но хоть убей не мог вспомнить где.
– Ламарк? Как пишется?
Гленн продиктовал по буквам. И увидел, что Саймон призадумался.
– Так вот, у Коры была соперница, Глория Ламарк. В шестьдесят шестом году они обе претендовали на главную роль в фильме «Зеркало на стене». Роль получила Кора Берстридж, сыграла блестяще, ее потом даже номинировали на «Оскар». И вот что любопытно. Кора играет там фотомодель, страшно изуродованную в автокатастрофе. И ее героиня произносит такие слова: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало». Именно это и было написано в предсмертной записке Коры. И больше ни слова.
– Думаешь, все подстроила Глория Ламарк? – Роубак внимательно смотрел на Гленна.
Но тот отрицательно покачал головой.
– Глория Ламарк ненавидела Кору Берстридж, но она ее не убивала – в этом я уверен. Она умерла незадолго до этого, от передозировки лекарства. Странное совпадение, тебе не кажется? Две смерти с интервалом всего в три недели?
Роубак снова затянулся сигаретой. Ламарк. Ламарк. Где же он все-таки слышал эту фамилию?
– Ты завтра работаешь, Гленн?
– Да. В десять я иду на похороны Коры Берстридж, потом на службу. А что?
– Я устал и хочу вернуться на работу – надо кое-что проверить. Извини, что не могу и дальше составить тебе компанию. Поговорим утром. Рад был познакомиться.
– И я тоже.
Гленн отнес оба пустых стакана в паб, спрашивая себя, на какую мысль могла навести его нового приятеля фамилия Ламарк. Затем он медленно и весьма неохотно поднялся на второй этаж, где вечеринка была в самом разгаре.

89

Майкл сидел за своим столом в Шин-Парк-Хоспитал, перед ним лежала история болезни доктора Теренса Гоуэла, в руке он держал телефонную трубку.
Из трубки доносилось: «К сожалению, доктор Сундаралингам сейчас не может подойти к телефону. Пожалуйста, оставьте свои координаты, и он свяжется с вами».
Майкл отсоединился, ничего не сказав и удивившись, что слышит автоответчик, а не живого человека. У каждого врача, как правило, обязательно имеется секретарь.
Он подпер голову руками.
«Доктор Теренс Гоуэл, вы пришли ко мне на прием и завели разговор об утрате близких, об автокатастрофе, как две капли воды похожей на ту, в которой погибла Кейти, о голубе в клетке, о подвале и противорадиационном убежище.
Ваше имя означает „мститель крови“.
Кто вы – невинный человек с массой проблем, чья жизнь странным образом сходна с моей собственной?
Или за всем этим скрывается нечто большее? Как мне это узнать?
Детектив-констебль Роубак побывал в интернет-кафе, но, как и следовало ожидать, ничего не выяснил: отправить письмо в тот день мог любой из двух сотен клиентов. Вот если бы у них было фото…»
Майкл зашел в Интернет, открыл веб-сайт Теренса Гоуэла. Скопировал фотографию и отправил Роубаку по электронной почте.
Потом позвонил ему на мобильный и оставил на автоответчике сообщение: рассказал детективу про предсмертную записку Дортмунда и предупредил, что послал ему фото Гоуэла, чтобы можно было показать его в интернет-кафе.
Потом Майклу пришла в голову еще одна мысль. Он ввел поисковый запрос: «доктор Теренс Гоуэл».

Как и прежде, компьютер выдал ему один-единственный результат – адрес личного веб-сайта Гоуэла. И больше ничего.
Если доктор Гоуэл большая знаменитость, то почему в Сети нет о нем больше никаких упоминаний? Наверняка должны быть ссылки и на другие сайты. Может, не на секретный Центр правительственной связи, но хотя бы на журнал «Нейчер». На Институт Скриппса. На Комитет по поиску внеземного разума. На Массачусетский технологический институт.
Майкл открыл сайт журнала «Нейчер» и вбил фамилию Гоуэл в поисковую строку – ничего. Безрезультатными оказались также поиски на сайтах Института Скриппса и Массачусетского технологического института.
Майкл закрыл глаза: головная боль усилилась, и он проглотил две таблетки парацетамола.
Он позвонил в справочную службу и поинтересовался, нет ли у них телефона Центра правительственной связи. Как ни странно, номер ему дали, однако там включился автоответчик: механический голос сообщил, что офис закрыт до девяти часов следующего утра.
Майкл проверил почту. Как всегда, множество новых писем, большинство связано с работой, одно от брата из Сиэтла: он собирался с семьей посетить Англию и спрашивал, не забыл ли Майкл, что в следующем году у их родителей золотая свадьба.
Пока он просматривал почту, пришло еще одно письмо. Напоминание о субботнем турнире по гольфу. Вот только гольфа ему сейчас не хватало!
Майкл снова внимательно перечитал историю болезни Теренса Гоуэла. Изучил направление от доктора Сундаралингама и анкету, которую предписывалось заполнять первичным пациентам – многие ее графы были пустыми. Он набрал указанный там номер телефона и услышал автоответчик: «Вы позвонили Теренсу Гоуэлу. Пожалуйста, оставьте после сигнала сообщение, и я с вами обязательно свяжусь».
Майкл отключился, вновь позвонил в справочное, назвал оператору адрес и попросил дать ему номер домашнего телефона. И услышал в ответ, что телефон по этому адресу не зарегистрирован.
Майкл повесил трубку, оперся локтями о стол и сжал виски. Выглянул в окно – на улице было темно. Двадцать пять минут одиннадцатого.

Он вновь заглянул в историю болезни.
Противорадиационное убежище
.

В нем закипала холодная ярость.
Противорадиационное убежище.
…какое-то подземное помещение под землей или склеп.
Противорадиационное убежище?
Майкл встал, прошелся по кабинету, потом вышел за дверь и принялся мерить шагами пустой коридор. Доктор Гоуэл завладел его мыслями.
Мститель крови? Допустим.
Но за что этот человек ему мстит?
Он еще раз посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. До Челтнема не меньше полутора часов езды, ему приходилось несколько лет назад читать там лекцию.
Майкл вернулся в кабинет, внимательно изучил адрес. Квартира. Квартира с подвалом? Квартира с противорадиационным убежищем?
Все может быть.
Майкл закрыл историю болезни доктора Теренса Гоуэла, сунул ее в дипломат. Десять минут спустя он уже вел свой «вольво» по Южной кольцевой дороге в сторону шоссе М40 в направлении Оксфорда и Челтнема. Свет от фар встречных машин больно бил ему в глаза. Он дьявольски устал, а душный ночной воздух ничуть не освежал. Безумная затея. Нужно было позвонить Роубаку и поделиться с детективом своими соображениями, а потом отправиться домой и лечь спать. А он вместо этого сорвался не пойми куда.
Час спустя Майкл заехал на придорожную автозаправку, купил черствый бургер, пакетик с влажной картошкой фри и стакан кофе. Он сидел за столиком у окна и смотрел на серый призрак – свое собственное отражение в стекле. Волосы растрепаны. Даже через овальные очки в черепаховой оправе видны синяки под глазами.

Однако глаза призрака горели решимостью.

90

На заставке компьютера сменяли друг друга какие-то замысловатые геометрические фигуры, сложные фракталы, концентрические круги, звездные скопления. Саймон Роубак стоял в дверях оперативного штаба по делу Тины Маккей на втором этаже отделения полиции Хэмпстеда и смотрел на монитор. Несколько мелких гексаграмм собирались вокруг большой, центральной, сливались воедино, а потом вновь рассыпались.
«Закономерности», – подумал он. Если бы Саймон не пошел служить в полицию, он бы, скорее всего, стал математиком. Иногда он завидовал своей подруге Саре, которая преподавала в средней школе математику и физику и получала от работы интеллектуальное удовлетворение. В полиции, даже в уголовной, он почти не сталкивался с интеллектуальными вызовами. Почти всегда это была рутинная работа – смесь бумажной волокиты, наблюдательности, здравого смысла, интуиции и упорства.
Каждая маленькая часть фрактала – уменьшенная копия целого. Математика обладала изяществом. Как и сами фракталы, которые так нравились Саймону Роубаку. В полицейской работе редко присутствовало изящество. Эмоциональная нагрузка – да. Собираешь вопреки времени и бюджету улики, этакие крохотные кусочки пазла, а потом берешь молоток и вбиваешь их все на место, чтобы уложить в определенную версию.
До чего же он устал. Эх, хорошо бы сейчас отправиться домой, принять холодный душ, улечься в кровать рядом с Брайони, рассказать ей о минувшем дне, послушать, как прошел день у нее, а потом заняться с невестой любовью, уснуть в ее объятиях и завтра утром проснуться свежим и отдохнувшим.
Но вместо этого Саймон в половине одиннадцатого вечера вернулся в отделение, обливаясь потом, вошел в душное помещение оперативного штаба, рассчитывая, скорее всего безосновательно, сделать что-нибудь для двух женщин, которых никогда даже в глаза не видел, – Тины Маккей и Аманды Кэпстик. Саймон надеялся, что если, упаси господь, вдруг что-то случится с Брайони Доннели, его невестой, то какой-нибудь другой детектив из другого полицейского отделения тоже будет работать, чтобы ей помочь, забыв, как и он сам, о времени.
Помещение оперативного штаба выглядело так, словно бы его покинули в спешке. Все шесть компьютеров остались включенными, на столах лежали недописанные бумаги, из-под какой-то стопки торчал недоеденный шоколадный батончик «Марс». Один из ящиков шкафа был выдвинут до середины. Настоящий бедлам. Да уж, работы у них выше головы. Саймон не сомневался: никто из команды не ушел сегодня раньше десяти. Они тут все были трудяги. Неравнодушные ребята, стремившиеся изо всех сил помочь двум попавшим в беду незнакомым женщинам.
Несколько дней назад об исчезновении Тины Маккей объявили в телепрограмме «Crimewatch» на Би-би-си, и уже поступило несколько сотен звонков от зрителей, сообщавших о ее возможном местонахождении. После того как на следующей неделе расскажут и про Аманду Кэпстик, следует ожидать нового шквала звонков. Если только она сама не объявится раньше. А она не объявится, в этом детектив был уверен. Ее необходимо найти. Он надеялся, что и ее, и Тину обнаружат живыми и здоровыми.
Роубак прошел по комнате, поставил на свой стол одноразовый стаканчик со сладким черным кофе, просмотрел список действий, предпринятых сегодня пятью другими членами команды. По-прежнему никаких новостей. Стаканчик протекал, струйка кофе сочилась на столешницу, он поймал ее пальцем, сунул палец в рот. Вкусный кофе. Саймон полистал страницы отчета, прикоснулся к одной из клавиш компьютера, чтобы экран ожил, и вскоре вместо геометрических фигур на дисплее появился список пропавших в течение последних пяти лет женщин одной возрастной категории с Тиной и Амандой. Его выдала национальная система регистрации преступлений «ХОЛМС». Никаких параллелей с другими делами не просматривалось.
Саймон еще раз прослушал на мобильнике оставленное Майклом Теннентом сообщение, потом зашел в почту и попытался открыть фотографию Гоуэла, которую прислал ему психиатр.

Ничего не получилось.
Он обругал свой компьютер. Единственным человеком, который умел управляться с этой проклятой машиной, был системный администратор; завтра утром нужно будет первым делом его вызвать.
А пока Роубак решил заняться тем, ради чего и вернулся этим вечером на работу. Он подошел к стоявшим у стены картонным коробкам: в них лежали папки, изъятые из кабинета Тины Маккей. Внимательно изучил ярлыки, нашел две коробки, которые ему требовались. На одной из них значилось: «ОТКАЗЫ, ЯНВ.-ДЕК. 96», а на другой – «ОТКАЗЫ, ЯНВ.-ИЮЛЬ 97». Он перенес обе коробки к себе на стол. Неделю назад секретарь Тины Маккей сказала ему, что они получают около сотни рукописей в неделю; это означало, что в коробках около восьми тысяч писем, которые нужно просмотреть.
Ему бы не помешала сейчас еще пара рук (и глаз), и Саймон прикинул, не вызвать ли кого-нибудь на подмогу, но отказался от этой мысли. Ребята сильно устали, и завтра они будут работать лучше, если отдохнут. Разумеется, это относилось и к нему тоже, но выбора не было.
Несколько дней назад он уже просматривал эти письма – обе коробки. И определенно встречал фамилию Ламарк. Хотя, возможно, это так называемый феномен ложной памяти.
Детектив потянулся за кофе, и тут зазвонил телефон. Он снял трубку:
– Саймон Роубак.
Ошиблись номером. Кто-то хотел вызвать такси.
«Ну что ж, приступим».
Письма были связаны в пачки по сто штук. Он закончил просматривать первую, положил ее на пол, взял вторую. Ничего. И в третьей тоже. Мимо пролетел мотылек. Под потолком роились черные мошки. Над ухом у Саймона зажужжал комар, он безуспешно попытался прихлопнуть его. С улицы доносился шум проезжающих машин.
Роубак позвонил Брайони, предупредил, что задерживается на работе; она ответила, что будет его ждать. Он посоветовал невесте ложиться, потому что и сам толком не знает, когда вернется, после чего добавил, что любит ее больше всего на свете. И это было чистой правдой. Потом Саймон повесил трубку и сосредоточился на письмах.
Это было невеселое чтение. Письма несли плохие новости, большинство из них представляли собой откровенные, прямолинейные отказы, убивавшие всякую надежду.

> Уважаемый мистер Уитни!
>
> Спасибо, что прислали нам рукопись своей книги «Темнее ночи». После внимательного прочтения мы вынуждены с сожалением сообщить Вам, что не сможем ее опубликовать.
>
> Надеемся, что в других издательствах Вас ждет успех.
>
> Искренне Ваша,
>
> Тина Маккей, шеф-редактор.

Месяцы, годы, может быть, целая жизнь работы коту под хвост – все перечеркнуто несколькими строчками. Восемь тысяч потенциальных подозреваемых. Их число удвоится, если копнуть еще глубже – на полтора года назад. Допросить всех просто нереально.
Но вот если свести всю эту кучу к одному-единственному письму, тогда другое дело.
На нескольких письмах сверху имелись пометки от руки, сделанные предположительно Тиной Маккей или ее помощниками. Одни надписи сообщали, что автор – друг или родственник кого-то из сотрудников издательства. Другие содержали комментарии, касающиеся самих авторов,

если те проявляли излишнюю напористость или если имелись подозрения, что рукопись является плагиатом. Саймон не сомневался: в том письме, которое он ищет, обязательно обнаружится какая-нибудь пометка.
Он просматривал только фамилии адресатов. Страница за страницей, на фирменных бланках издательства. Самые разные имена: мужские, женские, английские, иностранные. Несколько раз попадались титулы. Саймон Роубак и сам мечтал когда-нибудь написать книгу. Неужели и он тоже однажды получит такой отказ?
Вдруг детектив замер. Вот оно.

Томасу Ламарку,

Холланд-Парк-авеню, 47

Лондон W14 8JJ

Уважаемый мистер Ламарк!

Спасибо, что прислали нам рукопись своей книги «Авторизованная биография Глории Ламарк». После внимательного прочтения мы вынуждены с сожалением сообщить Вам, что не сможем ее опубликовать.

Надеемся, что в других издательствах Вас ждет успех.

Искренне Ваша,

Тина Маккей, шеф-редактор.

А наверху, как он и предполагал, сделанная от руки пометка: «Звонил несколько раз, довольно агрессивен».
Детектив откcерил письмо, вернул оригинал в коробку. А копию сложил и сунул в карман пиджака.

91

Свет фар встречных машин бил Майклу в глаза, ненадолго ослепляя его. Тени метались по дороге и бросались ему под колеса, а потом взмывали над асфальтом. Какая-то машина со включенным дальним светом и с оглушительным, просто рвущим барабанные перепонки грохотом, доносившимся из динамиков, свернула прямо перед ним и помчалась дальше по широкой Челтнем-авеню.
Часы показывали четверть первого ночи. На светофоре включился зеленый, и Майкл поехал дальше, ориентируясь по указателям, к центру города. Радиоприемник передавал какую-то совершенно безликую музыку, Майкл даже толком не знал, на какую волну тот настроен. Он свернул на заправку, чтобы спросить дорогу; дверь была заперта, но за пуленепробиваемым стеклом сидел оператор бензоколонки, читавший книгу – «Эхо» Майнет Уолтерс. Он так увлекся, что не заметил Майкла, и тому пришлось постучать в стекло.

Оператор неохотно отложил книгу и извлек откуда-то из-за спины карту.
– Ройал-Корт-Уок?
Майкл кивнул.
Оператор нашел нужную улицу, объяснил маршрут, зевнул и вновь вернулся к чтению.
Следуя полученным инструкциям, Майкл проехал еще милю, миновал несколько широких, почти пустых улиц, где за живыми изгородями виднелись силуэты георгианских фасадов. Потом увидел паб, о котором говорил оператор, и свернул налево.
Первая улица направо была Ройал-Корт-Уок. Он прижался к поребрику, остановился и включил свет в салоне, чтобы уточнить адрес: дом номер 97. Улица состояла из элегантных однотипных домов. Справа он увидел номер 5. Слева – номер 4, потом 6. Стало быть, нечетные справа. Майкл поехал дальше: 17, 19. Дальше, дальше – посмотрел снова: 31, 33, 35. Дальше: 71, 73… Еще дальше: 91, 93, 95.
Улица заканчивалась Т-образным перекрестком, последний дом имел номер 95. Чтобы удостовериться, Майкл вышел из машины и заглянул за угол. Иногда угловые дома числятся по адресу соседней улицы. Но и за углом номера 97 не было.
Вернувшись в машину, он не закрыл дверь, чтобы свет в салоне остался гореть, и еще раз проверил адрес в истории болезни. На первой странице анкеты было выведено четким почерком: дом 97. Выходит, пациент намеренно указал несуществующий адрес. Доктор Теренс Гоуэл выбрал этот номер, потому что знал: такого дома в принципе не существует.
Майкл выключил лампочку в салоне, остался сидеть в тусклом свете уличного фонаря. Аманда исчезла через несколько дней после того, как Гоуэл впервые пришел к нему на прием.
Теперь он еще больше утвердился в мысли о причастности Гоуэла к случившемуся. Ему мог помочь человек, который находился здесь, в Челтнеме, – врач общей практики, упорно не отвечавший на его звонки.
Он позвонил в справочное – нет ли у них адреса доктора Шайама Сундаралингама. Адрес был, но закрытый, и тщетно Майкл умолял телефонистку, объясняя, что он врач и что дело срочное; она лишь порекомендовала ему обратиться в полицию.
Майкл подумал, не позвонить ли Роубаку, но шел уже второй час ночи. Ни от Роубака, ни от Сундаралингама он в такое время все равно ничего не добьется.
Десять минут спустя Майкл заехал в унылый переулок, где, судя по бланку, на котором было написано письмо доктора Сундаралингама, и располагался его кабинет. Майкл остановился у дома номер двадцать.
Рядом с входной дверью на большой медной табличке были перечислены все арендаторы. Однако не только доктора Сундаралингама, но вообще ни одного врача среди них не было.
Район здесь был тихий, никакого движения, Майкла обволакивала теплая тишина ночи. Он взял мобильник, вышел из машины и набрал номер доктора Сундаралингама. Мгновение спустя где-то над ним зазвонил телефон. После четвертого сигнала включился автоответчик: все тот же голос, что он слышал раньше: «К сожалению, доктор Сундаралингам сейчас не может подойти к телефону. Пожалуйста, оставьте свои координаты, и он свяжется с вами».
Он отключился, потом, чтобы убедиться наверняка, набрал номер еще раз. И снова через несколько мгновений наверху раздался звонок.
Майкл дважды по очереди нажал на все кнопки домофона, но ответа не получил, потом вернулся в машину, сдал назад на несколько футов, чтобы лучше были видны внушительные каменные ступени, ведущие к входной двери, после чего чуть откинул спинку сиденья и запер двери машины. Тело его устало до изнеможения, но мозг продолжал работать. Он услышит звук шагов или подъезжающей машины. А если вдруг задремлет, то с появлением первого человека непременно проснется.
Майкл закрыл глаза, но вихрь мыслей лишь сильнее закружил его. Мысли эти, подобно гигантской воронке, влекли его, слабого и беспомощного, в самый эпицентр, где был один лишь неразбавленный темный ужас.
Так он и уснул.

Тени пальцев Ламарка плясали на клавиатуре под дизайнерской настольной лампой от Филиппа Старка.
Иногда Томасу казалось, что это клавиши рояля «Стейнвей», а он – великий музыкант, вкладывающий в музыку всю душу. Вот он сидит здесь, у себя в кабинете, не существующий для всего остального мира, зачарованный мерцанием монитора, клавиши постукивают под его пальцами, а тело покачивается в ритм со словами, текущими по экрану.
Со словами, которые приходили откуда-то из эфира, а потом вытекали из его пальцев, словно он был всего лишь передаточным звеном между Творцом и монитором компьютера. «У тебя руки хирурга» – так говорила его мать. Да, гибкие руки с длинными красивыми пальцами, ногти аккуратно подстрижены, и никаких тебе заусениц.
Мама расстроилась, когда он ушел из медицинской школы. Расстроилась и рассердилась. «У тебя с головой не все в порядке, и ты это прекрасно знаешь, Том-Том, правда?»
Почему он ушел?
Это случилось так давно, что Томас уже и сам не помнил. Он вообще не был уверен, что правильно представляет себе прошлое. Да, все вокруг тогда злились на него, но окружающие вечно сердились на него из-за сущих мелочей. Может быть, все произошло из-за той суки-студентки, которую Томас ударил в лицо, когда она рассмеялась, услышав предложение потрогать его чу-чу? Да, тогда из-за этого разразился скандал. Мать была права насчет той девицы. Но стал ли тот случай причиной его ухода? Столько всего уже стерлось у него из памяти, и ситуация, похоже, только усугубляется. Но не сегодня утром. Сегодня утром память его работала как часы.
Словно бы батарейку подзарядили. Прохладный утренний воздух ласкал его тело, под шелковым халатом совсем ничего не было. Томас только что принял ванну, побрился, надушился, был готов к выходу. Сегодня у него напряженный день. Сперва похороны Коры Берстридж в Брайтоне. Затем операция мастэктомии в Кингс-колледже. Ну а потом он сам прооперирует телку доктора Майкла Теннента.
Запасы анестетика были на исходе: большую часть он израсходовал на Тину Маккей и этого никчемного репортеришку, Джастина Флауаринга. Томас хотел, чтобы они подольше жили и страдали. Правда, у него были фирменные бланки рецептов доктора Сундаралингама, но, может, анестетик больше и не потребуется. Пожалуй, если Аманда Кэпстик будет находиться в сознании, то получится даже интереснее.
Да, значительно интереснее.
Курсор на экране компьютера мигал. Томас сидел в темном кабинете за задернутыми шторами. Он писал ответ на письмо, которое несколько минут назад пришло ему с другого конца света.

Привет, Джо!

Всегда приятно получить от тебя весточку. Я понемногу оправляюсь от постигшей меня утраты, спасибо за сочувствие. Кажется, Гор Видал сказал, что мы все на разной скорости летим в небытие. Как это верно! Разумеется, мне нелегко… если не ошибаюсь, ты вроде бы тоже потерял мать. Жаль, что ты не смог приехать на похороны, – это было нечто. Пришлось даже вызывать полицию, чтобы избежать давки. Оно и понятно, ведь мою мать все очень любили. В последнее время по телевизору по всем каналам постоянно показывают фильмы с участием Глории Ламарк, но мне больно видеть знакомые кадры.

Погода в Лондоне сейчас стоит невероятно жаркая – да, представь себе!!! Наверняка ты думаешь, что мы, бедные лондонцы, живем среди сплошного тумана, смога и дождя. Вообще-то, это недалеко от истины, но нынешним летом термометр просто зашкаливает. Я полагаю, что и в Гонконге тоже очень жарко?

Ты читал про квантовые вихри? Нашел статью о них в журнале «Нейчер»? Я думаю, правительство использует эти вихри для контроля мыслей – электромагнитное влияние на мозг, мы с тобой как-то говорили об этом. Сеть правительства США, которая находится на Аляске, потребляет энергии столько же, сколько десять крупных городов. И что, интересно, это может значить???

Не пропадай!

Твой друг Томас.

Раздался звонок в дверь.
Томас посмотрел на экран компьютера. Восемь часов. Кто бы это мог быть? Почтальон с мешком писем-соболезнований от поклонников? Но для этого вроде как уже поздновато. Хотя вдруг письма слишком долго сортировали в почтовом отделении? Может быть, мир наконец осознал, какую утрату он понес?
«Покормил ли я зверька? Вчера вечером отнес ему еду. Теперь надо не забыть про завтрак. Зверьку сегодня, как никогда, понадобятся силы. Да, Аманда, чем сильнее ты будешь, тем большую боль сможешь вытерпеть!»
Томас направился в коридор. Да, наверное, это все-таки почтальон. Шлепая тапочками по серой плитке, Ламарк прошел мимо напольных часов, мимо лакированного столика к двери. Сдвинул верхнюю щеколду, потом посмотрел в глазок. Увидел незнакомого мужчину, в костюме и при галстуке. Лицо казалось обрюзгшим, хотя, возможно, это глазок так искажал изображение. Открывать дверь, конечно, вовсе не обязательно.
Томас не мог определить, кто перед ним. Свидетели Иеговы и мормоны всегда ходят парами. Почтальоны носят форму.
Он прислушался. Зверек внизу не издавал никаких звуков, да и в любом случае услышать их невозможно.
«Будь осторожен».
Томас открыл дверь, он держался спокойно и естественно, как и подобает облаченному в дорогой шелковый халат человеку, который радуется жизни в такое прекрасное утро.
– Здравствуйте! Вы ко мне?
Незнакомец оказался высоким, крепкого сложения мужчиной в дешевом костюме, из открытого ворота желтой синтетической рубашки проглядывала бычья шея. Внимательные серые глаза на открытом, немного детском лице, коротко подстриженные светлые волосы.
– Мистер Томас Ламарк?
Мягкое произношение, свойственное жителям северной части Лондона, но голос не лишен властности.
– Да, – кивнул Томас, так и излучая обаяние. – Чем могу быть вам полезен?
– Детектив-констебль Роубак, полиция Лондона. – Он показал Томасу удостоверение. – Извините за столь раннее вторжение, сэр. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?
Увидев, как резко дернулся кадык Томаса Ламарка, Роубак понял, что этот человек испугался. Хотя это еще ни о чем не говорило; из личного опыта он знал, что многие невиновные люди начинают нервничать при виде полицейского.
Но голос хозяина дома оставался по-прежнему спокойным:
– До чего же вы некстати, офицер. Я как раз собираюсь на похороны.
Томас тут же молча выругал себя. Он не собирался этого говорить.
Детектив в ответ сочувственно произнес:
– Примите мои соболезнования – кто-то из близких?
– Нет, не очень. Понимаете… Просто у каждого из нас есть определенные обязательства.
«Чего тебе надо?»
– Да, конечно.
Они молча стояли, глядя друг на друга, – этакий стоп-кадр на верхней ступеньке лестницы. Наконец Роубак настойчиво сказал:

– Я займу не больше пяти минут вашего времени.
Подобная напористость встревожила Томаса. Восемь часов. Время до выхода у него еще было. Около получаса: хватит, чтобы поговорить с этим типом и отнести завтрак зверьку. Он должен узнать, что нужно полицейскому.
– Прошу вас, проходите. Хотите кофе? У меня колумбийский. Отличный сорт, рекомендую. В этом году из-за эпидемии кофейной ржавчины купить его труднее обычного. Попробуйте, очень вкусно.
– Спасибо, я уже пил кофе.
Они вошли в холл. Томас увидел, что детектив внимательно разглядывает картину на стене: Глория Ламарк, в мерцании фотовспышек, выходит из лимузина.
– Моя мать – Глория Ламарк, – с гордостью пояснил Томас. – На премьере своего фильма «Вдова из Монако».
– Ах да. Кажется, она недавно умерла? Примите мои соболезнования. Насколько я понимаю, когда-то она была знаменита.
Томас с трудом сдержал вспышку ярости. «Когда-то!»
Сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, он провел посетителя в большую гостиную и поднял шторы на окнах. На стене не было ни одного свободного дюйма – всю поверхность сплошь занимали фотографии Глории Ламарк. Томас подвел детектива к фотографии матери, где она была запечатлена вместе с лордом Сноудоном и принцессой Маргарет.
– Очень красивая дама, – заметил Роубак.
– Спасибо, – пробормотал Томас сквозь зубы.
Нервы Томаса начали сдавать. Тяжело дыша, он отвернулся от полицейского. Плохо. Нужно было немедленно успокоиться, но этот человек действовал ему на нервы. Он провел полицейского к дивану, а сам присел на краешек противоположного и снова попытался взять себя в руки. Но из этого ничего не получалось: мысли его отчаянно метались и путались.
Роубак вытащил из кармана блокнот, раскрыл его. Значит, хозяин дома собирается на похороны. Он вспомнил, что вчера его новый приятель Гленн Брэнсон тоже говорил, что утром пойдет на похороны. Интересно, не на одни и те же? Вряд ли.
Он пристально посмотрел на Томаса:
– Мистер Ламарк, насколько мне известно, шестнадцатого марта этого года вы отправили в издательство «Пелхам-Хаус» рукопись, озаглавленную «Авторизованная биография Глории Ламарк». Верно?
Вопрос был неожиданным, словно удар. Хотя, вообще-то, не таким уж и неожиданным. Томас знал, что рано или поздно кто-нибудь этим обязательно заинтересуется, что придет полицейский и будет проводить рутинное расследование. Томас все отрепетировал заранее, чтобы его не застигли врасплох.
Вот только теперь это начисто вылетело у него из головы.
– Да. – Он наморщил лоб и внезапно почувствовал себя спокойнее. – Да, в числе прочих издательств я посылал рукопись и туда тоже… вроде бы. – Это прозвучало хорошо, очень естественно. «Вот теперь уже лучше». Он выдавил улыбку. – Боюсь, уже точно не вспомню, поскольку обратился одновременно к нескольким издателям.
– И кто-нибудь заинтересовался вашей книгой?
– Пока нет.
– Вас не удивила подобная реакция?
Глаза детектива шарили по сторонам. Он посмотрел в потолок, потом опустил взгляд. Он вел свою игру. Томас сплел пальцы рук. «Используй язык тела». Он более непринужденно сел на диване. «Зрительный контакт очень важен». Обезоруживающе улыбнулся.
– Сэр, я полагаю, что сегодня слишком многие чересчур серьезно воспринимают знаменитое высказывание Энди Уорхола о том, что каждый человек имеет право на пятнадцать минут славы. Видите ли, истинный талант не знает временных границ. Фильмы моей матери сегодня не менее важны для мира, чем в те дни, когда они только вышли на экран. Некоторые картины с ее участием настолько опережали свое время, что их истинную ценность начинают понимать только сейчас. Удивила ли меня реакция издателей? Естественно, я испытал разочарование. Но я утешаюсь тем, что посредственность не может понять ничего, что хоть немного выше ее. Только талант способен распознать гения.
Детектив по-прежнему продолжал изучать его взглядом. Через секунду-другую сказал:

– Если не ошибаюсь, сэр, вы несколько раз звонили в «Пелхам-Хаус» по поводу своей рукописи. Не припомните, в каком ключе велась беседа? Вроде как вы сильно возмущались?
Томас широко улыбнулся: теперь он уже полностью успокоился.
– Конечно, я был зол. За два месяца ни ответа ни привета. Хотя бы подтвердили, что получили рукопись.
– У меня есть приятель, который написал книгу о полицейском, – сказал Роубак. – Так вот, ответ от первого издателя пришел только через год. – Он вскинул брови, потом ухмыльнулся. – Довольно обидно.
Томас улыбнулся в ответ, но на крючок не попался. Этот человек затеял с ним игру, пытался расположить собеседника к себе, усыпить его бдительность.
– Ваш друг был расстроен?
– Конечно, – кивнул детектив. И все так же с улыбкой добавил: – Значит, для вас в порядке вещей звонить издателям и оскорблять их?
Томасу вопрос не понравился, но он раскинул в стороны руки и рассмеялся.
– Неужели я кажусь вам сумасбродом, констебль Роубак?
Детектив отрицательно покачал головой.
– Я обычный человек, который хотел воздать должное своей матери. Глория Ламарк была великой актрисой. Она отвергла сотни предложений написать ее биографию – боялась искажения фактов. Мама четыре раза подавала в суд на тех, кто хотел опубликовать биографию без ее разрешения. Вы знаете, в чем проблема? Нынешние издательства заполонили невежественные сопляки, совсем недавно вылезшие из подгузников. Они почему-то считают, что никто старше «Спайс герлз» или младше Дарвина не может представлять интерес для этого мира! – Томас в ярости стукнул кулаком по подлокотнику дивана.
И, заметив, какое выражение появилось на лице полицейского, понял, что дал маху.
Не сводя глаз с Томаса Ламарка, Роубак сказал:
– Не знаю, сэр, попадалось ли вам на глаза сообщение об исчезновении Тины Маккей три недели тому назад.
И тут Томас сообразил, что детектив-констебль Роубак подозревает его. А вдруг у него есть ордер на обыск? Остатки «альфа-ромео» все еще находились в его гараже. Он еще не был готов к обыску. Ему грозила опасность.
«Скверно. Что же делать?»
Томас Ламарк встал и вежливо сказал констеблю:
– Вы меня извините, если я отлучусь на минутку? Мне нужно в туалет.
– Конечно.
Роубак проводил Ламарка взглядом. Он чувствовал: что-то здесь нечисто. Встал, прошелся по комнате, погрузившись в размышления. Остановился перед каминной полкой. На ней стояли два приглашения – оба на выставки в картинные галереи, и уже немалой давности.
«Странно, – подумал он, – что человеку, живущему в роскошном доме и имеющему знаменитую мать, присылают так мало приглашений. И почему этот Ламарк так нервничает, черт побери? Он пытался создать видимость спокойной, веселой, расслабленной уверенности, но меня-то не проведешь».
Роубак решил, что не помешало бы все тут внимательно осмотреть. Но найдутся ли у него весомые аргументы, чтобы получить ордер на обыск?
Он подошел к окну, посмотрел в сад.
«Красивый сад, но запущенный. Траву не косили вот уже несколько недель. Почему? Может быть, Ламарк после смерти матери никак не придет в себя? Но в таком доме наверняка должен быть штат прислуги. Куда смотрит садовник?»

Томас Ламарк возник у него за спиной.
– Извините, я очень тороплюсь. Вы не будете возражать, если мы продолжим наш разговор в другое время?
Роубак, вздрогнув от неожиданности, обернулся.
– Мм… нет. Когда вам будет удобно, сэр?
– Можно сегодня, но попозже. Скажем, после похорон?
– Давайте в пять часов.

Мысли Роубака метались. «На самом ли деле Томас Ламарк собирается на похороны? А вдруг он направляется туда, где спрятана Аманда Кэпстик? Надо проследить за этим типом».
– Ну что же, это меня вполне устраивает.
Ламарк пошел проводить посетителя, протянул ему на прощание руку. Роубак твердо пожал ее. Потом Томас открыл дверь, посмотрел на левую ладонь и резко выбросил руку вперед.

Выходя на крыльцо, Саймон Роубак почувствовал укол в ягодицу, словно его ужалила пчела. Но боль быстро исчезала – значит, не пчела, решил он. Он шлепнул себя по заднице, повернулся, но дверь уже закрылась.
Саймон подумал, что, вероятно, в химчистке забыли вынуть из штанов крепежную булавку, но рука ничего не нащупала. Да и боли уже совсем не чувствовалось.
По улице проехал фургон доставки, а за ним «рейнджровер» с маленькими детьми. Роубак приехал сюда прямо из дома на своем маленьком «воксхолле», который оставил на платной парковке за углом. Он прошел всего ничего по улице, когда у него начала кружиться голова. Роубак списал все на усталость. Прошлой ночью он почти не спал – мешала липкая жара. Полицейский повернул направо, увидел в сотне ярдов впереди свою потрепанную ярко-красную машину. Внезапно эти сто ярдов показались ему сотней миль.
Саймон двигался очень медленно. Потом ноги внезапно стали подгибаться, и ему пришлось прислониться к ограде перед домом, чтобы не упасть. Он простоял там несколько секунд, чувствуя, что обильно потеет; дышать было тяжело, словно бы что-то мешало. Оглянувшись по сторонам, Роубак заметил, что улица пуста, и порадовался этому обстоятельству: ему не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его в таком состоянии.
Еще несколько вдохов – и ему стало получше. Может быть, у него анафилактический шок от укуса пчелы? Он стал припоминать симптомы, которые знал из курса по оказанию первой помощи: учащенное сердцебиение, потливость, потеря сознания.
Но у него не было аллергии на укусы насекомых. Черт побери, прошлым летом он у себя на чердаке растревожил целое осиное гнездо, осы ужалили его тогда раз десять, не меньше, и хоть бы что. Нет, все дело в усталости, жаре, да еще он утром толком не позавтракал.
Собравшись с силами, Роубак двинулся к машине. Добрался, открыл дверь и с облегчением опустился на водительское сиденье. Протянул руку к ремню безопасности, пристегнулся, завел двигатель.
«Я должен проследить, куда поедет Томас Ламарк. Нужно сделать круг, остановиться, не доезжая до его дома».
Саймон тронулся с места, чувствуя, что теряет ориентацию, доехал до конца улицы. Все было как в тумане, он почти не ощущал собственного тела. Повернул налево. Дышать становилось все труднее, легкие словно бы съеживались.
«Нужно запросить подкрепление, вызвать вторую машину».
Он подъезжал к оживленному перекрестку. Дышал с трудом. Сипел. Центральная улица Кенсингтона. На светофоре зажегся красный. Роубак затормозил. Но машина не останавливалась – правая нога не слушалась его. Он потянулся к ручному тормозу, но, похоже, сделал это только в своем воображении. Рука тоже ему не подчинялась.
Впереди в ожидании зеленого сигнала стояло такси. Расстояние между ними стремительно уменьшалось – теперь ему уже не остановиться.
Саймон видел удар, но ничего не почувствовал. Видел, как смялся капот его машины. Такси откинуло вперед на дорогу и развернуло, оно остановилось. Он увидел человека в клетчатой рубашке с коротким рукавом и кремовых брюках – тот бежал к нему с перекошенным лицом. И громко кричал.
Саймон Роубак попытался сказать что-нибудь, но язык не слушался его. Изо рта вырвался только слабый хрип. Его легкие не работали: он не мог сделать вдох. Роубак беспомощно смотрел на водителя такси.
– Кретин! Ослеп ты, что ли? – кричал тот.
Внезапно свет начал гаснуть. Человек перед ним становился прозрачным. Роубаку требовался воздух. Он пытался всосать его через нос, через рот – тщетно. Волна паники захлестнула Саймона: почему собственное тело вдруг перестало ему подчиняться?
Он отчаянно смотрел на кричавшего человека, взглядом умоляя помочь ему.

Его трясло. Страшная боль пронзала его нутро. Свет то гас, то вновь появлялся. Вспышка света, потом темнота. Взрыв, похожий на фейерверк, внутри черепа. Человек в клетчатой рубашке беззвучно разевал рот; он открыл дверь, он больше не злился.
Роубак видел теперь только его нечеткую тень.
Водитель такси распахнул дверь «воксхолла». Женщина лет тридцати в джинсах и топике подбежала к машине.
– Я медсестра, – сказала она.
– У него инфаркт или приступ эпилепсии! – крикнул водитель такси.
– Надо вытащить его из машины, – заявила медсестра, отстегивая ремень безопасности.
Вдвоем они вытащили Саймона, уложили на тротуар. Согнув его руку, медсестра привела Роубака в положение, удобное для искусственного дыхания. Проверила дыхательные пути, пульс, сердце.
Ничего.
Женщина прижала свой рот к его губам и принялась дуть изо всех сил. Но воздух не проходил. Она в отчаянии откинула назад голову Саймона, попробовала еще раз. Бесполезно.
– Похоже, дыхательные пути чем-то забиты, – сказала медсестра. – Что-то препятствует прохождению воздуха.
Они посадили Роубака и постучали ему по спине, не обращая внимания на собирающуюся вокруг толпу, потом снова положили. Ничего. Они поставили его на ноги, попробовали прием Геймлиха. Безрезультатно.
И тогда охваченная ужасом медсестра с помощью перочинного ножа, который дал ей таксист, сделала Роубаку экстренную трахеотомию.

93

Озабоченные лица. Все что-то громко говорят, наперебой дают советы. Мать. Отец. Брат. Лулу. Детектив-констебль Роубак. Они все в одной комнате, кричат на него, взывают к его вниманию. Потом появилась Аманда. Она стояла в дверях с недоуменным выражением лица.
– Я ждала вас, – сказала она. – Почему никто не пришел?
– Аманда! – закричал Майкл и попробовал протиснуться сквозь толпу, но не смог: люди стояли вплотную друг к другу, не желая двигаться. Он растолкал их, попытался бежать, но ноги были как ватные. Наконец – по прошествии целой вечности – он добрался до двери, но Аманда уже исчезла.
Он заглянул в пустой коридор. Кто-то похлопал его по плечу. Отец.
– Ты сделал все, что мог, мой мальчик.
– Я думаю, это была не она, Майкл, – сказала Лулу.
Он пошел быстрее, побежал. Освещение изменилось, стало серым. Сон растворился в дневном свете, мутном и тусклом, как плохо проявленная пленка.
Аманда исчезла.
Раннее утро.
Мимо трусцой пробежал человек. Звук его шагов смолк. Снова воцарилась тишина.
Протарахтел где-то неподалеку фургон с молоком. Позвякивание бутылок. Визг ручного тормоза. Майкл, лежа на откинутом сиденье, видел часы на панели. Четверть седьмого.
Он сел, весь пропитанный потом, но чувствуя утренний холодок. Майкл повернул ключ зажигания и закрыл окно, проверил, включен ли мобильник, потом натянул пиджак на грудь, словно одеяло, снова лег.
И сразу провалился в сон.
Когда он проснулся в следующий раз, было уже гораздо светлее. В дверь соседнего дома входила молодая женщина. Четверть девятого. Ему нужно было помочиться. На ветровом стекле и капоте автомобиля отметились птички. Спина у него болела, правая рука затекла. Майкл помассировал ее, возвращая к жизни, потом открыл дверь. Прохладный воздух под безоблачным небом обещал еще один жаркий день.

Чувствуя, что движения его по-прежнему скованны после неудобного сна, Майкл вылез из машины и перешел через дорогу на другую сторону переулка, к небольшому частному саду, огороженному чугунной оградой. Здесь под ярким солнцем было уже жарко.
Он посмотрел на соседнее здание, но не обнаружил там никаких признаков жизни: все окна были закрыты. Здания тут явно давно не ремонтировали. Ступени, ведущие к входной двери дома номер двадцать, были вымазаны птичьим пометом. На колоннах повсюду сколы. Краска на зеленой входной двери шелушилась. Да и окна требовали ремонта.
Майкл поморщился. Вкус во рту был просто отвратительный, ему требовалось помыться и почистить зубы. Он отер лоб тыльной стороной ладони и почувствовал, что тот липкий от пота. Поднял локоть, незаметно понюхал себя под мышкой. Да уж, не самый приятный аромат.
Да еще вдобавок мочевой пузырь настойчиво давал о себе знать. Очень глупо было ночевать в машине. Ну и что он в результате выиграл? Нужно было поехать в отель, нормально выспаться и рано встать. А теперь, усталый, небритый и грязный, он чувствовал себя как бродяга.
Майкл вернулся в машину, порылся в бардачке, нашел мятные леденцы. Вытряхнул один на ладонь, слизнул языком. Кто-то поднимался по ступенькам к входной двери.
Женщина лет пятидесяти, грузная, с виду типичная бухгалтерша. Открыла дверь магнитным ключом, вошла, закрыла ее за собой. Майкл внимательно смотрел на окна. Минуты через две его терпение было вознаграждено: одно из окон на первом этаже открылось. Он даже разглядел женщину в окне, прежде чем она отступила вглубь комнаты.
Он снова набрал номер. После четвертого гудка включился автоответчик. Эта женщина работала не у доктора Сундаралингама.
Где можно справить нужду в Челтнеме в восемь десять утра? В общественном туалете, отеле, ресторане, кафе.
Майкл завел двигатель, выехал из переулка и вскоре увидел среди множества магазинов кафе. Смахивает на забегаловку, но главное, что открыто с утра пораньше.
Майкл вошел внутрь, заказал кофе, яичницу, тосты и апельсиновый сок, а затем нашел туалет – маленькое помещение в самом конце. Он помочился, снял рубашку, вымыл лицо, грудь и руки, почистил зубы мыльным пальцем, вытерся бумажными полотенцами.
Двадцать минут спустя он снова стоял перед домом номер двадцать, теперь чувствуя себя гораздо лучше. Снова набрал номер – четыре гудка и автоответчик. Он отключился, позвонил Тельме в Шин-Парк-Хоспитал. Предупредил, что появится сегодня в лучшем случае после полудня, попросил ее извиниться перед всеми пациентами, а также договориться с кем-нибудь из коллег осмотреть его стационарных больных. Секретарша отреагировала спокойно, сказала, чтобы он не волновался, она постарается все устроить. И перенесет совещание медперсонала, которое доктор Теннент назначил на одиннадцать часов, на более позднее время.
Подъехал «БМВ», встал прямо перед Майклом. Из машины вышли двое мужчин лет тридцати с небольшим; оживленно беседуя, они вошли в здание. Майкл наблюдал за ними, разговаривая с Тельмой; выждал пять минут, но так и не увидел, чтобы хоть одно из окон открылось. Может быть, в их офисе имелся кондиционер или окна выходили на другую сторону. Снова набрал номер и услышал автоответчик. Значит, ни один из этих двоих не был доктором Сундаралингамом.
За следующие двадцать минут в здание вошли еще шестеро, но трубку в приемной врача по-прежнему никто не снимал.
Майкл увидел почтальона, который позвонил в домофон и вошел внутрь. А еще через пару минут появился карикатурного вида толстяк лет пятидесяти, облаченный в синий блейзер и серые брюки, с древним дипломатом в руке. Он быстрым шагом шел по тротуару и свободной рукой, казалось, дирижировал невидимым оркестром, покачивая головой в такт музыке. Толстяк поднялся по ступенькам на крыльцо, с хозяйским видом оглядел здание, отпер дверь магнитным ключом и вошел.
Майкл выждал пять минут, набрал номер. После второго гудка раздался по-военному четкий голос:
– Приемная доктора Сундаралингама, доброе утро!
Майкл возбужденно нажал на красную кнопку, сунул трубку в карман, вышел из машины, запер ее. Потом поднялся по ступенькам, обвел взглядом кнопки домофона, нажал наугад. Ответил женский голос:
– Слушаю.

– Срочная доставка! Две посылки, – сказал Майкл.
– Две посылки? – удивилась она, затем послышался звук зуммера.
Майкл толкнул дверь, вошел в холл. Внутри здание оказалось не менее облезлым, чем снаружи. Прямо перед Майклом была лестница, а слева находился лифт. Он увидел на стене перечень фирм-арендаторов: «Церковная музыка», «Финансовые услуги», «Бюро переводов», «Бизнес-сообщество Чилтерна», «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций».
Никакого доктора Сундаралингама не было и в помине.
В ячейках на полке лежали конверты. Майкл просмотрел их – ни одного, адресованного доктору Сундаралингаму. В холле стоял запах плесени.
Опять застрекотал зуммер входной двери. Он повернул голову, но никого не увидел. Снова набрал номер, прижал трубку к пиджаку, чтобы заглушить все звуки, прислушался – не зазвонит ли где-нибудь поблизости телефон. Ничего. Он поднес трубку к уху.
– Да? – произнес все тот же голос. – Алло? Приемная доктора Сундаралингама. Алло?
Майкл отсоединился, поднялся на второй этаж и снова позвонил. На этот раз до него донесся слабый звон телефона откуда-то сверху. Он отключился, взбежал на следующий этаж, остановился в коридоре, вновь связался с доктором Сундаралингамом.
Два сигнала, и он отключился, прежде чем ему ответили. Звонки отчетливо доносились из коридора справа. Он пошел туда, остановился перед дверью с аккуратной латунной табличкой «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций».
Набрал номер еще раз. Два звонка – и опять четкий военный голос:
– Приемная доктора Сундаралингама. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?
Майкл слышал этот голос прямо за дверью.
Твердо сжимая трубку в руке, он открыл дверь и вошел. Толстяк в синем блейзере, которого Майкл недавно видел на улице, сидел перед ним в окружении множества телефонов и, глядя на экран компьютера, прижимал трубку к уху. Он распространял запах бренди и вблизи выглядел очень неопрятно. На манжете блейзера отсутствовала пуговица, на плечах белели россыпи перхоти, воротник рубашки был мятый, а галстук покрыт жирными пятнами.
Толстяк окинул посетителя неприветливым взглядом.
– Да, – сказал ему Майкл, – вы очень даже можете быть мне полезны.
Тот прикрыл трубку ладонью:
– Одну секунду: я разговариваю по телефону.
Майкл показал на свой мобильник.
– Я тоже разговариваю по телефону. – Он захлопнул за собой дверь. – С вами. – Он обвел кабинет глазами. Убогое помещение. Фиктивный адрес, и ничего больше. Он сунул свой мобильник прямо под нос толстяку и нажал красную клавишу. – Вы тоже можете повесить трубку. Нам нужно поговорить с глазу на глаз.
Несколько мгновений хозяин кабинета ошарашенно разглядывал замолчавшую трубку, потом положил ее и посмотрел на Майкла со смешанным чувством опасения и злости.
– Кто вы такой? – По-военному четкий голос звучал слишком начальственно и никак не сочетался с его неряшливым видом.
Майкл увидел на столе табличку: «Николас Р. Лаббингс, бакалавр искусств в области коммерции, магистр бизнес-администрирования». С трудом сдерживая гнев, он произнес:
– Так, стало быть, мистер Лаббингс, вы возглавляете Челтнемский центр бизнес-коммуникаций? А я-то думал, что вы работаете в приемной врача. Выходит, я ошибался?
– У нас тут бизнес-центр. Мы предоставляем услуги по телефону, – настороженно ответил толстяк. – Будьте добры, назовите свое имя и объясните, что вам нужно.
– Мне нужно увидеть доктора Сундаралингама. Немедленно.
– Можете оставить сообщение для него, он вам перезвонит.
– Доктор Сундаралингам не торопится отвечать на сообщения, мистер Лаббингс. Я рад, что не вхожу в число его пациентов.
– Я приложу все усилия, чтобы он срочно связался с вами.
Зазвонил телефон.
– Извините. – Лаббингс нажал клавишу, посмотрел на монитор, затем снял трубку: – Доброе утро, «Челтнемские спортивные салоны»… Нет, к сожалению, никого из отдела сбыта сейчас нет на месте. Если вы…

Майкл выдернул трубку у него из руки, бросил на аппарат. Потом ухватил Лаббингса за узел галстука и рывком поднял на ноги, разметав при этом по столу стопку писем и опрокинув стакан с карандашами.
– Я тут с вами не шутки шучу, Лаббингс. Мне срочно нужен доктор Сундаралингам. Если через тридцать секунд вы не свяжете меня с ним – лично или по телефону, то пеняйте на себя. – Майкл хорошенько встряхнул его и отпустил.
Лаббингс с выпученными глазами опустился в кресло. Его лицо побагровело, он закашлялся, глядя на посетителя испуганным взглядом.
– Я… я вызываю полицию.
– Да ради бога, – сказал Майкл, нависая над Лаббингсом. – Но сначала прочтите кое-что. – Он достал письмо-направление, выданное доктором Сундаралингамом своему пациенту Теренсу Гоуэлу, и швырнул его на стол. – Ознакомьтесь-ка с этим документом, мистер Лаббингс. Интересно, как отнесется к нему Челтнемская коммерческая палата?
Шевеля губами, Лаббингс изучил письмо, после чего выжидательно уставился на Майкла.
– Значит, так, меня зовут доктор Теннент. Это направление – фальшивка. Человек, выдающий себя за доктора Сундаралингама, является уголовным преступником, и с вашего ведома тут творится криминал. А теперь валяйте, вызывайте полицию.
Лицо Лаббингса вновь стало мучнисто-серым.
– Но я… я не знал… что он… правда не знал…
– Мистер Лаббингс, откровенно говоря, меня совершенно не колышет, кто такой этот врач и чем он занимается. Меня интересует его пациент – некий Теренс Гоуэл. Слушайте меня внимательно. Либо вы сейчас соедините меня с доктором Сундаралингамом или отвезете меня к нему домой или в офис, либо я сам немедленно вызываю полицию, и тогда вашей конторе крышка. Женщину, которую я люблю, похитили. Сейчас полиция ищет ее по всей стране. Возможно, этой женщины уже нет в живых, однако еще остается шанс спасти ее. А этому Теренсу Гоуэлу известно, кто похититель. Вы понимаете, насколько все это серьезно, мистер Лаббингс? – Майкл наклонился над столом так, что его лицо оказалось буквально в дюйме от лица толстяка. – Не молчите же, отвечайте! – выкрикнул он и выпрямился.
Лаббингс кивнул. Вид у него сейчас был как у загнанной в угол крысы.
– Это один и тот же человек, – запинаясь, проговорил он. – Доктор Сундаралингам и доктор Гоуэл.
Майкл задумался:
– Один и тот же человек?
– Да.
– У вас есть адрес Гоуэла?
Лаббингс поднял руки:
– Только этот. Нашего офиса. Больше никакого.
– Не может быть! Я вам не верю!
Лаббингс заговорил заискивающим тоном, отчаянно стремясь задобрить Майкла:
– Клянусь, я видел этого типа всего два раза: сперва он оплатил наличными наши услуги за полгода вперед, а потом приехал, чтобы забрать посылку. У меня нет его адреса… но есть телефон.
– Говорите.
Лаббингс постучал по клавишам, записал цифры на клочке бумаги и протянул его Майклу. Майкл тут же узнал эти цифры – номер Теренса Гоуэла, мобильный оператор «Орандж». На всякий случай позвонил, но опять услышал автоответчик.
– Господи Исусе.
Майкл обвел взглядом кабинет. Ну и убожество. Грязная посуда. На одной стене стеллаж с ячейками – некоторые пустые, другие с письмами. В углу одинокая клюшка для гольфа с облезлой ручкой. Похоже, Лаббингс и впрямь рассказал ему все, что знал. Вон как перепугался за свою шкуру. Не хочет, чтобы в его контору заявилась полиция.
– Мистер Лаббингс, пожалуйста, вспомните, что еще вам известно про этого человека.
Толстяк покачал головой:
– Ничего. Абсолютно ничего.
– Вы знаете, чем он занимается? Где работает? Это правда, что он сотрудник Центра правительственной связи?

Лаббингс задумался:
– Вообще-то… есть у меня там один знакомый. Если хотите, можно навести справки.
– Вы можете сделать это прямо сейчас?
Лаббингс набрал номер, судя по всему, он беседовал со старым приятелем. Через пару минут повесил трубку и отрицательно покачал головой:
– Нет, Гоуэл там точно не работает. Никого с такой фамилией у них нет.
– А давно этот человек пользуется вашими услугами?
– Недели две или три. – Он постучал по клавишам. – С пятницы, двенадцатого июля. Ровно три недели.
Майкл сел на пластиковый стул. Телефон зазвонил снова, но хозяин кабинета не обращал на него внимания.
– Прошу вас, мистер Лаббингс, подумайте хорошенько, – произнес Майкл уже более спокойно и дружелюбно. – Может быть, вспомните какие-нибудь детали. Вдруг что-нибудь удивило или насторожило вас?
Лаббингс поскреб кончик носа грязным пальцем:
– Я могу описать его внешность, если это вам поможет.
– Давайте.
– Очень высокий – не меньше шести футов…
– Приятной наружности? – перебил его Майкл. – Интересный мужчина, да?
– Да… он напомнил мне одного актера, того, который играл Шиндлера в «Списке Шиндлера».
– Лиама Нисона?
– Его самого.
Майкл кивнул:
– Что-нибудь еще?
Толстяк порылся в ящике, вытащил пачку сигар «Король Эдуард».
– Вы не возражаете?
– Нет.
Лаббингс закурил короткую сигару, замахал рукой, разгоняя дым.
– Еще одна маленькая деталь, уж не знаю, будет ли это вам полезно. Когда доктор Гоуэл пришел ко мне в первый раз, на нем был черный галстук.
– От смокинга?
– Нет, не галстук-бабочка – обычный. На нем были темный костюм и черный галстук. Как если бы он носил траур.
Майкл уставился на собеседника:
– Траур?
– Да.
– А вы не спросили его, по какому поводу?
– Я стараюсь быть предельно тактичным по отношению к своим… гм… клиентам, мистер… гм… – он посмотрел на письмо, – …доктор Теннент. Я не задаю им лишних вопросов. Вы меня понимаете? Строго придерживаюсь этого правила.
«Значит, три недели назад. Доктор Гоуэл был в трауре. – Майкл чувствовал, что за этим что-то кроется. Но что именно? – Три недели назад Теренс Гоуэл носил траур.
Траур по кому?»
Он оставил Лаббингсу свой номер телефона, взял его визитку и вышел.
Из машины позвонил Роубаку в хэмпстедское отделение полиции. Ему ответили, что тот сегодня еще не появлялся. Тогда он набрал мобильный детектива, но попал на автоответчик. Майкл оставил сообщение – просил срочно перезвонить ему, а также связаться с компанией «Орандж», узнать, какая информация есть у них об абоненте Теренсе Гоуэле.
Потом он несколько минут сидел и думал.
«Траур. Противорадиационное убежище. – Майклу почему-то казалось, что эти два понятия тесно связаны между собой. – По кому доктор Гоуэл носил траур три недели назад?»
Он включил ноутбук и отыскал рабочий телефон своего старого приятеля Ричарда Франклина, который возглавлял крупное архитектурное бюро в Сити. Секретарша ответила, что мистер Франклин в настоящий момент очень занят, он на важном совещании и просил его не беспокоить. Но Майкл настаивал, сказал, что у него срочное дело. Минуты через две в трубке раздался голос архитектора.

Майкл не общался с приятелем несколько месяцев, однако, опустив обмен любезностями, сразу перешел к делу:
– Ричард, извини, что отрываю тебя, но у меня вопрос жизни и смерти. Скажи, существует какая-нибудь единая база данных по противорадиационным убежищам в Англии? Точнее, в Большом Лондоне?
– Холодная война давно закончилась, Майкл. Уж скорее стоит опасаться микробов… А почему ты интересуешься?
– Долго объяснять. Ричард, пожалуйста, не спрашивай зачем и почему. Просто скажи мне, где может быть такая база данных?
– Ты имеешь в виду военные убежища? Муниципальные? Частные?
– Абсолютно все.
Последовала пауза.
– Погоди-ка, Майк, дай сообразить. Можно посмотреть, кому выдавались разрешения на строительство, но там единой базы данных не существует. Как правило, возведением таких сооружений занимаются специальные организации, хотя теоретически подряд могла получить абсолютно любая строительная фирма. Не думаю, что ведется какой-то централизованный учет. Если ищешь что-то конкретное, придется обходить все конторы. – После короткой паузы он добавил: – Да к тому же многие противорадиационные убежища строились в обстановке секретности. Я думаю, что полный список ты в любом случае получить не сможешь.
– А кому скорее предоставят информацию? Мне, тебе, как архитектору, или полиции?
– Я думаю, полиции. Слушай, как у тебя дела? Давненько мы не встречались.
– Я тебе позвоню на выходных, тогда и побеседуем. Хорошо?
– Договорились.
Майкл отключился. Откинулся на спинку кресла, внимательно изучая свой телефон, словно в нем где-то среди нумерованных кнопок крылся ответ, который он искал.
«Три недели назад доктор Гоуэл носил траур.
Три недели назад доктор Гоуэл проявил немало изобретательности, чтобы оказаться в числе моих пациентов.
По кому носил траур доктор Гоуэл три недели назад?
Кто умер? Кто? Кто?»
Телефон выпал у Майкла из руки – его осенило. Чуть больше трех недель назад скончалась Глория Ламарк.
Глория Ламарк?
Существовала ли какая-нибудь связь между доктором Теренсом Гоуэлом и Глорией Ламарк? Вероятность этого была ничтожно мала, но за неимением иных гипотез эту стоило проверить.
Он снова набрал телефон Ричарда Франклина. На сей раз в голосе архитектора прозвучала недовольная нотка.
– Ричард, – сказал Майкл, – еще один вопрос. Допустим, у меня есть конкретный адрес. Куда обратиться, чтобы выяснить, имеется ли под этим домом противорадиационное убежище?

94

«Кора Эдвина Берстридж. 15 августа 1933 – 22 июля 1997».

> Кто-то, может быть, сама Кора Берстридж, а может, ее дочь, выбрал псалом «Господь – пастырь мой». Гленн Брэнсон это одобрил. Как и Первое послание к коринфянам в начале службы: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло». Ему нравился этот отрывок из Библии. Напоследок гимн «Иерусалим»: «На этот горный склон крутой ступала ль ангела нога…»
> [19]

Трогательные, берущие за душу слова. Величественные похороны, как и подобает блистательной актрисе.

Гленн сидел в полицейской машине без опознавательных знаков, держал на коленях программу поминальной службы и слушал звуки гимна, рев органа, голоса двух или трех сотен певчих, вылетающие из открытой церковной двери под жаркие лучи утреннего солнца. Гленн вновь вспомнил прошлый четверг. Лицо Коры Берстридж в пластиковом пакете.

И содрогнулся.

Узкая, больше похожая на проезд улица, тянувшаяся за входом на церковное кладбище, была забита машинами, фотографами, телекамерами, штативами микрофонов, журналистами и почитателями актрисы, пытающимися пробраться на место получше. Поклонники Коры Берстридж, в основном люди среднего и старшего возраста, пришли отдать дань уважения своей любимице, а заодно и поглазеть на знаменитостей.

Звезд в церкви и впрямь было немало. Актеры и актрисы, режиссеры, продюсеры, певцы. Ходили слухи, что якобы приехали Ванесса Редгрейв и Алан Рикман. Кто-то сказал, что на церемонии присутствует Элтон Джон, но Гленн его не видел; впрочем, ему показалось, что в дверях мелькнул сэр Клифф Ричард.

Сам Гленн пришел на похороны не для того, чтобы почтить память усопшей, хотя на самом деле ему очень хотелось войти в церковь, чтобы Кора знала: он здесь, он не забыл ее и никогда не забудет. Он не отступится, пока не выяснит правду относительно ее смерти.

Но внутрь Гленн не пошел, а вместо этого сидел сейчас в машине рядом с церковью и наблюдал за толпой в надежде увидеть одного-единственного человека, который будет здесь не к месту. Но разве в таком столпотворении что разберешь. Широкополые черные шляпки, вуали, черные шифоновые шарфы, струящиеся водопадом черные шелковые платья – ну просто показ мод, летняя фотосессия знаменитостей, скачки на элитном ипподроме Аскот. Гленн думал, что припарковался достаточно далеко от церкви и будет все хорошо видно, но вокруг толпились люди, закрывая ему обзор.

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?

Остался последний куплет. Гленн завел двигатель. После церковной службы состоится кремация, на которой будут присутствовать только члены семьи. Он осторожно повел машину сквозь толпу. Люди стояли на всем протяжении улицы до самого конца холма, словно в ожидании королевской особы.

Сад при крематории был ухоженным и содержался в идеальном порядке, слишком уж идеальном, на взгляд Гленна.

Дождевальные установки поливали безукоризненный газон. Клумбы неуместно пестрели яркими цветами. Игрушечные водопады струились по ступенькам в игрушечный пруд.

Гленн проехал по извилистому проезду к зданию крематория из красного кирпича. У дверей стояли катафалк и два черных лимузина «даймлер». На противоположной стороне – еще несколько машин. Проходила очередная траурная церемония. Крематории работают как фабрики. По строгому расписанию. Следующей на очереди была Кора Берстридж.

Гленн скользнул взглядом по автомобилям, медленно въезжающим на стоянку на противоположной стороне. Восемь машин. Семь припарковались наискось, передом к тротуару. А одна – синий «форд-мондео» – припарковалась задним ходом, и человек, сидевший за рулем, имел возможность видеть вход в крематорий.

«Форд» стоял с работающим двигателем, а слегка тонированные окна были закрыты, что не позволяло рассмотреть водителя.

«Кто бы это мог быть? – подумал Гленн. – И почему он не выходит из автомобиля? Чей-то водитель? Не исключено. Член семьи Коры Берстридж, заранее приехавший на кремацию? Тоже возможно, хотя и маловероятно – он бы пошел в церковь. А может, этот человек вообще не имеет отношения к актрисе и просто приехал на кладбище навестить какую-то могилу»?

Гленн припарковался носом к саду при колумбарии, где были разложены в два ряда цветы и венки; он не хотел быть замеченным, а потому повернул зеркало заднего вида так, чтобы можно было наблюдать за «фордом». Солнце пекло нещадно, но места в тени не было.

Служба закончилась. Люди выходили из крематория через боковую дверь. У выхода собралась небольшая толпа. Две заплаканные женщины в черном, одна из них с маленьким ребенком на руках, прошли по саду, осматривая принесенные цветы.
Человек в «форде» оставался на прежнем месте, в прохладе салона своей оснащенной кондиционером машины.
В сад вошли еще несколько человек, принялись рассматривать букеты, читать прикрепленные к ним записки, потом все разошлись.
Лимузины, один за другим, стали отъезжать, выстроившись в колонну, – небось народ отправился на поминки – и вскоре на стоянке остался один лишь «форд».
Колонна поползла вверх по холму. Человек в «форде» сидел неподвижно. Двое мужчин в серых костюмах и один в рабочем комбинезоне спешно собирали цветы и венки. Гленн уменьшил звук своей рации, чтобы треск и голоса не выдали в нем полицейского, и вышел из машины. Украдкой посмотрев на номера «форда», он прошел в сад и сел там на скамью в тени розового куста, спиной к кирпичной стене, на которой были выбиты имена и даты.
Отсюда Гленн ясно видел все, что ему требовалось. Он записал в блокнот номер «форда» и замер в ожидании. Минут через десять к входу в здание подъехал катафалк, а за ним черный лимузин «даймлер».
Сначала из лимузина вышел пожилой человек. За ним два подростка, следом благопристойная пара средних лет. Потом эффектная молодая женщина – Гленн решил, что это дочь Коры Берстридж.
Они потянулись внутрь, служащие похоронной конторы подняли гроб на плечи. Снова появились люди в серых костюмах, забрали цветы из катафалка и понесли их в сад.
Человек в «форде» продолжал сидеть неподвижно. Гленн прошелся по саду. Траурная церемония была короткой. Через десять минут родные Коры Берстридж появились из дверей. Они ненадолго задержались у цветов, потом вернулись в лимузин. Гленн увидел, что дочь актрисы рыдает.
Лимузин тронулся. Когда он отъехал от входа в крематорий, «форд» вырулил на проезжую часть, сдав назад, и тоже двинулся по дороге.
Гленн вернулся в свою машину, назвал в рацию позывные и попросил соединить его с Национальной компьютерной службой дорожной полиции. Когда ему ответили, Гленн сообщил номер своего служебного удостоверения, а потом регистрационный номер «форда». Через несколько секунд оператор сказала:
– Вы имеете в виду синий «форд-мондео»?
– Верно, – подтвердил Гленн.
– Он зарегистрирован на доктора Теренса Гоуэла, проживающего в Челтнеме, Ройал-Корт-Уок, дом девяносто семь. Никаких особых отметок нет, сообщений об угоне не поступало.
Гленн записал сведения, поблагодарил девушку. Потом постучал пальцами по рулю.
«Чем вызван ваш интерес к Коре Берстридж, доктор Теренс Гоуэл? Чем вы занимаетесь? И почему, проделав немалый путь из Челтнема, чтобы попасть на похороны актрисы, вы даже не вышли из машины? Почему не зашли в церковь?
Ваше поведение мне непонятно, доктор Гоуэл.
Откровенно говоря, оно меня порядком настораживает».
Он взял рацию, попросил оператора соединить его со службой сбора и обработки информации при полиции Челтнема.
Ему ответил усталый голос. Гленн объяснил, что ему требуется исчерпывающая информация о докторе Теренсе Гоуэле, проживающем в доме девяносто семь по Ройал-Корт-Уок.
– Как срочно? У нас работы по горло.
– Это срочно, – сказал Гленн.
– Через час устроит?
– Устроит.
Он положил рацию на место и зевнул. Накануне он лег спать только в третьем часу ночи. И вообще, официально у него сегодня выходной.
Гленн закрыл глаза и позволил себе пять минут подремать.

Было почти час дня. Майкл сидел в Управлении по архитектуре и проектированию районов Кенсингтон и Челси, в крохотной, душной – ни одного окна – кабинке, оборудованной аппаратом для просмотра микрофильмов. Он только что закончил говорить по телефону. Потрясенный, доктор Теннент положил трубку на деревянную столешницу, с трудом веря услышанному. В отделении полиции Хэмпстеда ему только что сообщили, что констебль Роубак умер сегодня утром в своей машине, судя по всему от инфаркта.
Майкл тупо смотрел на отверстия в стенных панелях, которыми была облицована будка. До сих пор он возлагал все свои надежды на Роубака, тот был человеком неравнодушным и изо всех сил старался ему помочь.
Телефон возле уха раскалился, да и вся правая часть его головы словно бы горела огнем. Майклу пришлось еще раз позвонить своему другу-архитектору, вытащить Ричарда Франклина с очередного важного совещания и попросить его задействовать все свои контакты, чтобы сократить до минимума срок в три дня: именно столько времени, по словам служащего проектного отдела, требовалось, чтобы достать из архива нужную папку.
Майкл ждал уже полчаса. Он снова набрал номер полиции, позвонил Лаббингсу в Челтнем – не объявился ли доктор Гоуэл. Лаббингс почтительно заверил Майкла, что пока никаких новостей нет. Потом Теннент связался с Тельмой и сказал, что на сегодня все приемы отменяются, после чего позвонил Лулу. Он уже говорил с ней сегодня – по пути в Лондон рассказал о том, что узнал от Лаббингса про доктора Гоуэла, но теперь позвонил еще раз, поскольку просто не мог сидеть без дела, и сообщил последнюю новость о Роубаке.
– Это очень подозрительно, не правда ли? – тут же спросила она.
– Не знаю. Роубаку было всего тридцать с небольшим, но он был довольно грузный, работал круглые сутки. Вчера пришел домой поздно, утром уехал рано, и, если я правильно понял, у него сегодня утром случился инфаркт в машине.
– Но вам это не кажется странным? – настаивала Лулу.
Ее тон действовал Майклу на нервы – она словно бы упрекала его в некотором недомыслии.
– Лулу, у меня недостаточно информации, чтобы делать выводы. Откровенно говоря, я уже не понимаю, что странно, а что – нет. Все вокруг чертовски странно.
– Извините, – ответила Лулу. – Мы все измучились. Я что-нибудь могу для вас сделать?
На его стол упала тень. Майкл поднял голову и увидел у себя за спиной служащего с пленкой.
– Я вам перезвоню, Лулу.
– Майкл, я знаю, вы делаете все, что в ваших силах, – сказала девушка. – И я очень ценю это. Как и все мы.
– Хотел бы я делать все, что в моих силах, – вздохнул он. – Мне кажется, что я бессмысленно нарезаю круги, верчусь как белка в колесе.
Майкл поблагодарил служащего, заправил в аппарат микрофильм, в котором содержалась полная информация о заявках на перепланировку по всем домам на Холланд-Парк-авеню, поданным после вступления в силу Закона о планировании 1953 года, и начал прокручивать пленку.
Нашел дом Глории Ламарк. Итак, что мы имеем? Заявка 1957 года на постройку двухместного гаража. Разрешено. Заявка 1961 года на расширение крыши, чтобы увеличить помещения для прислуги. Отклонено. Была подана апелляция. Апелляция не удовлетворена на том основании, что это нарушило бы облик улицы.
А вот еще один документ, от 7 октября 1966 года – «Заявка на увеличение размеров подвала с целью оборудования хранилища для элитных вин».
Разрешение выдали, но со строгими ограничениями, обязав владелицу дома укрепить фундамент. Кроме того, прилагались подробные инструкции по проведению дренажных работ.
Томас внимательно разглядывал чертежи, пытаясь ничего не упустить. Чем были вызваны эти оговорки? На чертежах существующий подвал занимал меньшую площадь, чем первый этаж здания, но, вместо того чтобы расширить его до равной площади под ним, предполагалось вырыть новый подвал, на тридцать футов ниже уровня первого этажа. На чертеже он увидел потолок высотой в десять футов. У существовавшего подвала высота потолка составляла только семь футов. Расстояние между полом цокольного этажа и дном существующего подвала

равнялось девяти футам, тогда как на новом чертеже расстояние между полом старого подвала и нового было двадцать один фут.
Майкл недоуменно рассматривал чертежи. Если высота нового подвала всего десять футов, то куда же подевались остальные одиннадцать? Этого в документах не объяснялось. Он стал изучать чертежи и обратил внимание на особую штриховку на участке между потолком нового подвала и полом старого. Заглянул в условные обозначения, чтобы понять, что означает такая штриховка. Ага, бетон. У нового подвала была бетонная крыша толщиной в одиннадцать футов. Так, а что у нас со стенами? Как выяснилось, их толщина составляла шесть футов.
Новый подвал предназначался вовсе не для хранения элитных вин. Да, вина должны храниться при определенной температуре, но для этого вовсе не требуются стены толщиной в шесть футов и одиннадцать футов бетона сверху.
Это явно было противорадиационное убежище.
Майкла трясло от усталости и нервного возбуждения.
«Неужели ты там, Аманда? Внизу? Под одиннадцатью футами бетона?
Но почему? Зачем доктору Теренсу Гоуэлу держать тебя в плену, да еще в подвале дома Глории Ламарк?»
Он закрыл глаза, попытался сосредоточиться.
«А что, если доктор Гоуэл приходился Глории Ламарк близким другом или родственником? Или имел какое-то отношение к ее сыну?»
Майкл силился вспомнить, что говорила ему Глория о своем сыне, может быть, обнаружится какая-то подсказка. Однако эта тема была запретной во время их бесед, и, несмотря на все его попытки выудить из пациентки хоть какие-то сведения, она все эти годы решительно отказывалась говорить о своем отпрыске. Майкл напрягся, пытаясь вспомнить его имя. Кажется, Томас. Да, точно. У него возникли подозрения, что парень гомосексуалист, однако, когда он попытался обсудить это с Глорией, та впала в бешенство. Все, что угрожало идеальному вымышленному миру, в котором обитала Глория Ламарк, вызывало у нее ярость. Доктор Гоуэл сказал, что он вдовец. Но похоже, ни одному его слову верить нельзя. Может быть, между ним и Томасом Ламарком существовала связь?
Согласно чертежу, убежище разделялось на три отсека. Вход, куда вела лестница сверху, – крохотный тамбур, а в нем две двери: в помещение размером с небольшую спальню и в другое, самое большое из трех. Все они имели сложную вентиляционную систему.
Майкл поставил на стол свой ноутбук, включил его, нашел фотографию Аманды. Ему было больно видеть ее лицо; Майкл чувствовал, как внутри у него все сжимается. Во рту пересохло, он проглотил комок в горле, но по-прежнему смотрел на ее неестественно красные глаза, спутанные волосы и разорванную одежду.
«Ты здесь? Аманда, милая, неужели ты здесь, в этом убежище глубоко под землей? Одна в темноте?»
Он отхлебнул минеральной воды из бутылки, которую купил на заправке. Говорят, что существуют экстрасенсы, которые якобы могут найти пропавших людей. Он читал статью об этом около года назад. Может быть, взять эту фотографию, прихватить копию чертежей и обратиться к экстрасенсу…
Он уронил голову на руки, сжал виски большими пальцами.
«Не нужен тебе никакой экстрасенс, идиот! Срочно звони в полицию, изложи им свои соображения, пусть проверят подвал под домом Глории Ламарк».
Майкл набрал номер Пола Столланда – детектива, который, как ему сказали, теперь будет держать с ним связь. На звонок ответил усталый женский голос:
– Оперативный штаб, детектив-констебль Ронда Гриффитс.
– Могу я поговорить с мистером Столландом?
– Извините, его сейчас нет на месте. Не уверена, что он вообще вернется сегодня. У вас что-нибудь срочное или вы можете перезвонить завтра?
– Завтра? – в отчаянии воскликнул Майкл.
– Могу я его заменить? – спросила Ронда Гриффитс.
– Меня зовут доктор Теннент.
В ответ молчание.
– Это я подал заявление об исчезновении Аманды Кэпстик.

– Ах да, извините, доктор Теннент, – безучастно отозвалась собеседница, явно думая о чем-то своем. – Вы, вероятно, уже слышали, какое у нас сегодня случилось несчастье.
Майкл начал было излагать Ронде Гриффитс свои соображения относительно местонахождения Аманды, но та уже через несколько секунд остановила его, чтобы ответить на другой звонок. Отсутствовала она минуты две.
– Какой адрес вы просите нас проверить, доктор Теннент?
Майкл назвал улицу и номер дома.
– А не могли бы вы уточнить, почему считаете, будто Аманда Кэпстик может находиться именно там?
Майкл снова принялся объяснять, но получалось у него как-то коряво и нескладно, он чувствовал, что ему не удалось убедить Ронду Гриффитс.
– Вы говорите, что доктор Гоуэл – ваш пациент?
– Да.
– А его лечащего врача, подписавшего направление, на самом деле не существует?
– Похоже на то.
– И этот доктор Гоуэл в качестве места своего жительства указал вымышленный адрес? – Голос ее звучал все более заинтересованно.
– Да.
– И он говорил вам на приеме о противорадиационном убежище?
– Да, и еще об утрате близкого человека – он рассказывал, что держал голубя в подвале или убежище, – добавил Майкл.
– Извините, сэр, – вежливо сказала женщина, – но я не понимаю, при чем тут дом Ламарков?
– Это всего лишь гипотеза.
– Вас смущает то обстоятельство, что в доме имеется бетонный подвал?
– Это определенно противорадиационное убежище, я видел чертежи!
Собеседница поскучнела:
– Я попрошу кого-нибудь проверить, сэр.
– Когда?
– Как только у нас появится такая возможность.
– Но меня это не устраивает. Я хочу, чтобы дом проверили немедленно.
– Сэр, мы сейчас очень заняты. Нам сообщили о подходящей по описанию женщине, которую видели в машине близ Нортгемптона, а еще у нас имеется информация о трупе женщины приблизительно тридцати лет, найденном в Эппингском лесу. А кроме того, поступило еще тридцать звонков после программы «Crimewatch». Мы должны все это отработать. Я постараюсь послать кого-нибудь по этому адресу сегодня. Если не получится, то завтра.
– А можно узнать более подробно про женщину в машине?
– Извините, я не могу с вами это обсуждать.
– Скажите хотя бы, она похожа на Аманду Кэпстик или на Тину Маккей? – в отчаянии взмолился Майкл.
– Это темноволосая женщина.
– А труп в лесу?
– Я не могу разглашать информацию. Всего доброго!
– Подождите, только один вопрос. Это свежий труп или нет?
Собеседница немного поколебалась, а потом ответила:
– Насколько мне известно, ему уже несколько недель.
Майкл мрачно поблагодарил ее и повесил трубку. Ни одна из этих женщин, похоже, не имеет отношение к Аманде, но упоминание о трупе в лесу напугало его.
«Если Аманда мертва…
А ну немедленно выкинь это из головы. Она жива. Фотографию прислали, потому что она жива.
И находится сейчас под домом Глории Ламарк?
В полиции пообещали проверить, но, скорее всего, они сделают это только завтра.
Смириться и ждать еще сутки?
Нет, ни за что!»

1 августа 1997 года, пятница

Чтобы убедиться в смерти Коры Берстридж, сегодня утром пришли триста двадцать семь человек.

Большинство из них просто-напросто воспользовалось возможностью лишний раз покрасоваться на публике. Я обратил внимание, как мало было на похоронах настоящих звезд – в основном второсортные персонажи, жалкие фигляры, те, у кого уже все позади, или новички, жаждущие славы. Некоторые пришли потому, что им за это заплатили, – таких сразу видно. Грустно, когда приходится нанимать людей на похороны.

Мы, Ламарки, выше таких ухищрений.

Я сегодня забыл покормить зверька. Да что там говорить, я, когда вернулся домой с похорон, вообще забыл о его существовании! Боюсь, что скоро мне опять придется драить сауну, как после того жалкого репортеришки.

Но вообще-то, с памятью шутить нельзя. Меня все больше беспокоит моя рассеянность. Доктору Гоуэлу в следующий раз обязательно нужно проконсультироваться по этому поводу с доктором Теннентом. Будет интересно узнать мнение психиатра.

Через час я иду в свою альма-матер, Кингс-колледж, чтобы послушать лекцию и посмотреть показательную операцию. Каково это будет – через столько лет вновь почувствовать себя студентом? Мама всегда говорила, что у меня задатки великого хирурга. У меня страсть к хирургии.

А любое величие основано на страсти.

Кураре при вскрытии обнаружить невозможно, если только не сделать специальный анализ. Когда патологоанатом распотрошит труп детектива-констебля Роубака, он придет к выводу, что причиной смерти стала сердечная недостаточность, возможно вызванная аллергической реакцией неясного происхождения. Грустно.

Доктор Майкл Теннент за последние сутки несколько раз звонил на мобильный доктору Гоуэлу. Я думаю, он очень страдает.

Но он еще и понятия не имеет, что такое настоящее страдание
.

Отлив. Середина дня. Буйство красок на прибрежной гальке, на берегу, заполненном множеством загорающих, взрослых и детей. А за ними – акры влажного песка, уходящие под воду вдалеке, гораздо дальше того места, где заканчивается бетонный волнолом. А ведь у Гленна сегодня выходной. Он мог бы прийти сюда, на берег, вместе с Сэмми. Сэмми любит строить замки из песка. Он вообще парнишка сообразительный, схватывает все на лету. Любит всякие загадки, головоломки, ловко складывает пазлы.

Гленн сидел на краю волнолома, перебросив пиджак через плечо. Он снял галстук, расстегнул рубашку и ел ванильное мороженое, думая о человеке в синем «форде-мондео». Вот где надо решать все свои задачки. На берегу моря хорошо думается. Видно, движение воды стимулирует движение мозгов.

«Чем можно объяснить, что некий человек приезжает на похороны, однако при этом даже не выходит из машины? Может, он не хочет, чтобы его видели? Но почему? Из скромности? Беспокоится, что своим присутствием расстроит родственников? А вдруг это был какой-нибудь тайный любовник Коры Берстридж, который предпочел не показываться на глаза ее семье, но счел своим долгом оставаться там до конца?

Нет. Он бы все равно пошел в церковь.

Если бы Кора Берстридж была небезразлична этому человеку, он бы непременно пошел в церковь».

Гленн слизал остатки мороженого с обертки, потом скатал ее в комок, огляделся в поисках урны, но не нашел и сунул комок в карман пиджака. Посмотрел на время. Без двадцати два. Уже больше часа прошло с того времени, как он говорил со службой сбора и обработки информации челтнемского отделения полиции. Легкий ветерок с моря охлаждал его лицо. До чего же здесь спокойно. Он слышал крики детей на берегу, стрекот мотора несущегося вдалеке катера, но на волноломе, кроме него, никого не было, и Гленн наслаждался одиночеством.

Рация затрещала. Раздался голос:

– Детектив-констебль Карпентер, Челтнем. У меня есть для вас информация по доктору Теренсу Гоуэлу. В качестве адреса вы указали Ройал-Корт-Уок, дом девяносто семь.

– Спасибо, слушаю.

– Такого адреса не существует. На этой улице всего девяносто шесть домов. Я связался с местной налоговой службой. По их данным, доктор Теренс Гоуэл действительно проживает по этому адресу вот уже целых пять лет и все это время исправно платит налоги.

– И как вы это объясните? – спросил Гленн.

– Они по моей просьбе проводят дальнейшую проверку. Видите ли, сведения о Теренсе Гоуэле имеются в их текущей базе данных, но отсутствуют в резервной копии.

– А это что значит?

– Похоже, он взломал их компьютер и ввел туда ложные данные.

– Ничего себе!

– Я пробил его по Национальной полицейской базе данных. Там имеется запись, что в прошлую субботу, двадцать шестого июля, в двадцать три ноль-ноль, доктор Теренс Гоуэл был остановлен за опасное вождение дорожной службой на Тоттенхам-Корт-роуд. Ему сделали предупреждение и отпустили.

– Что-нибудь еще?

– Пока все. Хотите, чтобы мы продолжили делать запросы на местном уровне?

– Будьте добры, детектив-констебль Карпентер.

– Энди Карпентер.

– Спасибо, Энди. Вы мне очень помогли.

Гленн, погрузившись в размышления, быстро пошел к машине. Захлопнул дверь, закрыл окна и завел двигатель, чтобы включить вентиляцию. Потом по рации вызвал Национальную полицейскую базу данных, назвал регистрационный номер «форда-мондео» Гоуэла и сказал:

– Я хочу, чтобы все сведения об этой машине передавались мне лично – детективу-констеблю Брэнсону, и никому другому. Задерживать водителя не следует, явно преследовать машину тоже. Надо просто ехать за ней, стараясь оставаться незамеченным. Мне нужно, чтобы

автомобиль взяли под наблюдение, все его перемещения фиксировали и составляли описание пассажиров.
Оператор повторила его требования. Гленн поблагодарил и сразу же поехал в отделение, пытаясь осмыслить происходящее.
«Кто вы, доктор Теренс Гоуэл, – врач? Или имеете научную степень в другой области? В базе данных вы числитесь налогоплательщиком по несуществующему адресу. У вас есть машина. Что еще вы приобрели на вымышленное имя? Я все это непременно выясню, обещаю вам. Можете не сомневаться».

Когда Гленн приехал в отделение, его коллега Майк Харрис изучал какие-то документы и одновременно с аппетитом ел сэндвич.
Гленн уселся на край его стола и поинтересовался:
– Вкусно?
– Угу.
Судя по всему, Майк не слишком-то обрадовался его появлению.
– У тебя хорошая жена, с Рен голодным не останешься.
– Я думал, у тебя сегодня выходной, – сказал Майк с набитым ртом.
– Голова не болит с похмелья?
– Нет, я в порядке. А ты?
– Ну, мне не привыкать. Вот, послушай, какая история. Некий человек живет по липовым документам, фактически создает себе новое лицо. Он умен, талантливый хакер, берет себе несуществующий адрес, взламывает компьютерную систему местного муниципалитета, вводит туда данные, включает себя в список избирателей, вовремя платит налоги и всякое такое – словом, вполне добропорядочный гражданин. Он приобретает машину и регистрирует ее на вымышленное имя. Я объявил его машину в розыск. Что еще в данном случае можно предпринять?
– Проверить его мобильный.
Гленн кивнул:
– Хорошая мысль.
– Запроси у сотового оператора детализацию его звонков, посмотри, с кем он общается.
– Понял.
– Ты знаешь, как этот тип выглядит?
– Нет.
– А где он может находиться?
– Ну… лишь очень приблизительно.
– Проверь по системе видеонаблюдения – машина засветится, если он на ней ездит. И еще проверь его кредитную карту.
– Да, я тоже думал об этом. А еще?
– Еще ты можешь попытаться заварить себе чая.
– Что? – недоуменно спросил Гленн.
– Выпей его, а потом посмотри, какой рисунок получился из чаинок на дне.
Несколько секунд Гленн словно бы всерьез размышлял над этим предложением, а потом рассмеялся:
– И еще неплохо зарезать курицу и погадать по внутренностям.
– Прекрасный способ, очень действенный. А теперь сделай одолжение, дай мне спокойно поесть.
Гленн соскользнул с его стола:
– Извини.
– Начни с мобильника.
– Непременно, – ответил Гленн. – Прямо сейчас этим и займусь.

Майкл остановил машину по другую сторону дороги и оглядел дом Глории Ламарк через открытое окно. Роскошный особняк, как он себе и представлял. И вдобавок расположен на отшибе. В таком доме, даже в Лондоне, можно вести по-настоящему уединенный образ жизни. Какие тайны скрывает этот особняк?
Майкл стал объезжать квартал, пытаясь преодолеть усталость и выработать план действий. Оказался на более узкой и гораздо менее впечатляющей улице, на которую выходили гаражи, сараи, хозяйственные постройки; здесь же находились и мусорные контейнеры. У Ламарков был двухместный гараж, Майкл видел заявку 1957 года на его постройку. Он был в хорошем состоянии и имел современную подъемную дверь. Высокая стена по обе стороны от гаража защищала сад от посторонних глаз.
Он нашел в конце тихой улицы оборудованную паркоматом стоянку и поставил там машину. Вытащил из бардачка фонарик, взял мобильный. Потом вернулся на Холланд-Парк-авеню, дошел до дома Глории Ламарк. На этой сонной улице не наблюдалось почти никакого движения. Через два дома от Ламарков садовник пропалывал клумбу. На подъездных дорожках стояли шикарные машины. Майкл слышал, как неподалеку кто-то плескался в бассейне. Щебетали птицы.
Чугунные ворота оказались закрыты, но, как ни странно, ни звонка, ни какой-либо заметной системы наблюдения (камер слежения, направленных на ворота, или кнопки тревожной сигнализации на доме) он не увидел. Майкл осмотрел окна: некоторые на верхнем этаже были зашторены, за другими ничего нельзя было рассмотреть. Мимо проехал спортивный «мерседес» с брюнеткой за рулем. Потом такси. За ним дребезжащий фургон.
Майкл толкнул калитку, думая, что она окажется запертой, но калитка неожиданно распахнулась. Он в нерешительности застыл на месте. Разумно ли заходить? Что он вообще предполагает там найти?
Не отказаться ли от этой сумасбродной затеи? Если Аманда и впрямь находится здесь, то он может спугнуть похитителя и тем самым лишь затруднит работу полиции.
Но не оставлять же ее здесь еще на сутки!
Майкл подошел к дому, слыша хруст гравия под ногами. Окна первого этажа находились слишком высоко – не заглянешь, он видел только довольно вычурную люстру в одной из комнат.
Вблизи дом казался еще больше, темнее, неприступнее. Майкл глубоко вздохнул, пытаясь успокоить разгулявшиеся нервы, поднялся по широкой лестнице мимо двух огромных, высеченных из камня сфинксов к входной двери. Она была белая, недавно выкрашенная, оборудованная глазком. Он нажал латунную кнопку звонка, услышал внутри чистый, сильный звук.
Прошла минута. Сам не зная почему, Майкл оглянулся, но никого не увидел. По улице проехало несколько машин. Он снова нажал кнопку. На шее нервно задергалась жилка. Перед самым лицом Майкла пролетела пчела, он отмахнулся от нее. Пчела вернулась, но теперь он не обращал на нее внимания. Прошла еще минута, и он позвонил в третий раз.
Под обжигающими солнечными лучами от двери исходил сильный запах краски. И еще Майкл ощутил какой-то сладковатый аромат, возможно жимолости, он не мог определить точно. Вот Кейти хорошо разбиралась в садоводстве.
По-прежнему никакой реакции.
Он приподнял тяжелый латунный клапан почтового ящика, заглянул внутрь. Увидел напольные часы. Серую облицовочную плитку. В холле было пусто. Как и в голове у Майкла. Откуда-то издалека донесся вой сирены. Где-то плакал ребенок.
Он спустился по лестнице, еще раз внимательно изучил все окна, прошел к торцу дома, в приятную тень, отбрасываемую соседним зданием. Здесь на первом этаже окон не было. Майкл обошел особняк, увидел красивый пруд, а на нем островок с колонной посредине. Клумбы тут давно не пололи, а траву не стригли как минимум месяц.
«Может быть, сын уехал и в доме никого нет? – подумал Майкл. – Лучший тайник тот, который находится на самом виду. – Он понял, что его мысли снова путаются. – Ну и где здесь может быть тайник?»
Дверь из кухни вела на небольшую террасу. Слева металлическая пожарная лестница поднималась до третьего, и последнего, этажа здания. С десяток окон. Все закрыты. Мимо

пролетела бабочка-крапивница. Майкл оглянулся по сторонам. Не видят ли его соседи? Вряд ли. Его защищала густая листва.
И вообще, если соседи поднимут тревогу и вызовут полицию, то ему это только на руку!
Он поднялся на террасу и заглянул сквозь застекленную дверь на довольно неопрятную, старомодно обставленную кухню. На столе лежала пустая коробка из-под пиццы. Летали мухи, и неудивительно: в раковине стояли грязные тарелки.
«Кто-то здесь недавно был. Сын Глории? Где он сейчас? Отправился в магазин? Вообще уехал из Лондона? Оставил грязь, зная, что прислуга все уберет? А где, кстати, горничная и кто-нибудь еще из персонала? Почему никого не видно? Глория всегда говорила, что у нее огромный штат прислуги. Может, танцуют на ее свежей могиле?» – злорадно подумал Майкл.
Дрожащими руками он попробовал открыть дверь, но та оказалась заперта.
«Бог мой, да ведь за проникновение в чужое жилище и посадить могут. Психиатр-взломщик. Вот журналисты обрадуются».
Майкл стал проверять одно за другим окна первого этажа. Все они были заперты. Тогда он взобрался по пожарной лестнице. Борясь со страхом высоты, который преследовал его всю жизнь с самого детства, ступил на узкие мостки наверху. Держась за перила, медленно прошел дальше, прижал лоб к стеклу подъемного окна. Что-то вроде гардеробной.
Он осторожно попытался открыть окно. К его удивлению, оно легко распахнулось.
«Не сходи с ума, Майкл Теннент. Немедленно развернись, спустись по пожарной лестнице, сядь в машину и возвращайся на работу. У тебя нет ни малейших оснований для проникновения в чужой дом».
Сильно нервничая, он повернулся и огляделся. Отсюда был хорошо виден сад соседнего дома справа. Пустой. Бассейн укрыт: похоже, хозяева уехали. Вид на дом слева загораживал огромный куст ракитника. Хвойные деревья в конце сада заслоняли собой довольно уродливый гараж – небось специально для этого их и посадили.
Майкл перебрался через подоконник и спрыгнул на пол. Все помещение от стены до стены было застлано толстым ковром. Майкл затаил дыхание и прислушался. Тишина. Пахнет кожей и нафталином.
Бесконечные аккуратные ряды женских туфелек. Шляпные коробки, громоздящиеся друг на друга. Из полузакрытых дверей переполненного гардероба выпирают платья в полиэтиленовых чехлах, какие выдают в химчистке. Тихо ступая, Майкл прошел по узкому проходу к двери, взялся за ручку, снова прислушался. Когда он открыл ее, по ковру зашуршал резиновый дверной уплотнитель, но петли, к счастью, не заскрипели.
Майкл оглядел площадку во всех направлениях, вслушиваясь в тишину дома. Ничего. Только где-то внизу тикали часы. Нервная дрожь сотрясала все его тело, когда он вышел на лестничную площадку, пол которой устилал такой же серый ковер, как и в гардеробной. Он окинул взглядом стены, увешенные фотографиями Глории Ламарк. Несколько закрытых дверей, бронзовый бюст актрисы на пьедестале и ведущая вниз лестница – широкая, с красивыми резными перилами.
Останавливаясь после каждого шага и держась поближе к стене, Майкл проверял по очереди ступеньки – не скрипят ли. Так он добрался до следующей площадки. Прислушался, опасливо оглядел все закрытые двери, не представляя, что будет делать, если одна из них вдруг откроется. Наверное, побежит – либо к выходу, либо назад в гардеробную, в зависимости от того, какой путь к отступлению будет свободен. Одна из дверей была приоткрыта, но света изнутри не проникало. Вероятно, это была какая-то из зашторенных комнат. На подставке стояла большая веджвудская ваза с увядшими цветами. А на полу прямо возле своей ноги Майкл увидел чашку с недопитым кофе. Поверхность ее покрывала зеленая корка плесени.
«Здесь никого нет. Дом пуст. Он пустует со дня смерти хозяйки. Где ее сын? Уехал? Не нашел в себе сил оставаться здесь в одиночестве?»
Теперь Майкл перестал осторожничать и быстро спустился в холл. Все стены здесь тоже были увешены фотографиями Глории Ламарк. В центре красовалась большая картина, на которой была запечатлена Глория, выходившая из лимузина; повсюду афиши, кадры из фильмов, газетные статьи в рамочках. Просто музей какой-то.
«А вдруг Глория сейчас смотрит на меня и злится за то, что я сказал ей во время нашей последней встречи? – подумал Майкл. И тут же одернул себя: – Ну и глупости приходят тебе в голову, приятель!»

Все-таки Глория Ламарк была удивительной, просто ослепительной красавицей, это подтверждали фотографии. Но ей недоставало ума, чтобы стать великой актрисой. Одной эффектной внешности мало, люди почему-то забывают, что все выдающиеся актеры и актрисы отличались незаурядным интеллектом.
Если верить плану, который Майкл изучал в архитектурном управлении, в подвал вела лестница с кухни. Увидев перед собой коридор, он предположил, что по нему попадет в кухню, и пошел в этом направлении.

Томас Ламарк стоял в темноте своего кабинета, чуть приоткрыв дверь и напряженно прислушиваясь к шагам психиатра.
«Долго же ты добирался сюда, доктор Теннент. А ведь Теренс Гоуэл дал тебе немало подсказок. Лишний раз убеждаюсь, что ты напрасно считаешь себя умным. На самом деле ты лишь несешь другим боль и страдания. Скоро ты и сам поймешь, что не отличаешься умом. Ну-ну, Майкл Теннент, вперед, я с нетерпением жду встречи!»
Томас остался в своем кабинете. Спешить было некуда, зачем рисковать – вдруг этот докторишка заметит его раньше времени. У него еще оставался целый час до выхода из дома. Нельзя опаздывать на лекцию в Кингс-колледже.

Майкл, войдя в кухню, увидел закрытую на две щеколды дверь, ведущую в подвал. Сначала он подошел к столу, отогнал мух от коробки из-под пиццы, изучил этикетку. Пицца «Сан-Марко», с копченой ветчиной и моцареллой. Он посмотрел на дату – срок годности еще не истек. Открыл дверцу холодильника. Две полные бутылки молока, одна наполовину пустая. Майкл понюхал ее – молоко не прокисло.
Кто-то либо жил здесь, либо приходил сюда не позднее чем день-два назад. Этот человек может вернуться в любую минуту.
Он открыл дверь в подвал, увидел выключатель, щелкнул им, потом захлопнул за собой дверь. Спустился по короткой кирпичной лестнице, вдоль стен виднелись полки, уставленные стеклянными банками. И оказался еще перед одной дверью с тяжелым старомодным ключом, вставленным в замочную скважину. Он повернул ключ, толкнул дверь, ощутил запах синтетического коврового покрытия.
Нащупав выключатель, Майкл нажал его, и тут же вспыхнул целый каскад ламп дневного света. Перед ним был великолепно оснащенный современный спортзал. Беговая дорожка с огромным видеоэкраном, гребной тренажер, гири, маты, гимнастические брусья, а в дальнем углу кабинка сауны. Одна из ламп над ним громко жужжала.
Судя по чертежам, вход в убежище должен был находиться прямо в том месте, где располагалась сауна. Майкл в недоумении осмотрел спортзал. Но не увидел никаких щелей в полу, нигде не было ни малейшего намека на люк. Пол был сплошь застлан матами, за исключением одного угла, где стоял стеллаж для хранения вин, заполненный несколькими сотнями пыльных бутылок.
Сердце Майкла упало. Неужели он сглупил? Увидел проект и сделал далекоидущие выводы? Порой люди планируют что-то, однако по той или иной причине – обычно по финансовой – так и не воплощают свои планы в жизнь. Тот факт, что Глория Ламарк получила разрешение на строительство, вовсе не означает, что это пресловутое убежище и впрямь было возведено.
Сцепив пальцы, Майкл уставился на кабинку сауны. Задумался. Заявка подавалась на строительство винного погреба. Почему погреба, а не противорадиационного убежища? Почему Глория Ламарк хотела сохранить это в тайне? Да потому, что если бы вдруг узнали соседи, они могли бы в случае опасности первыми проникнуть туда или даже убить хозяев, чтобы самим занять их место.
Сверху донесся скрип. Майкл замер. Попытался не замечать назойливого гудения лампы, но не смог. Он выключил свет, потом отошел в тень, подальше от света единственной лампы на лестнице, снова прислушался.
Ничего.
Сердце билось где-то в горле. Майкл с опаской посмотрел на лестницу. Минуту, а то и дольше оставался на месте. Но больше никаких звуков сверху не услышал. Особняк старый, может быть, рассохлись половицы, в старых домах вечно раздаются какие-то странные звуки.

Тем не менее, направившись в сауну, Майкл не стал включать свет. Открыл дверь. Почувствовал сильный запах сосны, нащупал выключатель. Кинул взгляд назад на ступеньки, ведущие в подвал, потом внимательно осмотрел сауну. Камни на решетке электрической печи. Ведро для воды. Три ряда сидений.

«Лучший тайник тот, что спрятан под самым твоим носом». Он приподнял первое сиденье. Под ним ничего не было. Только бетонный пол. То же самое и во втором ряду, и в третьем.

Майкл осмотрел стенные панели. Нет, за ними не было замаскированной двери.

«Черт!»

Он вышел из сауны, посмотрел на потолок, на лестницу. Замер, прислушиваясь.

«Лучший тайник тот, что спрятан под самым твоим носом».

Ну и что у него перед самым носом? Майкл вернулся в кабинку, осмотрел электрическую печь-каменку. И печь, и ведро стояли на широкой металлической плите, которая чуть возвышалась над остальным полом. Потом он заметил под полосой металла крохотный клочок бумаги. Клочок мог попасть туда, только если лист положили на него сверху.

А значит, плиту двигали. Причем недавно.

Он снял ведро с металлической плиты. Потом обеими руками попробовал приподнять электрическую печь. Она оказался тяжелее, чем думал Майкл. Поднять слишком трудно, разве что сдвинуть. Следом потянулся шнур.

Сдвинув печь в сторону, он встал на колени, подсунул пальцы под кромку плиты и поднял ее. Плита легко оторвалась от пола, а под ней он увидел крышку лаза. Тогда Майкл ухватился за ручку крышки, попытался ее поднять. Но та даже не шелохнулась. Он попробовал еще раз. Наконец понял, что ручка представляет собой запорный механизм, и повернул ее несколько раз, чувствуя, что с каждым поворотом она вращается все свободнее. Но если это противорадиационное убежище, то почему замок находится снаружи? Он должен быть внутри, чтобы люди могли выйти обратно.

Еще одна попытка – теперь крышка поднялась. Струя прохладного влажного воздуха ударила ему в лицо. Каменные ступеньки уходили вниз, в темноту.

Майкл поставил ногу на первую ступеньку. Потом, держась обеими руками за крышку люка, сделал несколько осторожных шагов вниз. Нащупал выключатель, нажал на него. Внизу царила полная тишина.

Волна страха поднималась в нем, по мере того как он спускался по крутой винтовой лестнице. Кто знает, что ждет его внизу? Он молился лишь об одном: чтобы Аманда, если она действительно там, оказалась жива.

Наконец Майкл шагнул на ровную поверхность. Небольшая площадка со стальной сейфовой дверью, в центре которой запорное колесо с четырьмя штырями, нечто подобное можно увидеть на подводных лодках, на дверях между герметичными отсеками.

Он попробовал повернуть колесо, оно вращалось без труда, словно бы запором совсем недавно пользовались. Он крутанул два раза, замер, прислушался. Наверху тишина. Еще шесть поворотов, теперь колесо крутилось совершенно свободно. Он толкнул дверь, но безрезультатно. Потянул ее на себя. Издав всасывающий звук, она медленно открылась. Майкл и представить себе не мог, что существуют двери такой толщины. Не меньше фута, а она все продолжала открываться. Два фута. Три. Почти четыре – наконец он увидел зазор между дверью и косяком. Майкл продолжал тянуть дверь на себя и наконец смог войти внутрь, в черную темноту.

Выключатель на стене нащупать не удалось. Майкл вытащил из кармана фонарик, включил его. Луч был слабый – фонарик два года пролежал без дела в бардачке машины, и батарейка почти села. Но света хватало, чтобы различить: он оказался в тесном помещении, возможно, в том крохотном тамбуре, который видел на чертежах. Справа стоял длинный узкий металлический стол на колесиках, напомнивший ему довольно примитивную больничную каталку. Рядом Майкл заметил что-то похожее на стойки для капельниц, стеллаж с инструментами и стоящие в ряд кислородные баллоны.

В десяти футах перед ним была еще одна сейфовая дверь, с точно таким же запорным колесом, как и на первой.

«Неужели Аманда там, по другую сторону двери?»

Майкл хотел было крикнуть, но она все равно бы не услышала его. Он ухватился за колесо, быстро повернул его шесть раз. Рванул на себя. Дверь начала медленно двигаться. Он потянул

сильнее, и наконец перед ним открылась щель в темноту. В ноздри ударила сильная вонь: потного тела, экскрементов, грязной одежды. Но все перебивал едкий запах, который Майкл сразу же узнал.

Формалин. Вещество, которое используют в лабораториях для сохранения мертвых тканей и органов. Когда Майкл учился в Высшей медицинской школе, у них в анатомичке держали в формалине трупы, предназначенные для учебного вскрытия.

«Господи боже, что там, впереди?»

Майкл направил туда луч фонарика. Перед ним заплясали тени.

– Аманда, – позвал он. – Аманда!

Он шагнул вперед, увидел на полу неподвижную фигуру.

«Господи, пожалуйста, пусть это будет не Аманда!»

Он подошел поближе. Перед ним лежал труп.

– Аманда! Аман…

Тут он услышал сзади какой-то шорох. Развернул фонарик и увидел метнувшуюся на него гигантскую тень. Это была Аманда. Она громко выкрикнула:

– Чтоб ты сдох, ублюдок!

Майкл почувствовал резкую мучительную боль в затылке. В черепе словно бы взорвалась петарда.

И он рухнул на пол.

Аманда стояла рядом, из последних сил поднимала с пола вентиляционную решетку, готовая вновь обрушить ее на Майкла, если тот шевельнется, размазать его мозги по бетону.

Фонарик откатился в сторону. В его свете девушка видела, что Майкл лежит неподвижно, повернув голову под неестественным углом.

Она смотрела на него, почти не веря своим глазам, пока не убедилась, что Майкл и впрямь не в состоянии подняться и напасть на нее. Тогда она положила решетку, схватила фонарик и побежала к двери, через которую он вошел.

Крик ужаса сорвался с ее губ.

Дверь оказалась заперта.

99

На линии был Тим Уиллис, констебль, который вечером в прошлую субботу остановил на Тоттенхам-Корт-роуд синий «форд-мондео», зарегистрированный на имя Теренса Гоуэла.

– Он высокий – футов шесть, не меньше. Обычного телосложения, не худой и не толстый. Зачесанные назад темные волосы; привлекательный – очень интересный мужчина: ну прямо кинозвезда, любимец женщин; говорил с американским акцентом.

– Больше ничего не помните? – спросил Гленн. Он сидел за своим столом и записывал информацию, пытаясь выжать из Уиллиса все, что только можно.

– Мне показалось, что он нервничал. Сказал, что едет в Челтнем, якобы был у друзей в Барнсе – ничего себе крюк получился.

– Он как-то это объяснил?

– Сказал, что плохо ориентируется в Лондоне.

– Вы обыскивали машину?

– Все чисто. Мы также проверили его на алкоголь, но ничего не обнаружили.

Гленн поблагодарил констебля, повесил трубку, просмотрел свои записи. Что касается Челтнема, то это объяснимо. Но Барнс. Почему Барнс?

Полчаса спустя, в начале четвертого, раздался еще один звонок, от сотрудницы компании мобильной связи «Орандж». Да, доктор Теренс Гоуэл есть в базе их клиентов. Гленн проникся было надеждой, но испытал разочарование, когда женщина назвала ему адрес Гоуэла: Ройал-Корт-Уок, девяносто семь.

Опять этот несуществующий адрес.

Гленн запросил детализацию разговоров Теренса Гоуэла за те три с половиной недели, которые он являлся их абонентом, с указанием его вероятного местонахождения. В центре Лондона

имелась техническая возможность определить место с точностью до трехсот ярдов. Сотрудница «Оранджа» перезвонила через десять минут и сказала, что сможет предоставить необходимую информацию только в понедельник. Еще она назвала ему имя продавца, у которого доктор Гоуэл приобрел сим-карту.

Гленн записал информацию, поблагодарил ее. Не успел он повесить трубку, как телефон ожил снова. Звонили насчет обработки изображений с камер слежения на дорогах юго-восточной части Лондона. Они получили четкое изображение «форда-мондео» доктора Теренса Гоуэла, сегодня в 15:19 машина пересекла Вестминстерский мост в южном направлении.

Оператор проложил возможные маршруты машины от моста и попросил патрульных следить за ней, но пока ее никто не видел.

Гленн схватил карту. К югу через Вестминстерский мост. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять всю безнадежность попыток догадаться, куда именно направляется Гоуэл. Точно не в Барнс, однако он мог ехать абсолютно в любую точку на юге Англии.

Вооружившись линейкой и карандашом, Гленн провел линию от Тоттенхам-Корт-роуд до Барнса, от Барнса – до Вестминстерского моста, а оттуда – до Тоттенхам-Корт-роуд. Внутри треугольника оказалась немалая часть Центрального Лондона.

Это значило… Да ровным счетом ничего это не значило.

Хотя Гоуэл вроде как был американцем, Гленн все же справился о нем в Британской медицинской ассоциации – там ничего не знали ни о каком докторе Гоуэле. Он попросил службу сбора и обработки информации пошарить в Интернете. Когда Теренсу принесли распечатку веб-сайта Теренса Гоуэла, он позвонил в Бостон, в Массачусетский технологический институт, и мигом выяснил, что доктор Гоуэл никогда там не учился и не работал.

Сегодня в кинотеатре «Герцог Йоркский» в девять вечера показывали фильм «Большая ночь», и Гленн очень хотел посмотреть его. На часах было без десяти шесть. Если он уйдет прямо сейчас, то успеет часик поиграть с Сэмми, почитать ему книжку, поужинать с Ари, а потом жена, может быть, отпустит его в кино, простит за то, что Гленна вчера вечером не было дома. Черт, он ведь не развлекался в свой законный выходной, а работал.

Большинство сослуживцев Гленна уже разошлись по домам. В помещении стояла тишина. На улице стало прохладнее, вечер обещал быть лучше некуда. Может, ему не ходить в кино, через месяц-другой фильм наверняка выйдет на видео. А сегодня лучше устроить барбекю, посидеть в саду, провести вечер с Сэмми и Ари. Открыть бутылочку холодного розового вина. Гленн встал, снял пиджак со спинки стула, набросил на плечо. Мысль о барбекю подняла ему настроение. К тому же он проголодался.

Он уже шел к двери, думая о том, как лучше замариновать курицу, когда вновь зазвонил телефон. Он вернулся к своему столу.

– Гленн Брэнсон.

Треск на другом конце. Кто-то связывался с ним по рации.

– Говорит чарли-дельта-четыре-два-ноль. Мы осуществляем патрулирование в Кенсингтоне, ведем вашего подозреваемого – синий «форд-мондео», регистрационный номер ромео семь-пять-девять кило-гольф-чарли. Следуем на запад по Кенсингтон-Хай-стрит.

Гленн, пытаясь скрыть возбуждение в голосе, спросил:

– Он вас видит?

– Движение довольно плотное. Между нами несколько машин, и мы соблюдаем осторожность. Не думаю, что он нас заметил.

– Продолжайте слежку, только, бога ради, так, чтобы он вас не видел. В автомобиле еще кто-нибудь есть?

– Он, похоже, один.

– Описать его можете?

– К сожалению, пока мы слишком далеко, чтобы разглядеть водителя.

– Хорошо. Огромное вам спасибо. Не упустите его. Вы вызвали подкрепление?

– Да. Объект включил правый поворотник. Сворачивает на Холланд-Парк-авеню.

Гленн внимательно слушал.

– Так, едем по Холланд-Парк-авеню. Приближаемся к развязке Шефердс-Буш. Очень плотное движение. Между нами все еще несколько машин.

Не выпуская телефонную трубку, Брэнсон раскрыл карту, на которой незадолго до этого начертил карандашом линии. Гоуэл находился внутри треугольника, хотя это по-прежнему мало что говорило Гленну.
Он продолжал слушать, опасаясь, что сейчас услышит: «Мы его потеряли». Но вместо этого патрульный полицейский, повысив голос, сказал:
– Объект сворачивает на подъездную дорожку к дому! Я останавливаюсь… жду… Так, еду дальше. Проезжаю мимо. Вижу! Он загоняет машину в двухместный гараж, оборудованный подъемной дверью с дистанционным управлением. Объезжаю квартал, чтобы узнать адрес. Гараж на задах дома, я проверю фасад.
Гленн прижал трубку к уху, словно она питала его жизненными соками.
«Ну что, доктор Гоуэл… так называемый доктор Гоуэл… Скоро мы с тобой мило побеседуем… ты мне расскажешь, что за дело тебе до Коры Берстридж… и сообщишь свое настоящее имя».
Треск рации, потом опять голос полицейского:
– Есть адрес. Дом номер сорок семь по Холланд-Парк-авеню. Лондон-Уэст, четырнадцать.
Гленн радостно записал адрес.
– Можете незаметно вести наблюдение за домом?
– Без проблем.
– Я уже еду, – сказал Гленн.
Он выдрал листок с адресом из блокнота, выскочил в коридор и бегом бросился к стоянке.
На выходе из здания он столкнулся с Ником Гудвином, молодым констеблем, который был его напарником, прежде чем Гленн перешел в уголовный розыск. Ник как раз садился в патрульную машину. Гленн подбежал к нему.
– Ты до которого часа сегодня работаешь, Ник?
– Я сегодня во вторую смену. До полуночи.
– Может, прокатимся в Лондон? Мне бы не помешали сирена и мигалки. Сам понимаешь: вечер, час пик. А у меня срочное дело.
Гудвин колебался.
– А как же патрулирование района?
– Всю ответственность я беру на себя, – заявил Гленн. – Если что, шкуру спустят с меня.

100

Пытаясь экономить батарейку, Аманда включила фонарик на несколько драгоценных секунд, чтобы проверить, как там ее пленник.
Майкл все еще оставался без сознания, но дышал ровнее, и это ее порадовало. Пусть уж поскорее придет в себя и скажет ей, как открыть дверь.
Аманда связала ему руки и ноги полосками ткани, которые оторвала от одежды трупов. И еще остановила кровотечение, намочив кусок ткани в ведре с водой для умывания и приложив его к глубокой ране у пленника на затылке. На пол натекла целая лужа крови, и девушка боялась, как бы Майкл не умер от кровопотери.
Аманда присела рядом на корточки, посветила фонариком ему в лицо, похлопала по щекам.
– Майкл? – взволнованно сказала она. – Майкл, очнись!
«Да что за чертовщина с этой дверью?»
Она обшарила его карманы, порылась в бумажнике, – может, там есть какая-нибудь электронная штуковина, открывающая дверь. Однако нашла только мобильный телефон. Она включила его, трубка ободряюще пискнула, но потом на экране появилась надпись: «Нет сигнала».
Она все равно попробовала набрать 999, нажала зеленую кнопку. Заиграла музыка.
«Черт, связи нет!»
Благодаря фонарику и мобильнику, экран которого был с подсветкой, Аманда смогла определить время. Майкл пришел сюда в начале третьего. Теперь часы показывали почти шесть. Он был без сознания вот уже четыре часа. И дату она узнала – прочла в маленьком окошечке его часов.
Первое августа, пятница.

Она ходила с ним на гонки в воскресенье, двадцать седьмого июля.
То есть пять дней назад.
Это открытие сильно испугало девушку. Аманда предполагала, что прошло много времени, но неужели целых пять дней? Уж если ее до сих пор не смогли найти, то найдут ли вообще? Может быть, теперь, когда Майкл Теннент оказался у нее в плену, там, наверху, встревожатся и начнут его искать?
Шесть вечера, пятница, первое августа.
Конец недели. Заметит ли кто-нибудь отсутствие Майкла в выходные?
Она посильнее похлопала его по щекам:
– Майкл! Ну же, Майкл, очнись!
Он застонал.
Аманда щелкнула выключателем фонарика. Луч был таким слабым, что даже не слепил ее отвыкшие от света глаза. Она посветила Майклу в лицо. Веки его дрогнули, и один глаз открылся. Она подвела фонарик себе под подбородок, чтобы он видел ее лицо.
– Эй, Майкл.
Теперь открылись оба глаза. Недоумение. Похоже, он еще не пришел в себя. Но Аманда оставалась начеку. Проверила, хорошо ли связаны его руки.
– Майкл, скажи мне: как выбраться отсюда? Как открыть дверь?
Он молча смотрел на нее.
Она направила луч фонарика прямо ему в лицо.
– Майкл? Ты меня слышишь? – Что-то похожее на едва заметный кивок. – Скажи мне, как выбраться отсюда!
Майклу казалось, будто он смотрит на солнце через бинокль, глаза немилосердно щипало, в черепе бушевал пожар. И откуда-то издалека доносился голос Аманды:
– Майкл, бога ради, скажи мне, как выбраться отсюда!

Томас Ламарк, вернувшись в свой уединенный кабинет, включил акустическую систему, соединенную с микрофоном в убежище, и услышал, как зверек говорит:
– Майкл, мы оба умрем, если ты не скажешь мне, как открыть дверь.
Хорошо, значит, психиатр жив. А то уж он боялся, что зверек его убил. Когда он сам спустится туда, нужно иметь в виду, что зверек очень сильный.
Томас перемотал пленку (это был специальный магнитофон, который автоматически включался, реагируя на звук голоса), чтобы прослушать, о чем эти двое говорили, пока его не было. Нажал клавишу воспроизведения. Только голос зверька. Мужской стон. Хорошо. Доктор Майкл Теннент приходил в себя. Очень вовремя! Нужно было начинать поскорее, потому что Томас чувствовал: время на исходе.
На Кенсингтон-Хай-стрит за ним ехала полицейская машина. Он мельком видел ее в зеркало заднего вида на Холланд-Парк-авеню, а потом еще раз, когда сворачивал в гараж.
Нужно поспешить. Хотя когда он спустится в убежище, то сможет снять все наружные запоры и закрыть дверь изнутри. Чтобы взломать двери, полиции потребуется несколько часов, да пока еще они найдут и привезут необходимое для этого оборудование.
Если Томас поторопится, то у него хватит времени удалить зверьку груди, используя ту блестящую хирургическую технику, которую он только что видел, а доктор Майкл Теннент получит уникальную возможность наблюдать за всей этой процедурой. Затем он сможет досмотреть, как зверек истечет кровью и умрет.
А что будет потом? Потом Томас, достигнув полного удовлетворения и заслужив одобрение матери, сможет вернуться к нормальной жизни. Но до этого еще далеко – это случится в будущем. А пока он должен сосредоточиться на настоящем.
«Ну что, доктор Теннент, небось доволен, что убил мою мать? Совесть не мучает? Хорошо спишь по ночам, да?»
Из громкоговорителя послышался стон. Потом снова раздался голос зверька:
– Майкл, пожалуйста, приди в себя! Бога ради, очнись же наконец!
Доктор Майкл Теннент в ответ издал какой-то невразумительный звук.
Ничего, скоро оклемается.

Томас накинул на лоб ремешок очков ночного видения, надел наушники, чтобы слышать, что происходит в убежище, открыл ящик комода в углу кабинета, вытащил оттуда набор хирургических инструментов.
Ножи на черном бархате в кожаных футлярах ручной работы сверкали так же ярко, как и тринадцать лет назад, когда он в последний раз пользовался ими в Кингс-колледже. Он попробовал лезвие скальпеля указательным пальцем: по-прежнему острое. Запер крышку на защелку, достал новую упаковку шприцев, отнес их на кухню, открыл дверь холодильника.
Из пластикового контейнера с надписью «Для салата» Томас извлек маленькую ампулу с кураре и вторую, побольше, с адреналином. Адреналин поможет зверьку оставаться в сознании, пока он будет оперировать. Из кладовки, где лежали лампочки, он взял рулон клейкой ленты.
После чего спустился в подвал.

Аманда не слышала, как у нее за спиной открылась дверь. Она сидела в темноте перед Майклом, прислушиваясь к его дыханию и пытаясь привести его в сознание.
– Майкл. Послушай меня, Майкл! Объясни мне, как открывается дверь. Или ты хочешь, чтобы я сделала тебе больно? Так я сделаю, Майкл, можешь не сомневаться. Я буду делать тебе больно до тех пор, пока ты не скажешь мне про дверь. Так что лучше признайся по-хорошему.
Майкл, с трудом соображая, произнес:
– Дверь. Какая… дверь?
– Как открыть дверь, чтобы выйти отсюда, а?

Томас наблюдал за ними через очки ночного видения. За доктором Майклом Теннентом и его телкой. За зверьком. Зеленая фигура, сгорбившаяся на зеленом полу. Она подвинулась вперед, и вдруг в камере полыхнуло ярким изумрудным светом.
Томас, потрясенный и ослепленный, закрыл глаза. У зверька фонарь! Откуда? Он снова открыл глаза, тверже встал на ноги. Зверек выключил фонарик. Снова все вокруг засветилось холодным зеленым светом.
Томас испытал облегчение.
Вероятно, фонарик принес доктор Майкл Теннент. Томас решил, что должен действовать немедленно, пока имеет преимущество неожиданности. Он проверил ладонь. Игла была на месте, ее надежно удерживала клейкая лента.
Он быстро и бесшумно шагнул вперед и оказался прямо за спиной у зверька.

Аманда почувствовала укол в шею. И в то же время прозвучал веселый голос:
– Начинаем готовиться к операции!

101

Гленн сидел на пассажирском сиденье и смотрел на дорогу впереди. Констебль Ник Гудвин вел машину, выжимая из нее все, что можно: полностью сосредоточившись на дороге, он на максимальной скорости несся по скоростному шоссе М23; стрелка спидометра перепрыгивала через отметку сто двадцать миль в час. Автомобили впереди безропотно уступали им дорогу, увидев в зеркалах заднего вида синий проблесковый маячок.
Ник Гудвин нравился Гленну. Он был тихим, серьезным парнем лет двадцати пяти, довольно красивым, с аккуратно причесанными темными волосами. Характер он имел покладистый и надежный. Гудвин был человеком сдержанным, он редко демонстрировал эмоции.
Ник протянул руку и нажал кнопку сирены, желая предупредить водителя машины, выписывавшей немыслимые зигзаги – вероятно, тот на ходу менял пленку в магнитоле. По мере приближения к съезду на шоссе М25 движение становилось все более напряженным. Еще бы, вечер пятницы, самый час пик. Волей-неволей пришлось сбросить скорость.
– Как твой мелкий, Гленн?
– Сэмми-то? Молодцом, скоро четыре исполнится. Славный такой мальчишка, люблю его до смерти.
– А второго ребенка завести не планируете?

– У Ари в прошлом году случился выкидыш. А так, вообще-то, планируем. В семье должно быть много детей. А как у тебя дела?
– Жена на сносях. Со дня на день ждем первенца.
– Здорово! Будешь присутствовать на родах?
– Собираюсь.
– Незабываемые впечатления, – сказал Гленн.
И тут в его рации послышался треск. Он услышал свой позывной и ответил. Звонил оператор Национальной полицейской компьютерной системы:
– Мы установили владельца дома сорок семь по Холланд-Парк-авеню. Это Глория Ламарк. – И оператор повторил имя по буквам.
Несколько секунд Гленн молчал, переваривая информацию.
«Глория Ламарк.
Выходит, доктор Теренс Гоуэл живет в доме Глории Ламарк? Или часто бывает там?
Неужели у некогда великой Глории Ламарк был любовник, подозрительный тип с фальшивыми документами? Знала ли актриса, что он не тот, за кого себя выдает?»
Потом Гленн вспомнил, что вчера вечером Саймон Роубак как-то странно отреагировал, услышав от него про Глорию Ламарк. Словно бы это навело Саймона на какую-то мысль. Интересно на какую?
Гленн попытался вспомнить их беседу. Роубак рассказывал, что сейчас расследует дело об исчезновении двух женщин. Имя одной из них Гленн знал: Тина Маккей – про нее постоянно твердили в новостях, Роубак считал, что между двумя пропавшими женщинами есть связь. Имела ли к ним какое-то отношение Глория Ламарк?
И с какого бока тут доктор Теренс Гоуэл?
Гленн перебирал в уме все известные ему факты. Сначала умерла Глория Ламарк. Потом, буквально через несколько дней, Кора Берстридж. Некто, выдающий себя за доктора Теренса Гоуэла и проживающий, по всей видимости, в доме Глории Ламарк, в субботу вечером был остановлен в Лондоне за опасную езду. Этот же человек приехал на похороны Коры Берстридж, но по каким-то причинам во время траурной церемонии так и не вышел из машины.
«Доктор Теренс Гоуэл, ну до чего же ты подозрительный тип, черт побери».
Гленн взял рацию и попросил соединить его с констеблем Роубаком из хэмпстедского отделения. Надо немедленно выяснить, откуда Саймону известна фамилия Ламарк.
Заметив в плотном потоке машин небольшой просвет, Гудвин включил сирену и, мигая огнями, протолкался вперед.

102

Вспыхнул свет. Майкл, еще толком не пришедший в себя и не понимавший, что происходит, увидел, что он лежит в незнакомом помещении на цементном полу. Неподалеку распласталась какая-то темноволосая фигура.
«Это не Аманда. Аманда блондинка».
Фигура лежала слишком уж неподвижно. Труп.
Майкл попытался пошевелить сначала ногами, а потом руками, но не смог. В голове от боли пульсировало. Он попробовал заговорить, но обнаружил, что рот заклеен какой-то липкой дрянью. Он мог издавать только невнятные звуки. К горлу подступила тошнота. Майкл подумал, что если его вырвет, то он захлебнется в собственной блевотине.
Доктор Гоуэл – на шее у него висели какие-то странные очки – стоял перед ним на коленях. В руке он держал веревку.
– Вам понравится шоу, доктор Теннент, обещаю. Я отвел вам лучшее место в зале. С нетерпением жду вашей реакции. Вам потом, вероятно, захочется написать рецензию. Возможно, даже для «Британского медицинского журнала». Что, вы хотите что-то сказать? Боюсь, пока вы сможете общаться со мной лишь посредством глаз.
Гоуэл резко потянул за веревку. Связанные в запястьях руки Майкла взметнулись вверх, потом все тело свела мучительная судорога, и он взлетел в высоту; теперь ноги его не касались пола. Гоуэл оставил его висеть.

Майкл беспомощно смотрел, как его мучитель выходит из помещения. Он попытался раздвинуть ноги, но они были связаны так же крепко, как и руки. Однако в голове стало понемногу проясняться. Он вспомнил Аманду. Да, та в отчаянии трясла его. Она за что-то сердилась и угрожала ему.
«Где Аманда теперь?
И что доктор Теренс Гоуэл делает здесь, в доме Глории Ламарк?»
Майкл попытался выпутаться, но тщетно – только усилилась боль в плечах. Стал выгибать ноги, пока они не прикоснулись к чему-то твердому – сзади была стена. На мгновение Майкл обрел опору, на долю секунды почувствовал облегчение в руках, но потом ноги соскользнули, и опять вес тела полностью пришелся на руки, вызвав еще более мучительную судорогу. Дышать в таком положении было тяжело, а боль в плечах мешала ясно думать.
Какой-то грохот привлек его внимание к дверному проему. В нем появился металлический стол на колесах. Кто-то был пристегнут к столу; Майкл увидел белые кроссовки, джинсы, белую футболку – все это было в пятнах крови. Горло его сжалось от ужаса. Аманда, привязанная к каталке: ремни на ногах, руках, пояснице; во рту дыхательная трубка; глаза широко раскрыты. Каталку толкала высокая фигура в зеленом хирургическом халате. И в это мгновение жуткий безмолвный крик сотряс все клетки его тела: «Аманда, нет! Аманда! Боже, нет-нет-нет-нет!»
Гоуэл не спешил. Поставил каталку прямо перед ним. Взял лежавший на откидной полке поднос с хирургическими инструментами, потом с ужасающим спокойствием пощупал Аманде пульс, измерил кровяное давление. У Майкла внутри все переворачивалось, когда он слышал сдавленные стоны и мычание своей несчастной возлюбленной. Он пытался поймать взгляд Аманды, чтобы подать ей хоть какую-то надежду посреди того кошмара, в котором они оказались, дать понять, что они непременно найдут выход.
Но она ни разу даже не посмотрела на него.
Доктор Гоуэл вышел, потом вернулся с большим кассетным магнитофоном, включил его, и в камере гулко зазвучал голос Майкла:
«Добрый вечер, это доктор Теннент. Глория, перезвоните мне, пожалуйста, сразу же, как только получите это сообщение. Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».
Гоуэл нажал клавишу «стоп» и взглянул на Теннента. И тут Майкл все понял. Он сообразил, кто такой доктор Гоуэл и что означали зловещие слова в предсмертном письме Германа Дортмунда.

Мститель крови.

Он недоуменно уставился на Гоуэла. Неужели все дело в этом? Во врачебной ошибке, которую он допустил во время последнего сеанса с Глорией Ламарк?
Но почему тогда здесь Аманда, привязанная к каталке? Нет, наверняка есть и еще какие-то причины. Может быть, этот псих ее бывший любовник?
Томас Ламарк протянул руку и сорвал с его рта клейкую ленту. Боль при этом была такая, что Майклу показалось, будто у него отодрали часть лица.
– Вы хотите что-то сказать, доктор Теннент?
Глаза Майкла закатывались от боли. Он с трудом выдохнул:
– Это не имеет никакого отношения к Аманде. Отпустите ее.
Холодно глядя на него, Томас произнес:
– Глория Ламарк – моя мать. У нее была красивая грудь.
Майкл смотрел на него, плохо соображая от боли. Он попытался восстановить в памяти все свои беседы с доктором Гоуэлом. С этим душевнобольным, насквозь пропитанным злобой человеком. С человеком, который любил играть в игры. Он был умен и умел ловко выстраивать параллели. Погибшая жена. Голубь в клетке, разлученный с подругой. Настоящий маньяк контроля.

Противорадиационное убежище.

– Теренс, – сказал Майкл, – Аманда здесь совершенно ни при чем, прошу вас, отпустите ее.
Глаза его мучителя загорелись яростью.
– Нечего тут умничать. Меня зовут Томас.

– Я знаю вас только как Теренса Гоуэла.
– Эта женщина занималась с вами любовью. Она замарала свое тело вашим грязным семенем. Внутри ее семя человека, который убил мою мать. Скажите, доктор Теннент, вас в младенчестве вскармливали грудью?
Майкл попытался сообразить, какой ответ хочет услышать этот человек. И произнес уклончиво:
– Вероятно, да. Я не помню.
– Вы должны вспомнить. Определенно должны вспомнить. У моей матери была изумительная грудь. Она вообще прославилась благодаря своей необычайно красивой внешности – уверен, вам это известно. Я всего лишь хочу, доктор Теннент, освежить вашу младенческую память. Я дам вам пососать грудь Аманды Кэпстик. Но вам для этого не нужно будет сходить с места. Я принесу вам ее сюда.
Томас Ламарк взял скальпель, приподнял воротничок футболки Аманды, разрезал материю до самого конца и отбросил ее в сторону, обнажив груди девушки.
Аманда всем телом извивалась в путах.
– Бога ради, Томас! – вскричал Майкл. – Оставьте ее в покое!
– Вы хотите, чтобы я снова заклеил вам рот, доктор Теннент? Или вы обещаете благоразумно помалкивать? Вы же понимаете, что от степени моей сосредоточенности зависит исход операции.
Отчаяние усугубило полную беспомощность Майкла.
– Лучше разрежьте меня, Томас, – взмолился он. – Разрежьте меня на куски, только не трогайте ее.

> – Не беспокойтесь, доктор Теннент, до вас дойдет очередь. Я не хочу, чтобы вы нанесли вред еще хоть одному своему пациенту. Вы обрекли меня на двадцать пять дней страданий, каких ни одно живое существо и представить себе не может. Я намерен восстановить справедливость. На протяжении следующих двадцати пяти дней я буду делать все, чтобы вы по меньшей мере раз в сутки молили меня прекратить ваши мучения. И каждый раз я буду цитировать вам Шекспира, строки из «Короля Лира»: «И хуже может стать. Пока мы стонем: „Вытерпеть нет силы“»
> [20]
> .

Он перевел взгляд на Аманду, которая теперь еще более отчаянно билась в своих путах, выпучив от страха глаза.
– Послушай, крошка, дергаться нет никакого смысла! – Томас взял с прикрепленного к каталке подноса маленькую ампулу и поднес ее к лицу девушки. – Ты знакома с современными методами анестезии?
Аманда смотрела на него с безнадежным ужасом.
– Как правило, специалисты используют три-четыре химических вещества, сбалансированных между собой. Первый компонент обездвиживает, вызывая полное расслабление мышц. Лично я предпочитаю кураре – это экстракт одного южноамериканского растения, которым индейцы отравляли наконечники стрел. Натуральные препараты – это всегда хорошо, правда? Гораздо лучше, чем все эти искусственные синтетические средства.
Он сорвал с ампулы герметичную упаковку, потом извлек одноразовый шприц.
– Второй компонент вызывает у пациента сон, но мне не хочется сегодня лишать тебя сознания. Это было бы большим упущением… я уверен, ты меня понимаешь, даже если и не одобряешь. И по тем же причинам третий компонент, который отвечает за обезболивание, нам тоже не потребуется. Но зато я приготовил четвертый, на основе адреналина: он сузит твои сосуды, чтобы предотвратить чрезмерные кровопотери, а также не позволит тебе потерять сознание от болевого шока.
– Томас, пожалуйста, послушайте меня, – в отчаянии умолял Майкл. – Давайте поговорим.
Но Ламарк даже не повернулся к нему. Он опустил руку в карман в поисках ампулы с адреналином, однако ее там не оказалось. Он принялся рыться в карманах халата, все больше злясь на себя.
«Черт. Черт! Черт!!!»

Доктор Майкл Теннент что-то говорил ему, но Томас абстрагировался от звука его голоса. Его мысли сейчас были заняты кое-чем гораздо более важным, чем нытье психиатра.
«Пошел ты к черту, доктор Теннент, я из-за тебя забыл адреналин!»
Он бросился вон из убежища.
Майкл слышал удаляющийся звук его шагов. Потом звук открывающейся двери. Он смотрел на Аманду, и теперь она тоже наконец-то взглянула на него. Майкла затопила волна страха, однако одновременно в нем закипала и злость. Злость на себя самого: каким же он был дураком, когда сам полез в этот дом. Нет бы подождать полицию!
– Аманда, – просипел он.
И замолчал. А что он мог сказать?
Ламарк вышел. Майкл должен был использовать эти драгоценные мгновения, чтобы думать, а не говорить. Не может быть, чтобы совсем ничего нельзя было сделать. Он попытался отогнать мешающую ему боль. Очистить мозг от всего, предельно сосредоточиться в оставшиеся драгоценные мгновения. Должен, должен быть какой-то выход!
Может, подманить Томаса поближе, а потом ударить его ногами, сбить на пол, чтобы он потерял сознание? Майкл попробовал выбросить вперед ноги – ничего не получилось. В таком положении удар не будет сильным. Он попытался найти опору на стене за собой, но и это не помогло. И потом, даже если у него получится нанести Ламарку удар и вышибить из него дух, то что дальше?
Как отсюда выбираться, если он беспомощно висит тут, словно дохлая курица; веревка глубоко впивается в запястья. Нет, нужно найти другой способ.
Майкл снова посмотрел на Аманду, надеясь отыскать в ее глазах какой-нибудь спасительный знак. Но увидел в них только полную беспомощность.

103

В дверь настойчиво звонили.
Томас услышал звонок, выходя из сауны. Потом, когда он поднимался по кирпичным ступенькам из спортзала в кухню, раздался еще один.
«Да пошли вы все к черту».
Пиджак висел на стуле в кухне. Он быстро сунул руку в карман, нащупал ампулу с адреналином.
«Черт бы подрал мою память – это надо же было забыть адреналин!»
Снова звонят. Кто там такой нетерпеливый? Мало того, теперь в дверь еще и начали стучать колотушкой – громко, настойчиво.
Его мать ненавидела людей, которые вот так звонили и стучали одновременно.
Томас посмотрел на дверь, тихо сказал:
– Вы думаете, тут глухие, что ли, живут?
И на цыпочках быстро прошел по коридору, выложенному плиткой, к дверному глазку.
Посмотрел.
Никого.
Ушли.
Он вздохнул с облегчением.
Томас бесшумно пошел назад, но, войдя в кухню, остановился как вкопанный.
Снаружи в окно заглядывал какой-то человек. Высокий лысый чернокожий мужик в костюме.
Томас нырнул обратно в коридор, лихорадочно соображая, видел ли его этот тип.
Теперь стучали в дверь, выходящую во двор. Костяшками пальцев по стеклу. Томас остановился в тени коридора, затаил дыхание, не решаясь двигаться.
«Кто этот человек? Как он посмел зайти во двор? Может, из полиции? – Ламарк попытался спокойно проанализировать ситуацию. – Допустим, это полицейский, допустим, полицейский видел меня. Ну и что он подумает, если ему не откроют?
Уж не продолжение ли это истории с детективом, который приходил нынче утром? Не возникли ли у них подозрения?
Впустить его или нет?

Что полицейский станет делать, если хозяин дома его проигнорирует? Есть ли у него ордер на обыск? Взломает ли он дверь?»
Томас понял, что эти мысли не дадут ему покоя во время операции. А ему нужна твердая рука. Холодный разум.
«Лучше уж открыть дверь, выяснить, кто это, что ему надо, разобраться во всем. В самом крайнем случае я сумею выиграть время, чтобы спуститься в убежище и заблокировать вход. Никто меня не найдет.
Хотя вот нашел же меня доктор Майкл Теннент. Интересно, каким образом?»
Стук прекратился.
«Может быть, тот человек понял, что стучать бесполезно, и ушел? Или ходит вокруг, пытается найти окно, через которое можно заглянуть внутрь?»
Со стороны парадной двери снова послышался трезвон, а несколько секунд спустя раздался грохот колотушки: тук-тук-тук.
– Иду! – крикнул Томас не слишком громко.
И тут он вспомнил про свое облачение. Быстро стащил с шеи ремни очков ночного видения, стянул операционный халат, завернул в него очки, бросил все в чулан со швабрами под лестницей, потом поспешил на кухню, схватил пиджак, висевший на спинке стула, надел его.
«Нужно иметь респектабельный вид. Успокойся!»

Гленн Брэнсон, стоявший с Ником Гудвином перед парадной дверью, был уверен, что видел в доме какую-то фигуру, когда заглядывал через окно в кухне. Лондонский констебль, который засек и вел «форд-мондео» доктора Гоуэла, вызвал подкрепление, и за домом в течение тех полутора часов, пока Гленн и Гудвин сюда добирались, велось всестороннее наблюдение. Уйти Гоуэл мог, только перемахнув через стену в саду, что маловероятно. Значит, он должен находиться в доме. А если этот тип в доме, то пусть не рассчитывает, что полицейские позвонят-позвонят в дверь и, не дождавшись ответа, спокойно уйдут.
«По твоей милости, доктор Гоуэл, я теряю один из лучших вечеров в году. Я упустил сегодня возможность поиграть с сыном. Посидеть в саду с женой, поужинать в кругу семьи. Я пожертвовал всем этим ради того, чтобы поболтать с тобой. Так что ты откроешь мне дверь, доктор Гоуэл, можешь даже не сомневаться. Я наизнанку вывернусь, но попаду к тебе в дом».
Он снова нажал кнопку звонка. Принялся стучать колотушкой. Опять нажал кнопку.
И тут дверь неожиданно распахнулась. На них смотрел высокий человек в льняном костюме, он улыбался во весь рот, так и излучая обаяние.
– Извините, что заставил вас ждать, – сказал он. Манера говорить выдавала в нем образованного человека, явно англичанина. – Я как раз был в туалете. Приспичило, как говорится.
Мужчина выглядел вполне нормально, он казался добродушным и ничуть не взволнованным. Гленн вспомнил описание, которое дал ему констебль Тим Уиллис, задержавший доктора Теренса Гоуэла на Тоттенхам-Корт-роуд в прошлую субботу вечером.
«Он высокий – футов шесть, не меньше. Обычного телосложения, не худой и не толстый. Зачесанные назад темные волосы; привлекательный – очень интересный мужчина: ну прямо кинозвезда, любимец женщин; говорил с американским акцентом».
Росту в этом человеке было около шести футов, даже больше. Телосложение среднее. Темные волосы аккуратно зачесаны назад. И вдобавок он, вне всяких сомнений, был очень хорош собой. Однако говорил без всякого американского акцента: типичный англичанин, окончивший привилегированную частную школу. Не был ли его акцент таким же фальшивым, как и адрес в Челтнеме?
Внимательно глядя на мужчину, Гленн спросил:
– Доктор Теренс Гоуэл?
В глазах его собеседника засветилось искреннее недоумение.
– Как вы сказали? Гоуэл?!
– Доктор Теренс Гоуэл.
Мужчина держался абсолютно спокойно – так не выглядят люди, которым есть что скрывать, но описание его точно соответствовало тому, что дал Уиллис. За исключением акцента.
– Извините, но я впервые слышу про Теренса Гоуэла. Боюсь, здесь какая-то ошибка, так что, к сожалению, ничем не могу быть вам полезен. – И мужчина сделал шаг назад.

Гленн остановил его, вытащив удостоверение.
– Детектив-констебль Брэнсон, полиция Суссекса. А это констебль Гудвин.
Гудвин тоже показал свое удостоверение.
На мгновение Гленн опустил глаза на руки незнакомца – ну-ка, что нам скажет язык тела? Но руки мужчины были спокойны, и полицейский снова перевел взгляд на его лицо.
– Автомобиль «форд-мондео», зарегистрированный на имя доктора Теренса Гоуэла, сегодня вечером, приблизительно в восемнадцать ноль пять, въехал в гараж, который находится за этим домом.
По-прежнему абсолютно спокойно его собеседник сказал:
– А, понятно. Моя мать сдавала гараж. Вероятно, это съемщик.
– Доктор Гоуэл арендует у вас гараж?
– Арендовал у моей матери, она недавно скончалась. Я, вообще-то, даже имени его не знаю. Я занимаюсь домом. Вы же понимаете, что происходит, когда умирает знаменитость, – толпы поклонников готовы весь особняк растащить на сувениры.
Он посмотрел на Гленна в упор, словно ожидая подтверждения. Тот кивнул:
– Могу себе представить.
– До сих пор никак не заставлю себя разобрать ее бумаги. Мама умерла три недели назад – Глория Ламарк, актриса, – вы наверняка слышали.
– Да. Примите мои соболезнования.
– Спасибо.
– Значит, вы сын Глории Ламарк?
– Да, я Томас Ламарк.
– Я был поклонником вашей матери.
Лицо хозяина дома просветлело.
– Правда?
– Глория Ламарк была замечательной актрисой. Фильмы с ее участием – одни из самых моих любимых.
Томас возбужденно поинтересовался:
– Да? А какие именно?
– «Крылья джунглей» и «Любовь в Париже». Я и тот и другой несколько раз смотрел.
– Вам и правда нравятся «Крылья джунглей»?
– Да. Особенно та сцена, когда Бен Газзара на крыле самолета с пистолетом, а ваша мать за штурвалом, пытается сбросить его под мост, – я думаю, это одна из величайших сцен в мировом кинематографе.
– Я тоже так считаю, – кивнул Томас. Ему нравился этот полицейский: сразу видно, хороший человек. Он не прочь был поговорить с ним о фильмах, но не сейчас.
– Мистер Ламарк, а можно взглянуть на договор аренды? Эти бумаги вашей матери, они в доме?
«Осторожно».
Чрезмерная настойчивость полицейского беспокоила Томаса. Не зная, что ответить, он пробормотал:
– Ну… да… Вероятно.
– Не могли бы вы их поискать? А мы пока подождем.
Томас хотел сказать твердое «нет», но тут детектив добавил:
– Я видел абсолютно все фильмы, в которых снималась ваша мать.
Это прозвучало так искренне, что у Томаса поднялось настроение. Он сказал:
– Не могу понять, почему у нее нет «Оскара».
– И я тоже. Так вы поищете бумаги?
– Конечно. Входите.
Томас в душе отругал себя. Это было глупо. Опасно. Нужно было сказать им, что он сейчас очень занят, и попросить приехать в другое время. Но возможно, если он будет упорно держаться своей выдумки – а ловко он загнул насчет аренды гаража, – то сумеет выиграть время. В доме нет ничего, что указывало бы на связь Томаса Ламарка с доктором Гоуэлом. Даже мобильник последнего остался в машине. Гараж был чист. В нем стояли только «форд-мондео» и белый фургон доктора Гоуэла. Никаких следов автомобилей Тины Маккей и Аманды Кэпстик там уже не было.

Если ему удастся оставаться спокойным и убедительным, то он проведет детектива. Ему только одно сейчас и надо – немедленно выпроводить полицию, ничего больше. А дальше уж он сумеет выкрутиться.
Томас впустил полицейских, закрыл парадную дверь и заметил, что чернокожий детектив заинтересовался картиной, на которой была запечатлена его мать, выходившая из лимузина.
– Премьера «Вдовы из Монако». Там, между прочим, присутствовали члены королевской фамилии, – гордо пояснил Томас.
– Ваша мать была невероятно красивой женщиной, – сказал Гленн. Ну не странно ли, что на протяжении такого короткого отрезка времени он побывал в жилищах двух кинозвезд? Однако еще более странным ему казалось то, что Кора Берстридж, куда как более талантливая актриса, чья карьера длилась значительно дольше, жила в гораздо менее шикарном и презентабельном доме, чем Глория Ламарк.
Да и хозяин особняка определенно вызывал у Гленна подозрения. Ну и тип: только что похоронил мать и улыбается себе как ни в чем не бывало.
И как все-таки быть с акцентом?

Томас провел посетителей в гостиную. Теперь он физически чувствовал исходящие от чернокожего детектива флюиды: тот явно подозревал его в чем-то дурном.
«Нужно выставить полицейских из дома. Или лучше убить?»
– Располагайтесь поудобнее, – любезно сказал Томас. – А я пойду поищу бумаги.
Гленн, остановившийся перед одной из множества висящих на стене фотографий в рамочках, проводил Томаса Ламарка взглядом. Он слышал, как его шаги удаляются вверх по лестнице, и спинным мозгом чувствовал, что этого типа нельзя выпускать из вида. Гленн жестом показал коллеге, чтобы тот оставался внизу, а сам потихоньку отправился следом за хозяином.
Оказавшись в своем кабинете, Томас утратил спокойствие. Он вытащил один ящик, порылся в нем, захлопнул, делая это нарочито громко, чтобы детектив внизу знал: он действительно ищет документы. Выдвинул другой ящик, принялся рыться в нем, пытаясь придумать какую-нибудь убедительную отговорку.
Открывая третий ящик, он краем глаза заметил тень. В дверном проеме стоял детектив, и выражение его лица Томасу очень не понравилось.
– Красивый дом, – заметил Гленн Брэнсон.
– У меня проблема, – сказал Томас. – Никак не найду…
И тут вдруг раздался громкий треск, сквозь который послышался голос доктора Майкла Теннента:
– Аманда… ты можешь двигаться? Хоть немного?
Гленн вздрогнул от неожиданности. На мгновение их взгляды встретились. Томас тут же метнулся через всю комнату и выключил громкоговоритель. Повернувшись к детективу, пояснил, фальшиво улыбаясь:
– Это радио… Я тут слушал пьесу…
Но Гленн почти не воспринимал, что он говорит. Он смотрел на то, чего не заметил ранее. На правом плече пиджака Томаса Ламарка он увидел крохотную – длиной в полдюйма – прореху. И мысленно вернулся на чердак в квартире Коры Берстридж. Несколько кремовых нитей на гвозде, торчащем из стропила.
Тот же цвет, та же длина.
Гленн отвел глаза, но сделал это недостаточно быстро: Томас заметил. Их взгляды снова встретились: теперь Ламарк напоминал загнанного в угол зверя.
Мозг Гленна лихорадочно работал сразу в нескольких направлениях.
«Аманда. Так зовут женщину, пропавшую на этой неделе. Именно это имя называл Саймон Роубак вчера в пабе.
А сегодня Саймон Роубак умер.
Глория Ламарк и Кора Берстридж ненавидели друг друга. Не унаследовал ли сын эту ненависть от матери? Может, он приезжал утром на похороны, чтобы позлорадствовать? А может, это он убил Кору Берстридж?
„Аманда… ты можешь двигаться? Хоть немного?“
Слушал пьесу? Интересно какую? Сейчас четверть восьмого. Пьесы транслируют по каналу „Радио-4“, и в это время должны идти „Арчеры“.

Что, черт побери, происходит в этом доме?»
Внутренний голос кричал Гленну: немедленно арестуй этого человека! Но на каком, интересно, основании?
Кулак обрушился на Гленна из темноты с такой космической скоростью, что он даже не понял этого, пока не ударился спиной о косяк двери. Он упал на пол, оглушенный, потерявший ориентацию, словно нырнул в мутный пруд и теперь не мог найти берег.
Над ним промелькнула тень; Гленн протянул руку и инстинктивно ухватил что-то твердое – кожаную туфлю; он вцепился в нее со всей силой неистребимого инстинкта вышибалы – годы работы в ночном клубе не прошли даром! – и рванул ногу Томаса на себя, одновременно выкручивая ее. Пол сотрясся от удара упавшего тела, и теперь Гленн поднялся на колени.
Словно в тумане, он увидел встававшего Томаса Ламарка: тот был уже не в комнате, а на лестничной площадке. Когда полицейский поднялся, Ламарк бросился на него; Гленн ощутил сокрушительный удар в солнечное сплетение, потом еще один – в челюсть, подбросивший его в воздух. Он упал на спину.
Гленн с грохотом ударился о пол, дыхание у него перехватило; он пролежал несколько секунд, хотя инстинкт кричал ему: немедленно вставай! Он каким-то образом нашел силы перекатиться на живот, потом приподнялся, помогая себе руками, готовый увернуться, нырнуть в сторону; его глаза искали врага, он пытался понять, откуда тот может появиться, как можно получить преимущество. Но Томас Ламарк исчез.
Гленн с трудом встал, прижал руку к лицу – ощущение было такое, что ему свернули челюсть. Потом он осторожно выглянул из двери на лестничную площадку. Куда подевался этот мерзавец?
Ник Гудвин, грохоча ботинками по ступеням, поднимался по лестнице.
Гленн опасливо вышел на площадку, прислушался. Сердце у него бешено колотилось. Здесь было с полдюжины дверей, и все закрытые; Ламарк мог скрыться за любой из них, а также спуститься вниз по лестнице или подняться вверх. А может, он решил дать деру?

Томас находился этажом выше, в спальне матери, перебирал в шкафу ее шелковые шарфы. Он знал: то, что он ищет, где-то здесь, в этом ящике. Глория Ламарк обычно держала эту штуку заряженной на всякий пожарный случай. Наконец Томас нашел пистолет, аккуратно завернутый в дорогой шелковый шарфик. Ощутил в руке привычную тяжесть.
Мать контрабандой привезла пистолет из Америки и, когда Томас был еще ребенком, несколько раз показывала ему, как правильно обращаться с оружием: учила снимать с предохранителя и прицеливаться. Она говорила, что, когда начнется ядерная война, пистолет может им понадобиться, чтобы в убежище не проникли посторонние.
Сейчас Томас преисполнился решимости воспользоваться пистолетом, чтобы не пустить в убежище полицейских.

– Ты его видел? – спросил Гленн.
Гудвин отрицательно покачал головой.
– Тогда осмотри заднюю часть дома, а я возьму на себя переднюю…
Гленн снял с пояса рацию и собрался уже нажать кнопку, но тут раздался резкий свист, словно мимо него пролетело какое-то насекомое, обдав его потоком воздуха. Потом он увидел испуганное выражение на лице Гудвина, увидел, как глаза его товарища вылезли из орбит, когда пуля, взметнув волосы Ника, вдребезги разнесла ему висок. Фонтан крови и осколков кости ударил в лицо Гленну, обжег его щеки и глаза, и одновременно он услышал оглушающий грохот выстрела.
Он упал на пол, перекатился на спину. Пуля впилась в полированную дубовую доску у самого его лица. Откатываясь в сторону, Гленн увидел на верху лестницы Ламарка с пистолетом в руке. Из дула вырвалось пламя, и в следующее мгновение Брэнсон почувствовал сильный удар в грудь.
Он понял, что тоже получил пулю, и теперь действовал автоматически. Боли Гленн не ощущал. Он знал одно: нужно поскорее убраться отсюда. Гудвин был убит, мертв – господи боже, вот бедняга. Прежде чем броситься головой вперед с лестницы, Гленн увидел еще одну вспышку выстрела, сгруппировался, закрыв голову руками, и покатился вниз по лестнице, считая ступеньки. Услышал сзади звук выстрела. Наконец оказался внизу.

Гленн дважды перекувырнулся на полу, поднялся на ноги и, не глядя ни вверх, ни назад, бросился вперед, в коридор, а по нему – в кухню. В дальнем конце была дверь во двор. Он побежал к ней, попытался открыть – она оказалась заперта, ключа в скважине не было. Брэнсон в отчаянии ударил плечом в стекло, но какое там: закаленное стекло, его даже стулом не разобьешь. Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить ему щитом или оружием. И тут увидел Ламарка, бегущего по коридору. И еще он заметил открытую дверь, ведущую куда-то внутрь дома, может быть, в подвал. Не лучший вариант, но выбора не оставалось. Гленн перевернул кухонный стол, толкнул его так, чтобы тот оказался между ним и Ламарком, после чего, пригнувшись, бросился в открытую дверь и захлопнул ее за собой, услышав в тот же момент еще один выстрел.

Черт, с этой стороны ключа не оказалось.

Он кинулся вниз по кирпичным ступеням в спортивный зал. Пробежал по нему к единственному сооружению здесь – сауне, оглядывая на ходу спортивное оборудование: нельзя ли использовать что-нибудь в качестве прикрытия. Еще один хлопок – и пуля разодрала зеленый ковер перед ним. Беззвучно молясь, Гленн бросился на пол, снова сгруппировался, вкатился в открытую дверь сауны, с силой захлопнул ее за собой; от деревянной двери полетели щепки, несколько штук вонзились ему в лицо и тело.

«Неужели я сдохну в этой чертовой сауне?! Нет, Господи, пожалуйста, нет».

Перед его мысленным взором возникло лицо Сэмми. Потом Ари.

Теперь Гленн увидел кровь у себя на груди. А в следующую секунду заметил в полу открытый лаз: вниз уходила винтовая лестница. С ужасом понимая, что сам себя загоняет в ловушку, Брэнсон нашел силы спуститься по ступеням.

Когда Гленн добрался до самого низа, он уже тяжело дышал, хватая ртом воздух. Полный недобрых предчувствий, заглянул через открытую дверь в пустую камеру впереди, увидел вторую открытую дверь, которая вроде бы вела еще в одно помещение.

«Да что же это за место такое? Где тут можно спрятаться, черт возьми?»

Гленн опасливо поднял голову, ожидая в любую секунду услышать стук подошв, но наверху стояла тишина.

Гленн ждал, – может быть, появится тень, если Ламарк бесшумно идет на цыпочках. Но никакого движения не заметил.

Он огляделся: нет ли сюда второго входа. Дрожащими пальцами нажал кнопку на рации, но услышал только треск помех. Связи не было. Он снова посмотрел на свою окровавленную грудь. Вспомнил испуганно-удивленное выражение на лице Ника, когда пуля разнесла тому висок. Надо преодолеть шок, ведь если Гленн немедленно не возьмет себя в руки, то никакой надежды на спасение не останется.

«Я не собираюсь здесь умирать, черта с два. Я поступил в полицию, чтобы ты, Сэмми, мною гордился. А вовсе не затем, чтобы истечь кровью в каком-то склепе».

Гленн отступил на шаг, не сводя глаз с винтовой лестницы. Потом сделал еще один шаг назад. И еще.

Теперь он находился в какой-то камере с массивной дверью. Интересно, можно ее запереть изнутри?

Ему бы только выиграть время. Другие полицейские, наблюдающие за домом с улицы, забеспокоятся, когда он не появится. Надо лишь немного подождать. Слышали ли они выстрелы? Или находились для этого слишком далеко?

Помощь непременно придет.

Гленну потребовалась вся его сила, чтобы закрыть дверь. Потом он стал искать запоры. Он четко видел отверстия для них наверху и внизу, но сами засовы оказались сняты, причем, похоже, убрали их совсем недавно.

«Черт. Как же справиться с Ламарком? Тот высокий и сильный».

Гленн посмотрел на свою грудь. Вся его рубашка была пропитана кровью. Дышал он с жуткими хрипами. К тому же первый шок прошел, и теперь он начал чувствовать боль: сильную, пронзительную, словно бы внутри у него горел факел. Он тяжело привалился к двери изнутри, боясь отойти от нее и посмотреть, что там дальше, в глубине помещения.

И вдруг услышал у себя за спиной взволнованный мужской голос:

– Томас, нам нужно поговорить.

Гленн развернулся. Голос доносился через открытую дверь у него за спиной. Он прислушался, разглядеть что-либо там, в глубине, было невозможно.
А неизвестный мужчина заговорил снова – громче, настойчивее, отчаяннее:
– Томас, я знаю, вы были замечательным сыном, очень заботливым. Неужели вы не хотите, чтобы мать гордилась вами?
– Кто там? – спросил Гленн.
После короткой паузы голос зазвучал снова, теперь в нем сквозило удивление:
– Я Майкл Теннент. А вы кто?
– Я из полиции.
Гленн чуть не расплакался от беспомощности, услышав, как искренне обрадовался его невидимый собеседник:
– Слава богу! Господи, наконец-то! Сюда, мы здесь – в дальней камере! Слава богу!
Гленн лихорадочно размышлял. Почему Ламарк не спустился по винтовой лестнице, чтобы пристрелить его? Может, у него кончились патроны? Может, он сбежал?
Нужно срочно что-то делать, иначе без медицинской помощи он истечет кровью.
Гленн со страхом отошел от двери и перебежал во второе помещение, потом в третье. И остановился как вкопанный. Он словно бы попал в камеру пыток в Музее мадам Тюссо.
На полу два трупа. Мужчина в окровавленной рубашке подвешен за руки к потолку. Женщина с трубкой во рту и в заляпанной кровью одежде привязана к каталке.
Когда Майкл увидел вошедшего к ним на нетвердых ногах полицейского – высокого лысого чернокожего мужчину с исцарапанным лицом и в насквозь пропитанной кровью рубашке, – от его эйфории не осталось и следа.
А потом свет в помещении снова погас.

104

Три зеленые фигуры перед ним. Томас впился взглядом в детектива, который устроился между доктором Майклом Теннентом и его телкой, положив одну руку на краешек операционного стола. Полицейский с испуганным видом смотрел в его сторону.
«Что ты видишь, констебль Брэнсон? Темноту. А за ней еще большую темноту. Жаль, что мы так мало поговорили о фильмах моей матери. Надеюсь, ты понимаешь: я не получаю никакого удовольствия, убивая тебя».
В обойме оставалось еще три пули. Хорошо, что он задержался проверить пистолет. Как раз по одной пуле на каждого, хотя Томас надеялся, что этого не потребуется. Пули предназначаются людям, которые не имеют для него значения, людям вроде детектива-констебля Гленна Брэнсона.
Пули убивают слишком быстро.
«Мы прошли такой долгий путь, доктор Майкл Теннент, не для того, чтобы все закончилось одним выстрелом в голову».
Двери были заперты изнутри. Никто без приглашения сюда не войдет. Нужды торопиться нет. Он может все продумать тщательно. Не торопясь.
Получить удовольствие!
Сначала избавиться от полицейского, а потом перейти к делу. Он похлопал себя по карману халата. Ампула с адреналином лежала на месте. Отлично!
Томас прицелился в детектива, который теперь пригнулся к полу, как будто это могло защитить его. Но расстояние между ними составляло двадцать футов, и существовала опасность, стреляя под таким углом, промахнуться и попасть в психиатра. Нет нужды рисковать. Полицейского нужно пристрелить наверняка – приставить пистолет к виску.
Вдруг он услышал крик доктора Теннента:
– У него очки ночного видения!
Брэнсон в этой головокружительной темноте ухватился за край металлической каталки, словно за спасательный плот. Пока он держался за него, он мог ориентироваться в пространстве.
Гленн знал, где находится вход, а где человек, подвешенный за руки к потолку, – буквально в одном шаге от него самого. Он знал, где находится женщина. Представлял себе, где расположен

поднос с острыми медицинскими инструментами – чуть-чуть дальше по тому краю каталки, за который он держался.
Все мысли Гленна сейчас были о двух несчастных пленниках. Он должен каким-то образом защитить их в этой кромешной темноте от человека в очках ночного видения, который уже ранил его и теперь собирается убить.
Он вспомнил о двух трупах, лежащих на полу.
«Итак, что мне необходимо, чтобы вести борьбу с этим маньяком?
Свет. Оружие. Щит.
Ну, положим, оружие есть: на подносе, прикрепленном к каталке, совсем рядом, лежат хирургические инструменты. Но как быть со светом? Где тут рубильник?
Пригнись, сгруппируйся, двигайся».
Продолжая держаться за каталку, он постоянно перемещался вдоль нее взад и вперед, приседал, пригибал голову и думал, думал, думал.
Четким ясным голосом, изображая уверенность, которой на самом деле вовсе не чувствовал, Гленн сказал:
– Мистер Ламарк, ваш дом со всех сторон окружен полицией. Включите свет и положите оружие. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Советую вам не усугублять ситуацию.

Томас Ламарк использовал то время, пока детектив говорил, чтобы подойти к нему поближе. Теперь расстояние между ними сократилось до шести футов. Томас дышал медленно, спокойно. Держа рукоять пистолета обеими руками, он поднимал его, пока мушка на стволе не совместилась с вырезом прицельной щели на одной линии со лбом полицейского. При выстреле ствол пистолета подбрасывает, он читал об этом в Интернете. Нужно целиться ниже, как и раньше.
Теперь пистолет был нацелен в подбородок полицейского. С учетом отдачи пуля должна попасть ему в глаз или в лоб.
Он может себе позволить подойти еще чуть ближе, почему нет? У него остались всего три пули – зачем рисковать?
Очень кстати детектив заговорил снова. Томас услышал дрожь в его голосе. Прекрасно. А полицейский-то вовсе не так уверен, как хочет показать.
Небось просто пытается взять его на пушку. Не на такого напал.
– Мистер Ламарк, я знаю, вы меня слышите. Советую вам проявить благоразумие. Вы же гордитесь своей матерью. Разве вы не хотите, чтобы и она тоже гордилась вами?
Томас проигнорировал его. И тут из темноты донесся голос Майкла Теннента:
– Томас, я бы хотел поговорить с вами о вашей матери.
Ламарк замер.
– Расскажите мне о вашей матери, Томас.
Он закрыл глаза.
«Заткнись, доктор Майкл Теннент!»
А Майкл гнул свое:
– Расскажите мне о вашей матери, Томас. Мне показалось, что вам по каким-то причинам тяжело об этом говорить.
Томаса трясло. Он понимал, что задумал Майкл Теннент.
«Не поддавайся на провокацию. Игнорируй его.
Заткни уши.
Продолжай делать то, что делаешь. Не позволяй этому мозгоправу отвлекать тебя. Он и так уже уничтожил твою мать, так не дай ему теперь уничтожить и тебя тоже».
От детектива Томаса теперь отделяло всего четыре фута. Но руки его слишком сильно дрожали. Еще два фута, и он сможет выстрелить в упор.
В упор будет лучше. Приставить дуло прямо к виску. Тут уж не промахнешься.
– Расскажите мне о ваших отношениях с матерью, Томас.
Томас в тумане злости и смятения сделал еще один шаг вперед, и в этот момент у него под ногами раздался громкий скрежет – он наступил на что-то.
Гленн по звуку определил положение Ламарка. Зная, что женщина надежно пристегнута, он нырнул на пол и изо всех сил толкнул каталку в том направлении, откуда послышался звук. Каталка резко остановилась с громким дребезжанием – удар, затем сдавленный стон, а потом

одна за другой две яркие вспышки пламени и оглушительный грохот выстрелов, сопровождаемый сумасшедшим визгом отлетающих рекошетом пуль.
Гленн, ощущая ноздрями запах пороха, резко потянул каталку на себя, а потом снова послал ее вперед, вкладывая в толчок все оставшиеся у него силы. Он почувствовал, что удар снова достиг цели, каталка с грохотом остановилась, раздался хруст – возможно, ломающихся костей, а потом, почти сразу, еще одна яркая вспышка, очередной хлопок; на сей раз пуля просвистела у самого его виска.
Не срикошетила.
Гленн надеялся, что пуля не попала в подвешенного к потолку мужчину.
Надо было ковать железо, пока горячо. Он двигал каталку туда-сюда, всякий раз с еще большей силой посылая ее вперед. Очередной удар пришелся в цель. Он услышал ругательство, предположительно выкрикнутое Ламарком, а потом что-то загрохотало по полу. Пистолет?
Он потянул каталку на себя и повторил маневр.
– Чтоб ты сдох, сука! – Точно, голос Ламарка.
Гленн продолжал наносить удары каталкой.
«Вот тебе! И еще раз, и еще, и еще!»
Затем он протянул руку, нашарил в темноте поднос с инструментами, нашел какую-то штуковину с длинной ручкой и бросился вдоль бортика каталки в темноту.
Почти сразу он споткнулся о ноги Томаса на полу и упал на извивающееся тело. Пытаясь нащупать руку Ламарка с пистолетом, Брэнсон наудачу нанес удар, но услышал скрежет острия о бетонный пол. Тогда он ударил снова, и теперь инструмент вонзился в мягкую плоть, раздался крик боли.
Левой рукой Гленн ухватил Ламарка за запястье. А правой потянулся к его лицу и, нащупав очки, сорвал их со лба. Ремешок зацепился за что-то, возможно за шею. Он потянул сильнее, услышал сдавленный стон.
Потом что-то ударило Гленна в лицо; то ли кулак, то ли рукоять пистолета, то ли пуля – он понятия не имел, знал только, что его отшвырнуло назад и он ударился обо что-то головой, чуть не разбив затылок.
Ему все же удалось подняться на ноги.
«Давай двигайся. Боком, словно краб».
Колени натолкнулись на что-то твердое.
Гленн ощупал свою находку.
«Разбитый пластмассовый корпус… Фонарик! Осторожно!»
Готовый в любой момент отпрыгнуть в сторону, он включил фонарик: луч кинжалом пронзил темноту перед ним.
Свет был слабенький, но достаточный, чтобы Гленн моментально охватил взглядом всю картину. Мужчина, подвешенный к потолку, похоже, не был ранен. Томас Ламарк находился в трех футах перед ним, он присел, готовясь к броску, из его бедра торчала рукоятка скальпеля. Пистолет лежал на полу в шести футах сзади.
Гленн на долю секунды опередил Ламарка. Упал на бетон, метнулся вперед. Схватил пистолет, подался еще вперед, развернулся, направил оружие на Ламарка, который уже ухватился руками за щиколотку Гленна.
Луч света гас. Держа пистолет твердой рукой, Гленн встряхнул фонарик. Мигание. На секунду луч стал ярче, а потом снова начал гаснуть.
«Фонарик, миленький, еще чуть-чуть, прошу тебя, не гасни».
Гленн снова встряхнул фонарик. Свет стал сильнее. Ламарк смотрел на него. И улыбался. Видать, совсем спятил.
– Положите руки на затылок и встаньте, – выдохнул Гленн.
В груди хрипело: похоже, дело совсем плохо.
Томас Ламарк не шелохнулся.
Гленн, боясь, что вот-вот потеряет сознание, прохрипел во всю силу своего голоса:
– Немедленно положите руки на голову, мистер Ламарк, или я стреляю.
Тем же приветливым голосом, каким он встретил полицейских у двери своего дома, Ламарк произнес:
– Прежде чем войти сюда, детектив-констебль Брэнсон, я проверил, сколько пуль в обойме. К сожалению, их там оставалось всего три. Так что вы держите сейчас незаряженный пистолет. И

вдобавок вы скоро умрете от потери крови. Мы можем подождать: я не тороплюсь, а мои друзья уж точно никуда отсюда не денутся. Мне очень жаль, но, боюсь, на данный момент я не могу предложить вам никакой альтернативы.
– Томас, – вдруг снова подал голос Майкл Теннент, – я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о своей матери.
Даже не мигнув напоследок, фонарик в руке Гленна неожиданно погас. И тут детектив ощутил, как что-то движется на него из темноты. Он не знал, блефует Ламарк или нет, но, чувствуя надвигающуюся угрозу, нажал на спусковой крючок.
Яркая вспышка, оглушительный хлопок, отдача – все это стало для него сюрпризом, как и последовавший за этим душераздирающий вопль: так кричит умирающее животное.
Сначала даже невозможно было разобрать, чей это голос. Гленн поднялся на ноги. Вой продолжался, пронзительные вопли сопровождались жалобными всхлипами.
Это определенно был Ламарк.
– Помогите мне! Господи, да что же это такое? Кто-нибудь, спасите меня!
Гленн снова взял фонарик, подергал туда-сюда выключатель. Появился слабый луч. Ламарк лежал на полу, извиваясь, как змея, его лицо исказила гримаса, а из горла вырывался отчаянный вопль.
Гленн остановился на безопасном расстоянии: а вдруг этот тип прикидывается. Потом увидел пятно крови на правой штанине кремовых брюк и понял, что прострелил Ламарку коленную чашечку.
Томас говорил умоляюще:
– Пожалуйста, помогите мне, сделайте хоть что-нибудь! Господи, ну до чего же больно!
Все еще с опаской – мало ли на что способен Ламарк – Гленн несколько секунд смотрел на него, потом быстрым движением, чуть ли не из последних сил, опустился на колени и, не обращая никакого внимания на отчаянные крики, защелкнул на Томасе наручники.
Затем Гленн поднялся; колени подгибались, и его шатало из стороны в сторону. Он ухватился за каталку и ободряюще улыбнулся Аманде.
– С вами все будет в порядке, вы в безопасности. Я сейчас освобожу вашего друга, и мы вместе вам поможем. Ни о чем не беспокойтесь, теперь все будет хорошо.
Томас Ламарк с пола снова закричал:
– Да помогите же мне наконец! Боже мой, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы было не так больно! Я больше не могу это терпеть!
Полицейский посмотрел на него, и Томас замолчал.
– Вы меня удивляете, мистер Ламарк, – сказал Гленн; его дыхание становилось все более частым и хриплым. – «В стволе всегда остается одна пуля, никогда не забывай об этом». Неужели вы не помните? Именно этой фразой заканчиваются «Крылья джунглей», лучший фильм вашей матери.

105

Аманда во сне крепко цеплялась за Майкла, испуганно вздрагивала, каждые несколько минут издавала негромкие звуки, тихонько постанывала.
По утрам она смотрела на него, широко распахнув глаза, и с искренним недоумением спрашивала: «Неужели мне снова снились кошмары? Ничего не помню, вот честное слово, совсем ничего! – Потом она целовала Майкла и говорила: – Бедненький мой, опять я тебя разбудила, не дала толком выспаться».
Но это была неправда: Аманда не могла его разбудить, потому что Майкл почти совсем не спал, в основном просто лежал без сна, как и сейчас – в три часа ночи, спустя один год, четыре месяца и одиннадцать дней после той жаркой июльской пятницы, когда он вошел в дом Ламарков.
Когда-нибудь, возможно, афоризм Ницше станет справедливым и для него: «То, что меня не убивает, делает меня сильнее».
Справедливым для них обоих.

А пока они каждую ночь спали со включенным светом. Об этом попросила Аманда, а Майкл не возражал. Наоборот, он даже был ей в душе благодарен. Майклу тоже требовался свет, но сказать Аманде об этом означало бы признаться в собственном страхе, а он хотел, чтобы она снова стала сильной, а потому должен был и сам притворяться сильным.
Майкл снова и снова обдумывал все случившееся. Последний разговор с Глорией Ламарк. Его мучил, постоянно мучил один вопрос: поведи он себя тогда на приеме иначе, остались бы в живых те пять человек – редактор Тина Маккей, молодой репортер Джастин Флауаринг, актриса Кора Берстридж и два полицейских, Ник Гудвин и Саймон Роубак?
Осторожно, стараясь не разбудить Аманду, Майкл высвободился из ее объятий, встал с кровати, как нередко делал это по ночам, и взял потрепанное издание трудов великого Гиппократа, отца медицины. Книга раскрылась на странице, которую он так часто перечитывал за последние шестнадцать месяцев.
«Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности».
Майкл нашел другую страницу – она тоже открылась сама.
«Медицина поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи: по званию их много, на деле же – как нельзя менее».
Майкл положил книгу на прикроватный столик. Удивительное дело. Вот почитаешь так иной раз античных мудрецов и поймешь, что за прошедшие тысячелетия человечество недалеко продвинулось во многих важных областях. Да, по сравнению с древними людьми мы научились лучше утолять боль и справляться с болезнями или травмами. Однако мудрее мы не стали.
Он дал Глории Ламарк совет, который в душе полагал правильным. Последующие события показали, что он ошибся. Майкл глубоко сочувствовал жертвам Томаса, но не думал, что дал маху в профессиональном плане. Он сделал то, что считал наилучшим для своей пациентки. Майкл знал, что если не хочет сойти с ума, то должен и дальше верить в то, что поступил правильно. Вот так он и жил.
Возможно, когда-нибудь это изменится. Сегодня. Или завтра. Или через год, через десять лет. Или когда он станет старым и немощным и будет вспоминать прошлое, осмыслять ошибки, думать о том, что все могло быть иначе. А ведь не исключено, что где-то в параллельной вселенной, где-то в другом измерении, живет психиатр Майкл Теннент, а у него есть пациентка, стареющая кинозвезда по имени Глория Ламарк, и этот доктор Теннент никогда не говорил ей открытым текстом, что она давно потеряла прежнюю красоту и безнадежно загубила свою карьеру, а потому ей пора уже перестать цепляться за прошлое и вести затворнический образ жизни, а следует перевернуть страницу и начать жить настоящим. И там у них все хорошо: эта Глория Ламарк до сих пор жива, как живы в той же параллельной вселенной Тина Маккей, Джастин Флауаринг, Кора Берстридж и оба полицейских.
Но если в этом параллельном мире и впрямь обитает такой доктор Майкл Теннент, то он никудышный психиатр, которому не хватает мужества говорить с пациентами начистоту.

В Лондоне, перед зданием Олд-Бейли, где находится центральный уголовный суд, собралась большая толпа журналистов. Многие утренние газеты вынесли репортаж об этом событии на первые полосы.
Сегодня был важный день. Несколько месяцев назад адвокат Томаса Ламарка, несмотря на все свои старания, так и не сумел добиться того, чтобы его клиента сочли невменяемым и освободили от уголовной ответственности. Слушания продолжались семь недель, и присяжные единогласно признали Ламарка виновным в пяти убийствах, покушении на жизнь офицера полиции и в похищении четырех человек.

Адвокат подсудимого настаивал на проведении психиатрической экспертизы, и судья пошел ему навстречу, отложив вынесение приговора на два месяца.
И сегодня должно было наконец решиться, отправится ли Ламарк в тюрьму – и на какой срок – или же в психиатрическую больницу для уголовных преступников.
Майкл и Аманда вышли из такси на яркое октябрьское солнце и, пройдя сквозь строй фотовспышек и микрофонов, поднялись по ступеням и открыли дверь.
От толпы в вестибюле отделился человек и, широко улыбаясь, направился к ним, приветственно протянул руку. Он был высокий, лысый, чернокожий, в модном коричневом костюме, белой рубашке и строгом галстуке.
– Рад видеть вас обоих, ребята! – сказал он.
Майкл тепло пожал протянутую руку, а Аманда расцеловала Гленна в обе щеки.
– Мои поздравления! – сказал тот. – Я получил ваше приглашение на свадьбу.
– Придешь? – спросил Майкл.
– Кто ж откажется погулять на свадьбе! Думали, я откажусь? Даже не надейтесь!
Улыбка Гленна несла печать скорби. Он никак не мог простить себе, что невольно стал причиной гибели Ника Гудвина.
Майкл в ответ усмехнулся, а Аманда от души рассмеялась. Краем глаза она заметила, что к ним проталкивается Лулу. Аманда увольнялась из «20–20 Вижн», уходила на вольные хлеба. И Лулу должна была получить повышение – занять место своей бывшей начальницы.
Женщины обнялись.
– Лулу, я хочу тебя кое с кем познакомить… – начала Аманда. Она сделала небольшую паузу и торжественно продолжила: – Позволь представить тебе человека, который спас нас! Детектива-констебля Гленна Брэнсона!
Гленн поднял палец, сделав вид, что обиделся:
– Одну минуточку, позвольте уточнить! Ты разве не знаешь? – И с гордой улыбкой добавил: – Я больше не детектив-констебль, я теперь детектив-сержант!
Майкл и Аманда тепло поздравили Гленна. Потом все четверо замерли в неловком молчании, словно неожиданно вспомнили о погибших. Они никак не могли избавиться от невольного чувства вины перед теми, кому не удалось вырваться из лап монстра, чей особняк пресса нарекла «Домом ужасов на Холланд-Парк-авеню».
Они двинулись в зал судебных заседаний. Майкл обнял за плечи Аманду и Лулу, прижал девушек к себе. Они пришли сюда не для того, чтобы узнать, как именно накажут Томаса Ламарка. Это не имело значения. Приговор был для них символом того, что все завершилось. Важной вехой. Концом кошмара.
Они пришли сюда потому, что хотели наконец перевернуть страницу и начать жить дальше.

Эпилог

9 июля 2000 года, среда

Я еще не решил, говорить ли об этом Майклу Тенненту. У меня сейчас много чего на уме.

Здесь есть несколько довольно странных людей, и, откровенно говоря, они меня раздражают.

Кажется, я обречен вечно ненавидеть доктора Майкла Теннента. Кстати, он больше не появляется на публике, да что там говорить: он теперь, похоже, просто скрывается. Не ведет свою колонку в газете, да и по радио я его теперь больше не слышу, хотя на эту

станцию довольно трудно настроиться, особенно учитывая, что у нас тут есть лишь один-единственный приемник. Эти идиоты вечно спорят между собой, никак не могут решить, что лучше слушать, а потому мы по большей части не слушаем вообще ничего.

Так вот, вместо этого доктор Майкл Теннент стал публиковать серьезные статьи в медицинских журналах. Он теперь, похоже, просто одержим вопросом об ответственности психиатров и психотерапевтов перед пациентами. В последней своей статье в «Британском медицинском журнале» он нападает на так называемых популяризаторов науки и психоаналитиков, которые выступают по телевидению, – ей-богу, смешно, давно ли он и сам был таким! Доктор Теннент, видите ли, считает это профанацией.

Кстати, в двух статьях он упомянул мое имя. Не спросив на это моего разрешения, так что я, вероятно, могу потребовать компенсации. Впрочем, я не жажду мщения, я на собственном опыте убедился, что месть может оказаться твоим же собственным палачом.

Мне даже компьютер не разрешают поставить в мою обитую мягким материалом камеру. Интересно, чего они боятся? Что я вышибу себе мозги клавиатурой?

Тут вообще одни сплошные идиоты. На прошлой неделе показывали фильм с участием моей матери, «Крылья джунглей», но я не стал его смотреть. Слишком много воспоминаний. И представьте, ни один из этих придурков ничего даже не слышал о моей матери. Нужно устроить кому-нибудь из них показательное наказание, однако нужды спешить нет: похоже, мне придется провести здесь еще какое-то время.

Вообще-то, я собираюсь написать книгу, чтобы расставить все точки над «i», но мысль о том, что придется делать это по старинке, водя пером по бумаге, мне претит. И потом, хочу ли я, чтобы доктор Майкл Теннент знал правду?

Этот вопрос я постоянно задаю себе в течение тех полутора лет, что нахожусь тут.

Как там сказано в Евангелии? «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Хочу ли я сделать тебя свободным, доктор Майкл Теннент? С какой стати мне этого желать? Разве я должен тебе что-нибудь?

Я всегда хотел лишь одного: быть свободным. Странно, что раньше я этого не помнил. А сейчас память у меня значительно улучшилась – я думаю, это из-за лекарств, которыми меня здесь пичкают. А тогда все обстояло иначе. Я, похоже, многое забыл.

Да, доктор Теннент, у меня выпал из памяти тот июльский понедельник 1997 года, когда моя мать вернулась домой в плохом настроении после разговора с тобой. Она легла в постель и попросила меня принести ей стакан виски. Я не сказал ей о сообщении, которое ты оставил на автоответчике, потому что почувствовал шанс получить свободу.

Я налил ей виски и растворил в спиртном упаковку нембутала. А потом добавил туда же еще и валиума. Когда мама выпила и крепко уснула, я, для ускорения процесса и вящей надежности, сделал ей инъекцию кураре в пятку.

А забавно, что я вдруг вспомнил все это сейчас. Подумать только, я ведь обвинял в смерти матери тебя, доктор Теннент! Ох, до чего же я был на тебя зол! Странно, да? Похоже, в детстве мама говорила мне правду. Возможно, у меня действительно что-то не в порядке с головой.

Хотя сейчас я чувствую себя прекрасно.

Я хотел лишь одного: быть свободным. И вот, пытаясь получить эту свободу, я обрек себя на пожизненное заключение в заведении для душевнобольных преступников.

Ха!

Меня заперли, а ключ выкинули.

Но ведь и ты тоже заперт, доктор Майкл Теннент, правда? Ты по большому счету такой же пленник собственных поступков, как и я.

Но в моей власти, по крайней мере, сделать тебя свободным. Я решу, как мне поступить, прибегнув к тому же способу, посредством которого уже принимал в своей жизни множество решений.

Я подброшу монету.

Благодарности

Мне невероятно повезло: при подготовке материала для этого романа я получал помощь от множества поистине замечательных людей. Трудно переоценить вклад доктора Дэвида Вила, доктора Селии Тейлор, старшего детектива-инспектора Дэвида Гейлора и детектива-констебля Мика Харриса – эти четверо потратили на меня немало времени и со щедростью, на какую я даже не смел рассчитывать, делились со мной своими мыслями и творческими идеями. Они помогли мне сформировать композицию романа и сцементировать его сюжет.

В полиции Суссекса ко мне отнеслись очень дружелюбно и помогали с неизменным энтузиазмом. К сожалению, я не имею возможности перечислить здесь поименно всех ее сотрудников, с которыми общался в отделениях полиции или во время патрулирования в Брайтоне, Хоуве, Хейвордс-Хит, Кроули и Хэмпстеде. Поэтому я выражаю огромную благодарность старшему констеблю Полу Уайтхаусу, награжденному Королевской медалью за безупречную службу в полиции: ведь именно благодаря ему это общение и стало возможным. Я также многим обязан старшему суперинтенденту Майку Льюису, старшему детективу-

инспектору Джорджу А. Смиту, констеблю Рен Харрис, констеблю Нику Диммеру, инспектору Глену Дугласу и инспектору Нику Бокору-Инграму из полиции Брайтона. Огромное спасибо старшему суперинтенденту Дэвиду К. Эшли, сержанту Филу Херрингу, сержантам Биллу Уорнеру и Тони Говарду из полиции Хоува; инспектору Йэну Джеффри, констеблю Брайану Симонсу, констеблю Гэри Пирсону из дорожной полиции Хейвордс-Хита; Россу Парсону из службы скорой помощи Суссекса; персоналу Национальной службы по поиску пропавших людей.

Моя искренняя благодарность доктору Деннису Фридману, Рою Шаттлуорту, семейному психологу Джулии Карлсторм, доктору М. Энтону, Ричарду Блэккоку, Элизабет Вил, доктору Найджелу Киркхему; Веронике Гамильтон-Дили (коронеру Брайтона и Хоува); Найджелу Макмиллану и Индре Синха из «Спинк энд сан лимитед»; Крису Уэллингсу из «Грейвс, сан энд Пилчер»; Лайалу Уотсону, из чьей замечательной книги я позаимствовал сведения о птицах-шалашниках; доктору Родерику Мейну за его знания о Карле Юнге и превосходную книгу «Юнг о синхронистичности и паранормальном».

Как всегда, выражаю глубочайшую признательность Сью Анселл, моему незаменимому неофициальному редактору, а также Патриции Прис и Джону Терли, моему агенту в Великобритании, за проявленное терпение и неоценимую помощь. И конечно, отдельное спасибо моей жене Джорджине и моей лохматой четвероногой подружке, собаке Берти, которая по прошествии пяти лет наконец-то научилась не жевать дискеты, если они падают на пол…

Питер Джеймс,

Суссекс, Великобритания, 1998 год

scary@pavilion.co.uk

Примечания

1

«Леди в красном» (англ.) – песня английского автора и исполнителя Криса де Бурга, посвященная его жене. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Цитата из сатирической поэмы английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Дунсиада».

3

В Великобритании набор кода 141 перед телефонным номером не позволяет абоненту определить, откуда ему звонят.

4

Шекспир У
. Мера за меру. Перев. М. А. Зенкевича.

5

Шекспир У
. Мера за меру. Перев. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

6

Менса
– крупнейшая, старейшая и самая известная некоммерческая организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта.

7

«Джорджия в моих мыслях»
(англ.)
– американская песня, написанная в 1930 году Хоги Кармайклом и Стюартом Горреллом; с 1979 года официальный гимн штата Джорджия.

8

Шекспир У
. Король Лир. Перев. Б. Л. Пастернака.

9

Маньяк контроля
– неформальное название психического расстройства, связанного с навязчивым желанием управлять всем, что происходит вокруг.

10

Имеется в виду младшая сестра королевы Елизаветы.

11

Оксфам
– международная организация, целью которой является решение проблем бедности и связанной с ней несправедливости во всем мире.

12

Пейс-кар
(машина безопасности) – специальный спортивный автомобиль, который используется в случае возникновения опасных ситуаций (аварийных, погодных) на трассе во время проведения автомобильных и мотоциклетных кольцевых гонок. Кроме того, машина безопасности лидирует во время прогревочного круга.

13

Имеется в виду Эдвард Эстлин Каммингс (1894–1962), известный под псевдонимом e. e. cummings, – американский поэт, художник, романист, драматург.

14

Харли-стрит
– улица в центре Лондона, которая получила известность в XIX веке благодаря множеству обосновавшихся там ведущих специалистов из различных областей медицины.

15

Имеется в виду сэр Ричард Брэнсон (1950) – британский предприниматель, основатель корпорации «Virgin Group».

16

Когда в 1821 году в Греции началась вооруженная борьба за независимость от Османской империи, Байрон решил отправиться на помощь восставшим. Он на собственные средства купил бриг, припасы, оружие и снарядил пятьсот солдат, с которыми 14 июля 1823 года отплыл в Грецию, где заболел лихорадкой и умер 19 апреля 1824 года.

17

Национальный трест
– организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест; финансируется преимущественно за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

18

Дженерик
– лекарственное средство, продающееся под международным непатентованным названием либо под патентованным названием, отличающимся от фирменного названия разработчика препарата.

19

Имеется в виду церковный гимн на слова Уильяма Блейка. Здесь и далее перевод С. Я. Маршака.

20

Перевод Б. Л. Пастернака.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAIBAQIBAQICAgICAgICAwUDAwMDAwYEBAMFBwYH
BwcGBwcICQsJCAgKCAcHCg0KCgsMDAwMBwkODw0MDgsMDAz/2wBDAQICAgMDAwYDAwYMC
AcIDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwM
DAwMDAwMDAz/wAARCANMAjoDAREAAhEBAxEB/8QAHgAAAAYDAQEAAAAAAAAAAAAAAAAA
MEBQYHAQIICQr/xAB1EAABAwIEAwUDBwQICw0VBgcBAgMEBREAABhIhBxMxCCJBUWEJFHEKFS
MygZGhFkJSsSQzYnKztMHRFyUmNHSClLLT4fAYQ0RTY3N1dpKToqPxGRo1NjdFR1RWV2Rmg4SVlr
XCxNTkJyhGVWWk0ik5habFpf/EAB0BAAEEAwEBAAAAAAAAAAAAAABAgMEBQYHCAn/xABZE
QABAwEFAwcHBgkHCwUAAgMBAAIDEQQFEiExBkFREyJhcYGRsQcIMqHB0fAUIzRScuEVFiQzQlOC
svFVYnOSk6KzGCUmNTZDY3TC0tMXRVVSDw0Rko+I3/9oADAMBAAIRAxEAPwDxUlC8t39+f146xZPz
DOoeAWl2g/OO6yiumLCjW6fqjAmHVBf1cCG6olQscCesYEIYEIYELdIsMCFuhN8CaSgUYEYlgpIwJQVg

C5tgolW6RYYEwlbJTfAkWwTpwIWcOamuWze2+ApqwpNjhQULHjhCE4HJYUNWGp1VhSST8MCKrZtO
+HDSqa5bLFlbdMKCmrU4ClBWpGoeuGJ6AR54ELATcYEIaDgSVWyU2OBBKxo3wJVn6owIWcCAVhIs
MPATCVnCYUoKGANSFYCbHCFKCs4ROWAm2BISs4cBRNJW6W9IucISkW6B1wAJritsOATUAjUTgI
QtHNxbDdE4FBtvTvgOaCVsE6cIkqs4UBIUCLjC4ULZA3vgOQSFbEXGEBTAVro2wtU7EgWiE3w5LVa2v
hCEqHTDSELVxOrAEoNFgp328MFEoctFJucFck5BYsBhQhanAU5qBFxhqchhdyFhSb+eEQs4EIYEIYEIYE
woHYYkSBAYQJStmhdWEcmnRbr64aEg0W+BNSWQP2U6f3R/XiCy/mGdQ8FftP5x3WVopIUMTqEFZwJ
EMCEWR4YFItQmysCEFJv0wJVgJsoYEi3G+BCMA6DAoyslJGBCxgQsBIBwJarIF8CRGDYYElUL+mCiK
oYeEwowCwthhQhgQtdG/ph1UIJRdzASlrlRbOtbXHUYQZpA7csNINsBQStijUMGibULVTJAvhcSWqwW8
JSqWq1thwCWqHQeeG0TsQWzabA4CE0mq25G3rgqmkrRSCkYXVOBWyGtXXDUOcsutgC4HTCgpoK0Q
nVhxKVbFseeExIWOWcLiQsaT5YDRFUAgk9MJkEtaLYNAC+AlJXctgrThqFkAqN+mFATSVuhFwcKTR
MJWeXgxJMS2Sg6cBzTS7NaOJN/jgopGlYtb4YWiFlCdSgMKkJoEYtvUMJTgmA0WFI8xhCUuJC22Eokqtt
Pd9cLhTa5rBTYYWicgTdOFQgbW2w1yFotPjgAqnArUC5woCcha2FQtQjzxGlJWFJ7uF6UoKLX9bDgU5Dl
kjCZBKHIKTptgBqkWMIQlJQwtEEoYckWS3huSWqCvLywoSLBF8CAULXwqEaymyb+eGHVNK2v3rYR
B0WcOwpqTyE3kufvj+vFay/mGdQ8FetH513WfFaoF7+WJ1CtumBC0UBbocCFqUg4EoKxo9cCXEtcCcgBv
gohbJT3sCaTkjAjocCatr74WiEL79MIhDAhA4UIrRDD1GhgQsoFz8MIUI1CfHDQE0nctrYWiahbARwQhp8f
uwhRXch1woCEEIscLoglbFF1fHADVNBWq0G2EITgQsJTbDU5xQ0Dyw4CqSq1U1cWAwlSlBWyE6RbBq
kJWcLhSIKRfbAAgFDQfXAQlxbkLbYShSLUNgYWiWqGgYQoqUNG/pgCWqBRvtgKMSCdvDCIJWwFts
KAglDRv0wtE2q2CPPBXgmly3CPTCDNNJW+ja9umHgJlUANsLRKVqpOoDCEFKMlgJFzcYQBKt0N77D
CprijA2QOmBMxLRbeBOB4IaDgSVWwRfbAgmiDjeBI0rTT3em2FKedVgIAwiCVgo8sNI4IxLTRpVgOlE+
uSzhqRahu5OH0TqrUi2ApyxoHjhtU6qyATgom1WFo+/CkJQUXyu7gxJ6zba1hhKoWeVbywiQlbFIItgSA5or
QSfLDgU5Ao8t8AKFlKbYQlCMGwwiZXNZbQTthQkJRwTbyw9RpJK3kufvj+vFayD5hnUPBX7R+dd1nx
WlrYsEKIFAYAEhKBwhagFdc+zw9nhwm7ZOWYzmd+0vlHhFmas5iRluiZalUZdRqNUdWGeW6AHmwlta
3g2kkW1IUCcYK8r0msr8LIsQArXcsvYrAyZmIuoVXXtI+wNmL2a/aurPCzMdWplfkU+NHnxKlAQptqbFfS
S2stquptfdUlSCVWKdlKBBxbu28G2uHlQKbiFBbbJyD8NagqM9iXsuy+2p2sMjcK4NXjUCXnio/NzVRkR1S
G4h5TjmtTaVJKhZsiwUOvXD7wtZs1ndMBWibY4BNIIyaLuXjv8msqvC/hTxfrmWOPfDjPmYeCFONTzRly
JT3osyAgMKkltxRdWG3FMIWtCVJsvTa6b3xgLPtOXyNbJHQE0qCsnLdDWsJa6pC8ygnceXXG20WBXa/s
+PY8M9uDsm534yVzjLk7hLlDIVaFGqUqv09x1hvU1HWl1TyXUJQkqkIQAR18dxjXr0vt9knELGYqgHVZa
xXcyePG5xGapLts9mPKHZZ4kUuiZN4x5J42U6fTROerGWEkRYTpdcQYy7uL+kCUJX16OJ2xfuy3S2lhdL
HgofjVVLfZGQODWuqq/4NZCgcUOLuWMuVTMNOylTK9VI9PlVueLxKQ044EKkujUn6NsHUrvDYHfFu
0zuihdI1uIgacVWs8bZJAx5oCu4+PfsOMsUfsLZx49cFO0RlXjhlnh9KMevsQqI5TlMBJaDhbWXnApaEvIW
UqSkKRcpUTYHBWa/3utDYJ4sOLp7tyy010NbGXxuqQvPYtFKiPEY2aoWCqF197N32Uzfb54OcUc91Tixl
XhTlnhSuH87T67BcfjhuQlwhwrS4gISkt23vcqHTGBva+H2SRsbGYqjistYbubaGF7nUSn2qPsh53sx8qcMa29
xGy/xEpfFKPKl02VSac5FaQyyiM4lwKW4vWlxMlJSRbYeN8F0Xw+2Pe1zMOHpTbfd7bO0Oa6tVxyfo0E2
vpBNsZsnKqxozNF1j7Ur2V9X9l1mDIECs5wpmbRnyirrLT0SnuQkQkpWhHLVrWvUo6wbi3TpjDXRe5tgdi
aG0pvWQvC7eQALCTVIM+ezRquRPZe5L7Tzma6dIpGc8yOZcaoCYLiZMVaHJiOap4rKVJPuijpCAe+N9jh
8d6udb3WLDkN9er3qN9gaLILTizO7v9y5nLdvDGYzWKxLCkG2ChGaAU8cNskucReIdAy+0+iK7XqnFpiH
lJKksqfeQ0FkCxIBXe197YitM3JROlA0BKsQMEsgjrSq7t9pj8ns4g+zmyTkyuJzZTOIkbOWZGsrtN02lOw1x
Zj4PuyVa3F6g6pKkC1rEDrfGv3dtALQ5zZW4aAnXhqstbLm5NoMRJJNFp7Un2BOZ/Zb9nSjcQq5xGy/mxqr
11igmBApL0ZbDrkd94r5i3FBSU8hSfqgm4O3TDrqv11rn5EspkTrwTLwultnh5RrqrgHTq288bKRVYOq7rofs
Fc8Zxh9lxdDzfR6nI7TkN2pR2hTXWxleKzFZlPvSFcw81KG3fzQi6gAPrDGsfjDhM2JnoZDPU1othF0AiOjv
S1y6Kqnvajeznqnswu0nG4b1fM9PzdKk0ONWxOhwVw2wl9x5Ab0LWs3BZJvffUNtsZC6bydbIjIW0oacVQ
vGyCzSBjTWoqqm7OHBOR2jO0Jkbh9FnM0uTnivQqCzMdaLrcRcl9DIcUgEFQSV3IBBNuuLlstBggfNSuE
VVayRctK2MmlSvQbtAfJlMx8J8k8TZOW+OPDfPGbOE1ITXcwZWZiPQqhGiKYckJUbuOaFLaaWW9aQl
ZSRqGNds+05c5omjwg5Vr8ab1nJrkAaTG6pC8xEJDiUqH1SLj4Y2vNa46oNCu0vZ1exyqHbW4C5x4wZw4k
Za4O8H8kPqiTsyVaOZSnn0JQpaW2gtA0p5jSSpSwVLcSlCVG9sHed9CyyCCJmJ53LL2G6+WYZHmgRHtJ
PY91bsKcJMmcUss5/y7xd4Q59Wlil5no7BjhDym1OIQ42VuABaUOaVJWd21JUEqABLrvkWqQwvbheNyS3
3XyDBIw1C415es2xnQ01WJBovS7gd8nH/otcIuDGZKp2iOH2Tqpx0pTVRy1QqlSHjMmrUwh9cdoh8c5baFp
KtIHUbb41GbaaRkr2CKoaSK16acFssVyRuja8vNSAVwn2uuzDmDsZ9pbOfC7NDkN+uZLqKoEh+IoqjygUJ
cbebvY6VtrQsBQBGqxFwcbJYrYy0wtmZkCsLa4DBKY3HROHYm7HOb+3p2lst8LskphJrmYnHD7xNcLc
WCw0guPSHSAToQgE2SCpRskAkjDbfbo7LCZn/wAUtjszrRJgau8M5fJs4teo/EKkcIu0XkPixxS4WtFWYsm
RqaqFJYcSklTKHOe59JqSpA1JCdY0KUhVwNfj2mcC100VGnfX7ll33I2h5N9SF5eKYKVEEKSR1BFiPQg9
DjbAQRULXnVaaFdcezB9lLJ9pLl3ijWTxHy9w2o/CmBGqVVnVenuSWPd3UyVLcKkOI5aW0xlqUTfY+Fjj
B3ve77G9jWMxYq71k7tu9lpa5znUoq17bfZYyh2Wc60Wl5O4zZI41Q6pT1TJFSyygpj09wOlAYcu4vvlIC+o2
PTxxYuy2TWlrjNHgp1594ChvCyR2cjk34qph7H3ZLzd23e0VlrhlkeNHfzBmV9SEOSVlEaGyhJW9IeUASltt
CVKNgSbAAFSgMWbdbGWWEyv0CrWOzOtEvJtXf+avk0zFdiZ8y9wu7RuQeJnF3hpHS9X8lMU1UR5legq
LKXQ+4Q4SNA1IA1kJWWydtdZtM8FrpoqNO+v3ZrNPuFhBEb6kLy6cZU0SlaVIUk2UlQspJ6EEeBBxtrSD

Qha06rXYSglrDjqml2a15VtsKUuJde+z79k9H7b/Z54icTq1xfyjwmyrw1qEaDU5tegOPR0h9CVJcU4l1AQNS
0osQblQ3xr16X0+yTNhjjxEiupWdu662WiLlHOoivan+ygqXsupnDxE3PlEz7G4i0+VUoUqm09yI200yWAD3
3F6wsPpIItsPXEtz3u63F4czDhpv41UF63a2yhrmurVco0+GZ0xpq+nmrSgHyuQL/AI4zUrsLS7gsOwYnBvFel
XaO+TyZU7I9YiUviR2veDmS6zUYBqMOn1enPRH5bN1JCkJVIuQVpKb+YxpsW01okzZBXqJ9y2w7Pwt1
kI7AvM/k962NxBqKrU3OpouxfZg+ydpftLmnqdC44ZFyLnYzn40HKtShOSqnUo7LCHlym0odRdsalDpsW1b
4wF7XxNZJMLY6tprnTq0Wbu664rVHjc+hrpkqx7fnY6y/2LOK8bKdD4s5Q4svBl8VOTQGlNIo8pqQtlcR5K
nFkOgoJIuLeXji3dV4S2thfJHh4a596rXlYY7M4Bj6qv8AsycC5Haa7RuROHUSosUmVnqvQ6EzNeaLrcRch1
LYcUgEFQSVXIBBNuuLlttBs8D5wK4RVV7FDy0zYyaVXWXba9jbknsR5eztGq3aq4SVniBkqMHnMksxVx
6xNdUltaGEoU+Slam3ErHdPd3t44wFiv60WiRrRDzSaVqfcs5abliiY5/KZjqXCK27EgeHj542ha4uueAnseM7
dpbsIw+NOUa1Dqc+qZ2YyPAyoiCv3qVJdfZZD3vGvQhtPN1quiyUNqJNhjAWu/BBazZ5G80Cta56V09Sztn
ujlbOJGuzO5RT2m/s+4Hs3ONcTh29xKonEDNjMNMqtx6VTHYzNDLgSpplbi3Fa3VpJXpAGlGgn64Anum8
ZLY1z3Mwt3Z1r/BV7xscdmo1rqlVP2aOEdE458b6FlXMWeaBw1otWW6mVmWtpKoFLCGXHAp0BSdlKQ
EDvDdYxbt874ITLGzERuVaxQtmmEb3UBXbXbT9gbSOxN2dG+INe7S/DSams0V6s5WpiaY9GfzcG2m3Q
1DUp8halJdbIIB+unbfGAsm0M80oibDvFaE5epZqe5oY4y/lN3QvOZTffsN98bXqFgAV2Xl72NGcs5djrgPxW
oGYqfV5PHvNyMoUrL7cBxMiA8p2W2XnHtZSptKYbi1WSLJJN+6ca7Lf/J2qSB7MmAmtc8gPHRZll0B8L
ZA7NxRPtc/Y/1z2TVayJCrWd6RnRWeWJz7K4NMchCIIq2EkKC3F6tXPBFrW0nrfE1z3u624w5mHDTfXV
RXjYG2UNwurWq5GyrQFZpzTTKYhxLK6nMZhpcIuGy44lAUR421X+zGXmdgjc/gCVRhZjeGcV6uVz5Kd
VIHFd/h3C7SHDGVxJNEczBEy09SJEeZJhhwtJfIDy1IZLo0FwJUAb7G1sai3al9MTosuIP3LYDcUegearyerV
IfoFYlwJKUpkwX3IzwSdQC0LKFAHxF0nfG4RvbIwPGhzWuyRljiw7lY3Yy7KeYO292ocl8LMsrbYq2cJ4iC
U62pxqAylCnHpDiU7lDbSFrIBF7AXF8VLwtbbLA6Y7vWdynsdnM8ojCu72svsfs0+ynruSkVbNNMztRc7xp
S4lVp8ByIy0/HWlLkdQUtd1aVoWDfcahbunFC6L3+W4gW4SOncrtvu4WYAtNQVyAEb74zSxeJZ0b4UJpct
9BwuIJmJZbSR8cLVI4rfR64VMxIiUkCQvb84/rxUsp+ZZ1DwWQtH513WfFacoEeuLNSoMSAT6XwlUqwtF
zcC2FBQvU75PxlPMvCmnOcR8lcbOzPld6r1pin5py7xEe5dVhQIjwWmTDIcBCnUPPBJsgXQO8bG2n7QyN
kk5J7Hc0ZEaGvHJbJdTAyPE1wz1VJ/KKOLfC7jn7T7NGZOFWY1ZspcumQmqvU2p650F+pNpWlwRHVK
UCwloMJs2eWFhzT44yGzsUsdlpKKZ5cafxVK95WOlGA1yzVe+xNzVSsie1c4G1it1Kn0akwMxFyVNnSUR
48ZHukgaluLISkXIFyfEYsX40usTwBw8Uy6ngTivBe6/bw7YfDGH2eu09TOI/HTglU8l54y8tOTKJk+rcrM7j
nuimi3JXHfKpSlyA0kBKdOjUlwlBIxo1ks0zpWckw4geGWvxqtjmljDHYiKUXzEpau0nVbXpGq3S9t8dRBW
juIxGmi9uPk5/FqFlb2WHGnLVK4jcI8jZ/q2dUvUb8vpTBp5SIkDU47GU4hbiClDqQRsFgH8040XaONzra11
CRQadZW0XQ9os5Fc6lcP+3Xp+aD2taDOzfn3gzxCqs7K8fTN4ZxwxSorTcmQlLLiQ4v6e5Uom+6VI22xmd
nQ0QuDGkZ7+rqCx18n5xrqjRcxdm7g5T+PvHPLWTKrm/L+QafmOUYj+Ya65yqdSkltauY8q4sklITckC6xu
MZe2TmGF0jWlxG4LH2SNssoa51F7e9ubjtScs+xN4p8POOfF/s+ZoznUSyjJNN4VVNaTMcZMcse8Mocu6Q
6grcKkcsJA1XUE20SwQONuY6zMdQHPF6+jTTetptUzBA4TEdhXgbyru2HRRsMdFoFpgK91uwF2AIeXvk
9WasuyuKPDjJGYe1UpmpxqlmmcIUGFDSGE+7jUoKcfS0y8SU7Aug2snfQLwtxfeQkDSQw0oNcvvW5WO
z8lZg2uqY/lM/BViT7Nzst5poubcs5oovDu+TH5lIkCVHqchyCygvMOoJQW0qproIJ1ArSOoOJ9m5iLXIxwzc
K9VD96rXxHWztcDp8exeILqNbDluug/qxvDhkVrDTRwX1lZ+7YfDlFbyHLrnG3s3jgvFy65HzXRK5UIk2qT
5Zjj3fkK5pQlCbK1oUhRVYgC525KyzSHIMNepb66ZgGbhTrXlb7RbjTwnzb7ArK+X+GlZobNLRxqq9Qou
XkTWhUINJXUa2qOpUbVzW2+U41p1JFkrQD4Y2W6oJ23n88M8OZ7AsLb5YnWH5s5Vy7yvJQItjd1qdclg
N3wJCVNeznJZpfaFyBKkvNR48bM1LedddWEIaQmaypSlE7AAAkk7ADFO8BWzSAfVPgrV3vAtDK8V9L
6u3PwQ4w9tPi3kbiDn3Is7KuQ38r8Q8qzX67GMMSWGll0MOBelbjL0dpZbSSfp+m5xzQ2SZkQlaDnUafGt
VvXLxl5aSMqb150e1W7bFG7ZXsMch5gfzHRH845l4vVOuyKGmotLqFOhrlVoRw4wFFxCEMKjpBKQN0
+YvsFyWR0F5FjhkG69NB7Vhr0tLZbEH11PvXkLyu94Xxu61PEvoIr/tCeHfZT9iBwNzDl/NOU5vGqHkWl5
Ky+1HqLEmfQF1BEUTnltJWVsltmMVFSkiym0JP1iDzX5BJPbZG0NKuJ6hVb221MiszXVFaBcKfKjOJW
WeLPtK6fU8qZgoeZqW3kemxvfKVPamsBxMmaSguNqUnUApJIvfvDzxsuy7HNszsQpzvYFgNoHgztwnd7V
yZ7N6tQsr+0J4G1OpzIlPp1Oz7RZMqVJeSyzGaROaUpxa1EJSlIBJJIAAxlL2aTYpQPplULteBamE8QvTb24
PtwK1wu4/8XOFXCCk8J3KRnqgwKfVs+0lpM6rVWO7DKXGC+hZZUXI2ZZWZZUFSXI2djZ5i
cjotgvO9ORJZGBUjVeL6GAgAAAACwHpjeFqTnkmq9avZrcTeGvbN9ijxB7Jlc4m5U4V8RUV5VcokjMktM
Kn1Nv3piYgF1RAV9I262tKe+gFCwlQuMaZekc1lvBttaE3o6qH7ltdhlitFjNnLqHREe1Y4scM+yp7G/hH2R8
t8ScscVM90atprldn5ckpk0+mp5sqStPMQSm6nZSUISTrKEKWoJuAXXTHNaLwfbXMLW56938Ul4TRwW
QWdrqnReTaU6Tjct61Yuqvpi7FvamomT+w12Q5NM40dnvKtHyflent55ZrqUdVUEdURhvlRFB5JjPhQWF
cwWN0giwIPLLXA42iXmk1caUHSehdAs8rBCznDQb+heE/tbs7cPePeJ/tHeLOYeF1tLeOYeF1VmV3JlZrPvUoWoyJLsn31
9TLfvLjbjpK1tGRzdBUT3bW7unG+3JFKyxsbKKKEeFclqN7SMdaXGM1CsT2BfbGyj2GfaR5azmlVJtCum+8BtTby9GfaR5azbnqYmlZVqt
Nm5fnVJaCpum+8BtTby9O4bDjSEqVY6Sr8AsclostIxUg1opbltbIpqP35L0l7JWS+C3ge24oJPKU1Q5NQ5a20KUVPa0IaTyPLsTKUTnoyJKlkptndscHDzfEInk
mHtG8Ls65czrEn/ktQqDVMa5ZkznKUVPa0IaTywUkEuKKALDVp5bRbIYrIgt/h2dK2GNkNn
kfOXijl4K1upLr1cmz1thpc2Q5JUgHUEFayspv421Wv6Y6FDHhYGcAtLnkD3lw3r0t9hDxSyxw77E/bjV/Md
Boc7MHDwRqXHn1BmM7UXfcqsnlspWoFxd1oGlAJutPmMattFG42mAtFc/aFnblkaLPNiO72FeZqGSUJvc2
SMbYtbc/Nde+wz7XOU+w/7SPJWd88PuQcqrjzKNPnpQVppolNaESFpAJLaVhOq24Soq302xhb+sklospbEK

kEGiyty2tkU/zhoCvTnswcOeB/sue2nx17VVd7SXDXN+U83Rai9lmiUSstzqxPNQlomracbQtRccC20tt6LhQU
XFlABGNUmmntcEViZEat3+rs6VscccFnlktTn+l09q8H85ZgcznnGrVl1luO7WJ0ietlv6jKnnVOFA9AVWHw
x0Czx8nG1nAALSrTNykrnjem4NaTiVVyVks61Cw3w4BLWi91ey/7PGNQfk8b/Dt7itwxyNmDtMyIubDUs1
TvcorMMiG6mM2FKCluoaYbCinuhTqj0tfndrt5fefL4ScGVB0VHit8sVmbHY2sr6VD4FQr5UpwmZrHZn7M
+fKNmbL+Ysv0KLIyimRTHxJZnvKjtOc9l1BKFND3FxJ3vdQ8ji3stKWzyREZkV7j96p7QsrA2QHQ+K8aaL
ZqrRCSAEvtkk9B3hjdpc43dR8FqcJGMFfTl7Q7ixVOOMlpPCrj72R6TltzLr0CpM5ucj1OpOPLDgUY7rcgBC
eWoAC2ywTvfHKbPG1o+dY49WXsK6PJIDk1w718wgYDaEpF7IATv12FsdVacguaONXGq7n+Tj5/oXDD2
seRqxmSt0nL1IYpdYQ7NqUxuJGbUqEtKQpxwhIJNgLnc4wW0jXOsZDRXMLOXA5rbQcRpkuXe1/U41c7
WfFObDksTIczONZfYfZcDjbza576krSoXCkkEEEGxBBxk7uFLJGD9UeCx14uBtUlOJUt9mJXYGUvaOcCa
pVJsOm02n58o8mVLlvJZYjNploKlrWohKUgbkkgAYhvhpNikA4FS3U4C1MJ4r2H9tlWczcduC/Gt6g8deydL
4aSaUKhGo0dDL+cJSIrbLxYblIfIU8t5khNknuqCbY0i62sZNGXMdiqOrXq9q3K3SVhfhcNCvAFxq6j446Suf
4l7UeyQ9pRlv2d3sTo2ZXqjl6p1imcVr1HLiprJqr9LkPxmpDzDGoOa0NKWtCrWJbsTYk40S97FJaLxLGDUd
mQW63fao4rGHuOi5B9vd2a8j5J7VDvFjhbn3Luesh8Z3XK+BDrTU6ZSKg6A6+y8jWp1KHNfNbKwCkKW
2bFsXy+ztreYvk0rSCzo3e8LF33Z2h/LsNQelcGyEH3dwDqUKAt8DjZFhYyMQK9WflCHGDKnErsNdimn5d
zRl6vTqFlJxmpxqdUmZT1PWadSk6HkNqKm1akLFlgG6VDwONQ2djc21TEgj+JWyXy9pgjofigXlHy7LHhv
jbqLWw5e+fYy7cPC/slfJ6eHOd52YMrVPihwqp1bnZXy+auwag3WJcqoQ46lRQvmW5ctSjdOzZWoeBxzy3
WKSe83saDQn1UFVu1ktMcdka5xGntXNnym3jrl/jrkHsqyqTnCg5uqkXKU1VZcp9SZmOMSXG6aVc4NqU
ULUpKzZVjcK8jjKbLxOY+YOBGmvasZf0gc2Oh4+xeXXCt5uFxRy086tDTbVYhLWtarJQkSGySSegABN8
bNaqmF46D4LEWR3zzSV9XXFbtv8PMpdoV3MdY7QHZ8pnB9/Kj1NnREVppOaHagHHF62JbD4UlkNHZt
ALmu5TYkEcuZZpHDC1hJ6lvJmYMy4d6+UPik/R5nEvMbmXlyl5fcqstdLVJKlPqiF9ZYLhV3istFGoq3ve+9
8dSsoeIWiTWgr1rRLS5hlcY9F6XfJsMx8MOyUeM3aS4m5hosI8PqEql0lKkqmsCq1BxxIflKiR1uJU44UIYZT
YWJeWLixtrW0j5Jnx2WIa5+we1Zy5gxjHTOKvDtS8dezt7Sj2Heb8t8PcyViiZi4H1dyv0KDxFq0Fuv1JepyVI
S0oOkvNuMyZLaAnfW0hJGwJx9lgtNht7OUGTsjTShyV2aWG1WV2E6cV4hWubDfG+gLUluEC+3XCUTC
VslFxhKJtVsBpGH0SaoaVeX44EZIt9s85d7fWOK1lPzLOoeCt2k/Ou6z4rXQcT4lBiQ5RGFKMQWpRfCZFO
BWq46XB3kJXbpqSDhKJwkI0Kxo1DfCJcS0UzdJBAUD4EXBwpSh1DULMdlLeyUJTf9FIH6sCHPJ1KOCS
fTBSiiJoguKhzdSEKPmpIOFyQJSMgVu1HS0myUpRfwSkDBRNdIXHNbaN8LRNqgiOlsHShKb9dKQL/dg
whBe52pWQjfa4OFLUVorA4jdqTiFxd4O5P4fZmzTUa1kvICVJy7SJKGjHpIUnSeXZAVunbvKVilDd8EUrp
mNo52quSXjO+MRk5BZr3an4iZn7OtD4STs2VKTw2y3OVUqZl9SWhEhSVKdUp1FkBeol947qI+kVtgbYI
Wzm0NHOO/NNfb5XxCFxyCr4MYuUVTEt2YiGjqS22k+aUgYWiR8rnZEoxDIC9WlOs/nWF/vwUTC80od
EZytQwKPFwWEtYEpctw0D4C3rgTalZ93b0gctsAbgaRYHzwlEuN1a1WOSAoq0p1HqQNz9uFFEmI0pVAN
6tzhSUVWRHCVk6UJJ6kJFzhKJS8kUqsojpbTZKUp8bJAGBI55JzWq2QsWO/pbAlDiM1hDAQmwSlI8gAB
gQXkmpW/LtgTVhTQWmygCD4EXGBKHEaLVLGjYAJA6ACwGHA5ZpS8nVbcm/gMJokqgmIjqG29XX
VpF8JRLyriKVWFNalXO588ACSq10EHrh5onYlqmMlCiQlCSepCQCcR0TjKSKEoxDFvLCqMuRnuqVEX
QlRHQkA2+GFICaJCNCti2QbW3woASYkENlR8sKSguWRGCVFSUoSVdSEgE/bhtN5QXkihKBZ8t8IkxFZ
5dh8cCRY0Fs7YcEpKsDin2n+IPHPhtkzKGbs1VGv5Z4dxzDy3TpSWizR2ShCChqyAbFLbY7xOyRinDYLP
DI6WNtC7XxV2W8Z5GNjcchos5r7T3ELPvArLPDGsZrqU/h/kx9UqiUNxLYi011XM1Kb0oCrnmufWUfrnB
FYIGTOtDW846lNmvCeSIQvNQFBRHB8MXDkqOJFCE0FH6Jr/cDDVJyrqarZbQ1XwJgK0XFDgtYKHkRc
YDmnB5GdVlLFiNtsO0CStVhbAUCLCx8DvgrknBxCKMRtBBDTQI8QgbYbRP5V28rIQPHxw4hMxLRTK
SrVpTq/Stv9+G0T8ZpRa8hKVEhCAT1ISAT9uBKXuIoSscv/ABYEYlj3VKSSEpST1ISBf44KJxkJ1K0Wix6
YE4OWgaAXq0J1fpaRf78OqE7GaU3LKWQi5ShKb9bAC+ENEF5Oq1U3hEBy1SyhndKEJPmlIGCnBPL3H
UrKEA74KJCSsLjpJ1aUlQ6EpFx9uEICUPIFK5IpbCVqBUhKiOhKbkYSnBPDyBQFbaSRhybVbIR9+BJVG
JTbAo6rOm/hgRVZ0HD8IRiWrzV3VfHFSyfmGdQ8FZtTvnn9Z8VpyreGJ6BQYlkoPlhUgWhaIOGlqfVDl7b
YKJMS1U3bwwZp9VgtEYVLiC2Q1p69cFE1zlvy/TBRMxLdLJ8cKmkrbk6fDrgSYlnkbdMCTGgW98CMSH
LN9sLklxcUC0QMIgOWUsW8sCbjW6WQcCaXLfl7W2woTarAb0nzw7VKSjUN3NhhDRNJW/JGm2Eqm1
KxySBtgCKlAtKthTRAK2Q1brhKoJQLAJ8hhElUOUbjpYYcOCK8FksBXQYQoqscj44SqEEtD1wJcRQDQ
BwJKlZLIt0tgRVBSAoYUBFaLUseuH0SYqrIZNtuuEoEYkCwb4aUtVj3c4KpcSAjn1wlckYluhqxwJpK35Vu
uHABNqVty9QwUCMSwWrK9MLQJFnoLeGFQsFv0wxwTsSAaJO344CjEsrjXGEqmh62QxcAHAgvW3L0
7Ww4BMLigBhyStVty8NIQHblqW7eGGpalaFFlYE+q2CRh/Um4lotrvbdDho1Tw7JYLNsBS4kWpi56YKlK
CtVx9O46YClDlqWSMInYuK1Ldlbm2FojFwWdHrhKIxItbVsCcCtA0b4VOxLct7YCm1Wi2bYQJwciSg3Iwt
FLXegEnywoKMSyUbbYQhNqVgt+mES4lryvjgolqt0t2GBIXFbWsBt1woTVshGo74UjgkJRnL9cJhTKrRxv6
RXxxWsn5hnUPBWrUfnn9Z8Vjli/TFhV8SwWvtwJQ5a8m+BOxocmwwJMSLWyRgqpGvWQju9MCSqyhjA
mlyMSzbrvgTS9bhHph1E2q2Si2AtSLbSLevwwlCkqsFm3nhEArCWhfAlLlvyrDpgTcSyhg/DAkLluGQLYUI
qVktBWFATcSAZHSxwZoxcUamOEjbBRIXBZ5NxhCkxIFmwwZIxIBr0wIxocrbC0CTEgGb4XIIrvWyWhb
phDTem4uC2DVvAYRJVAtYRKHLQtDChLVZQ359cKUEhbFrfphqTEtVR/TBVLjQDF/LC1KMQWQ1thE
mJZ5e3TC0JSVKxoGFwpcXBYKNsFBvQDVZA9MBCQuW6WysYMKaZKIBojwthSEYwsKQQNxhtCnhw
WoQL4XNGJb8vbCGqas8q3XxwJKrcIPiMKOlMc7gtwwBhQgkrHJ3wqMYospj3wiQu4LYsm3hhapGneteRb

Y4ROJK0LGjcb4CAlDq5LC2jb/LbAKJQ6uRWpbsMIehLVaFJGCqULGkYROxIFO2ES4lqWsCXEi3Wbjf8
MKCU8Gq0DFj44diQslr0wyqValm3QYUFFUA1tvhChEuC+HUT6rQtb9MIE6qyGcGiKrIZ+7CnNJVDk93C
FGJaFm3nhKpcSylnC1KMS2DdzhSMklUY23fw2wlU0lGcoeuCpTalAM7nyOK1k/MM6h4Ke1n599OJ8Vr7u
D/yYsBQVKxyiPXC6parQoBPS2ESgoKQPTBRKCtSjywJVhDQTgSkrPLudsLRJVboAT4XwuFMJWD1wo6
UoK2QjWcLVBKNQzY3wmqaSty3+OGFNxIJYK1AAEk7ADqcCAUrOXJ4/wBATv7nX/NhuIJ9EBl2eOsGd
/c6/wCbC4gkoVuMuzkjaFN/udf82FBFU2hQGX55P9Yzv7mX/NhxI4owFbJy3P6+4Tj/AObr/mwzEOKaQUaj
LU9W3uE3+51/zYARxUZBW/5MTgD+wZv9zr/mwpLaJKFYGWp5/wBAzR/5uv8Amw3G1LQpPJpzsFzS80
605a+laCg287HDwWnRNqQaFYjU1+fq5DD72n63LbUu3xsMKSAlFTojU5enX3gzf7nX/NgxDinYCjEZenqV
YwZ39zr/AJsIXNqmYXBZfo0mE1rdjSWkXtqWypIv5XIwpIOiaahJy1fw/DABxTcRQbgLkOhDTa3Fq2CUp
KifsGB1AKlSAlKEZanAm8Gb/c6/5sM5QJS1y2GXJt/6xm/3Mv8AmwuJvFMwuKBy/N/7Rnf3Mv8AmwFw0
qnCN2qKlUp+Lp5zD7GrpzGlIv8AC4w5pBQ6rdVmNSJExslmPIeSDYlDSlgH4gYUkDVNAJzCyrLk9J/rKb/c
6/5sJjCeK8FgZcnXv7lN/udf82EL28UFrkPybnX/AKxmn/zdf82FxN4oDSthlqcNjCm/3Mv+bBjHFJhK3Tl2cP8
AQU0/+bL/AJsGNvFNLCdy3/J6cf8AQM3+51/zYXEOKTAUW9lyer/QM0W/8HX/ADYbygqntYdVqjLU/w
D7Rmgf2Ov+bAXjcnEHgi1QlMuKStJQtBsUqFik+RBwAVzUJcQlJy7NNj7lNI6g+7r/AJsGIBOAcs/k9Ot/W
M3+51/zYSo3lGByynL04/6Cm/3Ov+bC1HFKcS2GXp1/6xm/3M5/NhcQ4pmErb8np3/aM7+51/zYKjijCUPye
m/9ozv7mX/Ngq3igNNM1k5cm23hTf7nX/NgqOKaMXBJZEJyK7oebcaWBfStBSr7jhaodVZjUt6dfksPPXl
tldvjYbYRyVtVuvLk3oYM0f+bL/AJsJVqkwuRS8uzk/6BnH4Rl/zYMTeKUNctyfang39xm/3Ov+bCVbxTqFb
Ky1OA/rKb/c6/5sLiam0cksylyICNciPIjovbU62pCb+VyBhA5taJwY5J0pDoJSpKwPFJuMLRLmNVgN74XCj
GtuXthqTGtFRx1GBP5RauNEDYHAnNdxRfu11HbAlxIGOB4YEoKHJsOn4YEVCAZuNhgRVa8gfonAlqtV
sYEVK1DJJwIxIxEcDrhdybVGaBawwiSqxyjgS4gjOXsPhiGyV+Ts6h4KS1P+ff1nxWoZxPSmqixLPJ2wBJiR
RYF74UlOBWFMjy+7C4k5aljywmSXFxWUx/A9ThMkhcdyMSwALDCJuLihybYeKIqsFq/kcFQkqspaO2Gl
LiCNSgJwBMLLslBXgKZjopt2bmf/ALxPD+//AHT0r+Os4gtI+ZdXgfBWLG+s7V9nLbKCCSlJuo+HrjkS6vR
Z5CP0E/cMIloh7uj9FP3DAiiHu6P0U/cMFUUQ93R+in7hgqiiHu6P0U/cMFUUQ93R+in7hgRRD3dH6KfuG
CqKL5x/lVbY/wCacU7a39QtM/jM7HQ9lh+Rn7R9i59tQaWsdQ9q6C+R6sgyu0DcA3FA8P8AZDFDa7/dftex
XtkjXlez2r225CP0E/cMaXVbnRD3dH6KfuGCqKLzj+VJthHst5f1XUoP3Gn5GkAf1XUoP3/Ap3buiNh2Z+m9hWA2j+hnr9hXz
ecvHR1zetF6h/JVezAnip25cwcRJsVTlP4YUNXuzhRdCahOKmW9z4hhEkj4g41ZnCd1MLFfdzdsqTNdAjZo+FzHmkRrsfMu11HbKnR
Ocyn9Ees/BX0OBhA/MT9wxz+q32FBVtR/JVVxLFMqaDLYDjOoUB3bQNhzdgdSbr/DoXrgdVAmLXdF3mCI+sJzyA+Vgjc+wWMxZuMqnWZ
va1wGrHnqOY9aoWi67LMKPYOzJeH/tavk+GdPZ/UudnvJM2Xn7hTHOuVJW0lNVy8kkAGUhACXGd7c9s
AD89CBZR3S6r/ZaiIpea/1Hq9y029bhks4MkObfWPj4ovO3k2PhjYslrhDkCyD0wVSGEZopTR8cIQlxBaKQU
nphtE4ELFjfpgS1QCb4XJLVZDZOFwoqUC3bxw1GJbrb1HAnh3FBLW+FokLsLsGb4UJkieVhexLiWyGenU4V
EokqFu2yOWm9+gxDYz8wqFRl8WW1aKRY9GenU4V8
golxLZLY+JwuFRl5W3KPhgolxLBSR1GEojEsFrVhexLiWyGenU4VIXI9Ma3Ub4TDxUREdy3Ddh0wuSbQ
a9nBsDtD5AJ6/lPSv46ziC1fmXdR8FasP59q+zFr6p+J/Xjj666FtgQhgQhgQhgQhgQhgQhgQhgQvnL+VSNa/aa04/
8AiLTP4zOx0PZX6GftVK4/8AqKB//sMUdrxTkv2vYshsc6vK/s+1e2eNKW7oYE
Lzm+VFtc32Xkgf+NtI/v3cbDsz9t7Ctd2mdhsRPT7CvnB90INhvfHSCKLmBlJX0n/Jo+zI3SMrpw/9rF9xmp8KSrP
FCov5jkKWmzgjX93iJ/e8prmD/Xj545rtJaeVM+4DC4kYZp1PZqraXbHiBSNmIdEbBbZ+MgZHWh6kaMMxhBJ4Rx
ka6xwC/1mvfrp+N12Q0l/Z9q0XbM0MP7XsVufJJ06exJxG/29r/9nQ8U9rPpPLPs+0q7sefyV32vYF6s41ZbahgQ
hgQhgQhgQhgQhgQhgQvko9qbE1+0a7QJPQ56rn8x+RRfZHguN3q+l4Pivvqu4HiBrKf+w0L+Lt45
VP8AnHdZ8V16z/mm9Q8FKcRKZDAhDAhDAhDAhDAhfNb8pdav7nMhHX8naP/AC8dK2Y+gX7iuMbZ/QI
WH8tPUPALoL5IqjRXtd9jGDHWsLgsX4J9SIf50MbZqH+JlXgMSaveMI5/ZeNGjo9uqDDdRw2VfAPzIVTwr9mu6MUhEXYptvQ8PcwFr3s5rDIzeJxv6auqA8IkSb
RxKWcAZHrYgI6IKvMzlFWaBY8MrDxZfu7mFSXhWfgC6YuqyDSuAtZ52XtHiVsUfq4mr1i59MNsy6k8k
HMjsS4kptTLzLyA428hQIUIBS1D/+5Anx9VxjQxGtBN1pcxXzlVwbtKXmRuBmNaV2zcTKaVf4ROZaF0D4hkdGoBWqCxpDwk3gvS/o/Jnsh7tqoKvbgk2XbOffS5Wma6A6hvG
RA1KuVclSklNzflutgklJOO3HeJc9Ru9Nyiw1wjSVlmUVVnapkRVuuHVu1E1sNZknDhsmIbJzbG1sJWUGhXHLJzBJ6eiDM7fP2
UQSyFdcFEA9KwqPc4MJRjpvWwYA9ThUhkqtFtAnywhCXOAHGtaYXWXcdSIOQ37pSXQWA4aMoY0Sb0eu1G03SY28JhT6
MXALdLISNhh2GqaXrblD/IYdhTMRWiEfRJ28BipZQ0QZ1DwV21kG0/Hg2d/2j4rBAxYoFXIC15ere2CtdEB1As
FF8JhSVWimw4d+uDMJQ4hZTFvP44WiXXlFsmOlPkTgMgMYRiWx5DCppNdfgBXXCJMwtfdLn0wqUPRr
cYJHS2BBNQs8s4FEOhZ5e++BPBIzKmnZwZ/8AvDZA6/8APSzivaRLl7/NrDG5P7T9/qRyVi4MjJHvXX3t5OXOdeSyTkr1i8HIL6nGKtIQqTdmgCkXPSAfS9cwnp1eV1cHmI9CYB/9BKgYkUCpTTHXl/a1GWp2YnvbjFPlhOscgnQTf0POxjTb2EQxsFwcwzRrHGmf5OWtFugXVqAEy+oPsiDjyaPnDJLP+R9i5DaSGBzqnZ4bfx+eLhJmaSrqr46yNjJhYwpEUGc/J6bN+ZVWVzfjYjBNYfIEdKsZfdOhqFN+Xt6t4QGbAoBBhdMgsHaRBfjwLWwqPVDvFzrBAbAjRTPnxSmM6rPMRumiUTVmwlFuKbMGC3nfwJcwHUSBNSbAAupJDZdnEaWgClZ4Rd/BlBSmnbMmfPtTvWGR7dvMVhHRnfi5

mbE3eaL7BuGHD2m8JeHFBytRmRGpGW6fHpcFof52ww2lpA/3KRjjkkhkeXu1Oa7hFG2NgjboBTuT7hikQ
wIQwIXih8rzQF1ngHcXszXv10/G77H6S/s+1c/24JBh/a9itz5JmAnsT8Rbf93S//Z0PFPa76Uz7PtKvbFn8kf8Aa
9gXqnjVFuSGBCGBCGBCGBCGBCGBCGBC+TP2pCf/AOYnx/8A9vNb/jLmOtXX9Ci+yPBcVvb/AFjL9s+
K+qTgj/1G8p/7DQ/4u3jlU/5x3WfFdks35pvUPBSjESmQwIXNHaG9sB2d+ypxdqeRM+8Q26BmqjpZXLhKo
8+Ryg80l1s62mVIN0LSdlG1998ZOzXPbLRGJYWVB6R71iLXfths0phmfRw6D18FCv8Angfsjf8AfcY/9X6p/
wDLYn/F68P1frHvVb8aLs/Weo+5D/ngfsjf99xj/wBX6p/8tg/F68P1frHvR+NF2frPUcsf88Edkb/AL7jH/q/VP8
A5bB+L14fq/WPel/Gi7P1nqd7l4ke3D7SeSO157QGt524e1tOYssTKNTYrU1MV6OFutNKS4nQ8hC+6Ta5T
Y+F8bvcVlls9lEcooan4yXP9orfDaLWZIHVFBxG4cV178kjaDfGPjXbxotJ/jErGH2u9CPrPgFndiXVdL2L3Hx
oy6EhgQql7ZXba4f9gzhdDzjxIqU2l0KdUm6S09FgPTVmQ4244lJQ0CoApaXva23ri3Y7FLapOThFTSqp263
w2SPlJzQVouc8s/KM+ydmOtswl5/qdNDxsJE/Lk9iOg+GpfKOkep287YyL9nLe0VwV7QsWzae7nGmP1Fdlc
OuJWXuLuTYGYsrVulZioVUb5sSoU6UiTkJ6XQtBKTY3B32IIO+MNJG+NxY8UI3FZyKVkjQ+M1B3hP
mGKRDAhcC/KRezG49+zLW0MtqrHDOUxmeG5p7Zw7DDi/KQrykyA+ALDq1EeJbT5YzuztpMVsa3c3c7L3LA7
R2XlbG4jVufv8AjoXzQOx7Ejyx0unSuXBxqilM79MCeHA6rPu10jwwIxHcsFm2xtfAgv6Fjlb4EYhRDlX64E
oc3etOXgTs1sGftwVQSksHywJheFnlW8MCaXlAo9LYEB5WNAwIxrVpH0KP3o/ViCyH5hnUPAKxa3/AJ
Q/7R8Sgpm/hidw4KPlAdVryrDDSE6oQ921ddsKEhPBZ5A8sKm13rBaIOBIDnkgG98FU49K2DODNNxgaL
YN+WCiXGKLIaOBJjyWSLYEmJZCdRwo6U0ngt+T9n8uAFIanVTTs4tf/eGyD/tmpf8AHWcQWqphd1HwU
9iNLQ3rX2RNfVPxP68cdK7SFtgQsK2SfhgQvmq9o/7TbtC8NO37xmy/rFxmy/l/jE3c7UJfHXLXk+VyvVwNY
G0JtskDYDHS7tuqaqySWWWNN74wSQNy9D1TLD/8A5wf5sXvwn/LJb+/4t0bsOSgYeOL6gkgvm0UiPx/8wc/8
v1Q7ljhtBbt8h7z719HsreINc4rezt7VJoDHT8Wc2GFCi5kOdsQe13T3QQ60HTn4nLC2Bbd+a+5fHDH5W
65HSWWN7jUkLoDFBZBDAhfO78qObDb1e0sp3+0em/xmbjo2nyn0I/5x3WfFdxs/5pvUPBSjESmQwIK+af5Q60T7W7i
Yf/AAWj/wDsyNjp+zf+r2dviVyDas0vOTs/dC5xXkc/eiVx0s8UBkiIs5MRd7ZmUHd8hkbXt1dqvKfFWSRctfrMqSpQ4x3vO93I8Ztp0ZtKaGZmw76ZjLzPpjrPBYj5vzkkzv7MN7zkE/u94xMHGIVtYw8mV6SsO9bnljXYx3oo7CJbIbkp0ynB
bJ3TjVNqbG10AtAHOb4bH71umx14PFoNmccnadY+5e/uNAXS0MCFXXa8yBVKxH7RE4+L7/FixMLJ2OG4jxVW2sc7d
VJAciOpuQCCbXvsfDFixvLJ2OG4jxVW2sx2d7DvB8F8eEdGuM2Te5Qkn7hjsQAXFXmjjRb+729MFAm4i
UCx63wUCbjWq4/phC3gpBJxRSmbDrhE8Pqshm2BJXNZDF/DChqDJwW6Y/kBhQFG56yWRbphSElUWU
Xw1PDis8k28cJh4pTIs8nC4UmNESNXYbv+iP1Ygsh+YZ9keAVq20+USfaPiVtyrHpiegVahWeVc9MIgOIW
UwyrxthcKOWWDFKfC+CnBLytUPdz+icJmkxocgDDkGQlDkYMkVK2S0U+mF0TSaoJZv44KVTgSsq3rh
NE3NZDZVtbCFOxusPn/qNNimvZzjBPaEyD4kZmpf8dZxavDZLB+yi+3HbV1sPTW+yTTP4EAMxYMWEqJTNTP1eGSslq3V2
ALbAhYX9Q/DAhfJ37Vq+tK+PB8881i8yPBcVvb/AFjL9s+K+qTgj/1G8p/7DQ/4u3jlU/5x3WfFdks35pvUPB
+BY/8AFCF/enHJb4+my9ZXbrl+hR9S6YxjVlEMCF88Pyopsr9pTTv9pFN/jM3HRtPfN9Hn1dFsR/jM3HRtPoR+0fALlW2ZV
/fJHEaJHHr4UH/AOPxQ2x0i/a9iyewn++/Z/6l7QY0hdCQwIXnj8pxQ9ZPZwJVtqSTm6Q+++f/x/dxsWy/wBO7CtX2u+g
HrHtTX8mJ7NZ4R9g2bneXGDNR4n1l2e2u1lKgxrxo4PoVpkLHo4Dh+1Fq5S18mNGCnacz7FHsfY+SsXKn
V5r2DIeuq9Isa0tsQBvgQhgQhgQvF35W1L1gRf/Sa7+uBjd9j9ej7dj9Xg9j9j9Jf2faue7delARVZ5YA6Y
RAot2mgVjujrhCUq+T2SIt7M3gX/ALS6/b6/8AjHJr7+uy9ZXbrl+hR9S6YxjVlEMCF88PyoqKtaJjFmb2YmfT0D72ZaZXGtRHV+icKCnNaSFiTDWqE/t0aX/AHp
wDcFFH/AO/nY6Fsmfbt/p/7uq22j2vSPlX+2i2b2b8QlhsdK/nsVNNUfbyt5Y2ZE4+cJKBBxeSBWqE/t0aX/AHp
whentYa1X2AcFBbg9lX/YeH/AIxxyf847rP8Ac7rPiu2b83iZQhD9rlYvewVbwtV1JT/a6sVT/Zbqql87sjE/OOZQiJpxvKqyUNi1ZqbZmgkCk4eb3/cuNyiQRmRwqPIE/kb88Vv+hdw7jjYnzlN7rjf1Bm7ig0F8pRnxHbQmAqs9fqYs6c8d/2sO2K6L0xv+1iQe/6EozuoWfPr7t1o6FPqL8gFOiXWwG3lxXgdQ+/r1xOT/8A6bqmx
Tv+UPFo7/8A53E/+Uwn412zg3uZvR+JNg+s/vHuXhj2zzeygzPaSamzkTQkiDkkmPKt9Gvbe7ZPH8Bf8bDYqSBk9a4fcnF9r/9Bl6H0h45E7iOsXnPNrB2ICPvMvHWpbDvdkDCdTy6e9H6YJ8g
BUUoFyAATfYY3uzymSFkh1ALdCAD6A3a5wOnCZShB85E5CC/SzRA5rRPR0yE5VfxvWZpDxAtNtRvjNX7
Q8SvbfGjroyGBC81PlTqfs7fYnT1bGbSkyZGbZQbSs+yp5RWZcalJYbqi+sKjcpqzH5jYhkkSZkyZfxKEXGMCFHcBpO3Z
mFmmKy6aVkChzps5/ohK5SLjLZNvrK5ngjNzZpR8Ma5tPOGWk0wWbkzbN5fB4ZmwyBl8EsByvj5ZePOuJ0g5nXR
5XVEMCFCe0pXGcs9nrjjmF1YSRTKHVWkKsuJvUlM8UKUWtDuUZBbPFd6ZFpQaNDYY/8OWQxgNiXCqkRBuoOAP
0j/gjHYguGySVcVks+hwuSaHIFoeRwoACWpWOQFDYYMSOtamKb+BOEJSmu5eECFXFE3/
Jh4QXcFulgeOFTMXFbCnphfuJOCUfaU4hsuJCnORJOBCL93SD9UWJKncmCpnKlJ4A4Me7s2b/MH6sV7J+YZ1DwCtW3/AF+YYZ

1DwCuW95+UyfaPiUaI6fLFhVMZWQ2B4YEmMraw8hgSVKFhgoipQsPLAipWNAwJcSwpr0F8JRK15qgG
QrywqdjWeT5C2BIZFslrz6YEnKV0W3LT4C2BJi4rYNkDAmVUy7Oif/vB5C/2zUv+Os4r2r8y/qPgrlgP5Qzr
X2HtfVPxP68cbK7qFtgQsL+ofhgQvlD9qewXPaU8d/XPFT/hzjrl0/QovsjwXEb9I+Xy/aPiVQ7MAh1HxGMgs
VvX1Qex2Tp9l/wNHllCF/enHJb5+my9ZXbrk+gxdS6VxjVlUMCF89Xyn5sL9pLT/wDaRTf4zNx0bZX6CftH
wC5Ttmfy8fZHiVffySdGmTx5+FC/+PxjtsK/NftexZTYU5z/ALPtXs1jSl0JDAhcD/KNck1HiV7P6Bl2jtF+r17
PFCpsFsC5cfefW02P90oYz+zcjY7WXu0DSVrW1UbpLGI26lwA9a7J4A8IafwB4I5SyRSkNop2U6RFpLGhN
gpLLSW9XxUUlRPmTjDWiYyyuldqSSs9ZYBDE2JujQB3KXLOlPW2IVOuffZ2dpV3tY8Pc95wRKMqkuZ8
rNNo6r933GI6iMyR6LDZc+LhxkLxswge2OmeEE9ZzWLuq1m0MfLXLEadQyC6Dxj1lEMCF40fKyYnvVW
4F7X0tVz9cDG67IHKX9n2rnu3WsP7XsXjuaOVdE43MuC0EMKApB8tvPCVCTAUaxSCVi3n5YKpQw1X1
KeyZRy/ZpcDU+WTKd/AjHKb3+my/aK7VcZrd8J/mhdDYxyyyGBC8G/lQlPTL7eWUCSR/ULGG39nTcb9s
s6lld9r2Bcz2zZW2t+yPErzcNHSgd0X9cbMDVafybQgIGnwsMI4p9KarSoxdNNkadvoV/3pw0HNOeObRfXJ
wY24RZW/2Ih/wCMcjm/OHrK7jZ/zTeoeCk2IlMhgQhgQhgQhgQsK6faMCCvk+7ZcYK7X/Fja986Vr+Pv46z
Yj+Tx/ZHgFxG8G1tcn2neJXot8lQZ5PGLjN5fM1J/jErGubVn5uPrPsW2bFNpLL1DxK9rMaSuhIYELnL2nns
943tKOAFNyHKzVJyg3Tq4xWxNZp6ZqnC0y+1y9CloAB5173/N6b4yV13ibFMZQ3FUU1pwWIvm6heEAh
LsNDXSvH3rhWjfJNMss1VldR42ZilQkq+mZjZdjx3Vp8krU6sJPqUH4Yzztrnkc2IV6ytbZsPGDV0pI6h716M
di7sN8POwTwnGUeHtJXDiPO+8zpslznzqo/p08592w1K0iwAASkbJSBjW7bbprVJykxz9Q6ltt33dBY4uShGX
rPWrfxTV5DAhcg+3X49NcBPZicSnucluoZsiJytBSbfSuTVcpwAHrpY5y9r7IvjMXFZ+VtrBuGfd99FgtpLUI
LvkP1ub3/dVfMa9DCwdrDwx1BcbAGqTKjHApWUWRE1dcCK1NFn3QAdMIEjulD3cfDCqPlNy1U0BthQg
Z5rQN6T0vhwCcDuQS1qVhKhNpmt+WAOnXADVDhTRFrb04clA3osow2qcB0rGgYMSKHik8ZH7EaN/zE
/qxDZPzDOoeCs276TJ9p3iVtiwqiGBCGBCGBCGBCylJJ2GBIUchsk3wJK0RqY4+3AkDqFBUXfywIcUDF
A6fjhKoAKAieOCoS9a2919cFUYeCmnZ1jaeP8AkO//AHS0v+Os4htX5l/UfBWLAfylnWvsEa+qfif1440u9Lb
AhYX9Q/DAhfKf7Udq3tJuOyv/AB4qf8Mcdbuj6FF9keC4hfv0+b7R8VRTX7Yn4jGRWJFV9Sfse/8A+mJwO/
2owv7045LfH02XrK7fcX0CLqC6TxjVlkMCF8+fynJjm+0igHyyTTf4zNx0XZY/kRH84+AXKNs/9YD7I8Sr6
+SaM8p/jt6ihf8Ax+MdtefzX7XsWV2EH54/Z9q9ksaWuhIYEKFcYeC8DjJNygqo6VMZUzFGzE22pNw49Hb
eDXwKXHELB80DE0M7o8WHeKd6rWizNlLMX6JB7q0U1AsAPLEKsqgvaf8AaT/zJ/YU4jZxYeS1VY9KX
BpPesozpJEdgjz0rcC/gg4yF1WX5RamRHSufUMysXfVs+TWKSUa0oOs5BUB8myZ939mfARcq05mqwuep
+mTjI7T/Tj1BYnY4Uu4dbl35jXltSGBC8eflVUX3mr8D9r2arf64ONy2TOUvZ7VoO27amH9r2LyORSweoH3
Y28laOI+COTR0KO6LnCVITuS4o1uip1CwtbywZpTHkvpt9lW3yvZw8E0/o5Pp4/4kY5fe30yX7RXX7kH5B
D9kK/8Y9ZRDAheFPynBgu9uzKNhf8AqHjfx6bje9lyPkrq/W9gXN9sB+WN+z7SvOlMAi3dxsoctUDeK2ME
keGEKkLeCJn09KoEjYX5S/704RpzCSmRC+svg2LcJcsDypMT+ARjks35x3WV2uD823qqKuI1KhgQi1y2m1
lKnEBQ8CoA4KJKrHvzP+mt/wC7GFolqh78z/prf+7GEokqFgzWlWAcbJJA+sPPBRFQvlV7YkO/a54qqFiDn
KskH4z38dWsZ/J4/sjwXHbx+sjwXGbaz8qk+07xK9D/AJLG3y+L+L3GGpz4z7zTWZ/ZyWesKybJSsDnvSR5
BCGBCGBCGBCGBCwSEi5wIXgX8o57XXtVbC8VueqzLP6O+0fqUbmzIgMt8xC+FSqZ59uTNZTvtrrTodSD0Ijo+juPz1vDw
x0DZq7zDFy79XadX3+5cz2rvEWmcWZmbWa/a/+7TvXmm5BKPG+NnxLS3ChRoXuqKDZhm1Xnq8+6BmEafUUKmKfVoqnB
Wtk3wIzeVoqPY/HASEYRWiHu+odNsCkFAFouKEnxwVUZIC15KsCjOImqwtJ6HDwihWimrp88ISnACua
LEe588NTiaIe7YE7Gk0WATDZI8W0n8BiKx/mGdQ8Ap7cfymT7TvEoGIoYsqrVaiOonpgRiWwikdcCTGFn
3a3UHAjEFumISPq4EqMEYjAm0K35NsCXCjUt6vIYEw6rZUfp44EhNVsGr+WEoFIHBBe7i3hgw8ElQspZ
HgcAFEBw3KYdnlg/5oDIf+2Wl/wAdZxDavzL+o+CtWF35rp6p+J/XjjS7ytsCED0OBBXyq+1FbKva
Q8dPXO9T/hjjrV0fQ4vsjwXH7xYnjV4Bv4ZqbWU7kkJryIcvJESpUF+9RnFa2l3PqBmD1+hipYyY5VF1WP0Qq35u
Frih//HYobXH812+xZXYYU5b9n2r2Gxpa6AhgQhgQhgQvJT5T3x8oMcvFr7HQJ1iMP7Uh0Pkb9yx+ehcQ3E6LVe+Ptjmo
ZaqhEzpQkfyMtNR5pshCcMRfIVlsDi7wWv0HJ2HvKuf5wgJf/fOwiyI2bODKaSKH//2n/m74HXY6p+vB/vE9F4/LLSWfr
WjEUnirhdFeK+NG0hJrWyzqBNhXozZ+Mj9pbWWaHJX6BNzmbuYsghkjkf2FyJXkLXOZMJNq/ZPnG6gM2drNjPu6wr
JhM46jHSNK23CIGjYPbu5OB2Wqy8o6WdiFJlkgx+F8pp6NWGk6c/tw9q8x7GdFXwIV/W+gHHlMrKa7KQYUmFF
6vBAPqFyo5TVF0hDX8O5uw9z5UTHw6d/lU+ERP7NHfqWX8fCXLq1kj9PN5IU8m5M5IWUJ/mDzEjiUnJQu5DGJ
XYCQ5g+OUjaVkldiv1OgHt8aZ/9G7aw5cCJWX2aQuUNkmQNMVVFGRTkCXzHQPmtwW4/EGk7Wtx+EyLg
gEjSYIT0pkOJTzx60mjxDDh3XHs99x8AuKEdNzVjUapOBjMszBzDTqtHdwEN0cEHaVbwJKCp/Bh6sD5eEVNGD
EbZCk9Xp38aAKSjTq2GU6hgLKfKEdbbJNJ9SxlBYMIpw3j9VcuIsFKoCCAEwA6xh8BC7R8+8PSgu6HS3Ba/W4
DbrWkdZjdjmEMvB97QHXpLWP3+ov3WjCn5WLBHRV7GFSRtEtX7ysqzz5sPLdk+eUGbEeb7Ak4Z2XgTvsK8
ZSIaESpW10x/wAjxR1KpLKBpU9D6Lpau2GaKYJGR4rdpaptddnLU1nzM7sRWbzcwFVx+DKpw2DGpPljsPBn
pFwvqfx8b8I+QxNAkmsXtNuGrGkP7ctt0w6yLRzLFm1WqWX4FDB+9SJDaYw6oc3GbWz1UtqBMDXBW
5vNTkNm0NTxF8OX4p7LKpU5HvLG8hNvRTBftM98/xLfkUJ2vMi9wfqOkD/7jZ8zoltJt6TDCZf3ZRTG2p4ai
mMEDK7b71vdpyuDdnS+xB7hkNOu2jU0s6YG3i2+gttpJxTSt8bP8+HBPeTDU1HaMyhvP6XtMtLBHvdAt7N
jsF+zhLD3tf/AK0MHsWKkZ/mxWIdfVD2SCObUnmYjpb9c1y5D/ABHfg93/AFtPevIvYAAAAAXGXRhIrSSG8l
7H8UB2r+fkVQKPrgZQCTGVu4pbI7Prc1EgkjVi0VIZqy/RgmbmKtVQAjk6NubD/ME13jgyDS1M0x82TQ1ud
bllqQOgqzfsbK5FqKNM/kIZ9G5xZjxlYuT51Oo5JCzOCyoXlXqLcr5PhwWSIjP1Z2zaZ6pLwVt2u0yTlFt6lX
WPlb3ViQX6Qq2cgqoSWXyZvlS5w8rOfNYVR45OemTwcn4Nd9qaXOvTOj7QwOaeGSIzTDyBP6l7yCKCBW
0xmiclEAxxV8WVnmRdIZmk6YhzlWwWuNEPlDlJGHZWAPkgq6GpKbZPKmmUrqIvz+ZqFoKOdGsNgFH1FA
Db/8S0z+OM4htX5l/UfBWbETy7OseK+upr6p+J/XjjS7ytsCEF0mlji+J/jjF+aKDA+W72nnJXz+YeZM
Cl0Aitzk0vjIOO5B0E22npUIm7iZoRs6i4S4r0TO/Kq7y7AZ3j4+JnMWTCfjSnNjVH2DlOa/T4YYKcHnaN8UPQ
Q1ZN9iQmo9Kt8kd8iZnDRMlWqAOf6BTSPYXn/S4iWvvhjaI4N5xQ6avFjOdpzwemitXxWQ2WDx4uCBEM4
m8XRDxbPZ1vgFQ6xS82D7E/5fRFAo7m0FZmZmYtWNBWP5ZXWrh2+Gd8oMc2+9cSm0E42zK+zZ5kvUSRp/v
KZfrjc8Ib0v1fX0C+WCjKAs2YdkDS+RiWKGXgt5fRFaWWyFdELq9ykYqYlEI+BsbMDRPRddoAeNmtnSKK9ylZ
Db/8S0z+OM4htX5l/UfBWbETy7OseK+upr6p+J/XjjS74FtgQgehwgvzX/AK2HVr41Ga+W66vsd0Wq/F9OA4ht
Y2AJbLRSZL3ghGlkSmtL2VxBA3wS62yMsvIHNKqlmr0Ibmw/QlcY4+r1LNgWhXoxNbmbalzMFi/Dk+a6qLJE
Db/8S0z+OM4htX5l/UfBWbETy7OseK+upr6p+J/XjjS74FtgQgehwgIK+W7KnBbhI0ekmw4qJVKGaq+kODV
HSGY7pmYlJEiAbbzMM1kNZ5l0yYaQwFtk2eGhIn/TaeOTULtMqq0Tpl9TKTYMt8QnCIPOsyzkO9e9Cbu0
Yo+fcb27jcrkr/KbR4xtbgjDQ/NkMQmaW6lOhyGNJSDBW+1TcRbaP5IkAfRiCOGY3dJ7zjHN/zHRBIxtV0
Db/8S0z+OM4htX5l/UfBWbETy7OseK+upr6p+J/XjjS74FtgQgehwgvz3eqIq7O8ZnG9PF+oYW4bs4hfaTWN
xB3phZQfAyu8DkmkZjmRoUqPvLDzwFOJnHpbvEfPrX4rRiJEqUQFHXb92gVl4hNuEq6C7qZoYfkuzV8GvM
Db/8S0z+OM4htX5l/UfBWbETy7OseK+upr6p+J/XjjS74FtgQgehwgfT2qGPMbOTMXBEKGUZwHXydMq4r4IqK

yFxO+4626Y/ziqWi0oJUnujqPDFtzqqhHEvpu9ka3yvZpcE0+WUoQ/4Jxy6+PpsvWV2W4h/m+H7IXRmMass
hgQvBL5SY0Ve0RgkC/wDUZTh/+4mY3/Zk/kdP5x8AuZbWj8uB/mjxKvT5LA2W3uN9xa4on/x2KO1h/Ndvs
WS2KFOW/Z9q9ecact7QwIQwIWFGw/DAhfNj7VXtEJ7TXb14hZiYeMmlQJ/zFSyk3R7rDuyFJ9FuB1z/AM
pjpt0WfkLIxh1OZ6yuTX3aeXtr3jStB1DJesfydgk+zlhm1v6par/DJxqO0n0w9QW67LfQR1ld2YwC2RDAheR/
yoRkvVbgrYkAN1np8YWNu2WNBL2e1aTteKmL9r2LyhjMrUpSdV7Hf0xtbuK0xrao5DSi7pPUC/TDa5VTw
3NHojnWnbADkpC2uS+kn2X40+zy4MjyyjA/ghjm96fS5OsrqN0CljiH80K+MUFkUMCF4j/KSUFfbdyrZJP9
RUff/wA9mY3XZs/kzvtewLQtqfpTfs+0rz1LJBtp3xsYWsFvFbe7q/QGCqMKLnML9xfsB+1L8P3JwookLcqL
6ouEItwqy1/sVE/gEY5VN+cd1ldhh/Nt6gpFiNSIYELyA9qv7KTjr2nO3XnHO2Ssnw6tlurMU9EWU5WocZT
hahstL7jjgULLQobje1+mNuuq9bLDZWxyOoRXceK0u97ntU9rdLE2oNN44Lnf/mFPaf8A+97T/wD1kp3+Fxk
Pw5Yvr+o+5Y78X7d9T1hYHsKu0+D/ANTyB/6y07/C4UX7Yvr+opv4v2+voesLCvYVdqAj/qeQP/WWnf4X
Cm/bFuf6inG4LcR6HrC5+7S3Zjzv2ROI6Mp5+orVHrq4TdQEduazLHJcUtKFa2lKTuW1bXuLeuL9mtUc7O
UiNRpwWJtVklsz+TlFDrxXoD8mIcK+LXF66dP9KKX9v08nGv7TH5uPrPsWzbK/nJOoeJXsTjUFuqGBC5T
9tDxszX2e+wNmTNGS67Oy5X4dQPrTM6Jo5raXJjaFga0qHeSSDt44ytzQxy2prJBUZ+Cw9+zyQ2N0kRoajx
Xi9/zXPtJqH/VlzeP7WL/gcbkbpsf6sev3rRTfVu/Wn1e5EVX2q/aQrkIsOcac6pQVBV2H2Y69v3TbaVW9L2Pj
hRdVjGfJhI697cR+dKp3ihxdzlxpmJkZwzXmXNbzZuhVXqj83ln9yHFEJ+wDF2KGKMUY0DqFFQnmllPzri
es1UVMQ3/nxKSoMOa2EIkb2wieWotyANJ2vgCjLUQuGlPhviUZJA3JEOQ0g9N8LiUWGhoil0xBFyBf8cN
Dk/k8s0Q9StR7p+/DwonNqckndp5b9cOCjeKJOqERvY4dVQiLetRTweowF/BSgUWioDaOm2FBKrvAqsCN
bwwqGsqtFxxvYYKp3JjVFcseWDEE3JN1Ma1U+P5cpP6hhtk/MM6h4KW3OPymT7TvEpT7v8MTqoCUAw
LXwqVZKPI2w2iFgo9cGFCHLv1wURQLHIST0w7NJhWDHSfDBUpcC3Qxp6YEYVuG/XAmUWwZwIojE
IsNsCWiOaYJGGk0SgKbdn6Gr+jrkbaw/KSmfx1nFa0urE4dB8FesTPnmHpHiF9bTX1T8T+vHHl3cLbAhA9
DgQV8wftLkpV7Q/jb3kf9OlR8f9VOOqXX9Di+yFxq+B+XzD+cVS7CLOJtY7jpi4qYyX0ueyZGn2bXBYf+
KkP+9OOYXv8ATZesrrtyfQIvshdEYxyyiGBC8HvlHzOv2hME/wDidTv4xMxv+zP0M/aPgFzbatoNuH2R4lX
l8lzRof42fCi//G4obVn812+xZHY0fnj9n2r1vxp63hDAhDAhU72/+PyezH2OeIOc0vFmbTKQ63TyFBKjMe+h
jgevNcQfgDi5YLPy1oZHxPq3qjeVp5CzPk3gZdZyC+Z1yPyWiVFTi0jdR3Kz5nzv1x03fkuUubRe7Pydkg+zk
hFPQ5kqpH+/Jxou0f0w9QXQdl/oI6yu68YBbGhgQvI35UZNEGRwZWdWzdYPd67KhXxt+yorynZ7VpW2B
oIj1+xeUcars++kJCjzLW2+N8bW5uWa05rxiyR86rNQlrcKiE6UWuLi5Uf5BhrW1yT5HhpqnOK+08lCgdlbjY
4iIKsNpSq+j/2Y9j7Png5bp+ScD+CGOdXl9Kk6yul3X9Ej6gr1xRWQQwIXij8o+UlvtpZXWr83Jcc//vJmNz2c
+juHT7AtG2m+ktP832led9TdDXLWFoCV9CT06HGyMO5au8aFHqqDWpBCk2UL2Ox/y64aAU8vCzLktLg
SCFA/RLG3704SpCdQUK+pThH/ANSzLf8AsVF/gUY5fL6Z611iH823qCkWI1IhgQhgQhgQhgQhgQvDT5Q
7DL/b+iqHhlGn/wAPLxu2z5pZe0+xaLtEytrr/NHtVnfJm43I4r8Wja16RTP4eTirtIeYzrPsVnZltJJOoeJXr7jU1u
KGBC4x9vowJHs0s2JJt/TOkn/981jL3EaWxvUUfBYTaEVsTuseK8BV0b4Y3wvXO3RcUUqlafHDg8pOTWnz
arwO2EL6pOTWDBcT0V/LgqncktVtOt+CT9mHNPFNcCEXqUOqAftwpIUYbvRTt1D6m/ocJiSUNcknc
mX+3Dw5MLeCJKiOqLfbh1EdaLcc8kfjiRtEx5OiLD2jctpv8AHAomt3ot19CurZ+/Cp9dxRN2V9CUn12wVU
JARbkTUnzGHAqNzahEmGU4fVNa2mSKcjqPiLYSqHVWnu6v0Rgr0JmaZ6btTo/X9qR/ejBZPzDPsjwTrcPy
mT7TvEpQFX8MTkqss9RgxJpK3S1foAcJqk1K3DIIw5KVgxwfHAipWORbAnEoJjX8fuwIBK2EU+eBBWfd
gOpwlQkotkISjwJwEp1EahvUO6kD44bVFKI9llah1+4YZUKXCVNeAcY/0dcjXJI/KSmfxxnEFpPzTuo+Ct2R
vz7OseIX1ot/V+0/rxyBdzC2wIQPQ4EFfMf7SampX7QnjYsi9851E/8AG46ldZ/I4vshcfvdlbdL9oqmWYKeYKi
x3HTF0miphoX0oeyfRo9nBwYHllWGP+Cccxvb6ZJ1ldYuX6DF9kLobGOWUQwIXhT8owjc/Ob/AidT/
AOMTMb5s2fyQ/aPgFzraltbaD/NHiVd/yYFotP8AGm/iKN/8bijtUT/u+32LI7Gy7K9bgq9053ZD2rVNp7RRjIBvzPZovIGVKV7oohW
gJGpW1iEg2JxuRmtIeeavdn5Oyx7v7OeIAvmBWZaso/KN87Z20/J+vKtfa9i8jiqby+ZtyFoQsKHQkkg/C3443Aiui0vnpXCLp
UapCqvwVaUpIK49cUAfHT7kcbfstkJD1e1aRtgRWIfa9i8j4jiqby+ZtyFoQsKHQkkg/C3443Aiui0hvNpXclLp
cepb3MBW6ypMcoSRe9ifv8MNGTgnkktNddFL6TTwYce5Cu4k3HQ7YQOZWOZWTjbzRVfR17MtHL9n5wdT
5ZTgD/AIoY51eX0qk6TrdK6Tdf0SPpCvTFJX0MCF4s/KMWEudEudk3YZoM/sywb6tKZXk0KFiOF4bw/NaMflD
er2ledVegCDHKFhS7ruyfHfYp+wm/wAMbJGamq1aYANp3JE8eXSGndKQtIKSlWxfYr+b6VzyPFRYNyCJTdBdh
gKFJtJgTXAhLepknSo30gAg/Zsd8JJkQE+qfhILLcLct/7Fxf4FGOWS+metdDhAhDAhD
AhDAhDAheHvyHvyhOMp3t9RCR/wCHl43O4O4Q+XtWy/xKx6Nq23ZeZE1k1Vs4Bg4V7UsmnuXxutZGTMSv5uXrvnM/gM
W2iNWM6z7FY2R7ufFeXQue1ueHjR5zbgO8tB7hVcd7MJfqFzn+WVKnbcr12AFG4CFqOKCrPPcU96TCEHBRPOrOm4
BxvFQtEoilMWJuCMLVNrN+tHcMnj+zg0cI8o8uTS2FLrLCfB8QFzejEXtgrEaQGgCQJqxvfRx6UnBhLnL4NzNtpU
Ki0VCB8sJVMwjciXKekjoN/TD8RTTHXJ3KekjoN5R93h4Gyz4beH7LePX2sytaiFQgcHyHcBNXuqCQ4O1w4tLf
ZgDlG6Pck5j8o7bfDDtVhosOAgeeHAp5XNyqESo26g/fhQVMeCaPLF8/qdaqpalRPb/fhQVMeCaPLF8/qdaqpalR
gn24D5TJ9p3iUo5WLCpLHJ9bYKFNoEuKAkyKcK8dsLmW0IQBI32+7CFBsoj8soj8wzGnM/4e1jjzfefmaTqQAmT
qcFQlWUtXGGlLRGtx74SqrvyjmWcJNmQmEiyl6Y9xWOQ3iVgxNSBaV77MmfTq/cykdVqTdFRdvH3uckeNTwj5m
DujVY2votextfocRSDG0t4iisQ8x4dwIPcvWP/npMhagOCVhckD8rLn+KY1H8VP4/8A/8AB/vfcgfIS/nW/hD
gAf6CR/wDWv/6XB+Kn/9XB+Kn/F9X3o/HH/SW+B+RAf6CjmWLGsC7lf9+1VXfhGG7fh/8QJHexSJAVTjb7qNC
QvHUdoztEZ7zx82qpP5X1qpP5X1qhB9455ih1WrRzNKdVul9Iv5kDY2ZWRy2ymtmqjqmzcS5ypyXJKtEqxAcMPqe7N

KBQu7Ck3JO53/mxNhqq+Kg6l6Xdk/5QwezV2dMmcPkcJjWhlClM0z385k5HvZQCNfL92VpuPDUfjjVbXs5
y0zpeUpU10+9bhYtp+QhbCI64RStfuVjj5UC4R/1E/wD/ACv/AOlxW/FcfrfV96t/jaf1X977kWz8qJW9LcaHB
O3LtdRzZ59P9C/H7sOOywAryvq+9INr6mnJf3vuXC/tGu3kjt4doFGelZZOVRDpEakrh+/e+kctbq+Zr5bfXm9
NO2nqb4zt23cbLDyQdXMnSi1y9b0Frm5Utw0AGtfcrC9lx7Tl32eLecnPyKGbfyx9zsBVfcfdBH51v86c1aud6
W0+N8Vr2uz5WW86mGu6uqu3NepsYdza4qb6adnSus3flOLjS0D+gtfWbD+qrx/uX/K2MP8Aiz/xPV96zZ2qp
/u/X9yVD5S88evBgAf7af8A6XDfxbH6z1fen/jMf1fr+5ZHylx0n/qMj/1o/wDpcH4tj9Z6vvvS/jMf1fr+5cI9vXtc
VLtx9oifnybTPmRlcKPAg0z3r3kQmWknu8zSnUVOKcWTpH17eGM3YLI2zRCMGvSsDeFrNplMpFOhc8M
TitQbIKniVgp8SLXP6hjLYQsGJN2/Nds+zx9t/I9nj2aGuHyuFzmbAxUZdTFR+fvcQfeFhXL5ZYX9Wx72o32
2GMLeNxC2T8rymHQUpXTtWZuvaF1gs/IGLFqa1pr2FXLN+VhKittlPAwOLc2CRm6299v8AQnQ4qDZCp/
O/3fvVt23VKUh/vfcjYfyroyYHvCuBakICtJIzbqHgP+1PM4adkaGnK+r709u3FW4jD/e+5coe1p9qJ/zRlzh9K
GTvyNRlJM9O9T99XI945Bv+1N6NHJsRvfV4eOWua6vkmMYsVabuFVh7/vj5bybsOGld/GnQuRc0SHgz31
oS+1YuKSkqDiQsaVD4FR29RjMxAVWBtDjxzRyXlTq0y00oEakkkbqV3CVL/vsNpRpJTq4ngD4+M1PMvy
ymkwieWp2SQbbgBIsLfEC2KT25lZeF/MbxK9EuAnyhf/MxcBsqZETwoFZGT6NHp3vpzJ7t72WhoKuX7srR
0BtqPxxr02z3LyOl5SlTw+9bFHtOLPGIuTrhHH7lP0/KcAumiSODepNwFAZovpBF7/1r6j78QfixnTlPV96tfj
UMOLk/X9yMb+UzLW2lSuDJQFLCd80+gJ/0L4XGEOzX/E9X3pw2oyryXr+5cY+0k7dSu3nxupObEZbTlh
VHo7dPVDM73wvIbfecUsL5aOvNI02/N674zF2WH5NGWE1qVhr0t/yqUPApQeCoCuaWWUXHPajrS53N1
JF7fy/qxeZUrHS0A40UWrTL0WpSWludxllZ0qF/zU3At9g+w4ssIIBWPlDmuI4BO+VECqUZcdGmzrCWArq
QkpJUT95tiKXI1Vqzc5mEcKL1Nyb8pJXlvLsGkJ4OJcNMZRBQv8qLc0NICCu3uvdvpuBv8dsas/ZwE4uU16
PvW2x7TUGDk9MteHYlsv5TW8zKW23wXS4lppLi1HNVtJJsE/1r1wjdmgRnJ6vvSu2pINBF6/uQT8pvWqX
CaHBgXmICt807oNr2/rXB+LORPKadH3pRtTm0cnr0/cnaN8pHVLaStHCBKkq8Rmf/AOmxCdn6GmP1ferT
doQ4VDPX9yN/548dI24PX+GZ/wD6bCfgD/ier7078PH6nr+5AfKPXbX/AKD3/wDk/wD9NhPwB/xPV96X8
On6nr+5Y/549e/7zw/9Z/8A6XC/gD/ier70n4dP6v1/cuKO3/2uFdufj01nc5e/JnlUiPS/c/fffL8pbqtevQjrzelttPU3x
l7DZvk0XJ1rnVYe3Tm0y8oRTKnFSL2b/b+Ps+c05sqScpflWczxI0XR85e5e7Flxxeq/Lc1X5hFtrWxHeFi+VN
aMVKKW77X8lcSBWq6zPykN0f9h3//ACf/AOmxjPwB/wAT1fesp+HT9T1T1/ctf/+eRXbm3B0G3/jR/8AS4PwB
/xPV96T8On9X6/uVP8Abq9swvtpdnKq8P1cOTl0VOTFke/Cue9cvkPJdty+Qi+rTa+oWv44tWK6uQlEmOtK7
vvVW3Xn8oiMeGlab/uXCKoF07dcZuqwfJlFKpxA3A2wtU3k+KJXAFunX0wVTeTRblPTa/dwuJNMSLVAt
0uMAKaWcEWqCsg7nDg4JDGi3ISk9RhcSbgoiHYZ1dMPDkzCiVx7dQfsw7EkwlFKZwocmYUU4zYeGFU
ZjCSvx98PDuKgc1JXowIw/EmEJG9FTe1sPBUbgDqk70UDw+7DgaqNzSNEQ5CGFqoy0Iv3I+n3YEnJqO0h
BFMi7X+hR/ejDrL9HZ1DwCbb6fKZPtO8SlWjEyqVCGjfzw4JpzRiEAjpgJSgLbTvgqnUWeUPLCYkmFZD
A8hhcSWi2THB8MJiRhRiYw9MInhqNajg+A2w0u4JzWpQzFBA2G2G1UgalTMf038NsNJUrW0ShljSN9yf
DDVI1qUMsKX12F8ISpA1G8hLLZJ+rbfbDakpxAAzTbLqgpsTURr5StLgJ+qD0Pw8MSNbVVnyYQtESGlS
wLqbU0NIv1Kh0HxsTthaGiSor1IOylU2tlxtOtpxq4IFgb3tf4G/3jCgVCQuwvqNErlOJWULSCQtsqClb2Kd7Ee
l/uwwKVx3hFKdUxIgtlwAF5I9CbkG/wABpwu4lNxEForvT2HQ1KWq6Am/fv12tY/Apv8AdiGmSt1o6qbBO
derKmUr0L1KbKvrBJA1JB899VjiTCA2pVfGS/DVbZoDr1PiLRp0yPolFSvqrNxYnp1JHpfCREVIKLQCQ0je
nHKlQMiChaBrckuabG3dsnVf7b/qwyVufUprO6retHKfccZjupRrcVLsNR06UqJSVfC/X4YSgqR0KQuNAelS
OHILlP5y02vuB4kf5b4rEUNFcY/mYilSnUJCNwUq6HwFhf8AkOEUpITcKgX57kcONXQSAkkd8G1h9t8Pw
5VUPKVcWhQrMrz1KzK0gMht5TwKEEmyioaSQfI9fsxcjALK1WKnLmyjLNKvfG55QwpRbRKy0dHG
/gDfrvcfA4bSmY3J+PFzeKiObaR8wvmPp08hsu8tYPc6EgE/WBNreNifHFmJ+IVWOtEWB2HgjsnJbdy+6om
zbpLa7nfUSVBZ9AE9PEfC2ElriyUlnHMNer2pdmiQlWWIgd1NuyGrqBGyikpuR5K2/HDYxzzRPtB+aGLem
yVLbkUxxOtRXHjuBYB03ASSPtBt6H7MSAEGqgJDm04Ap7pBSzmZDJOjRXBQq2kbJUrQEo+BJHoTiF+b
KBWoqCWp4ezcnxmZIJSIi08x1UB5y48HRtcX8MeuICAa9KthzgQRuJWM3VlquQSQPtsdDbAMwWYLNBj
AWFehsCCPH44WJpaaFJaZRI2rer2pXlh1E3Kr0Vtf0qkDe4ISts9P3EC/wGI5cn1nesMJFNbjpU
pLi2+aATbUSk+I69bfHETCa1KtSjmhu9dt+xu9nFw+9oTQOIM7OFQzTBdytLhxhIgo8xphOh9hxSwvmNL1Ea
RYi3Xxxhr5vCWyFgYBnXXoKzNx3fDbQ8yEjDQZdIXaiPk4/ApDLjfz/TeNcbEbH3byP4DGEO0V
q1o3uPvWeGzNloRV3ePciJXybrgRL5WvMPFHU0kp1CrxQVgjfV+xt+l/jhw2ktQ0De4+9MdsvZXUq53ePclF
E+Tl8Csvw2WI9d4maGdrqq0UlfXr+xt+uGv2itLiSQ3uPvUkOzVljAa0u7x7Sl1
aKVKJv1/Y3qcDtorSdze4+9DNm7K0UBd3j3iIL8nB4FRXy4Mw8UVlS+YoLrEUhR9f2N0wp2jtjtW7j70
zFlaa4nd49yhFwe4qq9inLHLH49yVYP7N5e8ShxVxRvGGYsvYhSqeAMyAHwGGna4BwzR7cqWaUGmXVRWtZ
ykgFa0y7Frd63eyC1cnGTSgOfTVLSmJgO5vUdXrvfUS5kSu1gjS1lR7wCdb7Z1NV/TFiStc0tnwSTkxnR1i
D3W/hhKp1AtVRTcE/hgqjCFoYpO9sLVNwaZpGDDNB8kgaubg1fqqWCAxzSSM1hCk1Nb/m49EumMLN
VouJcHbfDsSQRK4GpXT78AcmpZ3Ifqw7byd1Nwl/qCFLsUFK9c3ZnhEQGb5jaKnJFcLxfcMnwbsEh7
eo/DChRlg3op2CPL/Hh9VGWJK9Atvbph1UwsSV+JYHaxw4OTC1JHox8hh4cFCW1SN+JvtiRpULULo6JK61Y
9MSA1URCTusDDwUwtSdcffp8cLiURas+5n0wYkvJqI0lF6VF/1lH96MOsh+YZ1DwCq28flMn2neJSnQDiw
qdFtowJ9FshGBAFFsG7+GBKtw3htUtCjEsYOtPARiWNumG1TsK3DFz0vgShqObjXOEJTwxKWmCTsOu
Gk1UoCVtR7DpvhpcApGtqlLUTzwzEpMO5Km4ov8PLDKp4aiJC0NJfbWAoAiyfMHEgTHEAEFR3MzDvv
jrDlwhTZDdu6VAdD6+Fx8MTx6VCo2gGpaU006t8l6Oh8WkMvIvqG6j0J+Gnr5EYkLOCrsloRXoTxLhmfF

W4haW0IbKLX1atSt0+fmfswwGmqsObiFQfiqysllLLIKFtyHCoFP73dIv0JP2H78NpvRWlBxSfNaTEeaVzG1
peu6EgWssLSCPhh0eeSZaObQ11TpSq8au1IUW9geS7t9TYFHx3B+/ETmYaKxFNjBNPjciXltwJ0Sc27qYlv
BINrJWARpJ8rAqH3eeHAVBadyRxDXB4ORPx3LOb5KpTMlCAVRHFbEHSFKQO6R4+BuenT44IhSh3pL
S4uqBokeQ33nNIZcAIbcaB8wi6iR+6+rv5YWam9R2UurQJ7VU+bS21Fxf0iy5ySkatQ3INvC/4XxEG50VoyV
aDXsTsjMSlJW1cJLalr7huUArI719txYDERjFaqwJv0fjVFzKzJlNwEKfCWXHAkrSLaTclPwCtgb4c1gBOSR
8ryGgnJJa/Wfd54mRtPJLfLK9OlSAFXsR5pO3wPphzGVGEqOaWjsbfj+CV5sfi5lSiM7rQ4jU4pI6pTbYi/ne4
Hja2GxAtzCktBbLzSmXL01mJJRClslaRJW0+PrI0KRdKhfoL3PS+4scSvBIxNVWFwBwPG/2JJn/Li402Mhh
4vxVsOWJdJLiBZWm56qt09QMOgkqDXVNtcJDgGmoomTIb7sOuIjnmaWrqW2o7pUnvJUPMgEm29wTbE
ktC2qr2cuD6FL85PSGKlEjyWjHhSHfeU376QgpG6VDqnbp1GkYbFShI1T7TiqA7IHNIM1SNFVeSGUlUm
KhKUi/cTcKCt+o07YfGMq9KinPOOWoHx3JwotPSULUk81TDSXG1WultOrvOK8gBc+pIw1ztyfHHqRnT4
qpDDqiJVIacac0IQ6bvbHUrUSpQ+JO3nb7cV3NIcrzZAWAjimcP/N8qsMyHeQ+2tRCEC6VkNkKKfXUE/fi
UioaRoqtcJe1xofuT7lMiNrebbUhKoTTiQpQV3j3b+vl6C+IZc8ulW7PlUjgE/Nrefy6jncp5UU6Y7lwNQ0gKSf
sNwfT0xCaB+W9XQXGPnZ009y9SfkuOZ4FK4c8ZhMmRopNbp6Ul91DfMsw9uLkX2t09MaxtWw44qcCtl2
MkHJy14j2r1XOfKIE6jV6WEjx97bt/fY1Pk3cFu3KM4rH5f0L/APOaVtv/AF43/wDxYOTfwScqziFk58oib3q9
LFuv7Lb2/wCFg5N3BLyjOKz+XNFIv87Uy39lt/z4TA7gjlG8UE56oq7Wq1MN+lpbe/44MDuCBI3ivHD280i
NWe3HS5UXlTQ1lOGEuNLSpIPvEvbVe19/1Y225MrMQeJ9i1W+BW0hwFch7VwZlqapudMjrSGyp5xwqH
1QEm9vhuMZ6QZArXYHc5zTxKkLMn3hKeWUur5Sdgbbk+fpiuW01V8PxaZ5I6oPBmC44gpSsFSEg+Kt9rf
H9eGtFTmpHvo0kJbDYKozZUQpekaiPO38+GHoUrNBVGpiXPTDapckFwhvsP1YWqUAIswrW6fdhMSQjg
h7kEjpgxJEWqFfe334MXFIizAuDe4wYktVquFt0Bt6YXEkOawYVzt9l8JiQAEUuFfwvhwcEIpyDpve2DEmI
pUPUDtth2JNIRTsG99umFBSYUmdp5sdsLVNwpO9D5ZwoOSYWIh6LcbDfDsSjcxJJEMDfEgKhfGEikQx4
Dph1SoHMokTsU32xI1yjLUkfiXvtiQGigcwbkldiWxIHKAtzSSSURkKWuyUo3UT0A88PGajdQBNP5Zxvz
WZy0+CkxyQoeY9MS8iVB8oCYqM1ekRL+LKD/wRhLIfmGdQ8FHbR+UyV+s7xKVco4sKsG0Q5RPW2B
JhWyWiTvgRQo9DBBG2GEqUNXUPs0/Zg1v2k9ZzfDo2bKTlRWUGIj7q5sByWJIkKdSAkIWnTp5Rve97jG
JvS9G2INLm1xV300Waue5X29zwxwbhpurrX3LrNPyWTPI/7L2Uv/QEn/DYxH42Rfqz3j3LO/iXN+tHcfejB8
lnzv8A993Kdv8AYCT/AIbB+NcX6s949yX8S5f1o7j71uj5LZnZH/Zcymf/AOwSf8NhPxrj/VnvCcNjZR/vR3H
3oxHyXPO6f+y3lO3+wMn/AA2E/GqL9We8e5KNjpf1o7j70aj5L3nZH/Zaynf/AGBk/wCGwh2qi/VnvHuT/w
AT5f1g7j70aj5MHnVP/ZZyr9lCk/4XDPxnj/VnvHuT/wAUpf1g7j70c38mMzohQvxYyrbof6RSf8Lg/GeP9We8
e5A2Tl/WDuPvXm1UaQqk1WXFUQtUR9xgqA2UULKSR6d3GyBwIqtZwUNF1D2EPZCTPaJ8PavmHL3Ee
gZcquX5vuE+mTKS9IdbCkBbLxUlxIU24nUBtsULHUYxluvkWNwY9hIOdarJ2G4jbmGRjw0jKlFeNV+S45
5qrDCXOLmUVqZSbFVBldT/AOW3xSbtXEP92e8e5XJNjZngAyjLoPvTK/8AJSc/PNWPGXKWoK1hXzBJ1
A/Hm/5WGJfxui/VnvCg/EeXfKO4pJxB+TQcReE/CbMNci8R8s5hmUSA5UWqdGoz7Lk1bKS5y0KU4E
BcEXI88Ee1EMkgaWEVyrVK/ZCaKJzmNV/ZCaKJzmvBpnSh3LzalwkLWVNoT7xGd1oFrIcb2XpI8CQpQF/hjZw5akWC
uWo8NVaHY47HFT7eXaSovDSnViFQXq1Glz41SlRlyGW0x2StSNKFJUbSAb7WB3xWttuFkgM5FaUFOt
WrDdzrbaG2cGlakHqXftO+S858gS5i08XMocuW0lGgUCTZCgkgW+m6dPuxrjtqojT5s5dI9y2pmx8za0GfQ
URL+Sx5xk5Zdpf9FnKnJ5moSLtTZoUkqSL3I/bevUA+Rwo2sjxyYtPEei2sjxYuTPEeh2Lk5Pk+UHcVB+0v8AJ1s29njszZ1zlV
uJ2WavDyjTHa06xb2n5CWEWpZJPUp0Up0SpQ2va252xPZdpI5ZWRtYa1Hp+kFp1nOmPvs/GB+Cum1/flN0N+7Gs1kZp2sT
QWxIVHXJcbK9Ku8R9l8sNWPWK9H0K0qPPev+N66u7EvYarvtDeODeS97oyN+vXuMbNmHQNqNNqU5PEbbUvmjoTlpaXZKXn+4+EKjp8zYm6Tbqs33QB+Xyw92Fadbmk6AGyNcEyEPFgZ8d+4aiFLYt8yPYJ3Yb8hrwHvPbKxYs
PrFLeZ/ou5PDy3Q6lYy/JtcsRFzQ9GwCVSVaDThAO2xjY4kbLWp2fXxk4/pswiZ2qXbmk2lT+1B8MMZu1+kXtyzsKcd97zv98ta7oKcDHwaPTp
VmyEtAHyEtAHyEtAHyEtAHyEtAHyEtAHyEtAHyEtAHy/S3Wr5yEtAHyEtAHyEtAHy/S3Wr5yEtAHyEtAHyEtAHy/S3Wr5yEtAHyEtAHyEtAHy

NmpA4uDx3Lz0o8QQq3PUkkjnjlBI7qvr26bWFsZ15q0BYaFuF7nDjkurOxB7Lev9v3IdXzBTc4UXL0eg1ZM
MsyYDslbi/d21lWpC0gDv2tv0xirXebbK4NLSaj2rLWa7X2oYw4Ch9i6Eg/J6M2RGiDxKy2VHyo8jp4D9txjn
X4wn0T3rJNuZwyxDuR6Pk+mbQs34lZbKSdgKO+Lf8bhv4aZ9U96d+CHfW9SM/534zXe/wDRJy7/AOh3/w
DC4Pw0z6p70fgh31vUh/zvxmu3/VJy5/6Hf/wmD8NM+qe9ILofX0vUuPu1L2b5/Za441nI9Smx6nJo4ZX72w2
Wm5CXWkupUEkkp2VaxPVJxk7PaBLGJBvVKezGN5YVXiYO46/z4mxKHk11X2O/ZLZh7YfBwZxh5spW
X4js5+E1HlU919bgaISVhSVpFiokWt+acY+1Xm2F+Atqr0N3GVmIGitM/J7s1k/9UrLlv9h3/wDC4rfhtn1D3q
YXQ6mbvUsH5Pbmw/8AZKy3/wCh3/8AC4X8Ns+qe9J+B3fW9S0PyejNhP8A1Sst2/2Hf/wuD8NM+qe9J+B
3fW9S1d+TzZsUg34l5b/9Dv8A+Fwfhtn1T3o/Az/repcNcc+ED3BDjFmjJ8mY1UJGWKk9TXZLTZbRIU2bFS
UkkgHyJOMtDJyjA8b1iJYjG8s4KHrg3+3EtVHhKIXBJIABJJAA8ydgPjh1Ui6h7OnsZOM/aEisT5VJi5Goch
OtEvMBU0+6k+KIqQXd/DWEDGPmvaCLIGp6Per8N1zyZkUHT7l1jkH5ORkuFHvmniJmqqPlPSlxI8BpJ2/T
DyiOviOuMc+/pP0GgetZBlxs/TcexThXye7gOr/RnEIf/wB7b/wOIvw5aeju+9S/gOz9Peodn/5N9w1q7Thy5nrO
9EeUSUiWmLPaT0sLaG1EDf8AOvv6Ymj2gmHptB7wq8mz0J9FxHcVyT2xvYVcQuzBw2r+dIWaMsZqyxly
KudMUEOwJzbSPrKDSgtCiB4BwYylkvuKZ4jLSCe1Yi23HLCwyNIIHYuFJMUpJ26YzocVr7mVTdUFNw2
FuuKS22gXUpRsEjzxMzPJVHjCKlRGqzTXAXXrsU9vvIQvYu2/PX6eSfv8MXGDDkNVjZH4+pMK8709K
yAy6oA7ENpsfXcYk5MquXjgltHRejw/9Yb/AL0Ygsf5hg6B4K3bh+Uyfad4lKkI8euLFVVot0p+3CEhLRbtt6
gMIUoRqUG9reuES0XrL8lhTpz1xp/sCj/ws3GobW+hF1n2LetivTl6m+1eyGNKW/IYEIYEIYEIYEIYELCum
BC+WLOKQ3nCrk+NRkj4/TLx1Jnohcmk9I9ZXSnsee2g32Qu2fTGKrK91ypnhLdEq63FWaaK3LR5BPQct4g
E/oPLxjr4sJtFmJbq3Me1ZK5rwFntQDsmuyPs7ivoKBuMc+XR0MCFhxAcQQQCD4HocCF80ftUezoOyB25s
70GNFSzS1zhVqSgpJC6dJTzUhO24bWFt/Fq3jjpt0Wj5RZWuJz0PWFyW+7N8ltjwBvqOo+5WP8AJ+AuT7T
zJgaN48ai1dzffZ2Le23TSoEX8iBiDaLKwurxHirGzGd4MpoA71hfQtjnK6khgQufvasoC/ZtccUqXywcl1MarX
t9ArGRuj6bF9oLFX59Amr9Ur5WqcHVVpC160mMbLKLEthKyO7vv1GOsnRcTpQ9S99fkzPZcc4ddliu8Tqk
lLs7iLPLVNcW0EuIp0UqbG/hrf5pNuoabOOebUWvHaBANG69Z+5dS2OsZZZTaHavOXUPv8F6Y41hbehg
Quc/an9stHYf7HGZM0w3W/yqqSRRcssK6v1J9KktG3iGwFuq9Gj54yV02L5VaWxn0RmeofFFib6vD5JZXS
N9I5N6zp3ar5hM0TxOVzZrh1PNL5yin6RxehXeuNipRVcn91jqjBTRcZkfU1evrv4eknIlFvsfcGL/AO9JxxyT0
z1rvEPoDqCeMMUiGBCGBCGBCGBCGBC8RvlFGXXpXb8y5OS6hKKP6vGzbU29UkyjwDw8scd+q0YWkg2
zsgFkc3+cfALQtpYXG2tePqj1E1XNns+oSKd2wOAqwAqwhyhpLudLqlLIBkaB0t6YhvZT7Mwr+ifB
Yy72hskBpq5vrK+kwdBjm66ghgQemBC+WPt7RkP9bis9Rkp9tbis9IedYipzXXWwpXeS8+4ulqnpz+Uq3
/krA3WjfALjF7NBtkhccqu7wSlXZy4Qze0jxnydkAJ+U1+l/Lw+/ky+lrufo+9qtfz+t8BjpMlABVc1s7iSabs/avX35OoeZ2
aM+OlJQp/NhcKCLFN4ce1/W1r41S//AM80dHtK264fzLjxPsXoXjArOoYEIYEIYELyZ9uZkAUXtV0StQQ
1X8vNhSvAuR3nEHx/QW34DGwXVJ80W8CsLeDPnA7oXFyYguCRtjKh/FUaL2+9mTkY5A7C/DqItzEb+
GSOQ1c2PXCEpQF6w/JaG9GeeNHiAKB9GeeNHrAo/wDCzMajtWeZeWnBhPzKWYKGyN9wrk2hJ7Ak
GSOQ1c2PXCEpQF6w/JaG9GeeNHrAo/wDCzMajtWeZF2+xbxsYKPl6h7V7GY0tb4hgQhgQhgQhgQhgQsK
6fbgQvlJ4nzHGs31RLiAFmqS0FKlaU2U6sJN+lrgWP8uOrwjPOBjpn1RS5LRlpW02oaHCLgsqP
1VG21rm22xBGJWt+qoHyGoxfwX0S+35OcuyTycH35OdAFl1ajEoG8rdoBr/L4e1FHRt8ggVNBtPMM
N9WH5NaSB6Lsx27uxdOuC8PlVlBd6Tcj2hdXYxYxKzaGhk+BcmH4OdTd4Ji1rUy1PCO9I9R09fiuKfk+7pp
ftWqKfk+7ppftWMnNhA5c+gVj6qwU/oWgkG+4B9NfGB+Cf4Ar0vvDKnt6+B8M6D9OB4d6kMTbUJQkVlSWd
oWlgqWkG+4B9NrnGd2jzsDugha/su3DeDSNCD4L6Isc4XU0MCFhuRPfZzx5eE1XiMX6Ti5C3hwFdT8ivR8C
F9oLF32K2CYfzSvmE4PcJ6rxc4xZUytl5l5ytZwqUemQ0qSUgOyl6BY+CU6kqJ8hjqk8zSP0bn3LjVngfL
M2Jmrsh2r62OCPCal8COEGWcmUVtLdKyvTGKZGASE6kNNhGogeKiCo+qjjj88rpZHZHSO1Jqu52eBsMTY
maAUUpxEpkCbDAheEvyg/taRO0h2i5btFKUpfyo3kEhI1Tvv3nmZBVwBhgjBWKjvz3kRGK1NR9nVtFzUG7
49MV7Ny53tPbG2h5jjP5sgdp19y85c+5fajZE97DiUrbQVCo+8XULpO9tbQubgeXkcbPC+RqLTrCAzFX719
bvD8WyNRv7BY/g045BJ6ZXcYfQHUE74YpEMCEMCEMCEMCEMCF4y/KGpPuRpzaJuHa5sPnSyHUnpqtLvizz
AqZKQD9hXfG4bPisGemL2L2BadtE7DLUa4R4kL3l3sBSYcb2gfBWnDpMDpOptSbVztl4tsvl4NpSVdDYazfc
28MZS3B3B3ySVzGaPe+6muaysYLbFGwVaCM+B096+jwBna6l3UhgQhgQhpgQtV8V8r7119b8jmTnXg+S
bRo1JLKBwaa1TuTzwTc1H5bNQYW8lOUyMdeYVQPk9cxGLN0O6tYtBs3QrXXIG3uy2cTGTr2ma7Vew3kv
EkKR84TkTpQNbrUk4rjcgxcM5EvkJBHEoIZBTtZrtzhPOrAJpPGgbvhh4RPVxdYMgOgp4Oht7zDo8BfJl
47n70/qwJCvmSqNFcYqjrTTTPusR3G9RUdZ0MPBGuZ0XPZGQaNGcZQqaNGQ193vXrZ8nk
AV2dM+uJSAhzNQIUBYOH3KPcj0B7v9rjWL9/OtHR7StnuT8249PsC9BcYNZpDAhDAhDAhcC+3eyN845
C4fZgS2D831KTT3F+jzSXEg/awfvxlbrfRzmqlbW1AK82G6WucQw0gl18hpsDclStgPvIxmS4BY3CvoE4Y5

SbyDw4oFDaAS3RqdHgpA6ANNJR5D9HyGNTe7E4u4rOtFAAn3DU5DAhDAhYV9U4EFeEvbrhFztn8UVd
b5ll/wB/jarK75lnUsDaGAyuPSu4fYt9i5nKGUDxar8MGs1xC2KAlxI/YkL6q3wOoU8QQD/paRb65xi7ztRc7k
m6DXrV6xWcD5wjNd9YxKyCGBCGBCGBCGBC5/8AapzmqZ7OrjJIfVpaZytMUogEm2kdAOp9MX7saTa
4wOIWPvV4bZJCeBXzF8YZkup5fVNfT7rpfSWI6lgFlNzurwU4dv3o2HicdOszWtdhHf8AG5cktz3PGI5cB8b
1XWZs4Ssyrb5qtDLYGltJ2Jtuo+ZOLjWBuiplxdqmhawfsw8pGha2J8BhuadQK0KCLUaH/Y7f96MUrL+YZ1
DwVi2/SZPtO8Slob33xNVV8KNQ3q8cBNEobVGJbHhhpKeBRHoaHT78InAL1e+S4J0564z/ANgUf+FmY1
Hav0Y+s+xbtscOfL1D2r2Hxpq3pDAhch+0N9rfQvZ8cT6Fliq5MruZXq7SzVEPwZjDKGkh5TWghzcm6b3G2
+Mvd10OtbC9rgKGm9YW8r5bY3hjmk1Fd3FQrsle3Xyz2su0Nlnh7B4fZlo0vMrzrLcyVPjONMcthx66ko7xu
GyNvE4mtlxvghMpcDTrUVjv5lombEGEV6l3iDcYwSz6GBCwemBC+Vvixy/yiq4lRy4384SW3B42Ly7KQfj
b1+7HU4NBRcktlKnEOPwFBKmpFPJStbcmKVcsFdtTOx2WPJWw229MXG56ZFY2Tm65j41XZ/sGu15/m
Xe2lTqHOeQjKXElAok55LoDTEjUVQnV3tulxSmr/ovk7gYwu0Fj5ezF49Jufv8Af2LO7M235PaxH+i/Kvh7u
1fQgDqF8c6XUFnAhQXtNcEIHaS4AZuyLUtIjZnpj0ELVezDik3ac28UOBC/7XE9mnMMrZRuKr2uzieF0R3
heIvsWeHk7JHtd8uw6hHMeoUqPXoM1m2zEhqMpp1JHgoKTa/RQ9cbxfUofdxI0OGneuf3HAWXo0n+dXrp
Re+mNAXSEMCFzt7W1Wn2ZXHY2v8A1E1Pbz+gVjI3T9Ni+0FjL4+hS/ZK8kPkzHZTVxc7ZdY4jzGHDQe
GEBXuYcbul2ozNTbR3uAUMJeUbdCWiLY3Ham18nZhCNX69Q+9aFsbYuUtRndowZdZ+72L34AsMc9XU
EMCFS/tAu1NG7HfZSzVnVa0fOUaP7pSGiAovznboZAT+cEm7ih+g0o+GLlgsptE7Yh29So3jaxZoHSnXd1/
Ga+aypZZXLzRN94qUh+dNqbFQZluK5hlqeWouqX+n9IkqO/jfHSxLzRluI7lys2XnkYsyQQeNdevNNnEeku
0ClzErZYZikLUtFiptBKSbtKIsRuoaVWIvbfbD4XBxFNfjVQ2uN0YOWXxp7ivq3yCvm5Ho6radUFg28vo04
5RJ6ZXZIjzB1J3wxSIHpgQvGH2nvtpO0B2YfaHZ24a5LqOVI+W6U7GYpyJtDQ+6HHKdHkEKcKwVXW6
q23Sw3xut1XJZJ7G2eWtTWufSQtBvjaC2QW51mhpQUpl0AqjsqfKLO0nIp771RreSUKaDiVpOWkILS0pOx
HMvckYvybNWOoDQe9YyLay3EEvIGu5Laz8oN7TeXS26/WskLivuLYSsZbbuhSbFVxzReybEeG5HXDWb
PWF2QB70+Xae8I6FxFDlolFY+UM9pKlqjsLn5OTUJkIOMx0ZeQ59ICk3JDvRSde35ukdcNbs5YzmK0B4/c
nybU25tGmmIjIUr7evqXP/aQ7YfEHt3Z+jZgz/NgyKnEgtM/0tgiJGRCQpx5oLF1a1qWtQBJsACbdMX7PYob
I0tiGXTrVY+e3z21wMxzoDkMqajv3Kz/ZiOiV2ueE30CGy1m6nx/pFi6UtujSEgeuo7+JOKN6j5l+e4rL3IavZl
vA7l9FY6DHPl0RDAhA9MCCvlb7d8Ztfax4uNR1NspazlV5DxSO+66qpyBYHqbAknwHTfpjq93uIgjJ+qPAL
i16tBnlDcqOJPXiK9yvYC9m+PwE9nrQKiYRi1PPsh2vyi4kB5Tavoo4Vbw5TaVAXNuZ1xoV/wBqM1rcK5N
yXStm7GLPYm0FC7MrtrGFWfQwIQwIRco2jObX7p/VgSFfNKiGJdQkMylBDL7i31KA0cxWs3Skfm227xF
7DYeOOgE0FWrRmsxHC7TX4969afYDNR4fZ8zxGjEFMbMwQbG6Un3KOdINz0BGNXvmpka48PaVs11B
oY5rdx9i71xh1lFhf1T8MCFAOBWejm+p58hqWVqy5mmTTTck2BZjyAN/R/8AD7MTSsw4TxCiidXEOBVg
YhUq5n9rfkY5y7FFekJF15fmRKokWubJdDaz/uHVfZi5YXYZh0tqvahWMrzE7LGQhxA7SuQaMpGtudX4aX
U2vdtDocX4HbShXhjMzvwxuPQsfEyrgvdJG6b+e+NaWYQUbDAhQPs1Z7PE3hQ3XdanG6hVKoWio3+iR
UJDbY+AQhOJJW4XU6vBMjNRVT3EaegehwIK8XeOXCOTxx9pTmrKUUqQ5mHOj0NTgFy02py7jn9q2F
q+zGxRyYLOH8AsO9hdMWjivZTK+XIWT8twKTTmExqfTI7cSKyn6rTTaQlCR8EgDGvEkmpWXAoKBLs
IlQwITHxJ4lULhBkmoZjzLVItGolKa50qXIVZDSeg6bkkkAJAJJIABJw9jHPcGtFSU172tGJ2i86uOXygGTEr
Tsbh3kWM9CZWUpn5gkLSqQkeIjtWKAd7anL2lhp72I/Nt71WbPyaiOaBmZ5cqyu7lhp72I/Nt71WbPyi3iBkaOmXmTJuSajBZ
VZwRFyoj7xKu6lF1OAqI2A0m5388Wm3DHIcLHGqpSX+6Juo0R+6Jr0SVF++KVCrMSrZAznVst
SmIVIqWiS3UXlJGlliQ3dCl/uVhB8r4WzXHPDa2OacTHrwizvnSVnGqF59WhpJPJ
aB7rY/lPmfHG/xxhgoFzeSQyGpTGpwH1OJE2iCEdCdsCKrJdT54EUKtShJ1USF4fsdv+9GMdZfzLB0DwCu
W0flMn2j4lLm0FRxOVAEaloDa2GpwCOQg+v8ANgSo5psnr8MJVPAXq58l4Rpzxxm8zBo/8LMxqO1R5sfb
7Fumx4o+XqHtXsFjTlvKGBC8ZPlJjXM7V3D7/am5/HXMbs2fmH9fsWk7TD8oZ1e1UR7HFnR7SbhWev7
Nl/+z5OL18H8jf2eIV5h+WR9vgFB5vvgV9CQ6DGgLoYQwIPTAgr5gSqSFC2oe2MsA+rOooTlVnrCAPhM
MXipIUSrPC+DVrFKC2oEEhJsk+m29sWGwhokqEvZrDlhwaOT6tuVqiGqVRaXzbR9zUbAGsf4ivJZhXrrUYmSAp
Hcs47/AFKP5HGDm096+jH2X3vMVvzVx/lvNeNhbUp7vrmB3GrI2tO3tZ9ruEeoAGnkL7U7ankSs3Fm1zW
ocx1Lp912v5v5RZ2vOoyPWF0NigsigRcWW0IXXmpL7OT3T3AH5RVljMMvWlbXWCi/LRUGYoamtm/
ir6F74vLxsotImuhzDqwgdlcvaFqshpsg9F4J7aZ+w9q9K8otrQwIXPntX43vns1N3n2YZzuvmlwPsFeu
NvTGQun6bF9oLGXz9lB+yVXnsKOyqrstezyiewGcwZ3R+R+VNU1Aa0GShnBtseW
jch2a+tVNnLD8msTQ7V2Z7dPUuxsYZZ5A7YELxM+UmXdHIK5G6bKr8YHaxavdrWwBaFA6ZLZRfrrRiScNp6lzP
uHPNlyUqBJsRb9nxsqaGWgxHXdpgaYYPVX4JRKO5dbDT14MFsZs6g4Rd5caX1+nk91Rv7nLx8AuCNmfTvA
+gTU2rMBa7e4dx93B8D8TlUw/vHnibzG6l95Pnfa8gBc3w9z3vEzX3oNmD40Nyh1s2SYU8Wa20mEmW3jDm7lfhgaIVS2
pWYLKJBB6GGEa02wTCUJr/AvfjhO6nTyoS46DUNntWKpjIRKD0n3a7Tbe1QbcRaGmzeN/3A5xiCAc6LbwS/D+
aPYI0VY2aFcJuqwq0CNJeYbj8j4rNJO+S2VGk2uQXUWeLrBIVw2qnbDZJ5u4ZIDP0/Vr2lBzKvTTK3Y+Y82JlO3
ZFNQcz7uxHFUr2DVNLuzONxoyqLUDT3AxUCbm/lCWhxuUbSvuPuhw+8Tjz+eGj7XCTrD3qddK1RkVpzZpaSRHYUJ
O5vyO/ZBkaHsMkNWaRg0l3xcnx3rxyzbuMdodyqNSKLDrBsh3HN1exzrm3lB7vsSgdD1dkFlIdNmYkX8YamaXRe
gYYyRjK0IyHH1KaZj5aAg0J4HTj2onM/DbMT1NcjYJy1WIT9MQC4W6Q/9Pb8/ZJ3Ugk2udwfTCxysBxYq
9KingkLcGGhHRr09oSuZlqr8K3I8UoS3DNmHVuR1NruRzEpdvYhVwNN+oVbqLGMPZLU7/gZKYpbNR
o9HStO0V9ncrt9m/UZEXtp8FWXYrgak53phDnVKll9CiT5W07D1OKN5NBs8hB/RKyV0yOE8TSMi4d9V9
Kg6Y5supoYEIHpgpQV8yfFngf/R69pxnzKEVTy2MzcRp9NStpJSoyXqi6nkhRJtYFSza31fDHTI7SYrEyEYrEyQ6ho

7qDNcldY2z3jJH+iXHvqcq+tfSrkHJVP4b5Go+XqSymNS6FCZp8NodG2WkJbQn7EpGObSPL3F7tSurxxtY
wMboMk74YnoYEIYELSR/W7n70/qwIXzv1inGoz5MCJpjNNEh95Ke+i6iQhHhqI3JPQEdSRjcg+gxFaw9hcc
DMuJXpv7BiksUPgDnaLHXqS3mUEgpF0kw2Dufzjve/qMYO93l0jSeHtWVu1jWMc1vH2LuzGJWSWF/UP
wwIXMXY9zB7r21e0jQ1rP0tbp9VaRckDVCbZWfT9rRi9ac4Yj0HxVSAUkf0ldPYoq2oJ2n8kp4jdnXPFEKO
YqpUOW02m17ucpRR4H84J8MSQuwvDulMeKtIXmT7KLJhzT2z8uy1NamqNCl1JfduEnk8pJ6G3eeHl064y
1tdSIhUbOKvXriBYYwqyKj3FrN6eH/C7MddUUpFGpkmbubC7bSlje48QPHDmNxOASONASqp9mXqPYZ
yAXCS4qNJUsnqVGW+T+N8TWv8APOUUH5sK98V1MgehwIK89eyPw5bzV7XXilWHU3TliTUpTZ6gOu
uIYT/wVu4yk7yLK0caKlE2sxPBehWMWrqGBCGBC8ffa9dreZx348y8nU6Yv8kcjvqipabUQ3Mnp7rzyh0Vo
N20X6aVkfWxsV22cMj5Q6nwWEt8uN2EaBcQ53zHEylTTKlrUATobbQnU4+s9EIT+co/h1NgL4zkMbnmg
WCtU7Im1d/HqVPcQ85t5eCa1XlIVOIIp9PaXqTHBG+k+K/0nPDonbrlYIq8yPTeePxwWvWqbD87NruHD7+
J7lQucM5TM4VZUqW5c/VbbT9RlP6I/n8cZaOMMFAsFJI6Q4imdays+ZPhh6bSi0cRpST0NsCeNVp71doW6
4Sqk5PNaa/U4KhO5NXHQG/6SQ/7Hb/vBjHWb8yzqHgpbaPymT7R8Sl6EgJxMoAjkN/HAlRzbY+GEqngJQ
0za1+gwwlSNG9esvyX2guGrcZ6klTYZS1R4pTc69RMxd/K1vxxqO1Dso29fsW67JMzlcOj2r1xxqK3RDAhe
Mnyj2YzK7XGR46F3ei5R1OJsRpC5j2n430q+7G4bOg8g49PsWl7SZ2hgHD2qkfY8thPtJeFp8ffZf8AEJOLt7/
Q39niFSuf6Yzt8CvoIT9UY0JdBCzgQgemBBXzE50KIuaqupZISahISSB0u8rHSGVLQFzSSjSapl9/UqM6hNi
82pSVG5SBbe/n0xLQaqEu3JwWwhTCgoIcCk3ItcHDKmqmoKLsT2Ifa9b4D9qODlSS8pOWeJiW6eoX7kaa
NRiuny1K1sn/AFxHljEX1YzJCZN7fDf71lbktojmEY9F3ju9y9vAbi+NMW7IYEKMZw4TUnOufcpZjlsJNUy
bJkyIDwSNSBIjOR3UX8EqSsE+qE4kZK5rXMGjtew1UMkDXPa86trTtFFJ8RqZDAhRLjtwfp3H/hBmDJdX
cfbpOZYa4E3kmy1MrsFpB8NSbp+3EsEzopBI3UKC0wNmidE7QiilUaM3DjoaaQhpptIShCEhKUAbAADoA
MRKcBb4EKq+2p2kIvZR7NWaM6vFlcynRS3TWHfqyprncjtkXBILhBVb81Kj4Ys2OzmaZsfHXq3qrbbRyM
LpN4069y+aeQutZmFRrVYnyZGZW6hIk1SUUArkPOrLi1qVfUtK1Lv8FbdMdLJY0hrRzSBTsXKmskcwvee
cCa9ufaEq4NVVVBpdVjyozjMeJLWCptsrsV2V3gDq2BAG1rYjtbQ4tI3hT3W/Ax7XCgB8fWts+CH84vyKc6
gqeYWp+PrLRdJButB03Q53ettKvzrGxwkOKgDvj7ktqw4yYz1jSvT0H1HfxX1F5FN8l0k97+smfrdf2tPXHM
5PSK6pH6ITrhiehgQsab+f34EIaR6/fgQhpHr9+BFFhxP0auvTzwJCvn99p4trNvbw4zRZLTbrSK45FcQvdJ0Q
46k3H/lPwxvd3VZZ4yOHtK0K8KSzytcMqkdwFPFVH7PWRJpXb74HUSWqzQzpS5cV11V1La5wsnV53As
DuU9ehxkLwANllkb9UhYa7XObbIYH/WBHV8adC+mAdBjmi6uhgQgemBC8i/Zw9miBnD2v/EmtrInRci16u
ZgcOxbamyZr8eOCAPr2XIULn/Ob42m8LW4WFjdKgDsAFfYtTu+xRi3Ooa0LnHrJNPb3L10AsMastsSGtZi
h5eMQS3ktGdJREYB6uOrvpSPuJ+w4UAnRISlwNxhEqGBC0k7R3L9NJ/VgQV87tLzGH1TlxocmXzqhJIdI
DTDv0qgCFq6iwA2B6Y3J8elTuHWtXilqCWiuZz3d69PvYQx5MPgDnVqUphT35TFxZaBCSpURknc9etvD
YDGBvUgyNI4LMXc1wYQ7Wq7nxi1kFhf1D8MCFwjwKzr+Svtl+ItMdeQlGZYjsZtClWK3G48Z5IHmQltw/
C+MlK2tlaRuVNjqTkHeu78Y1XFq82HWylQCkq2IIuCPHAhcH+yp4PKyX2k+LTjjWk5acVQ0XHQqlOKIG
36LCPEdemMjbH1Y3pVaFgDiu8sY5WVQ/tKs1pyt2Nc4J1FLtUbZprdvHnPISr/gasWLKKyhRymjUf7NtGjsS
5DFrfseR/G3sFq/OlEQ5oV44rqRA9DgQuTewfQGh2we0jUSF80ZgZjpNu7pKn1n7b2xdtLvmox0KvE3nuK6y
xSVhDAhMXE/NSsicN8wVtKQtVGpsmcEnoS00pdt/wB7hzG4nBvFNcaAlfOpxI4gmluhxxK6lXKspT7cfXZb
61HUtxavzGwokqUfOwuSBjdYIC7oA3rUrZahFkM3HQe08BxK5l4ncQJeQeMEudUCKo+7AAaSUFtttagAA
gHogWI23I6km+Nis8IkgDW5ZrS7ZaHw2wvfzjTsHV0KpMy5lm5tq7s2e8p+Q7tfoEjwSB4AeWMgxgY3C1Y
uSV0jsbzmm1QJ2sd8PTRxWFIEcX2JPjgQDXRJZUrWSEm4w0lWY495SEu8tZT0CzsfLzwwq0G1FUbzB/kc
Km0V4ZfaHzFB2v8Asdv+8GKFl/Ms6h4JbaPyiT7R8SnBtoDwxOq4COQ30OBPR7bW3r4YYU8NShtu3UY
YSpA1e1fyaTh2uh9lnPOZVp0jMWZ/d2tvrIixm036XtrdWOpFwem+NJ2lkrO1nAeJW+7LRUs7n8T4BekeNb
W0IYELw9+UAZoTmHt/phAtn5iyxT4qtN7hS1yHrKvteziengfjjdLhbhsteJPsWj3++trpwA9qr72PjWj2j3C7p/
Xsv+IScT3ufyR/Z4hQXMPytnxuK+gJP1RjRFv6zgzQgemBBXzGZwjt1TMNYZUSSZ0i+9iPpl746SwkAELms
gD6gqJyafIplSbeesGSdKlpV3NR2BPiAehHhfricOBFBqqTmOa6p0S+XUvmuhNXSlLkcth1A+slIUASLdfMe
BwwNxOU7n4WDiKLr72F3ZXHaG7WjeYahFTJyzwy01NxakEsyJSyr3NoeqVpU7Y+DKbjcYxV+2rkoMA1
f8FZPZ+zctaMTtGe3T3r3SAsLY0db6hgQtVupbUhKlJBWbJBP1jYmw+wH7sCFtgQhgQtH5CIrRW4tLaB1U
o2A3tgQTTVb4EIYEKnu3l2XmO2D2WM15HLnu1SnxveKRK1aTEnsmR3L+A5gCVeaFqG98W7Davk87Z
d2/q3qleFk+UWd0W/d17l82eaYNfyhmR9dSjiVCA8qnVGMppSQ6tglLjhe4ebVqGkbkANrbHSGNzaN
6x2+wrlshmY/G7XQ5a09o9e5Y4WJTU/nhLUxTcl2SlSdKNbEhpA0gpKhdW3jsehywoy1Cdd/OxgOoa9hCs
Ojx311d7mK1rWk2WF7hpN0gWt4kE/b6YpOIw5LMRNOM1+AvpZyd/0qUz+xGv7xOOeP8ASK6G3QJyw1
OQwIQwIQwIQwIWHP2tXwwIXzr+1KrS8s+0k45xZgWy1Uaw1khkW0uAwmWnVA+aRYny0nHQ7tYH2O
It3Ch76hc0vOUxW6dj8g4gjuoe5RX2cmXV549onwrr1MUzq1qr10MUzFKDTatioFKKTatioJcCkK0Egp2N9+gIHW+Jbxk5Oxv
YN4KguuEz29krtGuH3ZL6Ux0GObrqSGBCB6YELlrq3Mzd5oqwEoY6jwMeJFblMuO2DhgRZjsWMkj
9HUh9afR0Hxxk7znxcnHeRUrEXEAWmnRqRUrEXVAWmWZ2rnHuBoPb3rqzGMWXXMnao4wNntvcB8gMyVJdXUJ
WYJjINgpKYz7DN/PdxKqiyv+daztXTSP4YpK0s4ELSSAqO4DKT+rAhfPk805805Rwynk
uRUy1xWw4khTdioJTuzZcDGGvQc5p4
j2lZGwHJw4H2LuPGLWQWF/UPwwIXmRnGqtZB9sG5XipSHPmL+vjfGWBJsu
HoVIsAmxb16bp+qMYlXVk7jAhVjwI4Q/0OOIvFCqFrljNGYk2lf6Y37mxc9P9NU949b+uJHvxBo4BNaKE

qzsRpy459sfmz3ThRlKgpVvVKuuWsX/ADWGSP755P3Yu2FtXEqCc5UVs+zmTo7FuRR5R5H8aexDafzpT4
vRCu3ECkQPQ4ELmrsOvIPH7tDNBQLic4hwp8QktqAP2lJ+7Fqf0GdSij9Jy6VxVUqGBCrbtjwZdT7JfE1iAI
ypruVamlgSFFLRX7q5bWQCQm/W2J7LTlmYtKjxUFqxci7BrQ0qvmU4t8X43Cxh9pp4VjNlRSlch91OzQt3b
gfVSkHuNDoNz1JPSLNZjLTcwfH8SuaW63Ns1QDikOp+N3Ad650rFTlZgqL0uY+5Jkvq1uOLN1KOM21oa
KBaq+RznYnGpKSm4NgMOTctStHXUx07m58cCcGlxSCRL5ivIfDCEq42OiTKXc4ZVWAKIpag4LEAj4Y
E4VCJ5aPNY/tj/PgT8RXQWXRagwf7Hb/vBjH2T8yzqHgE22fSZPtHxKcG0XOLCgCUMtWV1xGXKQNR7
TdjhhKeBvShpGkatJVbew3J9BhFIAvpO9mZ2dldl7sQcPsqSWeTVUU0VCqJKSFCZKJkPJVfxSpzR/aY5tedp
5e0vkGlcuoZLqF1WbkLKyM60qes5q+MUFkVhf1T67YEL52PaQcVkccO3XxNzAy/7xDVWV0+K4DdKmY
qUxkkW8DyiR++xv8Ad0XJ2ZjeivfmueXlLytqe8aVp3ZKWeyBbt7Rvhedv68l9P7Ak4jvb6I/s8Qp7nH5Wz43F
e/aegxoi3wLOBCB6YEL5j+IdIL+aKqpC1NOCfJsoAkbur62x0eJ+QqubTxVJIUdVW3UBUWezdSOimxq5m+
21ri4uOlsT4N7SqxlPoyBaTaUmWLRHlrS4hTbBQdZt1LQHnboPG1uoBwB1PS+OlD2A+ger3L6A/ZS9j9HY
07HGXaFLjoazPW0/PVfXy9K/e3kpPKPj9E2G2up3QT440O9bZ8ptBeNBkOr79Vvtz2H5LZgw+kcz1/douksY
1ZVDAhc38YOPJk+0c4R8NYb/dj0qrZiqaEL/OMZbEZKgPQvqsf3JxkIoPyWSY9AHfn7Fj5ZvyqOIdJPdl7V0
hjHrIIYEKivacViTl32ffGCowX34s6n5Vmyoz7KtLjDrbetC0nwKVAH7MX7raHWuNp3kLG3w4tsUrhuaVM
OyTx3jdprs2ZLz5FKdOZaUzKeQE6eTItpfbt4aHkuJ/tcQWuAwzOiO4/wVixWgTwNlG8evf61YuK6tIHfAheJ
3t+uy/8A0C+0anP1Ppxey3xQZV720jZtmptJHOP7lbjYQ6D+cpLp2IxudwWnlYuSJzZ4LRdorNyMvKgVa/x39
u/vXnnwWqqqTnYw5LRSGo5QypwhJQgua+8T6ED7sbHa21jxN45rVrqkLJ8DxoMuqtVdtGgoMZpKSQ8In1/
rG53t8PTGIc41PWtoiZpTgvo/ygLZVpv9itf3icaE7Urem6BOOGpUDtgQuYOPXtZ+GXZ04yVvI1fgZxdrVBD
KpC4VOadYWHWkupKFF1JOygDsLHbGQhu2aWMSNIoVQlvGKOQxuBqFT1Z+UgcCKDnNygyMv8Vfn
BKdbaU0OOpMgWuNH7Jub2NtuoOL7NnLU6PlA5tOs+5YqXaiyxzGBzXYuoZ9WaJpnyk/gDVavJgt0bieJM
QoC0qo0bfWpKQRaTvYqF/K+Fds1a2tDiW0PSfcms2rsbnlgDqjoHvUgh/KA+CdTo8iS1ReJN2FFtTKqPHDp
X+iE+8dTfbffEDritAIBI7z7lbZftnc0uAdlupn4ryG9ojxyyp2ku0nXOJWXYj7kCtZhRNRGqLYbmFrktNFDrY
UoIstA21W3HW+NwuyCSGLkHndu07Fo98TwTyNtUYrzq5600oeGam/s98svUf2h3CX3xptJqWY4TwWkgk
vsuJ19OgIWLDoAnFS8JQbI8DcPUVkbts5ZbmY/wBLPtGvj6l9FA6DGgroSGBCGBCJgwGaZGSzHabZaTch
CE2AuSTt8ST9uBFEao2GBC8kcl9opfaI9t7l6tR7/NbNelUemOqVdLkWNFkNakjyWtC1/wBtjZH2fkrAQdaA
95WAZaOUtoO6pAXrcj6g+GNbWfWcCFpJF4znh3T+rAgrwEqtRZokedLDgntLUp5iyQoLcuEJAI6qUu32k4
2lrS4huiwTnBrS7X4969JfYcU9NH7POaYinm3pbeYNctSVAkvrjMrWTbpcnYeVsYi83YpA7dTLqWQsLMM
eGtTv612zjGq6sL+ofhgQvIDt25leyv27c7zZCTHbh1ePIjPXOhSm2FpufBodD123xnLO0GEALHyPpIcW
S9cssVxrM+XIFSYILNQjNyWyDcFK0BQ/A4whFDRZAJdhEIYEIYELzx9rhmYSOcoX2Sto7G2SB5R3/409ivP6ZUjBRqujEScgehwIXJ3YkzAmP20e0FSTp1iasiSoUqGBCR5gozOYqFMgSNCNSX5qdHd5hcd3SFEoYAeOLCr
IOuJjouqwtgTmtLjkmqTILq9uhwgV5jKJM6onDFOAk4kXv4kEjAFLhotFuXA6gnAlwlaasNwp66Ly41egQN/
9Dt/3gxQsppAzqHgEy1j8ok+0fEpyaaBAviU1UQARzSe8Nhhh4JwCUJAaQVEpSB4k2AwikFF137GrsUL7Y
nayp0qfETJyRkRxqsVtahqakOJVqjRCehLjidSh/pba/MXw98275PZyB6Tsh7Ss3cdh+U2gOPotzPsC+gtIsMc/X
R1nAhUx7QHtOxuyL2T825yckNM1JiKYdHQtQSX57wKGEi/WyjrI/RbUfDFywWYztj3b+reqd4WkQQOk3
7uvcvnXRJTIdU47JbdWslS1lwErUTcqO/Um5+3HQKU0XPRxK6Y9kOts+0Z4YBLjSj75LsAsj5/1hxE/1hJxjL1+iP7
PELKXVT5Wz43Fe+46DGjLeghgQgemBC+aPObjYzZVClbJHv8nUNYCgOavp/NjobNAufv1UbrMBKVF9
DvdFzdKt2zbfbyvY288TsO5VJWiuIFdOexj7G6e0z2v41TqkRuZlPIa269NcU2sB+Qlf7EZJOygp1JWUn81gj8
4Yx182zkbPhbq7L3/HSrty2LlrRicKtbn7vjoXvIBYY0Zb8hgQtH3UsMqWtSUIQLqUo2CR4k4ELyR7DnaL/w
A1J7a6dm9tZ92npq7ENtz6yIjEcsMW8wUoCtvFZxtVts3I3cGdXec1qtitYnvDGOn1ZL1xxqq2pDAhUL7PX
n7OzjS6G1vFvKFQUG0C6lnkmyR6npi/dYrbIx0hY2+DSxCN3CivS21VXLchOYaX
HJOtqBKJQ42L9eW+gknzkfDGZ2mszRI2dmhyPWPePBYHZK1uMTxsx
xe1v2YsyZQdSkVB1n3ulOkX5Exq6m/sVu2r9y4rFqxWgwTCQdqqW2zCeExlfOhxMyk3lXjJRpUlswm5nNg
Ptnulh5sEBKgfEKsLeafTHQ4JC+BwG7Nc3tcIjtjJDkDUdoVnQS1Ve4Ry1stFTwTsdRHS46jx9dQxjnVas+wB
5pw1X0Y5SGnK1N/sVr+8GNFdqVubdE44alQPQ4ELxG9rA+xH9oHxGkTHGWY94LCFqXa1oMdSh8SSNv
TG23b9GYB0+JWr28tFoe5+Q09S4T7RkWJUhGrkOqR0VegqQXOUeW8WFKvqANiVpPet4AnzxsVhJHzbh
k7xWoXw1jqTscMTO+nvCgueqdV8tcQaZVnm6bUps7vo931ITNIAs4bEd5QIO3iMXYXMfE5gqAPUsTa2S
x2hspo4nhv6e1TDJNai1uR85LS8iBUSlS21OrKGHQAg33GoA/E2Av44pzMLeZvCydkla88qfRd6jok/EAR6N
lyvUprkoUopljQE6VBslJAI6gkNqHorD4Kuc1/YorYWsjkhHX3fAKuz2fWdJr/ALQPgRTmA5LYhZnpzvNkB
SHG23ihKkk/ngE90ncgeIF8UbfC35JK85VB9SyF3WuQ22CJuYBGutDr19C+ksdBjnS6ehgQhgQhgQqt7avGl
PZ+7Luc80JWpEuFTlswdNtRlPWZZsPGzi0k+iTieyxcpK1qhtEmCMuXkv7MGhmP24eHch9qSsrqDgjreSAU
JEV66r7fWv4DfbGw3g+sDgFhbEykocQvblH1B8MautgWcCFpI/rdf70/qwIXxzxxIDWduJtRYYnd4sp
KSC9IUpXxAKQbEjfUrzF8bg9xiBm6Bm6NylNAZhv3lhes+6s3Vfq
bn9Ik+eMDecmOQHoWZsMWBhau28Y1XVhf1D8MCF5G+0CkR5na24gx3WHn2VT0IeAZKgoe7NbeX23/
HGXs4cGNIVOUg1BC9FuwZmlzN/ZAyBKdbWy4zSW4Sm1qBUgsFTNjbxs2MY60CkjlYi9EZUVu4hUiGB

CB6YELyy7dOYDnHtW5xfuNMOUino9Ay2hB8P0grF2LJoUTxnVd0+z9To7H2Sh/qD/wDGXsVpfTKe3RX
JiNOQPQ4ELz/4B5+GRvatZvirWhtjMtSqNLWVfpmzzf3qat/bYvPFYB0KEemvQAG4xRUyGBCBFxgQvHj
5RL7HOt8V8wu8euFdGkVer+7pbzjRYTeuTKQ03ZFQZQN3FpQlLbiEAqUlKFgEpXfcdnL5bEPks5oNx9i0f
ai4XSn5XZxV28e34968QZzoha0KGlSFFCknYpVexBv0N/A743oEFc7ETi6lE2yHFvG6hf8AkwqssaBopBkD
gZnLi7R63UsrZWr+YablqE7UatNgQnHotLjtIK3HX3QNDaUpBPeUDtsDivNaIoyGvcATp0q/DZZZAS1uQ1
6FD1G42Ow3xImgJKhZDqwQAq+oWN7g4QKVwyBC1V5eOGkpQiDPbBtzmxbw1DbDcSm5F3BdNZZa/qf
gEbfsZrp+8GKNm/Ms6h4KG1D8okP84+JTihB8PPEtc1CBVKGmrdBhpUgC6k9jXlOmZz9o/wAOqZWadAq
1Nkmoc6JNjofYd00+QoakLBSbEAi42IBxir5eW2N5aaHLxCy9xsa62sDhUZ+BX0E5J4dZf4b092Ll2h0egxX3
Oa4zToTUVtxdgNRS2kAqsALnewGOfvke81ea9a6PHExgowAdSesMUiGBCZ85cPqDxFgNRMwUSkVyKw
5zm2ahDblNtrsRqCVpICrEi43sTh7JHMNWmiY+NrxR4qo6OzDw2HTh9kcf/wBhif4PD/lMv1j3lR/JovqjuCX
Zf4DZHylWGKjSsnZVpk+KSpmTEpEdl5okEEpWlAULgkbHoThrppHCjnEjrTmwRtNWtAPUpZiNSoYEIY
EKpuM/Z3yCxwozU+3kjKCJApMxxLqaNGCwrkOHUCEXvfe/nizDPJjaMR1G9VpYI8B5o0O5fPexTy23GU
pbZUWkhJcQSpVkjqR1ON7xLR+ToQvdP2VPZQX2VuypS2anHSzmnNRFZrPdsplbiRyo/nZpvSm36RX540u
87Vy8xLdBkFuN22XkYRi1OZXS2MesghgQuWfbKdqBHZX7AecqozNXBq+Y20Zbpjjf7Y27LPLW4m24Lb
HOcv4aBjKXNZPlFra2mQzPYsNf1tFmsbn1oTkO3f2DNeYHsIpCpPtF8qH3huTH+bKq4hbagQpRiAE7AG2x
BF73xs1+ilkdxy8VrGz7ibW3Ooz8F7y40VdAQwIVH+0rnGl9gPjDJABLGU6g5Y+NmScXbuFbVGOkKheb8
NkkdwBXhV7KTtOy+AftI+HOYZgdg5fqrL+XJwdOkKiyXEAuEjwQ6qOvxsGz03xvV7WVsliewZkZ93wVz
m57c+O8I3kUaQR2fBC+kRJuMc4XVVnAhAi4wIXh78oP7J44O8b6ZmalReVSuI1TRJjltNkRqiARJR6awUuj
zKl+WN12dtWNha4+iPVu9y0Tamyhpa5v6RFOveud4EIuZUalxXnWXxFOve4Wu1jq26hQI28rYnc7n0Kkjae
SDmmhp619HWUwRlenA9fdWv7wY0V2pW7N0ThhqVA74ELjntCexqyZ2ie0HmPiLU81ZmhVTMT7LymG
GoymYvLjNR9LetBUAQ0FHe9yfC2MrDe0kcQhAFB76rFSXTG6Z0xJqTXqypkoVmv5P1w7zlRn4U3OWbn
GpIss+7wyq3oS1sbbX64livuWNwc0D1pk9zQzMLH6HqUBl/Jh+HcyjU2IrilxHvSHi7Ee5MDmNJ20ovytwm2
3lvi6Np5sRdgGeuqxLtkYSxrOUdzdDlVK6J8ma4bUhcoL4jZ8lMSX1yeQ5HghptawAogBrp6YY/aSZ36A9alj
2WgbXnEgmtMqVK4Z9tF7OfLvYczblWPl+r1isIrlHkSJK5bMdvQppxLYI5aU9QRcWPT1xm7jvF9oBDhoela
9tJdUcBDmcOhVp7K2kjMvbp4WVKa68JLecaUtAVqS2pKXUpTbwJuLb9L7bnFm9nYLM9jeBVW4YuUtL
ZXnPEOrJfS+OgxzddUQwIQwIQwIXnl7eXisv8nMj5BYmritzJLleqOnYKaaBZZSo/oFxxaiD15YG+MzdDKF
0lOgLFXmahrK03rkv2adIrsvt78MHpbqpMBia88nXZtwJ93fQlSwOp3+r4ffjI258Ys7wNVRsbJjO0u0uXuAj6g+
GNVWxrOBCLlC8Zz96f1YEFeAXDvJsPLNSkttqbQkTnmm1dFqGpRt67C+w9fHG02mVzxXoWBskDY8hx
XqP7H1nk8Fs0jf/AKO+PX+tmcYC1mrgs1GMl11iqpFhf1T8MCF5O9uuOqt9sLPLHKWY8eoNrWoLsCr3dm
w/H/K4xk4ThjBVZ9S6i7K9ldmP3/s8zaWtd3qPV3k6b/VQ6lDo+zUV4pzjnVUzDkumcQJ6GBCLmSUQ4rjzig
htpJWok2AAFz+GBC8gM41Zeb83VWquEldTmvS1E735jil/+9i6DQUUbs16SdghHL7I+TU+TD/8ZdxVk9Ip7
dFb+GJVhX1TgQvFTtg8Yaxlrty51l5YkGnvZbzY7Mdqi0CyHWXUr5LQVsT3bLcPdQCQLqvp2Gy2dvJAyZ
1GQ9p9gWFtFqe6QsiyAOZ9g9p0HXp689njjnQu0rwUy3nrLUtmbRsywkS2HGlhYSTstskfnIWFIPqk4wc8L4
pDG8UIWUs9oZPGJYzUFTPESmQwIQIuMCFzr2jvZL9nTtYV16rZ54UZXqdZkK1vVKM25T5r6tWrUt6Mp
tazfxUScZCz3ra4BhieQOGo9ax891WSYkyMFT2eChGRvYH9knh/XEVCJwaoc19sgpRVZ02psAj/AFKQ8ts/
ak4nkv63PFDIeyg8AoIrhsMZq2P1k+JU49oXkSi8O/Zg8caRl+kUyh0qLw+riGIVPitxo7I9xe2S2gBI+wYgu97
n22NzjU4h4qe3sayxyNaKDCfBfI6ruJHwGOsLlSQzllhSVDUXNXdQD9fzH+XTDHK1CMWR048EWEmY0
FOKuk9EDZI+PnhE80YaNHas9wbaQLYElTxXUWWUXy7T9r/sZr+8GMbZvzLOoeCitn0h/wBo+JTmy2LfD
EpUQCOQ3thMSeAusvYjpt7Tfhp6Go/+zpOMRff0N/Z4hZu4R+Ws7fAr6Dx0GNAXRUMCEMCEMCEMCE
MCEMCEMCEMCFGONX/UezX/ALDzP4BeJIfzjesKOX0D1Lxh9lb2X/8ANOdqSgszo4ey7lFtmu1fWm6Fh
ChyGDfY8x0C4/RQvyxtt52nkYTTU5D2rV7vgEsoB0GZ9i9x9i9xEiwxpy2xZwIQwIXjT8pM7Qqc48WMvcNmH
EO0zKNPVUaklJ7yZssWZBF/zGUD4e8euNx2as5awzbzp/bzbzp1D49S0faq0BzhDuAz6zp8dKof2AT8yL7TzKLLk
NTYepFXS88D3HAiMQgkfmrB1A+e3ljI7QYTYnCuLe0Eag59njjxX0HY56unIYEKjPaaf8Paaf8A9PrjJ3
UrP5I1DSlSdQUeSqwt43NsXrs+lx9YWPvb6GWfb6kr50uI9KeytlKn1GGSS21GFwaUS21GFwUOuOWbUgb37wN7j
yB8L46DA4OeWXObZGYo4pFOmuVO1fRz7pjAq7TfY+yNmySS6hyVHVVJFO2Z6yicOU+CfVaSr
4LGOeW+DkbQ5g0f9rl0Zm5NnZM6fQ4Pd8/sF7m5QBuGtlDZsjqlSZlSzdBr7M7mtFS6XlOKbVbGQpIs
nUKW0f9cB8Bi9d5sdZGGYxQhwF9Ak1tiO6uUzydmhc/6SiqMF7fWbhJZGZEXTTNJMwrgKT0+U4VFMaKpYZ8n
VsbfIz9LdotVs8hNY95z7D96+kPhvlinX2XX/YrX94MaG6fqKuv1CaV/nk+jNaKjqlf+0nEFwxr1qpbDZjEyA2o4eAj6CtIqG98cXcSQdbj
PZuJTK7b+RXXUpkSUzijU2pQbfsV1XLSNgUi4JHHxmrdlFZKnXw6F7No+oPhjXll1nAhaSTa
M4bXsk7fZgSFfPzlWsR8Vp1ycxVJU9WpwMpZ1cpS17qTchO/1dRN1W8BtjapmFzaNIAWCL6Akr079
irXm8x8Es5SG1G1NsSFpUyoRWAUHgQvMbtnQ0ntVZ2VaM0nJjHx6fBQnRhUjQ6s60ULGY0C7tJV2Va
95qDt/rDWLbHHCKNwFVc/sqcxGHmfN1FPSTFjzkAnoULU2q32LT9wxHNuTmrtPECChgQoN2mM0nJn
ADN9RSbLZpb6Gze1lrTy0/8ACUMK0VIQvLIx+WAk+A0/HFtRr0q7CI09k3Jw32Yf/jLuKz/SKkCtzDELCtk

nAhfNJ7YvtC1Cv9tfi1lOmh2FT4WZpkeYvV9JNWFi6dujYPh4+Pljo1x2FrYGTvzJAp0feuV7TXvJJO+yRZN
BIPT93ir6+Tr+06jdnHiEvgpnmpJjZPznO5uX5j6gG6TVHCElhSj9VqSdNj0S6B0DhIq7R3YZm/KYhzhr0jj2e
HUrOyd8cg/5HMea7ToPDqPj1r3iBuNsaGuloYEIYEIYEIYEKivafLDfs4ePKiQAnh/XCSTYD9gvYvXZ9Li+
0PFUryFbJIB9U+C+QB6rtOJCWbSHLbBBuPtPQDHWMXBcubZ3DN+Q6fctGI5C1LcIW4rYkdE/uR6frwlO
Kc59RhbkPjNJZbohSOZty1fXA8D5/wA+EU0bS8Yd/wAfAW6lpUSdt/LCJtF1RlhP9TlO/sVo+f5gxj7MfmWd
Q8FFax8+/rPinJtP3fDD3KIJQ2jww1TNC6x9iU2U+004an1qI/8A+dJxir6P5G/s8Qszcf01nb4FfQWOgxoC6Gh
gQhgQsax5j78CENY8x9+BCGseY+/AhAKB8RgQs4EIYEKM8aVBHB7NZUQlIo8wknwHIXiSL0x1qOX0C
qD9kh2Zh2duyTSJU+N7vmPOaG6zUdf7Y2hSB7uyfLQ1YkeCnF4uXlaOVmIGgyCqXdZ+SiFdTmuodY8xjH
q+hrHmPvwISLMuYoWVMuz6pUH240Cmx3JUl5ZslpptJWtR9AkE4VrS4ho3prnBrS52gXy8dq7izUu0V2iM
6Z3nNI15xqz9RbHMI5LSzy2WSbbhDQbTsbbemOo2KJsMLYx+iKLkNvkfNO6U/pGvsouoPYIUmoU32kG
Uy9JS5FNIqikNrUStGqKTuehNxuNj+OMVf7mmyOoM6jxWa2cjkbbG4jlQ+C99NY8x9+NCXRkNY8x9+BF
VSvtG31M9g/i4topLicqzym/S/KOLl3/SWV4hUrxJFlkI4FfPG5FXxD4lyWw3rpuUVAW1/wBdzFo6n1bSTb1
V1xv1RFF0u9Q+9c+wme0Efox+txHsXqp7AjjyiFUc5cM5UpHLk6cxUptRCSFDSzLRbz/rdduv1zvucarfUNQ
2UdR9ntW3XNMAXRV1zHtXplrHmPvxr62BDWPMffgQgVAjqMCF4l+2V7Nh7Lfaxk5rp8ZLWWuJPNlIU
hADbEhZRz2z0As7Zz4SPTG3XTPy8HJu1b8fHUtSvSH5PaOWGjsu/wC/xXtFk4hOVKYNQP7EZ3v1+jTjU3
ekVtbdAnLWPMffhqchrHmPvwIQ1jzH34EIah5jAhDWPMffgQhrHmPvwIXjj8pYzS1krtNcHajIipeaOXKs206
sK0Nu+8MEDbxIFvTVfG4bOx8pBI0HeFo+084htUUjhXmup1rlD2V9DlUbtY8Iqu8UIVX84wHSoA3QTItpI
8li5B6XBB8MZG93h0T2D9EHwVG4YnRuZK79Mjx9u5fR6Fiw3GOfLoyGseY+/AhDWPMffgQqw7aHHdH
Zr7Leds6C65NGpjhhNpO70tyzUdA9VPLQMT2WHlZWx8fDeq9pmEURfw+Avn8y5kqJOmwpFTLyo7iVlt+
RqPvzu/MdKgq2nXew8Rc73xuL5nAHD/BatFZmEgv08eJ6uC6M9mxleJR+3nwtkNJYBcqz6AtCVBTlosgatz
YJ3tcdSAOgxRtshdZ3g8PaFfskDWTNcOK9xULGgbjpjVVsSzrHmMCFpJIMdwXH1T+rAhfO2/mxvh+5WJ
M1Jera5TrcaK7YKX+a2Sm37WkX2v1v1JxuPJcrQN04rWDKIMTneluHh2L1C9hBR3KZ2d83vSXXXJVQzH
7y8XQAvUYbA3SNk9Nh4Cw64wN6OBkAGgHtWYu9pEZLtTmu5rjzxjFfWCoWO4wIXmr2xmCrtRZzPgZi
D/xDWLDDzQkpmpH7P6uHLnaVpbRVpbq0WRCV6nRzE/i3+OGvzCVeg+oeeIULNx54EKg/aOZl+ZuzuuEl
aQus1CPG033UlJLqv4MffhzNULgB9Onw3G+J6oovSDsKqH+ZQyfci/Ie8f8Awh3EL/SKFbWoDxGGIWFrG
g7jp54EL5aPaotj/mj3G9RQVH8tKhbwv9JjqN0n8kjH80LjN+D8ulP84rn75u7qlu2JIvpvYAYyOKqxOGma9V
vZOfKOFcL4FN4ccfZM2oUOKlEWl5zQhUiTCbACUtz0C63UADZ9AKxYa0r3WNVvfZrGTNZNd7fd7lvFx
bV4AILZpud7+PXr1r2j4YcWMs8aslQ8x5Rr9HzLQagnVHqFMlolRnR6LQSLi+4O4OxAxpcsT43FkgoRxW/
xTRytxxmo4hSHEalQwIQwIVC+1ImsRPZt8eFvutNNqyDWkalqCUkqhOpSLna5UQAPEkDF67B+VxfaHiqN
5kCySn+afBfIc4kIaT4AC3pjrK5SDUpifqfzfU3w8lXJcIuQL8s9Lq9CPHEZOeayjIOUibyZzHr6ukJQ7LZYjF/
UhLKBcqFrWwVULY3udydM0wLnFayUtAJJuB9JsPs2+7DMSy4joKE+C7NysNOW6d0/rVr+8TjHWevIs6h
4LC2ofPvrxPiU5tpGJVGGpQ02DbY7jDap4C6x9icLe0x4bW86j/7Ok4xV8/Q39niFl7k+ms7fAr6Bh0GNCXQ
0MCFhzZtXwwIK8FZHtYe0QmpSGxxPqwQh5aUj3GFsAogf5xjdfwZZfqePvWli87VX0/D3I5n2rfaGX14n1f8
AuGF/gcBuyy/U8fenfhK0/X8PclKPap9oQ9eJ1W/uGF/gMM/Btm+p4+9O42n6/h7l017KPty8WePva5ezna
WdXKK5RpskxHY0ZtKnEcvQq7baLutc0k2F7qihXtj423xj7zscEcGKNtDUcVkLutc0k2F7qihXqFjXVsCGBCj3FqUuDws
zI80UhxmlSlpKkhQuGVkXBBBB+BFsPj9IJknoleMUL2nfHr3JgDiNUwC2m1avTGrB9utGuM07PcmNj2svaEPXidV
ZIKn7UDj4DrTxTmwDBOlQ8LFjEjbvs2mAev3qB9utGuM07PcmNj2svaEgVTlSeKlTead3aIgQUlV
/wA3ZnZQ8vEeoxObrspFQzxVUXpaWuo6T1D4qmHiz7RnjzxPfLtZ4Fbtg7Tt4l1ao0StxHYE2P7pFbMplYstBU20l
YuNiEkEgkX3xJDxDd9lY8PDKEdfvUNpt1qkjLMdQRQlCowpCWeR7y2UuCxU3eR7y2UuCxU3UnfY2tewIHS5xmg4a0Wu
SNcBhqpLwd7RucOAOAPEmn5ydR5rcQSiTXaSj5b0JqD0pW4Rfy4ESVAHJeOOs4ZpIqiHsmtGyDTGXTRdy3l3L2sdcbbcXYIj
TQ0z7Mirzr/tku0pl2IkzOKNXaUondEK4df6u1wWLp3IO4I9cUGXNY3Hms8feslNfttjHPeR3e5QzO3tiO1Zlxp
TrPGuvraKOc0v5tpqm3kjSFJBEfZSSre/UdMWornsDzQxDvPvPWPtF+XnGKiY8dB7tQo5U/bKdpjjZlZyWn5/l
VyLWmnI9Qalw4aETmlhQU2vSU2vSU2nvSyNSVA2vVGfaVJW4KVkNCQ7wGhNLcrqQZqOB3oEZ9WtAMq4hHR0RXI7R3jOBAHVJ1rTP7lvw1yw9lLLJJcZ
yotTZ8iS/MmyWk2S6twXtNJ6k61W5xOaE2sMrKS4p8BGbJQzAKNahvdgSiWExV8JbNCP5Ua7tAZgjD4Ky9CxNZzV5t/LzIRCqyEAhJGoZpQvg3m/ZjEaE
VaemTonMpSpxKFsKQ6KKnPVSJl0nxBtwfEIhbJE5kmenirEszo5o5Gbq+Gat6J7WDtByoDjkGUfZm1DouTeJ/yIOpCBR9vhWBMrqUN5LbkBDmbTLB3
QUG07G45H53X4EEHFU3ZZgaYPH3q0287SW4sfh7t6Ile1s7QsmGHz1WSjK9ZsqtxvxaEj4yFbb+cFoj/oAjsvicPl+qBFYqNKXNbxWM3Jmg5+eTMeTVPUzIEMYA
Dk1WYjtCqAbuSvVgR0Fzv3mFc3x0YcdLcZ9ZWkfFaM8E3dwmvqvanwiNUnPPpKaFeo3Ksq9idwmGrQEJc3iHbqJh2iM/V52Dz1bbPAFyFxUQUsnoTfR0t0pjYHlk0Kfe0Jt3DRzL6tdPhbW4wQmhh
9vvWGtF8XjFaWs5U4T1e5O/HvtY8SO1RwpTRM+54kZpp7KHJUdMmFHYcafS0pNwWm0qSo3sU3t6Xr
KkNnihlxRNoszPLJaICyV+LLhvorAg+1B7QNIapTTPEuqvQnISVN2hQxdJACQTybBQ267K9DiubvsxrzM6
9PvVltutIw86oI6Pj3p6pXtQOP8aG/Lk8R6rJjpQrQFQrxqpPEEnGxTnVN04aXF2Xx
qtab7UHj0KkqM9xRqTikuhA/YUNKlAjfYs3v9U9PH0wrrvs9Khnimst0+LCXpwqftQeOsWchauI1RZhsk8xx
UWHpd9B9D1HX+fDG3fAR6OamdbZga4slXHET2v8A2hcrZmZnUiUBihV6tTyw4qVFNNhlkAHcihXGm6MkL/
xB8DtdgumzPZheyh3Gv3rDW2+LVFKHxpCmYpkOnRPVE9pV2is6ZVXMhcb4+9vJJuPn2MbpWL/S7qMLk2p
LBV12JUQR5YhfYrKx9vlrUXptc0WNk3OPACg6KUr3qp+I/to+1PSr47r2rm2g8g4vlqxJo0olZrJSliiBOGB
UwdiOlvXEGTObaOb/+9a/bb/vJkmAvwkcZ27KFQoedqvUc21nLbch33Bch33t9llsS0TqCUpZ
bQATbckXJAA8cW4LJDz1J4J0l0tSz0ty0yRAzXlB5D0J4qDi2Di/BTLsm6Q2H6tDNvZ0OAA5I9D4Psd

bQoFOkg+KSAQb4oW+Ite4H0XLO3NPHJCzD6bfio6FflT9q/2icsIlxV8SalKmx5YitIVBh8x5Dl1NuaQzc7bbe
I6b4oNu2yvo4Nyp09qybrytMYLS6pBp1103JTRvaVdpVdJmrlcWqs3NiyHG+SqmwCBZKDYkM9Bc3t0sd8
NdYrJUUZl1lOZabZQl0mYJ3BIs4e1i7QFLokso4tVFMxKV6AKbEbCu7sUXZN9/iNvDD47ts5cOZl1lMtF4zt
jNJM+pVzU/aH8bu1Nw2jZZzhm2p5nhLkLfWy61Dje8lJGlzUltFg0Cq2+61p66drD7BZ4Xl7BTv+M1Rst4Wu
0RBrzU58BXp7PFRypVWRU+W0ZTVPENSWodOba5wQkXOp1xQKe6k2sAelh54RrQM6Vrqfcrj3OcaVpT
Qa96l3B+v5q4Y5vomZMs16oxavTVmQ3MfbCWIi1IWnqpB1EgqG6VJ36A74gm5NwLXgKeFkraOa49uiuO
R7VDj3HkxWfy9q7ciS0pIS5GgpaNibLCi14AHY+XS3WuLvs5BOHxUxt84IBOZ6lH6T7W3j49nhxCeJtQlR
YbCUCP7pC0ynSf0gyDcX69O74XxM67LPydcGZ61XZeUxmIDqgDTLMqRyPaycaMuKWqr57q8mdJduxD
htReWlA2KL8i5B3GrzG22K4uyJ/oDLif4q0byfH+cNSdw/gqX4W5Ufcrk2dW6cl2q1ZQdgF+WUrZ1KF+8dx
YKBvYk22xPaZRhDYzkNclFZITiLpRzjpnoukez3xxz12eqdMpOU8yTokB54PSUtNMlt5/lpSbFxKj3UhAuDu
etzfGInDZOc4ZrMwtLOaDVWuO2pxieLQOdZ0dCnAFaosZSyN+6LN2388VMEY3K1zlimdujis4+lh3OVU
W5HdU2siHHIet47N9LW8tz6YR8TdQENJ3pizVmmfnXMcqq1eUqbUqgvW88pKUl1QSBeyQB0A6AdMRg
KUcFjJuaJmVszsVGlyfdahTHg4w8gBRbWB1sQR4nYjCO0zTmCporJPbB4mgf9N04eH9bsf4PEYonua1YPb
D4naf+m2b/c8f/B4cQ0KNoqVFuJXG/NfFmDGj5jrUipsQ3C6yhxttAQoixV3Ei+22+FAAUlBRV7mCqRKDT
n5cp9qNGjoLjrqzZKEjxJ/yv064kYwuOECpVd7g0YnGgTAr2hnEjhBlFt2JnKblTJ9HbUiDA91YLzmtRVqcC
21K1KJOhoG4vdRvsnIx2JrzgAxOO/d8cSsbPbeTaZpDhaO/44DvXOHEP23/AGkcw5leco3EmqUWnJGhllMG
Cs2v9ZalMG6j6bDp64z8Fy2VraPbU9q0y17Q2uSQmF2Fu7T3KOTPbUdqVpOhHGCtqWf/ANOp3/y+LAuix
74x3n3qo6/beP8AenuHuXMXFLiLV+J+eq3mvM1SVVsx5glOT6hMW2hCpD691qKUAJFz5AD0xloYg1ojY
KAaLCWiYucZZDVxzUDqlVMwaE3CPzj4q/xYyDGUzWMdJXRNT3cO334kTQptwE7UvEjstV5dT4c54zN
kyW4oLfNLmraalW6c1rdt0fv0qxVtNihnFJWg9ayFlvC0WZ1YXkLtDhd8p87TnD2G2xV15CzsGwU86rUMs
Pq2sNSorjKTbr9TfxOMHLsvY35tq3qPvqthg2vtrQA+juse6isd35WtxgNN0I4XcNRM5YHOMqcW+Zb63L1g
6b/m6/7bxxW/FKDXGfUr345zYfQFe33qqOLXyojtP59KotIkZDyUJCVEOUihc55sAJGypTjwvck307XPpi1Fs
vYmHnVd1n3UUL9qLY9hc2jdNB76rjLtC9sHip2qakJXEbiFmzOKkK1NNVOorcjMnrdDAs0j+1QMZmz2G
CDKFoCw894Wi0ZyuJVWrHMTZPSxFziwohrmm6qwmJDRU8ltSUD6ytrD4+WGOHFXLNK8GjE1RMuxp
Sku8otsDdDQuA5+6UP1DDKBXpLZI0Ya1dvPDoHtToRYmwNvQ4cqIcuq8rJ/qbpv9iNf3gxirP8AmGdQ8E6
1/n39Z8SnRpP3YkJoo0paRv19cMTxmusfYopH/NLuGxHgaj/7Ok4xd8/Q39niFmLjA+WM7fAr6AR0GNDX
QUMCFq5+1q+GBBXzLSmganK8Bz3P7846GTQLnorVHRm7gdMNJUjWpY0g+Vt9/XDCpBVdhexIb09uq
H/sBUD/AAOMXe30ftCyd1/n+wr2Xxqq2dDAhRvjJ/1I80f7ES/4BeHxemOtMk9Er59IDWqExexs2i3psMbpX
NatQEZpLW4KHGVKUhYHUqQd0kdDY9cPac1BKzKqjtZhtlKlSUxXFrsCVp3A3PUG3n5fy4nY7gqkjB+lR
M05CaYxy0rTqUTocc7ofChslYv1tsF/Yd7YmHOVV4winwfjioq/AdjVlEhBfDKlqaUpbXeidL3ANiNvK25xY
Dhhp8FY9zCH4hp1aJpqvu1JzGlxbhkJfVd1TagSlwbKPwUkgelvtxI2rmqCUNZJUmtfj1pVXHHM1KeSy4XSp
tDjrpauopQCQjTtqKttug0k+OGsozVSS1lrTt7N3amTOtEbXCamOxfeKYzLQkue7ForQbhw2F9Vk6u9cfVH2
SxP3A504qtaYhQPIq2vCmW/r61U9LjP07MTr9NeCnKYpb7Tl7FxLar6h/a7/C+Mk4gt5w1WCYHNkrGdM+5
dD8LOL8LN0JBWtKpJSkONXS25FPS5GwUg+Cx021BPXGCtVldGej4+KLcrvvGOZuufh93T3p6zjLWquQI
yW02ZL8hxC7oS8AjSU3ANwoL3A+GIYhzSepWbU442t6z8daDFfMya0G4yhKYOlLgs4h5k27p6FRHknfbe
2+FLaDM5FIJcTgAMx4J5jZXdfjqW1J92lOIWhPMSpKHknfoQBY9Lg7Yi5QA0IyVkQEjI0Ki3EThw/mbhlD
lRjGdlx1c9q10LBAIW2CdtrePinFiCcMmIdoqFtsbpbMHMpUZ+8KKZI4suPsuxJ7yIcx5kJakvXU3zLizi07322
I8euJ5rMPSbmFRsl4EgskNCRqePFWVw2z45XYselzWWWahSktRilOpTcppQCUODxsd728fjihPEGnE3Q+p
Zuw2ovAieKObQdY3FSesw3oEKQqLIbXIaWw060GyluSFODSVKJIB/dAbHrfpiBhBIr0q7IC1pwnPLtz+M0
hrrzOZLyajEkiYypSZDIRs3pJGlBP1iAfrDc3sbAgYc0FmTSonlsnOeDUa/ciG8vyatAkGnwubGlx1IbfqjJt3hpuFA+O4Jtuk07aYd3
xmizWR4djJzPd1dPSk1b4CsTmnqnlmZJoFYKiXIyVaWCsbltSRsBe3mkgg2scKy2Ec2UYgkkuoEGSzuLHcN
1eHxkqO4x1ebmDNCfnSEuDVYzXu8xsjZakk2UkeAIN7fcbYytna1reYajctWvKR8ko5RtHDIqy+CHDlSMu
RGVtPNpcImSDo78hxWyE2O/LQm+/iScUbXPzia9Cz11WPDGAes9J3dgSjijwDp9BXKr2Xqk9R5cK76jq5U
ZKki50q6pNx6i+1rnCWe2PdSOUVB70W+6Y2Vns7sJGfAd+5RzIGaq9xPrNKemz+ZPTKLTD4YCXUJQlK
+YSAAdNz63tfE88ccQcGjJU7FaLRaXtL3Z1yNM8hWqtZ+ZLXMuw5LLTCGlQE2i3XJWq5OjqValEDV1J
UrY9cY0BuPnDpWwuLuT5p6NFHuMOeI2WaIplyloTUJzaVaIDVNHd4GamykuG2wSL3bdQFKyHDIzQDk
OCq2+0tjjoW5kUzzOiL4NUeXlnKUN/kqW5NHdKHBzrEq0toSpPUXUbagLkm+FtLg95HBNu6J0UINNe/q0
UmipZjPOyXH54qIP0sZ1vmLWDukAC9lb3TutkqAGCtNo/PSl1fdF
gEpF7fzeA6xtZGDkFK+SUipITJIjB2mykSmkvoDY0IJU4XuhSAp W4AsAPEC+42OJgaEUVdwq0hwqorlOq
nL9eqANJZqFSdXoZKtXKjEXCiUC2ojb0Fr4sSNxNHOoFTicWPdRtT6lbPC3h0hwB+eqS9V5JGmSoc59hIsr
6MXsix2ub/AAHGMtU50bp3d6zFks49J+bjv93BPkmhzaMtKo7bipDa9aWTHiSCNPrtva3aPT+cbTELXtd
qrLmOb6PxxVmZJltP0mmFKm1SHXDzha3E2JLhD5mdz8qA0SH7W9oxjFmLnuAjM7V9yprI3L1Imi4u9ij
Fzv8LeeIWtoKlSl25aViGqjJRKbeWiYNLOs9Fp0glISNrC9/PA04uadEOBGe9P9AqxrDapqkOtNoTy0tKAsTf
qD6kgfYPPEL205qmjdXNK8pTGqqmU6y2EpU+rU4no/J+rEUtRkpYiCDRPZa22xCptAtH2hY7euBIQEh
mkJQq/XEjBnVRvyC5+4xcaqPAmy5lVkOi0i0eStmCbbUpLshs/XJtpU5+iL2QD6fx6uM5ZbI8gNYNRmej3eK

wNstsTKukOQOQ6ffw4da5L4s8RavxkrRkTFcmKyo+7xgo8thJ6/FR8VePoNsbLZrOyBtGrSrfaJrW6rsgNAoB
Uqet5QjsoTc/nari3iTi2DTMrGOYTzQE11WCijxStKgT4q8ziRmZoVXmbgFQotOHvBUpQJvfa+324utFBksY
8k6pnlNcpak3vbyxYaVVGRokamjc9dx5YcSnIlTNr9fhhQn1WpZClgKH44RKCQmmTNcpalIlodWlOyZCEF
QUnw1BO4P4bX9MRk0V9sTZedER1E07q6j1psn1RszozsbmvlslLiW2lElKhvuQBsQMJizqrsMDuTcySgrpUj
UfBRr0mW6k8uAoA9Oa8lN/sF8OLidyY1kQPOk7gT7klaVOklxOmLGDatCvrOKB6+g6H1w3MqdwgbQ5ur
nuHvRRogulb7zklSTdAUAEg+iRt998GHin/KsiGDD496NDR03639cLRRYkQpnvHr1w3JTA5Lq7KiP6madu
B+xGv7wYxFnPzTOoeCmtVeXf1nxTqy1/iw8mqiDSUoZTbDU9raLor2WnF7LXALt05HzZm6qs0PLtKM33u
Y8ha0s8yE+2i4QFKN1rSNh44x96ROlszmRipNPFZS6pWRWlr5DQCvgV7Gp9sN2bCB/9qtH/ALjmf4HGo/g
m1/U8Petx/C9k+uPX7kYn2vvZvX04p0c/+ZzP8DhPwVa/qeCUXtZPr+PuWT7XXs5LSQOKNIJI/wC05f8Agc
H4LtX1PBL+FLKf0/FeFckh2dIUggpW8tQPmCokH7sbgtSAR7CPDbfAnhLmGienXDSnLpf2VvGbLHAHtZx
cxZuqzFEordHmRVSnULWkOOcvQmyEqO+k+HhjHXlE+SHCwVNQr93yNjlxPNBQr05HtTuAJ/7JFK/uSV/
gsa/+DrT9XwWe+XwfW8VuPaj8BD04j0rb/wAFlf4LCfg+0fVS/LYPrJk4l+0u4G1/h1X4MTiDTHpUymyWG
WxFkgrWppSUp3atuSB9uHssFoDgS1NfbISCA5eOEVnlxmgbgpQkEHzAxs+9YABYn6o7BURdPRRt0T4n7
MOSPyGaa5lFaeWLK167pISrqPQHbx/HDg8hQujBUZnUhhMpyO2zzGASOXqCi2SL3tvcWB2H8mLDXGlS
VQkjbXCBkmU5fjOpcQiQFKZcIbjvK+jdR+ckE2t4ncEC4264m5QimSq8i01AOm7xSPNVHYzllVfuraGJcNJ
bKlgN8taOgN9hqG2/n47YdG4sfztCm2iMTQ83IjxHvTFkyWxNjOOTXGHXU6kONKWkKbIQE94E7DqdvG
/niaVpByVOyPa5pL9fuSqu5miv5cpDYQp/T9GUBehBBBSQSL7lJ328/PDGxnE4qaWdnJsFKqrqtk7+hfxPprg
WyILzyVoN9SG0EgLQSRuAFdbb/ZjItl5aF3FYCaz/ACa1NP6JP8VavEjs4RKrGVUqItmm1Rsa21MjQw+eljb
6pP6Q2332xjIbe4HBJmFsVruZjvnYOa7o0Px/FN/AzPKq9XZdJzA9y6xFZESK26lKQoJN1C56ud1O3ilItffD7
XFhaHx6HMqG67UXymK0HngUHxx9ytKZR1kiQGWQtJUlxDh1oWi4BUOpBGxuB0GMcH7qrPujPpURqo
n5O7JjuoSpXKSmLMWQL3UmwVtpG4I8NtsJXF/BLgwbu4pDKlJyZUVSnWXWo0lIHOUW3Qy8OilAAAI
UCAVHxsTbDgMYoNVG4iF2IjI9RofceKjlU4eUvPyJlMcQwxJhKK4sltPfbaUQUgn85I1FNiLdzY3xYbO+Oj
xvVOSwxWisRyI0I4Hx4KAQjV+CWfoPzitz3Zi6EvM99LrKjuU3+sARfQeliNr3xcOCeM4fgrDAzWK0N5X
QcN4+Nytc1SRWzGSzNY5dQRGbYfZTdt0KcHe36Eab2PjjHFobWo0qthLzJSh1pQjrUzl0ldFpKEtvqkmUhxt
x1W5eUo31kX2I326bYqB4c7qWRMeBuRrWq2fdgs5fS6uWlzmSBIbUV3CEqVfSQNtgb28ycIA7FoglgZWv
SpZRHGZFMCEAkOElF+puq9vsuMV3g1zVthBGSKqtDeQ46/He5K2m77JF1gXI6g9Nx6jrhGPGhQ9hGYX
NXHWBIq3HRMdRZky1iK0UtJsCogEIA8wCBjP2MgQVGma069GudbaanJXhl12RECUIQoy3WG2nED/Olo
sL/BINhvuojGIkA36LZ48Q01W+dcsLruX5NKloLsZTS0ushwBVhuN/EghKh6jrhI5A12NuqJ4MbDG/Rc/5G
UrhzxGYpFWWy5FYdUgLCgWylxNwoEbAK7t79D12BGMvJ85HjatYs35NaBFLoO7P3q16hVAqhVary2Za
2mWQaUhvuMMKUOWlVhY61WASTewAvYqtjHBvODG9vFZ4ycx0rh1cBu/godlPhqribxMfYS+p+DR0Jdq
Mq3ML7twFJF/rErulN9rIJxZltHJxg7zoFj4bH8otFK1DdTxP8dFeH9ByPSoTsp6Q8/7on6VK5CwUoTc+Hp5
WG3TGK+VEmgGq2T5GGjETWiU5bybEgISELjyZa2+fMjCSVLUra2oX2WkqABI8LHzwySUnXTcnxwtA6
d4SuuuQ8s0NyWkR2WWxpU2bBxCiq30QO9yfzD49CAN0ZV7sJ+OtLJhY2o+OpRPOtZn0yK5NeaVFdU0l9
DpSkOhN08tpLfRCCq25GpWkqIFhixE1pOEKpM9zQXH44Cic+AOSItPyquoyEvOz6ovWhbY1OIAUdI63t1
WTbfEVtmJfhGgUt32YCPG7U/H3qWrgRqY4B7v839xSveEq7zw+qB3eqrGx/WDe1bETvqrmFrTpRSTJkRo
yErjNhDDLYGssHU6skXXpuSQkbgEi+xttvXmJpmrMQBOScqhkdpOY2UUtUgJcaXKCmXEqRrRZCrpUQ
DqKk39QRbEYn5nPTzCA7mp4oTCYkFtD6Zkp5Q57o5RtcIJHe6E7+dgEjELzU5ZKVgoM0tWQqS48/GEioq
aKmQpwFDCVXNkgdTYbk7kiwsMMruGifhFanVKZMguURpcdtaHHGrxm0gnfUSVEeNh9gJG98NGuacfRy
UkhROQI7BUltLICiCoWI/OUbdCTsLHxOIHHVTNbuKe0o1gK3ST6bjESmqi5CdJO/hgS1VLdoTtJRuD1bjQ
FQXZbrrJfWAsJCkkLCUg+B1hNz0Av1OMtYbAZ24q0+PcsPeF4Ns7qEVXGOf8ANFQ4j5pl1WoEJ94dU8G
27hpvVa4SCdhsN/Hrja4I2xMDGrTLTI+eQyPUWmtl5Rba1IQk2Uq9rYmB4qq8VFAmGtzmqa0UIOpSjcLJ3
O+J2glY6d7WZBRSryHZy1KXZRF9IH5o3xYjoMljZquzcmeU0u5t1BIxaa4Kg4FNsqMVEkkjSdhbriQOUZb
XVEKijSoEkAXuf8WH1UYZnmiHYawqwBODEnYVqzS1vqSEJJUT3QNycIX01Tg0nIKWUjhcttkyZjagsd4
NeIHmf5vvxSkteeFqycV3Ow4n9yifEeiqpOb5UdYB5ekW6b6GFnzLeS4/jDb2VMNUdGgKWdgnc2
3NhiQobnRqQxmStkuKO75Lh36A9PwtgaFakcA7CN2Xd96xIaNxsAFfjhSM0MdVEpQojoDY+eEUlUSWjc9
PvwzCU8OFF1VlQXyzTdrWitbf2icYazU5FnUPBXLV+ff1nxTu2nfxv1xIkalDTf3YaSnBKmhtcYalCWRyr91
9+GHVShL411dCq3kDhhKmYKpwjJIVuT8L9cRuKsBLWEbjwthqkCXMNfj4YSqeBRLo7err9p8cMT2pey0
UqHgfjhh1UgSyOknff78IpGhKWUn138sCkpVHoSSm+58MNrmlQZKFKUgfXSenj0H84wjiiq3NxbCVR0KDZpmO5efU22G/dlBSU8y4Tc2BSD4E7ix874874uRAP11WMtDzHkNE31abUKY0H+QH4xSkNuNrFyA
Ae9f8AN073I2AO+JGtacqqCR8jedSoSGXPmSYpfZhJDgAIVHcQpZA33Tq73j8fTDg1oNCVG97yMQb3UU
ezfVl1xKWJ8WPTnwofTrbUS+m19Fuh71vrHa+3jiWNobm01VS0SF/NkGE8ePR/FRfNEf3+sIcWuMy/UQlm
UwphPKYJACXEkH6u/XY7gbm+LEZo3q0VKZoc+uQJyI3DpTn+RMia0/B91p5HJKhKUwQ603cWVbVsSR
t8fXaIygUdUqx8lcQY6DrpnRQ/jpDTCpFOSYbMKQ24UrQhThABQOgUSnew6EHwIGLlhdVxzqsXfEYa1t
W0Pbw+NO5TngTxnm1PKTtPloS4qkxVKbeSoBbbjSBBcWsdOwJG9iD64pW2yNa/E3esrdF6SPhwPHojXoHu
Tdmfhs1XOE7VeQlZr0dg1N6aly3PKvpFN2HikfVI6abYfFOWzcn+jpRMtNiElj+UD0wMVeO/1blM+FfEKqZ
0yaxKC48iQoKYeCnPpEEABS+mw2B3PjipabO2OQhZS7rdJPAHZE6FLYtXnw6a4xNchlCkKbYW4oqLVr7

WAFyRbcb2HTa2GljSatUgkkDSH06Fik5tT31LUw/GfCW32ebqQ3ci9wSSEWPXcbdNiQj4kRWjtB1+OCbM
pVUpzS9HcdUlmmRn2eY4b6klauUgnfcajZW/5vXD5G82vGn3qGCSkpaT6II9eQT5VKfEzIfmysNo5KqekLU
TcsHUShYV1uCSb+O4+MTS5hxs4qzKxko5KUZU7uHx2Kr8n16VwuzExTKotaacmSHg6n80XsVj9ySBceB
T9+QlaJW42arA2WZ1lkEU3o1r8dC6Nj0tOZy2mW863CDaVspSpIUoEEBaiBsCPAHyv5YwRODTVbkGiTJ
2iIrThplLMNKGmY0l7lKUhPcBPjbokm3TpuLeIw5mbsW8Jj+a3DoCpTR5PNnutglDELSEEi+hZTuP3vXf19
MVpAQOtXIzUnoSnMs16JSHngzzLMrBU2rULaT4beNsMjAJonykhpNFzBTIT3+aCCF85b7dUWs3I16gFG5
I+/wBPDGxOcPk2XBaXG134QodcRXSTFCiUupNLCy2y23pXZWylq7yetwAEo8f0hfGvl5cFuIY1rk2PUh2s
zlSmw2actbYbe1WU8hSiSQg/mk6RckbA2uMShwaKHVR4C44tyoLj1FZkuIktQ0McyfIQl3fVywE6WrdLJFl
bfp2xlrI4jm1rkP4rWL3Y00cBvP8ABPHELiC9Jy5TKVGZLcqaxGd0IXr23Ug28FKUb79fLEUMNHF50FVYt
lqPJtiYMyB8d6tLg7kR/InDtLUUPPPTFB+oISkAtLA2AV4gbDT16nxtjH2mUPkz3aLN2CzcjCGt1Oqlebs0Q1
z0UhUxpMeSpTsovLLSkhIFm17XCVeg1ECwte+K0cbqYwFdkkbXkyct6RmoUROWnVCvMQ5HvPNQmK0
NaQFWsggFRunwG5vh1JMfo1TSYgzJ1OpRSRMMJv52l1q05kJW0mynTqIKQkbEBen87oOg8TiyBXmBuS
qk0+cc7NIaJlip8WKqy5I95jUxTulyYtCnugueg7xA2AFgkdbbnCvkbC2gzPBRsifaHCuQ46q86BkKPDj+6QX
qk+hhBbjBbwQWRYJ3sAT4G2x3tjEPnJOJ1OlZxkAAwglSLLnDiJHSzzIaVqZUkNLPdUsg7qOk9B19ScQS
Whx0KmZA0blMnssuTGW0RZLQbaUFFt1OsEeVxYi/rfFUSAaqyIycmpBBkKn5uqQTDdjvxYzEV5RKbICl
LWpQV0UDZABAv6C2HkUYM9UwVLz0UThWmVU9qJH0R9SVlS20q0JsATbpcJupI9QPXEbc81IRSgSxy
SmmOOvvKGpawdAFujZCUoHW5JJHrfp4MArkE80GZTLRfeg2lxxx9kPhDbehlSlJbAKgkE7DUsk+fpsBiV2
HQKFtdVLIDSqSy1GSk++vJTsd+SkeJP6RsbfD0xXOZqdFPoKJ5eeX80KeCNLhbKkpPn4Yi30T91VX3HjjjT
+DdEJc0y6vIR+xoYV9b90s/mov49T0HiRcsdjdO7LIcVVtttbA3ieC4yzfUanxHzE/V61IU8+/vqVslKfBKU/mp
HgMbVE1kTQyMLU5i6Z/KSFROqwAoFKVK5APePifhi01ypyRjdoozmGYlhgttaSTtp6WxOxpOqozvDRRqh
s+Mp46ld5fUknFoGiw0jCcymyUzyQU7kE/Hph9VXcE2SIxTuELVfa32YlDq6qJzd6SOxSoKvtqBISPHEmJQ
Fm8pMuEpYWrQsnffD8ajEZO5FrhaRuFEnpgx8E3kyNVKOEOX/eahNeWnU7HKQgne1yf14qWyTIBZe6Y
KvcXbqK3YNNYkZezIhkbQpCYirqCipSDub+F9jbw8cYsuOJvStowARvA3KhOM8XmcS6goqG6WiVDYftS
MZ6xu+ZHxvWmXn9Kd2eAUGrTXKpkoJFylBsfsxbcclXsxrK2vFJ3IpJNgLJw0Cila/ii5Me1+74XvfC1yT439
KSts6nDpFj4nwGGHoVguoM00PTpbby0+5hWkkXBNjhuMrIthiIBxrrrKTZGWaZsf60Z/vE4wtmPzLeoeCltQ
pO/rPinVps+RtiUlRtFEpaR9mGJyVx2woj1w17w1pcdArFns7ppGxRirnEAdZNB60sYs312xpv4/XCc/lH913/a
u8/5MvlKbkbsP9pD/wCRKmJDaOqh+OEO3lxfr/7rv+1St82jykj/ANsP9pD/AORKmahHQN17/A4YdvLi/X/3
Xf8AanjzavKR/Jh/tIf/ACJ2iWWhKkm6SAQbdcbNZ7RHPE2eI1a4Ag8QdFx69brtV222W77azDLE4se2oNH
NNCKioNDvBIThFTtt4+eHnpVVrSTQCq0ZzXTU3CpKdj+grf8ADGpHbm4wacuP6rvcu5R+bf5RXNDhdpzz
zkiBz4gvy6RqEraztS0G3vabD9wr+bDTtzcf6/8Auu9ylHm3+UXQ3af7SH/yJS1n2jp/0Ynr/pa/5sMO3Nyfr/7rvc
pB5uPlF/k0/wBpF/5E40XNFPrkhTMSRznEp1kBChYbeYYxdu7aO77fKYbJJicBXQtAC1fa3yTbV7MWNt4
X7ZORic4MBL4zVxBIADXk6AnSg3oZhzXDy6823IeLS1WWEhJJKb2PQehw68dobvsEgitkmFxfRtkStTlpuBU
WyPkq2q2psr7ZcNkM0bHYEOY2jqA0o5zToRpkmz+iHSYtWW+mSVoebQFgIUSCCRtceoprv5DFA7b3I
W0M/913/AGrav8nDyjB1fwaf/SFl3DA3Dyjbf7SH/AMiJNJS6hbfSrm8wJM1PPEiKrBbKzxAaPcxtaSqI3
+0h/wDIkWZcyVhmeERpQ9EMdeaHCOVc2/ofRKPKw8r2wdhiZlgcoNt6SOW+ltp/tbFgtRpE7jcBupQs
hGd6QS+vtv1wvJgfzn1FZHcxYO1tDaj30bQGuenB7XmNQx26u/nRdgHq+0G0ekHm3/T3SovwDpjFWuaJMw
7sfngQD08+DNGHlqvyxy6Cxt/Bo9wbxf1bVj2Av6Kvb1+8iuhiomsPKIKoT9I3RlSgbCRF8yoqKrPajlDy
bvN8LN63yRGcXKuO3AHaN+ZCbTHaEm9iG6W7fsnCl6qyMEIEGEa9Fi1X5LkG0bNTEdUSYpKYrHrSAAXM2+
pnPnWL9EoXj4kJmKD91f2vGwJ/xSGYVanDz8rhX+ujVd6AJIXzJO/AfPJDSnm1wx9h7GgjTvJvXR1+i3sI8E
Y+AN2y1jOrhuPD4iI0/wSYaUS2gjMYeBIJ84qvPZMSFHZSMq5BwPYTP+jRb4H3U0N6YMq1rwP1nzo3h9oL
F4Bi/qa+PrfWqzRuOrAa/MjKhNsW5Y2VNIS+qWzyCUh4G8w9zhqzg7GhrIm+d7cpxB0ARFNXChmTM3Pj+bvrP
pgEMBlW5VfxvmiZ+XHYLfx+5oz4UkSjuqD4bUJMpU9yjx3gmXQsbfJ+pIcCqJpN4Op8GQkc0cR+Lvwu6jWIzGNoPmFM4j+Na1CnSZE4vz4pw4T3+oMRIQF+bxx7ULzMLfRw/hv2BGqvmF2XylFdrT/TgiJzaKhePsn1Dp7hbTqxu8+KaLKvN3PJRnQRbyGvVG+QHrHXqnOeTsyGlRPdT7iQOLQ6nmXqDQE6i9PV5CFtZW+QdZvPDT0eWbExt9V83ByH9RVqGU0lRgu8VI9kS5sVX68aS6QsydZK+0bSMWHoVdefxaRpjaEFEHoWLDehGPPeDJsxFr9R4ahP8ggKG3sw+dnxDWmqL/PJYTXyNGSYXeXuAJYRm0=nfZE0FVRk0V4SLNpXxYN5ZQRZgIwvf5u3Gu/6YZwHVQCPlyEeVoSAcNR6yAhQh8URVqUMYOgtN8Pu+ECSEBS
vfw5+1cPz

XpGrpYkG2+2NctUsETHTOzAFT0Ab1vV12G2Wy0RWGAc+Rwa3pc4gAZ5AknfkltJ4vZDyVT9cSe5PfVcv
ue7uLkSidypSlAAm4G1wBjUXbZ3VIedMB2OoPUu3N83Xb+LS7iTv+ciqf76T0njTlRD71UqE5K329S4UC
MwsiJq62JSAXT4q6J3A8SVfthdFMDZ+s0dn6tE1vm7+UGvKPu013DlIsv7+qgUHNVH4j59VPzPUGqXSo6
TyoyW3Fd29+WNAuASSVK29PC1w7cXNFFhimqeOF3foqTfNw8ok8uKa7iBw5SLu9NdQUbLTE7KEdiC2
G44aS5E0JKEi1lIKTtYHp9pv44ttnD6Sg1DhXsK5vabFJZpH2WVuFzCWkcC00IyyyIIyR8akpUw262lLa2VH
UhzUm58UqI2BHW4sf5VxGtFDSgqo/S+0xkuh1yZHqFYahrjLMct8l9fLKTZW+jc6hbGuz7T3WxxjdLmCQc
jqOxdfsHkJ26tlnjtcFgJjkaHNOOLNrgCDQvrmCDmnxrtb8N2v/wARtC/X9hv7/wDAxVO1F2bpfU73LIt8gG3
o/wDbz/aRf96i0ftQZHGYS+uuhtuXEcQ+W4z3dcS6Vtk3RvstXTy+GLB2runDTlvU73Kt/k/eUDFX8HnT9ZF
/3qZZW4hwc9Nz61TSJlNWyhv3l5RbbbF7qukp1Wukg7bkWBxlrJaYbVC2WB1WkmmXDLeub7RbP3lcN4y
Xbe0XJzMDSWktNA4BwzaSMxwKR1OsP/OD4nIQXJpTZF1I90aWE/X6gXSbbG6QVXFzbF9rBTm7vWtfL
zXnb1KsqwXjES+yp11fe0raBVzCLpt17iBa3rvitIRWhUzAaZJszX2hsmcMqtJpNUrjcOrsIC3o6mHlltam7pBU
lBubLHwAxgrVf1gs8phmkoR0E+AXUNn/ACQbX33d7LzuuxmSF9cLsTBWhIOTnA6gjTqTbUO2dkGSEN
MZgZbRsNbkWR3T+kQEb28Bfc2xWG011jWX1O9yzP8A6A7fn/28/wBpF/3qteMOaOFfEqvoqcbOcWHKK
CJHMpklz3lV9lEhItYbAW6Yv2Xbe7om4DJXsPuVG1ebjt5K/GLAQftxf96rvMlLyhNbsxnejvaRteLMa+z9qO
Lke3l0jWT1H3KpL5tflAOlg/8A8kf/AHqsc3rajyHY8WQzKZbOlLzOoIWPNIUAbeG4GNlubaG77ycWWSTE
5oqRQjLTeFzjbvyWbU7JwR2i/bIYY5HFrXYmOBcBUjmuJGWeYFVC6lEKlkdTfrbfGytK5XIyuSZJzKQr85
XhvfEwNVQe2hTe9EuFJAuTfoMODlC6NIpUIssa1fnHp0388OBrkFXc3CKuWkDKs6pEFmLJcSoXKg2bH7
TtjGWzaG7bIcNpnY08C4V7hmt2uDyY7XX40SXRdk8zT+k2J2H+sQG07UpTw2q72oCE8lPktSRf7zjDy7f3
A0D8paeoOPsW92bzZ/KbPWl0SNp9Z0Te6smaCuFtXUr+sj5ftiNh9+Ih5RLgH/8AI/uv/wC1Wv8AJb8p/wDJZ
/tYf/IpZwsyZIy785mYzyC/o5YKgrVYm/S/44gtHlAuJ9MM/wDdd/2rJ3b5sPlKixcpdhFaf72H/wAinSX2nZOa
dDvIYnOxXWEqaGqQoMIQ4QRfSNaSd7E4pDbm5Bh+f0rudx6lmXebb5RSZKXaQDT/AHkOeWf+8VLcb+
E1WzFnN+XRoPOYShTakrQgLKW0habEg/pC/nvjL2XyiXAyMB9oz+y/wD7Vq9u81vymPtDnMuolpAH52
HgP+JxVfZy4V1/LtPlyZ0NbER5sNNqLiFaV2VtsT169PDGdunbC6LzmNmsU2J9CaUcMhrqBxWj7X+RDbT
ZK72XttBYTDCHhmIvjdzntZtFGPcf0TnSijjQ5zKHFBaArfbwGNoSijQ5S3NbS0R5LkDxE3XRaR+TR0ER
sBYHxI6euEVitdVj5nbvVvpJvck74TAl+UuXUeUkf1mMUz2w+rHH0xwvTvKDuKUiOvSNy+dxdGn3UpUpvU
u0dX6R7B6yuiebf5P27T1qFnrJj5lJWyR1B1VSTj9kcmf72Zb/xVGXpyOFvdTrt4NFRkVKJg6BmkGbx7i
mhBjm6omr3szfT5n+9q/fQ62Bu4fdJr4d+Q2zyp7YYD6D8zPrIBVVqvy/GzkVfIf/0ccknceL5/W5yxd8mwC
yR8KeOBHMXJ0fNfG9X/fxL6ErTBMMBKodemqRFyjZjSHXYxDzvB9nbjOcmxeTuy7W/EQQd/YtBIjUTS8SA3
9jNlEXwhyvVhxfNjrKNaFa81FIzZvJwvTvDB3G75DbJ0iagMDCtcmVBE3A8VODsEmCDiz7MeRqKdcMvh
mgNX2VMbTMGKzFeDY2d3nchbtmIHgPtbh2jmG5oQxoDCcRWW4z0TEOAwqHpJQvtTLBOpoSJAq/K2SrNW
X9B4RhNfjVe7PbP2Oz5LfjCm81R2UOE5Y1v/eO/uPGhgsFqtWpdvfHz4mw6tM2a9YWLrbxfdsKsnK7W
pyrRMCf2OfvF1/MY7hTBbJRKEOPAvwbTbWd9s/ltMvN7/N/U1YiWr1EfExAYJe3Iv6xE6VX82a+DQ8Fvf
/qtTHFgq/cd2pdhz1mahzJBfEp8UDf1cRm9QY8A/OdsH33GX+iJ9Ud6cgc6bFaHt7ddktlF6kMFe/EUGL
69i68UKF7njfzWRxfmsp2gt/K/xNoNv2OXT+g5H6B+r9qJHEbZvwctrxf1PqP7cb1QQnBFJlYy+NWfWx
SK2Kx2ta8qQ8tdKH6vtrcI9ZUkmzDnHG57J1nPDhsY7znZbR4ogZW7HQlVd/YjYJOmlPHRnV26AM3aE
AhiK/oJXr4jmSXz/pHqpxtfXcDexBebw4w+Z7ce22NhdBXBvZs0RB89uGsWLHoMLqfI8dL6vKVjaGq+i/qT
MJZEOG8j/uSwxVF/uKQJnXCJ6Z97XE4xY2Ro/HUWBZrX+ixFrUGzA0zxvbFUGXpQ3iF8aQ1gtSY9uFzq
gDo8xVU2D88pHR8/LTwERBDSv9uqFt6YCsB3pWEWvPuCCKiYrYZ8NyK5ft4ZBMTxWdQsq6T5r1ARMT8C
E/EnlbG8lDRX0vOwUMXHA0Agcs7Pb05jWfxK0tA6VPMnXH3VT4Nh0NlQYn2fyZP1Kpgb9hRgsFmHhyKo
AZPXpFDe1UXyi3nt9EAWfyFwLyb5vNqIDk6iggTKaPoRXe6pjoSKfnAWZUnu6fHz8vhpXB6eAHo2yyDBDPu
ZsSCjPMwyKrEBAQxc4QnX8A2LZ6zHoBmjH/r9uWPL9Ta+ICAAD9Oy3EQpNf06tHNQQdEttE7rGSxGBm

GAs/5lnUPBZ20/nn9Z8U7tNX6b4kJUYbVKWWThpUrWpW03bcX6Yr2r8y/wCyfArLXMP84Wf+kj/fasDo
MeQRoF92pfTd1lDCqNA7DAhTChtEwGPVtP27Y9R7O/6qs32G+AXxo8qtBtpe5P8A8mb99yYM0VH3+qK
CSC2x9Gm3j5n7/wBWOG7c3z8vvNzWGrI+aP8AqPafUAvo15t+wP4tbHxS2huG0Wuk0ldQCPm2/ssoT0uKb
sacu+oYEJ/4dZZ/KKvJLidUWJZx242UfzU/afwBxt2xtyfhC3h0grHHzndJ3N7Tr0Arg/nCeUj8VdmXxWR9LV
aqxx0ObRT5yQfYaaA/Xc3grbbQQB4Y78vlrQUoFW/GxJTmOJ6xv/fVji/lK/1hF9j/AKivob5no/0Xt3/Mf/kxQ3
HO161QwIQwIQwIQwIQwIQwIUuo9Li5/oSmpSW1Psd1y5AKwB3FDxHjcjrj0HsPtA+22ACU1kj5p6RuJ6xl
1hfK3zkPJjZ9mdpy+xsw2W1gyMG5rq0kYOhriHDg1wG5MsabNpDEylyZo58BKCgrbuZDC02G/XUNh/yD
G03veUNgsb7fIOa0acTuHaVx3YTZG3bTX9Z9m7G6kkrgMVK4WUq55+w0E9OQ3prNtailCGwpRVpSLAX
N9seYLxvCe3Wl9qtLqvcc/YB0DQL7J7K7L3ds7dMFy3THghiFAN5O9zuLnGrnHeShikthQwIQvgSVQwJU
MCEOuBCdeH+bk5KzK689HflGa23FY5Ni4gAmzYB/NKje48T8Md+2Hv596WE2ad3zkWpP6TTo7rGh7Dv
Xy785PyYQ7H7RNva7Y6WS21LQNI5Rm+McGurjaN1XNGTQpNmTiU/QmAgs0tye653YqXC6+VEkbkW0
gXI9LfbjdRZw4HM0ovOothY9ooK1GW/VQQ9TjyadV9zG+iOoIYROQwIWCoAA+B6Hzw/k38D3FQfKoP
1jf6w96yCD0N8MU+4HihgQhgQnrh/mmRk/NLEuM2y84sKY5bqiltWsaRqI3sDYn4Y2LZS3/JLzicTRrjhd1H
L1GhXI/Lnsm2/9i7bA1oMsTTNH0PjBdr/ObiaeIKuLijmKJwn4argMLblVnMKVCRINkuv6h9I8q29rkpSOgG
w6Y7jeDHTWWdxyDWP/AHTkvmRsZKyHaG7WtzLrRBn1ysz9yoMCwtjzWNF9lZPSPWUMKmrV/wDaH
P3p/VhDoU+P0x1hei/DeIfyHoil6VL+bo+k2+rdpG2O7WR35PGP5rfAL5A7TNpfVtP/ABpf8RykKRyrdTYgd
bWxYGqwb/RPUvOHiEoLz/XSk6gajJIPmOarfHDrx+ly/ad4lfXHYn/Z27/6CH/DamfFNbMhgQuveyfSku9n2
GFRKnJdmvSUNqsj3dNnFJ3SFa1pAuSLEXvYX3x2HZF3+a489C794r5oeccP9PrZlq2H/Car5iUKCyxFlMnm
LOhpL7BCbp6JsNwQPIi438b4zZe41BXFAwHRRPtTV5WQOCGYKimZID64aojAW4BqW6UtpsABe2oq+w
4w992vkLBLINaUHWcl0zyQbOi+dsbBYnirA/G77MfPPeQB2rz1CQkADoNhjja+p5JJqUMCRDAhDAhDEs
MzoZGys1aQR1g1VO8bvht9klsNoFWStcx3U8Fp9RRb0PmKvY2I8/hj1fZbU2eFk7NHAEdoqviDfFzy3Zbp7t
nyfC9zD1scW+yqa5sfUEoSkhR8QenwxZBWJc2uS3pFK5MoOLBuhJ038zjmvlNvR0Vhjsb
dy9feZ3sdFbto7Tf1obX5IwBnRJLUV6wwOp9pOuOGL6RIYEIYEIYElQhgRVDAlQwIUL48whPyCWzq/rps
90kG41eWOk+So0vz/wCt/wD0ryb56BI8nQp/8mHwkXPdSjPUWthw6VtTLNFR7tnBfTf4i428hj0qHVXygD
A6Oh1bn2b+7XvRjzGpO9gfIdMKqmSTOMFq+ySQbf4sOLk5NjtIjuOqUphoqUSSSSOpwygVptla
+U6X5+5s/wAGnGDs/wCab1DwWy2n88/rPinhlq1tuuHkprQlTLdrbb+WEUoCVNIOk28Bitaz8y/qPgVlblH+c
LP/AEkf77UmHQY8hjQL7ry+m7rKGFUaB6YCgKUuTvmvKzLgNlqaSlA9SP5Bvjvlqvj8G7MRTN9Mxta3rI
17BU9i+Ydy7Bfjb5Yrdd8orAy0Sy0zUjSy/YZITh/bdhZ2lRbpjga+niGBCASVEAAknYAdScKASaSa1jS95oE
CSToAMyT0AZlXFkXLH5NUqOQOOe59I8zjk/zju6/Lua6L81HTcSuvu7nvmNNlvlOKQ2n5Qbj/zjNm11NpnowUHyRp/fnHuNZfqy7ZWBCkcNeuHOX1pwLTpJ6yyOOlkUtuuWsA7WXZW2tO4aoA8Uc/5S6QlYkw6NKHdcs7zxJXmRGL6FXxB7aE3wa6TM
8gz5uEHdG069bzV56wNyfRZGnV1WbD1ONgXLQaKtOOA05jhjx91/wDfVji3lJ+nxfY/6ivof5n/APsvbv8Am
P8A8mKF454vWaGBCesmU6HPfd98ZLrabEWcKD8L9B5knwG2Oh7CbPWK8xThw0ZzI1TXReVPPR1QQP8LDWzSy
X8qW0ex77tFwTCMTCXHVjX1wcnhpiBp6R01UtPCynSQ+VIkRlKIS224Sw97W28cbnavJOdCpsw6Rbb1LZO6p
iDmHiHV9RqF50vjLHxD9QVxqn7XuZp1huYlmvMbmLvADlvDgkIZyMR8eTOdHfsBfbHafpOcKDMQ+MNA
BzaeI9hG8L3kYHK6yTRc1n0Xs29/fhnvKEdgOGhSjzjbtO2M1oKGwNM63kDbHNn8uFoOQ2YxGN+p3f4Y0LGcaaIKakTlOgbmlkuyPb6X/GfSRq7
Tim9B2tbc/wCL0xnfKfehBhu1hPd4hyPPd4N9pXO/M2ONIrhCM00Ao+QjrJY3LgQkmORr3QhgQkdfrK
Mv0eRMcSVhBhBVoBAKz5DGWuO7YHf3hxDJLYzsHS51dwlVm93F3d6Vyp5Xnu+pKIGK7RfyqedBO3eRZiIDh
XcKncq9yzxXqNzXUPtFDbaDoWQFlcBXXNsei4PJzcWns/JmHGQM3OJJPTkuczRCPFZiKbgK9Pc5U
On8o15XmbVFbzA0nmxxBoY0bhQtJfTeXkl2+gyVs1CKlgdxlI906JaCoUIudVf84EEH1BxxTZT
ks9TE/Su460rvBGYPYV7nYPYVJc+r7OKk7iJUj7JKtMlZnHKlm6bM1x7VBO7kYxZmvtDVcYjxsCiQaLtIVXDdn
76W5bz7ER06X1skhQT18OoBaNvG2NK2M4ZSp4xvRgvLr1XKauhDd3B6oh2Nk5DNbYcgtkEpCl7xoA8B2QGWRBJaOdyPlCSg
T7TQ5p4hynlLokJ3K8NdMYgoclErQGmAVcxKe8oFYpWIHNviL49HSucHOD9jR+mZ1mZZGQ4jqI/JK
Sep3OPJx1X3Mb6I6ghhEqANiD5EYUJDoubh4/Sv2dS96yoim21qU0AwBBcN2pbW9J0RNgeZc2BdA6QnQDbXfQcQ
08F8HL8dsfCBTN3jqpq0BlpunU8ayALLKKlHUVc3VpWtCnFHTbqZZXxZ9caBt3s9Barqq
Dxy031Xp7zafKnelyX5Y7iklc+yWp4jLHEkMc80a9gPokOoHAZObWoqAU244CvqMhgQhqKO8DYp3B8sS
wYuUbh1qPFU7xEZskwlNG4H1PAYTU9gqpLw+yDKz+PZqL7qi1BjOuCMPq/aF/aV/vT+rCHQp8fpfzpjrC9Gu6nCpq1f/aF/vT+rCHQp8fpfzpjrC9GeHz6IuQaFzVo
T/S2NuohI/aUeeO62MfZb4XRyVxHMcXvL6QBZVvhcnF1jDW
pGS16Z/NIHBeevEvT/RHzDosEfOcrTbpnbnLtJnhV/s7d/9BD/htmQwIXVXqxZDRYdnGRwkp
9VodVSy228+Woi3Po3QlxXsCftG2Oy7iWw/bNH5ITP1nXk+JpBVnHAQuAZFEdr3m1+TybSl4O49ES3A4mu1
mtSI7sdmj1NhwvSKc+4WvGJH0XVgzeqJxGOMaoRQ8FU/tAuKTNUyhQKBHTNUyhbQmHRKUtRGbq
sLOo6Wk6UAK/OSVLJuNjYY57sweDiaPhBzrSZDCJUXpLKPSuDcjBqCxFGwJkNo0ClTI4g3
KS5v4bS8oZIypW39XIzTHMwE9ULkBK0YC3CeazBAPGa9ugRMEFGlxgGlvuekHG
HE9jqt7FGsUltyGBCOuXYIAI7txa2PQfk/t3k38MzpOtiB6zCmPaXbTonDi1z/PSP5Ptff/ioQaJWOWcWWQi2
W7qLabXF9ul/DG6l2S87NbnMAlMtCyN4LTXtE5/qt06CeWLdHyO66tyRw6wtIwCCGLTOK3EMUsqE9MgzXmm
8jTpJPXTombm9jjoYELLaC64EmZnsdzMdW4ZOdecZGlsuyyxjyy7e27RpmTrEkFGLMt7aUNpL37tTpGqQwUn8MZz35DS

O4alx1DQaZ0SuHSzJd0BJVcgDbqcdvg2LuWCMNMAd0uJJ8fAL5vXp5xHlCt9pM4vF0IOjYmsY0dAGEk9b
iT0qa8R+HaMp8MqJPTEioVUF3MgJUHFghVkg9NiFBVxf6tvHHPttLssFmhDrJEGHFTLhQr0l5tm3209+35
PZ77tr54xAXAOIoHY2CuQGdCQq+xzhezkMCFGuK0cycqaRb9vQdx8cdF8l/+uv2H/8ASvKPnltr5PB/zMPhI
qYzVQm5sBxl5QQHe6FAboUSNKvsO/2Y9HxvXyic3A4OG749ajtPdVMpSVuFC3mypt+1rBaTY/fsR6EYsh
6qTQ4Xc3TUdS0UyLXsAL7k4UFRUISByMVLUQnYnywqeCupslM3ylSdgf2Ex/BpxgID803qHgtytDfnn9Z8
U9Msjb7jiRNAShtvDSVJhSppkaFfD78VrV+Zf9k+BWVuYf5ws/8ASR/vtTaOgx5FGgX3Tl9N3WUMKo0D0
wICXVio+9tRWU/UjspB9VEC/wDNjZ9or4+VR2ayMPNhjaP2iBXuyHeuN+SnYL8C2y977tDaTW61SuGW
YibI4Rj9o4n9RakONYXZEMCFLOE+V/narmc6k8iEe5fopzw+4b/djoGwFyfKbWbdKOZFp0u3f1deui8redL5
R/wPcbdnLE6k9sBxU1bCDzuoyEYB/ND1abLYB9B547WSvnMBVGPwUTouhQv0INt0kbgj4YQOoaoc0EU
KqvjKt1Vehh9sIdRGsSPqr76u8PQ+XhjjPlKp8vip9T/qK+hvmek/ivbq6/KP/wAmKIY52vWqGBCfsoIU3CmS
URpD64a23SW1pCUoAVqBCtibG42JBG2Ou+Ss/SRXXB/1Lwl56ozuhwGgn8Yk9sZonsvORzIbQjlh5S9YW
+50WNKljTe19gPUdMdbMbdf4Lwu2V/o19/rUbzVVUVN5opdkur1LU4HXdXLJI2KQAEq9LX898cv8qUTB
ZbO4+liIHVhz8AvZnmXWmc31ekTamMwxl2ejhIQ3LiQXdXamrHF19CUMCEfTK61lqoMzXyUtMq7xBIs
D3fDw3/5cbXsO0uvyzgcT+65cR8497WeTi9Hv3NZ/ixoyu1D50qzz1mgFEAcv6pAHX4nx9b4ZtnaeWvqc7mn
D/VAHjVWPN8uf8HeT67WEUMjDKeuVxd+7hSTGrrsyGBCZ85z24lNKFp1FaVKG4FiB6/G3re2OueSaxB1
otFqOrQ1o/aJJ8AvDPnvX+6G67suZpylfJK4ceTaGt9byqizfCNPzNI0MGOlag62kDR3DYpNvC432x36EgsGd
V80rU3DKQBRWhwxr7tfy+8/Jq8xZS4OYw40FJceVYJusnqQCdgCbWN7HHPfKJYGy3NNRubaOH7Jz9RK
9L+axtFJYPKDYC6Qhs5fC4bjyjDhqftNaRlqFJceZ19fAhgQgRcb4M9yAGk0cKjf1b0uyDwZqed5M1MOr+6x
YCUXOtdtSxr5YCTtYWuR42x6ssd6slsENpcKl7AfVn618R9pdlJLt2ltt1MdRsE72DXQPNB/VokNrbeW2PKh
1X22Z6I6ghhE5DCjVI7QqI8Tay5mjOEh5ZcdbjpTGaVY20oTbb0JufUnHr2yyxMiAxDvC+D96XfbpLU93Iy
UBP6D93YpvCYj5fp6ERH3FF+A0w7vclQNyk+SRYd3zt5Y5ztxtVZYrFJYonh8j6igzwg6kkZVpoNV6u83Py
K33btobJtBboHw2SzFsmJ4LTI9ubWsBAJAdQudTCAKAkmiTY4OvpmhgQsLubAWKlHSATYEnGwbLXa6
3XpDABkDid9luZ93auXeWja5mzexlvvEuo8sMcfTJKCxoHVUu6mkrpGkQqTlPgvNh01yPKDcJTbslhQc5r6
m1F0Ap3223GwHU2GO232577PM5+XNf4Gi+Yfk+ZHFf12xx50ngFenlGrm5v8Aa0/DHnEaL7Hv9I9azhU1
YWnWgjzFsBStNCCrly92yJ2XmYqEZWy+/wC6xkRwp5bq1L0pCdRJubmw/Vjdo9t7SyJsQjbQADU7hReW
bw81W5bXbJba+3ygyOc4jBHQFzi4gVzyrROn+b1rDMht6PlfL8V1tV9TTjqQseKVAdR+rww78ebTvib3uVN
3mk3IR/rCb+pGqTzDWV5izBPqDjaGnJ8lySpCCSlBWsqIF/AXxpk8plkdKf0iT3mq9Q3TdzLBYYLBG4uET
GsBOpDWhoJplU0zSPESyCGBC747BTOvs3UgFCre8y1FRFgfp1C1/sx1XZg0u1lOLvEr5tecSP8AT21/Zh/w2
qZcU+ESM4OomwXDErMMc1h8CxV4aT422/yucbRZ7TgBDswVwqeDGRh1XEfa7ztUM5caJbVSZaYlUNh
umLbbVqQFoupZHkCpZ28LWxybau0tlvJ7WGrW0aPE+sr6TebncLrt2Is8sgo+0OdKeonC3+60HtVY41td0Q0
Kc7qBdStgPXwwrWlxDW6nJRyzRwsdNKaNaCT1AVPqC6q7T/BZ/L3ZWobhhFC8uKjOKeLqVHluI5axYbg
alJO/THSdqLExt2saz/dUHZTCfXReEPN92yltPlAtctoP08Su/aDuVZ/dxALlXHNV7zQwISyjoD7rjZF7p1AWv
e2On+TK34LTNZDo4Bw625H1H1Lxp542zfLXTYL+YM4Xuicf5sgxN7ntP9ZLY9KPNvawKvHpjsbiF8/Wsz
TzxZpBjuR3xcpSpSFelzcfqOOR+UWyl0MNpH6JLT25jwK9weaBfjIbfeNyvOcjWSt6SwlrvU9p71DccpXu1D
AhKaOgO1BKDa6wQPjjevJ5aWRXthefTaQOvI09RXmjzr7ptFs2G5aBtRBNG93Q2jmV6gXip3DNTfLmXC
XEK0HSkXUT4Y7bNLkvmxDDmrK7TUUR+zNkzx/Zqh8DoXtjkW3JrGPtewr2Z5qIptBaP+XP+Ixc645qveS
GBCac6Mc+hL/cqCv146F5MjS+f2HexeWvPBbi8n4H/wDYh8JFTGb3i067HU2yiSy9zCkE99lPfCh8bEE+YO
PRkWlQvlJaGUJaQoo1FEKpRnENkx6mko32SHkXIVbyUgEeugeeLDT0qs9uKPpPgHgfcfFZbh++QHGbWdU
kAnfY2tiUOzoqcjMqpsXCd1nc9cLVMqF1Vkpk/kfSD/wCBMfb9GnBs5+ab1DwW8Tj553WfFPbEew6YeS
mBqUtM7C+EUoCPSySS0SN9jitaj8y+nA+BWTuf/WFn/pI/32pkHQY8jjQL7ny+m7rKGFUaGBCAFsCEMCFl
KdawLgaiBcmwGHNbiIbxUcbhQThBNAKk0FaAbydw3lXjflXXfbvMlbLzFaxUcHh1Lz6KfVxvu9x7gLrr1Kd
d32NllizwjM8SdT2+FF8ctv5k17Xb/ab7tVvNbLjp/lA12/vhf5aj+tlQZHc1p/Qp/P+1ctHHc1p/QYM
jj+kJzTCsLfsT/31Y455Rvp8BhP2uWQbQ5PHjXN/WAk4P3hxbwNsVSNJ0Ceb8mVEwHHXbuoS2VInppRA
D2m5A3I6HcetsdR8nFvsmlmxV+UyNZDX0XcHzXPlyVmZXDQlhHvcrJMJsc+leTpiwg0rQ0rrRaV+
pIq9Qf93kstMrUS4/yy2s7d5KUbpUDsRcXBJ8zbpk21Vz2ePHJaGnoBDj3CpXj+7vIPJRH3tBnoQrpm1OZfGY
2ivFz8LaJnU20lwltLnesVqcVqW4q26irqSccQ2w2nN8WoOYKRMqGg656k8CeG4BfRryDeR5mwVzPjtLw+
12gtdK4ZtGEUaxpyJDaklxAxOJIAFEMaiu6IYELWRRnK3AlMphOz0co62m1BJt59b9Z/dv5Xxv3k2s5Y9
1x7+aPFeY/O5vdtkdk2jfcfk3dYMb2Ax7OVHvQZwGI0jutolbaJW7d3M7sQIKqAYjKZ/h6yMVAD9/d3tH
eEAlM/8LUzSgy9dG0oy2Zh4n47hIiaCl8A8jbJAkzuWZXzeUW1IBSBANTpnBl1sSxtnjOTcsgFXgl98sBgb
gbH8k2Xu2ylobgs8IoNBSNvBG4xq21DAhau00Vxh2MUOJDaS9zkm2hQSdA367i9vIbA3sO4eStuGwzyV1e
BTqaPevnN56kvK+K7RXdZaehvmK7XdZaehZ3Or9qU0HZh9aYM4ZNczVkhhsstxp1HRZkE3dlqUoak2dlhEq7
hXie1WQywAUo5vrVfcPanJy3m9lKEMZyFCFqQ+F4PUHFDaljZLntQd+rf4FbN5GRJZ9VGRJZ3Ls7uLoL
DQ/KYR3yAHxKuLHkdfcw6oYEiGAJDorY4PSWqNlJsM395moWtISNDhhbyFwvqqdr0x6F2YczZLs5du
bTsFR7F8nPLbAyz+UW9WR/pTYu1wY4+s5dGSqc9Tjz2dV9Ym+iOoIYROQwIqmEcE7G/ie8oYVISTm
UMCRaPPpYTdRAAxfsF2Wu2yCKyRl56Bl2nQdpWt7Wt7T7Dbb7ZHs7T7Dbb7tTIGD6zsz0NaKucTuABdsuTDQSpdwn4ZSuI
LrsluX7gtpWmCSCQ68LKNyOgAtY77n0LdsVT0sgMV9OhoTbWJ9hKYJ+Qi+A+ZNviIs39fpUUomgvUg6VsysA2OLBJDo7KjSsgMV
hgJ5Jp9J7tDI+mhIya39BpIzJcVYmXKVKeyhW3oi5EerQ4jzVRaKgRIBSor1HY2IuU3vYpt5YyF+OHyOUO

0LHU/qlaJ5Pmf6RXeRqJ4a/wBo1Uej6gt0tjzWNF9k3+ketZwqahgQhgQhgQhgQhgQhgQvQbsEp/8AuvUEno
ZMwD+6F46jsz/q5nW7xXzc84n/AG8tf2Yv8NqtyvyotGpEmoywPd6ayuW4SbDS2krN/wDc4zskojYXu0Ar3L
jdisMlstMdjhFXyOawdbiGj1leVOY6+9mzMM+qySTIqclyW5c37ziys/rxxWaUyvMjtSSe9fXm7Ltiu+xw2CH
0YmtYOpoDfYkeI1eUw4BZOOe+MFBp5LaWjJS+8pw2QltvvqJ9Nvxxm9nLNy14xNIyBxH9nPxouV+Wy/T
dOxN4Whpo57OSb1ykM/dLj2LvfismNxL4a17L3OhrXVYLsVKW1hQDhQS2rV0FlpSbfHHT7wsZns0kJ/SB
7/4r5zbFbQfgW/rHerdIZGOP2a0cP6pK82LKGyhpUNlDyPiMcV619bQQc2mo3IYEJRSXxGqTCySBqAJ9Dtj
ObNW75JekM5OVaHqdkfFcz8sezJv7Yy8buYKvMZez7cfPbTpOGnapizTj7wAd7bkDpj0a51F8iI2VoQpzm/L
CKzClRnTZDiRvbdPeFlfEYwN4WKK3WV1ll0cO47j2Fb3sftTbdmr6gvuwenEa0OjmnJzD0OaSOjI6hU1mCg
SssVNcSY2pt1G4uLBafBQ9Djgd43bPYZzBaBQjQ7iOI4jw0K+r2xu2V17T3Wy9bqkxMdSo/SY7ex43OHc4c
5tQUixQW1LKVFCgQSCDcEeGHxyOY4PYaEZgjUFQWqyw2mF9ntDA9jwWuaRUEEUIIORBGoUjpHE+f
SmQhTUeRbxVdJPxsd8btZ9v7xYzBK1r+k1B7aZepeab581HZG1WgzWGWazA/oNLXtHVjBcB0YinjiRx9n8
Ssj02hSKdBhx6Y9z0uMuOFTitJTuFGw2Ph5DGEve/5bwaGyMAzrlXhTet48m/kWu3Y23Pt1itMkrnswUeGA
UxB1eaAa5dSgeMCuyoYEJj4htS3MtLMJ9ph5txCiHDpS+m9i3rseWVX2XY2PXa+OheTKn4az+o/wBi8ued/
wD/APP9f/5EPg9VVnI07PVQCUregVGE0/z2lAJfi2TfQpO+pN77gkG9wceiIsTAvlfamteaHp9ShVQjTnsvNU
uU7ChTY6krYknXpKmiki1ha42BF90m/TFkDOoVMFrTiOmh7fjvQoVRFYIXyeQ4h55C0EhRQsadSdvDfY+
I3xKSqUsWDLVIn850pl9aC66ClRBHKAt9+H1PFAsryK0XV+SGP6jaQf8AwFj+DTjX4D803qHgtwmb867r
PinpDXd/XiSqQBKG2LDww2qUBKG2PolfvT+rFe1H5l/UfArJXQPy+z/0jP32qMjoMeSRoF9zpfTd1lDCqND
AhDAhDAhDAiu8K3eEOZvygy/7u6vVKg2bXfqpH5qv5D8Mdz2Jvr5bYeRlNXx5Hpb+ifYepfMnzkvJ0NnNp
TeNjZSy2yrxTRsn+8Z0VJxgcHEDIKZNI2B8/HG4rzsEpaT3cCcAql7QqdOaoH9if++rHHPKP9Pi+x/1FfQvzQ
f9mLb/AMx/+TFAcc+XrJDAhDAiqGBBz1QwIQwIQvbAhLsq5lpcZ6dFmKlNqICS4WlchPQ95QFh9u368d5
8nVxSWWw/LpBzpSCOOEad5z6qL5l+dj5R7Nfw0Y2esr6xWJrmuI9EzPHz/mABn2sSQlbayS1oLRN0aDd
Onwt6WxxS84zHbJmHc9w/vFfRHY+1C03BYLQ0UD4ITThWNqGKK2NDAhSzh41H91dW8lSklS0rSlKlFd
kpKRZIJ8VHoR57Y7R5M31zkEqB7Hj1MxzEzBqHj1tHuXzxzgLSpHjD5KMZbLoCGFgHuXzw88eBw2mu+Zw5rrOQOktldXp3hLKwpUUsMxmkzRJcLiG1
BIdUkEqUpSk9ACb6jubgW8+ms4nJePJcPJcqNaK1Va8ReD8qE/SM0JQ1+yJSDUENSn9rcWoKS5a2ySCBe/Wx
Nr4q433aWm6rXEf1b6f1Stg8m92ubttc1q42Y8qBcOXyrc05Y8qBfbM6oYEiGAJCrO4JyEViMEqbdZGpEqLzR
XWhQ8bEkhXXTj0Jsu0zKm9/JpHxTZrt8tHwfdwqP0sfZSdYBiI8cP0A2cAjBGcRhcQqH6PsNRG8rXj6rFgv9fs6rrpfmXw10a7tEw7fMgUmW3ycIQzyl2pKsWGcC
oTsLuCGFTUMCFqtpLlrgGxuL4yV33xbrC7Fa5SI6kesaHtC1HarYWLkkrWaBu4HmOkBmSDVbL9u5FFcuj9Ub3UQ6u3NGBFfw7xwwRCCAwAWQMGGcXVSWgSM3V7d2p2TQDVfzq6ut4BqvGs
HBdBdkOsUOurVSHI6ItXispUz3riUlOrWpP7qyhqHiB5A46rce2BvMpjQ8Ac0Vhj8j2ymJ8g8Mp5tmptkDupi05rmjCwNrSOMpFz8RWaJTLSqZxyQEkbRO8FWBdXhqCOeXv8ZRs/CjBtyhYn9I2ftD/
vK6iZLC40qc3xE6Nef0mnRr6Cp5rhWhM644cPZVAjy8xUWMlQx78WoMqp/8rWWoMA3ftBb5zbSDuRuLA+BxnnbvoQwIQwIQwIQwIQwIQwIXoR2
Amb9mSgqUAQJEzTc9P2Qu+2OpbM/6uZ1u8Svm35xP+3lrP8ANi/w2pZ27s7s7/AJE9meuISrTIram6U1br9Iq6/
wDi0L+/C7SWjkrA/i6je/7qqHzf7iN57bWVzhVsGKY/sCjf77m9y86zjli+lSGBGBCnnALiRRuF2YJ9QqseoSHXY
wYje6pQeWSsFZJUoW2SBt5nGw7OXrBd587mk1FBSnuPUjguL+W3yf3ftZhdUF13LHG1mUhmK2hvNjgJ1RLHSvmbHWS6mdg5MDn/9YU2nemfnmbkp/Q5dcR/i9OuPJMAVXlw3Bc4RszB24tkh1TvAC
Bha7eSTWm5Wh/mxqAyUlqBW7pVqspDQHodldcbl+PNh3sd3D3rzMfNO2qIp8qs/wDWk/8AGqEzfPh1XNd
TlU9DzcGTKceYQ6kJWhKlarEAkbXPQ45rbJI5J3viFGkivAle5dmbHbLJdl4JdDpo42NeW1wlzEeSz3GzEioBoa
VzATdiss4gemDqRQH0hUKz8sAVWDHfTb6VpPQDbf8b49H3TbvldhitNcVEUc3wJx3mB4WPmyMwNfhbX4Q9DtQMmS/hpVgNjjpcxmYKgbKEGBzHBlx/K5zGU5G3mH7SZf+Ck85qHw/
SghlcG/ZJxM/ukK8KTw1dqdQcctqCS3dZ6ICrAWHibnFZ9qDRRYtllJNVT3aUTBomZmo7yA+6YySlu+/1lC
5PhjA7Q3zdkNk5G2iTOndXd46a/o9YzPBdu8iWwbdsskuKVdxWhjxgNiN3Ko3Dnnlm0wWCWRNySb6PFSxuD7pZrwRq1Lm7rErdjAzHwTZmBWZn4Wqyl/JIZTGFqLQQVK6qoyQtnbjNEOIJKkRPGhSbjnNXDIjWRbHOhvybf7XUOO6xW13CkWoPwjVBuvuHmlhRpkQPGrO
ObBOYsFyOzmioxdDQRrRPeCt/pKeM9IT1AcPl3VRbhZyfiR9OGK6BTkymdN0UXuqcxWxj4ZwjGr1zTytzodg8iLMyEyPYeY0ZSDXcdkrAspeUkrbzrvQ
Wm6UpK0zIKVAPLSpl4M3B1pnpApKrJ0qAqvYg49EtBjGLcF2snsgVE6b+eddSqqmdQs3whB0zJ3LgTOrPaBjVrcWr2qXm14cw7kalUYDsHU6HX4T7oHN0Zqi
JCH0eKHkj6wSQe8k3GoZUMjGMNKUr3ZzbirUguGhpnQHrGqtEUzNTuEMQqMzjGGgpqfWt4e7hDgXxYaK6eQJcKzVwFwEAYxOMtdZNrAmNKoOstreSpnSrSGXdGAb
2NrW8rYsgAigUPPYtPzbZGATA0gndnZ7VepyS6qsTnlviM8sPKKwomvEEK7vve4RY/ZgTPk8gyqPV712tkVoHJdHVn/s
Bj+CTjAwn5pvUPBbntpm73zPovPOpZm58Dh6YAlLLPd6YEoCVBizKv3p/ViraT/qPgoYNFcgxOH4FkOm
5MGgX3Ml9N3WUMKo0D0wICes10IwYNMmoH0cuMgL26LCR+sfqONt2lunkILkKtR9bWDmyRIK9oNHiM+wr
hXkg25/CN533s5aXfOWO1TFlTmYXyOIp0MfVvQHNTLjUl3VDAhO+Rs0KyjmRiXuWT9G+kfnNnr93X7
MZvZ69zdtuZaP0dHfZOvdr2Lmvla2BZths1PdAoJfTiJ3SNrh7HZsPQ6u5X9H0uspUlSVJULhQ31A9Dj0Q1w
cA5pqCvkhJBE90UrSHNJBBGYIyII3ELHnByKOW62ye8pNIdNrTbmQTHh9v1Yd6Nwm6Rks6tp7<L7H/UV9
CfNB/2Ytv8AzH/5MVf458vWKGBCGBCGBCGBCGBCMprLkyoobaQaQ0642rUppwnv2BOmw3N7W26xx0
ZPYWW1ubbLxaWWjMA5F/Zub46DLNeSPLL5yViyt9abtDxtzIIXgPAaFk4xpNOqK
Mph+fKL0R6TstTTiEltopA0WbCiSNhx5fzpXXPI0+5xzU8Shg8Zae5g4ln7e9Ofx8sbJeqX5ixh54pt
pYspG/QjHmra2ymz3za4Xk2ZmelCSUoMXpTgZgQqdbtLybk5hJNdMZzAZBQP3jw8dEm2nzUTFbVVWYFPdcP7aHVs
EabIW6ptRMW/MbAJuU+FeoKdFHvuQS9JcmQaqz9+GFqmkVtRldknBe5RSM4Rm/RddS0CAFz74bsqRutmoKvJFbb3w9M
cxtrMDkifT6T3e6iXC2e+IYM4xAFwdhBAiHqqt0gGr7xMEbdIlr+eJ6dLbVu+NGSmqNzmIExXX+CVU+YzgQQ5N1PaAbEdYKh8nsyvE
bjLRulQSQO6Rt4fr62xqu1s/IXOO8NbQ6+XDNbvJbrK+UzmyEiYInA3JbRxjX3rbsmMEXaTVoEewhfXLcdRLGpqi+CMpsPw4xBFWnbSQSnOqyW5j/P
b4K0zSgVIHFWxkWMMqZwepx186xS4b3u7hI5wwDtg4R9sUdrb5LkRnJPU/KZo1W/qvzmwAAQ7WS/KNTXrPZgKmX4jPuaZNmM3FpIOytDkiT2L8mBT4eQ5lwv

K2tNRLO9w6QHlo06AFVCvrH4481nVfYtvojqCxhE5AbkeO+FGqQ6FP8Ax9y0zTJVMqFOafhNS2eU+yUF
CUPIsFaSNiDfw8vXHp6wXPdzm4XWeM/st9y+MV7eUHatkuOO9LSMzly8u4/aUHpNUdS6hDqytKja5G4O
NW2u2GsLrHJa7CwRyMBdQei4DMimgNNCO1d48hfnHbRw39Zrk2ktDrTZrQ4Rhz6GSNzzRjg/VzcRAc11c
jVpFKF5xwlfSYimRQwIS3LeYpOUMwQqrDWUSqc8mQ2R4lJvb4EXB9CcTWa0PglbPGaFpqOz4osVfly2a
+Lvmuu2NrHM0scOgilesGhHAgLvTNs5iv8AByrVBg6mJtEektfvVx1KH68dqtk4lsL5GaOYT3tqvlfs5d8tg2ss
thn9OK0xsd1tlDT6wvPxr9qT+9H6scOGi+s7/SPWtsKmoE2BOEJyqlaKkBSdjh43LiMranqcccQFLT7sQEkjo
DqufjYY6TB5O5JImy8uBiAPoneK8V45vXzurLYrbNYvwW5xje9leWaK4HFtacnvpWimORuyXWM4TGkvz
EUqO8kKQ7JjKCnBcDuIJBV+A2OI5dgC3S0An7J96hZ530BzN0uA/pm/+NVrmei/k3mWo07mpf8Am+U7G
5oGkOaFlOoDwva/240CeLkpXRVrhJHcaL1zc14i8Lvgt4bh5VjH0rWmNodSu+laVSHESySGBC9COwVLbh
9lqhLcWEJS/NUSfACQu+OpbMD/ADczrd4lfNzziSPx8tdfqxf4bVUPtOOIgqtUypl1tSk+6su1OQ34oU4eW2D
66UrP24wW2Vo58dnG6p78h4Fdl80+4MFmt99vHpubE3qaMbvW5vcuVcaUvXyGBCGBCGBCGBCGBCGBCGB
Cszge6ajTXo97riuE2/cqFx+IOOu7CW7Hd77OdWO9Ts/Gq+e3nW7N/JdqIL2YObaYhX7cRwn+6Wdy7CpdT
hZMyRX69UEfsWjwIs5xvoVpSEmw9TsPtxct9pELDK7QVK4rs3ck97XjBdlm9OZzWDoLiBXsGZ6AvP/AD
PmOVnDMU2qzlapc95T7m+ySTfSPQCwHoMcdtNofPK6aQ1LjVfVy4bjslzXdDddgbhiiaGt7NSelxq4neSkOI
Fl0MCE5UzJ9SrEfnMRVFq1wtZCEkel+uM5Ydm7ytkYlgiOE6E0APVXVcx2p8sux2z1qNhvS2tEo1Y0Okc3
7QYDhPQSD0IutZcmZeLQltob5wJRpWFXtby+OK953Na7vLRa24cVaZg6a6daymxXlI2f2sEzrimMghw4qsc
ymKtPSArWh00SHGLW9IYEIuVQWMyRnIkhKlJUnUlSCQttQ3SpChulQO4I3GN+8mzi2+Kj6jvYvMPncM
DtgqH/AORD4PVf1nhrVapPmNyK2r3umSEPwpHuqC4hRbBTrXa+g94KSkDUL3OPQLZWtAoNdV8vXQv
cXBxzGiitbgu5lhLlSlyIqUOrakNx1lKochF06VKJsBexSsWBSRci+LbHBuTf4hYmaMl2J38D4dqjGZnGkUxC
HlvRXqWUl2K4OXrQo6SpIIuUnY7E9CMTxnPLeqsjHUodVCp1CYamvIjV9xiOlag02ianS2m+yR6AbYmB4
hS8q45mOq7ZyCzfJNG8P2Ax/BJxr8P5tvUPBbPN+cd1nxT5HYsPtxKSo0qZY3GGE1QlKmLxlbW7p/UcQW
n8y/qPgVkrn+n2f+kZ++1QBPQY8mDQL7lS+m7rKzhVGgemBCtJWXBmXhvGjgAve6trZPksJuPv6fbjvEt1C
8NnIrN+lybS37QGXfp2r5g2Pbh2yfldtl7ONIvlUzJRxifIQ7+rk8dLVVv2WPl5Y4Ovp61wIBaag7+PShgSoYE
K4+AmbBWaGumPLJk0/du+5U0Tt/uTt8CMdk2Evn5RZDYZDz49Olu7uOXVRfO7zovJ2bpv1u0djZSC1+nT
RswHO/tGjH0uD1NqhSW5FnitSVs95CgAbHr08cb+11Ml5YfFvVN8cprs7MMFTyWwpMUpCmz3HBzFbge
HwP44495SABb4qfU/6ivoL5oBJ2YtpP8A8j/8mKFY56vWaGBCecjZR/LGtJjF7kNpKSte17FVrC/j5Y23ZK4b
Pes0sdoc4BrajDTWtN4K4T5evKjemxF22O23XHG900pY7lA4gAMLqjC5udeNRRSer8JaZS6qzGXUJLSXQ
SXFhOhFjtc26EfjjfG+Ta7yK8o/vb/2rzA/zv8AaxrgDZLN3S/+RN7eUqK3O0tqnVIBRHKbWG1WvssrtpCfU7
eoxOzyaXa3N73ntHsFVQtXnf7YyUEEFnbrox57edJQU7uKVP5YZjB4w4DHPZ0nUxKU8YauqQV2AW4Rvt
dKRc2O19iuvZe67C4PgiGLi7M9la07KFco2x8tO2m0sTrPeVudyZ1jjpGzqIYBir/OJHQmOuR5IglEeKUyVug
MS2lLUpTlw5qva6ja9z028bjG0NIrmVyGQODaNFDuKRS8vSWKkmPVkuBx9RSiZJRrU9pIAS2LnQQCCU
ne42w4PBFWd3vUZjcHYZdTvO/q4dS0zJGESq2CnXA42lwuL35hPUg+O+OH+Uy7yy1x20DJ4wnrb7wR3L
6N+Z5tS203Da9n5Hc+zyco37Euvc9p/rDikOOZr2EhgQnbJOYxlfMLUlaSk2PIvW/n2tVyWvbyt7V9lo
d6Ojuo+7I9i5f5Ytg+TtfsvPdMNBMKSRE6coytATuDgS0ndWpyCuhylRavloKjTyojjgcJaIIcJsvpt5EAY9A
Wa2xTNE0Lg5p0IOS+Ud7XDb7ttLrBeEL4pWmhY5pDq9W/oIqDuJVT8RXqdAnOU6krUqMl4vPFD2nFnp
sNtSbqBULX2uLi+OWbfbSMteGwWd2INNNXEaVGgB3ganpy3L3N5rnkjjtLjkLbgy+rqkjtly8ttRe8RjklbgiY7JwYSC57mnNp
dQNaDQ4QSRmFGcc0XsZDAhJK7UE0ykSH1G2hBt8sPxmxmNn7tdeF4w2Rv6ThXqGZPcCtC8qO10WzGy
dvvyQ0MUTsPTI4YYwOkvIT1wI4nyalm6nsVWUyt6LT1wYTzzvJP10rSlSzcEgagL9bgY9QW2ACJxYMq1P
cvjDctte6eNs7qkUAJ35gpAfrH448kHVfdlvohDCJyA6j44UapHaFWrxli1qp5OcEyjT0wWQCmRJUwp2OvU
AL8siyT6puCepGPU9hdGHCjs+3h0r4fXoyVweC00qeHHoVJMwy5Kb03GlQJPwxFtTecViuuaWQ6tLR0uIo
B7T0LavI1sjbdodsbBYrI0kMkZJIRXmRxuDnOJGmlBmCXEAZp4x5cX2ZcaknihgSIDc4EFdv5KlJ/zIEZbjlt
GVlgqWf8AwdXj9wx12y1NytP/AA/+kr5m7Rsa3yqzNbkPlzPf8Vq4eb/a0/vR/+rHIRovpo/wBI9a2wqasOftav3p/
VhHaFPj9NvWPFdqZD4PU1/hZAS3TYJflxWpK5IuHELLaSkIPUWvc72v8Ah3+x2l3IRZ6Nb4BfHnaizN/DN
ty1ml/xHKRQ0u5Vf9yzLI9/o72htipBC4awSpIyoeHFYN1WsIkNRTVcQ5/5Yz5XO
U7z2vnCRodvq5g5gqrKv43G/wBuOD3j9Llr9Z3iV9edif8AZ27/AOGgh/wANqaMU1syGBC7e7G2YabQezvl5ctx
wLMiYkNoWSFHnrt29ZdL/AAmrmLtT8Qk8TePOYKk0Ve6tPCFG
BN9LbKQj8VBR/tsc+v60ctb5XVyBoOzL3r2t5Frh/BGxdgs4fdU0G3tScV+pIgHdUwo5FULHnJN7iP8+fEX
nCVTsyeMcpbfvhOvQMmoaKlUP+LDFmMMmUwp5MlXkmeTaeVjotCKM4N6J2yT2MpXmAgmyfmqS
NNWgSt8VZpKzYKE6BQxbqfHcHNrLmBwTY8eALIOsg2pGUrEedsPaB1v+xPI9LT4eJP7mfPrDzFAyZ7QGD5DzHDpU9VxxyxKmSX95m4ylCP35gSeZ
jzwIQvgQhgQhgQp32dqiGOIaNmLbTfqPrwSNq9v+xds5K3mInJ4p2fzp8Yp1XbI+V7b0AqtbdsnbA5JVjyhXSJgazqTuhqa0d4xmbzBOMfM88iqXqAnSDWK6+cmjaiFCAlWiXjfQJTgwyDiR3R+LBeyrpk2uvRXCvUCCJS+G
wzZ3zmo6ACbnBrf+RXOFjuvuKt3Mf9WaO+BqT5HhjmmPvq06s8MP5/KOE3V+kjsZHtKNL/lOn0DTDx4rGHoXKKcr4uE/3W2SUvLMLk7eThBpgWmkKcrHexAurE/sEqy+xMKAv3KfW0j2T5T1dJP3jLaJvnxqYwubJsEaCHDnBqnw1LZzdA5bSeh8FPYE+pI4VQMlpspAQY9VqFlP1sxf2WJmS2lmMrJDAuYcIEp1bInoc5C+GinZW0+5YN7qIewBSR6A4XUn+iJ9Wu4z8KdJ8/ufdGJMWsXZcc/KZsbX8UxmjZ4oXAnyuMNVpj5qzLoAEB5eDBxZwQZcpcBo4Vz0V/Pdy7MmDBWm+cwbXnqBpIWdX2+o+YOoiVaTW5y3A8Vd3fSCjsYXQhV8Hf6jy3s/OJEKN/Mv6j

FZa5x/nCD+kZ++1Voj6g+GPJw0C+4Uvpu6ys4VRoHpgKAruya0TlamEf9rN/3ox6TuH/Vln+w3wXx58qI/wB
Mr2r/APIm/fKrfitlv5gzUtxCbR5w5yLDYK/OH37/AG443trdXyO8XPYKMk5w6/0h2HPtX0I82/bn8YNkI7N
O6s9jpE7iWgfNOPW3m9bCozjUF35DAhOeT8zu5PzHFqDVzyVWcT/piDspP2j8bYyV0Xk+wWtlqZu1HEH
Ud3rWm+UDY2zbVXDaLktOXKCrXfVkbmx3Y7Xi0kb10Z761UKa0+04hUaQgLQ7bUkpPS48jfHoqCZkrG
yxGoIqDxBXyJvOwWmw2mSw2xhZJG4tcDuc00I71TXHyO0xmaAWUpS25E1DSQQe+r/LwxyTyjEm3xV+
p/1Fe9/NBaBsxbaf/I//ACYoLjny9YoYEKQ8PaK/XpcuOyVAFtClBKgFbL7pFyBcG2Ol+TF4bbZyfqD95ePPP
KjL9n7tA/Xu/wAIqaNZYgU+muGS69MdcKVPGQ2XEIAG4TukavA7fdjsnKOLssupfPgQtDedn1p1nTmlGP
DimJLS63y1MQmhytarWVcbKJAVYE2/S2xEAc3H1qYkZNbn1fHxvWaXlkVimtplNcuPGQpmJDaVdWu+n
nLI+uVEE7d0W8dsI6Sh5uu8pzIQ5vO03D2rfKSYrtfflPOBxqCgLSsoALjik6SP7UXFvNZv02WWuGg3ohoX
knQJDmSEcyRpLLDbSYTo5TbaLKWEIVq1/uLKsdd9rAC+9nMOEgnVRyAvBA0+PiqhFNybUM0V6XT5P
u7cxiOXUOqOkOgHZV+neJttYAq36C+J2qupl5Xa6Bvpat6HDQduY7V0TyMbeS7H7WQ3rLnEQWSgamJ1
KkdLSA8dLab1GHmVxnltOIU242ooWlQsUqBsQftx5rexzHFjxQjIjgV9fLNaYrRE2eBwcx4DmuGYIIqCOgj
MLXDVMhgQglRSkgFQCuoBsDhQSMgmOjY5wc4AkaEgEjq4IAWwif0oYEIYEKWUPgMviTk1wKedjzpJ
DsRIA5bbQJBcd8dKjcJA3Nrja+OveTm7DZQb1mHpDC3q3kdenUFDC3q3kdenUOleAvO329Zek0exdgfzYXCSYjTlKHAw
/YBLj/OIH6JVO1rLczJuYpFNntKZkRl6VJIuD5EeYIsQfXHZxI18eJu9eDBA6KcRvyII8VNh0x47Oq+9zPRH
UEMInIYEKW1DjnmmqwH4sippejyWiy42qM0UqQRYj6vljZW7YXuKUl0/mt9y4m7zdvJ+4kusFa/8WX/AL
1Ejuok9T1NrYxFvvO1254ktcheRpU6dQ0HYuj7MbG3Fs7AbNcVkZZ2OzOBtC4jTE7Nzqbqk0QxRWyoYEL
ZphyU6lplKlvOkIbSkXKlHYAD44c1jnODW6nIdZU9ois8Tp5zRjAXOPANFSewArsaXUqbQ+BEqPJmBq
PConJabeKSQ57uEJFgOpWe71J6+F8dxnsjoLudA0ejGR3NzXyjuy+xeu20N6uP561sfn/AD5gR6iFxs2LNpHk
BjhY0X1jf6R61nCpq1f/AGhz96f1YQ6FPj9MdYXobkVKEZKpQfkBK26XGKQgC1jHSeh6dOg6+eO52L6P
HT6o8AvkFtR/rq2/00v+I5SWlvJdmltKUlrSkqW4kaQoWXbfqoBQ87YsdKwLzzT1FedfE5ITxKzEAnQBVJQ
CfL6Ze2OIXgfyqX7TvEr65bFf7O3f/QQ/4bUx4qLZkMCF0NwazIMr8AEzlqFoKJbqdW9iFqtb7bD7cdZ2ftIs9
x8uf0Q8+s09a+d3lluR98+Vg3TGKmZ1nZ2FjMXc2pXPSnFPLK1kqWslSifEncn78cnJJNXar6HRxsjaoA
AHADIDsCxhE9ZS2p5QQgErWQlIHiTsMKASaDVMklZEwyyGjWgk9QzPqXTUxhjQoFhGx10imuOMsob
ccXGQpSyEi6ifMm5x3Cz3HYY4mxuhaGa6SGtLiWgAGgAF
AAjDkHL6dWmiUtSibJHuqLeHpib8D2D9Qz+qFjP/Uza7+VLR/bP96hHHzIFOp+RkzYECJFdiSElxTLIQVI
VdJvYeZBxq21902dlh5azxhpa4VoAMjlu6aLvvvm4+UW+bSieMGiR7nAPZR4IqTQlocozmAaLOJHJJAbnpS+JnzrMSz1y30CHh2nPvm7wX8izc4qfokH47Fgdqrr jZfNzWq6ZNJo3s7SDhPY6hXtK
cye7ZH4e0dl/UxUYjVVUhJ2UlMZDbav+MVjadrJwRGxulXFeVPNXuh7LXeNtmbRzFyRJ
7JQwIUg4XQ/fM6xdrhtK1n/ckD8SMbVsVFjveM/VDj6vvXCfOStws2nuKffO+1TtjWFraTnI6JnfICFuU05aKzwsFgFKQFnu
ne+k+WO6gr5g1qoFxebKHKdcEXS5a/junHLvKQRis/wC1/wBK9v8AmdD5q9uuHwkUNFxzFe1UMCE75KjC
VW9JNhylHpfyxvPk9S9wAx3smjzGE2NADDMRRR7sxxBWr297I/mLGHgz17khQ3qrdLxhmDfdEHfJR
LjRj6HErSkPo1sOtL2AcA30aja43QRR1HhnQVStQHHMl1N2mVB+dClj-dRClxJp09928
WSlKf63cVfStSRsFd1SkgX7ycZAPxCoz4jf1rGOiLTQ1ad3A9aWCLIUAeRlxy/wCd78e967pJ+8nCYvuvuTeQ
H81Xlw+bvkaiEjpT4/wDBJxRi/Nt6h4LKz/nHdZ8VIY6LqG1wcOTW61S5ln03H2YQmimY3JKFMlUdy23cP
6sVbUfmX9R8Csrc/wBOs/8ASM/faqR9QfDHlEaBfb6bX03dZWcKo0D0wFCvbI7X9SVMPnFb8f3Ix6RuD/V
ln+w3wXx78qP+2V6/8xN++Uj4sZUOYcnOuNo1SYBL6NrkgfWSPiN/sxhttbq+W3c5zBV8fOHZsbNXfhtF
vNy23/F7a6KGd1ILXSF+eQcT824Zfl1OKpjrg6V7zUazQHAhgQGpzRTPrx6/ak3P/ak3P9ZTPeT/ak3+C
vTHVtgb4xxOQu+b2ZJHX8zbDd1XoaI3mTOwn+ZGUxcW+hOAQ1E/9town+c0cUydptkM5xp4ASmK8gLf
54rGH8of06L7H/UV0PzRhTZm2/8AMf8A5A+MVb40FerUMCFPOAHnmaDW8wn38LmKsy3xvUWkFfh5vP3SA
7A/eXkTzwT/mG7v6d3aDWeEbtbdVw25vGmumra91G3lffa4aGOuUA9JeAy52rc1HoXUxZYYqYTzICG9DZ/Y6f0lHwsdw
tIeaelLWZcnk6CtCWUlGm5F0/DwvY4nMgdq2iquJwNB2lKM0ZiUmCwM1SmOmmPK3ZR86I
kEKNtvE4ZHG4ETRSSSta3KuvQmJZ8NKZiKq2oOKuwQOrPhsW/Ucq1tKq3o9T6naMuTYnHLnqpK
0gGnanOj8pGnZmpovyy2LK2uf9V1fWkJBu1+4fE8aaNmGpwR7r+23LWZUkj3MdRC6bXXXWJSlgwi5IqIh
PIKifeo6lBK06J6ghv6fWFsqrZdHI9F7jRVZnyTRJ7zxcBzS9YNWbFzyrbr7+74cQe8IIiHSRoYIwmNU
Ob7WbJutZNrsopLvGmL/wD28etetfIR5em7PhlwmFzXMa8ZZEsdXDpLf+9WhObpb2n23j7jlC7tGhM31zpcm
W2tJSPpl8ciDuMjcjDzlZBZyHOWYUsWhTPVGvHpN4W/QHgvzz/59B4xYPP6VdqTM4eRrUUPHhj4Vuxy4RwHr
xcofObEeweUUsoV+2uXJSkqW4lHxMBs40+34PLm2yE8cdHjZl+OGJN2BrSRzPsjbuGAhWjqXN+cJg2bP7Cz
wdUVFHMgh6udIPP3ZhEMB5+EeDOIoVTxNyVMhf5sJHH1/nIvbfqnmLaH2wcMdjcIIDGkJ9Whnz6+L1
SnQF807svmWWVwtby5zyQ8pdE2hsmL5D21Sb3j3ae30ebwFsTpxSRxKf4AtahcdNuhHv/PhBYw9LuoMF0rMmX7+t1HU2ZWrJvFPH0wk1lYpqg8
+FvJu4VUd5xYpGzs+sBXuooqmPJp1X3Rb6I6ghhE5DAhDAhDAhDAhDxHqbD1OBCuvg7wHXlSjnOOb
WXKfEiaHIUdzUlwkrKLSPhQSPXrXIO21+ibI7OScUs22WhdWDAhJiVHCzmRAkx0O3Kuv+4S1atTm
GnmgVziYR6RdSj3A0pzQTU0Z8+Zsl58lSUJAhoQ4Y7CyFLSkJUQpVgWnJRVW6faTnB0jqWP36m8T
vHmxLzJtNd3/MQ/wCI1VWndx1x5rGn1q/aV/vT/4vT/rKCHQp8fTe0DQ8zy7Kp9RyszzT2jVkY9Z9Ex
nUhpINrTyBxdbsmaJtps8ZFjk6jaU6CZq7NuuEQU3QhG0rDkKsmadWkgaiDe8tNMOMvzm59kYJTSMsi
t4nEjnUcsIRVp7V538VCVcUMiyNLWVhvTj/ACMGL7/8AWYrNGf/9k=

+y9T4qFWXVpzjRF/rIS4pav1JH243WW18ns3HENXuI7A4k+xeXbv2f+XeW62W94q2ywsf+26JrG9ubj2Ksc
aUvUSGBCknCCg/lHxLpEYp1tpfD7gPTS33z+offjMbP2X5ReMUZGVanqGa5n5Y7+Nz7GXha2mjjGY2/ak
OAfvE9i6cca5ij5i5tjt9a5r5U4aZBFsx++spSq+rr5DDiU0BNefMrqzLk6qQeqn469A/dgak/iBjG3tZvlNjlh4tPfq
PWty8nt+m5dprDelaCOVhP2ScLv7pK5XBuAccIX1zIANAhgSIWB2PQ9cCK0zCn/HfjGrjBEyPr1c7LeWItFf
uLanWlOAqHndHLP34vW21GcR1/RbTtr/BaJsTsi24pbxLBRtotD5W/Zc1tO52Lh4KAYore0MCFM+B0Ay80
Sl2/aYpt8VKA/kON52BZ+Xvk4M8SF5b87K28nsrZrKD+cnG/cxjzpvzI6irFrWW5FRp7yIbrkOWtBS0+lsL5a/
AlJ2UPMeV7W647AyUAgnML55yxlwIbkVWPEatrrkOnLWwplTS32VLQdcd9SVBKlNL/ORqChuAoEWI6
E808pLML7OK7ndf6Oq9seZvJjhvY00dD1HKTRRXHMV7YQwIT7w8kJi19S1hRAZIskXJJUlIA+0jG7bACt
6/sO9i81+daabDA/8A9iHwerJqFKUhmwRquLXA3+zHaQeC+b7mblFqlSo9VZmx1aHVG7EhsG5bBT9Uj1Sb
39dsTMe5tCqr2NcC3XcVVWaqRT3aS/QsxvtONqAbbekOhJkp/MOrbS8kjwsdgoXBNslG51eUj+PuWIla1o5
KY9p3/f8AxVary5mSOstxsxUh6Og6WnHaAp1xxI6KUsIsokdSNid8XcbDq31qhgfu8PuXQvDxH9Q1E3/63x/
4JOMfD+bb1DwWSlzld1nxUjjt7fHEic0U0S1lrpfEZPFSsCVsxuchSb2CgQSPXEMrcbS3iCO8UVqyzmCdk4F
cLmup9kg+xR1vg1HIA9+lXH+ppxzH/wBMrKB9Id/VavYrvPJvkkn8Fw5/8ST3JQ1wRjOdahKH/k04afJpZf17
u4IHnjXz/JkP9pJ7kc1wGiuf9cpY/wDJJwn/AKa2b9e7uCX/ACxr5/kyH+0k9ysCgUhNJpcaKlalpjNJaBIsVBIA
ucb/AGKzCzWdlmaahgArxoKLyvtFfMl83tar2kaGOnkfIWipALyTQE5kCu/NOjTPTYHzv0xM7gsWCQag0K
gUjs2U+RKcW3UpjLa1FSWw0ghsE9L+nTHOpfJ1ZHPLmzOAJOVBl0di9c2Hzur9hs0cM9gike1oBcXvBcQ
KFxAFATqQMq6LLfZfhLIHzvO/3lH8+Iz5OLN+vd3BW/8AK/vj+TIf7ST3LcdluCd/nmeB/rCMN/8ATuzD/fu
7gnDzvr3P/tsP9pJ7k5ZX7O0fLFei1CLWqgHoiwsAsosseKT6EbH44t2HYiOx2hlpindVproO0HoKwG1XnM
WzaC6LRc1uuyExzNLTz5Kg6tcMvSaaOHSE8cRuCUXiVVo8t6fKhqjs8kIabSsEaiq9z8bYuX9szFekzZnyFuE
UyAO8netU8l3lxt+xN3TXdZbIyYSPxkuc5pBwhtAG5Uyqo+eyXASL/PdQ+1hvGDHk+s/653cF03/K7vj+TYf
7ST3JOOyxCQ+ptdWqQISFXTHQoD7vDbr+rEn/AKd2bXl3dwTf8r2+K0/BkX9pJ7ktytwmgcPJC5jNQM55a
EpWxJbCAnvddt/gRuOu++Nh2e2XjuuV8kchdiFMwBvruXKPKv5b7btwVPKv5b7btwYrPYrVZY4RC8vBa5zqktw0OLQb6
jepAutwI0BQZdcYKxoU2hXMJ1bnSb3UdyR/JjasDq5rh5ewDJMciqKhU1aPenWAlrU0pyyuYNh3UX8Tdhs
OmnbEwaCdFXc6uuyExzNLTz5Kg6tcMvSaaOHSE8cRuCUXiVVo8t6fKhqjs8kIabSsEaiq9z8bYuX9szFekzZnyFuE
po85jcPQwph1BuN+71Bv4g9cPZaZWmjjUdKjfZISKtFD0ZKN1ngCuvznZlbrlVqBZIQPokJcbR6ne/2DGLv
W6rvvFobPCK/WGTu8eBqOhb5sP5RdqNkpeUui2uEZOcbgHRnrYcgf5zcLulQuvcFGI7bz1PqD7sdn896P9G
T0ICwRex2va3rfbGkWnybgbu/J56dDhX1j3L0xcnnhSNjpfF24iP0on0r+y8Gn9ZR/PfDOo5CjpefLMpolKVKZJ
7hUCQLKAJ2BO17DFCHybXhIaCVn973LbrR54Wy0Iq6xWk9Qi/wDIojJrKWFoCU60qSFEg20+YI8xjKWb
yU2l2dotDQP5oJProtXvfz17pY0i67rkedxkkYwdoaHn15q28k8F4WdsktzqZLWKmg3KnFhSEOAD6JSbWHn
e52UDuMbBd2x923bKHPZyjhvdn2gad9VxbbPzh9sNqLM6zxTCywuyLIagkcHSEl5B3gFoO8JVw5kv5kzU2
KiOXOjPtxC4sANtojpW8pCxe9ytKTfxCOp043K0DAzm6a9+S4DZiXv5+oy7s1WfGbh+Ysh6vRIxj0+pynVN
o0kIKCbhaT5G/Q2tdJtY4v2aaoEbjUhYe22WjjK0UBKkeSs+M5/4KZly7VFlVYhx3KhEdX9eSEWWRfxUnS
b+aTfwOK00JZO2RuhyParlntIks74n+kMx00z9irmPmFx5Vg0n7FY52/yVWXX5S/8AqtXr6Pz1r7pT8FQ/2kv
uXR+UuyBS82UGDOazBUNE1pLoIjNlIukE23udzjBSbAWdji0zOy6Atkj87u93tDhdsOf/ABJPcnBfYdiBlZR
X5qnUEAtllsW9bnwwz8Q7Pvmd3BP/AMri+P5Nh/tsX9pJ7lHsBuPdHsBuPlMHsIQZiATXqm2PFXu7RHXwsbnb4YadhnLOP987u
Ce3ztb4/tb4P/tsX9pJ7lBuPXZpb4PQIcuNU5E6PKeLBLrSUKoJ1eG3gXH5PLNMS0zuB6mqpbvO/O/vmAi7
T/wDZJ7lXmWaPFnV+E1NW6mI5Ib5Q+pjBog+FgTjKN8mdgY2r2n+zuXNp5jhstis8zRA/aD+K2+3sADv8O6lnjX53E5n16Lne1vli2rv+
yjyOJzc0Huy6V1TlvIOR+DlKZryvFvslCmyq5Cjv5YJG48uuJ7Ds3Y7O1nj53E5n16Lne1vli2rv+
IsvS2O5I6sZSNh62toXdTiVVvEniXUuMddTEiNyRSgrwVVEA33F1WGJhRwm311earX9Ei9vE42+GBsDau13lcemndM
4Bo5o0CnOT+D8XL1LXBlLPSaoyY7rkRoOlla0KuYjcqQdkRO6N5OO4mZvqgy8BLvjrUvQQGkKiR2OqO2vzcx
t7RidE9j6biWODgDTCaaqOU/sY0h/mNvZhqkVwpUpjXGaHSAfYFpjMlqBMDIo2rigFZLNKqyIjCUKlV0WgQk1dzpy2mwp+svJL
P4Ni/tJPcjWexCw3S0TJM+uIjlAUSyyw4pAlsAhb8gCbLH94qvkR4baSTzYb7jU45pm8e0FGcWbXKc5tN2cIsy4aO
MU3mCq+8NKbS22iK2daVpVpNzSbXdoTYSnwOvqE+9EhfoZOzAbdjTn+/GC4vf9i+ek6jwVmWKrF1mmnXP8Dkm/j
KlN6OaQkJTcna5t5ma0bt0QOve3TfG2fCxJ0b1Mhi73z2TbGSgGOe2itl4dnMRVRaRYbWrqSuBSqLP4ml6Ew9tWr
BDgIU4TcbeQ6Dp59Ij0pLzjVRJAbrvXL+bOzTSMZZQNYVmUl2bdxPDYqG2IO6GuHTuoZtRsrUlQtDeNWn+Y1pwbcUa7UhoGw93b32+PniD8R4Mvnnd
6VwqSdBvNV6eujzp70sFhgsEd3xOETGsBL31Ia0NqaDU0Wn+Y1pwbcUa7UhoGw93b32+PniD8R4Mvnnd
wWT/wArW9/5Ni/tJPcsjsY08pv8+1LqAP2O33vBbbFsVEkD4xXWzMtr9Lf+d9SSX7QeuLXk8dzQsSV3Suknu
SHig8hu7inF6ySL7WAA+zF2fZKKSCOzmV1GV3D9I1WuXZ5x5x1vsV7W2+GXfEzLVyvavfzzREzAAMswal
xrvTQnsfU3mAKrtRAte/IbxVGwsH653cFsR87S9iv9/wC8i/tJPctF9kKnnIP8A0A0cqJ9oG9vxg0vcq8J8/lb3v/Js
X9pJ7lIuGHZ/g8O8xLqQTNSSgwK4yWfKdHaQc5eOF4qqCUFW0CmLWaW5ztWYaBbtYxx0S3X22ZVWcSm5YTa
PZWQsD2vjY5zicINAc6W9gKaN4U1ZGoYY20pgrOMqePlPcs3oc5PMz6GMQnO+zlE1dPDT35JbGjfpGuiJqkqvCdqDcxCYxIpnidXaSUUSTQiHmzOxaHzxCGhpnH+sNyyGKy
zVOwihCpzOnZPp9Lnc9FVntomKW6lssUs3r6R6C9t8aZ+JFmle54J54EmlRUjfgbpgSk54lQCxyVcLYc3GkjBSvZOBgoRWxm5S9t+kazbxSkhR
0uL5AXYQBUgDImlSmSCNM3O3pvl4aqFHnNl+tDYrpTh5drraP30lJ1ZsRw8k7R2B6W2RtoTmxNpSSRtsR+jNsCSrWN3pk8ZSkaNnIqZfbOmNbYpoxvIy
1zu4JP8rq+P5MhOt6P5Nh/8AA+rz+PqDYh29+zxHmm4kraNz+/wd7q9xudq8rbbvutpOoUs4IzmGvf8hQZqj1i8AJd5Fc+mJtVkTMcYNdsn9/8rtP/5pM5Z

JsX9pJ7kD2Y4QVb52n+tmUYUbBWffM7uCQ+d1fG67Yv7ST3KQZA4QsZDekuMyXpfvaAglxATpCSeluv
XGfuPZ+K7HPcx5cXU1AFKdS5P5U/LHb9uIbNDarMyFsBc4YXOdUuAGeLSgG7ipT81aG9h1xsOJccoVG
M+8HWc9KihclyCiEFhIabSQq9j4/DGv37cUd5lhkeW4a6AHWnHqXYPJV5XrZsMy0ssllZNy5YTjc5tMGKl
MOtcW/goRmTs2zYlPeVSpgly0NlTbUhIQl5Y6I1D6txtqNwCRfa+MKzYGyEjFO6nU1dXk87q+8JwXZDXp
kk9yIpvBymVjLKKpGqNTebU2V8kR2w8lSTZbZSSLLSoFJSehBGFd5PIGvwGZ3cE1vngXs5mMXZF/aSe5
JMv8I4lVpUSY8qvokqQmTHWzF5aorl9TbiVXIJA8FXSq5BFjjO3JsrFdNsNpjlxZFtDSlDSunUuc+Uzy+W/b
e4xc9rsTIW42SBzHPJBZWmTsv0k/xeIcvL0NtnNsUUh5auWioAD3GT4J1KBIjrI3LazpubJWrG3cmHH5rPo3
/f1juXAROWACcU6d33dR71pmTLrFTnxHm3VRJ60KEaUhAVqSBcpPgtNjex9SCDvhWPIqDmOCSWIOIIy
O4/GvxRQKsZMlVxDUwVdsLHebehRAjWm3S61LuCd7EbeFsXWzBtW4e9UH2Rz6Pxdw99VSmYFcQYN
enMR2WZEdmQ4hp1bkkKcSFEBRAdtcjfbbGTYYS0E+z3LGOjkBIr4+9X7w7TfIlC8f6XRr/70nFSH823qHg
rkw57usqRx2wT0thxKGgb0tabASNsRlSDLJLY6Rvt0GGpwCWMouOnTEZKeAlrCbbdBbDCVIl0di29zhhKk
DEvYbv4ffhqlA4JSy3e3TbDE7DwSptvbY7Yjqn5JQ01cA+WEThnkjmmbki334Y6ikCOQ2DbYb4aSnI9trcd
MREoA3o1LesbEb4QGicsPUxMixJcStOwUhWlVv5vjhcaQiqbJdHW0424qM7MWm4Upb99KfNNza/ocSNfu
Booyym6qaQ46me8uTFlrQ+bJCdSw34HYD621z4bDfEppTIpg1zUeq/D9VRQ4lxZahoUF8rupdkq8rfmhRtex3
8RbFhk9NNVVfZq5HRO6skNQ1x4bLQUtRSJKUrsE3IJ1eFj+id7AHxxDy5NXFS8gBRo7U9U3JwStbd1Kile
rlLTdS1WsSo2A0/eevniF82/epxD3J9jZWhxXlOIiMpWepSgDV6n1xAZXHepuTA3It/LQUypKWmUJVcnQC
Cb+AItb7b4cJOKaWZJpqlHhU+J9K04+pLZBdB1LQgbG6VEW+ze++JWvcTko3NaBmoXm+e7HjJmMLaY
ZebIbS03qkBf5pUnom5I2F1XI+y1CAThP3KpMSBiH3oykVKvw2YzMuPEqKWGEkx2+7JIItp1WKFOae8R
sO9sThHiI1LTTw99E5hlAAdn0b/dVb8LafCzfU35tnV+5EKZbeN1RiS4gtkdLhKU+fgL2w20ucxobx+5FlY2R
xfw9SqftJcHUZHzCioU9oIpk430p+rHc3un0Seo8tx5Yyd32syNwu1Cwt52ERvxsGRW/APNMnLTLslL5bhtv
NxZxUnU22herlOKHhZQUm/gFAYLZGHmlM93tT7vlcwVByyB9iX0upDORlU9poM1Gu11Epq5OtLS2196/
wCjY/8AC9cRubgo46Nb7VPG7lKsGrnV7FelOo8epNO09cVt6nobMeQ29YAgoSN09LbG48Psxhi4jnVz3LN4
ARhIyXI3EXh/M4eVmLIaK24VSbMqA8hRP0ZJTp1ddQFgfMKB8cbJDaBICN41WpWiyGF4I0OYUepcUpk
JsQAPC3TFhzhRVGtIK7g7L9OEbhBQGkaiHGVPqVfoVrUTbyHgPPfyxqV4Gs7it3u5tLOwdCtmNS0aE2SA
pO4Khf0xji9ZMAb0rajctpKVG5A8NsRl1U5VJ2xKJ77wlD4F/cprTnXoFakH++GMldUnz1OIWNvRtYa8CuT
1M3cJ3F/IdcbItbANU80anSa5NjsI5r7q1BtpBJUbnYAeWK8jg2pViNpcQ1dacDOAMTINPC5aESKm+39M+l
RshJ/ztFugP5x8fQbY1q1WwyHLRbJZbG2NvSpZVMoiDAcTHSwumc0OGMU2aQBp06bC43G46bi2KwlJO
eqsllBTclMDho0hKiXi4jWVBOxQEhRIFzdRH2/htiN0/BODAnaLAEqNHaUpxtRQkharFTlje3wxEX0JKlwiir
PKNJDVEkSRIS2/EW77s+2CHWUhRIWLdUFR7wNwRuBti7K/MA71WiZkaJ2zNn1qtxKcnn8lyVoVIbQblk
JvqT53ulXw1JOImRYap5fWiidaqUUVUNhKGWrjSkI3QOpJ8T6XxMwGijeRWiMcRCbT9CtsLQkFRUd76u
p+BG+EOLelaBuR8iotLQGgux2CwASL36ev8ow0A6pycHlB+nKcbUdIIF1JIJPkPXriEa5qQjJJnQNaEXCdJs
QR12xMHalRlaBCVuhQBUCPswgJSrDsEhxJANr7/dh2MJhbmt4zAS0d7AeGG4s04CgoFqxTtcgKNjclZB3t5
YC7JCc4dIJANrkfYMROfuUjW1zTkEMQU6nLuuWuE9bfZiKripKUUQz86qU8wtQtsqwv06Yt2cUFAqdoqS
o0iEbkXB38RiySoAAjREChc/d9mEQj0xUpa22V064SqcQtmaeXUgi3Xp0tgJStbVKU0nSNJvvscNxJ3JlbN0v
V3QLAeeDEjkijjRQ2rZJKfA/dhMae2MVzWwpSXV3UCAOgAtfAH5I5IImVRQwu1tRO1gNsKHJOS6VVfE
rJM3JcmTX6JFfmofK11WCgFx9xKkaFyGE+LgSE6kfnpbSR3kgKyFnmbIBHIacD7D0dO7qWMtMD4iZYx
Wuo9o6eI3046vuRH4+YslUqbEfalRpURpbTqDs4NAHh43BFuoIINiDivMS2RzTxKswYXxtc3MEBaV6ZGg
ORGl8uQ3UFrj6Wkl5ROkkDQkG4NrG+w8cKwOIJ4JXuaKA78uKhE/gcHJTbtFfqOUmG3ObyYzyVNvK3s
TGVqZbHnayj0sLk4uNtuVH0d8cdVRfYcwYyWDo92gUXkcOs40STKDWYaLMYddLiEyqMtK27jcDlPJTa
9z06k4sC0QupVpB6/eFCbLaGVo8EdI9xTYcqZvuf6b5XHp82SP8AD4l5aL6p7x7lFyM/1h3H3px4cN6sh0O2
39Lo38EnFyI0jb1DwVKT847rKkkdF/PCpwCXMNkW8cRp4CVsN/qwwlOol0VoW+GGOT2pfFaBtYH+Q4
YSpAAl8dF9rddsMUoCWNNafDoL4aU8JU00APGxxG4p4Shtv02w1StGSVIRY+W+EcaJab0c4UQ2FuuqCG
20FalE2CABck+gGK73hrS9xoBmrNms0k8rYYWlznEAAakk0AHSSaBMbfFzKm39UNJt/r3+LGGO0V1//IZ
3roTvI7tzp+CZ/wCp96M/ov5UAFsw0n/f/wDFhh2huz9e3vUjfI/twBndM/8AU+9GtcYMpXF8x0n/AH8fzYcN
obrpnaGd6afI9tx/JM/9T70crjJlGL9vvcwzvVkIrkQyr0xpQag+2jmLQw5
qUlN7XPpcgYs2S9LJaXFlnkDiM8isHtBsNtFckLbTfFikgY44Q57aAuoTSvGgJ7EfLjLply0Lp1y0n6Ipsk8vWWj6m9
yn77Wxk2kHIrUDUaKO5lj0+gRHKjNkIhx3Fp1SHFFporJ2AHmbfD4kYZabfDZo8doeGt0qVlLk2cvK+rV8iu
mB00tC7CwVNBqacBvWKLxJyXTkAjMlJSSbhKpV9PmTtuo+JxiJNpLtd/v2963Vnkc23H/tM/9T706I40ZOH
XM1GsN9n9/hiP8YLt/Xt71N/6Qbb/AMkz/wBT70YeNeTh0zBdv69vej/wBIdt/5Jn/qfeipPG3KKE
AozHRlb7gSBe3jg/GC/T17e17e9IfJBtv4Q3lfBFtv/JBtv/GC7Q5hbHw4kKFlrmvVR4IDQHvxbAmxc2SQLnWIn0RLhjPDowBqt9hdwaaDmBkMalMW6m6KyQV21PrzO8pUcyEDRQ4Cs3Mc3Xcsrrq6u
W1WmGzxcrM8NGVSTQZ6KC5LnWu7VbCaHhjiLLDrQNTvFAS/Hn2Ee0yZi1mHv3Ny1ZX6hLBsxqLH9WbPxHZrdH+Gp5PmdafmuOd92YtdgtigaFy88z8EhsuqWZEjS5rxcvcVNp8Mk6Z7QGfrpiwHs27lzGGSgfbheMQJNaDp9ecemIE3R1kWqqvOhWnPLlMbOkmm0Y2b8gq61rjqbsQWOeY+bUxNG8OHmLSCZRGL0eKZxQXfOJScYqQw6wIxoAzNlh5lv5z7Lo53kzUS2uDbp8VfjyShrDpbBuNvWzQMYr8zXuhLRUtxbOyrs95SXtdMtatWBrd3ShO8pW+z3WlwhfcZb7I2LWrQmCyN9bfkzmsiO1J4LXrdk57R3jKC5TlN3XQRqOLaQNv/G

LQzozV+z+RbbrFG83ROMs+Zw03qyswcaKFIgyIkerU0uT3THD4fSENJLYCnV/uRY2AvqISNhjHM2guquI
2hmXSsm/yP7dEFouifP8AmdGuqZuKSMl8QuGSKXBrlMcqVISr5sHM77hTsG7eOtIA/fAHFmw7S2A2kNb
M04yBQHefvWMvnyQbXwWGS02i7JmMiaXFxZQNa0VJOelBmuc4zWl64BsbY3glcXY2q7f7KGl7gvRli+o
JdQr1IdUL/G1saneJpO743LdrsoYGlW0yAQLi/wDLjFrIgImu5hpuV4HvVTnQqdGH+eynktJPwKiL/ZiGaeOJ
uOVwaOk0WSuu6LdeU3ye74Hyv+qxpce0AGnaqO7Q3aPyPmTh5VaPCrCahLkNjle7sOLb1pWlQ79gm2x3vj
GxbW3ZZ5Q4yVp9UErqFm83bby8IaCxiIGn5yRjDrvFS7ryr0LmM1qOXdQ5g3v9XGR/9Rbp05/9X71IfNM2
84Wf+2//ANFbfZiz/k/K+Y36hWqs3TZbaOXE58dam0lX1lkgECw2HxOK8+212WhoY15HGrSPeqsvm17eXe
S82RsoH6uRju2hLT1ZV1yXVGSs50nMMTmUmt0iqsK+sYj6Fqa8B3b3Cfj0+HR8NtgnzheHdRBWh3zsxfF0
PwXpZZIT/PY5o7yKHsKT5w4x5Ry8y5TKnmajUqopYClxpMgBadSCUg/G+IJ71slnk5OWQAjcTmsrdHk92
mvayNt112CWWJ1QHNbVpINCK9ByKbYfaTyLBhrb/LOglstHQn3sKUlR8CbdPLyxXN93eTXlm96yg8kW2
v8AJc/9T70lzT2nsjwqcG4eZaFNW2hSdIkA2OnZQJ6kW/G3jgjvm7yedO3vSO8km2oFRdU/9T71A4fHvJ2X
MsRlR61T3poaCVoQ7YkWCSg36dLk9euLRvy7nOznbTrUI8ke2zWil1T/ANT71HsvcV6C9UH3pGZKdFQlJ
skSd1k/WsSNvqpHwAxI+/rtpTl2ntTGeSHbeud1T/1PvUka4oZHZhWTmWgqKrKUFPWUT5kje4xB+H7BX8
83vUx8j+2tP9VT/wBT70SzxbyehbiVZko6UpOkESAoLFuv3n8MK6/7vP8Av296QeSHbYf+1T/1PvW0bi1kw
csHMtISFLOsc/a1ib/fbCG/rv8A1ze9KPJDtr/JU/8AU+9O7nHHJopzbRzTR1uocCwG39nLgAC3nfxOIW33Y
MX55venv8km2gbU3XPl/M+9KcyZGgp+UmUyqnPjwIylhCXH16UhRB2v5mxxkrRa4YGcpM4NGlStOuPZ68
75tBsl02d00gBdhYKmgoCacBUd6ZE8asoawfyjo4sb/ALf1/DFQ39d365vett/9Ittv5Kn/AKn3o5XGvJy+uZaNe
4/0Rhn4du/9c3vR/wCkW238lT/1PvR9K4oZWq9Qahwq9S5k2SvlsMtPaluKPQDDor4sUrwxkrSToAVVvDyZ
bWWCyyW223dLHHGKuc5tA0cSa6KWRofuLSNSdZO5vsD/AIsXsVVpYFEemS86nQLBA37vwwZapUAx
dBuCo+Prh1UhyCYs2wu60TYXvv8AdieEqrKKpiEQ6ht4/HEpO9RhtUa1BKk9N8LVHJlKmaaBe4Vq8dsNc
VK1tBmlcemjSSsaSE+AtiMv4JaCqVMUwEhVjc/jhoKVKVKV/vKv3relr4biTsJRyYaGWE3QFEHoN9/8AL/k
w0lPDANUW5CBNwJJ+3Ch6CyqZa9lioPSZgVM4UpBYdaD3QcaD8dQHiE91aVeqVC+1aLxM3VkzVC+1xiRsraU
aFHs4Gu5YoMiouGiKajONKdCI76loUrWBrF1zLJCiqw8E4LhMb3Bgr6FMZ2F+VB16V61DMwLaZt29Qb6l
OzmY4kObmCkTHFKq0GG0ErhPZUUyVm4HJpLUaOeaNRWsWUm6tTc/5SSPaCDuCoo3vsUEtWUm6tfPzs0BfO
aMQOoG7paPHedQpnlgUSbJgVFyM4UpBYdaD3QcaD8dQHiE91aVeqVC+1xiRsraUcPeonXW+DH16R1daAFn
syGShTL6A4g8y10kXkUvFXQ5zzPAkQyjSMbhmTD/Cz8EWpMjP+bCJAPsLQtYKxbGCsWsbDfkShSWxl5cc8KVG
nZ/2G1XVW4Oh6KFXjm1GRdfJhtMaAc6lTvnw/V8Uo0hVTdrdCrhBVsnK0hPOOOi5fr1pL51Lub2+2e+MOuYmNG
kIuFzn2wjUXHmLcDEowRjtmt/Zqys8j+s2kPJFMu1lA9lyNkbQAt9LlLPNDfi4BCW0Aq2oEgELKu1KCEvmJJ
71FhkLlvYIvuRDH8WmHdtwWu9Ts5Xpeyx0rAXjNcnE5MqxYtdacYeRPtAwQnUkltbNBB7vXHL3Ps1CjKHtNy
cvLdmCZ1PSoQ2rLgbTt+cqLYK+zXfSTVrWnPAd5kePxCZ16hodEK+2zwkcoxNX2ExIDk6IOfeJoHS8wxqu
ogu4vgoIPAzkT4DRUoV8XQmiSHG6ZlVaJdbY/mM5tBRtbcMlmEkdBMEeDnsHn9FeKaU8aRfZUQTIM5DEQ
2ItAN7Fhl+1iqqoR7gRk2kfZbEXxRe3tHtWWhE0/SJWt9Z1pjMJP9yDJGjiZVMSm9MXbc6xgBQzn7CiUW
7lPAAsGm4ERc42iEsBKBBz0SuQHBo5EbTAzqQm+80K5bD5/3wtgDgLnz1flIKMw+lgtilgExGYNwu4KnBCCv
mF4lqkOvRt+1UVZHWrXbZxQSyRC0QGj0s3LGqjP1PEUImbOwdAFwsmyZG6TI+/GG0iZfSgpOYojp3e5FTw6Q
U1dAdmsjw+zsmQqmFuAAa6qAAlfRkBvMXbFF2kR7PDCpSwtaDkrt/XoEsx6/DnBQXQ6A9nNEEb0hIvUSmPD
oXjSXzqtXs6sy/5IGFfN97iTgQ6XvbyG7rbZ3ytpC0YIiACfn4/DiGVLRBzCLOJQMcYNiRi9HxeoB6UpOK01
8fN5s/CdZNJk+DrSlsg0EWH4BIOH97XIHd73njPL8GwMl5xfIBnxGSXbv7aA0IPlIIPhIlXAzEqgVVg+sF/Ky3
zwVJYRFXEhZ2qMCn0ZZx0eAmb2tstFppwM6K/xvnJuTcd1f8LQHL0BS2nHlTYT/8qZYxvx6UwEptMaUEq
xehkXVd/4DOcEAa9GbYXz8/jIwiu/JoVeIK1b4iNV1jBuqV+nFnDNvGbNEz0r+DAD7d10vwMvn6gAmt4P3bA
rTGwtdhwQBVA4RjR4bgP61Xc8dtIXeNq8lcVfrghHn60WcmNt0Pd8cPqRxmdKXBRiJo9pgNsy1AAyeVkrV
jEZ23KAeaFXvuR+eFM1tuGQBwgwlf80L8q7sXjfkTT22mTBDhVovLjvzHNakOq4rJb0gtcAWoG+xU0h20A
jb1oK2Zg5oi5c6E3PLNzHL1ovlXtEsLZnuqoKuiRlx6e6r1bq1SJE7Nvwm6j/m4z8MWEoWyPC+RU3UdIz2
jI+pTtNnVcp1qHPRWapWzCk5WdYh2uPpDP9M9w9eUvC0yx7cVhKb3QcZNtXFE3c8ToFHVo3+zaunpsJMbOg3

vrO9i+dPnSD/TYE/qIvF6SdpRxbeQ6g2pSjodYa+qbXDxVYeA2t8SPjiztp/qh32m+Kxvmyn/AE+h/opv3Vzxjj
K+lCGBCGBCGBCGBCGBCXZYrhyzmSn1JLfNNPktyQi9tZQoKtfw6Yylxsx3jZ28Xt8QtH8pr8Gx96v4Web
/AA3JCw4qXLW4u2pxRUdvEm5/Xj1K7LJfGFuZVqyuNz2UeAkDK9JfU1OqLkhc15BIWwwpwgISfBS7G/k
n99jkHlAvswymxQHnOAxHgOHWfDrXtnzXfJXFen+k96sxQxOIiacw+QauIOrY9w0L/sqqgLCw2AxyVe/U
MCEMCEMCEMCFbnYeeXH7RVNU2jWv3KWANgP2o7n0xsWy3+sW14O8FwrzkP8AYS0f0kP7607bkhUr
tG1ZakcsmLE21av85AvfDdqBS8X9TfBP83I/6CWb7c3+IVU2NfXckMCEMCEMCEMCEMCEMCFvGF5L
X79P6xhzfSChtP5l/wBk+BXUXbRj6OEEYpR3RU2QVHrfQ5jpG15rYRX6w8CvAfmu/wC18n/LyfvRrlrHN
V9AkMCFMuzugOcdMppPQ1FH6lYytyfT4ftBc28sX+w96/0LvELudcYFkEC5x1rqXy4drVZZijxH4YAmlK
mqWqWoISnc+Ztgc4AVKcGE6JrzfSVQ3ENk6uhJTuNx0xJA4HNMkYRkmRNN1Lte23jtiRzqIazilDNP0Wt1
HmdsJiCXAK1SxiDrQSeg6YiJqU5Lo0TQBYEX63wEpta5JVGgcxQ7oSDscIlwpWiljUBbYeBwlQpWsrqlMe
jhZ+r49RhpeFLQDIJU1RFvLCEIT6G1ziB7wlzKlOXuDM+tRgosltgnUXFgC3rvtiF1pDdFIIXHVJs9cNo9Gpi
X4zbrjaHeUp0pJSokE2v9nS3TDopy40ckeygqFU2f+DUPN0lb7qWg88EiQy9HRIiTNP7WXWVWBWj81xJSt
I2CrbYvR2tzBQfeOo9O8aKpLZmvzPvB6x7dVDZUXNXDBEh16Cqr0NiwQ028uS4w2BuptxQ5qd79x0OA
WFnkjYWmmKUChofjs7RTqVcmWKuVW/Hb2GvWojl6fGiS3Knl+oVDNNPZdUuZSQEMzqO44e9IbYAS
VCxVqTc31KU1cqUlViQmmGQYTuO49Ffjp3KuzDXFEcQ3jeOkD46ExooFFzVl3NVUZpNIzAEVmYWS/E
bWHtm1Ea1IJA1KIO1wQQQCMWOUkY5jC4tyG9RNjjka9waHZnUD3KL/ANBalv8A0iuGuS0qX3iNLJsT4
bR7Ym+Vv3Su9fvUPyOLfC31e5Rnhoj+oCg+fzbG/gkYz8R+bb1DwWCkHPd1lSaMm4whO5DQnGMnf44an
gVyS6K1a3TEbipWiicYqN/txGnJbHbsfh44aVKAl0Ru6t/twwqWiXNt2I6XO22GqQChqlbSb+oxEXFOSpoXs
fD4YjKGlKEpsOnrhlQnNBJSPNqAMn1bpb3F/wDg1Yx94fRpfsu8Ctl2QH+frD/TRf4jVxi3+1J/ej9WPPrdF9h
3+kesrbCpqfMrUJNYy3mV7SFOU2G1KQbbbpAfQlVv7VRxkbHZhLBO6mbGh394A+orTdpL6dYL1umGtG2
iaSMjiTA9za9TmiiY8Y5bksKJCSU7KHT0OA9CBSvO09i7ey7mUVLItLqmolMuIw+pflqSm5P23GPQF3zcv
BHKP0mg+pfHrau6jdd9Wy7nCnIyyM7A8geqi5Z7R9Y+euNlVq1JivJiXjGMxf7Vq1+rHHdp5+VvOU8DTuAC+k
/kHur5BsJd7CKGRpkPXI5zvCihGMCuvJ0mUP3XJdPqJTYzpkhlJ80toa/wDeWcWnwYbMyb6znDuDfaVrtlv
blr8tF3A5RRROI6ZHS/8ASwJrxVWxIYELpbssUqVUOCY5HLcQKnJ1srNuYNKAdJ8Fb7eF/vx1zYhzd2f1
nexfOrzpGOO2oI/UReL03dpeR/UHKZRGWyhtxhxD2PpJJDoWCATf9Ek73O5GLW2g/zS4/zm+Kxfmy/wC30I/
4U37i56xxlfSlDAhOuRaCzmnO1HtpsVWc5bLVCWzlmoRlM8kmUPQWLvC6n4bPCJmYFrELFdFd4Wup8Bgs7
vrOXcF5G2i87+zMlMVw3eZZGjR7XqpxPPw/wAt+GHGxquQLpU
CNreeKdq2Lja4thlOXED2KG7PO1tdQbwu1haf1cjgf77SD3hDsz5o4B8foFSrEePLo6Istr32C5zEa1N6Up
KTZSSokAAixJ64gua47VZLe18gBbQ5jTTfcueVXybN7V7FT2SwPcyfHEeVxyt5ujTdHVf2z
GnWu0HVg6hSD7vGsgj9rHKj0Gm0GMPtT/rF56G6+C6v5uRA2EOK
GBKhgQhgQhf4/dgSVCH2H7sCMxKCZTWx/bE+HqKtT200KTwUi3HWrMm5
G57jmOj7XfQh9oeBXgTzXP6sa8ryZj7mZ0ELdddWEIbTY7MaKzUEh
RuiRrLbE9xoAQuf+VayT2rY68rNZmF73ROAa0EkmoyAGZPUu2DxxZykGwPyny/1/wDzBn/+LHTelmsgBelmGsje
8L5wu8n+0v8nT/wBlJ/2o6DxMyPe5b6GBA9o0GfY6YA6pI1aU1Bkm3n9bErbysztGsDeUp2v2jRgTY6Y5rBM0V3x
Sf9qlO
X1x6tGddivsym9AIWy4HE/G6SRh5lDxVpqsFPZJrM/k7QwsDAR5RyVWTimid
mL39wL/DbEpNVEXJUIo0ad+vXzwlUNqSj2I/e3Gr7MIDVLhJS5SpNYF/HbpiDlDHEnpgJUrY9
UoNE4s0tHdvYgemI3vO9JQJNrb33EXG5OEqZDM0F0Z
ByjCfZccWyFlp5KEoP1Ei48oS4cCA6Ep6Swb+X8zhxj+w7PpvrAymi7zi/etsOFzDxqcQ/gqf8z0pN+7k94ox4/XsNOxnyh5mXrI7lkZfibCcrWBGPcNX/L69HSWhR1xUoNS+YHNyi5TzUOO7U3kv5xk4r8cPi1eDzeyxQyV9vNt9ZrwwbsryWiCpyHV0ebs5/81HqJtRmMXeKfE7UDzEJXIZp/VBG9zUhlQOB1SGQAjLVQXkYUNj/oWhdVgPGzmbBF8VqjL8R2yEsY0uD6QXT5K1yJmzOTRXhBMfv4dl6RyL8l1kpvPdYi3gO/HwkbWeDaQ8FEqZ0fPdAKqv4yrcxZL8Sdx2b8/5Dnf3v+l7QCY0l6bGhevQWHBjLQBJqh0zm66qdTPGqHvqpd8uEB+fahdZLSKHxhDvPmSUu/PlrkbYHeWD9j+8lUrzyRQU
pjIY1BhCRSab1ITqV4XNrYVrwm4BVVlxf7M9B4pOx6i+moUbMEBWuJXKRI9zqMY2O3MAIcQbm7biV
oPiMZCzW+SIFjc2nVpzHx0jNU7Td8UxDzk4aOGRHbv6jUKgqJlPPfC/iHmqY+9S81UVNZeFWcQ+1TZzp
W0ytD6mHCGVO2W2AUONJI1JKSSkpy75YJY2NALXUFNSNTlXWnWCsSyOeGR7qhwqa7joM6aV6iOp
LJfF+iKlOn56qsW6z9AvL0hSmd/qEhogkdNienU4VtlfT0Qf2h70htbK+lTsKrnho3bh9QCB/1tjfwKMbDH+bb
1BYF/5w9ZUmjo6YVCcIqCT8cNcpWDinCK3dN8RuT04R0XPw3wwlSUCXsoB8LYYVKwJawLeI8vjhu9S
hLGUBVttziIuqkJSttsXPriJOoaJY23qA3GGOO5KG5EQX3vbbEZUzhzgg6E5Nqx8Pcnx0/1NWKd4fRZfsu8
Cti2RP+frD/TRf4jVxY1+1j/ej9WPPrLDX9Gf6o6Kmqf8m/R9Gvk8Kr8WxtfUMY/JNBV
VnE5tUR3xEesLz15wO7cV5zqHZQZGAqjn2oOi+OQQ6bTr4rwAFx2QAHGIy0CDuY4AUHo4OODEdK+
T1ORnBe10pWqx9bJUMdo2Qm5S7I/5tR3H3L5kecDJdebjDtPDJPc3Hefx8AOVtrhBY+eEcg63sAP94Fcy1yoKq9cmy1qUtUqQ46V
E3J1KJ/lxx60y8rM+U/pEnvNV9I7ju7grrjuCtdavnI7ju5tgu2zWBukUbGf1WgexJR1xAsorF4rURNC4L8OEAWXKjy5a/i4tCv1
Wxst7QCK7bGOIee8grhvk6vU2/bjaV+6N8EY6o2Pb41VdY1pdyQwIXUHZEjB/hA2G5BalGpyNFjcSO5cn7

9h4nHWdij/m4/ad7F87fOiFdthQ58hF4vQ7V7DEXhBKZC9Sm6i1o5hJcUSolStX519z9+J9sSTdbj0t8VjvNoA
G3kI/4U37i5fxx9fSNDAhP/AAqktwuJ+XHnlobaaqcda1rNkpSHBck+AxeutwbbYSTQBzfFah5QYny7L3jFE0
ucYJQAASSSw0AAzJPALt5HESjvRElNcoXNTcKQqoNJGxI639PLHaPltmr+cb/WHvXy1bsnftPoM39lJ/2qC
VXPNJgSXkLkUpxlRAdS1NacKRYHUkk7+VvG48sWW2+ykfnW/wBYe9VzslfoJ/IZv7KT/tUdnVylMZyS8
mosGNOjaw4ma0UpcQSlB+t3bJe6Ai2ny6TtvGy4Kcq3I/WHv6FA7ZC/sdfkM+f/AApN37PSjMnw8v5nz1m
WnJlR6vAmQY1mHClPMKQUlJSLE6RvcdOvXfEny+JzWCORpdU6OBPiqk+zV5WUPltlllZHkKvje1ueQBJ
aB1KjuN3DgcMs5SoTKlOQ3TzYi1XJLaj0J8SOh+w+OMbtneRFxPoaOeWt9dT6guo+bZs022eUOzvcKts7ZJ
u1owt7nPHcoZjg6+oSGBCHTAgCuQVwJyjAyRwTpqrJXW67IRJlqWmymW0oWUNJvvpspJJGxUeuwx2nY
m5xZYBO8c94qeo6D2npXzQ84vyjybQ38+7oH/ktlcWNG5zxk+Q8TXmt4NGXpFNNEYL7yU3us9PHc7Y3e
U0C88x5ld7ZXpyKNl6HGSNCYrDbQHWwSkD+TGoPdV1VsgFAAjmG01icU/mRlc25Gyir6nx8/sGErQKRr
amiKqNKdcmaFIZeSE6tRSApQOxTe33b4ZlvUtZG81pNOshRmoUVqa48ttlgoaA0p2KU2G97jwAIIPjiQUTD
NJ9Y95SDhNlqNLpiqkuHHU7PkLdQVNggJ1WAG2w64fKedhTA95jLsRzB3n3rz/zCNOYqiLWtLeFv/KKxx
Cb847rPivr/AHV9Bg+wz90JHiJX0BgQV2R2d4TbvZ+ysi91SG160qItYOuG/wCGOrbPAG74qjcfEr5meXSR4
27vIAn027z+rYrCpkQPDTGis8tJtzHU9weg23GMwQ0arlTJZD+ke8+9HPZeDaebeOq4Jty+7uT+rr9uIy5o3JM
cn1j3n3qpO2+zy+CcQ9dVVY8/0Hca1tW+tiA/nDwK9F+a82m18n9BJ+9GuSsc6Xv5DAhC18CFjQn9FP3YKJ
cR4oKbSrqlJ+IGCgSh7hoUuy9mOoZSnJlUqfMpkhHRyK8plX/BIv8AbiSKV8ZxRkg9GSx153VYryhNnvCFs
rDue0OHrBXQ3BHtvTajNiUfOq2nkLUGmaslAQtB6APJSLEEn64At4g9RuFzbTODxFbND+l7/evJnlV83Kzi
zPvTZMFrm5ugJqCBmTETmCB+gSQdGkGgPSjEMFVidr77bY3xeMeTISpinkKNumGuI3qRjd6WQYN3VX
FyPDEJkO5SJwjUgkJUb28LDY4ZiKB0pxYg79b22GGE0QljVLKk2xETXVStFEtiU9IUNjcYQkKSimfDCEf
nyOqw7shs/wDCxWmNQVKwUXQlLadU1MS20VlD6FaibJHeHXx+4YxxTnEZKrONtPeNHrhccuRWU6kp
T3LlC9998XIzzh1JMsAKpJ6nhCzqHw8cXq1zUJFEmlQAndIJv4W6YEiQTaapSd9vS2Hh1NEUVGs0ikM9q/
PFJdituzKzlekVN5LjGpt5DT8yMQbjSq30Vwb+F8ZbEE82WN24OcO8ArGEM+VSN3lKr/eJ7Xsu/JcX7p
UEa1FWlupyUITc9EpCrAeQGwxMLdLTd3BVzYYYa09a5w4Yt//Z7QNjvTY3j/AKijG3x+g3qHgtXkHPd1lSi
O308DhSU5rUvit369cRkqQBOEVrbphieE4R2fO2I6qRqWsNnywhNFKBRLozPeFwDiN54J3UlkdklQ/XiIpR
mlrLV/UYaU5KG0BPh5YgOqnoEelkk+O+2DTVOGSSZwbtk6rnoPcH/4JWKd4dfRZfsu8Ctg2RFL9sP8ATRf4
jVxM1+1I/ej9WPPrdF9hX+kesrbCpqtHsouPt50qhZjpkp9w+lRzAhQTzE95JJG4OuG/+T+ny2Sv1f+oLyn
53GL8WbEG/rz/hPVe5op6qTmWoRVtqaUxJcQKUKtdPeO223TyxqN5Wb5Pqu+Beuz9hvIf
72GN3aWivrqkGKS2ZXNwCzMiBwPzwhzlKNMbVJQlbYUfpGigW8u8kY33Zm3mG6rWK+iCR+0KeIXkkX
y5bJfL/ACGbPvAytDmxu/8AqkD/ANxxVMJTpSB1sLY0KlMl67JqSeK3bYVKdQ0gXW6oIT8SbD9eANLua
N6jkmbE0yv0aCT1DM+oK5e1ewunZfyZACQ2g02O9G7hNjpSyAbHpcAHqevpjftt4BCyzRN0AI7g0LyL5rV
5vvG135b5PSlkY8/tGV3tVMY0FevUMCF0p2VZDdP4NuOkrUtdQfBCV6VJACOg2ve/3gY61sSCbup/Od7F
86/OkNNtQf8AgReL1t2nEJq/BlyeEoCWpcdKDqF7yePEEoHcQSKEyeIn+h/ie9WP2Xn3zXfTl+ui3wjZcEX
zTjjy+kaGBCBF+u+BAK15SP0Ef7kYKBSPzEf7kYSg4I5R/E96zy0/op+7BQcEco/ie9WP2UGlr42
QAzy0r92k21Dun6M7G29j0sMbPseALzZlud4
+Np25npY4oeLie5v3rhHml2EPv28LbQc2FrekYpK+DM+xUPjmC92oYEJflSkiv5ppkBQJTNltMKAtchSwD1
26E4sWSHlZ2RfWIHeVhdpLzN3XRarwBpyUcj+1rCR6wF0R2uKUih1qgwULUt0xVuVUOLURUaDB0P
THom7TVriNNy+ON4Fxc0vNXHMnpOvrUF4aU81PNNLj8xP08ptpu/UDvi+LFqfRhKr2ZlXBdnwK7MpsvS6
uNNYJAL4QWQF26HcpF/Pp522xrBa05rYASDVKqbWAj3halNXlKCVsl2zjQGyTfob+Y22BvhpCc000Rzs2
c6j3dVw4rZTqU8xdhsCPzeh39b7YQ0GafiJ5pUHzW/ModGWllS1ms2aaAN1FZJFzbbdB9b4ljoTnuUTwQMt
6klBob1HgxYkZzZASgIdTdIItuCLad7+eITIC6pT3NpGQDuK84swAjMFQB6iW9f48xWOKzfnHdZ8V9fbp+
gQf0bP3AkmI1kEMCCuz+y1RpFT4NZWSvQWREdWhJVpv9MoXNgSf5sdTuF1Lui6vaV8zPLm2u3l5fbb/hs
VsRssLkLVzHlJJtZKU7A+l8ZN8nBcqGaWO0pKmC02668U2BQ5c7eG4/G+I8RS0VGdvCL7rwRjApSlSaw
wAPEjQ7jXNqD+Rj7Q8CvRfmv/AO18n9BJ+9GuP8aAvfiGBCGBCGBCGBCGBCHXAhdg9hTi87nnKUnL
dQeLtRoCUqjLUbqdik6QD5lCu78FJx0DZm9yHk/jum9GX9k/jdp3Lwb5yYk/jum9GX9YWYYbUTjA0bKMye
gSDnfaDuK6LhUlUhxCSDZZt8MbI5x5x3rzBVhSPOT0Ksb0BVhsQSjPOT1UO
AhKw2FXbXZA6BSVHr9n44GSh2iSSOijTMHvC9rHwGJCgMCWRo4t/KcMcck+iUsMaeg3/ViIlKpfwxjlNT
bt/p7e/wDbDEUmQTmroamWaj1Fu4BS8LnyGoDFTiEx2rT1+CqPjNU477Fci85C3nqoh1ITuFJCDcg9OpxY
Y04gehSD0AFUEqMCsH7PjiyCmUUZz5LkZblUSeFvfN/zgiHUEIbCgG3wWm3VEi6UtvFokgjZZJ2GLMTQ
4OadaVHZn6woZXFtHDStD2/enqRTutkm42N/5cQgqai524m0p3K3bDy7WHIs0R6jTFUZySuVzWgmQ64pA
CCr6NIkIYSAE7qc9RjMWd4fY3MrmDXu+6vcsVMwttbZKaineffRT9VMUpRNuv7k4jy4qzyZXEPDBonh1l
/brTIx/wCJRje4vQb1BaNJ6Z6ypRHauLWwpKc1OEdk7bYjJT04bdVMBQJdGZISIIsbYjed
yVLmmr4iKWiWR27W2O+GkpRRRK2GjcfdiNzuClD5ZxXVKRw0+thrkm9Is4Is4tgZKrG3S
BI+z6JWKdvJ+Sy/Zd4FbFsj/r2w/wBNF/iNXD7P7P7Sj96P1Y8/DRfYV/0hHrK2wqarY7IUEzs9VUJaS6U+9hJ
+lQLi5Hn543jYM0mD0tkwScHbh6/FdP7TrATN/Hz/GJJHT+fzc+bhlbjDt/ZQ5rU+f3UVPHz/tSfJxzb6
Xo931gD3ih9YW5+bhevyzSRuNTA6SPsa7E3+64KCY1hd1TPmqaDEBQcCHQvq
enQ7j4YvWW2GKCaH9YAO5wPhPULbFvNoO8ttaaHJWUzKaz0yaZ4fVUcO2zSRXfKCGQHFPqyKS0wyq

Q4mSl0NhejUEHWd7G31etj8MZi4LMLReMMR0LgT1DM+C555Wr6N1bG3lbmnnCFzW/afzB63KZdpCtS
K1Ko6nkpKGkOJQ4l9DwUTpUoakeRPikWvbffG5eURoBs/7X/SvNvmekll7DcOQ8JFWeOar2qhgQr/7MnEe
m5X4briVWPLjRvfHV+/lhTsU6tH0aikXSrbbz2x17YeB77tqw/pOy37l86POlnYzbcCQZchFnu1esdpPPLdXyb
NgNsPaS8y4HnYq2XCAoFKVH6qhp6X3sMTbZRYboc4/Wb4qh5s0wdt9CAP91N+4qBxxtfSZDAhDAhDAh
DAhDAhWZ2Q30M8eaUlTiWy8zIaQVJuNZbNh+GNm2S/1k3qd4LhHnJf7CWj+kh/fCsXt4xZPzLlt53QUpkv
NqIIvr5abeHiB+GM9tuKxQkaVd4Bca80qRovC84iczHEadAe4HxC5uxzte3EMCE+8Lai1SOJuXJT1izHqkZx
dzYWDqb9cW7veGWqJ53OHitX24sj7Vs5b7NH6T4ZQOvA5XF2t80/PnGGQw0UlFJZbihQIIKvrq/Fdvsx6K
u6PDDU718ebbLjkFNwHvTDwqqApGcIEzRrTEdDqk3CbgA3I9fL1wlszYQnWQgOBXZ2QZkeu0NKGpyJb
DytWokKXub2IubA7dd+oxrUtWnMLYI6EKQGhxXqUy6lIbLSbpW33FJFrdR8fLEIkNU4tBCSRWX10yWX
COdEjjQpV9VyCR6XuAD4HDiRVAyCi+aIT9d4kU2A29oFFi+8qUEghC1WANtx0t9+JMYEZPFNcMTwOC
k8HLpXIR+zJql6hqWlyw63GwFvwxWDsxkiQcw9RXmRmMWzHUhe9pj+/n9IrHHZvTd1nxX18un6BB/Rs/c
CR4jWQQHUYEFd09kuKH+BeT0pCSswHzc7FP7JVvfHTbjP+b4/jeV8z/Ll/t3eX22/4bFakOnSnXFJD4sg3vY
b/AG2xk3OAXKQCdE4wqIWGTZRFkEWvcHDMdSpOToFQ3tE4/J4Ixe6RetMWJ8fo3b41/ac/kg+0PAr0R5s
P+2En9BJ+9GuKsaEvfSGBCmfZ+4XM8Z+LNMy3IlvQWp6XlF9pCVrRobUvYK23tbF67bILTaGwuNAa+o
LRvKRtbNszs9PfUEQkdGWANcSAcTw3UZ5Vquiqt7MGE3EWYub56Xwe6X4CFo6HqEqB+7GyO2WjpzJ
DXpAXmmy+dXbhIPlV2sLd+GRwPZiaQudONXAmv8B8xNwK00ypuUlS4kuOrWxKSDYlJNiCLi6SARcd
Qb41u3XfNZH4Jd+hGhXpfYTyhXRtbYja7rcQWUD2OFHMJ0rqCDnRwJBpuIIUNxRW8IYEKz+xxm5eUO
0ZlxQWUM1N1VNfA/OS8kgf8MIP2Yy9xT8lbmHjl3/euS+XK5GXlsVbQRV0QEregxmp72lw7V6L0hAMlv
u2soHrjpLnZUXzTaKnJXxw6aQhdFUbAaZAJPQdMYyXQq8xM/FxKJMVJR30huP3gNgbLFsPgrvSSaqAIZ
GoAb+GLWJMSuNH17kdPxxETVCUsMJV1vfCICl3DOOE1K2576LeneGIZjkpAFaOYss1CoVaahjnradcutI
VZB8r+FvjiuMkNc3CFAM5ZGdo9NmLeUlLsOQ2yptIuDqSTe/piw2SpogZioVa50U/SspVaZDS2qZEhPyI6F
tqWlbiGlLSClJBIJAFgQTizGAXAHRNeSGkhJoUKJnzJrDjjKX6fW4CHFoWCnmMvNBWnzBKV/EYCSx+
WoPgmhoe3PQpjyDVJPvE3LtUU45W6ClGt5SCkVGKu4YlpJ66gChy31XkLGwUi75QBR7dD6jvHu6E2Jxz
Y7Uescff0qvuL2SqjnXiDHodQagw4tco1TiwqlGkLU7HeadhyY7im1IBSttSA5dK1AlB2GLlnkayPG3cRl11B7
9FWnjc94Y7eDn1EEKux258m0Ee45moubIeZIX0FVjxKa47HYlp7ryG1Ad5AcCgD4gA4vfg+Q5xkEbs925Vv
wjGMngg78t65z4YME8OcvG2/wA1xf4FGNzjPzbeoLUXNGM9alEdjbxwhcnJfHa0AWG9vPDU4DNLmGL+
F8MqpmAhLorBBG3rhpIUicIzN/O/l5YgJ3lCWx2/AjEbipGCqWsIATc+OGlycWpS2m3ht54jOqmSptsm29j5
XwVSHRKWm7pVsL9cMLtyG6JBnVq+S61tf9gSPj+1KxUt/wBFl+y7wK2LZH/Xth/pov8AEauGGf2lH70fqx
5+bovsK/0j1lbYVNVydiV1LfEarBV7Lpun7eai2N22G+lyfZ9oXlrzsKfi5Yq/r/8A8np07ctDDVYy9U0WKXm
XoiiPNCgsfgpWJ9uoKSRTcQR3Z+1YfzS72DrFeN2E+i9kg6nNLD62hUPjQl69QwIQwIVjdmPLZrvEJ17S2t
NPiKc0LUUh0rUEBGwJ3uegxuWw0OK8TKf0WnvOXvXmrzqL1+TbHssQOc8zBToYC8+sNTj2oVrdfoqxD
ZjMD3httTZ1cwpKARq8QOg22vb0GW8oWsArX0v+laF5n/oXtlvh8JFVGObr2khgQui+zE43F4Rpdfitz0KqD
7LbDhulTitAHd3G4BuSLAXO3XHW9iBW7qA05zvYvnX50h/00FRX5iLxemjjjw7OWOE650KTITAlykOO
RQlPuyNbndLYvqRsE7bgi3TFrbafHdjmuGYc3PfrvWM82ODBt3A5pyMU2X7O5UXjjS+k6GBCdMk0RrMu
cqTTn1OIZnzGo7im7a0pUoAkXBF7Ys2KATWiOF2jiB3lYDau9pbruS2XlAAXwxPeAdCWtJANKGmWdCu
icqdhmh5iUh1dRr0aMBpWF8pLil2B7oKfq79T5bdbjocuxliZljce73LxNH51m1DszZLP3Sf96fz7PjKnhWMxfa
tnb49zEX4n2P67vV7lL/lVbTf/ABYO6T/vUU4Y9jbLmfqdUJpqVbMVqoPRoymVtXW22QAo3TuTe+1sTT7
FWOMhuN1adHuUMPnW7TvBPyWz68JP+9SzLHYmpGVatHqUGsVtiSy4QhbnLPL32Ngkb3Asb7HFy67gs
1gtAtEbnOIBFDSmYpuC1Tbvy635tVc77lt0ETI3OY6rA/FVhxD0nEdeSx28sr+9cIodQSgqXTai3qVbcJWlSDf
+20/fihtcwvsQf9Vw9YI9y2TzXbyFn2slsrjTloXAdJY5rx6sS5DxzVfQBDAhC5G42I6YOpIQ0ijhUHUcRvCk0
SoqqbbbtyVK+t8fHHo65LybbrDHaW6kZ9DhkfWvkB5R9j5tmdpLXc8ooGOJYfrRu5zCP2TTrBG5Xb2U+Gb
ef6vWBKQFtR4CkIUq/wBE8s2QofCyjiO8ZywCi12wQh1aq1eFHDd2S/NiF1+k1+lOgFSXLJWD+kPK46i4II
2xjrRMBQ6gq9BGcxvCtGg5wkwYjzVXYdCGlWXJQ2QG7bfSI3KRf85OpN/LGPcwV5qtB3FL6nOa0KfZW
l0OREuLS3ZQfSlX1knpex+7rhADonKI8KJK6+anXJCymROkpSEoBPcQkC1/Lcfdh82VG8ExmdXHepU7md
qhstOvqWpTqwlltKfpH1X2CR9u56YgGtE92TSTwK8x8wqKsxVEkFJMt4kHwPMVtjj8vpu6z4r683T9Bg/o2f
uBI8Rq+gNzgQV3f2MaaE8EMuJeLl5cNbrKtW2kPuBSB9u+OlXIfyCLqPiV80vLeP8ATu8vtt/w2K6qbB5Tq
U33v9bqT64yROS5aGp0ZiJTHVcKKyCBY2A+zEaeub/aRvIa4Kw2O8V/PEdfXYfRu4wW0p/Ix9oeBXoPzY
x/phJ/QSfvRriLGiL3yhgQrf7BySvtT5bA/wBLl/xdzGYuE0tzO3wK415f/wDYW2dcX+K1eiMloKQr4j+XHQ
AV85jpkqC9obluPUuzo/NcQC/S6jGdYXbdJWotKHwKVb/AYwe0LA6yYjuI9y7x5ttvls+2TbOw82WOQOH2
Rjb3EZdZXBmNDX0GQwIT5wwnfNnEzLcnSF8iqxF6SbXs+ja+LFkdhnY7gR4rX9rbPy9x22CtMUMo/wD8b
l6q0+Lol9Ds4Qb/ABx1Ry+TUFcIPEK8uG8dL8eia0pUA4+LEXF7A4x8ppVX2HRIuMTYMIAG30Ma32FzD
odEkirppi4G1/HEyiSuOwpSQTt54EJUwzYgG5wJwBUv4cRT84ggfnJ/XiCYqQK/oSApc/4gj8MRj9JUT+jVV
vxRjc1iuJJ7xlsKt/a2wjTR6ts9AKnsw5XkVP3dyJUZVNlw3A4240AtC+l0ONnurQQPRQO6VJOLbZBvFUO
HAqBUuiZi4JuOokJjVjJbkhx9PuEVbcnLTak6igNFS1PxQvUq6TzGQsgIWhIKLD3xy5jJ3j7j6j1qBofGaHNvh
7x6wpFmjhlT89e41mHMXHqkZrnUqqxHi6llK0i5CNXKdacSEhaDcLSBuFJSpMLJi2rTpvHxnVSOYHUcNd
xVT534mss55y9DrzQoWY8vV9qNJYdCkxalFmMqie9Q3Ftt5rPMfYJSe+2UqSsd3UbkcRwOLMwR2gjOh4HI

9arPm5zceRB7wcqjvCsRzL7fMVdCb33uB/NiEPyVkrzq4WsA8Ncun/wDSov2fQox0hh5g6gtBf6R61KYrNh4
2wqbRL47e/jhhKmDUujMWNtx5Ww0mimS6MwQrp9uIiapSlzLVwNuv4YYkS2MyCdr7+mIn5lTR1GiVJZu
RYHbywxykbxSppm/UW+GGJK51Splgnf8AVhHIqSlaGtvj5dMRk0U7I8Sb87NWyPWjt/0PkfwSsU7cfyaX7L
vArZdkowL8sP8ATRf4jVwewbsI/ej9WOBjRfX2T0j1lbYVNVs9kEvrzzVmYzSX3pFP5YQrUB+2oOrUPqWt
e9j06E43fYSnyyQn6v8A1BeWPOzr+LdiA3z/AP5vVhdruHJqfCdlUqE4zIpM5lfOb+kZWlaSgnULFPVOygP
Q42HbWzh9gEjf0XD11HuXG/Ndvg2ba91ifkJ4XjoJYQ8dtA5cyY5OvoWhgQhgQrk7MNDeNFq04qkMxn3kx
1KaSSXtCdfL8gCVC5uD4Ai98dO2AgwxTTkakAdgqfFeGfO6vYvvC7rracmMfIR0vcGj1MKT9qhl2G3l1gsu
MsNpfKAUaEBR5eoJFzYdNvMnFfygEF0B+17Fl/NBqGXqOmHwkVR45yvZ6GBC6c7IOW2H+D8uoyFuF
DcqU2G0EpBJSgbkbm+wsNvjfHV9jHkXdhH1nexfO3zoWj8dcR/UReL049ridGXwTfZjxXDy5cZoyA0EoTp
V01X3v0sL28bYftcD+DXE/Wb4qp5tBH49Qgfqpv3Fyljkq+jqGBCfeGFv6I9BurSPnBne9rd4YyF0n8th+03xC
03yjCuyl5gf/Hl/ccu/qBJjtpbd95YcJaASS+FrVfe1vCwNtvTHZZHVyXyhbE7ge4p6adC0AqW3qIuoawR06Yh
qE/k3cD3FQrgrGjUeXm2js8tlmn1p1TSEGyUIdQlYAPpvt4bYtWl2INeTqFBDC4YmBpyPAqXPoWywTZKy
TdQLybK/mP3jFUPbxVgRvO49xUQ44cO6hn3hlWKSwhTi6gyQ01rBKXB30bkfpJH39cU7ys4tNlkg3kZdeo9
a2/yf7QfgDaSxXu/0Y5Bi+wea/wDuklcArSpCylaVIWkkKSoWKSOoOOOda+rgc0gOaag6HiOPasYEqGBCV
UqqKpcgKA1oJ7yb2v6j1xsOz+0U91yEt5zHat9o4Hx0K5J5WPJFdu29ia2U8laY/wA3KBUgaljhliYdaVq085u
8Hqnsa8bMkZToFTRVq/CpE2W+ghqbqb7iEbd62k7qV443ibaiwWvCQ/D0Oy+71rxVefkA22uiR0YshnbXJ0
RDwRxpk4dRbkrgr/a04XZfbXKVmukvyC3YGEgyXlhO4T3Ek2v4E2xWkvywsGcoPVUqvd/kW23tcmBl2yN
6X4WDvcR6qqK8Le2xSuK3GLLmV6HQZ4ZfMguzZLiULJDKlkoaBPUp31K6HpijZtoI7RaWwRNNDvPQK
6LcdpvIBb9n9m7Rft6WlvKR4aRsBcKue1vOeaaA15oOe9WJxFjHKMtUuLESmFISrnxdRSEr0k60gDu3sN07
Eg388bREcWRXnx9Wps4Z5jGUOHkJpCDJmzXXVMR0DvK71tR8k7dcNmzeaoYKNCl2SMoKZqzVRqakS
ai8pOjxRGF7hKPs8cQueMgFK5vNJPArzFzQLZoqn9mv/wAKrHIZfTd1nxX12ur6DB9hn7oSHEavoDqMCC
vQbsqUszOyNlN5u6ZEWI6+yodUqS+7t9ox0e5D+RRjo9pXzU8uTa7c3jT67f8ADYrfpKhJQ04OjiQq426gHG
SPBctATgtSI8YlSkiyVHr19MIglcu+0SHv3B1MoG6EVqK2COhu26cYPab6G37Q8CvQvmx/7XyH/gSfvRriz
Ghr3whgQrj7AbSnu1dltKQSotS7WFz/AFs5jL3F9OZ2+BXGvL+QNhrZXjF/itXoxUmRDjrckFLLad1OOEIQ
n1JOw+3HQCQBUr50xgyODI+cToBme4ZrjD2hPaVoucqXGyZl2axU0MyhKRPBuR+ajfn4Q9W8DFQCG2ULGyiCSpRF
wLJF73tqN/wB5RyNFniNc6k+A969lebx5Mrwu60P2kvaMxEsLImuydR1MT3N1AIADQaE1JpSleU8asvWK
GBCmXZ4oS8y8eMnQmxcu1iMo3FwEoWFqNvgk4u3bGX2uNo+sPetJ8Ld/k4fVTFpT
Dm55/LEyn1RUgNUWLzG6ilSR9AlenlydVtQDa0kKttpdKvzMPZRwI37vcmuqM9yZ5XC2pZJq8up5Uf1NS
FFyTl6W6G6e8s3KlxlhJMR5ZJJsFNLUbqQknXhwlDgGyd+/t4j1qMxObzmd27s4eCgXGWh5V7TOT52Tcw
UKpQsxlpT9Oh1OEEVCnzAk8iXEU2tRcLbmkh2OpQ7pufDFiCSSzvEsZy3kaEbwesbioJ2RzsMTxnurqDuI6
uIVWZQ4iLm5Tpb1Y45VmlVd2I0udCfylTXHYb5QC40tTjfMUpKrpJX3iRvvfGQfHRxDIqjdzioGSktBdLQ/
ZC5d4VM34aZcsP+tUT+ARjeYzzB1Bai8DEVKGI+1tv5cKSnNBJS2OxpFrffhpPFTJdGYsRtbe2InmqEvYbA
T5+HxxGeCEsYasm9uuInHcpmMS2OxcdNyMNT6Z0SxhiwHWx64YUHglbEba/S/gcIlalTTBv4H4Yjedyew
GtUpSyBfpv44ZVWWJuzy2DkitdQPm6Qf8AilYq276NJ9l3gVsmyn+vLF/TRf4jVwMzsyj96P1Y4INF9eZPSP
WVtgTFcfYqpqKnxDqyVJbJRTtSFKKgWzzUC4IIN12GdS1yfZ9oXlrzsW12csX9P/APk9XXXopEmq8JK9
TnUPynJMNa0rSySppbYDGKiO6U9z12xBP3b15yKL4N17zMH1Se1P7J2LXOn0vbPwu3RFB5WoZtO8hvBBpG1z
APnvjiC+rJBGRQwIQwIXT3ATL66Bwy7rZatwqPxtJ2YOE/ZKBrTNeb6YpaylB3+r3U7KF8dk2MyNcFNzZ7uO
N84m9Tbtu7W0GoiDIh+ywE/wB5xUN7Y+WfyZdy637zKf1+8mzqtQRu2bJO1+u5sN8a7t7JjMBp9b2Ls3miR
4WXr1w+EipPHPV7MQwIXQvZZzHHjcOUxKo67GpCKi64txCKCi64txY0xS4QlQStQ7xJ0khJ2NvM46xswWm46xsWwm7at1x
O69y+dvnROA22GLTrG2LTkIurV6n/AGyGWP8AM6vLihnkGXEKC2AEhElBXdreHQ7Yj2tVVB2tfrN8VD5tdx6hp
+qm/cXHeOVr6MIYEIELIcUALKULeuFqU3A3gO5Z5qvfl7o4KlGBvAdywHFA/WVv6nBUowN4N2DuS3L
rqvyjp3eV/XbP5x/0xOHxE8o3rHiqN8N8dnc4Ar5CR5sFeAXDfbZ4IucNeD
lbiNEUXMbinkkDux5J7zjfoDPH1dvIGhNs0FmjMdyH3fnKEPZpJhjDwwdiLdPzJ9U1BkOq1y63HvJFA7GbQ
dwIaf0lSuNeXoBDAhDAhC9sCEL4ElFbnYUKh2psrlBAUPe/L7h+/wBhbd/9f+Kxds8eNe8cz6Q3wnNsNTtY
0R4uWJUVx3RKkNJbZ5ZupQKu/c+CbbEedsdNgaa1XzZmcKUKSZHyWMsUuJOXZ16QhJcuNm0GxSB5E
eJ9cEkmI0TmNoFPo8R1xxlIWpCwoGygLdQev8ALiDFmnPHMd1HwXlLmf8A6Z6p/Zr/APCqxyaX03d8i
9c7p+gwf0bP3AkOI1fQHUYEFej3YpSkdlPKJV9X3R2/wBr7uOi3V8L/Lf8A7c3j9tv+GxS3K8qRIkIp
gJQlKlJKwbLSgHcf5dMZdwA5y5M5kH9bkoXfmN3X2pN9hlO3n/X7y/3QWOOQPAHM0AAQXZT5FqAb9ohAMXstU55di7K
r0d5ZH7pt7Gv7S/Rh9Ak/ejXCNPrEhoe1iNPh/2skP/ek/ejXXC+nGFGXvdDhhQrNGDNfwAhUJwKNC6VhmXNHBJvI2k6
I0EcCAR3FGyqxMnMlp+ZMZv1Q6+taZS6ZvoHZ4nY4o2PENH2acZA4ahSNzPNK3gVHKXCEmEPnGvR85fUV11
F0l7NPhQ5mjivOzO+1eDl2OzxGdqGj1n7l5o85ratljuXOcOK443fOWnVMCbeiH4f8aNOkoyQm5atIjUOK
1z6HPwjpoeC73pMYBxPxuuztF4Aaoru4VRQYNKIAsmc4P+CnGPm1kKbkCs8YodqNYvSBBVieNuvX1xbJ6hP
SrBDViNuvX1xbUaVRmb2wJQCnWFGBUNuuIyd6epdkmnrdlLKEk8saiR4DFaQp4y1VzU93QckoUpRSkg

JF77YsxGmKvBYp49EqLcQg4tde7gQkpjEhR73UW6bYimPzjsuCtWemFnaq65IKiCN/DDFerkjERQpJBQlSS
LEEXCgeoI8R6YE0lRWnR/6FsP3J8yn6AhZMWUol1VOQVE8h2wuGkXshzcJQAlZGkKU8nGa7/FRtdgGE6
JRnDKlIzxRER6nT6bV6e4Q+0mQ0h9onqHEHcA+Skm/kcDJMJyNChzWPFHCq5Kzr7MrKuYs5VaoNNM
Mtzpr0hDZlSFFAWtSgLlZJtfqScZqO+XtaGnd0fcsQ+643OLuPWuYeEzN+GWWtv8ArTE/gEY3pnoDqC1lw
5xUrYYB2I64VSNCWR422Iy7JKlzDAHXp44iJ4ISyK1c3IJ8vC+GEhSBmaXMRrqF8RqYEJYyjvb+eEJRolr
bF/PcYjJohrS40CVtMXI8uuGF6sGKhSlpoJ3FzhhKe0NGaN0EDCKYBNHETmxsh1pTbSnrwZAUkWvpLS9
xc+HXFW3fRpPsu8Cs/srX8OWL+mi/xGrgZr9pR+9H6scEboF9eJPTPWVthU1W32O6vFo+fqo5LkOxWlU/S
HG1EaTzUdbXv9oON22FaXWyQAfo+0Lyz52TgNm7FU/7/wD/ADeuhqln7kxlxvd01ESwWmVreRH54UCD
qSblIAO6rAEXNhbHUDZhJzXGg3714KbbHwObNH6TSCN2YNR6wuJKhBVS6hIiq06ozq2jY3HdURsfEbdc
efp4jFI6I6tJHcaL7GXVeDLdYobdGaiVjXj9pod7UTiJX0CCrYAknYAeJwGu5FQM3ab+reuvcm5bzPlrKiaV
Afp9TdpTQhVCGtpCJTaCgFBZc+qUlBuA6LXuOox6AskMUNnjipSjQBwyGde3gvjztNes153xa7yJqZZZHH
jRziRTspqqW7TKKjD+Y4kuJWocRj3gxWqkAt1sKKCpIdCjzBfz3F/UY0XygYSYCCD6Wn7O5etvNCxBl6tI
IFYdeqTeqrxzle0EMCF1p2K58eLwOWZLetpFUkuLK0jlpCQ2olRVsLAXx1HY4H5Bl9Z3sXzz859wG2gr+oi
8Xps46ofX2R23VByOwuYyppkj67ZkKLbm+6QUkWAttbE+2VPkTx0tWO82Wp23gP8Awpv3Vy9jk6+jqGB
CGBCGBCGBCGBCWZcF8x03+zGP4ROJIvTb1jxVC9foM/2H/ulepT4BfWP3Z6fE47CdV8g4/QHUFHOI/D
+mcTMozKLVo/vEGamygDZbahulaFfmqSbEH+S4xWtVmjtEZilFQVsGzW0lvuG8or1ux+GWM5bwQdWuG
9rhkR7QCvP/AI58F5/A/OrlLluCVGdTzokpKbB9okgXH5qwQQR59NiMc5vO557GcThVlcnbuo8D0dy+jnk3
8qt0bX2YfJ3CO0tFXwk84cS367ODhmNHAFQzGJXT0MCEMCEMCFY/ZMzKMocfaFUS3zTHTI0Jva6jHc
Sm58rkYzWzzMV4Rjr8CuO+X5+HYO3H+j/xWLsPO1FE7ISa5Olql1WqvNkECzbTe/cT8B/l1v06N1H4AMg
vmxIKtqVacCnJXS2EnZKWUpA6D6oGKbnZq0BkneAn3iMwu11BSSbWI8D9nX8MMOqHegeo+C8mc0f9
NFU/s1/+FVjlMvpnrPivrhdX0GD7DP3AkOGK+hgQV6B9jDLKJ3Zhy3NRMdjONtOpVf6gs8ve4It18cdHuV1
LFGKbvaV80vLg2u3V5H+e3/DYp1S25Cq44ISjNcN7rbJsrzO/UYy5pTPJcmzrkpbFoVWzO0OeY8RmxSEoR
a48tvD7cRYmg5J/OORVMe0+pXzZ2XaW1crLVcio1HbV9E/jXNoz+TD7Q9q9G+bGf9LZB/wH/vRrz8xpK9
7IYEIYEIYEIYEIYEKTcKOENe41ZrRSKBCXKf2U+6RZmG3excdV0Sn06noATizZLJLaZOTiFT4dJWsbX
bYXXs3d7rxvWTC39EfpPd9Vg3k9w1cQF6UcC+ENO4HcPoOOXqXdxuMCt+QpIDkx5X13VW8TsAPAADw
x0mxWNlmhELN3rPFfNHbba+3bT3xLe9tyLsmtGjGj0WDq1J3kk71YlKbu6j0IxI+tVrCvXhFAD9Lpo7w/piro
bH9rB/kxSlBxJ5dRp6kr4y0hDNFOlIFo6Dc73/ZFv5cLGKEJrHE1+NyqDk2Udt8Wkrc0ths2I8zhpTqBO8JncY
ieUoFVLckt2mOp1FCSjfa98V36J7slbNEmoel1FCSCUNIJ+OnF2Fwq/qWJmYQGk8UwcQGwuRXEnYqjxlD
7FDEc/5x3UFNZjRjOsqBR6cXHOhxXPSrpJTg1RgRe18IXJuJNVXqbdAqiW5UZ9EZWm0loFxLV77uBIu2g
W+ubpHjpw4DEEwnOpTHVOFdMC35VNdnUpc36VaqbLUy08SPr8vvNEkW7wRv43w8PP6XrTAM8slGlc
MZAUf6pc1n195Y3/AOIxNj6B8dqYWnivM3hGxfhflm1j/SmJ/AIx0yM80LUS3nGqlsePv09MDnJctyXMRbC
+wHwxEXJErjx7joNvA4icaqdraZpdFhXVv08rYan1zS1iNcXI8d/XDKptEsjRwd7WI8sNNU9tKZpU0gCx/DE
b1YjFASEobQdXqcMSnEcyj2k2PgPswJ7W70Y22TfcW9PHApQiMwUk1zL8+ClQaXNiuxwpQuEa0FIJHkL
4r2lvKROjG8Ed4oshc9vbYrfBbXCojex9BvwuDqdtKLm1zsEVSFGCnMz0lKEAAn3R4+nnjnQ2HnOQlb3Fe
z3edvdRJP4Nl/tI/cmud2MKrEkhtFdpb6SjmBxDDmm1wDfrptcdfPEo2DnIryze4+9MPnb3UDT8Gy/2kfuUr4O
dnqs8MM2vTGanSZrjrYZZLbC1m4IUetgna4ve36sZ/Z7Zx12zPmleHBzaUAI3g71yLyx+W2yba3ZBd9ksj4TF
Jjq5zXAjA5tAGgUOeqsmNleS5KkJlMx5EsNpC3GGgpTYBJ0pUQQFE7lRtbppFhbbDIBpovOwZ9YKss59i
mZmfMlSq8ar06kQ5rqpDUV5pbq2UkXsVJNib3O1/icc8vLZKS0WuSdkoAca6HevYOxPnM2K5bgsl0Wqwy
SPgjDC4PYAcOQIBBOlBmdyjlT7FdUpzkZoV6A9JkuctLCYjoWDYnxPQ269NiegxUbsNOa/PN7itmPnbXU
P/bZf7SP3KS5c7AlTp1dgSpeYKW/HjSW3XmURnApxKVglIJ6wLeW+Fg2NlZK175QQCDShZoVSvbzqbD
arBPZrNYJGPex7WuL2ENLmkAkAVyJrlmr+zBwxpOZ55lvxltzrWEqM6qO+B4DWggkDyNxjoTbQ5mQOX
BeKzZmkCuvFVjxr7JE/ia5TfdMzyg1ADgKKnqklGrT9RSQD+buFX8LY1vaK6n3mY8DgzDXcc609y7p5F/K
rZNh22wWmzvn5fk6YXNbhwYq1xDOuL1Kpqd2MKq9m9+hzK9TIE9KebGC47i0TmvFTagRuD1SdxjX3bD
zhmNszSOo5Ltw87a6sWE3bKD/AEkfuT//AMzzrNrjM9JI8f2I7/PiH8TZv1re4qX/ACsbr/k2X+0Z7knRwgqfC
ely6H84yHak5IQlcZt4oh1SM+tAQpKTvfUgoXuCDp3Ixv8As1d5sNk5F7g7MmoGmmXtXlrywbdw7X3/APh
ezQuhHJsZhc4GuEuzqBShrpqrU4jQv6N3DV/JslDeUMxa2ZPusxsqQ6lok/QqSbOpttsbjxGKd+XU612YxROF
CQa9XEKTyVbdQ7K7QR3xaoSBrHtwtIB54pUE5ZKsB7PyqqSSM00mwjiRvDeB0noOvXwxph2Nm/Wt7i
vUH+VldX8my/2jPclw9m9Wj/+K6Nf+w3v58NOyEH0Oyxy2Dcdf8nS/2jPcAye/nw12y
Mo/3o7ik/yrrr/k6X+0Z7lBM09l45IzXNpVWzVSVSYStDhi6x7iBoNydTQ7mn1HHc+SFPdFxHmSYv3Rc/JTHT/u2KD4M9SRtvbZnNk/Yzk1VRabp7Xd8ur6v/wAaG3iBacz1tmRyUmCsc1dmD0cF67
HJQP8AO3uhji113Sj/AOxnuTtC7GEmrZLkV2Fm2A/ZKBUFOBzTdefSgueiWKatgxm8w9DAg=0AbJDY9dY9qvtg7rWNHWKOq16DcRRIw7NRXfe2fM7KTyrv7vtPbvmpY4aCf3zWCrYnDRT6Hc0SV8lHxuZC
fOzuksxi7pT/APYz3JBwy7J7jJnuBWNtCprZrSqB+9ANG6b7EbQk2i1RPy6bvQnVDvhVOqlqCqZPYqnRk7HU
Yu6Uf/ZH7k4xK2TEMU7Kjpe0umplQbrxk3K4Q+gHVhJ7NqeNZqXXVWJuUwzZoTu01d2N+TMk5jhDXDRVMgGRuf7wJS48Fv9pTH34SMRA3p3gRd0bVqa/Avu6KlFYx+lRyuRapAdXfwMSvhqJhzsSkcoM3Y9rIRkPkTwR4u1/
4FulxjYzbM21qQxh14bi3KCo0c0XtCTMjUDYtChmXV89tK5i10WxVk5GkDI9Ffm6gg6N8e6b8wnDE03QZqT3ea
A8nnYMeq0pS5vIaW7ldl9mgaYxVdk2J7r+sNDnB3JnFqFqFq2R8LBPzJDKQmCqJUFEjEyBaW1+WQPf1AGNLvrlRvNMnEYrZJVbP4JIhVE0wxFwH/zW9qqX2gYvx7ldDf8A5zBI51Zsq3TqzTVOqfkh7V8l
B+BVJfYZ7lK/G8P//Z

YlEiKZdAUlTlRZb1A9DYm9v5sYZ2ztubkWjvC2secNsKRUWp/9lJ7lJ1+zaz5TaLLqFTm5cgMQ2y4pKJK5
Diki17BKAPvI6Yng2ZtL3BrnBvrWt3n5z2zEDCbHBNMfstYO9zifUVJ+DnZ2pHDhyFVI8iZmLNrzjjEeIY4E
WOhSC2VKRuXFqCjpF7J6nfG0Xbs3FZJRO55JHUB8dq8/+UTzgL02ou6S6I7MyGCQioqXvIaQ4c40AzArR
qsikV1DnDebRn/oZUKW26gLV31jUUqAB6FJ6288bC4c8OGhXAg7mYTuV0UNhx6ixX0pK+ZHQoJIP6Ivti
gSKq6BkpBESIymFJKtJANgPIDr5HbxxGnOFWkLis+zIzFmidUZjOaKKhKnJEooVEd1IQkqUomx23ISPMn
GoybMyFxPKDPoO9ey7H50d2Q2eOE3fKcDWt9Nn6IArp0I7LPspq/meiRZzec6C0iSjWEqgPkp3tbY+mI3bM
yA05QdxU486u6z/wC3S/2jPclFU9kzXaRDXIezzl8NNDUtXzfI7o/3WEGzMpNOUHcUv+VVdf8AJ0v9oz3K
4ezXwyXlPJ9GynOqC5SITbhBYSUNvqKlL6HcbH16Y22xWY2azNiJqRv7V5U292ni2j2htV8xRmNszgQ0kE
ijWtzIy3VVo1inIoOZaY3CShhwJ0KQgbFBULX9Tv162xLUkZrVKAaKw40Gw38sRAJVWPbA7N03tM8K
WMuwapDpD7NSZnF+Syt1BShDiSmybG519fTGPvOwutUQjaaZ1XTPJTt7BsjfTr0tELpQY3Mo0gGri01qcss
PrXMh9j7mP/u5y9/6Okf/AMWMD+LUv6wdxXon/Kquv+Tpf7RnuQ/5j/mO3/Tzl7/0dI//AIsH4tS/rB3FH+VV
dn8nS/2jPch/zH/Md/8Ap5y9/wCjpH/8WD8Wpf1g7ij/ACqrr/k6X+0Z7kD7H/MY/wDxzl7/ANHSP/4sL+LUn6
wdxSf5Vd2fydL/AGjPct43sfq8X0B/PVDS0T3i1TX1LA9AVAH78A2ak3yDuKbJ51d3Bp5O7pCd1ZGAdtGk
+pTTIfskMsUiU27mPM1Yrmk3VHiMpgtL9Cq612+BBxbh2ciBrI8nqy960+/POkvidhjuqyRw1/ScTI4dlGt7w
V0HROFdA4UZL+bMuUiDR6ehSVFqO3pLqr21LUbqWr1UScbBZYI4RgiFAvPF/bR3nfVpNsvad00nFxrQc
GjRo6AAEZHVcADw6nFum9YcAp5pWyk+QOI36pVfHBpSk0yBpAUU1IdTbq1inJ6QSyUwmvBOXGdhfz
E4XFJFot7JHW0hPifjgANRXpUcRqDTj7FTRbGvw8cWApWg1ThBaBA36+eGEpydoSdJ8ficQuJJTm5Zp4p
NSXBLhbF1LTpviI0qhxzzT1T82zKeXuQ4Ue8ICFmwNwBbDmOIqBvULw19KjRaqefq8kuSHXHVqsCpSid
hgcd5TwA0UCcYdMSnpuB+OIxVyjc+mqcRSC9HWhK1NFaSkLSASgkfWAO23XEgYAo+UcUkjLVES2zP
Hu0kg3Um5aXbbWFDZIPkqxF7b2vh+FNx13pnr1CeobWuBFD8MjU5HbUEkfumk9L+abgHwser8COVpko4
moU51IUKhCSFbgLeShQ+KTYg+hFxhcJTeUK8qOD8YnhXlgj/APKIZv8A+QRjpQPMC1hwzKmESJbw3w
0vTAKlLmYtgNvhiMu4KVraJdGh33Jv+GGEpyVsR7Kte/8AJhtUJQ22CDv9+2ESgJUy2Bcbbj78ISngI5tIUO
ux8MQnVXGZiqOSOnj8fDCJ5CObRbYjY4EAI1LG3XDXOoEE0R7abC36sQpiy2g6PADp54EIh+kKeYVd1
Qcv3XLWKPha2HYkJIcsO2UUvXU6TqSgllJB9U7m3pa+DGEYU4s0pmPG5DaAlBtsNr4jLic04AJDVZLEi
YYchCkskfTqWrSlsA3BuDtcA2PwvbDmg0xBNNNFmhUdmS81KQOdKdUl593UVcsEEhAJvYdBYepPXD
XvpknMYCpGmOAkbb/rxXLipkcmODvYYQlCMEMFPmcIhR3PfC6n8QocdqcJDa4bvojadjuct1tVrGyrXF/5
BiWKd0Zq1RyRNkHOUdRDzwufsfeM40Eb37vznEH4B4D/AHWJC6KT+afV9yYA9mWo9ajLFcpPG/jrSB
EjrkU6hQ3X1uuIKOc5dBSlSDuAlZHXqb+AxNR0MJrqSmVbLKKblZfEzh/F4gZLnu9U99hbHsNaA/F4gZLnU99hh19bS1RFubFh6x0
LChuk3tcjw88U4ZnMeHBWZIsYwkKGcIc3zs2e7UiorLVdoaVQKohRCytLarpcuNu9YJ33v53aI2t57dDm
FFA4u5p1GqtxLiQLmwHXGMe6qvJPUqtHpsNyRJfYsNC6HHhE6nhEjzJNgMI1pccISEgZlJx47aoU
2PTMx1hKuW24jjHkWgq5JqAm4JjJl8YUn39mxGRXLPtHi7WWsPrSzADeThTYUP1zxhRUTGMdEnwL4rjZpo
GfU43NUm3eKSNbdzEjzV8N66ZvEgHH3lsXWsOjNDqOKCYlXxTTjDdDnaoPH5L5BDbXuxuJHdoU5ndfcn
LwgY6hcpI7FK4VDVID2Q89FveiA+Q95ZNv8Ah4idetn+t4pzbvlO5Nlc7O+d8ttc5zLtVSlvfXHSHdH+9kkY
Y62wPyDh8dae2zSt/RTGzxFzNlqawBWKsy7T162kOSXPoVePBJ2wQuaagZZqIyyAihOSa+KnFytcUal
HkVmQ06uOkoRy2g2AD12HqL/afPE9ngjhBwb1XKavUX/6VDe5BF74neclE3M0UwyKsGe0Sdiob+Kd
8Y+0EkK7CvRjhrFFNyRTSCLclok2t3bgD8DjTpjVxW0Rto0KWzaU1VKe9GfQHGX0KbcTe10kWI+7FcOo
aqQiooUz5a4eUrIMJSYLADqydT7llOqHlt0HkMPdKX6k2prI2t0VSccslMUTMeqxwUJqK1B5HgHAAdX2g
7jzHri3BJVpadyrTxgHEFbuR1Jk5VpbgAsuK2en7nYKYpu1KtN0Cf5dNMiMistfXWjodrkdPtxEMjmitMkTk2hKp
tDlLlNch6eV83VtoSb2Hw3JwrjU0CamhazmhHmrSnQm5Ak2nAT/IZ3JKXESDWa
OqnwHFPl9Q5jiQQhKQb2363PlG6jqlNc42jqlNc4blG6TMlfO8eVHQhD8dtLLeloGoMM6qxu
H+T3e9VJ4cVMeUSnmjvAdNVvC/h5AYhe7cE6inLMAIQB1t44HEidRamFtDjIAii1VEIPxw0yIpmtFxCPAH
Dg8USLX3UjoOmHB2VUIKhqAwgcChaFkpT064fVC2YhGQ4ACLkgdDxJPw8cNc6iF5d8Q0Pa5Z6qHGGe3C
RRoOWYs1bTdNehha1soWR9I99fWQLkpsATYA233yHZuziAE1Lqa19i0x+0U3LkNoGg6LvrLtW+c6XEkF
ssGSyh7lr+sjUkKsfUXp7m0cRwW5MdUB3FSKnvBS07+WK7tVKrw4N16NEp0VLryGtFRbUoqNgzcsi5O
KrwcQSvFWnqTlxgzxS50BTLElMhRYW0eWLpB5yVDf4A9MOoSaqOJpaDX4VyVTq5v98TTKWudU7bMRHKkP
64jKN+Sc2GwoDffELIn4NEbIsGLTpNEhaAsGGGpNEhIT1AjWIuMTAbgq
5OdU6MRdQvbbpiVoooHv3I8RL7Abkb+uJWtCiLLDZaXyuZHUvclpVgT+9N0/hiXkN8SNEgkNaFMK8vu
aj9K4d/FtB/kw7kijlAvIrg3A18KMrE9DR4f8XbxvTXUaAsGW1cVL48QI3sR54aTVSABLmWQlN7jbxPhh
pShHITqF98NIQRRKGUHSSEhV/wwiAEe2AsafuzfUTEatsFAjkIsv1HlvgT0z
YRo8Ou+GudRNJR6EXSOu9vicREXSYOCJQYRA3+GEJQjQPpaWXtWxQnYV2xGMbOM3WQ2oTbCGzB0ALjoF
MpCZqRuttYCglSFWIuLHYsuRZmnrWaLWxdtHqggWhRG4hnk0ViShzBdPRWf+8vyJAI0NNzs4X5hhdu
StShqurrvsNsRF1VJRKER/Cx3OGoR6WO8AcNLkI1DNwfMDxwhNU3eh7vfw+HphE4E4DcEW9DunpYYaHg
p7mHUKh8wMu5M7XUFFLTyEV1DRmNj6jwUF6yR/aavQi/icZNpDrKS7doqZQm9Xq2zdoeoxiS87lkV
SHFKvR+A3HinV4slukZjiLj1EMpueYlQPNt57oJ8+944yuEUofuQc+MfaZg8KoiIsdgT6zO
R7w2wV6Wo7aj3VOEb7gXCRufMYSy2EzGpyATrRa2xigzKoGdUs59pHMwaUJVUdRuiOwjRHjAnrb6qB+
6Ub+pxlgILI3h4rGkzWg8VauQuwUtb7buY6onlcu6o8EnXqv0Liha1vIdfvxjZ74NPmx3q5FdwrzyruyDwLy3w

3AVSKUxHkabGSq7j5v8Au1bj7LYxE1rll9MrIQwRs9EKWppwJvbV8cVwrI6UZ7gLfV9cASrRynjYgAEePl
g1QonxI4KZf4o05TVYpzT7mkhElHckNfvVjf7DcemLNntUkZ5pVeeztk1C4n7RHAqVwYzimGt5UuDMQX
YcnRpLib2KVDoFJNr223B8bDbLvtbZ466EarXbbZnRPpuKrNCCl3zsd8WZCaUVRg5ylWUHjrIvY22t4Yoyl
XowvSTh3ME/hhS5AVr51PZd1WtclCT+vGoTZSEdJWzsNWAqbpUAsJ8ybYrUUiQ1KUlSj3gEoFyT4DxOF
aEKmeOGfKdmJMWBBcEpUd4uuPI/ax3SNIP5x38NsW4mkZlVpZAcgtKHxfqdOypFpsVtppcYaBIPeVpB2F
jt6X8sNcwVqUgkIbRL/wCifmapJCDUlsg/msoS3+oXw3A0bkhkJW8XL1azOrUpFTnk+Kg44P5sIXtCXC4p9
pvBOvyACaa8i+/fUlH6zhHTN3FOER3qT5f7PU55SVTHWIqT1CfpFW+zb8cQGZu5S8krEy1w6p2WQDHZ
u6RpLqzdZ/m+zEJkc5PwAJ4XASlsgC2odcRknUpKI9EQNoG3XARVKiyxYWw1C0Mfe/lgQsFnAhYTHtbD
sWVElFl6PoSOhPlhqVJZACfC5PQYkY4lNIXPPaF9qRwl7KtdkU2q1aTXcwQbh2l0RtMh2Ku31XXSpLTSv
3JUVD9HGesWz9stjQ9jaNO85d28rCW6/wCx2RxbI6rhuGffuC8o+LXaQyBxF7V7+eKdkhVNyxLmNTJOXj
MSEyVjd4laBpQHF94oSNIufM46FZrutMdj+TufV1KYqd3cufzXrZJbdy7Wc2tcNfjXgu++A/tMOHnE7kR5S5
eVpDhDaBPSgxr9Anmo2T6agkeuNKtdxWmHMc7q17lv9jv2zTgfo9a6go1TTJaQ4hxKm1gFCkkFKgRcEEdR
jBOFFnGmoqpHT6880wWw4soUQogeJtbEKclSZbjxClG/x3wIS+AoqUCb4aU2tCnyEvug+OGHRPrknKM5u
ncYhcEpNU6RtxiJNTtS074cU7cn6nNC4GGsB1UMh3J8hsg2HTFiMDVQSEjJO0aNdNvLFljFUcapdHgha/Ifr
xfihVdz1pOpaE32xebBxUeIpjXRklZO25w7kkYivGvg2yDwjype3/QWF/F28ZpugVT9JSlhrbw9MOTwK6pQ2
k9elsNJSVR7bd09Nj5dMNSjilDbQsPHDSU4VOiOTHsoX2tvhmNTiKhFUpbT3vEYbVTCMVqEe23uLW6e
GET0cy1dR7o+6+GudRITRKENb9P8WIiapiObR09MISlArkjWkbeFsNxJ+CiPSzZN/C3gMNUgRjTe3jvgQj0
tdNug2xGX5ZIWyWdx4YjQjEMg4EI5KQkE9bYaShGNt+f3HDapM0a22fAHcdMCVGpZuOl7i4NsIXAIW7
bOpNxvbERcSngbwjDGIHS/mMNUoVI9qXKNSoVXpOdqQ2VP0MhMja+hIVdCiPFPeUlXkFDGQsUgIML
96pWppqJW7lZOQ84Q8/ZThVaEr6GYn6hN1NLGymz6pNx+OKUkZY4tKtRvDmghcv8Aay44U7iiuNR6Qy
44xTZC3HJi06eauxRpQOujqbm17Cwtuc7d9ldGMb96xVrtAkOBu5JOz92UajxUdTPnrep9DbVpU7ps7KI6pb
B8B0KjsOgudg61Xi2IYWZlJZ7GXnE7Rdc8PuGVL4d0BunUuMGIze6ie8t5Xipauqj6np4WGNcmnfI7E4rLR
xtYMLVI2YPdHpiBPShMPfp8MCezVbtxAnwwKVbKjXN9v58FaaoC191HlgqhESIupJ2v8cOHBCoLt25NF
V4UMVFLYL9JmoOrxCHAUKHr3tGMpdEpZNh4hY68o6xYuBXE82Ny5Sj5nGzPKwLQnvKjwYkouemKz
yCKKZmWa9COztmBFX7P1FeSoKUzC93V42UhakW/AY1G1tpOetbLZ3ViCmXEbiRTeHFG98mvHUpZSy
yixcfPiEj0vuTsMV443PNApJJAwVKonOnGyqcRCuOhPuNOX/nDarqdH7tXj8BYehxfZC2PM5lU3TF+W5K
shcK6rnRaVRIq1NA2U853Gk/FR/ULnEL5QFI1pKuvJ3ZzplLYQqoLcnv2upKSW2h6ADcj4n7MVXSu3KX
AArIoGSqdSEJ92gQ4+kWBQykH77XxC51VYa0UT+xAuOm3gPLEJPFP6krap3e+rb7MNqE0pS3TrJva3h0w
3GmrBpnWwIud8GNC2RTe+Nr4QvQlrlMQmKTY3N7eQwmI6paJrcjaVHpiUGqRErYF8FE0krUxrjBRKCsp
jX6YTClWZcUA9MGqF52e2U9o7N4Hrc4XZJnKh5hnREu1ypx3LP0xlwXRGaI3Q84g6lL+shCkgWUu6d22
TuFto/K5xVoOQ4kbz0D1nqWkbWbQOso+SwGjiMzw6B0nwXkHXcyrkuhCVEAG536k+eOmtZRcvfKZOpJ
odTXqBuq+JS0EKIspm1WHwpzItqrBpS1WdHTwJG/6sYu3Q82qz10Wkl2EnVehfs6u1bIylWYeS65K5tEqTg
bpzrqr/Nz6r6Wxfo04drfmqII2UcaLfVgDmmZgzGvT09a6Pc9tIIiecjp0Lv8AhODbb4jyxqBWzpzbVZN73wiEv
hOWI/kwJruKfKe53R5+V+uI0tck6R19LkDETglTrEcugfdiBCeqQRf4YV2iduUhp47wF8OjPNUEnpJ+p4BVv
idgFAq0uaeIQGi+L0QBKqPPNzTtER9FceWMpZxnVV36omem6b+WJt6YmlTQ1H+bBmheLfBo/wD2R5Uv
4UWEf/27eMu12QUZoFK2EWQLX6+WFArmmkVSppm6h6+t8IUBqVMtWtsPh4YYXJQ0lKkR9N7AdOnni
MncrEbN4RyGSLEi4w1WKI1DOrqB6YEqVMRzYG38+GPdwTSUc23bwG2Ik1GIRf8AO29cCEYhAWfxw
wmqnAojmht1GESo8bp2vgQjGhfx2xG5yEe2LAdOnliNCMbHe33+zAkWwTtt9u+EJR0o1KL7C2GJUc02Snp
9+AnekAShpi/h8MMLidEqPajb4YelOFUemIdN7f4sJVOIyRyYajbpf164bVKAk1aoDdWp0iO+0l9mQ2ppbZ6
OJUCCn7QbYVrqGoSkVGa4Yfz1mPI1CrOU4a5FNjS5SjIQpOmQ1YaFN6vzbgDVbc262Jvn8Eb3CR2axON
7QYwrQ7KvZRRV2oeZswNIXEVZ2DDUm4fH5rrg/Q/RT49Ttsadtt5FY2KxZrKPTcuoY9LDVgAAPK1rYxB
fVZDoSlEK23XEaEYhjQOlwcCVbhi32YE5mRWdBB/mwhI0VgGqwW8JjCCKoFu6vLDUqLW0SnxwuIpOt
V12kstKzFwXzJGQgqWmGp9AAvdTZDlv+CcXLFKGzNcVWtbMUbgOC88Ks1eSokXBxtb3VGS1sBGUk
HmkWtfpiMlPGqtPh7xLr+U4Pu9Nq8+Gwu92W3TyyTa50na5sN+uKE0THGrgr0UjmigKmbmaKtn6qe/VaY/
MkkBGtwjYDwAGwHjsMVC1rea3RS4nOOeqv7gp2cTIYan19CkhQ1NxOiiOt3D4fvRv5+WMZaLRU0YrkU
VBUq/KTSm4kdtpttDaGwEpQkBKUjyAxTrxVhPEeHYDa5xE5/BPLap0hRdsMqdSpKp0i08qb6fDEbncEmJ
K2YVj8MN1SVTgimBEYK07keGCiWiI9067YKJKFbCJ3xthcKKJZJgEQBcb74RKmZ2F3jcYRNSVcTfDw9
CLVFIVhwehbNRdxfxwFyFD+0vxipvZv4G5oz1VgHIOWacuYWSbe8u7JaYHq46pCP7bFiwWV1qnZZ2auN
PeewKtbbU2zQPnfo0V+7t0XzYcZuKNW4qZ+rOYa3LVNrFcmOz5rxN+Y84oqUd+gBNgPAADwx3eyWZk
ETY4xQNFAuDW60vtE7pJDUnM9agKpBccJO++2LYyUJalMNy6vTrbAmVpkpPk6qin1iO6q4QhwFXw6H8
MVrQzE0hWLDLycwJXR/DivsjQDJQhxqxSb2I8iPXGsTxFb/ZJgvVvsp8X0cZeEFMqi3UOVBge6TwDf6ZA
F1f26Slf9scc+vCzcjMWbt3Ut6sc4liDlbDcnuiw3xRVpL4cgFQ32wFIdE802TcAAXOIymJ2jFTivXEZUicorim
7A7YhdxQnukvd7Cbk4aKR017UAcLGNygkB1UggPAFJviaM7lBIDqniHIA288W43UVRzRoU6RZYQmxP4
4ycMu8Ks9pCNklJYJG4ti7jaRVRplVNaCjdTiT4jQTbCfKGb0UK8YuC8bVwiyna/8A0Fg/xdvGXbSihdWqm
UeFZNyDgJQTwS2NDGkbW2wwuUjIy45pW1D1J6WxFVWwwAaI5EfQdr4ROCMQzf0PXAlRyUBINv14Y
85JpW4WkJNvHriJNQLgFztbAhbB6+/T+TAgLKXbqt4/C+IzqpQUch3rv4YEocjkO39SсCcjW1XAHgB54jel

KUsuaj44jSI5KfDf7MBQjUAb+RtiOqTVHtMahvb7MLTeiiWMMXtYYY51ckqWMxb7WxGShK2Il1XsD6Y
aSlCVtQe5a1zhhcpm00ShEH0wzEU7CFk07WnphKpaKv8AOHZfy9njiLHzFOYW460gJejWHJmKTslTgPkN
iPzrC/Tewy1vazAFE6BrnYip9Go6IraUtoShCQEhIFgANgAPDFcmqlAARnumk9CMIlCx7vYdMCVDkW+z
DS6iFgskbb4C7JCHL264apGu3LRTeBPBqho33tgSrCm7i2BCbqrBTOjLYWLofSW1A+ShY/gcANM0hFciv
MvOVIVSK5JirBSY7q2SD+5UU2+O2N0Y7EwFas9tHFI6em8hHQj49cI7RDBmpxleGXdIt1sBbFGQ0Vpi6o
7K3Blue03XqgyVNNr/AGI2sbOKHVwjxAOw9QT4YwlrmIOELJQRj0iulqdD0AbYoUVqgTxDi23xC52alb0J
0jx9hcffhgCCdydYMTu9MMe7ckTvEjHTthBxSgVSqPC3wleCdQJ0bi/sdGEPFNqiRCsemCqKlbJhW/NwmJ
LUpxkU5KqXcpubEYVR4udko1KhlKjYXw7VSEJG4wAfhhpCaijHAPTY4EIxuPciw6/rwIXkf7fTt1xc+ZjjcH
srzESKZlmWJeYpTDupuRPSkpbiAjZQYClFf+qqA6tnHStjbnLGm2SjN3o9XHt3dHWudbZXwD+SRHIel18
Ozx6l5ZVclAUfP1646KBkubtOSaNJ8tjhCdymqlUQlOnfwtgoUxxqc08UvVcW6Kw1+iG+mrcyRmv3iEytahz
EpCV36GwxgrRHhJW32K0Y2grsP2e3agi8G89uxKo8hmgZg0My3T0iOpvy3j+5GopV+5Vf83GsXxYDNHiZ
6TfX0La7otoikwu0K9KIklMhhK0LSpKwFJUDqCgdwQehBHiMaPotwTlDfSnxPTAhO1OmFJBAGGkJrk8x
Z5IHe2HhiF4oapzTXVL40j1whFUJ4p0seB3GIdDmlBUipM/WBvhdDUILQU/U+f0BPXDwd4VdzaZFPEWc
Epte+JQ/gq74ylzFTCU2uDfE7JS1Qlh3LLtVAbI1fjiwLSdFGYkiNUSCd/xw35QeKfyfQvITglGvwhyiTb/oHB
v6/sZvG3A80LGnMlTKOhLQHiT674Q5pW0GqUJeSL23+GGUVlsg3oxDo8MFE50gCMS4m2/U4RDXgrVL
4I9MCfVbqkeRt5eeAhFFqXuhNiLeeGlgRhQ5+2/TEbm0TSEYh8adrYakWzbtjckWGBCOQSQfI4jT0e25pA8
/h0wJ1ToEoZXr8hiFxqU9KWyb7eHTDUJSwdYG29sNJQQlbCAo+OGFIAl0RiwGIi4lKnCPEKreeEJQnCJA
vbbb9eGOdRPDU4R6fbwxGXEqQNAS1inXH1dhhqcKnRKkU0W3GEJonAIwU8AA2/x4bjCMKCoA/ROE5
RJhRZggHoeuDGlwotcQA7D8MLjCQgolUbTva2FLuCQ1RKmN+m2Gp1UWtvfYDAlWpTgqhFkYE9riMljR
vYXGEKkBWFCwwqVJJg0oNh0wIXnh2mKS1SONeZo7YulFQdUPTUdZH3qxtdiNYWla5ahSUhQyiNFTw
UQPK/TE0hUUY3q0eFWXXMx12FDa/bZbqGUfFRAv/LjGTvwipVyJtaBegmUKGzQ6VGhx0BDEVtLTYH
glItjXXEuNSsuBQUUnhMhRHTDTknBO8NruC9rYr71LWidIjOo7YHGgTa708QY9gBbEQzQnuBEHLF9ifT
ASnE0ySxiKNrjbDK8E2u8pyajWiJ23vhVGTnVEiNfwwoZvCDKthF3woYk5ROT7I+brbdD+rClvNTAaOUY
ksbkWw0KzXOoTZKY5Rth+5KVyZ7QT2plD7C2ZIOXE5Xm5rzLPgJqIZTORDixWlLWhHMXpWsqUUKI
SlPQA33tjOXRcMluaZMWFoNNKlYS9L4ZYyGYcRPTQdq8/u0T7eLjJxdyhNouXabl7h5GmgtuS6Qt6RUe
WRYoRIdNmiR1W2gL8inG4WHZOxwvD5CX03GlO7etTtu09skYWRtDK8K179y4IzDVX1kqUpFyd/G9/8e
N2jaKLQrVI8KLz5Klr7y7/AAxaAVYBIVPHUe8BhVJhyWyJ/LG6hgScmTolcSs6D9cW8cRnNI6Mp+pWc/m
qYhUV3VdA18wXGrx+zFN0eL01fjtJiILPgqe5R4uSUPJJdYF+ndAP4Yoy2ToWXs141pnmu7+w923KnlLhz
X4MyuxpKKTTfeKPCmlKmw6HUAtBVw4EFBUQlJ2IuABcY069rrBlDmt1OZC3u6LyrEQ52gyC7F7D/aEm
drF2txZdNhUmdR4CpzZjPrdblpSQFpAULpUAdQ3INj02xgLdYRARQ1WZs1tMgq4K5mXTHcKSehxjCrxC
XxZmkjffywEVTdE7RZwUAL9cQ4KFOrknGJM0kWwwgFKn6lVLRve3xxFpkU4FPsOr6rb2wZjRNLQU5R
qwUJvfYYA470ws4LNSzI5Hpj62UF15LalISnclVjbxHjbCh1UzkliHmQTY7S7/ALayle/U3SD/AC4cHlBi6Fhd
X75+PngxhFF5Q8FZx/oQZSBtYUWF/F28dDAqAtdJFVLWZxCrdThMKEqbkE6SbevphqEoS95Wt4emBLXi
tlOa7gHf9WEITmmmi0Dh898NopceVFsHABsLHCKRhqFjnEEdOuBSIxLt7X64a7TJBWzLveH3YhTCFuHt
9sCRKG3iLE/8mGuQjmnLnrv5YapAljCje3XzxA7VSFLWVC38uEOiEqjJ3AA6jyxGhOURgk7/APLhruCE6
QYxuNvhiEoTvAgFZ8sMc6miVPUGmXSDYYiJ3qZgJGac41MPUDEZfmpKJaxSlHw64aXJUrboxFtt8Mqio
RiaMQOn4YWqSoWi6SR4YSqWoSd2maPDCgoSR6AUjpYDrtgRVI3Ytj064WpQk7kcC/j9mFqmkJO63vscO
SZhELbIv1wJ6LKAT64ELUixwhFVI12S1KdvXCp4NUmPrbgSrz+7YunaCzEkgp1PocsPEKZbIONn
u8/MNWvW386VAqDboQLFQGJ5FEwZK9Oy5pTxaoOoA2lAW9SkgH78Yi2egVfgycF3ZR2vok7+uMHVZ
NPsFvcbYjkdlklGqd4be48MRBPKeIMfbpiNxqUJ7p0XVbywmgTm8U+Qo3dGGalNcaCqWMRbkYVR1qnFq
PZgC32YcMklFgQh5YeM0w0WTD9MLQoqNEJS13SgX0J62F74N1Em/NM0qJZW43xE5uHMKZrtya5sbVc
HACpQuXO1P7MDKHaf4kTc3ScwZloGYp8ZmI+4ymPOiLbaTpQOQ+g6duuhabkkkbnGasd8y2eMRBoLR1
g59IWNtV1RzSGSpBPUR3FefHtMfZnnsqxMsVKHWWKxCrLbrMmQY4hlUltV+6wFL0gtqbvZWnUDYC9
ht9w3z8peWEUp2+tarfV0mJmIGvq9S4K4m5KGXpKkc1p6356Bte3xxvELyVoFsgABVb1JrQTc4ugrHNNTV
Nbrgv9bDgVZw70SXNxv1wHRSNArkjI672uTb9eI05w4KZcN8mws31/wB0mVqHRIxbKveZeyAoWAT18b/
gcV7RK5jKtbU9CSzRMmlwSOwCmpSypUpig5idiwJ7dTjtKAblIaU0l3ugkhJ3FiSN/L1wwSFzKuFDwSOhDJ
cEbsQG9dd+zj7I9Q7TNUqsxx1EWi0JtCZbqrKW268HAweWSCtGptV7EEbeBvjVr8vFtnAYNT4DVbxs/d5n
cXO0Hj7l6PdmLsms9nHM8esw83V+VNZuChhpmEw4CLKQpKQoqQQSCkqsQcaZa7e6UeiB61utnsAj1NfU
ruenpecKhYDyBxilkFtEqNlgfVA9cCQiqdItRASNxf44ToTE7U2oanE38L4hcwBPbUpwiVMhZ3A+JthhzT6J0
i13lqAJB28MNLaIAKcm8wakfX6YbTiEtDwRcjMnLKe/Y3vscFK6IAKYspZ9jRs4yMureQJbMdU6M1vqXE
KwnV5dxwlB9CjzwsjDhxbvaon8Ac/YpWanud1ffitQp4bkvLPgw/q4R5T/ANhYX8Xbx1MeitTcOcVLorhJG1v
TESc2uic4ydht9+GFKlbbYH2+GESoxLRJ8RvhKhPAWC13bkWt9uEJSALB7irbEk7Xw1SsdTTVFuHR9vlg
TsR0QDmi3hf1wmqmWQKskHe+IyRRCMbcFuvjhiaQj2nL2Fr+Iw1yQIVB1emmmZVJ8OnxUEBT0l1LaAT0
Fz4+gw3C5xo0VS4g3N2iV5azDT8zwEyqXPhVKKro9GdDqD9o/lxE9rmmjhRPY9rhiD/JiIlPS+IjUu
wFhiJ5pkhPEBjXbDEJ+pkO9tvuxE51Eqf6dTtxsLYiJTmscPV1NpOu222IXOV7rmwyXTdPh+GHgpQ5N
G34YZUpp6UtaoKQBthEmJq2NDAFgkYVIHtRD9DBTcJwZpwodE3S6uCqMwmwyXTdPh+GHgpQ5N

kuEUnphycm6QxovtgShIZUYrO249MPBTHAjNELa0j+XCoaUStHeIsdsCcEWRY+mBCLWnf44E4HNJZg7
p8DgTyScgvPvtmyHXO0HmLmW1IebQnbogMt6fvGNnu78w2iwFtNZioBQiSEEna/Q4nkUTNFbvBevnLea6f
UE973N9t63gQlQJ/C+MXaBUEK7EaEFehVDcQ/GbcQbocSFJPmCLg/djXyaLLBSGAnujyxXcc08V3p4gN7i
2CuSVPsJm4HpiIZoT/TIvc6YRxTinmFHvbDehQnNODDFrYcGpriBmlseEpYFzbE7WKu6UpUzTgfC+Jgwl
RYuCNTTT+je3nh/JJKlFSIp0kAW9Bhjo6JWuzzTLNpupZ6pPj6YhIIVoEEVUeqDehxQ8cQkUKstKbJACVd
MK1SLhv25S0DhbkErSDeZO3I6dxnfG0bL15d/UFgb+pyQqvHjiqG1KWStBPUWIx02z1K5lb8IVJ15Wp1dy
OuMs0ZLXG61UfkJ0rNsKNVeBBaiSrvWvvfDigHej4/Xc/ZhlEpdwUly0lKloDi0oHjdQGIpOhV2gcpnoplQ6f
CenJPPRcdLKF8Y6XHTRZuzCGoIK9QvY3PRHMi52ZhsqMi0Ivqttp5jmkfrxz7aFrhMwu0zXR7hcwwnCu1Iz
+lO/wAL+WMCs414rmgZ/e3PTxxGWKQOB0WwnaDe+ELQlTpQ5wenMIUSoKNrXwxwpokIVpZf4UO1O
HDksvgsSFKSvV9ZuxPTwOKxlOieMLTRb1rh+1RJ1OaW84oS5fIURYWTba3rgEhIKkyUWqtSFPqDzIUQE
LUj7AojEgaKVTC6iTrzGptlZSFuEJJShNtSjboPU9BgwJU10jiGxmSiw6jFeK4s1kPMmxBKT4EeBBuCPAgj
wwOjcCQUjXBwqElfV8+VhiTGkriVenocXDkgkhsqACkLRqCVtqAAUlXhYgpUEqDXZDMZJCKo2PxVzy
3HQl/KWV3H0pAcUzmVxLalW3KQqLqCb9L7264hwRbnHu+9R/OcB3/cuFOCqCeEmVR50aF4/wDg6MdJr
zQtXPpFTqmRNSeh+7EVU9PUOmm4uBuMREpQOKXMwCpN9gPhhhcN6layuaOVTiE3t1wmIJxZwRLsL
w6XO+Fqk5M7knej2N7gnxwqe1lEjfFrny9MCkACJU5033OBKgl4eJ+NsRuAokK2Q8Dt+GI0lU6UpkyHNhf
1w0hKudvaZrmMtZQpiIcpcVwPSuYEam3HNk6RbfUBcm4/OFvHGUusAFxWLvNjnNaRom72f+aZlMzLVK
K9T5MePLS3JQ4oFtLa03BBBG+oKHT9HDb2AwghMu9xDqLr+OBqFvsxr5WcJTrBTdXXYfhiJ5qUKQUm
Pq9MMcaBCktJi3sSMV0DM0UmpFNvaw+OIXuVprcIUppFJuBcf48Qk5pCVI6dR9VrCww3RRl9cgnmJQbjc
XwZqMuAyKXN0Hbp+GDCmcosroW31fwwYUvKcQkMyiaUnu2wmac1wOiaZtM0eGF1UrX0yKZajTRvY
YXRSEZZJknQrHcfhhQUgTPNi2Oww4HilB4prfbsfPDk5JJCevS+HN0TXJK6NN/PDkoKJXt6nAlRaz9mBC
STFaUG+2BKDReenbSl+89ozMu9+W60j7mGxjZ7v+jt+N6wVr/OlQahKNm7WFjth8iYzRW5wMpAzBnClQ
VbplS2mlC17grAP4YxtpOFpKuQipAXohR0JS2kJAAHQDwxgCsuFIKf0GK+9SJ7pibkYH6IUhpzV1gYjHF
OCkFObsn44ZqUxxoE9wm9sAFXKM5BOcOHq3IIxZa3cFUe+uqcWYpJHgMWmMooT0pZGi7WAsMW44
95URfXTRKhDGnofjiwGdCYXBJZUTbpcYhkjFMlI124pskwtYWLAkYoOZwU7XUUJzAgNSljpb8MU3iiy
TM8kxyXAHMDdFKuWPbFZWj17sjRJghQJE2mV2MmO+82FuR23UuBwIJGxVobBt4Jxntm3UtlCciCsNfj
K2eoGYK8YeNNIREQkWT3x0CbAHHVYBmuY26lFz9mlDSZC9KSB538cZhui1V3pnCo0+hBNylR8D5Yk
wqZriiuS1qB0uW+Iw1SYnJfCMdIFmnb+eoYUtqq7i7eVO+GjNMmzC3NcDLbgIJWbW287ePTFS0NeBzVZ
sLo8dJDqpZTMvRZBsxFjqc1aV95F028NzsdsVH13lZOMMOTQK9i9WPYl8JKZC4H5nzGqDDXUJFVYpzc
pC1KVyg04pxo/m21hChsT6jfHO9qZnfKGx1ypVdL2YhaLMZBvNF0YzKATcncAXxgqZ0WaOq0dlJSOoPjf
DUgJCIVNOvYn4YKKcOqMk6UGof02j79FXOGPApknA8V1BwzkpGSYK1qCUh1Yueg3OMc7JDxVybuJ
U5lMuiFPMUUVTfS2q5GkCw23PpgYNQpgqVzbP0ZilpuoWeX1G47x6jFpoyUTxUprkVVKtSSsiw8T1w4N
KQE7lCqzJk5SlSqhTmVS4ktxT86ElQL3MIAL0cE21GwK2tgs95NlkhcoGLI/HWkzbUhKODnFalcTmGKnQ
57c+G62pR0JUhxojqlxtQC2ljxSsJUPLEdpgcyrHinx60sUrZG4mmoU+RUGlIBJTci56YoUPBS16FxJwNhl7h
LlIADeiwr/wBzt46MTQBan+kVZdFpSigWTa+IXOopWxkqSU6glVu7cYrOkVlrQMgnRrLndHdxGZAnYSg9
QCgGybYQPCXC4Jum0rlkkjDg4JtKppnwyi4tsfTDw7ek0TRMbLZPhffEodVOBSB1zc+O/TCnghal0/yn0xG5
tEhqt4w5roHh4YYmqTQq3ScmUwz63UoFKhoNi9LeSygnyBUdz6DDmsc40aKprnhubiuT+2t2kaNxQzkzCp9
Sl1Si0b+tEMv+5w+cU2W8pdwtxXUCwsE9OpxmLHZixtSKE9pWGtc4kdRuYCqnglxpk8PeJlNqi33hTG5Cfe
2EOLLbjd7EgEklQG4J8Ria02cSxlhUEDyx4cvQXInEShcQYglUSqwqkwonSppfesPNJ7yeo6jGqTwPiNHhbJ
FOyQVaVMqd1+OKYUyk1ERuNtjiJ7qpAaqXUWNcjYYgedyfGyuamFDp31bjFclTuKmFFpuop2w0miiJJUs
pNI1gWTvhWtqoHybhonuNStIHdxM2E71CZANErRTvTEwgCaZXHRYXTNQ+r1wjoeCBK4apHKpGsEad8
QOiIUge09CZalRVHog4hIIUrH8VH6nRlgqAbJ04jcDuU7HUPQo/U6I7qIDRvhWv4qXI5hR6fAULnTe/4YeH
AoI4JknQltp1W2vbY+OJapapqkNkH+fEgKRw3pG6O8fXCoaiVWve33YE5FO/UuemGkpCaJFOcAFt9xfph
MRQMwvOXtgvhXaIzZvsJ1vubRjarAD8nb1LB2s0lKiFAfFm+t/O+HvUbHK/eyO0mVxZy8CbgSgr4EJUf5M
Yq25MIWQs3pBd80kWaGMIaLKp9p56YrE1KeNE+0k94eOEfolUkpQ+kGG7k4aKRU1OwwwhQvOafYCN
QGFj1Ucuif6fGBsLAjGQgZiWOe+idUQO5cC+Mo2z5VAUJeDqtmGgFAeGHMFSkceCWBIAtbGQDRRRp
LNbAv64qTsAKc0poksWJUPAb+oxipG5miuDoUBzdZU5y3S/hjGyarJQaKOSj3/8t8IFM5UD7TmKmT2M6u
6SlKodShvoNgbEKV59Ovh6+F8Ze4j+WtHGqx16H8mJXivxqphfZQsuJSoAnSbb7/HHXbOc1yy3tNKhc4Zyi
JZqKxtsfjjLsNQtRkBbIVEZyRqPe/DE9KqaMmiRpsHDZW2FwBTk5JdCB2I7wHnhC1VnnirE4RRedU0lcdT
qFNuDQFD9E72J3HjiravRyUt3fnsxUUKVUlQcqaiW0qUpw7m4IxE8HCpoCC4k6r2F9huzIb7OWdBqCW15i
p5QFpuQeQ+knr0NhjmO1pHyln2T4rrWyoPyY9fsV0meQQbjYdDvbGDDVnnUrkinqinQBcbeHTDi0FMSJyr
BJI1k+djY4XDRLXgltEq16gwQQe993xxG9gopGPNaLrrg05zch01w9C+u3wvjFSDnKV9a0HBF8YZfLlUBR
G/z0kb+qThGZ4upPjFKLm/iPWeTnSqgKTZEp0W/tzi9EyrUjjmqY418dYWXqQiHGqvu0qTWYVHnusKb51
MakuBCnRq2QQCkBe+kuAgFQAxes9lc51SNxI6aKpPOGgNB3gHoqpFVK6CjUdSUpGyTquPicVsBqrBKa
KTQaNmnOfvU2A2qeppTfvzS1x5YAG1nm1Jc28O9thHvc1tAcuG7uTRG1zqkZ8d/epezlSGhlCRWM4gAA
W/KCWbfesn78VOVPAdwUnJdJ7yufez0629wpykmytqLCvt/4O3jeHVoFrTPSVz5Ypoe0DScUZJKK6wVU7
ouVkuBICdvPGOlnorbIlII+UE8rdP4Yr/KVKYKJLU8phpJNrD4Yey0VTTDvUWrtC93SokbW64tMkroq72U1

UUq8EMJJNgnzOLTHVUThuUZqiA2VFRsB44lCYEzy1JbBUSAB9wxOnEpMXgTuUi+3XAgmgTvl2nmXI
SAPHEBTFzN7VfiE1Cm5YyckhS4iDVZSAN0lY0Ni/hsFHGYumPWTsWGvOQVDFyC3US2By20oB2Btc4
y56VjQU50qUp5QKiTc4iNFKDVXX2Rs+o4dccKDUHVfsRTpjykEkBbTg0Kv8Lg/EDFK2xcpEWq1A/C8O
C9IKG9zkIJ+t0P2bY0l4wkhbE11WgqXUTcp22xXKGqbZeZ1KT02xA9ysRjmqc5fYG2K+LOiHGmSm1Cigh
PmcGqgeaBTSkU0ssg2Oo9fTF2KKgqqjnVyTxDp4WRcYusjCacskuTS0jw2+GLAhKbUrVynix7o3w0xFKC
UglwbJunFd7OCU9Cap8FLzY1Ad7FCVm9SxE6KPVKnJLg2TuOnXFQhWG56pgqcHUFEICCkG3dB+HXE
ROamjO5RWsR9CSU60qQbADqL9d7YUGqnTBVYCFt2ISCnrYHc/HErXbkwhRiakJdWL9CcWAn0qE3PqB
UbfbbEiaBRJlLF+txgTkkqkhLUO1ySvpbxwwqN2qb50sLiIWi4UB1v9+EStXm/wBq5xQ7QmbrqJvUllR+xO
NssH0dnUsFavzrlGKC9fR0O3Q9cSPTG7l0P2N3tfGChgpvZ5RsN9+UvfGItw5hWRsvpBd6Ut26E7/ZjAO1W
WCfqc4CR03xG4KRP1KcsvywjhUIUkpblnBiPclCkVOd6YamOUgpzmwOFjOagm0UiprwSRjJ2d4Cx0jdyd2
5qQ1bGYZOA2irYUSmQNWxxA12dQn4ckpRMFvPFps+WaYQk8qWCbE7k26YryS1Oakaw6pqefHNcIAuP
PGNe8ElWw0qvc1vhU5zT8evTGOcalZSIUao++bHfAU5yob2lpUrshVAICtRqLFgBe/ddvf7L/bbGVuL6Y0rH
3n9HNF4pcYpwSjTse6dx5Y69Z6mi5Xb3ABc65vUHKm6lKu74HGZj0C0+YjEVEJ9tRFztidpU0VaJDYBdrn
DlYrkl0ElChbpgVaRT7hvNTBeCi4pBWlaVDlhYIItbr44rTioomWV4bJVO+XWELnla1WubjyOIJNFasubqr1
99i5myl0Ls55ladlte8Lr0NXLSCVhDaFlRPpZfja9jjmG1THOtTaDLCuwbLlospz3q0JU4lZCb6sYjCaVWaSN2
cpCCBcX6/z4UsIQkj83SdRIJO5JP+PCAVQjKPV7VRncCyrbdOmFe2gStOa6mylxZOU+HFAaaDCHJ0p9Ife
BU20Eab3A3J3G2MK9hLjTcrdATUqC8W+O1Zqfuil1KETFfMhvkM20OAWCtz5fZi1BC3OoUcjsNMKp/N
mbnajU3pTjxcfePMcWRYqUrcnYeZvi4xgGSiLzVQXieH87ZCqVHZdbafkMq92W8XOWw+CFtObbjQ4lCrj
xSMWYBgkDyo5qvYWhMNE4kuZuynHqD4MeWQpubFcIvFkoUUPM2vvpWCBtuLHoRhJYMDi0dnVuTo
5cTQ74rvTrkDNTa83x0I06yFgWABtp8bDFWaPmVUzHglWR+VYRtyybbX23xQ5JTVUM7LmQGZfBDJzr
aBqFDgLWSblQMZu5A9MbNPaS3IrCxQA5robJfDMvpHcY7qQok4w01qJOSyMcIAzVtZU4QJMZCwhCvE
9CcUS9xSulDVIG+F7YVpLW/wC9GG85Ri0AZJizvwvEemOODQdwPUYVryCpWStdkqhzhknlpULkfZi/D
OmyRb1V2asplsqHMI+zrjJRSb1SezioHW8suKKvpza/S22LrX5KE9CjtQy8shQL5ttfr/Pidrskx0RO9NpoTgcN
5CiB8cLiCjLCN6mfDylK99bCpBNyAAb9fvxG94CVrSvPbt45u/LTtRZsnB1LsdMhMSOQq9m2UJbH4pJ+3
GxWBlIWha/a3B0pKqSQ5oisC4vucWCoholdPm6CN+mGU3pwcpTlLMpplYjuhQBQrEbm1CkDs16j9nbNz
HEDhjlyoBYUuRFShza3eR3D+ob+ZxpN4xGOVy2GzPxRhW1R4yE6wgFQQo6fO2MU5ytNCn2XGWwwka
UhVt9rn1xTe7NWmgUVh5XiJUhIKWrDYEC/UeJ8/wCfENVA8knNT+gRkNob7iST0IG+JmKBx1qpXAa3A
N+m+MnGNyrBPMFKb9MX4gKpqWAWxbApohaO2CCT4bnDX6ITROeKr2GkficY2Q8Eo0TPMZNtzsfXG
PmaaqWM0CZKnESStRKhtYehxSeFO0qJ1xTrXM0Oq7hPh0GIXFWI6aFRmoVsvO6Xm9SiQNYHmfLA1yn
CZZwSFlP1tCvEbq9MTsGaa7RQms0hTk15aXtAUo7W9cWmmgSjRNEmhLF/piAeux3/ABw9NASVdAXo0
87bysf58BS0KLkUEpjlanioJNtP2XxGmkFFPoWmkhAHd09bdcCWpC84u2bANG7SGaEEqJekJkC4ts40hVv
xONqu41s7Vg7YKTOCglHlhCUm9h+vFl6hC6K7E1XSjjNRgojvl1Av4ktKxiLwacBWRsbueF33S3foxvjXX6r
MJ8pzw2F74jcE8FPtNe3GAaJVI6bJAI+GIHAoUipcoEC2BI4VUgp0oBKd+uE0NQoiKiid4VQ0eO2J45K9aq
vjITm1PBYv19cW2y5KAtFc1q3Pt1thwm6UcmANEaaoLW3+/E3LlJgCLdngy2wT1F8MfKSU4NoE1zawmO
04oadYF9ziqXqZrCVBq1LEqY4RsST9mKp1qsk1tAmicrSrClDlz17UCqCmdkCS4VKSDV4ybp6i6HcZrZ5u
K2AdB9ixl7Pw2YleJHFOWl95wayQlCiU+Ax16zjQrk1vcMwqHr7uuS4oC3euBfpjMMAotQeavKjFQQkKJJ3
xKArkLtyblkBXXBvVsA0SiI8Srbe2ww4KGRuWanOSFNqkxdZUEqJ6X/kGIZQaFUo6CTnKV0eJzJKSRuTi
o/RZCDUEr0s9kzVHInB/MKEut71NNkgd5P0I6/H+THO9pW0naej2rq2zJrZSOlX6uWQ4SbnRtt8cYQBbET
QVRKphO9+p6WwpSMKRuTrLUNV7b/D8cJgCcsxJpRMaWANJcvt1GxxE9p3oXYXBGK1VOzy9zUNuhp2
QRqTe3dG/ocYWb86rQOYVHdoBbUaqxyEoTeC2pQAFlElW5+7GSsYqCOlRz+kqjr9SvJRcp8CdxY9PM2x
bjaoVHK3XI7CNWoFK9xZtIJGJQkJAzKqDP1TlZKrFQzHl+POqL04oNVpaXUj35KQEIdYudKH0JAFiQl1I
CVd4IULUQEgEUhpTQ8Og9Hh3qo9xYTJGK8Rx6unxUr4V8SKZXavSJsSrNLjzpJisOq1DU8QU8lSFWKX
dXdKCApKhYgYqWqzva0hwzGf39SsxTtcQQdfHgrfMZ5Rv84q33/axjE0KvqW9kWQyzwWyWylRuaFTQV
FRKkkRWjYEHpv4dLYyNrrSqo2emi6uyHQGWm2VBSFrsFftW9rAWPljCPNclZe5XFlWloTFQjSANN9vH
F2zRg6rETvNck+vUVOx0AXOMg+zNpUhV6nco3xApTRoi7JAOoA/jjF2qNrcwrdlkOKhVC5/pyUpUQPTE
LDuWYbmM1TmcI4Spex8sZeA5KhKM1XFfTZavEdd8ZBqqFRWpG6juMWGBI5womxzY3A6b4ekBBWHc
1fkrS5c9Q1IhsOPFINr6Uk4jw43YUj3UaSvM1iLLztmSty1M811pp+c4m+wUpQA/wCEsfG2Npe5rGtaDrktX
Y0veSmWpJVHlhlX1mRZQ674kyOabmtGJJBG+ESgqQMRkjJfzkHPpU1ERCm3RJZKwfPMPQpa
cyvSvRv2ZsSoSuzLRpEwNrQuozVxib6uQCgbny16salfrm8sR0LN3aDgXVuWl6ng2hWq+6gSQbWv+vGuu0
WTYecrBytpU2gXKbi6R1tf8cU5FY3Kf5aPKUkqKkpI6hJIv5fHriIHV+tTWgyAo2AII6d0b4njconjIqTQJFy
Br3PdOL8b+lVQU6xJgS4ASQfXF2N6Kb04Jki3W+LYk6LflgxJG+GfVPTbVSkVAmJFtVHc4Dyw7bFsCJ2nz0PVxIHcYhrxa+I/P1N3W/vn7cYWthTHxAMCXQ/<fxHgp11E8fVdtFNVZRQx23eamGVqwBzLhOWuSyZgNnLrbmyxr8GtCDJiLq0sFQeWWrtMP2OuIaKPi5KEvNXz0V5dBYqaQ1m3sYyH6WhDh80cPpzAqJWQeHUpAA0NEYpt9ZWqmTuIZBU0mpjRp80DLyVB7kGi7z8rgCoiVY57srBcWbDMyXcKmsahGUOiEZZoEWYrN7BMO56uQNOoWqWYfb65FnpFVFbt5/1gXYWBtxx3A8xM8ziBtz/CuL35GWQsR7nbD2h2KnP5CrdVqpYNT0R8WmDmQ1IHGjVlRWcTb3VZmJnfQCbVeRDdFhGm7VmFG0v7OdAgL62KyyOHNBlmfK8gGpOykpQrRzUaVYzN3T+rZjg6dqAs1Ho8cOGgIFHWXFAPSqDaaqUUlTVH2N5gFGDJL3sKmy3Yeg0ZvRmAhVLuz2ALJpVWLWpa+nFhd3OWNaTsnTPXtyM8SbkvJpsc3ybB6XcfZwAn0SWfy1BZTkHRkRUcSb7SHcLvNc
1ZzahZ9PdPfseotiEZpQU+U+Tt8MNORT090+dptv6YRwrmhP8ASqnoHXb44jLaoUhgVEAIN9r4biAyKY4Z

pexUrYKcE1OsWpXi3v1xI19BQqJ0dTkiU1YA/WIw4SZIMQQVWgAe9hwkqE3kqFYqdd92ksEEC6R1wOfv
T2RVBBTDWqnrbcI62OIiaqZrKFMQmBxZJ8ThQpapHVJNjsemA5pCuZvayzFs9jKQW7lfz3ECbWG+h/7sb
Bsw0G3CvA+xYe/DSyGnELxNzuX1yJQdSElTVgkqG58uvXHXoAKBcitzzidXgqTzK25Ek2UkpSrcE9Dv4Y
ybCtda3NML8ZToJBvvbEwKsteAc0ik095oa+WrQeivA4CrbJWHKuaOp9NffSSEnbwPjhwUUszBlVT/ACVD
fbepLiWHFqbWSuxG2/Q4rzEUIVKIVmBbxUgoU+RInlPJcDgWSUgb+uKzwKK3C9zjSma9G/ZZNyIPCytB
9tbXOqepsKFgpPKTuD440HaahnbTgupbK4m2U4hvV81GaG57ySbBK1Cw/fHGvAUC2OiK9+G4JG/2+OFo
lYBVEyJxSoaRqvex3FsCkbrRatzj78yDsOZ9+3xwyT0U9dndneco9nGepKdakvSLAm1/oweuMBaMpe5WG6h
c+9oqrH5wY1JKSaahSe9fUkLcHlsbg/hjJWTIdqZMalU1mKvnS2vSVJU2knTsSLDF2MKAnJQvNNeCKYzpI
SVIuQev2nErRUqKR9Qqm4nxlZnpqI8fmpqWopiSW3VNqgqUNKngUneyT9U3CjYEWvi9A4MNTpvHHoV
G0Nxijddx4dKYqTwbzFB4x0yr5er9MptQiS0upkPUwuKqag0oEzGm3UNvqIJstKUOC574G2JH2qIwFkrSQR
x06iQSOrMdCRtml5UOY4Ag8NevOh61Lqhx17QsWoPtNZR4dPNNuKShwPzQFpBsDa/iMURZ7tIze/1Ky6e
31NGt9a6+7H74VwdyVYpSUUWnC5It/WrXX/L78QWtuSms5zXYWQKqmOwnvBQT3bgG+naxPxtjXnBX
5BUK5crVZKo6LW6W2xds0wGRWInjNSU9yK0kpSLixPXF99qBFCq4aSVHOIU9CKEVXtZY8MYy0yBw
FFbszCH1KoLiDVUaFDUPvxFGKrKg0aqZzjUkc1XfGMxA00zVGVwqq6zFPbCjqUkXGMi1qqOIUTqMtrU
brSB+GJxVIS1NUiUjwUkb7dcOAURdmqx7XGfRkrgDWn0LVzpK2YjdrpuVujUL/vUqxPY4sU4ChtrwITRc
Z5VZVD4YT57TxYdemAPr125iUiyEW8d1LVt+5JxmXZygHQBYVuUZI1UQkSCuct1JJKldfMYsAKFaPuJ
dUCEqSv8AO22wHoRmn73xEXhc01704p2RVlvGKWe62lthKQ4F9bqLhTp/cA4hpWXs9qkrSOnSvVvsl0Rr
KHZyyLDa0KEejR3FKTYgrdJdXb7V2+zGjXrJjtDlsljGCJquzLikvJupQ1khKbEdfL8RjEvNMlfYK5qcZcdW
C3caVAnu26H9XlinIaqZtFO8tKcXIBUmwUrpayUm3gPDrisaqF4oaKYUapcrQAFbEXttv/Pth7HUUJClcKoB
aEknvEdCrwtfFxkige3eljFSCHBcnY+eJ2y5qKiWCs3RYKJ9b3xMJ0LCqoCyoEnoRgM2SKpO5O1ISCb90Xv
4YidLkla3EkMuakd3a53Nuo9MVXPBVhraBR+syi5sClCTe5v4fAYruKkaFE67NVZZupNgfA7f5W/DEZU8V
FF6i8CE2ubEXv57b9euFGqnTDUJwdWojdRUbAnofvxYamE1TY6SvrffFgaJwqkrwxIkqkb/AHBvvc4Qpa5V
SScL0l4kgd9N99+hwxMTHPUeQ3q0kBPSx33wJKrzl9oBmRNa7S9bShWpEBqNDvbxS0lSvxWcbZdTKWY
dNSsBb31mICqKA73wTfpi+4Ko00KtXgdI/qvo4J2VMYNvH9sTilax825XrOeeF6e0uSLm/wCkf141DctlT9Bk
Db0xCW0QneFMsbeeGkJwKdI02wBvhuYTk6QKloI3wEVQn+FVbNo71k6sREUShOkaqBewNjhlSNUlAdU
+U6WTTr9f8jg1TCKJsdqOgncDfD0/AiVVMFNtWFoUoat6zUil+LfcaE/rwg0SAUqE2VOdeE5Y32O2FonFN
JqIQCMAampO/K5xHrh7WlC5c9sVOXE7FBLekLXmGGgXSVXu2/4Y2TZRlbwz+qfYsDtI8tsRI4j2rxpzwy+
9VpDiWlOJdCik8leqx+z4Y65CBhAXILaXGQn2FVrnimvS2GVchTaI6FAqLSgndZVsbYux0WJlccsj8FQ95g
CAGxo1B8LI6i3xxPRMY/nV6Fq6jn0FiN3ea0Te4sPqkdftwJ4dSUvO/wC5K6HTtaHEhptRKja29u6kDw9DhS
UyVxNKV+KqysmUtuPMaCo0cXWpSdRG2rTb49DijM/LIq9YoueKhSA5TVQczRnXm4LCS04LhR1HWhw
J2IHiofjitymJposj8m5OUF1Br6wV3p7Ox8wuEDYPKBbcDZ0G/eS1uL+Q8DjRdoPpC6Ns8KWQDgraqtRDjr
iraioqIv8AE4wgCzhNEnTPINzunqdtv1YUhJUrVuoC+9im/S3X7bYKIa4g1Wwqyfe2xeyS6LJ8uvp54jcMlK19
Su1eyzM977OdWGx0vvjb/Wk4wVp/OjsVyPRc4dpKYpFSgXCgDSCNx4h53xxkbINetRzqiK1PVIisJuB3Nyb
Daw88ZFjRVUy4nJRbNCJbsBstR5LrNilKkoulVjbYgb/ZhBMxpIJTC1xGih64s5D41RJaR4kNqH8mJPlMfFN
wO4JwynWg1n+AhaXOe0+Op0hGx8Lb9et/HDn0dCSFJG6kgBVpOVtIWrZPX0xicKvEqw+yxN9z4PZNStD
TavmKCoEu21JMZvr4dfW4xlbSKhY+HIrpXIefDCQn6RhY6DSSrSPLpjBTQrJseHCiunJXEhDEVOogaja/TS
cVMwckx8VSpG9xDbUUkOp1fAgk4TE5RfJlHeIuf21UWxebUtTg2SSTb43wrQXFSshAKozOubdZVZQsfX
F+CIkpJH0VV5prhdcULpI36k2xl4mKg9yglcqa3iblPTwvti8BRVSaqMT5K1uq06L/AG4fTJNqkK3XQbXSq3
Tc4UAJKlQ3jvw7Xxb4TVaigtiVIbDsUqNgl9B1I3v0vt9uHwy8nIHBMljD2FpXFHFnKVY4XSl0SpUx6mhFt
KlAKbfAAAWlY7qioi5IPp4YzcMjXjE01WClifG7CQoXGVouSLnxOJ1CSVl5wuK22AGBOouk+zr2O5PGz
hFR6iUJYRVK44H5cghLcSEw2kLKBfUVuuLKRtb6EdNzjB263clIQDoPWs9d9mY+Al43r0Joj7FKpEWBD
Q2xHhtIaabT9Rt6KBpSk9b7AbjyxqDiSSSsnSil2X3XVhQKiSo2Uki/TxxXcAU4FTyh1EpOhQWbJ73Qm21r
jbFOVvBWWWWnipxl+ovRXQNCtYA2Uodd3tFXXeHL792xHeukm/wthtaKJSeNX1COOnfS2Re3M
HX7sSh6YWI+PXwpz6w69ThQ9NLAlrNfHW/XY7/AOLEgkKaYxVbrrlmjZV+7+GFxmiTANywKpdhJ22AI
FtvtwmI0TsISGbViy6NRQ5sehIINvTEbnJ4amCqVU6ClR0lXmDYW874iT1FqzU7NI2bSixN72v5eGBTRJgn
TgldhpTYA23PX7PgKqQnNR56Wtp9Xf0hKiDsTYdfDFtoFE1Y5mtsK/S38cTAJQ4ol5PXXzwoFEuRzSJ8h
CgSAbG5B8cBFU6ib67JSKW6VBKdawRbexsemUUdFHyUmMi3esDuPDr54ELzLzJ7ZslL/aVzlpcQoColJK
DcAhtAI+wgj7MbndoIszD0VAVZ/BWVpzXSXVnoiYyfhZwYp2r825XrOeeCvTy
mSyFemo9DjTVswKf4EroBc/hhrhUJU6xXwfsOI8KEvjTAVpBITc9T0wwhODkvi1ABQscNoQnJ1j1QpZRY
9FYMihOUatDmH7xhhYS2hVm0jVfz/lxEcjkkIGiYJFUGtRJ8cS1KdUrpopctuN8FSiq3rtV/ZEPSRcoT+v
A1uVUJJUaiF01yx8Dt/LgGRSJgmyypbG18PPQhbsSCfE28sAKFzX7YGuIofYfYaiP5UelWGJuIAfYEIofYuElxtx5CMwwu6hWk7ofAN
z642XZQVQVvFo+xYDaR2GxF3SF5E5347iAqaqMiZW5Sq/wAr46xFZ8tiu03i9Sriu8QPn7aXNRF9pxYZmJ1tmh0...

EHqr7Vul124WiEOa0gdNPYpPNmhS0hVzcXO/T16YoBiv4gtC444yAlOpKRY2T4efTCkUyTw6qRyHjcAHb
oDpO34YCCgUOiHO93lx7rSoh4dEnp92IDokGoXbPY7lIrPZwzA0bKQJDqVDwN2E7YwFtBEwWSiphXOP
aNfQzUaUQd36OtTm576g+6m9vOwA+zGUseh61XtJzoqHm1PmMxUIS44VNp3So7n1+7GUa3MqpuqEw5h
lVsxUsM1ipMttklthLY0oCtyBf+XCixwOOJzAVE6SSnNcobWBWmtRNZqiU+H0IN/uxO2xWf6gUBmk3uS
TKNYlM5zp6pK5D7hfTqedvqXsR52/5MOlga2EhmQSwykyDErQcryy4o3T188YnkgstVS7s/Z0dj8KcnAr1oi0
eGUpChcJ92bB6G/T9WM06IYetYYSmqufLHE5nUhKXXEAHdJOw9DY+JxQmstQrUc+asjLfFMoZsHCbg
D6xv8AYL4xktizV5loT83xbs2jS6QpI6Ha+ITZCpPlAomvM/Fhc+KEqXquoKKtWx2+AxJFY6GqjfaKjJQWv
ZtLyCSu98ZCOHcqj5Ms1DqvWA6o77dLYusZRVnOqVGqhL1km4vfEtFGSmaTJAkFINyobbeWH0yTaiq1b
Oom5A2Jt4YaU9FGyzfpbEZKka2oWlWoETMtIkQpsViZHebUktOtBxNyki4BBAO/XCYqEOCaWggtK80Z0
cQp77YFgytSd/QkY2rctVo6qNm0Z6m1Z+I62edHVZaQL6Ta+GhwIqE/C4Gi9OeznRxlbgHk2nJ7qm6NHUt
Om5JcRzVfA6lXxpFvditDj0rbbK3DE0KzYkX3lCXEI0ctI1BKgdRv9a1/LGPepnKTZcnJ0LTZ0FKgQNINgdu
v4/ZiB43pql1IqqVupBBJ1bE9fDYg/Ziq9porDCNFNqXVQ0pJXq0EBNwoaQevW/4YqlikCkFMrulYGtKkLI
A74uLdMRUTXsGoTxHzFoQkIVpTpsrvfZgooUc1mBYVuq9xe4NyPjgISJUzmZIsCsBXlfrhpqlSw18llShcd0
36WP44WpSGi2RXeclKiNItsQep9d8JUpVpKmiQsKUd7EA67W9cOyQmWo1dbQWkuCwuLFfn138dvvwqc
0VKj1TqHPbAu24QdySOtz6YKV0UzRhCj1Rq5bYOktnfTbVvfre1vhviZoQo9Pq1pS0pcCnNRBuRv5Aen4Ys
gZKJzlu1mFtrUlx94aNrBsHwHjiRDQSa7knmZqZCe7Ifvt/nKel9/wAMKp2jLNJJGZWFbB2Vvvs0nAlrmmqs
VxMqC6lKnF2UANaQnwO23rgomlMU6rpg0tC1EgoSTYdTv0+7CYalNK8q+IlfXm/O9WqTwIXPlvSV7+K1
qV+F8dAhjDIw0cFp8ry95ceKRQiEgAG97HDXCqcxWjwbjGXXKY02AXHZTbafiVAdcU7SQGGqv2f0hRe
nFLlRBGbDfNEkLUXSbaFJ206R1v1vf0xpS2QP4p8cnxjKc901pYJ+jDpBXa3jba/XCCtM04PBTg3VI4jNhsO
c8FXNKiNB6adNt/O9/TCUSg1RrdQC97gYhIOiVOFHqbLL15CVuN6SLIVpN7G2/wAcJRKlLNWAbCL7g3
6YKJcSVsVoBV9V77YTCUoKemc9e6w0stJLadtXeuVHxPp8MMwVNSlySF6t61X8D64fmhbRswI5Ra5adeo
K5lzcD9G3TfBTekqs1er63ogKrAJAJ+3CsGRQSk78lx5ZAV3Sel+uEySoiY+UqR6YGoKNak6UjfphCELLn20
ky3YkS1cDm5kg3vvcBt8n8BjZ9khW3/sn2LXdqcrAesLxoz88UTnFau62Smx3SfMAddtt7465DpRcbtx55JKpz
MzoTXpdibcwkYyTdEyEcwFNSSVPJub94YbvVg6KTMhSGkqKykLVpSlA7yyPH0GExLFEDgpDlxoJnMIc
UlSSoAk2uLj0xC8mmSVgaXhO1IKGckZkbUUgtLeKPHVZwYhkryjCsnEByEjVBZigloJCxuLmxIv+GLgW
KbWpK9OPZ61ONH4Tx1TJXKKW0rTZJIutCQQdtja56+WOdX40mc4V2DZ4gWRtT8UVwTJSHHlFo6kFJ
CVEXuATY4xIbxWZLkmelOsAouki3XQRf8MBYEgedEklT+StRKVKAv1T0P3fHC4MkuPNIpdbENxDy1I
OhwEpHU7/AAxC+KqkEmeq7K7GnFKk5V7OObJNSmR4DTU9LVn3AgqK2UAbdfw8Ma5boy6doCycLhgJ
KoztD5koFYjQZkPMFNkGEwuEUJc3IW4tzXuBa2oi3pjJ2KOQVBaq9pc3I1XPkqptLs205z2WPoVOIA0qNr
3Bsf8AIYy7G55qgXimWaZKhPbeac3sR3dVh0+7FkMKql1VG6q+282pOpKiAbElAIv0xbjYQoHuTPRyFVhl
ZU3Zt5O2pAIN/vwWgcwhEHpgqcCUP0VffjArL1T/AMD8xNHh1ltlatKU0uJYi593QOo6bgY2DkuYCOA
WD5XnFWLSM1KQu2psG19iDsfPzxC+FTMlUxo+fVMaRrHeAF9rn18xim+DirLZqBPkfPZkLTpeJN97kDT
9p26YhdZwniZazM0qKEELQQpQ6K3HxAwjVcKye94eeJWsAUZCmKye94eeJWsAUZcmqXUC4vZR3P34kDT
yCpexO539cODUhPBI1L1PKsQpQTa5wtMklStCshy5NrnrhpGWSc050KMbQFODSdJ3o3KYV3KSZbpJ5K
3Vbhvv2I8BucMcOCUPK84KrkVOaeL7kSNy0io1wx0IUe6eZJIAv8DjZS7DHU7gtbDMUnatOTeO2a
Yi0qUpisyWSB+hzlAfgRb7MEEcxOmnJXuAQEpCRsOm3hjSZBVxO9bW3IJ7jVAJ
WlSrb77KBHn/LiuRuKenukVpSZAUqxSk/VJ2t5YhexCUF1N17q6AE+WIHU0RXXepfSq2Wm
kJKUFC/0jpT/N/kMVXRqYSJ7i10hCUqDYCibWPUj8MQujTw+qXDMHRQUDbwKtR/x4YWcEw4SjPnhT
XVxAAIvY3OIyOKTDvCy3V1KkhV9tt8CbQ1Tn8/3YVa99J3KumBCV/MBAF1BRI2I2nN+mENEBOMqYv3
UnTdKhtc/5XwgFE9qgVGavWiLBHdJ9Q+t8MOU1MslHKlWnVCwpzKwlWnVCwpzHOVXWmpzH0KDkhS/rAj7cIQrDXE6pM88o7d4X
264RKk0qYGYq0lW6lAi58UU3oUM41ZmTl3hNXpoux0u9x8TRB3CykhP4kyneskOZreJChDtsMTndC81
pUM+8kHcDa/6sb64ZLUBrmldLhWKRcAf5bYiUgPBXBOdrbenwGzbjqBiaSYpZUmrXyRrNKjbo8P2GwadqI
XoTTUr5p0pN9idvxNZGuRYgSnEAlsCbdoXAUfU4Y8KVpqEtanhA2
Qg/acR0qnJW3NuAooQAdr3O+EQsCqKbUe42mx2BGxwUCEe1mRbKwoIj2A3JB/VfAlqinc6HSUchgpG2o
FQP68FEVRTWdG2HNZjAqB6c02+7EmBIsv56bkvIV7sByxsObcDf4YQMSkpdGzul0AiOgE/uLj77jCFhS4k
oYzXqsTFjKvv+d/PhOSSYkrTmtpwjXCZSCeqFEHDXMI3oBXI/ts6rHkdkSkpSFoK81QwAuwGzMj8cbVsc0
/Lif5p9i1na1w+Qiv1h7V5D8RmEqkvFCkIXrUVGxv52J9cdXg3VXIrcAXGipjNwtmKbYiwc/kGMg05IhpgCb
YLd6kx0sXEj8cLuUkh+bPUpvTKYh4QVkAklSbG9iSuwN8QnKqxpO5P9Lo6kVOOrSktpeQCne5uqwI+0Yi
c8UKlhgOIGmVQlNOp5OQ80OFCykPPWISO7Z0Aj8Rhjj84z43K+GHkpCVA3Y6lpN7dCRsf5sXQFh6jcvS
PsfsCPwiiuNEFTiWtY6W+jTb16DHPb0znNfjNdeuc0sjacB4K44sdTzSQ4g3CbjxJGMXhFarLBxORWX2LII2
VpHiOmAhDSmuorUkHUAnwvbp+GABBO9RuuVhEWRostzSLFSVbA+mJmxEhRmShTPKzlIaJ0yZqbWA
sr+W+G/IgToEnyum9NVTzq44AFyJrmod4EgX/HFhlippRQPtnSU102omfKcQyiTy02VdZSADvvYHEvyfDm
UwT4sglFQW40k61rWDvzLAEbdOuHNaNyC40zUZq0px9tX0jgBSeoUQry6H0xaa0Ks55UaiS305giglwIDiB
42G/U4SVvNKSN5xiqsFmoo5KLukHSP8uuMGYs9FmxMn/hct5zhxl/S0k6qZEO3j9Aje9/TGYYRgHUsU4H
EetTSlyld3U2tlZ67XB/y+/DHuTmMKk9KkrbKTqRcdNdrkHw/y9cQOoVMAQniHUCgXKkuX2texScQOCe

Et98Stm4Qm1xcBy9sMATjoi11B03AW2ALfEYcGhJUpK9MWr89s+PQ74WiRJnZLqh+2NXVt9U/z4QoRa
w4Ts6E38Qj8MCFjStWypBG/TRgQlMW4UPpvT9rviNzVK11dVNeHswGayyXCvnKKLBOk3INt8REZqRef
fAPT/mjaO2+UqW3X2FracQNBV7wAf1nGw2k/MkjgsBZcpc+KV1jIiOJXaeqyAguty6+8mxUTdPPUm1zv0
GITJgs46vYpxEHzk9K7yZpr63AC2AEpCQNfUDYfcMaitmGlE5QKW+hCAVNCx1dfHETygJ5iQ1Lf1KWw
m4FwL26YidXclNaZKT0hwMNBPvDICSCDc+GIHNKZRP8AAqbYYSgvxrJ2GlNj+vfEZaUVonWNVYpC
QqW1ta9kX6b4jLCnVCWx6nCCxpmOAj85KbYjMRQDTNK2ZsZYBRIQ4OhCrj9WInRFKH00W/zswySdLl
vNBDg+7Y/hhhgO5PEnELLOZWpGtLQS6Ui6kgkKA8yk7/dhj4Hb04uatU55RBQpSGlFTe6RpO+Ivk7ym81
G1vtIyZ9H91FBhI2sHENLSpPrfV1xYFlJGdB8dajacJrUqv8AMXGGbFWHFwksN3sNSSb4kZYm8U7lSmW
XxvEoaPcuqdyATb/FiYWMcUnKlE/O0qtDnNJbS2fM7g/biZrQMkwmqYq/nx6lSVRmqSp9xqyVOrDi0qNt7
AWFsStjB3pE3s8SKqCAKO0oXudMZwbffh3Jt4oGaNHECsE/9BEr9Ayv+fCck3ipcZCNcz/V9Jtl8J6C5bVa/
wBpw3km8UvKFJJOe6220paqPGSkDUTyxYDzJJ6YURs4pcblQvbF47u1DISaC0mEh2pPJW8Y5StXKQb2J
So2CladvEJOMzdVjpLyh3LG3jaByeAb1yy9H5jlzY36Y2QlYJLKebrFx0G18ROyUgqrb7N1Tj0jill16RdEdup
M61J3KATa/wBl8Y28GudC4DgslZCBICvQ6hwKfNbIjVTWo/WCUjV+u+NKOLeFsgATvFpzkNBSzLuDtb
kdfxxGc804ZaISaZMcZUhDTS9diohJSR95w4EUzSEVFFhFGntNgpYKj4gEb/jhC+uiRraLR2TJgC7kVwAb3
UnrhRSmqckhzRylE7BRO5PlgDShBOadR338t8BYUI8ZjQ6LHqr1w2hQiTWY7jgGuxPXC0IQiXH+aO4sKH
l0OHh3FIiPeloUbjvHzOHpAcs07Ueb7xHCBu6SQkX3OEqNEopuS1MpbRstJSbeOCiVKWZp1bC4HXARVC
5Q9tbXfduy3lps3RrzXHtfYK+gf2vY+f4Y2rY5tba77J8QtT2xkDbE3pePavKfiRVQtUoKsS4pSbgj4fyY6lZ2aL
ktvlzIVMZ0d5maJyh0Lvh8Bi3TKims5BjBKb6Wr+mke5uOYn9eJKZKSYfNu6lZNHI+a4OoJspV1AjcjXfr4f4
sVnDMrGVAoE+0t8O1ynNgaR70hxQJsPrdLeW4xA4UaT0K1E4GRoHELelR0HIeeSVJGlb25uQPp0/rvhHH
5yP43K5H+al+N6rF9wkjvHoRtjIDpWIaNV6adiZ8P8KKehWi5ZQoW6jYDp92Oe3sPnyusXKQbKzqCvExw
Fiw13G224/DGIqs0UW7DKk6UNhVxe4Tf7sGJBbwSKfQ+azrskA3CQRuDhQ5BZkoLV8sTEBR5Q1X3Orp/
jxaZKFVcwqPSKG8t0gt97qAT/jxOJAoiwptmZZmO6UIjrUehtf78TNlaq7oXFKo9BTFpKUgLCtVyTdPft5W/
wArYY59XKdrKNTdOjFcdTlrL06raQfwtiRvAKNw3qKV+lG1wUKX1Vpbtb0viyw1VaQKImd7jU2FLCm0B
1KlEbEgG/S+HvbUUVaN1HAp7VnKBc/SPH4A4x/yVyyXylnFW9wgrrS+GmXUp5CtNLiA2UOvJRhwi5g6k
pmGI0U8pWYtBtZsK/cqF8QuhUgm3p8h1iNMdSp1pC1nxUn+XEToyNFKHtKeI02Fa3u7QPj3bYiIcngtRi50
RBKiyjTbYA2/kwgBS1akcialKiW2kb+fXDxVRpLImvXvyU2ta3Q4WgRVJXpboAPu7guP0b4cGjimklJH6qtr
/OnE+FignC4AkLkSMypQs3VYeRHj9uF5NNMgCMTmZu5N/UgkYaYinNkCW0biAaXLadbc0raUFpPqDiM
wp4m4LkDi3T0cMe1eVRDyEOSWJqdz3VFQWT8Li/24y8ZMlnzWHeRHPkp52UUN1XjBPnSV6nozj0v98sq
O/wB6ifsxUto+aDVdsbqvJXUDucCoEFS0nwNzjC/JwssZksYzxtbWokeZww2ZOEyUsZ31K1Ap/ViF1nUgm
CWx89J7oKe6ehxAYVIHhOUbO6Da5BBPgThpiRjTpDzogADTYdepw0sS4gnqBm9pxII5g8B3ravvxCY80Z
FO8TMzOm5L1rg2SpP8oxGYyjCnaNmCNIZSUvzGyojbSgm3n4YiMZQCi5+YGWnCkVC567tA2+5WHYO
hJmmWqZmkvgoaqqEm22q4+4kHDmxDeEo6Uxy81VNvYusyU+bTqQo/Z0/DD+SaUlDvTNUs4Sgoc73hoH/
TGyB94uMObENyQdKRO58kMOEBbpttZKCcLySU5KI58ztXqi+2mJ84NNJSb8sFBUT8PDE8UTAKlMcSo
n855kJsXKqUgeDi9vTriwGxpgxItz8pnWwEoqqwARYuKJAP24KMCOeTkm2vZireUWUPTF1CNze4jU6QV
eJHXErI2PyCY5zm5lRqu8aHGGLPyZSwkHShTpN/x2xYbYQdFA61U1VcZv4jVPNoUzIlOIjE7MNE6SPDV
+l9u2MhFZ2MzAzVKW0PfkTkolUEFakhKSfK3S+LVVVNUXFgc18BV9PjbDzomjM0S2HSVpdA1bb72uM
QkKRSGgSEw3iokjcbo8DtuMQSCooFZidvK6E4a9oqpslt1MxoSmkaVFSASrwv6npjXbRYmjdksxFaXEZFW
FTO0TmqouMlqoBSmiSkIS2Aq/6Q8fhig+CIblZE7in+Bxqz0y7rEl9wX1WW22Unb4dMQlkKcJZE6xuOueX
OpZtt1YbFv+XEZbElEsiXN8Z85LccClRwHDcAtN9z4X8MRu5NSYnpLPztmuqqu5JQkHfSnlpH4DEfKsGiD
jKTvz63LQApxrT46VoTf7QMLywCbhcg2/VtVy42drbvAWwglalwuRyG6m8uynWAT0u+ADgNoaEmEpXH
jVBppQMiMlPjd/8AxYTl2pwYeKMpTLlYQSxUYDwQrSrS6VWPlsMD5sGoRhrvWImY4rUZTyqpHSgLLR
7qr3BsRa17YkAJ3JzSAFtG4jQxJ0qkyAb2BDRsfxxJyT0YwnaLn+Gpsan5Vj1CWwf5cLybkAg6rlb2xOc48zs
6ZbaYU64FZmjru6kC9mXjbYm3xxt2xsR+WPJ+qfELT9tXgWJlPrjwK8xc+VISHiFcu573U7G/+XTHUoBQ
VXJLU6rlV2aXQ7mOWr93f8BicALIWWvJNSOAofOTBB35ifH1w7cpZfQI6FY1MfLkGG0jQNKVXKlW1d
44quFCSsUTWGTzQV+8VeK8m6VocQLXAB7xt/J92In5AgqeA1eHDdRH0aQ7/Q4zmpQ1JeUsqAF7fSp/nw1
9OVj+NyuwEmCU/GqrlzSGDcJuQd/XF5YkVqvRHse1P5oyvlFlxxPKmx5DQ67KDDbm/nsk/djRb0GJzzwp4
0XUroOGKIHeD4VXQjk4ISSkWBNtjufPpjAE50Ww03op+tL91OlaCEKuUarG9rYMqpc6VTa7mQOJ0AqB8
yRcdTY7YkDN6jL9xTS7mMpJvICUjYEIvp/HEgYmF6aarUETY7nMU0roAtC7BPhv/l9+JWtoUwnJN9Nmtp
CkOMpUfAhQt9lx1w9wOoTWnitKjOXGaCXG3EIH1tViFX+zbDo210TXuoFFKnPacSoc9G4P6J8/h/kMXWt
VN7lF61UEPrKUqSLEabgG/wAbHE7Rkq73hRPMkePKeCg6FkAaggHpfe/hiQFQvArqsJocIpHeYPwfI/kxHU
qUNZ8FJeFWWqx8w0txufDpbYhsHUuQSvdAtsnzxkmSM5FoIrkN3QsA6Cfl3UcGip39KuShZgejxWWkzX5
riQNbxbUEgeP23/5cU3Rgk5UWWZMQAK1UxoeY5UtxPLfWT0uAbYqviA1CtMmJ3p5j5inJaTZ0qQrcKJt/
LviExtU4ldTVbnODiVaVy0gDycG2GmEcEotB3lbt5lStIHviCT4rUDfCcl0JeW6UWvMwYe0CY0oePhh3I1Fa
JDPTesnN6hZPPbJHXSb2/HDeQThP0pSnOKUgAvKVYXuFXtiM2dS8ujU133psqTZeo9FpsD67YTk6apglO
5Jn6ultZ5iGQR1AF8KIyU7ld6CazT3GiVNMj4owhjdXJKJGlctdtXMEd3i1TpseShSxCZQoI6pKSUj/AIKU4y
FkaRGQVjbWQZAQpl2RZJk51U8wlDqH2yl9xX5gIvt6k2xTtg5tCrtkPOqF0nNiNtA6XrHppvY4xoV8hM8yr

NsTRHS64HfM2Wk/aMShlRVRlwBpVHOzZUZoqGlwJ6hJuSPhhmAFOxlGw8yOlAuh5P8AaG4+OI3QhSC
UpygZjfUdo0lQV/qZsRiIwDVSCUp3iVyUAjTFkqJ6EINiPuxC6Fu9SCQp2hVac0q7kSYAobEtK3+3FcxDcV
IHFPlIclz3U6IsvUbWsm9/hcXxAQNFI2tap+p6psWyvdpyVA2WlUdRTf7Ab4iKkB4pC/VZiHUpVGm9wm4
MRwAb+BKd9vXbChoSVKaJ859h90ch/uX2LK03v5bfbiQNqoySU1OV50kgRlBQB3Ug7gfZYYkDEaLROb
ZjS9CEPDV4AG344XkgUBxpQJOvNswubRbnrcNlJH3bffhREEF5SSfm2e6jS1KdjKCrHXG1pv8AHDhCN4
TDIeKZa3mqt0xN3ZAWyod1cZSbfcofzYmZAx2iY6VwUIzHxKqSHl8iorlovv39JSfIpvidtjG8KF1q4FQTNm
dqpWE6XXX1JG1lKJti3FZWtzCrSWknJRSbEdduvQrUT1IJucXA0gKmSCkZpjzpuW3Om+22DCUi2RRHX
kjZNzvvscNIKcACjmqG45a+m6d7DqcRmRwyUjYgUui0RxClWAAte19I+OIzKaKURBOdNoASkFaU/YSL
YrOkKnbGKKRUymstpuAdV7hV7Yqve4nNTsaNFIKTUHYaT33FEjbUdQTilLHVTjJSeDnd6IgAOOJB623
GKRs1U8PITvD4lLDYBeJH721/XED7GU8SpY1xPQsjU4oi+2IjY3J4lCNPFGxOl25vcBSiBgFk4hLyy3Z4qq
I75aSq3+mGxP3YcbECjlylMTicXnL81PTrqJ2+7DDYaaJwm4rMnie4FlEcOSFndISknfx/yGJGWEH0khmOg
W9NGZ81oUbPojFZsXSG/sA62xY5GFmmqTnuU1yPwzmRG1IkVQR9Y7xbtcfbiCZzXGoCmjiIFCntPBiPK
duuovEN3CCEi1uu3+XjhokI0CUwgpXG4SU9lwFyY+4b77gW/DC8qUoiCeoHDGkki7j6j12Vv+rAZHJ/Jhcm
+2eydGo3ZxyyuItxC15mbSpS1X2Md61vLfG4bFvJtj6/V9oWkbetpYWU+uPAry4zDNVOeaK1JIUk6lfo7n/Lb
HUmMAC5A6QuOarys2drMg9QF+foMPCzNnyiaiYqA3KbUB0UDe/rhSpJDVpCnuU5RCG23NKVJUo6tiL
WVa5O3jivI3esVjAdkn/LYcVObDaQgpJc6aQpIHS5v93XEL9M1LZyS7JLqbFUnhbmZxK0aFOOaQBck60bj
8d/TEbz8+wK9Zx+SvJ+NFX5goUwFqRupJIBJscX1iC+i7i7Ic/RRuH7zrKZLMWrpZcT5oeiPN7/AAJHUdRjT
r1jzlaMiR4EFdIuWWsUDjnQ+IIXYjQoS2QXKUtIO4Lbnn18caY5koNQ5bvVhGilDfZwotVpbb3PnstyEB6zb
lwLj91e/hjEuvKQOzpkrwsbCE11PsoUyKh1bVXqSHEsrWlLiG1pJCbjoQcWWXy/QtCiddjNQSueK1JXFhh9
LhCugG1gP+XGyxmuSwEtQCQorOzPLstBcQokX3bSR+rFrAzcoBI7RGQqo1IbGtbYKiNtITp264HMIOSVr
gdVrWY0xxlTbC9utySLC+1rdP5cPjLd6ZK11MkxOZYq0yE6ltUdRQNYuo2I8Tc+OJnStBzUIheW5KH1em1
b38s6GtatKSSpNzt6jpidr20VR7JK0TRVcq1WOpUhtxpKGCVWOykoMLxmNyaXag8p1R
CWrEnxw+gUWIqccPWktZOox5FiYDB+oN/ok+OJ4fzTeoCrTj512W8+KmlHW4oJSlhx1Q3CQofjt0wj6KR
tSpLSFKgOLU++w3qHRSjcfq3xWfnorMdRqU5PToDuhSS5a5B/OTz9iezOKIkVmmxyA01HJ1CdSWK
uAlW26Hcm5NMrAi15vQoWQyt49KSknu6ESFBa7m36RPS5MTVVs7zNvAA28f14lbC2iY6Q
8Vs5mZ/3b+upaiO8daz4+BO5HwwciOCTlDxTbMzm4HSPenlaLg2cIKfuAGHcgOCTlelIHs+oU6CZEk9QA
VFJT/P1/HDuQ4BN5fNEzM4B1I0vS1AdRzFdMPEITTLuqm9WawCQHndBAsrmKtt18sO5JN5bpRRzOsuk
KcW4hIBSCom5w4RZJhlSKdMblOAqZDiVG11IuQfHbriRrdyY5wrmkHzXCmPLvGSRfewKf1YdicN6QlhG
i2GUac+bNx7KVciyyB9m+HY3jVR4Gk5Lf8AJKKnb6VKkk3AdUCB9uFxlGELdvKTAtpVKT3blKlnp5jzG
Gl6e2Oq3GVmVjZUhBQnpzAP5MRE9ClaOlHx8vMoAsuV3hsObv8AdbDTQ6hOGW9LYVVCGkkuyQEnT3
XQf5Nv8WI3NbwUgcU6xcuNNMd557cWCrpI9fDELmAnRShxolzdBZDSf2S8Aev1d/ht5YidGDqE8P6VsnL
7a9kypJSk3PeAt+GI+TaNQpC4rZiipWqyZMgqB6KcCR+oYaYhwTg5KFZYQh48uRIsn9J4A3+NsRYOhPCc
GsnsOLSfeale2mwcA8OosMQEUT6b04wcqw0OhpcioKIKQpJcRubXte2I3tPBOAG9SKl5Mix4jbjjcnvqSLFa
Vpsd7mySB0PXFck1UwYN6klCpLDZSGXlsIQjVpS2ja46Ei3+Rww1TwApJTKZ3UqfeeQjlm9pA75/kPSw/X
iEqQN4pSxGjodv84ud7cBKtak+FiNNxv1uPhfB2J4puKwzOeee/rh8IA1Ju8QVDp4jpfARRJXpTlBfC9veFI2u
CXbkC3oMJQnclxb6p1izLL3mOeh5m1vXbBhJ3JofmuZPa1VTKlP7PlHRm2oFbD9ZtDaHfWpwMOXWAm
xskEXI/TA6kY2vY8S/K3GIfo594WpbZug+RtFoOWLLroV5hzqLwxqq0ph1yXBS3dK+Y+4krNhYpCgduu3rj
p4faAMwuWujs5NW+sJmTwjyM80yv8sI5fULv3fSBf9yCkn78P5WT6qfWjQKj1pQjgjkR55pbeeWEMhwBw
uOtBaEX6gAG59NsR/KJAPRU4DCfSFO1SSlcA8mq1qTxEjpcbUeWkPRiFp8zfYfDfEDrXN9RPbYbKTm4d
6lEvgfkqBSZbn9FpkIDRKGg3FKnendsLnr5X2xUFqnLgOS8Vc/B9iaw/OhS3KHZR4YyclQRVOLDkSm1JX
PVzn2IyHAU98thaLqs4LXNgQL2GKst5WoSHDDUjrKuRXRYHRNxWijTnqB4hOkXstdnOI8pE7jDFUhtrQ
0I89ta17k3XoYP/BOGG87xNMMPq+9DbjucE47Rluz8clenA7hPwxy/kye9kCbmnMc9pTUcTnHJCojaLBZK
UqQlJNgUiydQ38Nzhbda7S94FoAaOGVVsd2WGxxRl1lLnbqmtOzQKW0Wa7EcdRIkvN2tp1K6fYcUpWg5
hZVjiNUsn8Wszw22YzFbmoR0ZbSpNyOgsLXOKJsFmJxFgVn5XOBQOREvPOZ6vTUBVWriJOstOJVpSl
XoASL+u2In2aBp5rQpWyzEc4lQ+tZXrKGJA+Zn1awAknYJB66bEi/24nZKKjNRPOYooXmqk1OnFvnRJsd
tvut6mVIQogX06iLG/TrYjFyN1cwVVe2mSb4eao8WKpCo2rSo2LqdISL3te2/XFttTvVYKej1KNOeBILab
WJ1XHhva+218DiWpWtDtyMqlTpyGyA7pbFkOXBOoW26evnSBUuBpSihKiLJ
ItYWGL4bRixpfWXNbZxfXSKPMUwFtqeBbUOuq/X4dMIwVKfM7C00VVrnPlZ7rvXyGLeSxhd0FXLw8la
Ml0UMsd4QI+ouLBv9En4/qw+IfNtrwHgklPzjsI3nxUgXVZiNIQp0ov3glNvut+vD8ISYnDRGipLTJAVFLwv

dRCSpQ+8fHCUGtUhca6I92UhzctJSOoDjQSPS58sNAKdVJDmeNS3VqDMVaxsAkAkbdbDDiwuyTeVa3Oi
SVHiLKCtSG2FIG4JshNvH1GFbAE11pOqKPEBSGyophovbcyCSb+lgNsLyO5N+U9XejJXEluOtPNnsNpO
wSkEb+l9/HCCAnclNqAObkiqHEBpMdS11WyNwAQQBhwg4BMdah9ZReq8VY75DMWUp9y/wBcmyT9t
8TCA6kKE2ppyBTFWKxPrDRIqLIJ+qhO6T8TfEga0blEXE/pLMXJUenwFSajNaedOwQk33+N8RvkOjQpm
xilSUzVuPGmuJZ57KD1uRYdOm2IHA6qw1wHNqotUGuQo6X29r9CcWI3KvJXcUsyfml+kVJBRLQ0QbYl
ewOGijZIWu1V35ZqsOssNumpRW3CL6QuxHw88Y2QFuVFlGODhqnhUuLzCkTErNtyEgFPqN8RZ8FIKV
1TlT/cy4245UmCUgEr0X8R4X8sQuB0opm01qnbnRwsuIn60oBUpRbtsfW/TbEdDwUocNapYwIU9aFfOrDa
2rX7wtY+e+2/jiE4huUjaHenmiU6A7IQpWYGmLjVcAX8hpClWN8QyF31VPGG/WUpaojSpyVx8wx2rJBJc
bRpQBvpO53H43xVJyzarYGdQUspsFhxz6XNVJbCSoaRT9Y1HrfvnqfPfobYjcSP0D3p4of0gmyZEQ43y/n6l
uoLulpfLWnX6gXvsfU9MPbX6qYftBIpFJSHxzK9RzdOpXIeVqAG3Qmx29cSg5eiVGRn6QSIRoUh1XKqbT
xUQSgpKbJ6XtqPjgOLeEc06FEs0dlx1RdqsAo6FAsAkfAnrhangkDRXMofMcRyYphNTgK1eBOkj7BhQXUr
RNwt0qt0UmI2hTaJcbUoW6hQI/3XXBU6kJwAAojYWW4shQ/pjEbCN+8QP5cLiIGiaGAnVKTlaOlBDVTp
ylavCxOGhx4J5aNxCRroUeOpQFUhrUfzCFbb/HDw48FHgHFHQ6NHCwPnGAkLsAOouPIG/wCOBzjwQ1
orqlRyu0oEidTiB3ikbqUB1H+XTDOUPBScmClCKdEcaQhVQihOqydItf7zhhLuCkAGlUsRSoSiP6Y01QGw
IJG3ww2p4FLhHFHLpUaGLKm06wVurVf7PP8AXhlSdxT6N4rIg05Y0iZDAVuCbjbzBvvhpD9aJwwDenKN
RGeWVJnQSgC4CyTt5nwxESRuKkDRxShmgxrrWZ1PRcjYnSfuvhpe7gU4MbxSg5UYkArRWKb0uopULgf
fv/LiMyHe0qTA3inGLkyMGLoqDDqn9k6mwftAv1xC6V2lE9sY4rZWTYX7WmowtKSCsLAJBv1T3rfZfEZ
c7WhTw1vFO9MyJT1rKhV2UlKSQUFI6+BF+gsemIHSP4KYMbxTnL4eQ0I0Nz4C33E6i2mQ2kEEXBWsk
JB+PXfEPKv1onmNqcKVkqol3m+4w3EhQbUhFTiAp7t9klzY7XNhYD1xG+QUp7CntaRoE50zJi5dWWl6N
GajoUGnOfNjkNg9Fag59XcWsN7dcRudlknBtVNf6CbDqitutUiQ6ohennNqKx+iCV9LDw6Yi5U8E8MFdUk
qvDBa6lIKs109SXVHQG09wnxSFBZ6dOvUdBhweANEFueqOPC1ZZbjsV2As3JKlL03T67nAZN9EcmOKP
Z4ZiKvV88wwlOx1kG+99lX3+wYXleISFqXK4XOKVqTVIepX5qlWI9LXscAm6EmFeNHthM2V1XbHzJQ
ZlWkT6ZQy03AjuK1NREuMNrUlsdEgqJJ8zjrWykUYsDJWtoTWp45lcd2tle+83RSOJa2lBwqFyFIeUXOg3x
smKiw7GiiKLir9cMqpKBZCynpvhQaJtFnXcjbC1KSiVw5K21pKFLQpI2KTYjDSQVG4UzCc4anXQjU48Up
FgNeyfhiNQuNMlIsvZyl5cltLStTyWSCEuKuk/ZbEL4muBCfFaHsIcNy7z4F+2mzVljhrTch0bKHDOi09fLY
WpjLwecdJNi44464tS3CTfWTcG1rDbGr2rZ2IvdK8knpPhktzsO07zhiAA6tF3+ugUea3qfgm6kiy1AlXTfGgY
n7iuklrTqE1Tcg5fffS6Yjbi0myVOJ7ybeHww4SSaVScm07k3zcm0qQVKXEjLUfztOojElXU1RyQqotW+Hjh
bvFYjK7x0khaLjw3ucSNkG9RvjO5Q+qZHrpdLS4CSAra0wkJ+AULXxbEsfH1KsY37wkisg1RUZail1hz6tlcp
1Lg8un68HLNqjknUTLMoeaaVEU3HaicoEqKfdm0A3Fj+aAbiwPwGJgYCau9qiImAo1RusQq86k8zLlNkhf1
tTTen8PHFhnJbnkKA8pvYFCsy5UZfV38stNOC99IUg+m4t/Liwx5H6ahfG0/oKB5ky88pCkCM40jcBKpSlA
Hysofy4uxycCqUsPQmEZHkW/rNr78S8qo/k54IjJeaYzOTKRpiyFaYTN1rfCEmzabm3lfGXgjPJN6h4LWrRa
GiV2W87+lKp/EqKxEaWHNJcB0IS8q+x8QAB+vE7YCSq77cwNBBSeZxQcYjgpkPJQrYqQ+LD4hG/3nww
os9Too33hQa+v3JEniSZbb6ueJK0HSkhZBv4E6gq4+BHQ4eYKUCg+XYq0NfjtRLua3VxVcx9l0A2DSHVay
P3tvMePlheTAKQ2p1MymqpZsCAlnlvFxdtIUlSEo3PWw88SNj3qvJaKZLPvaHmA4XVIABOnSXN97Cw3P
TrgIokDgRWqIl5objxxcONqH1EqaUD8OhODBVO5agTRMzM5VUhl1TjQWblB6n0/wAeHiOmYTXTl2RRk
FLKRzCuRpuL6Ejb0tb8b4aaobIwZ1KkQrESkpCWXx9Im11uEKSNtvEYjwE6qwbQG6FJplU9/sqQ+pooJ7v
M5gA+wYY5lNApI5q5uNEzvyUvr1Jc3V3k7jcYhLSrbJQQm2tRSt8kFRC9x3SDgYpXOqE0aFNvg95CvG6d
xiy3RVXHNSmg10oSnQ+ptafqlINh9uIJGqzG4cVM6BmpMxvS4tJcRYKCrJ++/X8MVXNVtrwVImKx70pK
G7nQndIVdIH2fy4ZhUmPgl8Outob+jWbKVYt6tQt69cRuYntkCWs155Dyg02nlhd7paVpXtsLEf5bYjMY3qU
SHcn6i1xD5Dkh5UVlsEnVGHhfxt6eV/LEL2cFPG8alKlZnnzSrkCOI6BcPNglITuOosArbw+7DOSaFIZXHR
PFPqyGoanJKlSC+q7YYZQCSPBRG4PpY9PDETm55KRrsqlIp81LRu/BU8pdnEh4hxKT6W2B+2+HBnAprp
KahGQamuTrdUwhpSE21ocStCQRvqvsB6DfCGOmSVslUncqaExnFNJaLa1aVLbuoq+O3+V8LhNc0Y0ZCq
pnRnHIgYcSglKntJsCPO46geX34TBTVLylfRSdl59ToAUyspChcR7pUbHe6gLdcOwhNDjVKWKxyxZ1xlsn
uk7abdBew2w0s4J4k4rEaqqeOtTdJSsIJIQQdY33JV0P2YMHWkD89y3gVXnQwWWooNgd3dQPodI2+z7tsL
g4pOU4JVS6lB5xLs+Iw4BqKbKVpve+/W34Ya5jtwTmSN1JR8fMTMZtxCX0p0kpSkxCAfSxG+AxHUoEo
G9FqzYlatLjqVBw6VIW0E6/KyhuB19emE5IpxnCXt1+JoQh+LrQE7Wv9GSBv43v6/8jTGdxT+VG8IuHmqC
p5xaqdKcYG4sS2QfU2N/iBhDE7ihszd4ShnMtIVIdbESeleywrZSU+h2/E4TkX0zKXl2A5AreLXPe72uixUF6
nE7DwFvG/8AlbCGOiUS4kpYzQpp5J5TqCSSgpF9NhuCACPt3wwxVT+VojY9dlk8xUdZSpWolpdtfxNrdPs
w10YGSe2RxzonIV5NQjBSClCr25KnASj1KR+vxxCYqFSiSoW0nMxQwhlclgBsggI+k1W+2/xw0Q7wE/leJ
SqLmUSHlLkpZbWhAslDhsq97XSBf7DfEbouCe2Qb0sg56QGm0PstSAnSlOh/e99wLJB26jyxE6zV0UgnopX
Arvv0cLCZCjJUNQdVy3EnoVJWsHvW8b2tt44qGEg0KsCQEVTrS6yqnOPc5UohepLfLbSvljxOw1G9wD4b
nET4q6KVr+KfIea005CHnJiIvP0rLD7KHhbbSA2tQvfpuLDbfFcw1NAFLylM07wsypM9lLaFNpkEKS6iKSj
6oOj1IJuVXsn1w3kaJcYJWgzhHp8cOGfHlBwqSuzKS4ySRdQCUkiw/OIF/DC8gSdEGQBbPcQqaXlLbcVJU
Vd3Ug6xp20m10/Zv6kdMAsrt+SQyt3KS0uvyA0297t+x7fXICtRV028/QDERYBlVSB1U7OVt5JCfdY7gsUI
+kSnpvq6j7zbAGCmqCV45+1hgmf2z84SAk2ecYIPhcRmgcdX2YNLvY3r8SuM7X829Hv408FyjLgkLPXrjY
HLERSgogxSR4YbQqbGspig9Qf58Ooml5WRGIv5jAUYkbFa3vbERPFNeU+woig2nTbfriJzqKHM6LaQwtL

mlQUPA28cNYUOGHKilPCWIF57pIPjLa2/txhtpyid1KSwAm0s6wvoIjUqciM0tNiop3+jI1Ap6WG3ljipIqu/U
SNykOrdQkqIKjZOpuxVt+P8mCo1QkL9KebCUjkknZPdBJv6W3OFxISGosFlKUrZCEr6qDd7kfdbCgE6JCQ
NU26FOLLim0lATqKuRsB8cS0GiMtU1yGGnn1/RIVyyASWQEEE/D8cPQKFIZLMKS6UrKkEHa8cdR5/w
A3jgBO5NBbWibqhSKcW1FQjhCrg3hJ7o872ud8S4nbkhY3UqP1XKdIOrmykXPRTMVAuLX6HD2yP3JhY
2qjGYOH1HajpWJC9R2sGEW+62JmTvTHws1UOcynTA4oc6Kd/wDSEYl+UOUfINXnPl6quP02KUKWUN
soBGpQKgEjYW89/DHUrMwCFnUPBcKtbybTJQ/pO8SnyFUVFm7KiwtwWIKr3uOp1GwH2eGJC3PNQh+
WWXx0pV8+rpcBlCkhfLH1lEEA28FJuDb1wzBUqXlS1oBWjVZdXGKChK0qNzzbatzuARv9nrhcArkmiQk
UWKaVS5bi+X9GO8g6kg38tycI7IURHUkmmSOczeplwGSi6U3QEtrJ0nw6dcJyfBSibPnJDPr78h5a9aUtE7at
Y0+RO25woZTJDpM6o2FIS5EUG1NOFHVSl6FfAagMIWmuaUTDDQfHeldOn+7MFwsWWn6q0gOaR0B
O++/Xrhrm9KRsppWiUKqytCnlxpCVEhPMSQQTa1wgAeZ64TBuqnGXfT46kqK3JbelKnUNJA1gt3WCdyo
EYYMlLm4UGi2kIfQyUN60KWvQguFIUf3W9/xw00UzA7ckbjTkRkpWlSlJVYAqum/nv/JiN3QrUYcBms1
KG66pLpQULIsFdQfK2/riJpCtFp1TbNh8oDUFKKiSbpuCfv64mCj01SBhPJfTpQpW990kD8MK8IY5Sumxl
S1tvNhEeSgXQFAnmHyuTiqRTVW61z3p+p2Y48ndxKmXxcOIF9N/QbbX9MMLKJzXgp1oFTFRKmkakrd
PfKlbX9D4fDETxRTxmuSkNOCYzHOQmQhpFiVBJUD0O2233/rxGRuUwyFVKm8yORAl1mSpAJCto6kE
G2yjYG1r7m5+G2IDHXIqwJKaJQ9PVNKFKDEtLrgKlyVthu5271yT08gL4bhponl9U4S5ZpQK2ZdPQo6eaA
8nl2H7kJ9etj8MRhldQnl+HQpFOnMuPKRJTTtbgCgqPzEtgAdLkDc+P/Lh4bQZJpdX0kkfnRI7GlmKzp1FPN
bcVpTcjayvGx8PsGFDSdSmFwCzCkxAgMkCS6O+AH3kki31SegHTofHAWlODh1963VmpSmlNR6Wpktq2
Ul9TqQB6lQJ+ItfCclvJSmXgEiqlcluKaakwV3aupClOrBtfrpK+nrbDgwbimOkOhCS+8IEcpaQ4FIV31IKiBe+
3lbp18cOITQ7gj4EnlPoC30AX7ynErSUHzuNtv8ALrhC3gla7cipkphlhSkKbJSSkLS7q1b9fA/8uFa01SOcKI6
E77+U8gOJUhOtRUFq28ut9jfph5FMimh1dFgqHzvYtlQVcJW82pu4+83Hh47YTclrzkfIZSE/SJdQwVEHUkp
QVAX2N7eXhhuuidvWYDy9f0bmu/10FRRpB2JHSwB8L4QjilDuCcWOS8RcpCwSLnV3uovfx28cRmqkBB
RiCWHylK2n3HTblJcBSodSCQAcGqM6pXTYdnm1FphltQI5j6VJQbb28j4YY52Ska3NL3agp9KU3Q8UnlrD
bKQFWI2FiNxb474jDKZqXlK5J3gUpiqU0ONtojusoUCLiybenTx8vtxC5xBoVM1oIyyRUVhKY7iFqmuqaUl
JIKQE3H1rDonbrucI7oSt6UuptOehuJeeVKdckJBa0i7jium5Nzb16b4ie6uQUzG01Tw3S2/fQ4+QzICUlCluo5
mx6JUT19LXAxCHGlBopsGdSnKLBcjvvha1cxSgsrUVPBCx0uCLKBJ8BiNxG5PaM08QnJzwfUEJeXEVzit
KENhIA3KkKB238BceGK7gAetTtJonujobNPiGQ+zGbWkuKkKcV3DfV9YJHMO+xTe3nYYheOcaKZpFAn
dtooaak+5tutrCizIVHAQ2nclbhKiVKIIAAUdvEHENK5VUnStqNPn+8MNtuMGKwFqeSZIaWzYmytQChqO
3Tcjrhzo2kdKa15rRO1AqjjoimFGUtP0gcQh0czdRurWUJusn1J8+lsRmMZ1KeHcEdHcTOJKWVQZJWpHM
kLQGG7HYuAJAuPiL3GAjpqgFOWXlOyhzC4hx1SiVKZdCtZAt+b3RuB12xG5oCc1xOafFrXAghC1oWtSL
hClbOEm3eA3tt1O/Te2GBoJTsRC8pe3vX/nTtUZ1kuht5SJEhmxGoA8rlAj971HwGOoXAwNscber3rj21UmK
3PPCvhRcsVCPreIIAF/sxsBWtxuACTGEkDoMR6KcSrT3cBQ/EWwlU7Fkh7uCLWt8BhSUYijIMIOOpBuQ
fTfERTy9XZljKcCFlrLU0NNrXPaeD6S0d1Ic0jfoSUkHbpjDyzOL3t4LYbJZmCON9NQfFR3iPSGWJuttpKA
r81OwxLZnOOqrXjGwZgInh/EVCzJCfTcct5Cxb0IxbmdVpCx9kbSVrhxX0IZQkIruUKNII1e9wWnNJUqwSp
tJ8N9738scXkaQ9w4Fd3Y4FoJKUJQHFttcvnKSCNYdudtr96xJHphNyXENEhmyWW1hZWgFd7hbyCrUPS/
8324TDVLiCaVx3amdCY+pok2W5cnfqPT0va+HA0QQjnsvsoYCW2nC6pATdtJCyQTdNjsPPvfZgBNUlU3L
y8w7EStQcDeopSXHSCV9AkWvv19NhhTVFQm9zJUUR1OMoUzpVpDjzpTZZI7ne6323t44TGa5paJjnZfjw
NfvTaXFJKklFwu48BdIBJxJjJ0SdajeZMnpZ1PBlpoAhL3cJLQP1bj+U4e2TckIUBzNQS226h9FkJO5DhAF90
lVx1tixG8blC4KHqjtpURpcNjbZBt+rFrlFF2Lyuo0ptiCylb7tlNgqRr7t7C3rt16Y67Za8gzqHgFwO3fSJPtHxK
WmrIDKT9IHU3sUvAgbdSNO/2kYnoqoolTecqhTFNpclOICU3SnllQ28dwR18L4YYmHcniWQaFOsDOTkR
RXIMnmLAKW2o/MTv47q2JviMwg5BSMlIOawnOk+S4rmPK5X1dfLAVbpcKsOn8+DkWjQJBaHk5ld3+y
ZgZJyf2J+1ZxQzRw6yJxKqfDmBSahSWMzQESmGyr3oLQFEEtpVZJOg76R5Y1e/TI61QwtcWh2WR6Vuez
DY22S0SvYHFpyqAd2i27ZGXeGvak9lTQu0ZQeGGWeEedadnY5PlQsuHl0mvx9BVzUtWAKkbEKAKgW3
kqKhbSXcZrPeJsbnl7aV6sq/xRezbPa7rFvbGGOBp17qbq9HUuQeyt2bc99tTi6jI3DqnM1TMjkGRUG23prMJs
ssFAWStyyQRzE7dTc+WNgt1thsjA+XQmnFavdl22i3PMcNKgVOdMu5PPDLsq8Q+KPacVwhodCTP4gtz5d
Jl0iXIS0mI9GDhfClnSgJSGlkqJsdrdRiGW3QMs4tJ9E0pTpUsV2Wh9rNjaOeK1roKKVMdgbi3l7jfxHyO3QIj
OaOFdBdzFmaKisMhqHCabaeW4lxKwHSEPNkISSd/TEDr1s5hZKa0caDLerTLmtbLRJC2lWCpzyoUg4ScA
M+dofhDnbOeXcvoqGWeHMBFSzBUFSksNw27KVpSVK1OL0IKtCdwLX6i5abVDZ5WxPPOdoKJLJZLRa
4HTsAwt1JNOnLsVm8AfZk8a+PuRqBmjK2S4kvKVcaluR6rKrkZmIwI7wYdLq1qHLJcNkpIJWEqIBCScUr
Tetnie6N5NR0LLWC5rVJE2SNowu6VW/aT7J/Ebsp8V2sk5yypUaRmWY225DiIdRNTUkuKLba4ymrh0KW
CgBN1atikGwxJBbYZ4zK05DXdTrUdosVos8wic3M6Z1r1K1+Ifsnu0LwW4R1LN+Y8kx/mqkQ0z6pFj1iNM
qFIYUAQ4/GQorQkC6iRfSEqKrBJtRjvWyvkDASOmiyrrqtkbC9wB6K5rn2m5ZlZsqEGDASlUuqS2oUVi2k
OOuuJbQNYukArUNzsL79MZUvDGlztBmsY1hkcGt35d/Sunv8AmA3ai97KfyHy7zLlIT+VUAm59NYOMab
+smlT3fesk24LXrQd/wByrLg37P3jPxkzbnylZWyeK3VeGdUao9fhxJrJeiyHJLkcJa1KAdTracutJ0pQkqJAxJP
eNnjY1zq0cKjJRwXbaZHuDaVaaHNP3aZ9nfxY7I+WIGZc75bi06j1OUYepxKixUoqZAv9A6thRDayQoA
KsFFBANxbEFnvGGY4GaqxPdssIxvpRSjs7ezU439ojhxEzLl7J0Q5eqyn1Zinf0Oq7kERUuBuwPSKBTuwPe2Sd
CtJOIZ7ygjfhJNVZgu6d7MQAoo8nhPnTLnFRnh9KojzWcnKnHoyqRPVyHW5Ly0obQq7gSkHmIVrBKbS

q5BviTlozHy25RGKQScidV0dxB7A/HfgNw/rWaMx5dpUDL1BYD091FcjPmG0CElWhLqlG1+gBO2KDbZ
BI4NFanoWRdZZ2NLnUootwx7CvFbtEZaOaci0OnzotRnLp7E2bV40Fmc60Sl5DLTrgcXpsRuNiFbbXw+S2x
RuwPrko2WOWQcoymahUPspcQM78RZeRYVKQM5UJMl6bDfW3HVC92b5jwVzO4SEkEaFWVqBF8Sm2
RMZyu4qP5JK53JjUKO8LeClf4o0rM0ql5fiVBGU6Q5mOpuonNxkMU5u2t7QT3jdQOhHeNjYYkmtDI6VOu
Sihge/FQDLpU24I9jPij2r6HNq+S6FFk0GiPmM/Up8tuFCbWEg6Euv21LOpHdRfTrTqKbjEU1rigOF+qlhs0s
wxM0+OhRnjjwfzl2bc9SMo5zy5OodajsolvIUoLYcZWbJcQtIUh1JKSNSVGxChsoEYkgmjmbiYU2aN8TsDh
7lApUhmM3zGA8ptB7ulStJGxubW8B4fy4sNB3qs5wGiMp+Y33oTrsOcr3UAFSi19CLkC2o72sbbnxwGOhz
CBJUVackfWFGC208BKUxLITqKEkKN/0iVHa4PS/jhGiuSc91M+KKk1JbjamoCOa/IIbKw6laT1uLC1tvCx8
cKG8U0vOjU60JMeLAbacFRiOPlShcptqNtikE2G/Xr0v4Ya8GtRmnsIpTRGzKRKhutH3MzSEhSFJcbBUCS
DtYm/qRsBhA4HfRKWkbqpXTJ1MQlSG4XPkkH6EobG4+sNS7W3tsB+vCFjjmSla9o3VTnJYckUpLaaYYy
VrRqSsJWtxA8xe1z9vhfEOh1U9at0Wj7Zo8W5iFTAIF1s2J9Dp2t038MKOdvSHmjRHUmfTnX3UPRYzR2N
4JLoa3I33va3UE4Y5rtQe9PY5u8dyfEopbcNt5rnDwGuMQF+AuNRI+/wGIefWhU4LKVWXTJkKWuKgOp
WmziUC4BHgpJFioefl59MADQM0VcdEZR2m4jSUSKaqQsA63EjWF7bC5Kd/ssfPDX13FOYANQkGZ66M
qUWTMNG96kMFIjxm9Ti3FX7oQOnQ3IB6A3G2HRx43AYqJk0vJsLsNehO1LbkwqWw5UfmtiWe87oBabJ
1GxaCje3Qm6dQOIntBJDa0+NVPG4gAvpX40UipM+KV85chSVvJATIZk6FJ28PAn4gXxWew6UVlsg1JRU
kwold73v7zxTZHu5VzXEk7lQv0+GrCgOpuQXDFmpGqFzo0dxECdLigBbTwWrVf9EFJTtfzuPPyxXrmc6H4
61NTIUC21SFROQ26/S3i8W0OyC4G3EWNx3epA2APXbDS0A1pVOqTlohQKbURNmGPWXlqJUl1UlK0o
URYm9laUosobKsfTfdkhaQOansxA6pXAzK/U6optiRIXLWmy7yA7GOgEpSU90G29r6gb9bYaYQ1tSMvWl
EpJoDmnDLmY403MDcqsFKksKCUBa0BpaUjvISkrPXpqSAbbA4Y+NwbRie14LquW03i0wpB5NEaZjuOF
qOG5xXpQNr6HFqOrbcED8BhRYydXepIbUBoPWnXJ+cV0tIkchbs2Q57qy2oIsoE7eAK1DfqR6264ZJBU03
JzJcq704Iz0KKibGTOZiv01KQEuOnlBagPr7DT5W2HhfEZhLqGlaqTlQARXRa0/M701KffXmnozYU85ygy
VM9TuUXSlJte56+OFdF9X2prZM8yvLDtX1ZVb4yZpmIUVNvznlggCxBWbdPTyx0y62YYGN6FxzaCQvt
UjhxVKyWlLdVa5tjLE0WCboieQTbr92GkVzT8SC6cptYBTe4B+/fDU4vKw7AUSB3hfwItfARXJAel1Pobi4
xeQUqS3ur9yLgXP2kDEbqDJSMJdmFblBp8t7KuXI4QD7qp4ED611qBOry6bD44wsgHKPPFbbZq8jG3gm7
PlHdEga21FVt9jtviWzkKvb2nRIMnU11ytMhKVfXFh1I38sWJXDCVQssZLx1r2q7PfHilOcPaRRXpL0efBo
UabJU+yptt5vl90NrsUuWCSCkb7dMcvtlieJHPpkSQuv2a1McwMJzACmKc/ip1wU5iotQqk6wiUqE+08hSGF
gELKdCClJB6bG+1sVjDRuIjLirAlaThBzUe4gcW6fw4cVOnzVqjNO8ptxERTiJFgorKyEgJSlAUo969repxLD
ZXS5MHrTJbQyPN2iU8POIMHP8Q1HupDCCX31kvNpcCiOTYJtawG5SNj1OGzWYs5qdHMHioRkTMVV
1X9zd5EglxEllS9DISnYpA0gIOx3uNjbEbo28VIHnVNVQ4gyYkJ16qwYbrMhyzTjU0LTYXJcGtKrDSCSEi
w89wC5sAOTT6kx0x1KWOolxUxZsinKK3XUpQ4oobUpq17EobNkhRB0pUb+IGIsIFQCpcR1TIKs1FMmR
THY82Kl1YYkNzktNlZJSUlSW++0hfilW5uL32xI6PMBwp2fekEmWSheQ+0PTs3UeM3LmOwql+0VdtCAp
qnPm+lCHFpCdK0gLBCjqBvp6gS2mwvjdUCo3dIUNmtrHih139BTpmE++U6VJfjx33Ty1PISlamEtqA0qbcD
SUrdtckWAsRvfELBQgBWScs0xOVKoNOKSzTKSWUmyPpyO74badtsThg4qLE5eLkGO+iltHQ4GtCe9pU
ADbx1W6+nljs9lpyLOoeAXAbfT5RIT9Z3ilT0duM2kJbhrW/3Q46FEp6+ANr4lJJVcEDLVasrZYd5TjDjj4J+
kCynb0HXf7cOFTvTDSiMdqUluSwqK8UC+iyX16k+twQf5MJhFMwnBwBJzSinyZ8ZahIWtYJAUFPrNyfT
VYn78NIaU4uIyrkvSn2MHGSqdnj2eXbOzlQ2KM9VstUyjS4zVRh+9Q1LAmAB1pZSFixNxcDpjT7/iEtsgjca
A5etb1sxM6Kw2iVoqW59dAnHto8WZ3tKfY7R+NuccunJ9e4U5wGXadFo770egV+JJLKVPsRVKU2l1C3g
OYgqN2HE6rKKUR2CEWK9Pk8TsQcMzvG/wBifekxvC5japm4S05AE0OdPaqp+T21F7KfbznVWClHv0Th/
mKSxqHVaER1JuN9tQHmMW9qjWCMfzvYqWxWVol+z7V3JU6NS+Eebs49uTL7FJaa4s5Ey21lkagXGa9
WH2IcyyT+e2hppR23Ljvkca46SV8TbAf0S49w/j6ltjYYY53XkM8bWjpzP8PWklH4c1biH7ZPty0mkMJnVT
MnCebSqdFCktl992DTG20FR6alqAudhixJIG3fZydziVVjiLr0tIG9jR6kzUGu5f4Cdi/tI9m7JLtPqdL4T8KZMr
NFbaQFOVzM76lJmkL2+jYCEspB6aNN/o7lrzJNaI7ZL+m7IdAI+PWnMEUFkmsMH+7YanpINfjsXO/aKre
YqF7B7s4Qozk6PlOo5rrzNbAuIzjwly1RUPW2V3g6pKVd0qQD1SMZaztjde02LXd6vYsFaXSsuKAMqBv7z
7V0v2bvdsy0H2bc3iC87Lrfv1e9wky1AynYqW1/NpUXO+W7iJpJ8kEb2xhbTk+0CH0cvEfetjsYrHZTaM30N
OPo+6iiGWe0r2e+yB2+uJOa6jD7T9Y4gVaZWKTmWkVl2hriVJLq1F1JaStt1TCEoStq5slsIP1cO+SWmWzN
zZgGm7vNNeKaLZZYbU/J5eciNe4V04dC85+CUZcPjxkpLUd1EVOZ6WGkBaVctHvrATffwTttfz3xtVpFLK
/Ec8J8FqVjr8rZhGWIeK7M4r+8n5TJF5ayGU8T6XrGoi490jfZjCxBv4IJpnn+8s7K5/4aAByy/dVi8Cqvm6iZL
9p1KyYmcMwM1d7kKi61PJYM6qCQprTuFhjnEaehAO1sUpww/JRJpTPvWQs5kra8Gtcu7cqa7ErlSqXsf+1/
HnSHZOTGI9JVR0PFZYZq5eP9bEd3UQIpXpN7lBV13sW8NFtiwZHo+OtQ2AONjlD8x0/HV2p+9uHXa1Q
+P/C6FSpUyPkOlcPaVKyP7pItFbSEqC5DH1dL4UlgakEr0pZ3FwMNudkTo3mSla514J18ulEjBHWlMqcV0B
xtyJUM9+1K7JPzvGiSM+yMsZdqWcUPrcEkyYpekrcWBYa0pZcKrjolIO1sUoXhtkmFcq5fHUrs0Zda4jlWmf
x1qr+BfFuj8TMhduPMjciDKptQpLtSUGZR3Zcq8paVFekKAUmxCgD6Ymmgcw2doGeXsUENpa9todWoFf
ata5wG4TcIMj8Jp3E+bxUzRnriDTGc0UKh5cq7MKFRIj74U0ltx5JWuQta06uXpJUTsnYqbysshk5MANGpIz
PxRP5KJgjMpJcaUzPxvXQapcN35QFxPZqD6jFZyvICmWAnnJaNCgKcKbqsCbm102vbfbFWpNhH2lay+W
nP9H2qtuyJUuAcngtx9XwtTxONXTwoqXviczqphYMQJRsPdO9zNWjr3SNXjia1NtIdHy9KVyp2KGyvsxa/k
K1pn61Eu1bKbpXsyuzUxCQgZPntVSRVCGkpjLrIeGouoI0KcF5WgOA7AkC4uJrK0OtcmLXco7S7DZWYd

E2ds6pzcwezt7MFRzApUuvvOVqPTpExSzNk0ZtxIY1nulQ0hjQehSUEXuSX2IAWmQM0+PvUdtcfk0Zfr06r
lj32Eutco0VoMOEcxIhOpC1dLiyhqG1iQCP5MuGHDWvrWIMgLqYcuop0qVEmwaSt2OJFMj253KS4lAtcA
XSsFXT9IEeowxpBNDmpXNcBVuQTZDmxHWrqZbQlY7in13Kdt7tpCUp33B8LnphxaVG143/HYnKhsCe2
WQwl7QE2W7HLTei3grSFXHhYnwscNflmnx0dlRGxK3LolWehoZqUrlpBuxdwJ2sFW069JuPC2w64TACKl
O5QtOGhK2ezDQmqdHlP1B4SSVIcTKirkNtqAIOo6BaxJ3IPXCYH1oAkMkeEOJTll5uJUmn1R23JcqSlIaSa
e2hp8WsBzB9awBISmxIw15IOfipGUNSBmej2p/y9BmMU8srKW5TKu8HlhTTCb7aW7333IURvexxBJQmo
0VmKobQ6rWpKkuOltiqUuStpSW3RHQ2041cXF++m3jsbnbAAN4KVzicmkFKTNYXIZipmMPVAbNtrHL
cUpP1rHSq9v5t8MLSM6ZJ2IVwk5pCKw83UkR50yGlLyloaDa0uX0i6gq19xufq32w7AKVATeUINHFGo4x
5bhUR2Wa5RZsxm12WpCWyEjTcp1BJWAkj7OvTCGySl1MJoj5dAG4sQqOlNuZ+1bkqFlma1Dr0d2XB+lc
aLSHuYkWu0lVuWSb2BBNj12viVl2Tl4Lm5H461DJfVlDCGvzHxTgqOY7fLM7M8qUzRpXuSW0pjsOuhTi
ndwtR0BJTqRZJIJtY26kYyn4GOChdmsEdogHk4TTd8ZapXnnt/wAeKytmkUCOXWXm1t6m3NK202KwNR
JFzqG6bgHre5wkVyk5vcnzbSA5Rs3pxy97RCHT6JTfeMsrTU37oeSqOkBlJVZN1Aa1BQubBQG1vXETrjcX
GjslO3aVjAAWZ+r3lThHbpy1U6hSo0mMtENtAdlhuMWtG9zeyiRp2Kgkq6gAqN8VTcsoBIOe5WW7SWcu
aHA01OSkeYO1nlui5Zl5kpj/AL5THlMFMJUopmt3uAUsgFKwbKClGxSUp3860d1yueIn5HPOmXer0t9wNj
5dhqDTKufd4lUZn7t455rap0akF+EhEYRW18gkC69YUU2Ohek6bG5IAPU4zMVx2ZtDJmtbn2ltbyRFlu0Vf
Qu3PxNy/nBuYagVIgyHJRjEGM08opI0KQjSopsR49DtiwblspbhA136qBu0FtDg57swdKUHsU94P+0zzDlKh
uxczLZramy4phMhttzlKdI1K0rQoWSkWSm48bm5OKtq2fikdWLJW7FtPPG0iYYtadvuUhqntNZ9cqLD1Ng
QYrTVnH4qIjTceYABqCt+4lRB6W8r22xC3Z1jRziT26KeTayR5BY2gGuQofcm3IHtMMyx6uuotNNsMkrbY
ZDCFW72r69gtSUggEmxOlIv1vLJs/C5uFQt2qnjfVw7PvVkVr2kX5TUpg0NEVuXrcccTIGp1KSlelKFb2sspJ
te48NyMUmbPhhPKaLIP2qD2jkdenX4qmkdvw1bM0xyqwlRRKSymW7HbSQSlFrApv3kWUe7ud+mH/gIBg
wHqUY2oq8iQU0qfjglQ4sxq5U57jVQrDkF1zU0XIz62XEmx1WI09b+osd9icObZC0CoFexPdeDJHGhNOoq
qOIOQ6bmCQ4/EkyXw46UrSiI6pSQCLgm1vgb7k2G2MnDK5uRWv2yyxyGoJ7ioFK4OUt1xYbqVQZcCCrl
KgLUsD8L/Z1xb+Uu3gd6xhsEe5x7ilkfhMxlN1mW5TahViUd5mSyWkEKuLEC9j5C99ugwwzl+QNFK2xtio
8tLug5KQHhbRayphn5jagS4gS++j3l1ovp+qWlKupKTsDZJK7E9NsRcs9tTiqD8fG5WvkcL6NwUIzOZz6N47
s05L4CZaqUh5ymVsOTHQG48VhjU5FUkXUL91Fug3N97+G7BapBk4ZcVI67IHEmN+e4DdTuHeismcBm0
VdTPNU/7uAtaW46HALb99QVZsgnqetvHBLaSRX4+9Flu4B1K17B688lMIVKkVmitu0qSy/L57ehhThKmV
Fyw0ixBA2N1E7HbrY1HYWmjxksq3E5uKM1KWjIEMFxNRr3KUVBDanEISoarixWoKGkqCgNriwv9YYj
Lzq1qkMY/Tek8vhZlPLrzEuNXp3u7tkOLSlhJUL2OkHogq23Hja9wQFEsrsi3xTTBAznB/h8ap2pefJdFeiPKrI
W++80qO09JCENlG9kDQW0uFQRYm9iEqCh0DX2drgRTL47aKRtscwgl2ZpQV+6lV0BwR7ck+DTq1JepE
qShUdNPbBrSXI0U/UC3HHBzCrugFRUAVHc2xh7XczSWgGm/TP1ZLM2S+3FpcW9GuXx7VTPEntU8Qs2
1KJIjppkqHTYamWW0gBzlK1NlbiUApeUbkJ2uSkEjSMZKC7LMwUNQT8dixNove2PdVgBAHbTTt6FEo/a
Q4k5aflLlVZp+HEqqZsliKEFT7yLJVZwKFkEJ3/dAWtYnFg3dZn+iMyKfAVUXtbWVLnVANSBTxr8FSyf2
/eJWXKM7SqS9WUUZ+I0QZMdpC47ezg5YQToG42B30gm91YrtuWzOdjfStVZk2gtTBgYDhpvpksUD2sm
esoPUlydy6hFoiG1uRXEcpM5AToSXTYKWvoqwFipIP5t8I7ZqzvqBlXfw6lGNr7QyhcK03aV+9RLK/tGqpG
zxU8xyUTuXmBbhqVNbWp6NIbW4lZZSpZK0IUQCdJBvY9NsWJtnmGMRN3aHf1qvZ9rHCQyvBz1Go6ql
FUj2hGYsue9VSCy+hUhchLUdcNTkaEp7UOYlWokqZCu5cfWAJGxJa+4YnUY7o35mnv3qRm1MoBewHO
u7IV925OXDjt4Zpy7WYilxG5lKpks1KDBhQUKu6W1lEl42uXRcDmGyrAADcgw2i4oXtNDQkUJJ9Q6Oh
WbNtJMx1XNqBmAB0anpT057SiXX8wU2a7JzcxUJjRYq8tL92nm1SFuL0w0/RLBCynvW06U2t0Fc7OhjS0
UpuHZx1VmPalsjmuIcDvPb9UZKGZg7asmbXpr0apZyTHekOLaHLQLJKiQLcvyxaZcrQ0Va347VWftG0uN
C6nV9y5NpNPfVGjtyXFN60hSVEEoAPQHqPsxtllPzDD0DwC0m8CPlMmH6x8SnfkMx2eW4su6TdKgVJS
oX8Rfx8Dt1xLUqgRwCUtyYVSQ6mQVu+7C2pGrU0m9twE6tj138cNNRopQ0kBFvRn2agQ0qPIecIHNAI09
L7qAtsB54UEUzUeB1aDNP0DJri6dqcaVZCASthSQtGq3UE94m/S3TfET5c8lMyAgVIV+diXt/wDFDsP0fM
9PyDMoMiHnBcZFQj1iit1FTojhwI0p1iw+lVe4Ora3TGJvC7ILU4OlqKDd/BZu674tFja5kIBxHeKn1FPnbJ9o
Fxl7YuVMt0LPs+MzlWCsyYFJptPTTYXOTcc5xlnUSsBR0hajpClFKRckx2C7LNZnl8ebvjTRTXretrUbY5g
A07h7dT2KvOzPxszr2TuJErM2VjTotWNImUhRlQ1y2zFlJSl4AbWVE0O+LFuskNraGyE5GqqXXbL
RYnufGBUimYJyr2J7m9tXP1V7OWSeDfzpHOS8h1o12lNlCWQ8t2tx0TazTOuMh2KyyqSSPk3tUOIaK
nzq4U78slP+GZzDHZsqMIIOlaGtD0diszK3tNuKOTO0vm+SnsTU06vibdTHKjzGYcDwziTMGwFGY
XB7u3Zff3SSUm+Kj7nidC2A1OlkoK9KyLL9mbO6O60Cl9XgA2O0k9KyYLL9mbO60ClXgA8O7j3qtuFfaIr/AAiynxAh0KfAdhcS6Mqi
xi4XF6HCRpXqUoldlElR2J3FqewxyFmKrikIVk
zRW8yRatRsxQGZ8KUhE5bjXNbUAq6FK1DSU9eh2xgXWFtpt8zXkimEYtLdkD2gEOyz7Vyp2nO2h
n3tO8a6TnPMWYbAbIzJQy23Qy23RWqOwMzQG2l8xpEdKQ8WIRVWbEgZADVSvYyRgm9VyDDEYGMirXesDbbynn
nbKXDENAK5ferB4p+2V4+1rvmnMsNuaLVnEcvaRwQOjJbKSK8/DfbU060XgtKUlTaym6T2aym6G7JvewOKjbg
swdUl1OGXuV520trLcmtrxzr4rkTLVUm5GZHSZ0eIweQAtX16tAsZGcSNR2GqQF0JQ804hxsm6VwdkJ/Oh
5pORWEs73RSNcmMXj3qNh3d2eqrXjGUKBtNXCtmh6nAlrMDDxRvmmh6zqTxBtYF2qmk+fT0p9eoq5oeKd
Ns/wAmFaffVZhlsmdaPlTqV6+6F6ntkjmuIcLDNNyUkqPjpOzXqhK7RM0m4XbfYxZApUxMIQ2s2ORt2WM4s
1YKd+6q1+hxg7bmGaSv5ei+eXm8zmVHRxEyETUFKNyGiCPTnymc0mtnWvRTq8cvTPMMNXKuy/5eNx7/tX

yQ88krUVKBJIAKU3OogqAIyNlu2KB/KZk9O5Y61XlNaGYBQDgN/epL2ZPak8X+AeT6PkYRMoZooeXg
p6gNZmoYqcigK3J90dKkFKU9UpurSAAmye6GWi6IJCZASK60T7PfFojpE4A00rWqnvZX9oZUOHeY+O3
EbMWYY1T4w5kocRNAm1ek+/OS31TAl9ptpICG20xzYN3QgJSB4WxXtV215KONpwVNfeVZst5fnXvdzq
Cnr0CtHsYe0krs7iumBn6lcO6FwyrMGXErhg5DZiLlARXlMJXyAslPPLexSod43t1xWtt2MZHWIku61asV4v
e/50AN6qKvOH/tDOL3B3g1QMnxRQpDeXmPdcs1eflH5wqdBQQAUxn1K0JIPdTqSuw0i5CQBObtge7HUji
KhQfhKdgwAV4GhUV/za3EZrtGTeKVSchjOlZpiqRJfNBRHQ80qKmMbtF0FxzloR3x022sLYm/B0Ri5IHKt
dfuVcXjKJeVcM6U0p7Ug4DZ+RwvoOb28rSkwGc3Zcdy1VELpBcadhL0laQ4pw6VWA71ri5Nj4LaoDIW49
x4/clskzWBxZvHD71O+zz2y6z2Y8pzsvU2r5Zq2U6rIE75hr9NNUpxfHR1pLjl2idIPdISVJBKbm+K9osQmdi
oQVZs1tELcNRRQbtEdoTMHax4nJzlmbMciX7lFREitiOyxCgRwo/RNNp3bRqO5IKiSLqNhazZrO2BmADM
96q2id07+UJyHcojNpc+u0qRIpz9PMSO6lLumUhHvNwRs42QsDqQdvt8Zw4NIDhmoi1zm1aRT44Jqgy6lM
Q69AgRJCH2yFrcfddFrWUlW4LgJAGk3IGnYBWHENGRKjBfSrR8e1KH+F1YNOkLapsFiW+1YDlJSykqF
xY3uk3PqL/DCCZlcylMElMgKrL3DyfQKXGaqlRr8eW5bSlDbYbBAALepRFlHYgW8AB54bywcatAonfJ3N
aA8mvYksjh1UKTMVMU85USHA2EqmPNnmWOnVYEA9NtR6eJ6vEzTzdFEbO8HFWvaVJstZOm+5Kab
qEVSgolxgS3lov1KbaLlVxv08cQvlFdFaihdTX1lPMLh9IkMrEmW7H+jS4+qO5JRe/QoWNN1JHh0xC6UA5
Cvcp2wEjM91UozTwxy+aczMZqjs1xhJYIfaeWNaTuSFKSCSCeivDzw2OeStKUTpbNFTFWvem+ktUODl2
W8ovpZjLKnJkh3l8pIvqvdRKAN9zcDzw9/KFwHqTI+TDCdw3rl/tS9taFNcOWMqmoRRDkJ5lUj1Lmmc2Ei
7fT6pNjsbHTbxxm7Ddpb85NnXdTRYO8Le6RpZBkAda6qnIvaErjNcZkiv1yO+zLdkXYcBWFrSAvSpVydgk
b/AJo8cZJ1mjIphCxMckzTjcTx14+9RWrVhszFqWt1PP1a0rXdQUTfy2JO+3piwBuVZkbjurRE/Ojiog0vpYQ
o6lG5+BB8LeuFKQRAOpSqeWIzMplTy3aZDa131NJ1P3NjqB6+NrC3w8cMTMbgMIzSSLELKH1KnNwYo
bKgJVytZ8LBN+tv5MKSRuT2ta80Iz6EopE2Sh+zqksrSN3HHFjmeITYAqvv0/VfCkKBzWDMFSxxqZWFx
mPemYza0aXOe+p1RKU7ISSTsbiwH1d+nTEZAGdEyuLI/HxwTFUsrtN1pS0lxKlKK7pcDhQL2371hfr4npb
xxJXJIJTgLSmVnL9al1RaUh1pvRzyNZCW0nYahfu3/dYaSAruKMR56/G9SbLWWo9RbbLy5NSPMsWmIpJ
QQQhN13uLqNglNyb32w17iOhQMaDpXNS2h8ME0dpIqiKLTZHPT+xpTKy+4D9VA0qJ5gsO6Ao+JOKzpa
nmVPUrIhc30zQ9P3JFXozuVm3mZs2CJS2QpTVyrSkklANhZSyBey7Ed29vCRpDtAqront1Px8cUgy/VYXua
H5wWmmKXyQ2B9Y2Kj3b+ZG/kT44kLHaN1UTcs36KT5BTRqQ9KfZy9FkNvm7Tc6pltbChYhKLEar3So3
8Bp8wa8ocaAu7grkUjAS7AD1miV5ciVxLjQaixpMNCVv813W2xGSTchVtkkXGgKGwI23wx7o+Ofx8FOh
ZMM6CmfUPjdwS9uvz4rgUuNJZDzqRLDr6lx1lKbr1DdFlDRcd0IBBtfCYG6d3x8VTuUcMyNdc8unoz7KK
SyKhU6xQTMNCyYzKW3ZptVVKXA10TpU24Eq2ANjdStaSdyAYKNBoHHu+5WSXuGItbXr3dh/inigZkk
yFqpcSL71IbCUFuDUW3n2UKGrRrUStsAo+omx3AIJ2ET4x6RPeFajlJ5jRWnA1PvHUmzOvGymZerERD9
NXRq66QGWG76WG3LhJOq13LKsDZIA8DquXxWZzgc6j49SimtjQRRtHdG4H2pS5MptVioTJq9QalRne7
DelBUVTibBIUsgixFiSm4SB9Yk2CgOByaKcd6jLo3+k41G6uXx4I56srypVpRy1EhyYk6QEhpCEOalhNlKC
kAHvgG1gNKVG1rk4byeMDlTon8ryZPIAEE/GnFIM8zn6mDTKZFrjkeEFe9S+eguKkqGoBuyu+LpO1trAK
2GHRAek6mfgmzlxGBlaDU1zr0fHWoDRs2TstkKck/smU2p5p52M6iQbK0ELN7XBJFk9Sdz0GLjomu3eCxr
JpGZg59tU+wKI9nuQpBn+6SoygLcwIW4/wBLjmbaUp8RvfSN8ROcGbv4KdjHS5E0I8e3oS73VNSqbJiMB
LT6+Xz2pUhFihWnSorQC4sixKioJRfYdcMzAzPgpahxyHbU7vE+Cac0Q8xZd4hSKiiLNmtsTltxkSmkmNG
QkkqISCdTaSOtrG3W+2JGGN0eEmmXaopBM2blKHI5V0/ghH4h5grMaXLFFmJqVGZbDTQaVyPrXXIQyk
CwBUF3Vcm6RscBijbRtcj8aqTlJXVeBmNOHdu7UlzLxgzNUoKYist6INPUlDoU29HS4VKUlKeWCAgJN7J
te488DbNGDixZlI+1yuZhLaAbsx6vcmbMmfaPEqbgQxU47q0BLpkxwOavSE6UoUb2BFiVbqsdh4yxseQq8r
mV5oNaZqEP8a2hy236VEkS21FLskqUjUgAp0pRfSlW9ioAWA2AJJxKYc8jkpmscWVIFSpXlfj4/UYqWUU
SMuM6j3OMnkhzlkjcIK7i4Kirpe562sMQmzCtSelJJM6Pm4RwCdafOkS2lP/MtDckIWEe6TpPOTqNtAWNija
9xcDcXthH0GVT2JkbRUHCD1qPMZveym5NeqNPhRZS7oTHYWeW22LKsUg94HYBRN7avUh5YHAUKa
XYXGgCQSOJ8qqyphjInqXKVzVOpRpdbsCbApICUeJt0snDhCABVMc5/ONelNNCzNWKdLdVDlTgiRoU
1yFEkq3HdPXbfVbrvhz42HVK2RzAA00Px8BTFOYkykh1ytZsLjg1LKKedJJ3NvpRtivyJGVB3qQurmXu7vv
UJhOCPToymZDfONlKSWSkp22sRsRi3Za8iz7I8AqttANok+0fEqSUbNaoTi3kOvv6U94L7wcub2IUDt6HriR
0dRRVcRYcScaNmuK9UUFcd8PLTy0rjchokDexTyyCenT7emI3xmmvj71OyVtcwa9g9iW0rNbFad9zlaHkN
XS2HXEPOpO9zcJF9vI+HhhjoyOc1K19ea/s3rDjyJE51lhpioc4pKQmIUqKLABSxFmJqQ6KvQnQrWxx
GgFexWp2U+x5nfth56ey3kShPVqtFovFDbrbQgNg7yX3FqCGkggBKlHdRASFHbGPt1vjsrQ6Q/esndl0yWxx
EY09XSrb7QXxsu84dkThc/Xs9Zm4cyEypLPdaUarNS602p1xSS7yUCVtz31HFCz31HaZRHE0jX
M6LKWnZ6SzQukneDpoM9fWqJpFAiZfiPmqxKiqSCPdG1zg+gkk6FK0L+tptsOhNgbpN8m6QuyafUsW2Bs
YPKA13Z18CnKTIoDZZjSqew0686oc55bjwbcQRskH6yTfrcG+24GI6SagqZxs45nomaBQI9V0JjQqs3
EgHW6tpdgok3Ty0qKdPgB16238JTIRqcyqwgBpgBoOHsrokdXydB9+U2iNV4ypC1FKCpsKT4lJVZRA/R33
6HD2ymmoUL7PHioARXqS+LlppMx6UV1BD7iRdaojZdcVYaVF8FM2Kpq4nu963jZdaZbdb5
bjnvCVJIbQpt9k7KCgB3RqFt7XOELyU8RAAjj3+7NIJQpTtOdTCelyXFrHOjTo4U+hYvpQlLdiTsfDpe+IbX
a47LGZ7U4MYN9cs8lkLluW13vam3fdMLppn1owDE4kAkgAZmgBPVVNKqG9UmE+80R5pTVrttsuKS6Q
LbbkAYw52vuUeja2d635nkT2+dQOuW0f2Z96XU9MR1pKtTsUqWboUtRPUIbRBAqzqPdqUUTEUsUtPq8m
WugpxqVqEd1Wr5Z+DhE7l8RZydCXYwaFuEZ4q5U1Uji0xqUGXJ80NqUbIW5SXdXDXxcUbo38TjAQbUX

TNNyMM7S7dnr1VABXRb08kO213WI3jb7tmZEBUnBXCOLgCXNHEkZb6KX5So8qBRJz0RbMwNd1bP
NuSSSB3bFRv4eP34zzgCQDkucNe4NJbmnWnUYVlxCjSZ8ZKgStIW2ypNjsQlSRew/X0GG+jvT2uxZ4T6k
nYyqIjSnH6fmSrstuHQmNGCHFbkWKUJCtgDuCOnW5w7HU0BATcOEVILuoJ7lU2EmkOVKlUnMjD7aL
LXHjAWSdkn6YaknYBW2IzWuFxHx1KRxGHGwHs+9KkFt2mtqjUatGQE81b8110LSoblRShYSpI36osMR
0zzI7E8GoqGmvT8exJlZ3ezqgwJlNU4woWT706j3ZarkgrT3lFQO9kafTD+SDOcCouXMnNc33fHUnV+jS48
eNGjiG8+lGhluLTX0Wtf8APJIUL+oKSd9tsRgipJ8Qpy0igHqBT9Vs0VRuHDpciROgxzsuJIgqShxzT3gUJXZ
XxNt8RNjbUuHirLpXABpy7E31eszKDGKKUMqNsqugOusBt5raxSbnlp8b94j08cODA70qqN0jmjmU+PUk
YrE+XFkf0wktvvpDgSxKaDYTtuOUd0XtsSfq+OFLBll8dqbjcQc+4+5E0XMqKLMecXVY9XnsoLj7RClpaS
DpStYLdtRJFj6Yc6PEAKUHx0prZw0nnVPx0KX0fivSsyLQ5IYmvPxn0peU3UEtAKI1WCACNO+31T6YrO
szm6eCtMtbHmp3dKXV7iAKNNC6VJQ45cEsTHhqQDfxd7hSN7WBAIttcDDGQVHOUj7TQ809/wB6KiNz
s4Q45TGjQyHCt5tMtppJR1TukAHUT0+BtvhxAadaoBc8cO1LYk2k5V95dIiU1+4Up8gJbTfYgqCyCk/pbWv
cnDC1zqb04OYypOSWP8QolaZDinkGMknQ3GloU45YGykkEqO9vw3wzkCFJ8oac65dBUZzJxRypSKYtz3r
MD76FXEVtxV0L3KjzF+tvrAnwtbrPFZpSaUFFWmtcDW1qepc78fe20aFFkMsvpiynG1AMOKU+XUqFrLu
LEWO4sAcZezXa2oLlhJ7yllq2ELiSRPRIkuOhkJLitVkkJS2b32HS2M2mNjIAaSnCn5jXHDan0NJGlQSbBS1
X8SSDt5bbYUKtJZgcmfcnhlxur09pSIzfO1bFS0lVtgEi+xsb9PCwtthaKi6sbyC7x+AlkqNz0rQ3HbW2l+6lFy6
gALkJVbZJt1tcYQqJj6Gtd3x2pzpGa0UZcWXLpDMtA1GOFnuK2KdKk/nbAb7dB1OGOFcgUrYwCaFbUqi
R8+VNh6nZVdWqW8pRQzKcW02vUDYpIuEAeBO++4GGEho5zlaLpGuLWajdRKGaXpCgiKwlZIc1F9Kg
Eg7JT+aVKAvpTuQRYAWxIHjeVjpWOOieMs5UqXuS6hDSFsun3VkR/pJGtR0lNlftaQogKNh9YgG1ziKSR
taFTxQHDmM+xP+Vck1xc1MWoe7oZW1YxGW02fdJTdpDiQoDQLlRTbYWBvviOSZlKtUjLNzi0519fx8F
Pqlxq3T5bi6ZIlWZ0PJW09FSoCyG22EoJ1DobqGx6WOyq+ItIFfb2lTCNpBOGveOig+9R/OGW8yRYsxjL4c
hU8sB8slsxAwwBbUS5ZdiSbqtvsL7YkZIw0L8yjkXh5pUDXgq+ypm/MMtrkwWllceNZpxTRcc5Sjp0oUoGw
8fADTtvbFl7WVqU0twZYuxSzJcOQ9SpCaw+pmPHioRFbYeSsJWtQTznUgk9NiSL7i3hhjyK80KuWgg59O
W7s+NyfYGQH4TQappQ9y0a20FoP88ED6iV2SbG1ybfmgXPRpl+smizk+ifv9iZavQ8xUJvmR4zjgkjvsOISH
DtdeoFQKN1GydiLHEgkjOqQQO35fG9SSa1X8rMvw0S6RTH5cZpPusJzWsgK/bHHAnRq0d7SlSgo97c7Yrt
wOOKhPSVblBjGFrhU6gZetTg5Ep8VAj1qvu0+kwEkfk/EebStxalWAOklKnVKINlkWTsQADis6ZxNY21J3
n40VhsDAKSuoB+iPiletMGaeFgzCxEjxq7DgJilSX1MIceclLUbp5aQdKxqSAdOyVEDSAMTRzltctfUoX2Rji
MTtOFcz8cN6idP4B1LJVeeqctx2bTmFafeFLU07zHCQlSmkK5qdI3IJBJBHQHEhtIeMI1+OxEkFBjpkPip3q
YwG4uUK65yKDBqEixQzMcWHFrWpJ5RW4QQpagVdSLaTvbEZBe2pdToTTIGOoG14Hr0SgZdqGboqZs
6hT3z9GJS4UYLjskLI1oQB3yVhKDpGknYnwIJWs5rXd+v3JroXyHG5h6aadYG/PJZlZTcplZmJoYERKFat
K0KcktIuR9GQCk3Um90kk7HujqCUEDlM/BDrMWk8jl49iV1PMcrKkkUltmcTBQShT0d5SmljQtbehFgpVu
+okLKyrqBvhGsa8Yjv6vjwT3PfGcAByb68uig799U2ZO4sxszZrfgOU2jwnpzSG2ZsyUpDbDa3ArW6lJWlx0g
nS2saQpVyNhZZIC1mIE5bh7PekitGKTCQBXeT48fCqfM4QKNmESY9KW+/CkLRDbqjSuY3rJCUlSUpIW
HNipY0ITcAeKsRRve3N3d8feVLPEySrY8xpX4+5P1Gygcn1KdqWK5Ko6FIhIcpGhcxSFABwlR0pAT3gbE
nYAXIwySXGBTKvSpYrPyTyfSI05utPjJQHPmeq5UcvS36tkyKicX24jDk1ktrUlKkJWC0kayFK6KUehsm9tp
4o2B3Nfl8b1FM+RzQZYxU9/Tl09KZqfxSrFWnJhM0Z+HUXHnFuxIqVRWiUoCiFAWULaR3STYEdb2Mh
hYM61HeoBNIcgKZ7svvS+s1/OVUosCptxJDTDykR0Q0L5qA2CFagVJ7pWblNknSAokgE3QNjBLfj4Cc4y
Oo8VpwUY+bUGupMhNPlsMP/ALI95WpAQfrIKe6CogEn86+q9t74lDjSgVYtAdirvSHMS8nU5+YzFplllPL
CnA0VBQPRICToO/1hdSunj3VaJMi4qQz5lrK5ozhhUYUmcmNT4KTHbSA02Wytx95STq+obkJTa4BFgLkb
4JQaZlMHpjfr1p3TRZcPLlTVCmOyQ5JDgeRrbRIcSpKtLatACnN120nZPxGGFzS4BwTgxzWlzTX48VGKv
BiZenqTXqUuJOUhKmmXW1uKWgpATsojuKvsSAdticSNGIVYahNJex1CKb1rJoTpmlcIcC6bGjyuYhaGtWvl
gWtoN0p6pSQkk+d9zhceVE2gpi4pW8owqfW47Masw5s5s4ISWY6ISWY6XEhlDYBKtalWSCLbp38Phga8kZjJSljg
Nx6UgkTZyH1pWzUtYUQlulNlF772sOmCg3JMLuhJ6XK92VHcYQ4pSG++SqwbvbYAo3G324ksv0dnUPA
KO1AfKH4vrHxKmLmc1/MLKH22ajIKhzRKcSVNDYCySCNh+cD+d44UR86oyUBIw0Jr60Z86RJASGWm
Y357LghrSpJKTsVaQDext6m+AA71G4gAkUW9OlxVcqSyw66qO2krbVIsp4FW5QOiSAT4kHfYYHA6EpG
kEg00Ts3mOQH1PQnUlthxBU07LQXnkm17pACALj49BiIsFKEKcPo6rXZdfuXpp7NzgoniH7KHi/miq55Rw
votezhEhZyzC0TInro0GG2oxGEtpGpb0iS22lu/eDqxZRIQrTr3lLbexjW4qAUG6pqt7uWIPu173Pw4iaka0FPjt
VA8cvZ28PInZTc458GuJFezfl7K1QRSs2QK7RWabWaA464lLTziEJBU2sqSDvfvBQUqy0pyVjvSYT/JbUw
NJ0pp4kLFW654DAbZZJC4NyIOvgCpcfZu8Iuz1lnINT4+caK7knN3EKMxVGcv0OjNVFugwHh9G9UXFD
WELsCvSAElLiRrCFLFc3vapnOFkjBa3fx9asNuOxWdrTbZC17t24deR7Sckkp/spJVJ9p1lzgNXqmzMgZpccq
EbMlPT/XtNVEekIltoUC0knkqQUFRsUq0lQCSZHX051iNojFCCARu9/wAZqOPZ9jbwFmlza4Eg7z6qfGSO
4s9hLgE32N+IvErhdxDzxnWRw+rdMpdRh1mjfNiUOPvobASdFIJSnrthtnvO2G0RxTtDQ4eqnWn
2i6LvbZZZrO4uLTQ141App0p9g+zR4N8NYHDKLxk4w1vh7n7iTDYqcWk0yjoEbLrMk2irnyHBqRrWbar
N6SVJNgguYide1rkxus7QWN1rv8AX6gpRcdijwNtTy2R2lNx7vWaZpg4WezQLnaN4r5M4k5jpmTso8BY7s/
NuZW+etxENSeZGcabJstUhfShQyAsWe9zyLJIW1c/QdWR9ajs1xs5eSK0Oo2PU56HMerVMPHvs
RZNidn2mca+C3EOsZnFrnzDmSn1ilopFRpM1yLYcUbNqjUEFQS+yXlNyvyW1so6f1i3ckPQfgqK23
VByQtlhfiaDmPgcaZEEaKgKbTIVNfipW3MbqHPbbumOhtpZF7hZSc23+sN7bYw237ibinNcub+8F1vzaI2jyk

XY2hrik3ZfmpE6zFzUSrtFKWAkG4ZDqyd77a038Onr8McJuaK5pGEXlI9jq5YQC2lNTqdV9HvKBb/KFY7
Q2TZCyWeeIMq4Suc2QvqcmAOa0jDSlSM6hNuVOVJkr5TofahgBtelAutRNzt6DoelzfffG6+UO18jZrLdsDq
x4QftAUDejpXnfzVbiF4XtfG1t4xYbQJXRgU/NueXPlABzBzDM8wKiuZSqk1dc2qSWVlGkLcCEhP1UoUE
7nxJubg9LeRxql73DFZbpslva4l0tajdxFOxdv2E8p9tvvbi/NmZ4mtisRbyZFcRzwuxmtDUmooBQZGqlOU638
x5bnN051DFRhuKKW3CvQ4jSFghKRa4SSNV77DHY9ibdJbrqifOalpLSd+RoK9lF4D84TZmzbN7a22y3e0
MjeGzNbuHKNxEADQBwdTgMtKJll1ysV2OxOkVRUmQGQ43zI6O6Si4FxZVrnpcX8cc/PlJvCOcxmNmEO
ocjWgNOOtF6ij80jZi03Y21x2q0cq6IObV0eHG6PEAfm64cR0rWm9awqzValSo7pqkhgKRrCG0lKDclSSpJU
SVWO++Jb08pNsitUrLKxhYCQ0kEmg7Qqmxfmk3DbrksVqvm0WhlokjY6RrHMDWudmQAWE5VpmTnV
O9P4y5hp+XluF5hUeIC6iNNjNSS2UpBuHbBYubquDcXtvbFu8ttLZBegsga3DVlTQ1o4NJ30yqVrGyXm83
DeWxT9oZJp+XDbQQ0OZhJifI1g9Au52AVzqSTSi2rnE/MNZ5lQfkNNvn6YRmkKLaVXuEglWo22H8nhip
H5QLXJbxBCxvJl+EEg1wl1ONK0z0WwWrzWblsey770t9om+Vx2d0j2tc3k+UbGXloBYXYQ4U1rREVPMc
1yXUy+3EiAOusKafpyNUZKV2KQFAablIJuL39NsW7924vGx3nJYbM1rg11BkSTkOBz1WF8mnm5bK3/A
LHWTaS9rRNE6WNz30dG1jQ1zgTzmGgAbUknLPOi0plXqj78GIqsXjyJLbZK20NJAUdu8ixHha3kMO2d24
t9vvOOxzsYA4kGgNcgTvJ4cEzyrebls1szshar+u20zPfEGFuNzC04ntbnhYCRR1RQjduQbz1VmoaXjVw0FK7
rimw5pUVmxSXCSCb2+GKNt2+vOO1yWeKNhwucPRNaNJ4HgKlbHs75sex1quCx3vb7ZNGZo4nHnxhofI
G0AxM3udhaKkmoGZR1d425ipsGLTJExibDqBWxpVT2dbS9lBzWAF9b3ubWt5Ylunba3WoTvexgMcbnigO
opkc9M1iNvPNy2cuSa6oLPPO4Wu1RwPxFmTXhxJbRgo4U1NR0IiJnKfRakmPGSwkyGlLLyW1JDQSUgi
wVpOq42I8ziCLyjWw2WR8rW4wWhooaZ1xE57gMtMys3bfNNuJl82Sy2Oef5O5srpXFzKjDgEbW0YAC5zj
WoOTT1og58qtPr8eOEonJcb1oU6t1CYxB9LgjYd1Vt+nU2y117eyOu+0Wy2tbVha1obliLgdak6UqSNy0nbLz
Z7NDtTdmz2z88mCdkskskpDuTZGWCrQ1raklwaATm4jMCqNYzRUWKs4W6stL7idbkfQgpUg90kpN1AG
3UKB8iMa//wCot615UxswVp6JpXWmKuq6l/kn7ElpsDLZP8oDQ4nlGF1CSA4xYaYSQRXIEigdVGx+LdU
m1GVAhJiUURG0e8sxmkuokayopvrGoJ0gbXPr0xnb427ljs1ntViaDygdUOqS1zSARkRx14LmmwfmzWS1X
xety7QzSNdZHRcm6ItDZI5WvcHEPa4j0aUrkQRnkU10fPNazHOlIXU5kdNJnLZbbQClpW+q4QTpANxsmw
8sUrw8oFvgihfGyMl7MRyJoauFNeAGqz+yfmvbOXpbbygtU9pa2zWkxMo5oxMDI3YjVlCauIq2gyRcCp1Gs
MhT0tL1la3HlallxR3KNK9iALXJuCfDa5yd/bfyWSOKKzMBlLGucToC4A0AG/tyWoeTDzYoL/tFrt17zvZY
455YomtpykgjeWFznEEBuVMmkuNSKAKTROLNTVTmUSZqKhRGkn9jsstMpQP008tICrb90ix33Bxi7o2+t
LbWILzjAqQCQCC2vEEnL10zW37c+a/c8lxvvXY21PeWNLgxzmyMkDa1DXtAIdkaatJGHLVR+oVtJgOSn
xBaYKydoSVWGsgXt18N/jie2bdXuy8ZLDZmNdhc4DI1NK/zgNAqVw+bnsPNsjZNp76tc0TZYo5HkFmFpk
wjIcm40xOA303lc9dongbHyhGRXYcx+W7OklDyZATcKUCoFJSANIAItbbbfG2bC7dWq97U6xWuNoIaXA
truIBBBJ45Fc98vnm/3VsNdEF73TaXujdII3Mkwk1LXODmuaG19EggjLI13Kj5jD7b5Wq4Ug7+f3Y6ivL8bm
FtBvWWngySVrUC4saj1sPMeeBK4F2m5L4FeW04dACEpV3V6AFJ+AHTDgVVlswopPQ6vT0wmHXH9M
tbimnkltK29AABNr3KrEWPx6+DTVUJYnCooaKw6HEyzVorgWuSwgALakJCJHKQixWEXUmxWrSBt3d7
lRxA4vGirMwirXVHFTaJmCjVx9chEqRSnmgt+Q02ylLyUkFW6lfRpCzpBVYG/wCaU/WruY8ZUqp43x1BJ
p8cdM0TSMitQG2qqHltzHGFOKcmuCW5cKPNdbAUAvUdLZA7w3snUkkBea4d3QlpVoecj8bt/DjwThT8k0
56DNbzFVmKPPkN3adgXDN1rStSQkFICClQSAkDddzqIJwx0j6jkxUdKlDGGvLOod1PjRR6rcNM2w6/FkQ
VPinqiqahs+9MpQ20VltYOlStP1rm9iAd1bA4eJYjkdd6aYZQ0YemmfZu07VtQYGdotfixouqLLd5bMEJAajy
XFgpBLjg0rBRq74JAsCDuLj+SLSSkjbK17QDSunST1+PcnrhjXJGc5MuA45AMcS3PnKfPUZbVMTq5fMK
nAArXoKUIJsQgXIuQIpY8NHDsAyqrDHOJMbiOknOnfrXgpEnKGQKTGCJpkOsskqdlwGluNVVfMDanGk
lSO4lZUhKk9SSAOtouUtB07juTuSsjAMWg3gVr00y03KP544cUHLGYkvw2KjChy1MxoyW6enlpKglei6FE
qdQkbhVwFEk7ixnile5tHZkdPxl7FBa4WY8WdD0fGYHrUu4cZViza+67UFyqjl+K0gFguOmWyhQUQtxBQ
UIvdWhCyDclWpOg3gmkcGNyceqims9mYXVfm0ddadProkshyS08pMjLDkJtYMdDkZ1Trq1OLshY3PftfV
uQn6xHgXilMnVUTsQNDHTqOeZ+PFEZdjDMrjklxVPhGe1yqXHlKLiH9CSkLIQDYJSlatVtXdCu6nA92HI
Z01Sxxl2pAroPjh8UTVT8iQ8v15lKc4Ud2TU4x+bVuNvBkJVqQtawElCRq3FlXNwdgSS50znA8w5a6JrLMx
jhSQZ6a06Vrk3K+a3avVWJua0CWwgx4DEF1KETSARrQq6QlobX3CiVp2vfA98dAQzLfXd96VsbyXAPz0
FDr09XrU4y9QqvwtfbYk0+iSGobYRKdkMGU4pQQkrcD4AGpROxuQUqKBcG+K73MlzBPh6lajZJBkWjp
39efxwRdBoTtZzG29+yKih55DzCmqWthplCydalaSRqF9A2CECxuQAAr30bTTt+OvpSRRYngnPsp8cOAS
WJUclx86yX5eYZtLlqb5NOYm6VtwhdRSFtq3Ck221d2x2SDvhwbNgAw1G/pTC6z8piLiDuru60pyPxMlDM
06nGfU6nUWHndLVMQtbCW9SUoSsJQEqb3F1BVrmxVpG6S2cYQ6gA6fjVENrOIsBLjnpp/Dp9ik2dqFlOt
ZZlxacy4mdXeZJ5shfJKhd1SnlPrIb0hJISKSQAEArNrRxmVrwXaD40+OKmnbZ3RlrdXZ1786/HDNQaj8L
8nZtdpEykTqmZq1oiykRkIZuwULtYuqUprupF1qDirL6C1swXZSMqHDL47/UqjIYJQC1xrvp9+nWapPWqJ
D4dTYDiq8iElKCWJC0BTCmwvWGmQoJ1OEBKi6oDdRA6Ww5pMgPNr8b/coXtERFHab9RQbh076pJmjt
KTuGFSVChVGHVY1Tb97jNyaeVvRmyhYASpQ6BVypYOpflpvqRtkbJm4Up0qw61SMBLDUHiNPjikTXa
XznJnSm6nmCTEpb7ZaS5FZaccQtISlNlE60KKUm4uFJTYemHfIossLc1D+EpqUe/I8N3x1qUu5+yhBysxDf
TMEJQCm46oa01Cc42myVq0kpSCsrUtSyuxtsLEmHkpcdRr6hVT8tAY8J06szRIa/xtp8BTkpqlTJEKdDLLJM
tl9hBWRbQrQgMHSN0psSlVrWJu5tnc7KudfjrTX2sXJimUEG5mlimJ6mMoxzqmsUlVpWGod5kkkyS/JkoUA
AlvUFAKJP13NRsehSEoxJyMlaA5er46vvUXmNq7LJhNJRCeWSE

MM2sQlLaTfljTva5xKyInmnTr9ZUL5qVc3U60HqHQN6TxOLFTrVQmqj0CiUOI6wkONpp+hptSwEhSW0p
uC6U2CE3vpTtYYDA0AVJPb8aJTaHuJJAHZl8FP9RkZzfygrmIbgtUd9NQahyXeW9GSElHNDS1d1RUCSL
ayVgBNhiJrYcdeOVfYpZTOI6H9E1p6q/GZTfLrFazI383V2AlmQvvSGo8MRlKY0nQ6t1I6Ag2HXum9wLY
Uhjc2H1+xHzjspR6qZdahU7LcZuE7LbecckvhQSmSoAPW/ODWk90fpFRHXYG2LTXOrQqkQwNy1UJnQ
BUS1JfddecWAhJCVJ2JsCDuB9XbzvfE1VI1zmgtapAnhhQNI5uY5LLn57ZpillB8RqCrG3mOuIeUfuHrUwn
ZTPwSGlaX6cyXdDakKSOU13XXkkdbk9B6efXEtlryDPsjwCqW4AWmTKvOOvWVJqVRyxTWJcV6C9LU
4UrjuspS4yjTfXbpawt18cOLs8J0VWgPOB7EonyYlQhCUQ3DUj6OzBLI0n9KxIUT5WG2ANINNUwvDhkK
IZanuQXFoTMQhtRsp1DSk60D83WU6eu4JH24HCu5DTTIZKR0yZCZIdD0KovjWXNENawtSRYJOpooV8
b7ddsQOr1fHWrDWAAOqD8dS709n+ib2vOwTx57PWW5kam8Rn6lTc4ZXpanxBTmAxQyJUdrUrl6khhBP
XdxClbAlOr3lSz22K1vFW6H1+wrcbprarvmsUZAfqN3D2ininZrgzV/Zqeyr44tcV4z2Vs48eJcCgZbyvKmxVS
30x3FuOznG2iptCfpF3JvYISDYuJGI5JW2+3xts+YaMz8Z9Cljidd12yvtOTnnIVHV1dKmfby7IedPadZ+4fcbe
ClJkZ6ypnzLkCBJRFqMZo5XqDCC27GlBxxCkITq72kGyg53bqSTDdtuZYmPs84o4Hhr8eCnvW733g+O02c
4muHHT7uO9Xhw3UjN3tbOHCssyjmTJvZR4eIy1nXMrMkKhMSk0+alQKlLutYVZJACilQcCinQcY8kMsT
g/WRwIHQN6ygBfeDSzMRtIcek0oO7NcO8Cay3WPY1dq2XDVYSc65ecZWgrXq5klBSSdGrooX2Nt99sZy0
RkXhZ2H6vsK1yyyA3Zant+vX1hdudp3OfHTtBI4acSez3ww4R8WMk5qy1DZkyJ+XqfPq1CqTN0uxn3ZLra
koSSANjoUhwKCbgnB2WKzR44rY5zXA7tCthtk9rkDJ7C1r2njqPX99VHexzxj4hcVO0N2p8hZxi8Nkcb8506
AzEZqFObkUGpVKlIU0uGtBUpLh5a2uvUhSwCEHElrgjZFDLHXBn1jNMsU8r5p4pAMeWmhoO/LJUh2w
+Inad4cdmmoUjipwxyFwzyDnHMUWnORaPRYFPn1CYylctDgMZ5wFCRGsXVJHVIFxe16xxWE2hvIPc5
wqc9PBY+2T3iLM82iNrWEgZa5noqO9cR5s+aq3U41LazBUpMl58OojOILZQhKSSC4nTr6Wv42PTCbU3l+
D7sfapIWyNBaCDoant0W2eRzZR2021sFy2e2yWaR7ZHCRg5zS1hNAQWk10NCDQlPegQDIkPohwW1BJK
WgW2UBItqOo2BI62AGw2vufP9/3xHelqbLBCI8qUbmSewDPcMl9OvJbsBatibmmsd53g60guL8clWtjbSlAX
udQZYnEkCugTPSq1Gh1JCVpEUz9enWrdZC1KSbeAKFjc+g642/arZu1x3PY7QWkuiZheOAOYr1aHguD+
RTyr3JPt7f12tlDYrdOZYHE0D3NqxwG6r20e3QupxoEth0c0aoypbzyEx1a1JvcaNagpRUTt1AtbGqW+/n2677
LdrWZxVzGeKuQoOrrqu47M+TGHZram+dsJrRzLbRxDhhEQBxPLnE0IJFQcqDI1TPO4v0zL0eQCzOQ/IWt
RkNOKHd06UIKdPdNtzc336Y71sVcc1iuuKCUUdm4jgSa+oUC+aPl88oFj2l2wtt5WIl0IAjjdnmyNuEEA6Bx
q4dBCdRVFQYVCtbRLKGnL+ALJI/4QGPOvyXl5LS5v6Ac7sDwD6ivqj+G/wbZLmjkyFpdFD2us7nN73MA
7UqjVBUurzmLpLcZtvcG51KCib/ZpxUns/J2Zk5/TxU/ZoPGqz913z8rvu1XYwV+TiDFl+lKHuz/ZDT2rTLz6
5NJDj4aSVKN9JJQAAANzv0Av9uMztYQL0kodzP3Grn3kJje/Ymy1Gr7R1fSJUnkV0v5Rmzy0lIZQ8tKFi4U
lBOm4PmADb1xWbZXWG844ZfSa5hPbR1PXRZO0X7HtHsVbLysY+blitLWHMghvKRh3bhxdRSvMk6RP
p82TUnmmpNQeK3VshQQlTjg2TsT0PkTjM2W1NvXaaOeFhAfI00rUgChNacKVWhX5ck2xHkbtV12+ZpfB
ZZWYwCGudIXABodnmXhoGu9FTX/dqHDcLDUoJWx9E44pCF3KRYqG46+GKeztvbZL5FqdmGF7qClT
QOKzvlX2dnvryem5oThdOLLGC4HCC+SJoJpnQV3ZpHmGCuDliLEC7LbcaubqFwg6lHpe1hbfzF7XxLc73
Wy8p7U0ZYZnnoBa72kKr5QbNHcGx12XJM+rxPYIGnTE5k0RJAOejCSNw1RXEDSanQCVoT+z7i5UNR0
9Bbqfjt54i2ZI5O2f0D/YrXlnY75bs7Uf+5Q8fqvTvVKqmmuxWyApct9LSQVWsD1V62H6xjB2WyOnbI9ujG
lx6qgesldMvu/YbslsdnmHPtUzYWDiS1zif2WtJPZxSCouph5yiSXFNIZTDW2sqWAU6nBY2JuRdNiQNri9hj
OXdd01qua0PgBcY3scQOGFwJ7PCq5rtZtTYLk8oN0xXm8RttNmtEbXOyAfysLmip0DqEV0rhBOiWppSxm
Bc7X9EWA2E+t+p9LeuMabzBu0XfTMSF9f2Q2i29mxcjdsX7Vl/NdZW2fBQ6iUyFxOhFCAOGZ0SakSmpu
YJ0hpxhxt1lpKVNvJXqCSsbgG6d79eoF+hxevW7ZrHd9l+UDCX43AHI0JaB30qtb2G2rsF/bV32663CRlnFmi
LmnE1zmiZzqEZEAuw10JBojMtZgXXJtSbW202IE1UZBS5qK0i25Hgeu2MZeFibZ4oZA6vKMxdWZFOnT
VbjsntLNe9tvGzPiw/I7QYAQScQDI34jlzTz6U6K71tQ0qbghh9zU48kuoOoq1IUNrX66ehHhYemMztTd8sMs
VpcOZJHGQd1QwAjry7iue+RLaew3jYbZc0bxy9ltNqa9ledhdPI9rwNcJDqV0BBBREdIyhlflS30rcAWATsXF
KJsAPHqMNndNf8AfOKyszkLctaAAAkngKVVq67PYvJhsAIb5tALLKyTnUw43Oc9zWMBzLiXBoAz36Le
mF13KcZUNDKlqQCgKF0W1etvDEd7izC+522skMxvrhpXfSlctaKXYM3w7ybXZJccbHWk2aAsEuIR5htcR
aK0w1oRvomTizwyf4pUqJFhgKqLLhWjvnQEaTrB8NyEgEi97edsbV5LLXLFermszjLTiNNKejnuz71yXzx7s
sM2yEFonNLSyZoiGIiuIHlObo4AAGtKjLMVIPPGf8g1SgT/AHWdS5kGUgaih5IuR4Wtsoeov5Y9HNex4qw
r5kxl0Bwy5d6rypUt2G5ZTa073AVffCUWdhma8ZFJGfoFrBunSDuFb4RWHc4Ao+PzLJK1DmEd0K/Ov/l1w
KJ4boNFIYdTguIhpcWr6LSiQhk6StIO+lVrA2A3N9yTbwwtVj3RODi4jvViZO4g5ayypp2qUlU4A8xSmZqyp
J7w02X9ZViLEHYDqCBaJ7Xkc0qo2MOfm3L2Kd8KM4RJ+YGBAgUx2OZCg187ygh6EkGylpCFG6jqIB6E
72uL4qWhpw5nPoUlna1kgbQU3EqUZjbyonMqJDzjLlcQ0nlRabUNJW+2k6W1KPMXq0ghZS4e9sQnYYhZ
yhbQadI/h4KeUQh5JzcOB7q6+OqecwpiZuybWHKPQajHnsm3KqN0naxsps2ISQdV1A331WsDiJmJrxjdl0K
WXA+N3JtII4+746U45ByzV8tzYbkmY86wQkRlnlLu+CUhIcKTc7qTZsmwUs7AWCzPY4HL+HxxTbNHIx
1a5buvr9yR1+pUqkwK2y5SqbFYbkLbqS0MK1VKYFEBthINwFp0jTbuhSiq50gLGHc0g9XQOlErmkuDh1ni
ejr4d+5M+b4VUqzjVPzK6qnSZqubSZSFFESnNIBSW0NpBWEIStCdARc6bgdSHxYc3RZga8SoZ8WTZzQn
Q8OzXsopDJzrk9sM1ZFRgPqj1BaYUH3VUd6ehH0arKIAFytVrga1BRACk2MQjm9CnWeCnMkJPKVrQ5C
mZHx39aPhVfMlPzU2pFUokqhvuFqG6mKmG60UKFitCAUKDbeokggK1EFWoWwjmRluhr3/ABVSRySB1
Q4FvVTw4D+NVrk3tb5gynKqXzjEei01tJYUwxDaDb4OndSFkdFFHRX1Vbm31Wy3ex4GE59adBecrXHGK

DTT3/FE4V/MuVeLNTo+X5DFTmNMRAuRUpVWVEedaRqKmbDUkJITcFANwEC+lF1MbHLCC/TopXt+
PanmaG0vbGRXpJpXo+PYo3Tapw7rlChJp0Gj0NqQ0+2l56ctxlD2xQtbYWEpSAVXsq/1DYqCgJyJw44iTTo
VZxs1KAAVrqTruyTpkDKcjJdLlVDk0+L80yH0u1KGs+7vaEaBykhwBCQtSiha7BQ1KJIGkJJIHENzzpkUs
MRY0vFMicx7M8tcq9aNy9Pps/JL3zhXJEh15kiYxT3ktNQY767hCCoFtarEKWtQ1XTYJHXCOa7HzW9+8h
KxzeT5zq8QNwO7gek67ksaynS8pylUtSlc1b6nnXH1vfRIDQQ9ywHCNNrJTruq4SoC6bFC9zuf8dCQRtjPJ+/
t3+Pio9mLgFQajSZop0pNNjMNlXvbruzo5IeSlttSVfSb2UoqIGrYqVtiVtpfUVFfiiifY4ziINB45V0+OhacOag/
wvy9FgR5VBjuxihT77yea6+89q+iUsXuvlqGloXTYKUel8SStEjsRr/D41UED3QigoPv+7QdqPl5fHv6JkSI+m
INUrmvLQhMptDg3RpFtAAKUq0W3BVfUcRmTKhKlMQLsTR09ee7+HWl3FzL0js/LlTKG803TZhWX4A
SG3GW9IW2oJBLg1HWbqJN99ISAMNs8gnoH68VLaoTZiXRHI6jwPH44KCV7ixm9M6jUqbT6fPmT45c0
ORkSl0xtdy6hClag3Zr9sKjq729tgbDYYqFwNB48PuVZ00xOEUOW+hoPXTpSrKFbj5wzP77VWYlPqzLDk
doRtK0sRlBISVJKVAJR3bJSonvAgoG+FkYWNo3Me1MimbI/nZHo0p7uHsUP4u5Sp8SkPooUhxyeaimGolK
CwsqFwUFIIQB9ZRJ1HVa564mge8nncFG9kNda59/UpTlXs0VFqj0uoR53vrsmmtiXHfulIafsVhSkWUErb0l
KTYqKwLk7Ygfa21LXDf4Ky2xOHOjOozHx0JVkXg23Q8t1V9VKqDtIW049HdkvMrecQi55bTQTcKTfSVl
PdGrqbYSWfMCufxqkjhxYnluRHblwHHjwTv+W1B4eSnqlWsjtqlI+iSQy22402hYU4loKUUi9ynpqCd0gAiz
BE+TJr0/lo4zWSPP40+OpKHXMhcWqNJfq2WU0hmoIuVwlNRIkZagoIeS4ltSnVgDQOUm2ygbnDcM0Zo1
1acderXxUolgdznMw9VAB06Z9gRNF4YmuZFkv5PPvK4MH3WImC+27LnSFHvvqcUkLSoptcWCrCwCQc
K+bC8CXed+g6EyODlWF8O4UFNSePxmoAns1ZygPPoVGqc16px4033hx8tBmzni45pLqgBYBO+x2sArE4t
kVNdMlC+xyuPo6itd3sQEilUFuXNq7q3YkECU9DaabS9NdKggJWVEL3AC9NjbR43NkdiPNaO1MhazV57
Mk8ZZzVQq/luDOdo9MoUeOXIMZTpKnpYWkrSlOsrDSUtKOtSQASQbpJGGuY8EipO9SB7CMRaBTLr79
MuCZ4kbL2f6/IYpNDnQUhChHcbJUylptQDfdKQndIO5uQVAAbYeS+NvOdVRfNzOJDfWrfiU/wBxiNMu
ZjypHWygIU05VkhbRAsUmzVrjpttjHHM1wnu+9ZYUAoXtHaPcuR4lXLIZS4nWlLIAKkAbHzPiPjjP2T8wz
qHgtet0dZ5CPrHxPrUkYzwHdTRjOPNOBQKn3FaQnoLXIFuvhh5jzVX9Ej2p5hPxjGbjR6bF97Q2gF4VZO6j
sFaFKCCSfC5tc4jdXUn1JWtY4YWtoev2ZI2NR/m19oPsJaabKLJIU+2CBuLtqI1bEm9x0whfUZfHegMLT8e
xOmXK4+0uVaLHWy70WWnEoIBsbG3TY9b7qucRvZonxucKmi3beE2u8yNU4XvyFpkxjHlLXLjLT0sUaFg
i4719vMYa5oLcLxl0jJTN5QESsPVQ5+pZq3FWsVytypVWzXXnpKECM/JlF2bIUEkFKdTxWtKE3NgFfrw
MssbBRjB4eCR1rmccUjyek5+KkGW87ToMafJo2aqzTjMBElhupvU6PNXp0/SpZWkObEjvKNgbdNsQy2eM
kcowHsBU8NrlAPJSEV3VooQc8v5GTJo7VSqVGh1BtKZ7ECc8YkxAN0JdSFhLqBvsrpqOLJgZJR7mgkaV
Ay6lTE0zAWRuIB1oTn15pDl/ibMh0xyA0uOiOtZsA3raccHRatKkqJ6bm5/Xh77O1xxkZpG2h7BydebwzHer
F4Y8WKzkSYtijZmSxGnOcx9inSJ8JL6hsejjYUqx/PvsMU7RZY5M3szHGhVyy26SE4Y35HcCR7kyzc2RhU
/eKgiqNOsPF2yHtbLSwbpWnU6og9L6VXHh54lEILcIAp8dChdai1+JxNfjfWvrWmZuMObc2vqqkzN9ackxU
2ZTOqUtSUIVfVyluqcABNjp1gHbbDI7HDGaNYOwBSvt00ravlNRoKn49aYqvxHfzQSZLSZ70dKUJcUtx9
LYG9goqNtyT64mNkjc0tcAQdxA8FALwmieJY3FrhoQSCOojNPDOaZpo6ZKoEdC3LckqDSmXFeGpBUSO
nl4Yox3RYYn4oYmtI3hoB7wFmbXtdflsh5G2WuWRh/RfI9zT1tc4j1JDW01xije8TEstxJKLAtLFjf9wTe3jYD
7MW6MJwhYiswbiOQKzAmmVTEe7RFTlNglAVK5mvpsUEg3G1rC4xjWXZZYpOUZG1p4hoB7wFsVo2m
ve2Wf5NabVLIz6rpXuaaac0upluyySvL9OkQUJTUIbdKbWpJMqS06ttar26HUAbbfVHTGQqD6Jr3LXiwjJ4p
0mv3+Clb1LiPAoQ3SWFhnRzke9t6DuNKmye9cgbBAG9he2KrbLC3MRjPobn6llH3pbXUYZ3EDMc+TIjSg
LsjwoBwCiNfT8z19S5bVNeBQlffYkQ9areBVtceZAuB03xM2x2d7Q0MFOpp9iruve3RyF/LvBNKnHICSNK
86poNKqQ0FljMiyaLHptTedsn9jR1yXLpGrdJQgDb0B2tiCSxwVrIwdoH3q1Detva3BBO/qDn9ZyqB15JXOy/
W0OCsS4Gjl6lH+lvOS4i1rLUk6LE+BNx9mEdZrK40LGknoFfWKojvC8446Nle1orkHOpTqBpQrSfleoVqPF
kpk5GPPbUtAarC0AbDurBbKEqTuOoH2Yjs9jscDy+GINPENAPeM6K5eN93teEDYbdbHyN1DXSvc0EaGji
WgjcmqJkthhTBRWMlSZ7yC6lhNUU6plXghRS0psKunoTYeBxObLZzUciKfZb/FUWXpeLS0m1OrqPnHmh
Gm+gIOnA0opvkhZajttMZfpdQqrCVFU1qZIfeaPUFbZQtk73ttbYbYqsu+yxVETQ0O1Aa0A91CVkp9oLztp
Y62TvlezNpdI95aeIqSAa8KKK1yS5Dqz7spTDkl3U06lrlBSSR1WhDFgTbbcH4YtssVnDaNjaB1DRYu0X3b
3uBkneSDUc92R49B4HVOOUGlrjux4aIDSXk6VyFMuvosDchWy0DcDYHwxE+yWcV5gz3UaK+rNSx3rb3
UJneSNCXvNOrM0PVmojX6TVH6w6xFXSXzqUhwQZJZUOn19RAHwtt5DFuCKGIcxuGvQB4LG2212u1
OpNIZKaVcT+8clKcj8PUVSj2k0GqSFDSUqFWRGYCbk302NxcHoD8PHFCSw2NsvKtjZi44BWvXRZ+Da
G+n2T5G+0zGOlMPLPDacMOKlOilE4fN8l+pqpzCKa+lSSlP7JcWtsHcpHd7wB/RGJpoYZBilaDTiAfHRY+
yWy12cmKyyloP1Xub+7StE81Lh2mj02P84Inx1OKS2w+Ypfadv3ilKVW8zvbw88VmwQPOUbTToGXqWQ
dbrdED+USNJOuN+Z4+kKnp1W2fMvVSZRY7DrMRhltaVsOBgoATbp4AG3hfbEohs72mN7Q5vAgEd2iri2
2+CUWmCVzJAah7XOa7PXnAg1O/NRGuU96mU5tchLgsS2pCHEpS6BuCqyTcWHmL4lslks8JIs7GtrwAH
hRQXxfN5W4NN5WiSXDpje51OrETTsVbVClVPKS1uPtHkSLOJWCOlzskXPW/Tr02xeFkskhLjG0n7I9yxR
va8442xR2h7QNAHuAp0UNABwSnKPGmdSZKm6hzJjTqgVAOqadTvskFJAOkbWI8PDC/g+FgpC0N6gAl
mvi1yvx2mR0lMhic4kDoqTrqrUy3CyxxXjJSzMiTHRdXub2sPoPQ91RJI36pJ8cU5OUiOY7VfibBaBr2b1CO
JfY6clLU/RahF1Kcv7pIeOgC/RK0gkAeSrj1GJorbXJ4TzZTH6Px7FQOeMpysu1RcGfT34clo8vSpIIVb84KF
wR6g4vBwcKhOs7y3MuUbdgPFyyAXFEWASb3PwwLINkbvySduYWTqKbrT5j6p6YRSmOuQ0SmnqXNkJ
RqS3cHUpV7Da/wB/phQoZQGNLtU/07N7dAp60xHFIkLQWlHQCFI28Og+87/ZhHAEUKoGzPdJidopFl7jP

IoTbIgtct8JSsrQUIVrTYpsSLW1AEi29jhrmBwoVB8jc1xdipmpflLtJZjkMSZSp8WK6nmJ5bzd2pLi7XcW3bS
6q/Uqv1PW1sQussZ3Jz3vjfrXflTt+Cn3MXG2nZqpnu9Uqc5SYrSXUuw2UxmmtToClFCT00gd6wV0sLAjEb
ISw1aNeKa8PkFHVy4bz7UXlnNmTnV0SM7mqsAx2CHn1/QR4i9WpGlAupXU6iOneICtsK4S84hoTeRbzQa
jwHt61YXCmvU+tU2bGpodzNV22FSVGSwEst8xJ1paU6pK1HZKg2dyUi1/q4rShwILuaPjh4qaINIIHOd0+ul
c/jJRuPT2Ya0VGt06J7vSdEr5t5KkSFNLuVlGlQSpWoqP5xQLi3dsLDjXJh13qrHVuTgDTd8fAR1G7QE+m5
sSyxl1mLTZEZTpYkuutmIgk2krWLX0I02SUAbJOmxN2PszS2pdn8ZKxDOWk0bQdfuT3TOLE6BQHURH5
E+PDmJVUlPNc4SgFErc+kulF9Q2tpSEHYA2wx1nbWpyromRWx1CAa016e9VdRW5ueeI0xLL1QS6+y/JiO
JfCdCk2skkf52N7hPgB8cXHUawBVYgXOrvz/irpluMUDJIbiQIsisPse8rkHmKS84VBJkNJOlOsAO3VY35R
A3Hex9CZMzl8ZFX8WGLi6la568R6+5FUniB+VOWKprlU4tUVt19pi60Q33FOFepLZUGnClHMWOiRsDq
sRhxiwOGWvf70CbGw1INN27XhWmWuiOpsqC7l2pPCVQ2o5QHYLMhDbbrSEL13KDYlQ0AISrSrvEgW
bTdjq4hken48VIGtDTmOj48PuTrUcpTuJNHgfNz65KxGMiXIShSV7LJUvm6lEpu4klCAgDUCTe1miRsZOL
47P4pxgdMBgPT8H+Cjj2Um4WYGY/uGZlpfYUpMt12WtCtRKEadIIOpaQO9pI7oCRcXlEgLa1HVkqzoiH
YcJod+afYUalyuG63IjU6PX3CunkzGdUdpbajzNKiFFKyG9LhZ3CTYFJ6xnHymemvx7KqZgi5PQ4tPf28aJs
4lcHqtmqD7tAygzFl5hlI5cthLr8hadQ56kIUbR2mwhJSUpuT3StR2w6O0Naal+nwOsofZ3v0ZQntrx6h2dqURu
H2dOHWTqi8qmVF+A2Q8Iy2UvSJMcXWsuFI1ltOhIO4KSVAhJJSATQveBUV9qjfZrTHGSASOHR408Erq
lCcz3RkP1JSYFVQ0qrJjtpDiJaWkKWvmqB+jbLjYC2iLn7N1BDXUbmNP4e9OoXNrIKHM8f4dS0oeYI7W
Un0zKXGTHYQ81CdjR2wFM21kJfLYU2gqCrKQO6SPDfCPYcfNOe/+CbHI3AQ9uWdOrrpp1Jvm59o2Y8s
zJXzHUTz4S7QVT0CPKLTl+YguErd2+jVvuCVJA2AURvDqV7aZ/cgyxuaTQ6aVyy68z8URNK4lZk4hVRp
cKkVapZfp77aFxBaM0t+2pba1qWClsWHdCj3GjYJAFnOijYMyAT2ojlnldkCQN2gr18PjJGUvNlermeKgifl2
ouPTWAY6QvQy00SlKVgLSp5CD3tO2s6LJubnDHMjDBR2nx1JzXy8o4ubr8dasidwkrOZGo7RyPTV0Cmxl
BmWWy9rWpjmFIZcAdUUIVrOpIUNSb7bYqCdja881Pv46LIfJ5DQCMYRoeyumuXeo5R6hRqhSqRTaBT4
a6y/USkSYBTeE5oLLZUkXKENMgErCtlHoCrvWKOBLnnKm/fv9ZVQOY4NEQ51dRu3eob+KYXMsZBy6
jNjTqcyKzFFa1u0+LNZiRmXEhAS6zZKipRTa6Fbq79raDh+OdxbSmE76V70wxWZrXVriG6tO744qf0ustZ7
Lc+DHqqDQ4rML3OssNmOtpJSlP1Luh8nQRpSgG11aVHFJzTHzXUzzqNfdRZBjxKA9oPNAFDSnvr3KZU
udlzNebo71fyO3LiUYqjidXIzja4TiEgIdaBIU6CtaSptQOpSxqXYasVXtkY04H0J4eHR1+pZBjopHjlY6gbzu4
Ee7PpKhfGDgxk+JW5FNayzVGZz0RTd4UdtpphsFTjpLwuhTae6nUkc1wAkkJG9izWmbDiLh8aZfACpWyx
2fFgDDWm7Tpz+CVTVL7Oua8k53am0h/3iCFurhKbGlTw0XKtBWFobAUBqICrgBKT1xkjbYnso/XesV+D
ZWODo8+B+7VRZ6iZghOqZl5Ryz70ySh7WGSrWNlXKnLk3v13xMCw5h5UTnPacOAZKv4dJjSKQFOTY
cXuBXJ1KClGwO979fS/wxZspIhZQbh4Kpaw51qef5x8SiJMmBS3lofpzmpSE/SNVAuN+Nr/AEdvvxOMRO
vqSYQW0GvTkUvp+aaDCpwS9THHZCmxqdEpagpXolAFhf7sIWvrrkouTrlSpHE09qU0nNnKiOe7sVBwFR
VoRIUUIUetki38+FcypzUROEBtaHrRzZfqzC1x6RVZS2wELfcUpxJ8QAEgEW38T1+3CEhpo4pDFiAcxHIz
ZWaXaK0w5EW2NKdTaAprV5HZW+3ib23wnJtdmjHh1om9qdLikuSnEl5IKe+wFBQPkSVH7NsOw1TC9p9
EetKpMuM82VfNsth5aAvUgqCARvrt06X+/DQ13FIXN0yWaXmJ9kLDaJjitNl20lChfYm48L+OFcxI1waEro
0R7NbaVvxqSESLr5iLRnlAf6mlSbm217Ww080ZKYjE7MZ9aeK7VYlCpqodNRWojqSFMuzXkoaHiRpbQN
Rt6m3jiNrHE1dRD5GMyAPqSrhVRXOJnEzLlAEKAZlcnxqS3NdYu2wqQ+llLi20qAKQpwEiwVYeOGWqT
konSDcCadSdY4xPOyE05xA049C7Dzn7F7K3BTiPNyzmDth8AaJmOjSPdZlLqRdQ/EWoJUGyyt0hCilSSBb
ooY1v8Y3ObUQGnHPxot0dsy1pwm0AHgaeFVRntDuyBWOwZx9Vw0rc2k5pqsWFEnpqUBv3NjTIC1BHL1
JUSCjqQevXwxl7rtvyqMygYRWnFa/fF3mxycmXAkiulPuXP1Lmz6Uv3tRehy2FEJTHWi1723N7i9974yuGu
RCwxexprG71FTeFnB1chEiu0NVR1JA5yOa+tsJ/NJXqsL+Vug6WxVfDlSM0VuO1BxrK2vx0pLPza1CmqX
Q6NTYgkkKSt5krkIJ2JuSryuLpA+OG8idHkp4tTQfmWgeK0cnz6olcd9zLcZZIBlrjFh3YahZZ6HzIG/phzW4c
802aSN4LRSvFPGUJk7L1YaZazBNZEtSQ5IiHn6UdVFSgUk6bX6nxwjwHCpbomQucxwAfSu8Z+1SOr5rp0
XMERw5oq9RUtdn3ERmGS6jpp1halk7CwP8AuvDELInFpGEBWppmB4JeT2AetE5tRQ62v31hurT3nDy182
SltIISOgSsk+N9SdrbYVge3mmgSSmN/ObU9vx4Jj4XVGs5Bzmh6h1RVJXLAYRYhQQlakiyrnztuEm9vXC2
rA6Ml4rTNMsL5WSUjdSuXevRWf7FLM87tEoyXV+0xwgncR1D3dFIfpa1VAIUxzgjknuq+i+kGpJOkXBAx
qwv+MNo2EgdZ9y3M7NzOfifMCfsjwquG84ZJEviVXaDm3NtKiyspVObR0vJEdrnuR31skobQG1pSooJBUT
4DrfGxwTHkmyRM9IA79/StStFna6d0U8gGEkbhWnRkmJU7LmWs2Ro6ZeYuRIb02hNpce5oV1U2p1WpHj
9YEX6Wviakjm1oPjsUXzDJMNTTs1706SsuUiuZii82sVpT6wVoU9T0NOJsPqaUuKSVgA31FNuuGB7w05
Dv+5SGKJzxVx7QPf7kon8McupWsIjZnqMx8oHMMpppTlzslLSStQPlYG4+OEbNJvoO9LJZYqfpE9Y8M10
nR/ZxcGKZwVj8Rxx9odPpDeXFzarlmoMxX82NVfkqUKexFWCFJU8UDX9YoN72OtOEkvi2ufyHJ86uRzp
T431WejuGwNZ8o5WjaZg4a17R6qV6Vx7lqEzFeemxqyqmSWW0lT0dhLvLJTfTZCQCm9wDjYnVphLarV
WNGLG11Oz3ZJ2pmYI2bJj8aoV6p1q5Cm1tqVGW2TYXbBAUVDe9idvtwx0bmirW09anjnY/mveXeruW2b
Mm0HMlCNPi1Ksx5zaQtp1t97Qteodx1C1kKFrmw0qFtr4Y172uxEKyeSLcAz+OlVlxKyXnbhpUWafXJteZR
Mb5kdbk952PKZIuFtrSopW2P3PeT0UnbFmJ8b82AInErBR+nqoklWrFTq1EiRVPzqc8yzpAYmuliYjayigrKU
7fnoOg+KQcSNjAJPsVZ0/NDQMtFaXHDsFZv7PnYq4U8ZajXKfMp/FWdNiMUNMZ1uRTTGU4Cp1eooK
VBomyQBZY364oWa9BNa32YN9HfxWVtdzxxWNlpLvS3d/xxVQJmCrS/c57DNNkJv9Is3Si+4uU3NhsAD5
9cZbF+kFrbrMWuo01SeexNos1xQUoPwj1bJS62Rb83Ygj8LHywocHBI2PCQ05H47lPcj9oOY5DajVWYl5J

H9dlnmvNp2AvYjUBc+u3jitJZW1qzuVo2uVpwyacaKSysvx+I1OWhJaqsZQB190AE+SCCUq3HiDivUsOeS
kYC/OM9yr/NvZWqQStdJ7wR3kR3tKVKO/dStJsSf3X34mZamnIq2zlGmjwqgzRw+qGXJKmpsCRBev+1vtl
KlH063Hw2xYBBzCvRWsVwkpjNPfYZU6ttfKSoJLqrhNz0t59D08sIrnKMdzQc+CKkFKXAEq2UbH90MCc
ypFaLV6WdNkk+oAtbAnNjG9bwag4EOAqJCEkgdQN8CbJC2oI3pxTmN1bLLI2YjG+6dSUXtvbxO1sCrmz
DMk6qSQISHqM1ICghZe5ZUpoBlpISk7eveufI263OF1yWKlcQ6mffmT8epW3w2k+95kkVKkPNoqbiW41O
UJyWFNvgWKt7E8wAAW63I2uBinaMm0dpvyTIAC7LI7jVX9l5qpVen1MyqpJzLW1Q9FaSl+HJKZTrgCQ
X3m0qbUlGshpKibbHZCgcWXNFKCgrlrp1A+tZbA44s8Rpnoc+sj1V8FHOJnAyUjOlLdi0N2nfNLsemTKM
w8Jbrj61nUXHWkgNKS2poK0IUokJ7pG+LENpBaaurWprp49qrWix0eDgochQHfXfQdWm9a0ngXWM8Zuz
lR4kSq0mVRluJnVGZC0QYz0e+lh3TYNKXqUE/XUSq6gOoHWtsbWOJBB3Vzz+OhLHd7pHPZmCDmSO
Hx08VKDwJgcFVZchGbGhO1yGsc9Dr4U9p5gDbTRSpe6k/WQoAgXCFAlZg+UmXEaaHo+PjVWfkYhLQ
TqNc+n4r6lpSOFcqRXWp+fK3JjZdamvctlmG7IcjqTqITqKUti2sXO+kKCkgnoSWkBuGEc6nR8fGabDYXO
djtLubU5UrT2fGSQ8fuGkHIEH5ppjlT9yq8kMte6tMKiNO3QAUJQsqeKW9el17lg6iSfEustodJznUqOuv3dQq
m22xxxcxtaHhSmmW/PrNFR+b8mTZ+dn0s0fXFjNtB9iIxrVCJSHNao6LLF21dLKUTrJKT0vskAbmfjrVJ9n
xHTPo+Pan7gbxKoD02jMyoUqOuCV09tmM9yWUtuKsStRc1OOnST3Ra+m5NxhlpifhNDrmpIHsDwXdW
WWu9TfO/H/MlDh1DKeT4tVlQnZiliXDfkrS0RZIjkoIbWACArWPEbgi+KcVnYSJJdemitz2iTCY4BlXcT3c
E55no+fc3Cqy0VWE5X2QTHgIjodfQhQN1pCVamHXSVmwRcq3URth8ToWUBHN4/GoChtEc76kHncN/w
BxPVmqvm/lZCjSqpmaPVIZgNpSxInuuRdTygkbIBGvQhLn1ikC7h7xBxarEXYY/eq4inEZMmu7d8e1S2jcS8
6ZmGWK1TK1Hjyn3TAVMelF5CVMobVygQgaElClErUSmzitgbYgfFEMTHDpp1qwyaY0eHdFerwHvUhq
9YrWeJFJiUmAWZ1bcbiNTEzFrjNpIcWRJZWSlpJCVW30qbSNIJKxhrAxlS85D4yPxmiR0kuHkxmab/EcPZ
pvUXzvT5k+Y9THcwUqVNekuJn1tqWGoZSEOJDAaSQq4RuE6e8VlGsbYnjcPSDTTcN/Wq0sRqWufnvO7
oHcpNlXsuUXOGR3a+3nCN7pDltJcnLhOqlhxIUllhhClC+rWStIuEqSkWISCqCS2Pa/Bgz9XSSrFnsDHxF/K
ZcaZ9AHxqo3S6pK4c0tmZEnShUaXJchS5j1MccQ2QjvI0C/IUWxo3B1gG43JEzgJDRwyPT8VUDaxirDmM
q/GilnEHNUiZXcrvPVyWlin05RWmRDZYD0kOOlDJcCbuOBBbTcAmwPeBAxXijo1ww6n1exWbRKXOY
S6lBwGvDp+M0U92gskZZ94bTRq9OmPc9puFUapIdjzZa1kKcWAtJstQUAk93YhSlA2wvyWZ1DiA6gMh3J
BbYATRpJzyJNOs5qx+IOZJM3JsKVlLL1O59QLkeWxTkxHV05SW9fMkOANs6jqQEMp+oRsL4qRso8iV2
nGufVqe1ZCR+KIOhaB0CmXWdK8BuUdoWQKpScyBqi5TeoeZK82hbaJqmUww2hk89119YABCygkJFyV
C10i2JXzNLee6rR39GSrts72vHJswuPGlOmp60KDXV0ygsfk9VKXU67FqK4iYbBMVMZ1alAvLDmlPMSF
jdtKwFJBNrBWEcAXc8EAjXVKyrW0iILgdOk7+vqGqrmgcdK9TYVcglvMkWFlWVJVUKtECClCSvQ21zlt
rAUolJKrDUgqv1viw+ysc4HLOmSiitEzIyM+aTmNejd696T5X7TdIpNeqsx05pnRzKbcqbD1RaXDkrFytQj7F
ZCAoBanbgrNhsE4JLG8tAFOjLPv+5EVtYx4Lgc9RXLu+9WBV+LdN4myKq/S6ZVsv0RyIUvw6tLU7PbbU
EF0MlpCkR0kIClOupSFq0WSpY1Ypts7oqB5qejTorXXqGivPtbJalgoOk59NKDLjU69arNqh0sNJEqgVBEm
w5yVVIIKV/nAgkkG99rn4nF3G/c4dyxZii3sNetUsgviA1qlNONkJ7qVuEo28UruCPgPhbGVsY+YZ1DwWJt5
aZ30H6R8SlorTSXG2zBjNlQCuY1qQry31ahv6JxMQToVSoADXcjKhmSEWkIKIWkm9veFA+gHTf1tYYA
0jelwlxJAPcldHdZm6hFisaGzr7zBUU3vayr3NrG1hf44aRTVMo7ULDFVccqCm5iamktErbQ4stW0m10lRB8e
gAwUBHNTnAtAxu09S9D/Zb9hIe0M7AfGjLVEpFG/LQZ0y7DpuYKo2h+RQYZW25McbWvvhPJ5hU0gjm
Gw8bjU74tjrJbo5NwGm46/ct1uOwstt3PY6lSdSMwMt/f3qH9r7NfA7NPaN4X8HuDuV8qtZE4dZip1In5hdpq
F1jPMsTEMyHJEkJu5GN1hKSdKypRICQ2kOskVpFmltk7jic0kZ5AU193AKO3Wiy/LIrDZ2NDWuAJoKnP
TTv4ldBZ79j/AJrle2vbq8PgQ4OBic7QXh7rBhoy+adyGQ8FRtduSFhy6A3Ym+3nSZe7BdnImQ8pnxrrx6ulZ
B9ySG9eXEY5LLcKacOtVhO7OGRKbwT9otPayfQ0S8iZjiR8tPJgxy7QGzWpTS24RSCWEltKUaU2NkgWtt
hZLVKDY6vNCBXM55jXikjskJbbqMBIJpkMsjkOHYrHqns9Mh9nP2M3F1FeotGrPaDp1MouZqm5PitvzM
mt1Cc2mFBbdIHJWWGnVOpTYlTqr3SUYRt5yWi843NJDK0HA03ppumKy3TI2RoMlKnSoruB3U8arHF/jf
kvsk9nzs1Uxns9cB871LPvDiHmCrzsyUpKpcmWNIWe4k80q7ylFVz64js1lktMsx5VzQ1x0rxPTkp7Xa4rLBC
ORa4uaDmBwHQuHuCPD0UjtQ5CnooOjnZ0pbi3Ir6ktxCuoNLACFITZsX0gXOwA9cbDaH0sT4y6tGkZ78lr
FmjreDJQygLwaDQVPCisz2uFTp7PtW+Lbb8NpDyM1N3k9Fm8aLa9zYp6XB2t54gukO/BoIO53tU19uab3L
SN7c+wL0B488NcucaPlJ+UcsZtypQcy0GVlQOyGalFRJbeUmlTFIStCgQoJUkKF+h3G+Ncge9l0ucxxBxDQ
9S2q0NY++WMe0EYDqOkqjfYx+zq4d1GlZl4gcVsv0CorzvDrVP4eZdqcX3tqW1BSpc2p6Fp0kIVy2m1kWS
dRBupBxavm9ZHBsETjzQKkZZkaV+M+pVLiueNpfaZ2glxOEHcAdafGXWt/ZI8UeHfGPhxWsnZp4BcGKy
/wAPuG03MSq7U6Qh+p1+VDS2Q5LUpNl6y4dSxc7Cxwl7WeaAiRsrucdM8vWn3La4LS10ZhaMA1yNfV70
/diPJlM7bHEbPXERXATIBofCrKCJFMyLkUMs07O1TfcfVGEgKGrZKFApJ0kaNWsJ0mO3Y7MGwiU1ccy
a1AHafgKa78FqJmMTaNGQFKOJz4Dqz4ontV9l2rVz2dma+KWaOzzRezxnnnhV43PYYyyw3Cg5ppMhaULB
YSskONOOiyyoqBTdJsoowtjnEdrbDFIXsdrke34oo7bZzJYIaRvRbnlTL3BfsXZ34dnMBzpLqVv0qvZmL
eFuYKpVcl0qvZml1qnuFkNFBKGo7baShuSvlvOFta/dmJCOZZwlGlQOo20nF6G3S
SXecb8JBoTxGtOv3LHzXdHFeQwmjGxbqu0L2N8rcHPay/v9Kg80F/T/EQZHTYsEUYD8GpHqCOmQZFUTHmxgyg5ZFYNn1vzj3FLqJ7EslOYnB/OzH1JGOeZKOcPlacjI64HmWDdPDEHN4GuPmkaaAqPWqHi9ucsIgCBA6dhSiZn1NetbKF
or93ptagzHkMuolMtlart673WFnUEqTputOK1htmC1NZDI5zTrXWvRmrVvsAfZHPnja1zdCNKdwXE/Drh9lb
8scsUN5Ca/Vq5VIUNn5pqCm1JDr7aAFLdasojVsjWFEEWAtjNWqaUxPcMgAdR7lg7HBZ2yxsPOJI0PvHq

Xb+TKi3VvlMVSktqclNflQ9GS571ZLC2qEttaeXa6t0lN72FvUYxDsroA6f8AqWZZnfZOuXdzVQnZjqvCPO
/bv4x8GuIdPoeni9mKqQKPmRMBpVSydWPfn0x3WZX1kodcKUqavYuaL2Cl4tWmOdtkhtcRPMAqKmhH
V8ZKjZZLM+2z2KYDnl1DQVB69erpXVOb/ZhZV7NOS+F3Efi/lmgjLXBfIjz+dYtOiML/AC/zAZKWorT1k
3eC1nVqcG+ttKjp12xMd4TSOfFDWshyz0GeQ4e5ZqW7LPG1ks1KRg1y9I5Znjp3qsOxT2YV547N/Efj3A4G
5L4oZ2zBml2j5ZydGpaEULLjBbQZDpi3RrS1flAakk6QQUlxasWrdOWyNshkIaBmakknX+Cq3fZw6N9tEbS
9x5ooBQDKnv4pb2xeyDQoOcey5xArXCej8K6jxDzpCyrm/KHdEB55ExvkraaGpOh9lLups2BSUau8CVJZL
W8RzQteXANJB+NE622GMywTvYGkuAcMvgqQdnTsHcNMx+0n4m5hzhlzL9L4ZZU4gryxSKZ7qv3WsVa
QsIi09DFy0WW0LU6tCEhIHLChpC8MnvGUWRkLHGpFT1VO/VOs91wutkk72CgNB10G7RFezt7LPBurdt
TtN03OuQskqyvRZZi0wP0xDiKWl+szYqVslYIYUBy0Dl6dAQnYWxHbrXNyUNHn0ePx61LYLDBy0+KN
vpZZdHxoknswfZ95I4Z9qLicOLdFhZoo2VK3E4e0mHXaazLjT6tJkEh5tCkWJDDTa9RvZMhRGJ7yvR8kM
YYaEipoT1e9VrqueOKeVzxUA0FQOvLLqUd4RcPskcBuFPHvjZmXI1OzvGy7xEnZHyZlWQOTSlSUynLuy
G0EhaG21pSgKTsGSAAVJUlZJJZnQ2VjqVaCTv0qiFkcLZrU9taOIA6jT4PAKouGud3+1T2sKJPo3Zpytmlyl
5ecjxMgUeKY+W3J4dJTVX2VOlADaV6FJUbKs3372tdms/yazlvLUqdc60ppln0qhFaTarUH8hWjTllStfSNcuj
iru7afYLg5j7ELGds39nvKPBjiRlzNbdLQ1k1qGxErkGSk/SKaaedSlSFnfWvVdtVjpXYU7BbnRWnBHKXMI
311V+33c2ay45Ig14+rTT43dCq3tcZQg1T2VnZZy3Ji1BmFQanmlDjADLJbeblgIUSvfTofV9XY6txYA4t2CR
34QmkHxoqN4wN/BsMTq0/iuO6xwSp9Bi84RFuRIzJLq25MUlCSL/moun4XN/PpjYG2pzjSufatafYGtbUio3
5hIq5w+qtSogHua5MYN2sUJU4ixB1WCb/AFbjdIO/jh0crWnVQy2aVwrSviqvqnBuS4mRJp7Bicu6g0VG6xe
2wNj9v3jF5s7RqVRLZCOcKgd/3popFZrHDWupcSqZS5Kb6XQVIKh9vUeYxMWskFDmFEA9hxxEg9yvjgz
2lMv5iniNmtCmnZCyffWe60nbu6m022vbp8T5YxVosT2isXcsxZL0ZXDahTp3K4axw7yzm6mASIUWpQHA
Ft/Tc1lYItdPUHz2PjjHNmkYcsis2+CGQVGY68lz5xh7DDUmc+vLdQfixlp+mhSllxCLd4aDcEWO9jf42xkYb
dUUkVR9mMZrGNO/78lzDnbhnPyTVDDqkKVAkhN0h1Ni54XSdwpPwxkGlrhVpTo7S7QqOO0x2KskhJ6
Wvh1FcbO1wyWyEtxmHO6VLN09dhhEhLnOC3p7Zhq5r920WC0pJF1fYcCbMcXNZmdEfIqzi4t0LWlH1C
Qen3eGAlRMs7cdCM1rErAgSQVK5qzcW1Gyeljf7MCc+zl7cslYHD/jvXaaqOy9VXY0JnnPspV30l5Y+uEH
YkkAXIOkXUBcbxuhYc6KlPAWD5snLhuKu2P21VQM+y50tmnwJstCpMZMZnmNtvOIsjSltWlG5KiVla9S
uiR3cUvkILQwHJOE8p+fwiufV7KcTqpTkrtHyouaoqq3D99oM8ORhLmqbfcQpw2LiVOLU4hI1W1DUrxUC
djDNYgWcw0ITbLeFHYpRVtOvXpNaUU0zHxfyVPfoq/fSczNNPqRJgA89hhCk69JJ1PKdbVoCNQFkFRQS
og12QTDEKZdPxlRXJLTCQ141HD4zqMqcN2ahvEjhpVOMuepNQypVK/FpSHVPri1TU+mlureIb1u2Sw00
bIKSdRFlp7xRZU0crY2YZQK9G/LvUUsHLHHGSKGuZyGfh/DcoVJhZ94eUmFV60wzVqMzUghEyItLsaU
pKkOalqSUHxbUL7WUobWKRaZyTyWMyNPuVSZsjKSONW9HHVWflTLzXEOvKkvRgqrva3HYtQkqjT
Ec3ULKkNBJMYFQ0pctYn6+nfFWU8mKA5cRp3Hf1KeznljU660OufSN3X3qK0fs3ULhdn+l1Ok5hZVDbc
Q+whyW17xWNLag43FJSHG1pWSCXLWKk2uq2Hm0vfGWubn1adae+NokDwct1Dqd9B3hWY/xryzlGf82
B1rLsKJUubIlvNGoIlyFtoVIcYa5oUFNC7aS5qTouVWV1p/J5Hc7U06st1ct+uSsi1xN5rTQA8K5nWme7TNZ
rnFDK+Q3Hqc9NRBqwnKgGdDdcdStaoqXFNvgFSVaXSkbK2CdPeAVZWxyOzAypp27k2SWFmpoa6jq3/H
Qi2qBRM2TKfWYsen1DL1dacbfaqDTUQoKVLabckFa7uNa1reKb3Nikg7alxPaC05Edvd4JpDHObIz0t2aZZ
9Fc1XudJU2p1+lU+OqKyigvMONl9xhlqSgpbcEcDUlpwLCrp2uoq3AIuLDCAC7j1/xyVZ3OcGH9GnDrp27l
ctI4pZXyRSlozr70mr1b3hyVSlukJhxlqSUJW6pIQ6pRQAokHloaSNKgBipyMrzWLQb+n471cE8EXNm9I7uj
2+wKtqNw3ypEkTXpeZp2YVVVMSJMKI5TnXFxdLwUxpTo2lOlUxZ4ATVxNd1
Dx93UluTuDmceKoXLyyaDRWa9J90pq5cuzcO6Q63HbjaAtd1LUrWlLmi4Kr7kEtqjiyfU0199f4JbNY5ZjjaQ
A7TPTeBT19CT5G4e/P3DWbXKxAzMqjUmQihyw+VtiO+CGVctKGlFepaFBaW1C2C2gAklSsJLPSQMaRU5/
wAc0sNmJjL5AciB1dIy7/WlUjsx8RKvnZTZlQbn1eOhRo9PVEElicpkCpWkWkG6bbjJRg+WwdDUhGjvRo9PVEElicyyhJDUh0qShlRCkpWkG6bjvJJRg+Ww
BmlBvPCvDinfg+fGC41O4UrWm6tck1zciVbhXl+tvZohsw6zOdUrlLaFFPCUpdWOaypxa+WVI5XMCwl
KtVhqJk5ZkhbyRyHr7/ABooG2eSGvKjnHdw4+rdWqi9Tzrmmr0Oh1MwYmWYFNfdepVNiOGIqFy3d1PK
KSW0le6C6q6jzEzY4wS2tSdTr8dihkdMMLhkBoBlT4PFQfPvEmvU/NkcNc6oxsxCCpx5LcCFHWr+lbPM
VHS8Ut/RpSo8zRud7FQuQDJy+o3fwGaac7Z0zRTM+0+TUYT3Tn47A65Od7Zh9zbRdM+0+TUYT3Tn47A65OdDXo3fwGaac7Z0zRTM+0+TUYT3tn47A65OdDXo3fwGaac7Z0zRTM+0+TUYT3Tn47Yj3GtakrtpK
rhQXYKAva5H4SMhjwnDoqbDXvcW4jzuzNWFnepVXiTlyJQJMt1L9TlK98gOIqga22SQhF9tRK98gOIqga22SQhF9tRKumm9
ii4rsY2NxeBkBqp3Whzy1m+taV06kuytwty/ByhUaO9mF6JmCqht0SY8lLhmW1N8tbTgbDfcI0tpUtR1hQ3+q
x8kmPEG5D46fYp2iMt5Mu53X0nXT2qUcNeHdE4T0FdWTX4kFhU9uMiPNDfMSt/p3FKW4CEt6wCpI3
BII1CxryyvkdgLd271d6nhgZGOUZ1nTrZ3Koc38XMtDNlU90rNakfe3eS6lK2uI1nSoIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsBIIsdIAA6ADF
+OzuwioFVQe4lxLa0UQy1KclRWS7NgMoYSQ2S60laFafHvAj7MWLMQIGdQ8FQt0JM8mEH0jx4lO7teY
p0dmNPlNyH3CLLMxPJPhe6SQkYkIrmFWEZJPNqozIpciFJelsuUlURau97vLQ6rY+AA1X9OmHg1yU7wG
swOJr8fFUlfeXKaWWKlHKjYlBK1KsPDSNk4dlVNY2g+cYfV470ry/XILdQLFYkVGMxvqREYbuV2sk3V
bpc3w01/RUjYd9MujM+NF3b2EvaB0Lsj9gji5S8j52rkHirUM1ZfrmXIz1LUV1v3hLjIiUFVcbWsF
aFqSNztrF5XdJabawyN5dr2raLtvGKy2Bp4ho19agbzpw+KJw7cnaF4D8d+KnCvjtlGs03Juf6XX6rX1bDe
hSX0w3m5TSnqRpZbs4Wzq+Xor+azjvxj+Dkx9FxRqfhVM5tRSW/G8+b5GJ5TrXsHv97T2AgBLUmZfHPGbJnXJ
YSvPPbpyfmT26rfFun5wqUzhS1nqnVIVOPLm8hMNDDCHHDNZVRwvZrcHj0O9rR60akJaLPLU/Rlt4sd9lavlZgpgk4UqMeGxCQSU+yh7C3D/Ufb
epNlvZovUScr81l1ad+quHsQdv/gnwL4qdsmtcZNNdrK4iZrbzNk8qSuU/Nz8kY12M1ZgCQX4A8MTRKTJbaahInpb4I53j

GKNuu20zRWdjGGobQ9HWr933nZYZbTI6SoLqjpyOn3qjcjdvmDxE7G3bKicQquGOKPGibRJcCM4HZTV
QdjzVOPhK22yhhlpvQlAWQNCUhJNrYyL7tdFarNyLasZqff1rFNvSGWy2nlX0fJoN/Cg3UHWot7QXj7Q+P
XBTs0RcoVVMxzIPDNigZhWYEltNPqDTiQthClpRrI0q7yNSSPHE102d8MsxlbTE6o6RmoL6tEE0MAjNS1
tDupkOhUd2e6xL4Y8dslVWtORIFGpuYYE6VNkw3CpbLcplxfL06jqABIGkX2tcnGRtzeUs72MzJByCxdhLI
rSySTIAg1J3V6lantQM1ULj/wBvrPuf8qVtVUyxmKuCdClNR0oRyEtMDmLQ6lLyblCrbXt4YpXW2SOwiF4
oaHLrqsleksEluMzOcCWmoJ3UXbp9oPwqz17ePLnHGkZqnSuFcHLfzZLq6Yslplp8U6S1oMZTQeUQ482N
QFt7i4BOMF8gnZdhgczn4gab6LPG8LPJeonY/mBtK7q55JlyR7QDJEz2m8rPlZzQjLHDTL+RKnlDKOXWq
TIU1RoSmEpjgloLBdecSVLt9XUgE2RfCPuyYWERsZVxdU6dPh4p7L2gNvL5JAGhtBrvI7M/ALmP2VHafy
V2asx8R38916PSkZh4W1jLVPYjwlyuZNeSzy2dTPMWNXLX3lBLY6kjGYvuyTTsjELSaOqe5YC4bbBZ5J
TO6lW0Hep37LztE8NeztSs/wCUuJ9fXQ8j8X8vfMdZFNqqVzaKtGox5bQaVrOgOOXCEEju2BAUFQXzZZ
53MkhbUs6NVauC0QWdj45nUD+nT2+pR/tLZH4PcGeE853hv2qM78UMx1eY037i3TnYkGPBS26VOO++A
tOPlzkhKUKR+cQk7EJZjPLKOVs7WgVzpv8AFSzCCGBxhtJeSRkc8t46e9dt+0T4b8A+LOZuGa+J/E+s8MJe
V8i0Vyuc7K8mowq5T3GyUcl9gFLEpJS6glYV3XG7IVYHGEu2a1RteLOzFU9xWcvSz2WZ7PlD8NB2Edag
mRPap5Bz97QziNmWcrM2TOE9e4dHh7ljNMWC/JlZeYbKVNy1NJSpaAtRcXskqQA1rPXRYkuiZlka0Cr8V
SMvg/eoIr3hfbHurRmEAO3byerX1KOcReJfAbgN2B+KXC3InESrcQM35vn0OpifHo0im0+YGZTalIjrf5nfb
QlxxxTijqLgSkkiwWCC0vtbJnx4Wj1ZdiZPaLJHY3wRyYienXqJyUN9i7wx4dvdoCtcQM3ZjVAo/AumflpU0
xYDiGHQ2taG+a1ywolk2c1ICistoFhbe7fk03JtiaPTy4ndpnvVC4IIBI6Yu9AVyyG/XLcrY4CcReynw37fzXH
Gf2psyZqrUetVGtGlv5ImMxQ5LafS4hLuhRSlIeJAB6IA3xSmjt5snybkKNFM9+Xarlnlu35b8pFoxONaA6Z8
MkfmyncKvZl9uHi3m2s5phZt4gQdNU4f0OXQdKYk6qJVIXUZMhLelLbAkqQkLdBKUrNgpSLMjNptlnZC
xpDBkTXWm6lfZqpZfklhtMkz3AvOYFBUV1NaadZ0Sul+1Iy8JvB6lZhzW9xKyfPyO/lTi1AdQ64+6++/qE1
A6Lda77gLOq6FqSk6tFoxdMtHkNLSDVvTrl4KY3zFWMF4cCCHU3Ggz8VH+B/EjhWeFvEPs75o4sZmayt
PzQc15Az/AB6fKL7Cw0lJamRxpdICNKVakJQtS3TdB5asSzRTl7bXyYqBRzfb29GiiglgDXWPlTmatdv6uzp
1Cqvinw6yh2du0PwbzPTuLVZ4mUbKNfiVnNlZn0uoQ4kRlqZGW2IcdYdKyllL6nFajc6QFA93FuGR80MsY
iDS4UaABWu+py6FRngbBPDKZi4NNXE1pTdQZjirX7UXtCaFxH9pfwmzBliSaDwF4fZpRmCU+1CfberEu
S7zZtTcj8rmuA3ShAAKglKzYa9OK9mu0sskmJtZHZAcBXr+ArNqvMPtkeF1Im5k8SQfUPFQ7h12h6VVp/b
AehzmmZPFOK8jI7zcJRdqjhq0qS0tSUIKkFLbra7ugEAEHvC2GTWNwNnxA0A53RmpLNbWkWgtcKuPN6
csiujOLftHskcTOJvZ6m82XlhNFzFFz1xMUaDJQ385IhJhBJVy/pNCdagtsKBShsXuCMVIrvlayTm1yoMxx9
w9auTXhE6SMYqUNTl0ad59Sonh12meEWdMk8ZOFvEvN8yhcOuIucJGcctZtoqFy3MvVEyFqSp9lCVKSh1
sNn6u4DoUU3ChkdDY7SwxzxMq5oAIO/wCPcsb8usjxLZ5XgMcSQ4bt/Z0dqW9kbjXwK7N+d+J+HqHHqq1
ejcRskNU5XESmUaREfy7+HbbKmE+jxGvbvbwTrFabFZy6cQ4rHH+qbbYuX+Xw0W1sq1hBtsgc4bK+QFabFZy6Fk1cQri4H
TLxCxxc7QfBbhT2GsxcMcr5/r/EnNVTzRT8wO1eZl6VEhVhCCULRGSvYNspgQgEuLCnFukpKx9Vtnstofah
K6PAPDIqS1W2zMsjoxJjPU1zCoDi/mXhrmjszcLafSFnmn1GpvVLKzhpJPGbzNMo0PoQ1Aq4wwQGE3tqqYr
LixcH6lr4ydmZaGWmRzdUad+Xv4R4yLLGmx4zmGOnu+D0YNUtFOqQz/qrG7jtCuxLbrIkSsmnnnNE0icGWHgx
YmGn2L/Puwr6ZBTPQLkgZNMdHKj9BaEhjRd6tpEnkYEd3OBfBzlhQaxK9RfZhVb90Hqo8y0MxDiQtWn0JnQJb1UzVBPgDcFqjmPnaAZ8a55RAPo3hpmoB0b1e9TWxwNYI4fAvYP4d2m
63ElGYpwlbi4qwwL9FBSrqBN9wq3j4Ww9s5BqzRQusVW0krXjQ07/eqXz5wPl5RlvSadIYVHsFpbL6VHSet
ztuDt/LjIw2kO1VKePCMMmY4pVwy7QNb4cyFMtS5LDXR6I73mnCepKFbXPgfDwwTWaOXUZqCGaez5
xGo4bldmTO0bljP70eJVYzlOlvrIS4Hv2P0HeKt1t/crw8MY2WxyRirc1mLNekUvMmGE+r3hS/PPAuHnKge5
rj02dDkpJZHOMlJJH10KCCb79Qf14qx2otNVkZLESObToz+5c5cQ+w7WKHKLlL93lM76Y7uoKT5gKtb1N
8ZOO3RnVUnWe0MFDn1KicwcO52X6s/AqMOTTZCOiJDZQtfqCdiPgbYuNICktU/wAqLKE6+CY6rCWJj
7iglCVpF+tkgbXG2+Aq1BI3A1ozokbgWtspSolLhCbXsDbCKcEVqdy2jsJP0h0dxdxQxW7jfbpbAh7/wBEI5t6
KFAoIUd7JCR02/AYAoy2MUrrksRnnUpbZSRrx1tfR4E/HywamK8mJ8K2camJ8KNGmy29ToS3pV9R
Nim41bAgFQ1b7E9clM0pM0BzgN3T7PBWbTe+Pj0KpppPzPBTKjxzERHpzDTaPzNBTKjxzERHpzDTaZKS5zW191NlaU3Fhp
Kge8SRtX+Tt1qe1QvMpjx5UI107x8dKsWH2qs2VPL7tZolColXqENKlOnCI0hUZBZ0spFA
XYaRe9Z1iiDsJJAOVPvU0FrmoQ4c4amnsGXVrlwR8zibmxfEVDseEzB97ioWw46lcZqMVBKSlpC9KEJW
O8lISdlE6yLjEjYIgzM1VV9plcebkemo8dAo/m/OiF5vVppilyOWWqK3LZkSVl8rFlJcN1kuKS4XkVkJG43
KtjOHXw+AUokGYmpfjUnMKqJtfqvDCfBKWZbtPDZdpbs1glpwkJ1PMggEdApN9xxdJ6jayMLqjvUggc5oea
A5/x7TvUjjR5cXhUqdJKGTUZhL4bQjQuKXKDXDYuqSd13QgAKASAVKAKjfdDdX0pkq0rYwOaVNKv2bqq/w
moGYH40gVXMbk1MKntELkypDRsXeSCFNtqSkK1adyle+4xVba28o5SGyvx2Xo5TyZvxvBbyGPQpnuzVuSyvbG/wBbdvNOjcPjg
pXwVynU4GUUZfcokqusUHkplTg00o6t6bTDz4mgVWE6E62lkC0Mnc2uSCqVN0a9WB0jyQz24/sAqzmbAb8mm7dwW6XCu12x/GL4CuZxxf
If4e0F2XQKAajWKMpDDsV/U8uGtAVonKeQFMyEpI0raUUrbQ22oBQ3xA6j3c85H19FNR171biGFnMGbf
V0kjXqXOmWqjUeI/E6oUqhUmoZxrT8hx5uYZDzD6mkpMKEIWkNtjclSiSAEITqAtIuIuYwF5oB8d6YIC7
NorX3byrM4ScUkUjhhVY6Wp0ibSnMJ8uNfCJUlTNKi2CL3VbIE8z8uUJfy0HkHGutBLgmXa8V+CaHE8GuR+MlVbIY2Fp
Br2UNeoaKaZMz4j8ivnCsN1WsqqkxcSVOqjwjRGnXF6+SFAq76WUrCmwLhKxdSEJOIJY+dhZQU4a/Ffiq
ns8rSwukqend8UU7z/ANqCHRaTGp01iNVKEsfN7635j9kJCAW33YzQJ5RVoAbWrchXcKChOK0diJOJuR1
3d1Tv6farct4AcxwqNDme8gbuj1UVd5j7XMzNvGVMe9PzBTpTgZZYYlAQwHVBCQVLeJ93ZUe8FJspOpW

wVbFltiayKuh7/AOJVY2100oJNW9Ip41oFOeHvtB84UPP1NoErLlENOqTgm02RFn+6NALeWlTfvTO7kVx
xRaWkEFIBQogBQxVlu2JzC5rjUa5V9R371kI7xljIEgFCcqHieI3cejJRbtFdouBmBECbWoFDjRZkt9mowKek
xVVZpKlBtSiz3GG0J5SUpa/bb3UlF8WLLZXNqGk9Zzp36nr0VO1Wpr3CjRXgMurTIADh1pqyjxdy3CyPW
m6C2vLbEkNxSkx3JDERK2ykRrLWVOFKVdwLQNKiteu6gDKYHlwLs/j1dPgq/wApADhpXuz4cejLpqqAr
uWM1u5lnzYFKkxTAeRBekwW1hDal9wEgbjWTt4m+1zfGRxsFATqq8bQW4nV6qd3f61b8bhhIj1OgSFVO
HDWzS0KkwJMktohWZJkOlvXdxF76rqQpxzuJ8k1OXGFwpv18PjcEOsxxtz5vduzpv8AvyVhZY7MFDpzlE+
eKjHmyqdTnaoI/viVc1SG2+YhaUghCu8nQArVqsnSqxKaktteQcI1NFeiu9gcC87iad2R+KkphpXD9GX2W80
V96ku1Bx15hmG4iX7xS0qUBtGsoFIS5fWha1XBSnvXVhHT4vm2Vp2Z9qeyziMco6me4g1H3Z/BSWVlp+T
Jcci1uG3GcUVNJj00llKCe6EarK02ta4Bta+Hh4pm31quYnE1a7JcnszW+6FFspRdOnlgLV8SeuMnZPzDOoeC
LZG7l30G878tfUnXL9Go8mVecpMNAB0FSdRUbfV8RbfFh3QqL5Z6Uaa9XxVOszL0KtuhFPmNOreVZKN
CY6WwLblxVh6fb6YaHU9IKJmJtN/XXwREvJkagSWkS5TYed7qSwtuWhs3B3KFbDz+3rgDq6BP5SQ8KD
46QnhdbhxG3I1RKpTR1EaKfrGnqNy4LX+A64QtIKrx88VYaHrS+dm2sKy+HG0TX4utPKbeDpAZA31aVh
Fr2GkX26nDcAxVT2TNpgca9OgTbBZnVtt15XutJSi5VGSXEINj+ioqud/BWHjJQTujrQZ/G7708UGtUyBE0
OIzNKeUdDi6c62wySbkEhSdQFvj472xE9rya5KaPkQKkkGldU25lqUZVTEeBHq7DZUFLTMksrJVY3IUUg
AWO3lviRlQKn1Jj42uzbp019ibXquS3yW4sph9C+6pNTQ4ra97JS3ax2NtWAA1qVK6ONjcvA08VJMsPVW
gtFLdcp1PANltypUdtwKIGsWWCfIX3SfPDHFh1BTWxuIrGAnWhVlD+cAW6nQ03TY1F+W2lkrtdQJSAEk
9B3fOx3tiMjm6FTNYcQBpXuHgnbNGuqBiYvNuVprlNWVxIdPnqcmE7W5YUzov6EjphrHAVaGnPf8FJJA
8UlLxlu+AmepcUcximqpFQk5nmolrDSWnm0OJUq1gk2ABF7jbbbDmwsBxNATXzPlaWk+tTvJ9WrzuX25F
VzU3ltqK3yi1WHJGuyOhQENqSEq2GkK/N++vI1laNbXqopWF5HOkp119yY67w5nzqZFqVBqMSuU+ctTr
kiBCdi6bblSi4lOsXvcb7g/HErJxm1woRx+5RTWRwo5pBHGhHfWiihq9KQ8lcmQzWagEE8t1t6ItKAOqHUq
3tbysbbYmLXaDJQtoOdqPjenufxZaqtH+bXZEwQ/dlNLZXTgoHVcJIWsar7nfEQhzrRTOfIBRpy7/vU77VXb
TqvbZz3Tcw5hEShyKFlyn5dRGpCXlMyYsILLbzmt3dZLhKhbwFrb4rWC7hZGFjTWprmrV5Xk+2PBkGGg
Apn7aKu6fnms5ETI/J3MohKlK5pYRIZi/mgagrmKN7W6H9WLTmRv9MKtE+dv5skA8Etc4uZpiuRJVao9Cr
khtPNYrVRgPzwpBuf29JCCAARsm23jbDPk8Zya4joCsm1PFC9gdTedfFTzL3HPibk5nOFDylVsw0qn59oKq
NWYbsJh6HOp7itSmGkPtrWync3KSFWuL22xUfYrO8tfJq05Z7+minZeVpjaY4/0hmKbuAKj+Q1txsqPSWaP
mOuyqa4Y8qVGkCVTYRsEkOQy2rWQlWqw3BSNNrYll5zqEgA9hPaks4JbXCcuotHXxVqcX+1QO0Nm16
rZ4lT865hkxI8WqVV2lopjmlDZbYSEphhxKdKRbSCQbkk3vipZrFyDcMWQrkK19qnttrFofimGI6E5D2Erny
q5iVGzBJZo/vLjcdRfT7ujmBtpJFkKcUhK9iRckWJVvjLhooMS1/nVJZp35eKnXD/itmCgzIzkhtyPGa5i3m5X
0SH7jUlPMSgKCha40qN+hHlVmgjdpqrlntcsZAOnT76KyYVfyhxImvVipPUhh5pKFtxqZLW8ZCNO5cGykq
SQCLKPjcA9KRZLGMLa9qymOCUl8lBTgapecn5Zj0l1Ean5iiMOyFLV83RHW3nSQCHE63FN2N0i60WU
Li4IF28pITmR2p/JxNbzQadAPfmaepYhUjLNZmOMpyhnTng82M/NjBhDViO8CqSpS1/uU6L72GBxkaK4h3
/cns5NzvQdUaGlPbmU5ZryD8xxQzKz2A3UWuWzGmSpi23B/naeQ6Fi9vzdRG2wAGGRy1zDNOrxCfPC4D
CZcjuz8Co/l/s+U6gwZDtTzfS8vmGtJbSth5bKgpQ72lLfcsq4UDcDe5tiZ1rJPNZVVG2LC0h8lKddPDJF5w4Q
0qmUaZUn80wcwBhA5bkHlJCFrGzhbUApSUn62lYsN9sEdocSGhtOtJJZWtaXl9eqnfTxzWcncMpOV3kxID
2T6WS2TIkO16E+Xe7p/awHFG/Q2IF+pOCSUOzNT2H7k6KFwo2oHE4gfen/AIXUpNDWuampORX2taXK
YxOhpAV3rpKgdZsd0p1IsNrWsMRzEnKnbmpLKA2pBz4VCMhT6Q9VW579FbgCQ260h9BfizErCyAknUd
SbWI0gpO/hhCHUoDXuontcwmpbTXiCoNnSh1HMVfjuw5LVmk6hDqD7jj8lN/zgkEWtYd5NwOt8Wo3ta2h
7wsfLHI5/N7jqU3s0OYhpMxTtPpJddKo7jYeCULCtJSS3ex3O6k9bdL2w8ubpr3KIRvAqSBw16t3tSjMObMy
xYJiSJ0OUhJs4+potvIPiVJWzZVr9QkbdfPDWRx1xAfHenzTzhmEkHs949iTUPh5WJMBxMqPTKnAfBdbc
KNDjgJuShQITv8AADbDnTMByqCmRWSQt54Dh8aFRXOHAJeaWgRT1wCjZs8xu23XZO4tuTcn4eOJWW
oDImqi+RyNOJrad1FV2Y+HNZyHUQyl1qoJTZX0Cta2wOpKRvba9xcW62xdjlDhVVpGMJo7Jyl3CTtN13h
9NjCNUnhG1jnR1ALZkjpZST1sOm4It1GI57HHKMxmkhtVpsxqw5cPeuh8o9rPKOepCotUX8yTVgoSqRdc
Qr6iyzui/wC6FrjrjESXdLHm3MetZ2z31BLlJzT6vu7UZm7LWWeJUYR34T8hPeW0lyE44lW1+4et/gRhrHSR
6KZ7Ypd3qK5x4x9lhqmTXH6EJ07UpS1w5TKwVX3IDmxt8R9vjjKQ2rF6ax8hMTqMru3aKiKvkWowHZM
dVNfjOR0a3kcs/RJHVRPSw/C+LVQd6vRWthIJdX44aqPyULhIPeAUU7eYP8/8+EOSyDCHnPRZiyFS21L
WuyQoJ06vD4YAapJGBhDWhbNPJU7oW4rmX1bjunf+YYWuSRzTSoGXrShdR0oDbboupdy4SopFj5YSiiE
OdSOzJLabmWRSagpcKorakKTpU8BYq31Hr5m2AgHJR8lzaub2Kc5L4k1PKGXUQWqsIdOqpDyIz6AvvJ
KVG9rja4I2+sBsbHCOY05kZhY18by9waDx4dHx1KW5R42MUBxbqZ9XXNeb91cUnR9FGSkNobGsKKyE
8tIAKUpCLbg2Eb4Q7Kgp7VWHKjnurU5Vru+OpWrSe1IvNVbCjDdnVGQ4IEJEinNuxnRsUtLatpJTpSlRAv
pKhYBROKbrIGt1y35+1Wm2t7nYqnTIeHgd6ScSeFdGn54yqs1KRU/wAe1W3vcHYHNJrwyz3iuXYFpxL4vdVPhRm9VQrNDoVUaA50iKK
gJrbCGAlB97TFKeUpRUF2ISlBWALWUA6KVsrcLSQeqmvCqrTQywVABHCunEGh+Cpzw/zExkflkatRO
ZAkl9hLsCA2mREkXC+WtLhUp1pafcZDOXVxbSTFkBoeA079QVGOIHHCqZd
pkqj1GuSXEwqgtuRTZVmOVPMoeDxKFDmt6P1rAlO98WYIo385reihanTRi/Xo6/j2pPlzixJqHFC
ZrNVo0xjLzjusUSU1ty3G+QpG/RUIJa/8jbM5tHPbzemmqvlF/J8Xi1I5NyzGhNdW1w0HhUAx
I5NyzGhQn0HVNiMIcTEnstt2dYUnm6ELE/SqJWVJIuAcx4ZR/3jp08E59rxlp6OgwbhnP16qSULhdUnuN

ypVRZtlJNBLqqyHGvcnJK06jHLTLDJBUUEI1rudSCTpsCYXzNi5p51dN/XmSpo4Hy/OA0prXLqypqk2bOF
c6HXEO0eRCQ63HBbq1ZntTHmlaggNMkhPNfcUQpV2h12WkpCcKycEc7uGXaejtTZYaVwZdJNa9Arv7N
FFp3FipcPeH0l5x52oz65JNPTSa/AbMr6PvrkobQoX0vjuqcvZJUBY3xIIxI8DQDePDuTc2MJrWvHP4NeKpa
Zl93OeaJTsdlcRhiGA+04sIfffSk6kqKG0hC1K7tinSja5VpJNupa3ikBjJDTlQ9fx1qY5e7TkLLDVIplDocDMV
NhNMtQGa5FRUFp74W6kEp7gOkJ7oSRpJFtV8R/Jg7Nxoeg0SuMrC4looOOfZ29CkmWO0K/RMwR5btPyL
l6rSpclyFOqTTz0ujpbF1gJ7zauaUqQLN21EiwB2Y+zAtwkkjhx/h1oZI8Fz4gOvPLLuz6j2BT3LXamoUXMrl
TrdOi1N+pzUT5qojTbkiQWQQhbPOPKBVYDl3ISqxSlO4MEljdhow0A07fX2pY7aDJ87qaV4+7sSbNHa5y8
xR80KjU+tZQqVXTodjU+oSkpHJWlbDj4D2hbt++bBIRy0JsApQU1tifVtSHAcQO2mSlFra7EGAtJ4E9lc8z7l
U+QM/1DiBWKvmyt5gdPuDKDHVUmlSVPrKgdbiUkJUVDV+27K2ABsBi49gaOTYMj2fHYq76tcHSHnD
PiptB43NZ5hLqdfYp1XliSpbrXu5QmUS4pawskoKysqABF9GnZI1KxEbNg5sZoPj46VH8qLnYpBXOunj8ZJ
w4d1E0vPNVlyKpWKdmBSIsiPTYdPNSEm7ZGsqdU4NIQVIQVhaQCVWHjXlYCwAAEca08KfGStQzPDy
XEgilABWuXTXsrXindzi7EbWpMXLmXm4qTZlDlcLa0o/NBSlmyTa1wNhhBZnb3HuTvlg3ADt+5ciGDzPp
1PrZUCCjSi97emMtZRWBh6B4KC1S0mewNrmfEp0+bXYsVxbtZpLzK2yOUqWFuC/UBGvr8N8Tg0NFTo
CKtjIPUPciWXwH1cpchhoJCSBYskWIJuoncnzG29r4XPcmuaCOeAT6/V70ppL0WNIDiIkqQW1Fa0oeQGy
QNxbSTp3wlDuTZan0iB2GvuTpTM3mMF8+lKUkWSlKUoLmm/ipQ32G+2EIKgNnZoHjrp8UWzWbxGUq
PCjLivvErWqStLgtvawKAOu2Ew1OaDGA3ETUBME2VMnvK5seKXlDvpLKU3udulhvhw4KyxsQzDjTdQn
4ySiPRplGC3ZFNBV1K3TYJR42TqAsfvwBMfIyTmNd8ddCpBlrLUSqTmXXWKXEZXdSnYt1PN/ubLfSlIt
13viN5IzCY2YUwSE07PcprT6VQazT3UKzBMdmQSnSqa+3FbWT+itElfRN+g26YgxyA5ju/gpnRRHJpqeBo
mGrZXNCQqW7VU1NSSpKYkaQqVy0kEiwIsQPP8OmJg+u5U3s/R5vqRVHyM1mZ5EozIi4BOhJZhydSrW
JClojqHW+x8fXCOlI3K02IBtC6i1qWW3GXBCYjTYkVLyC3+xVvJqB62TZlK0m21lDx2wB+9M5Ntag1PX
n40Unkrp1Ly4WYuTZ7rik7PqU4Syel+81dVr9BbEYDi7NyQcmG6VPGoTXRociiB2oUabJbVpSy4yinr0KXp
BuSsp0XCgfEYVzg7muCkZG5reUrX47Uc2+7XbKq0mK68VBQZlgNoZWOp1NKSbdN77Ww40b6KrYnudz
hv8AFPObckVGmupfky8jmFE2VGTmVh8SOovZTxcvuCAlaRt03xBHM06Vr1fcr8lieAataOivx2pmg5vVVZ7
EZioijRY7hWC1McbKv0gTzSVJ26Ag9enXEjo6CtKqvA6rsjTvUyoGbaDUnnkSsmwa3MUFCPVYjziGnDp7
oWp1Tigq4tsSLgWxWex7RUPoFfjfHITHgqfjUouDQnaUiW1GTkpgugKTCra5MiU0pKSbJ+hBF9tkpKT8b4
UyA61PVomNsxAqA0A8dfYiTlPOEqhS1V/KErL1ITHJU8mHKNLB2tdhtCmQSdytV7AHxwY4sXMdU9Yr
709jZsJrUD7NB8dKMkUvMmdGYVMfo9NnUrQVxapQqVGWkBG2tSAyl3YDqo2Om9jvhBybCTXsJP8AB
Oc6aRoAIrXUAadeqkFHyPIzjmmhRJkJ2prVdoSkU1qGyFJubFJYa7puSQlatPwxFyga0nTt+8qR8Zc4Ab+FKe
xWJK7GcNmBLVMkUdbMVOpLAdY1wlJJUVMqEtKnNQIBC0q3AseuK34RNRh+PUrDroYWuMgPu9eaY
OGvDfNmSKdJey1mih5fiTCgl5jMMaPIcQnUAXUOPtrbdSVKCkOI8LXIAvLNNE80kaSR0H3KGzWO0xA
8kaA6ZgeJWc6dpRM2THoubKWmv05wqRKKorsptWyk8+Mr352K44ldtgABY732wkVj/TiND3d+QKktNuD
QGTNqK9fdnT2LWl5t4ewMvOwMu5SzHNelPaY71SpUZ1LKlqAIQlu7roQbnQCVAX3NhhXxzk1kcBTgSm
xS2YNpE01OlWjf7uCmsbNuUOHFMfkVOh5hhOISlp9UKM4iB3Qe+007FPKG+/eA36XGKxZI80aR7fUVaa
WRgue0inDTsqMlHeIOb05n+bptKy5X4NOUoKS/IPv0GpxyL8psNo1tr71wSOo1C974liZhqHOBPcQobS7lA
1zGkDpzB6NE6ZAkQc21pmixI9ddlS2FuswvmooLraLBQSHmUagkqFyCSAq/phsuJoxmnf7inQhrnYBWvCn
3Kbe4Z4paJjrtNzxQaLCjlCWG2GnI0ZjQSsB0d8IAuO9vbbcWxXrEaAEElWA2cVJDmgdVKdfBQGPwJiZ9i
oqmWqHl+qQ5p53vECVEkOuLJ7w0+8pQLeKdIIv4HFr5UWc2RxFOv3Kk67w44mNGfV7wkeTeHFMza+a
SZ2VYtRoTpQKPmBxmmKdSoKKlJcbudutkqI1A3APVZJXM51DQ7xmmss0cnM5oLToaD16p+pXZqqzNU
Z92lUJ6I6tKnm6XLRU4yFISUpdUrSohR6lJKepIthhtrKZ1r05FSMu2TFWooeGem9WLlihu8NmixDhvpnOA
KcjwpMCTqXbcNa2EuhJO+kiw9PGk93KZuOXaPasnGzkhRuvAUPdlVM2cKHmBEgzahU2KQxJQlEb5xgt
MPuk3ulTqUISqxsdNvMbnfEkbmaNFeo+xQytlHOe6gPEDxTBm6kTKTTC7U4sNcfTpXUG4Kw5JNyQpKw
39Uk6SCEkWvc3viaNwJ5p7KqCcOa2rxXppr6lEanlDODLiJbWXaw6JQBSUNv2AAsm6wttfFpskVK
Fw9SxskVoriDCa9fwFD6nlPN6qrLay/TqzBkxQPeY72pwEde6lxQsVHxTckk4nEkVAXkFVuSnLiIwRT43qR
0N6tRY0V/MkJ+lqKiyWJEhKbX2BUnVZV7kDYX8LnEJDTlGaq2DIKctl2qK584X1ym82VJjaYjSy40626SS
nUQFJCSTt6jbrt0xZhnYcgsVarFMKucMlVGauG5lxnJjjMtxSlnVLaOvSvSryWi9iSN/BW174utlGgVaOSWMVI
qFCZbr9HSG3FNyWNYAcQokJsevmPgcS4qqdsTHnE3IqecJu0RmTh08WWJiZlKUrUqFJVzGrb3KSTqQd
qSN+t8VprIyTMh4cDp93YuwOXGfKXEuDvtiprNLG4ZDIK7iSOd/ZWbxnt4JWeaHFw8bjUVmNaIGLdhZyk
dKjoWVst42eYZnCeB9hW/EXgwXRs3wlR5jEeWjdwtrZSnqNlC3S/N+MjtpDmqxLZwuk1k1kVzrxl7E78RZmZ
cKHghSiuA+bcok7lKk7W8LGx264yEVrDnHtNKtpN4VAK0AdRt/Li5qKhT2
W0iQ8wGg3nj8dCj89tMZ7UgpVsLAKuALbXPnbBosjE4vFD8fctYIcmv6EjuhOpVzbbAES4WNxFbpSvlFJO
oC+/kL9cCbVtao6NU1okpDh0aNrnokfDC1Ub4WlpwXCzAGpWvmKLjS9SFkjuq87HWCmTW3YkGWagyzPbS+kP2
U/N647yJJmSQ7HVzIx+toO1+psL7knfww0kCmTW3YkGWagyzPbS+kP2
WOYo21KA16gkkAqQgqCtIxUkskbyS7qSRRTRODa5a06e1TrIvbDp9UyLVKPmmj0OdOi85yhyfmxtwU519
YUtSbqGgFYK7m4urUq5xG+xHEHRk9OetEzlXhpDxUGtCRod/wAcdFMsmcS8uy8gvTItHqCM21NmLEiu
VCS2400Ww4+tWhaRzXkpuQ7YJGq1hdJxFJA/FzjzeYu7OpQNla1rmtGfd6/FbZW4f0zi/xIk1CbPrMWu1thy
GIMFTL4OlxaEBY0LSfIbjMeihLoj6aDL1ei2KGt9yRSgwiSLlKG2p3l5gkWXJ19dO9KRD7a9kpSiJ7Rs1Nv96jHOGeRTcabJTL7LMP

W4SJKJshtJS2E6VjSypJWs6raTcXNrFY8dKmgJ4fGqilfETlXLSvR7P4KI5abVkunVOqQsnUsU7QiexJeW25
Nc57quTy0OOFaRpWlISAFBCQSbq1Yme4EgFxr6stfjimhhoSGgUHbxH303J+znlB7ia/FmITBi5LhTwzNEea
mIJLjwJO6FWQUFtd0gnSkXJVbDGOwjD+kR4JpIxB9KNHt+O5RTOVQOTsyxV++LpKqU53G3AYwfggL
5PurGnSEaUJu9r1G9wdVyZYm4hTX376+5RTSUBJqCfgfHUpHliJk3jNVqYufCqOXmatSzSm3WI+tEJxuOt
SZKlqUr6PUDzNSUhTYPeT0VG/lIgaGudeuvxkpYiyR2EilBmR0duldUyca8xysx0JdKRSMq0yAmQZELS2iF
VJTzqUpRKfAQlX0iLEXPKCVE2Tqvh8LA04qknvHUPiqJXhzQDkOFANTrX4CqRqp1GtVBFJifOLs2I3og
QIyVPBlpKTzQjSFbKVc3BsTuDY7Xea0VKq8jI/nAVArU1rv4e7cq+q9Wdcqa9aH0PMXQoWs4NJ6G/Q3uN
+lsLWuYWYisuBuErSl1GXEBmRveY6G3AlL4CtDLhuqwVawV3SQL32v4XwlRWhU0lnqBUVS+pVx9yap
SUritydCZDLDqkh0Eg2A69/wCsQQQDbywUG9VooqAjU50JHj1K0uGXBfMHHCgOVGmzadT6Pziy4klYQ
p1F7a0oQQHD1HdtpINwTbFZ9pZG7CQozY3NbU5uOe9RvitlmoZR4gyssrS3Ml0MpjOyI7vNjrcITdSXCAdJ
UpI724vbYAYmikD24xvUXydsYxOI7Oj3J2ynxNjZXzc28lXIeZdS3JeYc7ixdKVX1BRsQlXd7w71iCABhHx
Ym0KrASNo5oy1HSpTUOLHDd+oPrcy7MU4txSlE1BwEknfawt92GCKYCmP1KIxAmvIk9oVUyaa7RpTSg
pMYOoBBcAWly/QCzlwNx9bElkPzLOoeCtWpwkkeHCuZ0ypmf5vgiX0vqf18wm/1i03c/AAKxYKhZgphp3
n7lhfOjSwxIabQSQFoeQDv5k3uPP7cIlo0txNJy4fwS9LMizqmORoUoqQ02jVoAF7lRBvva2FVc4DQOBrvJR
HPeeZea1OsrWEkpU0SpBuCD9T/EcBKk5MNIdSvb96szInZyzrnXhK9nCm0KVVMvNZnp+T21ofQy+/UZq
VqjspYUnWQsIV3h3QbDFC0XlDFLyUhzoT0UH8FagueS0x8tFStaa1z7Cmvj9wQr3Z643ZkyPmikqp2YsszjT
6lChSPemmnUgKUEuJ7qvrJ+rtixZbSy0RCZmhVa02aSzPMEjhUbzRN+WMnrzHKWyzCq8pSFazoiOuFknw
8LbfbiRzw0Zql8470SOymauPs99irNfHrPqcuZabyw3OdZMn+q+ppobKu+hpDTTjz30rrjjiUpQE3JPgASMdbL
zjs7Q59c8ss1k7DdUlqeWigIFdw7NFXXGlNa4XZrqeT63TkZdr+UqhIpsuEgrYcpshpwpfQqzhCySkDUCQUg
EXvi5A5krBMw1Ds1VfDLFIYZG0I6j3ZKPM5mfqtGVTZ70hxvUdCmVo5lriwup3cfZc+eJS0A1ChccwW6D
iCfYrE7O3ZZzx2v8ANz2VOHBjy106BKqk9qq1WLSURmGEpU88XFu8sISlSSSogeZ2OKVstsVlaJJhrlkKrJ
3dY32lxihO6tSTTq3IvtG9kPOvZK4vnIeaqZGh5kjJjPvJjS40tDaJDaXWnFONFxJQUKBv5YksdvitMfKx6Krb
bDLZ5iydwrSu8js0TC5kVzIjPvc2bRnnRcthl9LZdASQE6SzuTfpfc+uJBIHZAKCSJxFa5dvvUsyZwnncX6nQ
KdTcxUtqs5jfj0uHTExW3pLjz7qWkMKJZRZRUsDrbe+rEE1obE1z3NNG516lNZ7M57mxNc04shrv6infjH2
d87cBOJGYcl1DJFYXWctzl02ovUkLdaZdTYq6NKSpNlXCkEjyJ6YZBbI5mCVrsjxT5Lslhe6KRtXCnUVCf
yAfqE16DElS67MjOJfeo0uHPirijeyyUpSm11Dc6fhicy0zOQ45JvycBuJuudRQKednHsbZ97UnEeNlbJdFoVL
zJyFSGG5lbNJL11paS00qU6kOulTibIRdVrm22ILXeENmaHSEkHhmix3fNanlsQo4caDu1T9xK4V8T+yXn5
7I+Zp8B6VFjqclsU3MjdQbgrU4sFsuR5KQleptzUm+pB+snvA4hitNntTOUYO8fcVO6xWqyScnI7Omlaj7lpw
myxM4qVKY5FRyKjT44dQK5WmGG2b60hbUh6Ssm6gQoNlWna/gcE0jYwK6HgPYApYrPJI8lrhUcTTuJ9i
tbh92Zs2cZc1Q8qZJ/JmvZvmRJDnuzOdKc24hlporfdU4HFLbCUgjUT4g3F8UJbbHGMcgIb9k/cFkmXfM/5uI
gnrH3lVhP4PQOzHnmpZdz5l1msVyKtlbaqJVIVUZ5LjIWkB5mO4y5sTcoWSNkqANybbLS60sxwOoOnL2q
lJZo7KcFpZV3Rn7EpynnjJTudp8up5QE6juRkNMx3Kj7mWnQb6k6YQaSsJKkrSpIN+pOB8c2ABrs+qvtSh9
n5RznMyA4gexS7hnwPq3ab4oM0DJvD2hus1Jp6axTq7XIsNLjcdsvOvNVCO0wtkJbbUbOkp2B2tivaJxZ2Y5
H9GQ8QSrNmZ8pkDIm5aip8CE59rTs95m4K1aNDzHkhyiP1CkNVdqr5ezK9X2m4jxdQ2pUhGtt1Ki0vYkbD
ruMJYLWyUVY6tDShAHcmXlY3QkYmUyrUEuoOmqgORcvNP5PRUVs1eWwG0x2ZrDjrDExNyUqUVyE
eClWSLLF7bHbFmWQ4y0U+OxRQ2Y8mHOz9XtFFpwVGdeI/H7LeUsvzmq7JrlWbpdPhVdtt5yDLc/auVzJ
KNKSoga9ZISdycLaTGyAyPFKDdv9SisYfJaBG3Pr3H1o3N2am85ZofoE3MJYqESQW0qVUQ1BaWy5pdQ
8hVQcTa+5TZBsnbDIm0YJGjI9GefYrFpON3IvNKdPT1pDmREfh/lcls8NaslpwF1mkSWwJCtV7tt825um/mr
UoCxGHM57v0h1ok5RjcQaKDgUp4T8c2aM6mmReHkaqw1EuwmXaJHVUo7hUQkGS62oPgoISFDSq4IIN
wS2ezEjE59OOZp3bkQW4VAayvDIE96vHtc8Hc0cAK1lGsZypWXMk1l8KUmiKlU6VKSlKUF2PINPZWth
3lrSpIdSsDcg3CgMdYLQybFHHUjjn7ShsheFnMRZNLRvcT6h71EIcqVxkLsePlCuTqHVEqbNVp6nZZcvf6X
lw25CB5rQL7WPXFkt5LMuFRuOXtVlIVOObP6LSRx19lVnh/laJeGepuXYnEV+o1yRKZgJblyXoMdl5RuQ49L
KGWhYEl1WG+4O2CaSjTIWUHZ7E2FgLxEJOceseOStnihkXP3P3YzlQY/ESZTIAzGkuQBRzQfBzNEmuLBRzA
8lth/UFOIsQogJcPS5xRikitRpEDUcQr8rZrIKzuFDur/BMtA46xc6VqJUxX3owhxylElqWhD43sUK8e6POxP
QbYmdZixpaW/HYo47ayRweHab6+9O1U4gt8QjGpsR2u5mdrc1mnR3mWY81hUl3Q2lcdSh3lFIG/T
EeDkwXmgoK7wexTOl5QhmbqmmmgI7ehN3HLsu8V+zq/HjZpLdFpdWlSYkF6HMg1aKZTKtD8VS2w4WX
Rc3aJva/WxtJZ7bZ5jzBUjs9qr2iw2qLJ5oDpShHrGXrVEUrKycmNrhzK+afVXHlSEHvtSEHYaQjSElNt9vvO
Mk55dzg2oWHZEGcwuofWjYWVqgoyVvzqyzBIVzeZSSV8yRYbLK9Ck6dPl5+GEMjaaDv09aVsMhJzND/A
Dcz4qw+NvYK4z9mThSnMuYJsmk0MSIlPcahTos6fTlS0aozcuO2VOxy4kXTq6XSDpJCcVbPellnl5Nrc+nIF
WbTdFtssPKOfzeqpFVVbPEeoZSyzz50iHmxyOgpY1UQJlaR0QtxV9SbDxHU3vi9yIc6g5vaqAtRjbVxx/s596
r/ADVxmVVFLJ+j963THXT3I+oWFydN0mx0pJFj54uRWcCgVC1zOILvjr+NVFc5waRWNK5DbdPWEd0tL
5qVAi9zYmxB2srFhmIdKoCShGHL1/wULquWo8VnmQpQZuLkPHShwHoQNyL+fS2Jcwp47RiOF4r8b0jFf
cgKLT6S2XQQPG4I6gjYj1GFxJTYw7nMNafHYrX4c9qKv0SPHo79TTIopVoCXGtbsRtIJUWlEiO4CT3bk
Eg4pS2JjucBn8aqzBbJoW0ziziD97p+aPfGloI92XGSiU2rqSUJT3gCfrJFJj3gCfrJFj9mMZI58ZwubR
ZWBsdoGJj6jhTNNOdeywzxXU3TJKXU3ToPtRYGkkqqdLq1oQ2EbgJJWoDvW67i2AW0RtLwA4B4
gue+1h7ODOPZ24gZoU9hx6tUCYYkuCtTYdZXpCBSDy3AUqSoFB3BjhjI9ZbfHaIxIerpDbJJyEwAA3i

p6lQ1OoKI9Sdiy2ZSHSQhTZs0QrwCirdIB6gC/wxfCbPaHYMbCMus9w3ntTlwc4S1rtAcXKPk2gmkRahXJC
o0Z2qTm6fBaCULcUp2Q6QhtAShR1KPhbqcVbVaWwRGZ4yHBZSywCQhoOadu1x2TM99ivi/JyVnuBEi1
RMOPUWHoM5udBqUR9HMYkx32yUuNLT0I3FiCAQRiOyW2O0x8rD/BWJIOSdgcq2KXUIKFEkrAUnbq
n+bFrPRQAtJxDcpz2euz9mbtS8Y8tcPcmQo0/Nma5gp9MjPSURmnXihS7KcUdKRpQo3O2K9qtLIIjK/QJ0E
TpZcATj2q+yhnHsdZ5gZfzg7lR+o1GEJzfzDX4lajpbLi2rLcjLUlDmpCroJCrWNrEYr2S3stIJjBy4iisTWQR0z
TFlejPGqocDrjZ5ZK3kr0qURpSUo37ygTtbx+GMkAtctMoLKU0OQ78+hXZ2VOHmYO07x7yRkGFQk16sV
iTIZo0GfWHKazJLbSuU21KB0pKEMKUnYBa0Eb6gMUrbO2CF0jshvoKp9ks3LSgR0caezfw+NVcVNzzxC
4PcEOHmcarl6DlfJnEGbU/d5cV5Hv8AWfcHFRZQdbUsrOy3UBbpBKyeWUkXxTaIJpXxsJLmga6CuYp6ks
zJ7NG1zqUcd2p4138VFeKXFnKXHimNGQxmWTKpkQcqOh0RW2XAoF/dBdWtRbJ0cxLaBYoBsNWLM
UEkRyoqZnjfm+taafGvsWvZZ4I5w7RXFFvKWXrS8y5gZZj0qie+N0lVTcOsoW6o2QGQhK3FpSbq7um2or
BbZ44I+UdoN+tFHYYDaZDGPSOmdK/wTtxJ4OZ/4AcG6bnmdS6PQqLxGdefonzfHaQ+/GiO8h9JaCitmOp
w2BWNDihqBIxFBa4J5OSZU4ePT7VJaLHPZ2CSWgDuBzy17PuVfUPPGRM8Zsj1euQ01XMaG1KW1U3n
kR5hVzA2rSjcpZsjdItZNgLnViwY5PQaaDoRikiZyhGXt7NPanZ7iU/QKLXpVOfkFchKGXmWrtCE3ulbu4D
bgJUiwUkrBPe7p04UwgkB6qNny+bGeden47809dqngZnvsf5/yxBzewW5GZqVFrdJcajtF5iNITzmlsLLi1NqU
pK0q7iF6trn6mK9itcVqDnM0GSvWq75bKwNJ5xFeOXV1701ws41ynoNMy04yr32GYzSBHDSmwUa33S2o
a3XLhJ1rJUlSO6bAIFgxsrjf8cP4KoJnkCFmfZThU5+Op4qo5vZxzXlfiBRKdVaY8/IzMt0xG3GtDiilWgqWkq
QkAEpV9bSbjfqMTC0RkEg6LJkPczmNwkdPTx4ldQcAuzpmDhjwqdaq7FGbbVS11RhT0tCpkaM8lS3YyY5
A+lcS0tDjirkBxKUBSkkDFT2lj5OYTrT76+Ck5GTDjkArT4oPv6lW/FbiLlnKmcKhXRlnKU+oFtdKXHeiCnp
CeUiz7cdABCANTdyUlY06bDWMW4oC4BpJprrX1qAWp7a4cyej2cFBstcWm4MSM1TkzqQ0gW1oeUttJJS
pLSQbWQEp1gp1WUSQPOy6Edaovc6hxa57+n2HitKrxURnuVOgGmZdccfWWkvuRrBBtZx5vlgWfXp1FZ
QonxVbcKIgyhqUYpD6WVR3eyldTqqmiVCm0/O8UzOdMgJkDmoUpTanEXOqyk3IUrayvA+mJHE7lloY3u
hrQafATHVJHOqclcRRbiLdUplLxC3EoJOkKULAqta5AAJ8BgBO9Xg1gFKH47FMm3W0uFsQxzSkalKfQ0
lfUi902t8cNsh+YZ9keCwFra4zPOPLEdxNM+vwW1ObVUFrLUVTITYj6dOhZBBPeDfl0xYHBVpiGAYnV
7DUdmLinmDmqVCksttUuah6x0uNylLKUHr0B2JA64Q57lVNmjoXmUdoARreeayHg08iVKYXYJQ7JeZVr
vvbSoX+HlhC3glbDZ6VLu6hFO7JKfy8pC2JKGQ81NsE90PIQCAB/2yq5FrDYdMNaDXNSTWV4Ac0VHZ/
wBq9MvYxZ5ytkX2dfFfijmr3d5jgzxBo+aKdGcUt01eqimyYlPbWVrPe97msL7v+lCw8caXtEx77Y1kepb71v
FwtbFZHOcN9dOrSgC5K9tEttXtZOPOl+SFpzW8FNoKSkjks+SgQT6jyxsFw/QWdviVgr/qLU6oG7PP3UVJ5
NTlNdKTIlVStsTEgGyXmG0trBvsDdR8u8fs8MZJ+MnKlFg3uLebhNejRdGez74iVGv9p+l1drhJK475Zyu/Gk
1TLtKhIYeBckIajSlrisrUENvaSErshZGlZSk4wt7ta2z4eUwE11JzG8dqz10B/LBzoi5opupQ8dc6KSe01RHyD2
9uNVFazE38/N5vmPyaqmCxLcmKeUHiXGG03QUczQbAW5ZIBvbBdDi6yMNN1OGhUd8Q4La8k5E+zpX
Mtd4nVCrOA1jLr9UYpzoU0+67JYS2rUO/qSyna/TULemMs2IDJppVYrGwmpNf6vvC7C9lozmXi/N7QFTpl
JqiI0DgdmqM3FhxJM33mVLZbjRg0Eoupa3FGyUgkhKrDYkYC/sEbImk/pg9gWb2fBe+VzRkGnpNSse2ko
WYJ3tRpdHoiKu1XJWUMuhUaPITGW7y6S1qSdS095JJFuu9rYkuB8bbEXP0qU3aGKeS1hkRFaDoKpdfZ8z
7SsoVWdneDV5tKgse9KBmpqHJSBdR5SpIA0p3FgTufLGQ+VwlwbEcz2exY02C1Ycc9aDpBp4e1XJ7F3hnl
vOfb9yrmt6dMNJ4dwqjnac9V0NR4NObhRVrbfWQ8tTaEvrYJVpIAv44oX9M9llLKekQMtePBXtnoY3WvE
HVwAk5UHD2qY+2LqmXKZxtyjxJrUp7NTvF3JtJrcuZk+VDepMmeyx7nOcZfcSCsc2OLaUjYpNgTYVLh
MroXQigwnfWufQshfccHylsziaubXLMZZe5co1bJ2X4+Xm5eXptLZdfKXVIzHXaROeUCbkJKhdJCLDSop
N9vC2M2JnE0fu4ArDGyADHG2tfrH3KaezGy3Gle0U4HT2WKMlcLiHSGveGJ7KuaTJb1BCECyh03SABbr
5w3s/8jkHQkulr221jXO/SGWfT0rXtY1t2N2yuJ7dNEHMYOcq4zIhSITSnIbhqEixQW2uYQOm+ok3ufHDbv
aDZI8WWQ3p14zn5ZJQbyNE05CqMBugMy6RmOHRtL7hkZf5s1WlZAJKfoEOtkKCttSkm5sfHEklSaOFen
L3pYmgNqwgdFarrb2QD8vM/bgiTJGTpVWozGVsxx1zmZU4vPLVTSpUUFwqAW4kixSnUCRYeeEvyjbO
BizqMsulZq4X45y4sOQOefdmqR7QtJp2U86O1en0viNw1pCmY0SDRa87XZi6bILbY5bst0MlQWe8ApAADl
twAcWrHI50eEkPO8jDp1dCgtkIEgeKsB0Brr1qus1cHM3OVeI6zQGGn6qlEkzkuKjB0gaVpcHvWq3S61AXP
ib4vRWiKhq7T44LG2mGdpGBuvSFcfs0Mp1vL/bHzjFrFDhsuULhrm2RV5UNEh5qIyaS+2lbupxbLbZWoAE
gBSl2HW2KN8vjdZWlp1cKBX7kbMLU/lGUwtOdUq7cHFhXDHh32YvcY9GfSrgbl19hcykQZSkASZx7rjjo
Wi4GwQCm/Qk7YZdcAkfMD9c7yFLe9pfDFFpXANRVUjmeh5m4x5SQZFZ4X0Sk1hkPMd6nxApKwSSpT
AcWk2O/evfrbfGUaY4nZBxI6/asS5tplAa4taOzwV6+zm4SZLyT2wOBM2KnKteq4zxSWPeKbmuNKlU9z3g
AEsKaStxkgEgtk2uLkW3xt6TyPgkbmBTePaspddlZFMxx1J3O30O5P/tN+zNlfK3DnhxxKy5k7+gtmTNVYz
NDqVBfrVQSajHjy0BuY0t5tTzfN1m6VILZJTpsACa90WyRznQPPdjAAplp0fHBS3tYYYmtFpYMBJOIcdc/jcV
xzQcsZhzHTKg25RM9KdeUUBpC5LwasU25oSEpWgpJNLiLkKBG2NiL2ChqFrLWPLnNDdd9FZvZQqCck9
qvhRJrtGZi0yBnOi++tpeqkf3aGiezzFr5jxaS0lI1EKSpBSCLDwo3g0OssmE7jw9yyV3zEWuMyDKoFfgq3+3p
wzzzwc7YXExdd4dZgmJr+cJ0oT51FeXCmEzXXW5bS0uhT45T7RugWQNOySbYp3bLE+zsYHgEDSufgrV
42eZloe8sqCdSMuzPPJQ6icPFdorh2S7TIFJlRVLiPSYTUcllaFWW22tybcpuLfSN+V04mkl5F9Ca9dfckhh5V
ge0UI3invUgm8IqVQslyVOQIs2bTISYygqmUuO0GVFSSVKiuOctAKgVKKAlJUb/AFsRidxdSuR6T7QE59
nYAXluY6B7CaLoP2hLFchce6C5R3EaFZEy20uIG4a0OKFPRpUQ6nVcXsCkgWvjFXUWci7FxPHo4LK3s1
/LAs4dHTxz7lzJWzV5qo1RlxXZ9ViryxEhguNsNvsFBysfk9wqQc8t3HL7

1KODnEjOcDjnw+am1ic1RZ2Z6XE5HuLK3EH35gBKyyUJQhVwL6CBvfFa1RxGCTCMwD8Z1VqyTTNn
YHk0Lhw9lF1/7SmA2xwpMin5JqOSo7fGTNaHY2YVzJYrrxSlSq2wUhC0xVaQ0lsfRo1bFQGrGFuv89Stea
NKZdGe9Zu9QTDUNpzt9T25blxrA4TCHVINRXRssIltvmYHGGagUOuFNhcOSCLG+58LbeeM+Z6gtBNO
z3LXxZucHECo+171MGs5KdYjh6jwWpbjgRZLLoZjaVal6FKkKH1ATffp0NsVJY+a6h3fG5X4pjibUZ17PF
dS9qHhzmjLMztn1fMVNVGyvmys5eFFlyCtUeuE1RMlHKKzpc0xbgKQdKRtt0OJs0jC6ziM5itVk7TG8NtBl
HNNKLyx44RoUxxKoqUREqUSTT1JiyCbAd4lRJTv0KR4G5xu9mJ3rndvwtIcwd2SrutZXEmSHqXNqSH0iy
1ynGtOgAbJUo9fTfFprzofUqQLNfFLo8iLDgNMc1sqKSHVvylPp/O35SSQkkHY9Bba2+FzJqogQRSiWyIdB
fpb60c2GWWwpKY1OUed12Ut1JCCR43tsDY4jBeDn4qejC0lwy6KqTdhXgRQe0X20Mi5bz/TotKynV6uA7
FaqJWmpFKFrZgJdsC0qS8hqOXSoBHP1G22Kt62mSGxvfHmR6ulZe54LM+3xsYSAdxHDdqdU/wDtT+zR
Ruzr2kqVTMmZQYy1ltjLdPmx2y5IL9dVISp1+VpdWvToeU9F5NwtsQ9KwVhSjW2etUk0BfK/Ea93xqru0s
UUc3INbgyFDuP8DkucaNniTS6oJcCc/FltOBYcQtTamlbdPEdPjjPua1woVrAikiIcMupd9+xt41L45dtzKFPzO
3GNLyoZebqlVX3uW3FiU5hUrU+ehRzkspKldNRO5Axq1/WdsNmJYfSoKLbdm7RNNaA2UVwgmvxqro9o
/G/oo8VMjcQG63lutq4qZKg1edOoEpMynzp0UKhTFMLsnW0C02oKCQQTY2xjbne5sbo3DNp39Ky99RB0r
Xg+kPBcfcT+zPl/ibHfFRhR0SW1BKJjdubYmwOpNxtYk3uLYz0Vqc3qWCMJZmw0Px2KiWOw3V8u8VqD
7plOdxWpIqTKnMvQC9HmVppKtbkQBoFwFxtCxqZBWBdSRcYntFrZyJq7ATkCdxOit2GaYzNbhrxp0a9IV
2+39y4qd2h+EFdg0WbkeBm3hHQH4eRag0lMrI0dgPR26crupUQkI1JU4OYdZCgAEgY7Zs/NSM1o458VmL
5fG1zZH8FwTMy9NgthRSpQQNI1bqSPh+aNvHGxFpqsXHbIX5A6/HaupvYTJt7YHs/hWyhmkWHn+xZG
MPf30J/Z4rMXb+dyU+9rZ2ZclcEODvArijlrhXUeBGaOKAryazkiXUpUtUVMGY23GqSBL/ZDYkNulWlaU
j6thbdVO4rVI58kDnY2tpQ9adetlZIxpI11HsXElHzS5BTIS2osrfbLepCRqKVbWF+l/PrjZKgrBS2WpDtaH4/gr
E7JPGDMfCntccMs3UGPUaxXcsZqpVRh06JHVJlz1MyG/oG0IBUsrQFICBudVsU7yY19me1xoKHVW7ujb
HM0sb3afHSurvlGPEmgxPaDf0M8kte4ZS4QUlqiRI6VkpZly3XKpNUb/n82YEq8btWO4vjE7MwkWcyu1cf
UMlcvejn4DoBouJspZwk5Z5oZkctLygXlt3Qp1J3CCoDUEkgXAPUjyxsNOK1y0Q49B0dy7i9h9xjfz37WXgc
y/wA67mZJKlFYQErJpskgCydXdINk6tI1GwxhL+YBYn06PFXLjs0jLU3HnqfVRTD262cXMy9pDh/xDoFS
mI4SZ0yNFayNEpcUIYpjMNa406lrKzoC2ZIcUvZR+mG22KuzdBC+GnPBqa9OhVnaGDFI2Zxq0imuh6t9T
quW4/FJ2mR48KmTH8nRXoyRDjQ0I5b7XMCi4rSeYlxSwpekFIWkJSbJsDnDA0mpFSsB8rlDaVqMj71YH
Za7PA7RXaTy5lKDX6dmBvONehU6rq+k57SZDgSoFS0pK3VhThWQLJSlRuNiqnb7UYbO5xbQgGisXfYx
NO2h9KhPGla0Xoh7avNrPG/hnlXPFFq+TsyUlnNte4aVKrZYnmUzRaczI95htOLaSNEhEMuhxohQBIsSTc6
1cJwSOjPCoBGpWybQNJYx9KZ0J4A/Gi8peKGZKPknNEd98ViVIp0dBZaqLq9T8daB7sl24QtAQEaho2VrS
pBO6juMQc5uVOz1rVcBc6haej43ZIrhlxYpua56GYGVZGYsxO1NoUSjuF+Y2pa5KFmIwUEOI5veSdABvoI
KSATFaWYWk4qChqezVW4WTCQMc3ECQfj4qu1fbW8MsndkJfDtPD2YMpzKt8502blwS/eFrjxn0cuTruV
H3eQ9Mg3CglxynI5BupxStf2fmktBfyvOpvPh2rM37ZmRMbyQpxAXB+csnNcQqrQ6hUKzNEqvNrMj3tI0x1
oCirRdQIRpSAEkfnA3KtsbOxxbUAZBa62XC0lgz3/ek3ZqyTSKxmGUKxRJteaAOpaJ5bRDZWnQHlx0JDrq
21rSsIS6krI0lJSSQ20ue30XU7PVXcrpljc0AtzHdwqOKcOLVMptLz1QI1BZUmlxIKoiKgtgBmqoTrSHEpaP1
12KbLWo3NyoDYERdhJdrrTgqxLZA6leA0qaVz6t6rHM2S5VaqTlRbRHjQnGErQ+t0Ibesmx0X3JJFhYDc+
GLGSsWO1tZGI3nnVOXv8AaokuJqWSl1GknbveGEoskJMsxmptGa5UlJddsy+qylhLiim24HQHqOgwlkHzL
OoeCwNtNZXhozBOWQ39fipHR8yMZMqQdD0CuXCkLiz2pLjLBA1BQTqHeuLb9L4ke3FoaKnEXkc6Og/
Zzr1JRUOL0TMEeQwjK1EhLkgNgw6UlKmr7GylqJBJ8SLjww2OOm8lTTRv1BAHXXwRdEaqLUdTQEGC
whRLIlQmnVi/hrG9vDfyxKQdVj3yQuNDV3EgmndT7k1zebmSrvRX1xUONJ/bIjLSEqt02R+vfABuU5cIWi
UDXiT7U7wuI+Z6HkmbldnM1aYoVSlsTpNIizVIiTZLN+S84yF6FON3OlSk3T4EYidZo3PEj2gupSvQpYbX
I1mGEkN1OtPBI808Qq5xLzfUK9W6/WqtX6s9zp1RqD/vkqa4qwLjq1alKVYfWJvt1w6KJkTBHGKAbgnWh
zpHY5hiJ418d6IrEL3CCFVIVJ5hz6qwpLd7HqUpSCB6n8cP61VgcXO+Ywg9p8TROnC/j9njg3mB2o8PuIuf
MoznWhGck0OqSIjy21KBKFKYWlSk6gO6b7gHrivPZYZxSVodjmsnZp5bLmGhpPA0Smk0iuV6orkLzDW
TJmzC5OfSiaXHlqUVLcWUg61G6iTfUST44dhjaAxoyHYqD5i8mUs13nCe2qlGd+E4y/DiSEyqpU5Tyr
VM3AGo99zY7b2OGxzgkinrUT4HsALna8AAr97IfaZn9kPJmf4mWs4PJmf4mWs3zaFM4gQoNNlTY+XqpGqNKTEkmS
ksuNvJCVLupCu8Q2QbrjFW6uVQ2tQ1VRa1WDGhQr2F4RDEp7FrV0MFWQ0Ep0AMmFdTVeyJX
BLfk0IlTgixkxEPhUl/Wp1YQVLubXoqx8C6w3e6zxlhrSpOvHqtbdxyaqZdbdxaJBdKM8qaZZKAV/h7FzM8Z4m1U1
Q/53SWoDUZafCzDsix8trjFoSFuQGXTXoqjWskJLng1Oi17O0qqUliuP0vN06nwaxHXSZslNPjPT4qrc6NI
SrulBKUnSdSFWBIO2EtcbH4Q9tSMxrkehS2SQxFxjOEOyNCaedp2acpZEv89tXXLdpGeppGTvkMLMt3zgx
LPhsNLcLrrUOGltSGNSypZZShSUlRudziGKOMvLnMGeppTvKlmMGeppTvKlmtRYwMD600qScjwoq//KXNefqE41mjM
MgU3S6pmnvy2oxLyUqKVqS20FgE7ApUbEjFvk42OqxufFUjaTJHhLq513+009Sc8i8Qs0w6/QnoebHqA7T3
ucxWoz6yYC2rKSOexHS8h5J3CgobpG4PVs0cZYQ5ta7uPrSQSDk3YSMwaDL1lTGtRabKpk+fFz1TM3
5kelOTDIPvcmVKdJUpJUNJJcutd16tSiokkHEEdWkNwYWjqyU88QNZmZ5sm6v0MZNWMc8+tjjfUWSMmaQ4g+ndUq
EdUyt40yfPakHu3cbWSLDwsCR1xbe+go0VHYKnUJtYnmGbmoSF7ByJTK+liZdqUyaHvk6LndU
p+JIYHL0J7odacKVJRfYBNgb4ryMhZm8GPp0hx9qN4vcUI+fUvVfMOes6ZwzW/HQxQpx6l0xw5HR
5ojLdXNIQEoQ6X3ypdSAAoa7Ak2HJSSAG2w4pbMeXHnd1PRZnPU6Qnpf0N2i27bcEmbNqNTOxfZaYb
pbDjuwUkB4Ahs+Sr+HS2HPgnrzRHFh5R4d3Cnr8FJovaTzRBk5Qe6nTQt1qmuw6mg5wg5T6a64

2FhS4kppkcstlSEq0q1AlINhtiE2KJwBkaKjPee0KM26Vji2MnCeihTI3xfznV8yUuOir1NsxWE0unPy6i1PRA
QjUpqK2p5txLbIUs2QgJT3zYeJnFkgDS4AZ5mmVenJUhb7S14jfXgAeHaprQBk9yRKrFS90o5lqKJTUjNxS
uU+2bF7RGYGkJ3SkBCNk/VxWdyo5rc+z3q+OQkOImld2KnbkovOgrg5varGRcy12oVOlqM+luUufU0yYb6
FAjlzChtKHAnVa1ibAXJteYAOZgnaKHWtPBV3NdG/HZn0I4VPsT9xBznmXiDMjTs78Qc7P1qXDATIrUu
qzJzSEApCCHFr2BPQqAufXEccUUdRCwU6KJzpJXkGaRxNN/wAU7UjrdDlMtp1oepjAbaSuVEy7VedIQh
Vt+Y8lBUkFRTdzcDSCNsDS3rPWFK8vaecQG9Az9ydUZCyImqe6nM8vMM+G0ZLkCbkxxpMhNrDQJDm
slV/qpVY7bEgHDQ+UiuGgP85DmwRu/OYj1fHqT5mTjZm/jvR4tFzCvNOccv0OC7GgtzKM465SvzSwzzZbj
jHcSg60DSqwBFgMRx2WKB2NgDSen7qKWW1vtTeTLqgcda9G9TPstZyrmZMlNobrnCSUuCtcPXmSFSW
K+yEd3Q+XgHF6AlICiL2IJKuuK9tjY1+Yd2Vp2UVuwSzvjyw+qvrUj4t5Ty7lyI5V8xockSpbbjb87KeYac02tl
Q7wcZbSUFABNu6na18Ms75DzY9BucD4pLZHE04pdeLXAd4Vc1nPhrlUTUU5hXneAiGKch2v5ke+cIjKW
+UlnuAsuNJRZKQVWSnYAWvi1HCGDCG4d+Qy9eapzTg88uLtwq7QeBWzedK+6KUyOIcqRS1gKIluIke5
co6eWFtFnUTcDqTsT1vhTEzM4M/jrUfLyc0CXLpz06QQrBg16kRJzEx6gyKhOhL1Ras47MZKEBfMHMUj
UUqStOrX4EXFjc4pvYSMOLI6jJZFr2tIfhqRoc/XqknFPiJn7iDxHiKq9FzBmWWUcpiuS63NzDFYZWUkJQ
XlpcQjVfUlJ2NlHwGHWeCzsYS0gdFACo7RNaXvo5pPTUkd2SQ5byhnaWuTCjQaE09EWFfNyI0pT7zX6T
ZedKEkdBuOoBIuDiV74RmSevL2BRxRWjMNAqN2fqqaJ6qHBqo1Z1PzdT84Fp+6JTUygoUhK0ghQCVyR
0B+qlJ3udSsRC0NHpEd/3Kc2Uu9EHtH3pnzXnitVugDL2cs2ZocoeX20GDR51YKmqSpNkhKI7rhbCkp+ryy
QkEpNrYdHCxp5SJoqd9FDLM9wMc7jQbqjLs8ExSM7Tq/Eaap0mUotnkNyJsCBLLKR1WdJU4ehIASSnfY4
sCIA871EhV3WgkAMz6SAae31KqK5wHzDDjSpsvOvDyI3McKi9JqbLRQDdXdR3k7gg6dNxti4LUyoaGu7l
jvwe8guxN703wsmP0aAvmZrjSVLTylrg8txg3/RdQ0frAjYix6X8MSiQOPo96qvgLN4HVmO9MdXos/KjbbF
MmSnYcULMlt0uuagbkEWbASoHYbC422w8ODjU/HrUb94JK2o+ZMuypDLtQm1BchmKp5yOKu9AfaSH
QALhpKdVkpXYL7mnUq9sJIHEFoHq+9WbMzkyJg6vUQT4dyj+fahU52ZG47dWrs5uWlQZVNqAmvC5JA
JvYAknx3Kybd44ls7GMbk0DqFFXtL3SnE8k049JVbVqmu1GWVmS06+k95LJ/az4g2QBcW8Dbe2LGqsxytj
bSmR4/eUtynn/ADXw0VPboNVr1IcrcJyk1AU592O5PhvEcyM6lBCltOWF0G6VWHW2IZoYpKco0GhqK7ir
dnkcHHkXUJFMjr2705t8ds2CiUqiSsy1t2k5bLiKbTXpbq2KSHHOY6hlpR0t61jUoJA1K3IJwrbPCHGQNFXa
nioJxM9jYyTRtaZ5diunhd20lMoTHzG03J5je09i7bzQ3Nykd0k3F7W2xTnu8HOM9iWG8JGc2YV3VGqsigdo
SG1Mi1TLlSlxJdGlocj1GnuuMvRZKE7FDoKFoWAba0m/W18U32MkYZBUHcrYvBrCHRkg5ZjpCivHrM0j
jHUptXr8mv1avVBtLS6zInF6ZqSLIUHHVKWu1gO8SLWAGLFmibE3BHQDgqFqthfJy0gxHp0XMnELhhm
WntPuJmRqi08vUtC0JjurPTUU6QLD7h5YyLXbgprLbrJiDpW4D0VI7N6hmU8yZk4M8RabWaRWqtlvMtGf
50SfSZao86E7YgLacQoKSbKO6SDuRhksTJG8nKKg7lsdntYczlLN350WeMPHrOnaIzOaxnbNOZc5VhLQjJ
nVuqP1CQ0gG4bDjylKSkHwvb7cQRQRRAthaAOhWyX5GRxPWoq06puyjuUfVXbx/nxOKjVNIByTzlbOF
U4f5hpFfy9V5tEr1MfRNhT4ElceXBfQrUh1pxFlIWlQBBBuD0wkrGSMLHioO4qONzmvJ4LaZnKo5uzHMq
dcmzqtVatJVJlTpslb8iU8tV3FuuLJUtStyVEknxwRNaxoY0UATLU1z6vqlMOeli9zZlCwXCAm9rbab9T16m3
Tx3xKeKx74sVOPapPlTidmbhfKjVTJWaK/R59FkpqMCqQxa6bIjSuVyluMrbIcQrQso13GoHwvbEEkEcrS2
VoI6VJFaHRStNcNd1an46AtZHFHO9eypAy6qvZlq1Ly5LfnwKdKOyYtOfknVJdZaU22XVd5xA5U22XVd5xQA5lrknA
yywscXsaATkckT2nlQ3l3c3Omfxn4JHlvPjVFqUpwRnWpgiiOghYbUylCQFAkAEHbe25uAdrgvDQSobRBK
6MNqKeNfHt61YXB3tmZnyRPpFSplRfo1QyytZpkqA+6y/EW6V6ngG1pUVgH61xfobgkGGWyRTNc2QVB
1UMkM1lkYYToDTd92ankntZRaLkyCzlf5wYpEmWup1Wl1WCH6ZW5iBy0ylRFqXFU4ELIWtLSVFHdUp
WK7LDGXkvGdKAjUDhXVPmntTWBodpqDQiu6vTwSzOuRsscVq/mB6jZhjU2LmVt5cR6osLcZhjQSmOh
KfrLBcKW1kXS3oACTeytMjGgOFacPFQsnjE2MZDXP8Ad700UapZQ4JU2vZbROmVuC++mYXqctyO424
hKEsNyw5ywhIWS4NC76raiQkYR0b5aPIA3Z8N9PBWXT0NBv0O+tfZ4oyrcSGYaPfY8yHUqWmM8Ki/K
UFstvqUXvdw4StSmyokgNuHWouKGm6rujga0UAp1ePWqkr5XvLKkkbjXu7/AIzRVPq+XRl+qUqpw1sSqF
NccZCwtM96W0kt2CitOpsISApKtIKrBYWUghxY4uD2nXuTWvdEOQkAz1r017gq4zZBbarnOptHp0Gn1Fs
TUsNtISqynSbOajcALVpsVW02T4YnNBUoMr5WjFqPVTpS7LvFmemZPPpT8tuvVGqyfdH4zaSiIpKWlJbSl
CQCFC5QFjoPqgXuR0LcjwTSXtGNpI3nP4G4WqiQnQqTHa94p8p8GRDiIWAeWooCnUmyVlNrqSQdNzbu7A
74eRu0U0Rmdm3M/Gfb8ZLDHELN3JRy5jyjyW9I0j5qQw48w8BfRv8AHByQVkmAZEf3vvSRVQS2gpEkNJ1fn
h1dvW1rfjgsppAzqHgqtphJnecNczphG9FwqRBUC8ZAsg7J93X3j5nv2GJaZ1Ca+eSmEjPrHuT5BpTs1vVHjF
4MFKgVFNiPDUnc+ZG4w8ZrGyStaee6lev1FOr0d1lrU+VMJ1C4RT0L389yPDxwpJGipxGNzsIP94+5NxEd
LqUxF1B+Mo3eUtCG1Iv1KU6rfZfDRWituGfPIqNNFX70VJkU5uMpTD1XaVa3MLDYQob2GrVsdsJVPbHI
TzsJ6M69ywthLdJS3GTIbkunU6+p8shJvaw0kg7Wud98JTJK15EmJxFNwpVLl0xKENpnvzfdSr9fdZAOlSn3FNC2
35oB+6/TphaBQcq9zqx0qOj3pxpuW4iKpHfU5FlIQN2FtyEFSr7fSlqwtYbm3XEbnblPGJS04fVTwqnrOVVYl0
J5pt7K6mHpKgtueifICljja/XEbQDnVPYKAgEg9Qz9iZvmqfm+BHS1MqrztyVKVOkuNpA3spC
mwVb7XufDrfDxQZPpZn3Xx1zZuJSVZi86+Hx6lqZ9AoBaS8iYTTmZCu2pUk3D3ueGmWgTaprQbk6mMHR
OuiuQsicAXOB7ip5n2BUAzDh0mn5RiVE4xKDhKzlQ7TIF2SVhJHczaUYWXHO+qUtqGZNbKTMThlr0rt6HPB
3mXIWXMt5mkJmrnPyFmxTHQPNxbDbnUbt7BSUuXZ24dbvcdN5Y3F8a7KmNDkMS6I6d2ssSVZmnW1T3u
qP7rzGHEugt6W3lXIvptuq97W0Chikxigo3jrnX44K084oB3lRaSzPRpDCXdTZNSQ2QK1HlRktJPYEtenqLlS
OhHTFWMs6PWnTxtytBJ7FAKSn3CuPN1BqVOZqoD8WqP1N9DboSLKZgoJJUUKuOn2eOJzmOadFzaN2zm9
3dNBqvkgBWRx+JUVi67rqj7nmzzxQUBNShbxW+QuD/GJ4OUH4USXTMNqUo1TUj5d

a0kDPLT1/G9ZZy8iMzU1ppVFfmpiqZShdSU+5FUqxD/ACWxqWoEaQFKsdXQ2uEc8kgAqSKNkbSZM/V3
ZqXUDsu5krsiPHc4i5BLzxUr3BqW4qT3iFKISyCq9zci9hviu+2NbngPdkrrLHFI0NqAd2YPsUnyXwTzRwV4
sQXFUimViI2w+Fqn06bWKTMBCRpWG7OIWNIKbgDbxviCS0MliyND0EAqeGyPjlo5oc2m8ZV7B96meY
+KMGuUt2hQMocJBI1pKUM5Jl8xANgokyDym7G4uoFNxiBkLq43Pd/WHs1ViSeNowsY2vQPuyVDCiUm
HSkKl1qSVRkaVMry43JVA/1MuLslSAbgECwHpbGUOKuQ9awQnZXFiNejinufkiTVKPELaJUqnPPNl1uL
QY0WQlNtnGVWSNQNiAD0vviNrwCePWVK7E44iTQ/G4KZV/ixxFyNU27PU0wW0p50xukw4M1SEEDm
OpOkKURdSgPEEnYk4rts8Dhvr1khXPlc7XUaAB3VHfqic90rOnFbOI+f6lSFpoffpdWYkxW1qQrdIKgpaSrfd
JKgD44dE6KJvMBz1CjnbPM8GRw5vH+NPXUJkzU7mnhrSjMQ9IkLjKGmoMVCPUGgqx+jdaaSHEhSdQu
VEfHEjOTkNPuUTmSwtB1PQk1J4ly61lRx+Xml95MVAU4w/XjAU1tbSm0cle97dfU+OB8Qa7JuvRX2p0Up
eKOfpu0TLl3OkHMzS0yqsmlKBUwuBOqL8pqotLBCgSqytx0U2k2sL4e9mHQV9iijBe6u4cPgqeVakUKs5fjt
UmVTUtRgpK0rq89a1JtbShQSGxbqCbWI32xVa9wPO8Arz7OGjHp2/dRKeA0vh+zlNqDVczMuSn1u3gPUZ
6VMQoEpJS+yklyyUpBKDpWAMJaOVxVa3tr7FJZgxwq54z3UHimOqTcpz83FnNVIZkZNQ29DiVCDShH
qAe1DluONOLU+pI0qFykEE2IIO0g5UNrH6XA6e5Qgw4yyR1BmKjJPmUeB0bO9SYp+R5Emqy5KRJjxqn
RWkMSWG17kLkNlQCSd1JB6kW8myWnCKyinUfckgslXUgeTXuVrnsgyvn+PV4+T5uU5xSlkst16FBizli/d
0oc06iPFCE3626jFIW8YcJdUdRNFkZrtJILRQ9BAqVO+B/Byju5mqcHMGXq+2mnLCRHn5nQl1Lmm6ldw
FLrCkkBJvcWUDcdKtotD8IMbhn0fFCp7JZGYy2Rpy4u+KhHcWBw94d15MT5jbpC5YCnXI2dUxW2iruAq
BbUEE7dOux3uTggdPIK4q/s1S2llmjdQNpX+fT2JXk1ymQEvSqbLyvmOItIKkzM4vyw2VJ7ySElSFEi4BIBt
4HwbIHHJwIP2QFJCWDNhDh0uJSHMNDiIisxmMoR55cKUaaHNnOrhJBvqUiwsjYJGlKtPw6OY41qXd9E
ySNtKBleonJVfSaVWKLXC9TqfXGIxlkrU3HmzuWs6mgNFyQsbg22Cb3AscXy5hbRxHqCxYjkY+rAadp6
NFM830unLyjKlZvnV6OtaVxnnWcvPMNxloWSFImDWgJ2SdyLarFIIIxVjecYEQHf7FeljbyZMxPDT25qOQ
8j/ADNLRGTVuIUiQ7b3YV+jRKhTglQGkpc0FSRbSdRNtwLYlMuLOjewkFQiINIYC6v84VB7VPq1lHKkP
KSZzlTz3UswFhTjwy5TxHQt1tOlDTgUgtp0iw1gA7C9wAMV2yS4qUaB0lWJIYgzFVxd/NFNN3BVVW6H
HkQULGb8yw4jpQJgrMenqDZUbJYW4BsSTbUe78MXGyGvojsqqL4eb6ZA34g3u+MlFuIuUn8xNCJQs0zF
R1I0FuTX0PoWqx3HKc3NgO6oEC43AxZikAze3Pq+5U54S4YGPNOFQfaoZFyq7T5UuK1mt6DVI6LSGH5
brKntQ1XUrdJ3va9+tr4nLwRUtqOhUmxva4tD6HeDVMtV4UxM1ISir1xibJacK4rEeshbrptquEBAJX18PvOH
CYj0R6lI2J7KnEDXq9yaqHmDKOXVPu12gO5ipL6rtuU2pONgpSr6jjS0NhW+x038yAcSPErvQNEQMhaef
Uu7fH+ClnEKNkHPWWmY2WqbLypVm0FCESklJcSBfvKB5Z2vYLO9uoOI4uXYayGo6EyZ1lkFI20I3Hf2
8VUeY8pT4sCQzSnaxMnOM3deCHmtLXRQLgUSlHnsAfO2LdQRmks9oIlDnaDoz7lAqhlebfmttIbWlWoIZs
tCja1rpSLmwGHYSr0duiPNcag7zkfWVpHnOsSEpcbLTydiFCwNvj44dVD4mltWmoTzlbNszLnujsd15h1tWv
Uk2Jvv+NzgIBFCqs8IL3OHxT3KzMtcV49enaaon3SWpepEptIDaR0spFxpv5pB3vsb7Qujpk1Y98f6R1+P4p2
GW5z60odMZcXoVNDmBQvY2sDff+XpfBiGqpmJ2h0TDmzhnHqEhJ5AVyu83IUNCmyD1Sobg+Nr/DDmy
AjnKSGaezuJicQPUVBOJ+Va7mOSqoqTHrjjwI5xb0Pm1+ugDV4/WudzgDQ3JqzthvSNxDZnFvrHrrTsoqvk0
dSHXdehpQueXcg38RYjBRbKy0AgUz6UlMQrRs2rvDy64Qiqn5QDejdKVNKLba9dtgCVafUfZgIrmmVIPO
OS2j1RUF+PIb1IU2NOuw+t01C997H44achmjk61b2rRE1C4/KUVI0IUAQm6gdrX9NhgqlMZBxDinugZmY
plFkxl02NIkuhstyua4lyOUkG6AlQSdXRWoHYm1jvhwByzVWeHE4muRTlOzqvMdQktKYjFUlC2nZUhPO
Uy2o6lWUoEpur862oX2OA03KrDZ3QgOLtaZcT/Dhqk9FqVA+bEtyKZLTNcWsqdiytKVJsNKAhSSAQbkk
G5tbx2ACDkppmTbiDTj7U+CLDoIC6lUvnOc/AbLDaHzpiXUNTTqxeywkEFAuE6iTc2ABVY9+NwwxMA
aTqM+0DJGUzPSZtZnohTGaZEnoTEcbYC162y4i9tQKykFCVW67WwZHXcmS2V0bc266104+KmNPygqT
w0qSY9PjZlraGm5DTsUvtopEQOHU5IQEBKnHnFpbF90XTpJuCIHOIdmaDxUrWxaN3Zkjd1cdelSeDmnKe
RMvrpdHTJrVYd1KqUuW2mK4t5l0L5bOpC+Wm6SohwKUrRdQQTpw3A95q7IbqKCR4Y6rQRxrrRR/L1Ia
hzILmaoFWlU2TVVzZNQZWZRqrNkrUnULpUoa1FRK9gSCATu6QktIjIrTLoS1byjXuGW/TdSvX96j/ABC
4iU/Mk+T7wZ1ThvzVuspdUqOhi6hqtpvc2TpB09DskWwscZa0UyKnixh5pprrnn0aKLvZhh0nJUFMFpSZnO
kKfkG41hYCQ0k9bBIPWx3PntKAQap5jMspa4U0+CmCNmtS1ympTkssSgA4G3dGrSSU7fVNib7ja5ta+Eq
Dmrxspa0cnTLoSUTSBYSJAA8nlAfZh2Sdyf8ANHcFJXVsKWtlx0pUq6gEkKsem/e+3piOy/mGdQ8AsZaA8
TOe0bz4noSaTKCZnJ96R7s1snXI0kgeJA6X/DE9UjGHBjw849HvUjh0ak1VCfeZSqNJAGp5CHHg4na10JFw
B574HFUGSTB2Ec5vTTLtThWI+V2EH3auRam+lN0obhuI17eJUbD7SMDXE6hMMVpbuIHWmKK3BqEJt
YSGZKHP2pNMWtsC9rFVyFXBHS2BTP5WM61BH1wD93anWNU0oPLdQuOi1tKKJdKj6BatIPqThTWms
qCJpdiJr/8AYKjuCbVVWcirtPx4r9kBLadTbbRB8knT1ufLCGu45En2+1SumOVsPr9lVTpntVFuO
yoOrQuQwhZT5JsAb3/X0wgWOl+StFvb+Wbr4mPsLBGCu5WmxQlmCRw45En2+1SumOVsPspntVFuO
yoOrQuQwhZT5JsAb3/X0wgWOl+StFYyOj0vvUxpHHGZk9pNOocirRm3yVllystAXO4upsm/AQ4upsm1/AqxA+zgmr
vBW7NaDhyAA40J9yJmcSMxzWHfn6ot1WG69/Wb2Y1hKU+AJSkIPxv5ADNoonS2lkgwYq/sk+BS
Nqqu5zafgRKJSoK2ClxIVWyzqRewKFBO6R42N3933lOD1eXqllSW3JNTyrDRHaUlstpaZ
DSFgFf0qXUrIV1IvY+WGktdbg9r9r9b7emJRG3eA
m/KDQYa14fAUgc4pQElyoSMu5YzHUgjQ9z50uUoXH1ygOXuLHYqPUWtiPknHmtcQOpPa5rHh0jDzuJT
VPrDudagy6zTGstsIH0a41Be93B32Xq5hcCrkaVXw4UaKEkptKuxAN6sXxn0reXNiV+mPSI1eovv8EIWUjL
K45eNxdCHN0hYG9iEg2HrgaHVpTJJI2Joq/Indi9wUukxnJrtID1TzBPfp73vLL1PgqiKbJF9SS0jQD3bXVe+5
OIS2lcvaiO01eHtp1eKk0BrP8AxbhtvGqZjq9CltEB6QuD7w1uQApICFn43BHiMQjkotwB7VZl5W0A50HQa

+1R2u8PGuGFSYqEBvNdPr0Ih9iQmZHYUFnuXQoub31EFOmxHhvtKJOUGF1KKJuKKjmGjun7v4qQMcT
ZdSo8U1DMeeKXmBsn3gO5lWEPpAuhQQ1y9OygSb2uLX3xH8naDkAW9SkdeLyKNri36n1Ks+JWbXp2a
YstyrVKphslkSpkx2UqKlQPcDqlq62voKt9ji5ExobQCiovdNKHF5J0yp7Papzwt4lUKJAai5oyhwwzAygJbYm
1GtyafKWm1vpUJLjSiRbdKU/A4o2iCStY3ketZew2uBzAx0WfV7dUrzrxIoTlODVL4NZMfppJDkyFIlT0Rk
AhSdKtCBoIPQaRZJF9sNihkrzpD4Kae1wkEsbzvjeoa1lpNAq4eo7tHPvSTd73SoxyO6dTRClqbHcvc6/G1h0F
gGvpexUZn80htT1/wVicF+HsiLKaqkfK9daDDqmW+Vk8KbfRtrB1qCUkLBCTuSLeoxXnkaebiHeprLHMOe
9pI7PaVNs5cUM2ZbhLi0OE5R5a0qU+zPy0mOuShJHdbUCkEi/RQULnqLi9eOGNxq417VaktL42mjezRM0
LgBxCcnzqtQaDUZjlUSJMyK5S4kJ6SooBOlJXpVvuUlIBIuNziT5VDTC80ppmVXdYpy6rd/Vp7e5N+VuJV
LkqqEDN+TM11NKngwWqTUYkdbACUqKShLaTcLsQtDgsCLbi5fLE+gMbgOuqjs8sLXEStJPQN3cpxVO0
DlbJ1ERHpdD4iUz3/THCl8QGUgqI2WsPqeSOliopSCTYm+2KrbNK41cWmn833UWRda4W0DA6p6fYVEx
mDLKJMh7MmTK1mR1byZ9PmtVdESRF7uktLLKQ2sp0khbYGoGxFwDi1gkoOTeBxyr4rGGeAPPKxk14Z
eGSes05/wAgcfCU1Q0HJlWobzZXJrdWflyJrDYQQkKKGgtCiNKjr1ixsQesLY5oNKuB4DT47ldc6z2rnUA6
Sak/Henets5RRHpsuPSeH9eTZAXLjxag88wlSgFOtKtqUAlRVpSvcA2viIGQ1BJHRkrGGOIBzWjdpVOMDI
eR6rm9Eqg17LCpUEh1cSBlaoVJicFiyeazKV1GnUlTZSRud74YZJQyjmnPpA8E9rIXSghwNM6UJ8fYmLP/
ABV4m5Hg1f5qyNSmsnsa1qnMZXLQWEghTi463yppPiFKTuAPDbEkUMD6Yn87r9qitFotDAcMYw93ami
ms5mrawwmXmiFS66lt9Edv5tp6wpaAlSk/shPMSpBNgU332tveYiNvOyJHWfYqYfK4YBUA/ZHtT/Q6zHy5
W5GW83Rs7iskInxn2q3DhuONtufROIWUB0rR1KVOL0+ZTiJwLhjjIppoT9ynY4A4JWmoz1A35fFVZdL4v
5zoMluoTa1m2pUblLSTNzfAZcI1DQtt1tu+sDqlwC97hWKhgicMIAB+yfjuV1tomBxEnD0uHs9qZoHHNrN
GZYzeX4U3Ls6ahb8eoTM0JkwJT6LIc1JhqWVrI2usavjbDzZi1vPzA3AZ+tMFrYXgR5E7ycvVv60h4jcbs7c
Kcw0997M1IzLQXAoPN1RyUunxFFV+SsOONhalblJ0lJANwSLYfFZopGnm4T0UqopLTaI5BR2Jp6yB6woJ
TplMdjSY0LP8PLbsl4qiQ6WmQuJEcUslTaWVqd2F+iQkkXtawxZIdkSyvSaV9ipBzA4jlMPQK/enWk15qLT
C5U6nTjPp6VRn0ro0stoF7alKDtuWq4sbmwUOm+EdGTkBr0j3JRO0Zk6ZaH36J/4eZDzHn6ZCrrEFMmiPo
DJ5NDbPvqFBSdbKlOrUtKTYqSoAbbgjYQSSxsqyufX45K3HBLJSSmXV4e5YzbwbrfDWVTmE5bp5gViQ
EuuyMowYASmx0/TpUUpXfoVlA36Em2HR2hsgJLsx/OJ9SZPC+IgBuR4tA9f3pizh2Uc1V+uyXJWU6NFYk
tXbQjkNFC7WutLatGq1lXGne+JI7dG0UDiqtou2eR5LmDPpHsVXZ1ydmLIdc90qMiFDDVyhfujS2myALrD
qEm53ttcXGL7JY3irViZYJonYXZdiZ3JUyhNuJYn1ByGlK+V7tVWWUJbue6G9SgEDwt5WtiUUdu9Sifiade
zJRLM2X5AmGRFLKHQAJDkyYXg6hV7EagUm9wbpPniUOUTTq12fV70nqWZ0ZgTFg+9waDMhFKEyq
eCFPjoSVBRCtwDYW+GAN1IzqpmnAQ5zMhlw71pSgzDbejSW63PASRzZMhhltCrg3Snqdum+172w6r9yil
5F/OyB7Uz5opcKXz3YcRxaFAqbStWoqF7WBF0KIBt1F+tsPxHenwuLT6VB6+1RN+kuRtCmG1oA3Lbtgk2
6hJJuPt2+GFpwWQbO11Q89o9uX3otVUHuSQCpLqFizZFiRc/y4RSCE467jvUnyhxOnZTqS1tSX0KecSp9Y
75dG99aTsoWI2OEc1rhQqm+zu9Jis3JHFKnZnqKYshMKNICArU8uzbl1Hpe4QQLGyrjfY4ryRkZhVxHhGJ
wVgVPKUWdFSuK4hp6UlvSAUhLwIB1agSAjrYpO9vLFdshGqmks7SObkSofm/s5wc1ocCpNPUUDm8wLI
dQAAdOyRbrYDvXIxM20/WCSKKWA1geOrd3KneJHZ8qmU6YHYE5dThtKAcjIVofaJBJAFrKG/UefTEz
X4sgsnZ7xiLqzANcd+6qqyXILTzmvWwhKdIasUkHx2/X8cLiFVno2AgUzPHVJXWGVIJCydum9vXfCFgU
wc/eEnb0vu2NxfbCAAqY1AR8cNtRSsqSrQoptqsbH+TA3SqidiLqIGeFyVJj9FKsL2JO2FGqTkubV6OiS00+
MsgqUVCxSLeBHj4YPRCY+MyOAO5OaKg/NiMylOshkLLKwsXKxsdKR9YWG1x9+HVJzVTkmRudEAa
65eJ3a7kgjuqYWEoUnSb/U+qbG43G5ufP4YYAVZcA4VI79fcppRs2P02lSGU1uOnnMpbdQEqLjgSsBKAV
d0JAJINxbSQLXBLjnqsPJAC7EGkeHXlv606ZRzHRoGh1mm8x1lK5j7qnrvENaT9AokhLijvq0qUbmwSN8
Mcw7ilPK5tkoa0GeWvx8aJ4zPxDfzVVqiibSpQps1KVxI7TykuRkKUs93WVFalqCiSokqA+sLWwNZhGRVc
MDsLmkVz6u/hn3neq4l5ppLzzTeioM6CVKdDqXULUT3dSCBsBtcKv92FLs1lY7HJgrlXu7uFU3ymmnSWm
X1TIzTSltCwuoEajt0Bvc9Sdh64BmFPiINaYSSB7PjctpvzTUpEwrEqG+yNTSWG+ewbBAsbkLQL6iVXX1A
t1OIzWtKqaIuEYrv7NTWncmstN32DZHgeZb8L4fkn4j8BWPQaJFq8tHPaSpOo921hthbGByDOoeC1a9LTJF
K/Ad58UpVLXlauykxOWGzdXLcbStIKTtsR64sEBVGfPRtL9QrG4erXWGmn3nFcxxN16AEczYmxsNxt0wy
QUGSxhHzrm7goXnfJcKm8uQ1zkrlqK1jmG17jpiQaVVyx2yRxwGlAOCc6Hwqp0ykMTFvTw64Ek2e2GwPl
fr64YUyS8JOc2gyPBN2ZIDmWAWoU+pNNJbdOj3pek2J8L+mBwGqkss5kJDwNRuCVUKiRp1KSl9oPJm
DU7rNySASLK6j7DhX5CqifM9sgDTSlViFQYTNLqjqYyAphLejvKOkFekjc+I+3DK84BLyr3auSClvNSqc40
IkVptDhUEoCtjsL7k+Zw8HOikljcCHlxJISuHPfy+uLPhuqZcgvLUlFgtDl9IIUFAkgg+YxFNphVqwjnuJ1p3dy
lTnaizdmCqCK3Jg0yOz0bhQ20JVc2N9QV9wtiuyyxjNWJrS8gKXN5PicUMt1Oo14fOMpuG6ltSm22w2UoC
0qAQlIJBJ63FvDDRIWENbooQ2ruVGRpuVZO5fGV5s2JClPtRGpBUWeW0ULI237l+nlbF0NxGqqT2ioIe0
OOlTUnxVx9m7h7TuJ+ZakzWQ/IiwGWpseO24WW2XFKWhVgixsUpGxP8mKFsldE0Fh1Vi7Y2WjEJGinQ
p/xD7PmXsr0Nyo05VahyGAVoDdVkaAQbdCs7W8MVYrS9xo7wWQnssUTKsC5W43VEZYz0YcZhvQlIJ
WpxzWv1NlAXuSb2vjJwOLhmVXissZaSc+5MFClOMRI9TU9Kedjy2gWnJTvLdFwbKAUDbcjYjY/biRwqE
5lBLyYAAPAAcehPef8yxaTUpLMSg0aNpSpQW2l4LuRe9+ZiJrcqnNJG1zzhxEdVPGlU25a4sScmU2Q8
szFS0svLE6ltSQLgApSVglKdr2BG5JwPvvrkyRdyR+Z73RkE8UzZk4fHJ5yNUKdYW6XHVvYAvfpTwnHvxB
dB5ZUDYDxxULAx2XiU+Z73RkE8UzZk4fHJtNMCDW623ClxlLeZDjSUu28FaWxcbdD08LYmY4ONSBk
qM0hZpvWnZdyrS8wS6hFqNPjz0X0JW6V606+pBBG46gnodxh1rc5gGE0TIgJDieK1yVl8feCsPsz5My/W8q

VnMUR+rT24zzDkwLZSg22TZIUPrH87FKzzGckSAZLI2iBkGEx6u17BVW9TeHlJkPtwZLMqY3LjupdU9N
fUpYHX8+2/jtikZHDMbugK22zxk4SNRxPvVF9pmvVfg/numQKXmHM70BTBUiPLrUp5DOlzQkJ+kBAC
QBYk4yVhjZK0lzRXqWIvK0yxvDWONFXkniI/W6tTGahCjVFc+U0yp+U/JdeaSVaSELLt0iyjsNumJ3RBoO
HLJQWeZ8hBeanipB2tabSuFPGCDlal0WnKp0hTF3JBddkJ1K3ssrv42+wYr2Rznx8o45rJzxBsjomkgAIhWQ
4SINYr91uVBp1uOgvIbkISFKNzZxKrnujc+BI6G2Ji7RvRVYqBz3ZlxyIT5wpzk9xFdh02ZTsuRWZKnOYuF
Q4cdaglRABKWrEbX3GIJI8FXAnvKyRfjIYQN+5LMzZGo7qJEZyAlXuM5IStL7rZc1rUF6koWEEq0i5CQR
ba2Fa92RrqFTIAq0Den7i6xE7POT4MOhwm5UPPFI95msVN9+Y3FcBslUcLc+jIJJvubk3JG2IbPWd5Lj6J3e
1XrW4RMo0A4hvVIZO4t5kr0V+G/WagIjDWhLDchbbXL1D6PQDp0bna324yZgj9KmaxFpnkjoxpyK6/7KP
CDL2fc356pdWge+IoVQissyHHnFPvNuR0O6HFFViELWrTYAgKIucYC12iRoaWnX3rZ7HY4nAhwqnHOv
CiiCHVByJRXFaJZWua+5y9JAA0qWUKFidlJOGxTONOlLLAyh6OkqgJMOFIgQNFNpzERcgQ1wm46fdV
pNrq5argLJ3JTbGTYTnUrB2g5tcmDhRGp/ESmVtuRRqLAfgPMKjSoEJDD7BKtJIIBBJB8QemHSAsIIJzUk
Upe12POlEZFr1WpecUwDUxMZZZVpMumQH1eNh3mCNtI6DxPnhxjbhrT1n3pY5HOGLTooKKY0ztGZrr
HZ3iVlqVApk2l1NyOkU+mxozL6O+LONJRoVunVe1yd/K0DLLHyxac69JU1otcghDxl2dCN4e9prO3EESkz
60bMth9ATGZUArVp6LSobgnw8cOnscMbQWhUbHedomeQ92g4BdJdhbhxRe0H2ZZGda/AjituVqfBWYra
WmyGeWUuBNiUrJUblJA6WAxiLfM+G0ciw5UC2WwWOKaz8s8ZlXNA7KmVxCfSy9mCJoSBdiqvIJAB
NuvTw28MUXW6TKtO5XmXbCBlUdpSbsU5KomdeA9NkzaVHLjzq2lpbcdS33Vkako16UE7khASCSTbCX
g9zZjQp91xsfZw5wXNMvjHNzvxml5QcgwIFNXIkNJciuSec3yUrKSNbqkXOgA3SQQTtvjLtgDYxJWpy4e5
YN9oL5TERQZ6V3dqiUvixUZy0R5jMWZGYtGS0suoQUkeOhad/w9MT8g0ZjJUnWp55rhUab/YVM4TdNp
HDyHXIFEpUKS8ytLrSEOLac0XKT9ItSknz0qF8ViXF+BxKusaxsQkY0BVvlfjNIrcmXGcoOVQykBwhVM
S8SbjxcKinqfqkEeGLboaUOI96x7LTjLmlrcuhQic+46xJS04uIzIkIUpmOeW2NS1p2A8gOvXzJxcaViJRSrRk
K+9Qd7K5zhFd98qFQ7qyE6C2CnSbCxKCR0HTFkOpoqnKYDWleuvvROWIjIWY7zZkpb0rSpxxYIJOknuk
DoOtr4ca1qkL6AUAUtzNwyy+rLrxRSozDzneU80VJcUdZAuq+/QGx8cVo5HFwzV18jhFluVfQMuR5NYbZ
sG9EVTyFtttpWhSVWHRO/Xxvi440rRV43Ocxr3HU0ULlTFVestRpCW3G3kq3Ke+2eupJ6g+nT0w8hWo28
nG6Rmte/rUXiSFuPyElR7ilJuNiQFAb4aFmHsADT0DwTtTXVpDCwpVyFXF9iL9P8vPDwqEzRzh1Kd5A4o
VzLAlxY05xUEPICorv0jKt/wBE/VNgBdNjbxxGYWvzIzVOWQxxgt3q/KlmaTRafSFMhkpqUVLjyHEBabr
QVm1/Ukb329d8Y5rA4mu5SzSGMNw7wPXmkGaVNVGGlxcZhPOT30gHSe4elybdPD9WJI6hQ2ihbioudOJ
1Gh5i5b78VlDz3f1tgpKPQenob4vUBGafdtplhJLHZcNyq4NJcqrDJSkIKlI2Fthhp1W3kkROeDwKb5TaW3nA
EgBIJwjshVWmEkCqTaz7k4bnZQAxECTHVS0GMIQzpdHTfEjUP0Wyn1IJSDYLVv8AZ44aTRwHFJhBz4J
XDJdYsVKHKQopsbWvscOGtFC8AHr9iJZcUhpVj+1IGn9eGxp7mgnrRapCnVd43J2Jw4p+AAZJTSai/HlNo
S6vQs8tSSbpKSdxbETXFQTRMc0kjMZ9qs1dKj13h9DlPtp96jT34yHkd1fLS2yoJJG53cV62OJa1cQeA9q197
nQ0LD6Vajcq5qH7FkSQ2dAYc0oA8BhCs7FzmtLs6hOOX3fm8S+WlN32S2TbdPeQCRbxsSPgcOAoqtqGM
Nxbj7D7kTmSltUug0qS1qDsyOtx25uCQ8tI+yyRhjTmrEEhfI5jtAfYrTpPZ1oM2lRnlu1HW60harOItcgE/m4ix
lY6S8Jg4gL/9k=